

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервь. Анна Андреевна Ахматова
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua.
Рецензии. Интервь. Анна Андреевна Ахматова

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ

Я очень верю тем, кто описывает его не таким, как-ким я его знала, и вот почему. Во-первых, я могла знать только какую-то одну сторону его сущности (сияющую) – ведь я просто была чужая, вероятно, в свою очередь, не очень понятная двадцатилетняя женщина, иностранка; во-вторых, я сама заметила в нем большую перемену, когда мы встретились в 1911 году. Он весь как-то потемнел и осунулся. В 10-м году я видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз. Тем не менее он всю зиму писал мне+. Что он сочинял стихи, он мне не сказал.

Как я теперь понимаю, его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли. Он все повторял: «Op communique»++. Часто говорил: «II n'y a que vous pour réaliser cela»+++.

Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоим предосторией нашей жизни: его – очень короткой, моей – очень + Я запомнила несколько фраз из его писем, одна из них: «Vous êtes en moi comme une hantise» («Вы во мне как наваядение»). ++ «О, передача мыслей» (фр.). +++ «О, это умеете только вы» (фр.).

длинной. Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. И все божественное в Амедео только искрилось сквозь какой-то мрак. У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, он был совсем не похож ни на кого на свете, кроме А. Тышлера, что очень часто приходило мне в голову, когда А. Тышлер рисовал меня в Ташкенте (1943).

Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания.

Жил он тогда (в 1911 году) в Париже в Impasse Falguière. Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз в 1911 году он сказал, что прошлой зимой ему было так плохо, что он даже не мог думать о самом ему дорогом.

Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества. Не помню, чтобы он с кем-нибудь раскланивался в Люксембургском саду или в Латинском квартале, где все более или менее знали друг друга. Я не слышала от него ни одного имени знакомого, друга или ху-дожника, и я не слышала от него ни одной шутки. Я ни разу не видела его пьяным, и от него не пахло вином. Очевидно, он стал пить позже, но гашиш уже как-то фигурировал в его рассказах. Очевидной подруги жизни у него тогда не было. Он никогда не рассказывал новелл о предыдущей влюбленности (что, увы, делают все). Со мной он не говорил ни о чем земном. Он был учтив, но это было не следствием домашнего воспитания, а высоты его духа.

В это время он занимался скульптурой, работал во дворике возле своей мастерской (в пустынном тупике был слышен стук его молоточка). Стены его мастерской были увешаны портретами невероятной длины (как мне теперь кажется – от пола до потолка). Воспроизведения их я не видела – уцелели ли они? Скульптуру свою он называл la chose – она была выставлена, кажется, у «Independants»++ в 1911 году. Он попросил меня пойти посмотреть на нее, но не подошел ко мне на выставке, потому что я была не одна, а с друзьями. Во время моих больших про-паж исчезла и подаренная им мне фотография с этой вещи.

В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (tout le reste) недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением. Уже очень скоро он становится столь самобытным, что ниче-го не хочется вспоминать, глядя на его холсты. Теперь этот период Модильяни называют Periode negre+++.

Он говорил: «Les bijoux doivent être sauvages»++++ (по поводу моих африканских бус), и рисовал меня в них.

+ Вещь (фр.).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова ++ У «Независимых» (общество молодых художников) (pp.).. +++ Негритянский период (фр.). ++++ «Драгоценности должны быть дикарскими» (фр.).

Водил меня смотреть le vieux Paris derriere le Pantheon ночью при луне. Хорошо знал город, но все-таки мы один раз заблудились. Он сказал: «J'ai oublie qu'il y a une lie au milieu»++. Это он показал мне настоящий Париж.

По поводу Венеры Милосской говорил, что прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях.

В дождик (в Париже часто дожди) Модильяни хо-дил с огромным очень старым черным зонтиком. Мы иногда сидели под этим зонтом на скамейке в Люксем-бургском саду, шел теплый летний дождь, около дремал le vieux palais a l'Italienne+++ , а мы в два голоса читали Верлена, которого помнили наизусть, и радовались, что помним одни и те же вещи.

Я где-то читала, что большое влияние на Модильяни оказала Беатриса Х++++, та самая, которая называет его «perle et pourceau»+++++. Могу и считаю необходимым зас-видетельствовать, что равно таким же просвещенным Аме-део был уже задолго до знакомства с Беатрисой Х., т.е. в 10-м году. И едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить.

Первый иностранец, увидевший у меня мой портрет работы Модильяни в ноябре 1945 года в фонтанном

+ Старый Париж за Пантеоном (фр.). ++ «Я забыл, что посередине находится остров Святого Людовика» (фр.).

+++ Старый дворец в итальянском вкусе (фр.). ++++ Цирковая наездница из Трансвааля (см. статью P. Guillaume «Les arts a Paris», 1920. № 6. С. 1-2).

Подтекст, оче-видно, такой: «Откуда же провинциальный еврейский мальчик мог быть всесторонне и глубоко образованным?»

++++ «Жемчужина и поросенок» (фр.).

Доме, сказал мне об этом портрете нечто такое, что я не могу «ни вспомнить, ни забыть», как сказал один неиз-вестный поэт о чем-то совсем другом.

* * * А

Люди старше нас показывали, по какой аллее Люк-сембургского сада Верлен, с оравой почитателей, «из сво-его кафе», где он ежедневно витийствовал, шел в «свой ресторан» обедать. Но в 1911 году по этой аллее шел не Верлен, а высокий господин в безукоризненном сюрту-ке, в цилиндре, с моноклем и с ленточкой «Почетного легиона», – а соседи шептали: «Анри де Ренье!»

Для нас обоих это имя никак не звучало. Об Анато-ле Франсе Модильяни (как, впрочем, и другие просве-щенные парижане) не хотел и слышать. Радовался, что и я его тоже не любила. А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника, который был от-крыт в том же году. Про Гюго Модильяни просто ска-зал: «Mais Hugo – c'est declamatoire?»+

* * *

Как-то раз, мы, вероятно, плохо сговорились, и я, зайдя за Модильяни, не застала его и решила подождать его несколько минут. У меня в руках была охалка крас-ных роз. Окно над запертыми воротами мастерской было открыто. Я, от нечего делать, стала бросать в мастерс-кую цветы. Не дождавись Модильяни, я ушла.

Когда мы встретились, он выразил недоумение, как я могла попасть в запертую комнату, когда ключ был у

«А Гюго – это высокопарно?» (фр.) него. Я объяснила, как было дело. «Не может быть, –i сказал Модильяни, – они так красиво лежали...»

Модильяни любил ночами бродить по Парижу, й часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я, ото-рвавшись от письменного стола, подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами.

То, чем был тогда Париж, уже в начале 20-х годов называлось «vieux Paris» или «Paris avant guerre»+. Еще во множестве процветали фиакры. У кучеров были свои кабачки, которые назывались «Au rendez-vous des cochers»++, и еще живы были мои молодые современни-ки, вскоре погибшие на Марне и под Верденом. Все ле-вые художники, кроме Модильяни, были признаны. Пи-кассо был столь же знаменит, как сегодня, но тогда гово-рили «Пикассо и Брак». Ида Рубинштейн играла Сало-мею, становились изящной традицией дягилевские Ballets Russes (Стравинский, Нижинский, Павлова, Карсави-на, Бакст).

Мы знаем, что судьба Стравинского тоже не оста-лась прикованной к 10-м годам, что творчество его стало высшим музыкальным выражением XX века. Тогда мы этого еще не знали. 20 июня 1910 года была поставлена «Жар-птица». ...13 июня 1911 Фокин поставил у Дяги-лева «Петрушку».

Прокладка новых бульваров по живому телу Пари-жа (которую описал Золя) была еще не совсем законче-на (бульвар Praparie). Вернер, друг Эдисона, показал мне в Taverne du Pantheon два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы – тут большевики, а там – меньше-

+ «Старый Париж» или «Довоенный Париж» (фр.). + «Встреча кучеров» (фр.).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматови вики». Женщины с переменным успехом пытались то носить штаны (jupes-culottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravees). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию. Рене Гиль проповедовал «научную поэзию», и его так называемые ученики с превеликой неохотой посещали мэтра. Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки (например, в «Аполлоне» 1911 г.). Над «аполлоновской» живописью («Мир искусства») Модильяни откровенно смеялся. Рисовал он меня не с натуры, а у себя дома, – эти рисунки дарил мне. Их было шестнадцать. Они погибли в царскосельском доме в первые годы революции. Уцелел один, в нем, к сожалению, меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»...

Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей царскосельской комнате. Больше всего мы говорили с ним о стихах. Мы оба знали очень много французских стихов: Верлена, Лафор-га, Малларме, Бодлера. Данте он мне никогда не читал. Быть может, потому-му, что я тогда еще не знала итальянского языка.

Как-то раз сказал: «J'ai oublié de vous dire que je suis juif»+. Что он родом из-под Ливорно – сказал сразу, и что ему двадцать четыре года, а было ему двадцать шесть.

+ «Я забыл Вам сказать, что я еврей». Что мать его из рода Спинозы, я не знала, но о брате-социалисте почему-то помню. Может быть, сказал кто-нибудь. Говорил, что его интересовали авиаторы (по-тепе-решнему – летчики), но когда он с кем-то из них позна-комился, то разочаровался: они оказались просто спорт-сменами (чего он ждал?).

В это время ранние, легкие-1" и, как всякому извест-но, похожие на этажерку аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современницей – Эйфелевой баш-ней (1889).

Она казалась мне похожей на гигантский подсвеч-ник, забытый великаном среди столицы карликов. Но это уже нечто гулливеровское.

...а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни. Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск, а по парижским бульварам разгуливало в каче-стве неизвестного молодого человека еще не взошедшее светило – Чарли Чаплин. («Великий немой» (как тогда называли кино) еще красноречиво безмолвствовал).

«А далеко на севере»... (См. Пушкин: «Каменный Гость») в России умерли Лев Толстой, Врубель и Вера Комиссаржевская, символисты объявили себя в состоя-нии кризиса, и Александр Блок пророчествовал:

О, если б знали, дети, вы Холод и мрак грядущих дней...

И.....

Земле несущий динамит.

И в прозе «Когда великий Китай двинется на нас» (1911 г.).

+ См. у Гумилева:

На тяжелых и гулких машинах Грозовые пронзатъ облака.
Три кита, на которых ныне покоится ХХ век, – Пруст, Джойс и Кафка – еще не существовали как мифы, хотя и были живы как люди.
* * *

В следующие годы, когда я, уверенная, что такой человек должен просиять, спрашивала о Модильяни у приезжающих из Парижа, ответ был всегда одним и тем же: не знаем, не слышали+.

Только раз Н.С. Гумилев, когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в мае 1918 г.) и я упомя-нула имя Модильяни, назвал его «пьяным чудовищем» или чем-то в этом роде и сказал, что в Париже у них было столкновение из-за того, что Гумилев в какой-то компании говорил по-русски, а Модильяни протестовал. А жить им обоим оставалось примерно по три года, и обоих ждала громкая посмертная слава.

К путешественникам Модильяни относился пренеб-режительно. Он считал, что путешествуя – это подмена истинного действия. «Les chants de Maldoror»++ посто-янно носил в кармане; тогда эта книга была библиогра-фической редкостью. Рассказывал, как пошел в русскую церковь к пасхальной заутрене, чтобы видеть крестный ход, так как любил пышные церемонии. И как некий «ве-роятно очень важный господин» (надо думать – из по-сольства) похристосовался с ним. Модильяни, кажется, толком не разобрал, что это значит...

+ Его не знали ни А. Экстер, ни Б. Анреп (известный мозаи-чист), ни Н. Альтман, который в эти годы (1914–1915) писал мой портрет.

++ «Песни Мальдорора» (фр.).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Мне долго казалось, что я никогда больше о нем ничего не узнаю... А я узнала о нем очень много...

В начале нэпа, когда я была членом правления тог-дашнего Союза писателей, мы обычно заседали в каби-нете Александра Николаевича Тихонова (Ленинград. Моховая, 36, издательство «Всемирная литература»). Тогда снова наладились почтовые сношения с заграни-цей, и Тихонов получал много иностранных книг и жур-налов. Как-то (во время заседания) передал мне номер французского художественного журнала. Я открыла – фотография Модильяни... Крестик... Большая статья типа некролога; из нее я узнала, что он – великий ху-дожник XX века (помнится, там его сравнивали с Бот-тичелли), что о нем уже есть монографии по-английски и по-итальянски. Потом, в тридцатых годах, мне много рассказывал о нем Эренбург, который посвятил ему сти-хи в книге «Стихи о канунах» и знал его в Париже поз-же, чем я. Читала я о Модильяни и у Карко, в книге «От Монмартра до Латинского квартала», и в бульварном романе, где автор соединил его с Утрилло. С увереннос-тью могу сказать, что этот гибрид на Модильяни десяти-то одиннадцатого годов совершенно не похож, а то, что сделал автор, относится к разряду запрещенных приемов.

Но и совсем недавно Модильяни стал героем доста-точно пошлого французского фильма «Монпарнас, 19». Это очень горько!

Болшево, 1958-Москва, 1964

Модильяни как-то очень хорошо говорил о путеше-\ ствиях, но когда я думаю об этих словах, почему-то вспо-минаю не Париж и Люксембургский сад, а Екатери- [Это] Модильяни был единственным в моей 2 жизни человеком, который мог в любой час ночи [сто-ять] оказаться у меня под окном. Я втайне уважала его за это, но никогда ему не говорила, что видела его.

Общество бесконечно виновато перед Модилья-ни. При жизни он был не признан, голодал, жил в пыль-ной неубранной мастерской (Impasse Falguiere)*. ... Католическая церковь канонизировала Жанну з д'Арк. Et Jehanne, la bonne Lorraine, Qu'Anglois brulerent a Rouen...+

Я вспомнила эти строки бессмертной баллады, гля-дя на статуэтки новой святой. Они были весьма сомни-тельного вкуса, и их начали продавать в лавочках цер-ковной утвари.

* Тупик фальгьер (фр.).

+ И добрая Жанна из Лотарингия, Сожженная англичанами в Руане (фр.).

нинский парк. Там, наверно, я пересказывала кому-то (N?) слова Модильяни. А говорил он как-то так... Путешествия подменяют настоящее действие (action), создают впечатление чего-то, чего в самом деле нет в жизни.

Красная Конница.
июнь 1958

Меня поразило, как Модильяни нашел красивым 4 одного заведомо некрасивого человека и очень настаи-вал на этом. Я уже тогда подумала: он, наверно, видит все не так, как мы.

Во всяком случае, то, что в Париже называют мо-дой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе.

И эти заметки не имеют претензий характеризовать 5 всю эпоху и даже определить место, которое в ней занимал Модильяни.

... Надвигался кубизм. Первые самолеты неуве-ренно кружились возле Эйфелевой башни. Где-то вдаль притворялось зарей зарево так называемой Пер-вой мировой войны.

... На высоких беззвучных лапах разведчика, пряча за спину еще не изобретенную смертоносную ра-кету, к миру подкрадывался XX век.

К статье о Модильяни (Стихи я ему, Модильяни, не писала. Надпись на не-б оконченном портрете («Вечер»), которую непре-менно будут приписывать ему, никакого отношения к Модильяни не имеет.) Стих: «Мне с тобою пьяным весело» тоже не относится к Модильяни.

Итальянский рабочий украл Джоконду Леонардо, чтобы вернуть ее на родину, и мне (уже в России) все казалось, что я видела ее последняя.

К «МОДИ»

Казалось, что ему всегда и всюду было словно душ-8 но, даже в Люксембургском Саду, и он, делая какой-то привычный жест, будто собираясь рвать рубашку, не-терпеливо повторял: «Op sort d'ici»*...+ (Прибавить к тексту статьи для начала из черновиков о изменениях воспоминаний.)

НОЧЬЮ ПРИГОВОР
(10 марта)

Вторник: Письмо от Вигорелли. Благодарит за 9 Модильяни. Упорно зовет в Италию к 30 мая. Montale. Премия... Дописала Модильяни. Несколько слов о Рос-сии. Смерть Толстого. Пророчества Блока.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

* «Надо уйти отсюда» (фр.).

+ Все французские фразы в этой статье – подлинные слова Модильяни, как я их запомнила. Я еще запомнила его слова: «Sois bonne – sois douce!..»++. Это он сказал мне, когда находился под влиянием гашиша, лежал у себя в мастерской и был почти без сознания. Ни «Юппе», ни «douce» я с ним никогда не была. ++ «Будь доброй, будь нежной!..» (фр.).

В статью

(я никогда не была с Моди в кафе или в ресторане, 7 но он несколько раз завтракал у меня на rue des Fleurs. Угол бульвара Распай). Как непохоже на Хема. Они только и делают, что говорят об еде, вспоминают вкусную еду, и это как-то разоблачает его беллетристику, где все время едят и пьют. («Мемуары повара», – сказал Миша Ардов.)

Статья как бы пустила ростки (как клубника) и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию. Пришлось отрезать в самом интересном месте, так что итальянские читатели не узнают, как 1 сентября 1911 г. я в Киеве в извозчицкой пролетке пропускала царский поезд и киевское дворянство, направляющееся в театр, где через час будет убит Столыпин. ...

Моди писал мне: «\foux etes en moi comme une ю hantise»+. И «Je tiens voire tete entre mes mains et je vous couvre d'amour»++.

Прибавить к Моди ...а когда через 54 года в ослепительный июньский 11 день я ехала мимо Люксембургского сада, то вдруг вспомнила, что Моди страдал какими-то странными удушьями, начинал рвать рубашку на груди и уверял, что задышится в саду...

1958-1965

+ «Вы во мне, как наваждение» (фр.). ++ «Я держу Вашу голову в своих руках и окутываю Вас любовью» (фр.).

МАНДЕЛЬШТАМ

...28 июля 1957 г.

...И смерть Лозинского каким-то образом оборвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею вспомнить чего-то, что он уже не может подтвердить (о Цехе поэтов, акмеизме, журнале «Гиперборей» и т.д.). Последние годы, из-за его болезни мы очень редко встречались, и я не успела договорить с ним чего-то очень важного и прочесть ему мои стихи 30-х годов (т.е. «Реквием»). Вероятно, потому он в какой-то мере продолжал считать меня такой, какой знал когда-то в Царском. Это я выяснила, когда в 1940 году мы смотрели вместе корректуру сборника «Из шести книг»...

Нечто похожее было и с Мандельштамом (который, конечно, все мои стихи знал), но по-другому. Он вспоминать не умел, вернее, это был у него какой-то иной процесс, названия которому сейчас не подберу, но, несомненно, близкий к творчеству. (Пример – Петербург в «Шуме Времени», увиденный сияющими глазами пятилетнего ребенка).

Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому, себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен. Я никогда не слышала, чтобы он повторялся или пускал заигранные пластинки. С необычайной легкостью Осип Эмильевич выучивал языки. «Божественную Комедию» читал наизусть страницами по-итальянски. Незадолго до смерти просил Надю выучить его английскому языку, которого совсем не знал. О стихах говорил ослепительно, пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например к Блоку. О Пастернаке говорил: «Я так много думаю о нем, что даже устал», и «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки»+. О Марине: я анти-цветаевец.

В музыке Осип был дома, что крайне редкое свойство. Больше всего на свете боялся собственной немоты. Называл ее удушьем. Когда она настигала его, он метался в ужасе и придумывал какие-то нелепые причины для объяснения этого бедствия. Вторым и частым его огорчением были читатели. Ему постоянно казалось, что его любят не те, кто надо. Он хорошо знал и помнил чужие стихи++, часто влюблялся в отдельные строчки, легко запоминал прочитанное ему.

Любил говорить про то, что называл своим «истуканством». Иногда, желая меня потешить, рассказывал какие-то милые пустяки. Например, стих Малларме «La jeune mere allaitant son enfant» он будто в ранней юности перевел так: «И молодая мать, кормящая со сна».

+
фию».) ++

Будущее показало, что он был прав. (Смотри «Автобиография»)

Например:

На грязь горячую от топота коней

Ложится белая одежда брата-снега... Я помню это только с его голоса. Чье это?

Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на «Тучке»

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова и хохотали так до обморочного состояния, как кондитерские девушки в «Улиссе» Джойса.

Я познакомилась с Осипом Манделъштамом на «башне» Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком, с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с ресницами в полщеки. Второ-й раз я видела его у Толстых на Староневском, он не узнал меня, и Алексей Николаевич стал его расспрашивать, какая жена у Гумилева, и он показал руками, какая на мне была большая шляпа. Я испугалась, что произойдет что-то непоправимое, и назвала себя.

Это был мой первый «Манделъштам», автор зеленого «Камня» (изд. «Акмэ»), подаренный мне с такой надписью: «Анне Ахматовой вспышки сознания в бес-памятстве дней. Почтительно – автор».

Со свойственной ему прелестной самоиронией, Осип любил рассказывать, как старый еврей хозяин типографии, где печатался «Камень», поздравляя его с выходом книги, пожал ему руку и сказал: «Молодой человек, Вы будете писать все лучше и лучше».

Я вижу его как бы сквозь редкий дым-туман Васи-льевского Острова и в ресторане бывшего Кинши [угол Второй Линии и Большого Проспекта; теперь там парикмахерская], где, когда-то по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки». Никаких собраний па «Тучке» не бывало и быть не могло. Это была просто студен-ческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем. Описание five o'clock на «Тучке» (Геор-гий Иванов – Поэты) выдумано от первого до после-днего слова. НВН не переступил порога «Тучки».

Этот Манделъштам был щедрым сотрудником, если не соавтором «Антологии Античной Глупости», которую члены Цеха Поэтов сочиняли (почти все, кроме меня) за ужином. Лесбия, где ты была... Сын Леонида был скуп...

Странник, откуда идешь? Я был в гостях у Шилея. Дивно живет человек, за обедом кушает гуся, Кнопки ль коснется рукой, – сам зажигается свет. Если такие живут на Четвертой Рождественской люди, Странник! Ответствуй, молю, кто же живет на Восьмой?

Помнится, это работа Осипа. Зенкевич того же мнения.

Эпиграмма на Осипа:

Пепел на левом плече и молчи –

Ужас друзей – Златозуб.

(Это – «Ужас морей – однозуб»)

Это, может быть, даже Гумилев сочинил. Куря, Осип всегда стряхивал пепел как бы за плечо, однако на плече обычно нарастала горка пепла.

Может быть, стоит сохранить обрывки сочиненной Цехом пародии на знаменитый сонет Пушкина («Суро-вый Дант не презирал сонета»):

Valere Brussoff не презирал сонеты, Вейки из них Иванов заплетал, Размеры их любил супруг Анеты, Не хуже ль их Волошин лопотал. –

И многие пленялись им поэты... Кузмин его извозчиком избрал,

Когда, забыв воланы и ракеты, Скакал за Блоком, да не доскакал. Владимир Нарбут – этот волк заправский, Облек в метафизический сюртук. И для него Зенкевич пренебрег Алмазными росинками Моравской

Владимир Пяст.....

В метафизический сюртук облек Владимир Нарбут, словно волк заправский Скакал за Блоком, да не доскакал

В метафизический сюртук облек И для него Зенкевич пренебрег Алмазными росинками Моравской

Вот стихи (Триолеты) об этих пятницах (кажется, В.В. Гиппиуса):

По пятницам в Гиперборее, Расцвет литературных роз... Выходит Михаил Лозинский, Покуривая и шутя, Рукой лаская исполинской Свое журнальное дитя.

2

У Николая Гумилева

Высоко задрана нога,

Для романтического сева

Разбрасывая жемчуга.

Пусть в Царском громко плачет Лева,

У Николая Гумилева высоко задрана нога.

3

Печальным взором и манящим

Глядит Ахматова на всех,

Был выхухолем настоящим

Ее благоуханный мех.

Глядит в глаза гостей молчащих...

4

.. .Манделъштам, Иосиф, в акмеистическое ландо сев...

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Недавно найдены письма Осипа Эмильевича к Вячеславу Иванову (1909). Эти письма участника Проака-демии (по Башне). Это Мандельштам – символист. Следов того, что Вячеслав Иванов ему отвечал, пока нет. Их писал мальчик 18 лет, но можно поклясться, что автору тех писем – 40. Там же множество стихов. Они хороши, но в них нет того, что мы называем Мандельштамом.

Воспоминания сестры Аделаиды Герцык утверждают, что Вячеслав Иванов не признавал нас всех. В 1911 году никакого пиэкета к Вячеславу Иванову в Мандельштаме не было.

Когда в 1917 году Вяч. Иванов приехал в Петербург, он был у Сологубов на Разъезжей. Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной подошел ко мне Мандельштам и сказал: «Мне кажется, что один мэтр – зрелище величественное, а два – немного смешное!»

В десятилетия годы мы, естественно, всюду встречались: в редакциях, у знакомых, на пятницах в Гиперборее, т.е. у Лозинского, в «Бродячей Собаке», где он, между прочим, представил мне Маяковского⁴. В «Академии Стиха» (Общество Ревнителей Художественного Слова, где царил Вячеслав Иванов) и на враждебных этой Академии собраниях Цеха Поэтов⁺⁺, где Мандельштам очень скоро стал первой скрипкой. Тогда же он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про «Черного ангела на снегу». Надя утверждает, что оно относится ко мне.

С этим черным ангелом дело обстоит, мне думается, довольно сложно. Стихотворение для тогдашнего Мандельштама слабое и невнятное. Оно, кажется, никогда не было напечатано. По-видимому, это результат бесед с В.К. Шилейко, который тогда нечто подобное говорил обо мне. Но Осип тогда еще «не умел (его выражение) писать стихи «женщине и о женщине». «Черный ангел», вероятно, первая проба, и этим объясняется его близость к моим строчкам:

Черных ангелов крылья остры, Скоро будет последний суд,
И малиновые костры Словно розы в снегу растут.

+ Как-то раз в Собаке, когда все ужинали и гремели посудой, Маяковский вздумал читать стихи. Осип Эмильевич подошел к нему и сказал: «Маяковский, перестаньте читать стихи. Вы не румынский оркестр». Это было при мне (1912–1913). Остроумный Маяковский не нашелся что ответить, о чем потешно рассказывал Харджиеву в 30-е годы.

++ Цех бойкотировал Академию стиха. См., напр.: Вячеслав Вячеслав Иванович Телом крепкий как орех Академию диванов Колесом пустил на цех.

Мне эти стихи Мандельштам никогда не читал. Известно, что беседы с Шилейко вдохновили его на стихотворение «Египтянин».

Гумилев рано и хорошо оценил Мандельштама. Они познакомились в Париже. (См. конец стихотворения Осипа о Гумилеве. Там говорилось, что Николай Степанович был напудрен и в цилиндре: Но в Петербурге акмеист мне ближе, Чем романтический Пьеро в Париже.) Символисты никогда его не приняли.

Приезжал Осип Эмильевич в Царское. Когда он влюблялся, что происходило довольно часто, я не-сколько раз была его конфиденткой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, красавица-художница. Она написала его на синем фоне с закинутой головой (1914?) на Алексеевской улице. Анне Михайловне он стихов не писал, на что сам горько жаловался – еще не умел писать любовные стихи. Второй была Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи, третьей – Саломея Андроникова (Андреева, теперь Гальперн, которую Мандельштам обессмертил в книге «Tristia» «Когда Соломинка»⁴). Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском Острове.

В Варшаву Осип Эмильевич действительно ездил, и его там поразило гетто (это помнит и М.А. Зенкевич), но о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слышала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила.

+ Там был стих: «Что знает женщина одна о смертном часе...». Сравните мое – «Не смертного ль часа жду».

В начале революции (1920), в то время, когда я жила в полном уединении и даже с ним не встречалась, он был одно время влюблен в актрису Александрийского театра Ольгу Арбенину, ставшую женой Ю. Юркуна, и писал ей стихи (За то, что я руки твои и т.д.). Рукописи якобы пропали во время блокады, однако я недавно видела их у Х.

Всех этих дореволюционных дам (боюсь, что между прочим и меня) он через много лет назвал «нежными европейками»:

«И от красавиц тогдашних, от тех европейок нежных, Сколько я принял смущения, надсады и горя».

Замечательные стихи обращены к Ольге Ваксель и к ее тени «в холодной стокгольмской постели...». Ей же: – Хочешь валенки сниму.

В 1933–34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова Сергеенку Петровых. Ей посвящено, вернее к ней обращено стихотворение «Турчанка» (заглавие мое), лучшее, на мой взгляд лю-бовное стихотворение 20 века («Мастерица виноватых взоров...»). Марья Сергеенна говорит, что было еще одно совершенно волшебное стихотворение о белом цвете. Рукопись, по-видимому, пропала. Несколько строк Ма-рья Сергеенна знает на память. Надеюсь, можно не напоминать, что этот донжуан-ский список не означает перечня женщин, с которыми Мандельштам был близок. Дама, которая через «плечо поглядела», – это, так называемая Бяка+; тогда подруга жизни С.Ю. Судейкина, а ныне супруга Игоря Стравинского.

+ Вера Артуровна.

+ Намек на Валериана Адольфовича Чудовского – верного рыцаря Радловой.

* С досады (фр.).

В Воронеже Осип дружил с Наташей Штемпель. Легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана.

«Архистратиг вошел в иконостас, В ночной тиши запахло Валерьяном"1". Архистратиг мне задает вопросы, К чему тебе косы И плеч твоих сияющий атлас...», т.е. пародию на стихи Радловой – он сочинил из весело-го зловредства, а не *par d'epit** и с притворным ужасом где-то в гостях шепнул мне: «Архистратиг дошел!», т.е. Радловой кто-то сообщил об этом стихотворении.

Десять годы – время очень важное в творческом пути Мандельштама, и об этом еще будут много думать и писать (Виллон, Чаадаев, католичество). О его кон-такте с группой «Гилея» смотреть воспоминания Зенкевича.

Мандельштам довольно усердно посещал собрания Цеха, но в зиму 1913–14 (после разгрома акмеизма) мы стали тяготиться Цехом и даже дали Городецкому состав-ленное Осипом и мною прошение о закрытии Цеха. Сер-гей Городецкий наложил резолюцию: «Всех повесить, а Ахматову заточить – Малая 63». Было это в редакции «Северных Записок».

Как воспоминание о пребывании Осипа в Петер-бурге в 1920 г., кроме изумительных стихов О. Арбениной, остались еще живые, выцветшие, как наполеонов-ские знамена, афиши того времени о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком. Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пусто-ты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином Дворе можно было собрать большой букет полевых цветов. Догнивали знаменитые петербург-ские торцы. Из подвальных окон «Крафта» еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а решительно превратился в свою про-тивоположность. Но стихи любви (главным образом молодежь), почти так же как сейчас (т.е. в 1964 году).

В Царском, тогда «Детское имени товарища Уриц-кого», почти у всех был козы; их почему-то всех звали Тамарами.

НАБРОСОК С НАТУРЫ

Что же касается стихотворения «Вполоборота», ис-тория его такова: в январе 1914 г. Пронин устроил боль-шой вечер «Бродячей Собаки», не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной. Обычные по-сетители терялись там среди множества «чужих» (т.е. чуждых всякому искусству) людей. Было жарко, людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надое-ло, и мы (человек 20–30) пошли в «Собаку» на Михай-ловской площади. Там было темно и прохладно. Я сто-яла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько че-ловек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: «Как Вы стояли, как Вы читали», и еще что-то про шаль (см. Осип Мандельштам и воспоминания В.С. Срезневской). Та-ким же наброском с природы было четверостишие «Черты лица искажены». Я была с Мандельштамом на Царско-сельском вокзале (10-ые годы). Он смотрел, как я гово-рю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти четыре строки.

О ЦЕХЕ ПОЭТОВ

Собрания Цеха Поэтов с ноября 1911 по апрель 1912 (т.е. наш отъезд в Италию): приблизительно 15 собра-ний (по три в месяц). С октября 1912 по апрель 1913 приблизительно десять собраний, по два в месяц. (Не-плохая пожива для «Трудов и Дней», которыми, кстати сказать, кажется, никто не занимается.) Повестки рас-сылала я (секретарь?!); Лозинский сделал для меня спи-сок адресов членов Цеха. (Этот список я давала японцу Наруми в 30-х годах.) На каждой повестке было изоб-ражение лиры. Она же на обложке моего «Вечера», «Ди-кой Порфире» Зенкевича и «Скифских черепков» Ели-заветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой.

ЦЕХ ПОЭТОВ 1911-1914 гг.

Гумилев, Городецкий – синдики; Дмитрий Кузьмин-Караваев – стряпчий; Анна Ахматова – секретарь; Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, М. Зенкевич, Н. Бру-ни, Георгий Иванов, Адамович, Вас. Гиппиус, М. Мо-равская, Елизавета Кузьмина-Караваева, Чернявский, М. Лозинский, П. Радимов, В. Юнгер, Н. Бурлюк,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова. Вел. Хлебников. Первое собрание у Городецких на фон-танке; был Блок, французы!., второе – у Лизы на Ма-нежной площади, потом у нас в Царском (Малая 63), у Лозинского на Васильевском Острове, у Бруни в Ака-демии Художеств. Акмеизм был решен у нас в Царском Селе (Малая 63). Революцию Мандельштам встретил вполне сложив-шимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом.

Мандельштам одним из первых стал писать стихи на гражданские темы. Революция была для него огром-ным событием, и слово народ не случайно фигурирует в его стихах.

Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917–18 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская 9) – не в сумасшедшем доме, а на кварти-ре старшего врача Вяч. Вяч. Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны. Мандельштам часто заходил за мной, и мы ездили на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ру-жейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию Художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной Осип Эмильевич и на концерте Бутомо-Назваио-вой в консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта...»). К этому времени относятся все об-ращенные ко мне стихи: «Я не искал в цветущие мгнове-нья» (декабрь 1917 г.). Кроме того, ко мне в разное вре-мя обращены четыре четверостишия:

1. «Вы хотите быть игрушечной» (1911 г.),
2. «Черты лица искажены» (10-е годы),
3. «Привыкают к пчеловоду пчелы» (30-е годы),
4. «Знакомства нашего на склоне» (30-е годы). Ко мне относится странное, отчасти сбывшееся пред-сказание: Когда-нибудь в столице шалой...

2 Собрание сочинений, т, 5

Когда-нибудь в столице шалой, На диком празднике у берега Невы, Под звуки омерзительного бала Сорвут платок с прекрасной головы...

А следующее: Что поют часы-кузнечики. Это мы вместе топили печку; У меня жар – я меряю t°: «Ли-хорадка шелестит/(И шуршит сухая печка/Это красный шелк горит...»).

После некоторых колебаний, решаюсь, вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что может дать людям материал для превратного толкования характера наших отношений. После этого, примерно в марте, Ман-дельштам исчез. Тогда все исчезали и появлялись, и ник-то этому не удивлялся.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В 3-м ЗАЧАТЬЕВСКОМ

В Москве Мандельштам становится постоянным сотрудником «Знамени Труда».

Таинственное стихотво-рение «Телефон», возможно, относится к этому време-ни.

ТЕЛЕФОН

На этом диком страшном свете Ты, друг полночных похорон, В высоком строгом кабинете Самоубийцы – телефон!

Асфальта черные озера Изрыты яростью копыт, И скоро будет солнце: скоро Безумный петел прокричит.

А там дубовая Вальгалла И старый пиршественный сон: Судьба велела, ночь решала, Когда проснулся телефон.

Весь воздух выпили тяжелые портьеры, На театральной площади темно. Звонок – и закружились сферы: Самоубийство решено.

Куда бежать от жизни гулкой, От этой каменной уйти? Молчи, проклятая шкатулка!

На дне морском цветет: прости!

И только голос, голос-птица Летит на пиршественный сон. Ты – избавленье и зарница Самоубийства – телефон!

Москва. Июнь 1918

Снова и совершенно мельком я видела Мандель-штама в Москве 1918 г. В 1920 г. он раз или два прихо-дил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я ра-ботала в библиотеке Агрономического Института и там жила. (Особняк кн. Волконского. Там у меня была ка-зенная квартира). Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, в Тифлисе – меньшевиками.

Летом 1924 года Осип Мандельштам привел ко мне (Фонтанка 2) свою молодую жену. Надюша была то, что французы называют *laide, mais charmante**. С этого дня началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день.

Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из боль-ницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе. И Надя, и я были тяжело больны, лежали, мерили температуру, ко-торая была неизменно повышенной и, кажется, так и не гуляли ни разу в парке, который был рядом. Осип Эми-льевич каждый день уезжал в Ленинград, пытаясь нала-дить работу, получить за что-то деньги. Там он прочел мне совершенно по секрету стихи к О. Ваксель, которые я запомнила и также по секрету записала («Хочешь, ва-ленки сниму»). Там он диктовал мне свои воспоминания о Гумилеве⁴". Одну зиму Мандельштамы (из-за Надиного здо-ровья) жили в Царском Селе, в Лицее. Я была у них несколько раз – приезжала кататься на лыжах. Жить они, хотели в полуциркуле Большого Дворца, но там дымили печки и текли крыши. Таким образом возник Лицей. Жить там Осипу не нравилось. Он люто ненавидел так

* Некрасивая, но прелестная (фр.).

+ А тогда же он сообщил мне, что в декабре 1919 г. умер Н.В. Недоброво. называемых царскосельских сюсюк Голлербаха и Рож-дественского, и спекуляцию на имени Пушкина.

К Пушкину у Мандельштама было какое-то небы-валое, почти грозное отношение – в нем мне чудится ка-кой-то венец сверхчеловеческого целомудрия. Всякий пушкинизм был ему противен. О том, что «Вчерашнее солнце на черных носилках несут» – Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков (50-е годы). Мою «Последнюю Сказку» – статью о «Золотом Петушке» – он сам взял у меня на столе, прочел и сказал: «Прямо – шахматная партия».

«Сияло солнце Александра Сто лет тому назад сияло всем»

(декабрь 1917 г.) –

конечно, тоже Пушкин (так он передает мои слова).

Была я у Мандельштамов и летом в Китайской Де-ревне, где они жили с Лифшицами. В комнатах абсолют-но не было никакой мебели и зияли дыры прогнивших полов. Для Осипа Эмильевича нисколько не было инте-ресно, что там когда-то жили и Жуковский и Карамзин. Уверена, он нарочно, приглашая меня вместе с ними идти покупать папиросы или сахар, говорил: «Пойдем в евро-пейскую часть города», будто это Бахчисарай, или что-то столь же экзотическое. То же подчеркнутое невнима-ние в строке – «Там улыбаются уланы». В Царском сроду Улан не было, а были гусары, желтые кирасиры и конвой.

В 1928 году Мандельштамы были в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа (день смерти Гумилева):

Дорогая Анна Андреевна, Пишем Вам с П.Н. Лукницким из Ялты, где все трое ве-дем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой, хочется видеть Вас. Знайте, я обладаю спо-собностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прерва-лась и никогда не прервется. В Петербург мы вернемся ненадол-го в октябре. Зимовать там Наде не велено. Мы уговорили П.Н. остаться в Ялте из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам

Юг и море были ему почти так же необходимы, как Надя.

«На вершок бы мне синего моря, На игольное только ушко».

Попытки устроиться в Ленинграде были неудачны-ми. Надя не любила все, связанное с этим городом, и тянулась в Москву, где жил ее любимый брат Евгений Яковлевич Хазин. Осипу казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как раз наоборот. В этой биографии поражает одна частности: в то время (1933 г.)

Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде как велико-го поэта, persona grata* и т.п., к нему в Европейскую го-стиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград: Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский (Григорий Александро-вич Гуковский был у Мандельштамов в Москве) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962 год); из ле-нинградских литературоведов всегда хранили верность Мандельштаму – Лидия Яковлевна Гинзбург и Борис Яковлевич Бухштаб – великие знатоки поэзии Ман-

* Здесь: желательное лицо, пользующееся особым расположе-нием (лат.).

_____ Том 5. Листки дневника I 39

дельштама. Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпе...

Из писателей-современников Мандельштам высо-ко ценил Бабеля и Зощенко, который знал это и очень этим гордился. Больше всего Мандельштам почему-то ненавидел Леонова. Кто-то сказал, что Н. Ч-й написал роман. Осип отнесся к этому недоверчиво. Он сказал, что для романа нужна по крайней мере каторга Достоев-ского или десятины Льва Толстого.

В Москве Мандельштама никто не хотел знать, и, кроме двух-трех молодых ученых-естественников, Осип Эмильевич ни с кем не дружил. (Знакомство с Белым было коктейльного происхождения). Пастернак как-то мялся, уклонялся, любил только грузин и их «краса-виц жен». Союзное начальство вело себя подозрительно и сдержанно.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Осенью 1933 года Мандельштам наконец получил (воспетую им) квартиру (две комнаты, пятый этаж, без лифта; газовой плиты и ванны еще не было) в Нащокинском переулке («Квартира тиха, как бумага»), и бродячая жизнь как будто бы кончилась. У Осипа завелись книги, главным образом, старинные издания итальянских поэтов (Данте, Петрарка).

На самом деле ничего не кончилось: все время надо было куда-то звонить, чего-то ждать, на что-то надеяться. И никогда из всего этого ничего не выходило. Осип Эмильевич был врагом стихотворных переводов. Он при мне на Нащокинском говорил Пастернаку: – «Ваше полное собрание сочинений будет состоять из двенадцати томов переводов и одного тома ваших собственных стихотворений». Мандельштам знал, что в переводах утекает творческая энергия, и заставить его переводить было

В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огнеалом.

.....«Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня бывшего узнаю!» (Пер. М. Лозинского)

почти невозможно. Кругом завелось много людей, часто довольно мутных и почти всегда ненужных.

Несмотря на то, что время было сравнительно вегетарианское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чем говорили – не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: «Я к смерти готов». Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места.

Я довольно долго не видала Осипа и Надю. В 1933 году Мандельштамы приехали в Ленинград, по чьему-то приглашению. Они остановились в Европейской гостинице. У Осипа было два вечера. Он только что выучил итальянский язык и бредил Дантом, читая наизусть страницы. Мы стали говорить о «Чистилище». Я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче):

Sopra candido vel cinta d'oliva Donna m'apparve, sotto verde manto, Vestita di color di fiamma viva.

.....«Men che dramma
Di sanque m'e rimaso non tremi: Conosco i segni dell' antica fiamma»*.
(Цитирую по памяти)

Осип заплакал. Я испугалась – «Что такое?» – «Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом». Не моя очередь вспоминать об этом. Если Надя хочет, пусть вспоминает.

Осип читал мне на память отрывки стихотворения Н. Клюева «Хулители Искусства» – причину гибели несчастного Николая Алексеевича. Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Клюева (из лагеря о помиловании): «Я, осужденный за мое стихотворение «Хулители Искусства» и за безумные строки моих черновиков». Оттуда я взяла два стиха как эпиграф – «Решка», а когда я что-то неодобрительно говорила об Есенине – Осип возражал, что можно простить Есенину что угодно за строчку: «Не расстреливал несчастных по темницам».

Жить в общем было не на что: какие-то полупереводы, полурецензии, полуобещания. Пенсии едва хватало, чтобы заплатить за квартиру и выкупить паек. К этому времени Мандельштам внешне очень изменился: отяжелел, поседел, стал плохо дышать – производил впечатление старика (ему было 42 года), но глаза по-прежнему сверкали. Стихи становились все лучше, проза тоже.

Эта проза такая неслышанная, забытая, только сейчас начинает доходить до читателя, но зато я постоянно слышу, главным образом от молодежи, которая от нее с ума сходит, что во всем 20 веке не было такой прозы. (Это так называемая «четвертая проза»).

Я очень запомнила один из наших тогдашних разговоров о поэзии. Осип Эмильевич, который очень болезненно переносил то, что сейчас называют культом личности, сказал мне: «Стихи сейчас должны быть гражданами», и прочел «Под собой мы не чуем». Примерно тогда же возникла его теория «знакомства слов». Много позже он утверждал, что стихи пишутся только как результат сильных потрясений, как радостных, так и трагических. О своих стихах, где он хвалит Сталина: «Мне хочется сказать не Сталин – Джугашвили» (1935?), он сказал мне: «Я теперь понимаю, что это была болезнь».

Когда я прочла Осипу мое стихотворение «Уводили тебя на рассвете» (1935), он сказал: «Благодарю Вас». Стихи эти в «Реквиеме» и относятся к аресту Н.Н.Пунина в 1935 году. На свой счет Мандельштам принял (справедливо) и последний стих в стихотворении «Не-много географии» («Не столицей европейской»):

Он воспетый первым поэтом, Нами грешными и тобой.

13-го мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда, где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым. Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обе-зьяньей Палаты, последний данный Ремизовым в Рос-сии (мне принесли его уже после бегства Ремизова) (1921), и статуэтку (работы Данько, мой портрет, 1924), для продажи. Их купила С. Толстая для Музея Союза Писателей.

Ордер на арест был подписан самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выбро-шенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной, у Кирсанова, иг-рала гавайская гитара. Следователь при мне нашел «Вол-ка» и показал Осипу Эмильевичу. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в 7 утра. Было совсем светло. Надя пошла к брату, я к Чулковым на Смоленский бульвар, 8, и мы условились где-то встре-титься. Вернувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять они, опять обыск. Евге-ний Яковлевич Хазин сказал: «Если они придут еще раз, то уведут Вас с собой». Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в «Изве-стия», к Бухарину, я в Кремль к Енукидзе. Тогда про-никнуть в Кремль было почти чудом. Это устроил актер Русланов, через секретаря Енукидзе. Енукидзе был до-вольно вежлив, но сразу спросил: «А может быть, ка-кие-нибудь стихи?» Этим мы ускорили и, вероятно, смяг-чили развязку. Приговор – три года Чердыни, где Осип выбросился из окна больницы, потому что ему казалось, что за ним пришли (см. Стансы, строфа 4) и сломал себе руку. Надя послала телеграмму в ЦК. Сталин велел пересмотреть дело и позволил выбрать другое место, по-том звонил Пастернаку4-.

Остальное слишком известно. Вместе с Пастерна-ком я была и у Усиевич, где мы застали и союзное на-чальство, и много тогдашней марксистской молодежи. Была я у Пильняка, где видела Балтрушайтиса, Шпета и С. Прокофьева.

+ Все связанное с этим звонком требует особого рассмотрения. Об этом пишут обе вдовы, и Надя и Зина, и существует бесконечный фольклор. Какая-то Триолешка даже осмелилась написать (конечно, в пастернаковские дни), что Борис погубил Осипа. Мы с Надей счита-ем, что Пастернак вел себя на крепкую четверку.

А в это время бывший синдик Цеха Поэтов, быв-ший Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес сле-дующую бессмертную фразу: «Это строчки той Ахмато-вой, которая ушла в контрреволюцию», так что даже в Литературной газете, которая напечатала отчет об этом собрании, подлинные слова оратора были смягчены. (См. Литературную газету 1934 года, май).

Бухарин в конце своего письма к Сталину написал: «И Пастернак тоже волнуется». Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопо-тал. «Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти». Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. «Почему Вы не обратились ко мне или в писательские организации?» – «Писательские организации не зани-маются этим с 1927 года». – «Но ведь он Ваш друг?» Пастернак замялся, и Сталин после недолгой паузы про-должил вопрос: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пас-тернак ответил: «Это не имеет значения».

Борис Леонидович думал, что Сталин его проверя-ет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шат-кие ответы.

«Почему мы всё говорим о Мандельштаме и Ман-дельштаме, я так давно хотел с Вами поговорить», – «О чем?» – «О жизни и смерти». Сталин повесил труб-ку.

Надя никогда не ходила к Борису Леонидовичу и ни о чем его не молила, как пишет Роберт Пейн+.

+ Эти сведения идут от Зины, которой принадлежит знамени-тая бессмертная фраза: мои мальчишки (сыновья) больше всего любят Сталина – потом маму.

Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш. Женщин в тот день приходило много. Мне за-помнилось, что они были красивые и очень нарядные, в свежих весенних платьях: еще не тронутая бедствиями Сима Нарбут; красавица пленная турчанка (как мы ее прозвали), жена Зенкевича; ясноокая, стройная и не-обыкновенно спокойная Нина Ольшевская. А мы с На-дей сидели в мятых вязанках, желтые и одеревеневшие. С нами была Эмма Герштейн и брат Нади.

Через 15 дней рано утром Наде позвонили и пред-ложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Все было кончено. Нина Ольшев-ская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали мно-го. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку все содержимое своей сумочки.

На вокзал мы поехали с Надей вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. День был ясный и светлый. Из каждого окна на нас глядели тараканы усища «ви-новника торжества». Осипа очень долго не везли. Он был в таком состоянии, что даже они не могли посадить его в тюремную карету. Мой поезд с Ленинградского вокзала уходил, и я не дождалась. Братья, т.е. Евгений Яковле-вич Хазин и Александр Эмильевич Мандельштам про-водили меня, вернулись на Казанский вокзал и только

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться. Очень плохо, что я его не дождалась и он меня не видел, потому что от этого ему в Чердыни стало казаться, что я непременно погибла. Ехали они под конвоем читавших Пушкина «Славных ребят из железных ворот ГПУ».

В это время шла подготовка к первому съезду писателей (1934 г.), и мне тоже прислали анкету для заполнения. Арест Осипа произвел на меня такое впечатление, что у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету. На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака (к ужасу Демьяна Бедного), обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе.

В феврале 1936 года я была у Мандельштамов в Воронеже и узнала все подробности его «дела». Он рассказал мне, как в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал мой расстрелянный труп, о чем громко говорил кому попало, а арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда.

Пастернак и я ходили к очередному верховному прокурору просить за Мандельштама, но тогда уже начался террор и все было напрасно.

Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появилось в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

«И в голосе моем после удушья Звучит земля – последнее оружие».

Вернувшись от Мандельштамов, я написала стихотворение «Воронеж». Вот его конец: «А в комнате опального поэта Дежурят страх и Муза в свой черед, И ночь идет, Которая не ведает рассвета».

О себе в Воронеже Осип говорил: «Я по природе ожидальщик. Оттого мне здесь еще труднее».

В начале 20-х годов (1923) Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати (Русское Искусство № 1, 2–3). Этого мы с ним никогда не обсуждали. Но и о своем славословии моих стихов он тоже не говорил, и я прочла его только теперь (рецензии на «Альманах Муз» (1916) и «Письмо о Русской Поэзии» (1922 Харьков). Там, в Воронеже, его с не очень чистыми побуждениями заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых». На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре».

В Воронеже при Мандельштаме был Сергей Борисович Рудаков, который, к сожалению, оказался совсем не таким хорошим, как мы думали. Он, очевидно, страдал какой-то разновидностью мании величия, если ему казалось, что стихи пишет не Осип, а он – Рудаков. Рудаков убит на войне, и не хочется подробно описывать его поведение в Воронеже. Однако все идущее от него надо принимать с великой осторожностью.

Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах «Петербургские Зимы» Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале 20-ых годов и зрелого Мандельштама вовсе не знал, – мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров – дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Все годится и все приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями. Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой две-три книги достаточно «пикантных мемуаров» («Петербургские Зимы» Георгия Иванова, «Полутораглазый стрелец» Бенедикта Лившица, «Портреты Русских Поэтов» Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. Материальная часть черпается из очень раннего справочника Козмица «Писатели Современной Эпохи», Москва, 1928. Затем из сборника Мандельштама «Стихотворения» (1928) извлекается стихотворение «Музыка на вокзале» – даже не последнее по времени в этой книге. Оно объявляется вообще последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно 1945 (на семь лет позже действительной смерти – 27 декабря 1938 г.). То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама, хотя бы великолепный цикл «Армения» в Новом Мире в 1930 г., Шацкого нисколько не интересует. Он очень развязно объявляет, что на стихотворении «Музыка на вокзале» Мандельштам кончился, перестал быть поэтом, сделался жалким переводчиком, опустился, бродил по кабакам и т.д. Это уже, вероятно, устная информация какого-нибудь парижского Георгия Иванова. И вместо трагической фигуры редкостного поэта, который и в годы воронежской ссылки продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи, мы имеем «городского сумасшедшего», проходимца, опустившееся существо. И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т.п. Университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души лучший, старейший университет Америки.

Чудак? Конечно, чудак! Он, например, выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Ан-дрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?» С. Липкин и А. Тарковский и посей- очень ему не нравилось, когда молодые женщины любили «Четки». Рассказывают, что

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

он был как-то у Катаевых и приятно беседовал с красивой женой хозяйки-на дома. Под конец ему захотелось проверить вкус жены, и он спросил ее: «Вы любите Ахматову?» – на что та, естественно, ответила: «Я ее не читала», – после чего гость пришел в ярость, нагрубил и в бешенстве убежал. Мне он этого не рассказывал.

Зимой в 1933/34 гг.: когда я гостила у Мандельштамов на Нащокинском в феврале 1934 г., меня пригласили на вечер Булгаковы. Осип взволновался: «Вас хотят сводить с московской литературой?» Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: «Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из МХАТа».

Осип совсем рассердился. Он бегал по комнатам и кричал: «Как оторвать Ахматову от МХАТа?»

Однажды Надя повезла Осипа встречать меня на вокзал. Он встал рано, озяб, был не в духе. Когда я вышла из вагона, сказал мне: «Вы приехали со скоростью Анны Карениной».

час охотно повествуют, как Мандельштам ругал их юные стихи.

Артур Сергеевич Лурье, который близко знал Мандельштама и который очень достойно написал об отношении Осипа Мандельштама к музыке, рассказывал мне (10-е годы), что как-то шел с Мандельштамом по Невскому и они встретили невероятно великолепную даму. Осип находчиво предложил своему спутнику: «Отнимем у нее все и отдадим Анне Андреевне». (Точность можно еще проверить у Лурье.) Комнатку (будущую кухню), где я у них жила, Осип назвал – Капище. Свою – называл Запятые (потому что в первой комнате жил Пяст). А Надю называл Ма-манаш (наша мама).

Чудак? Но совсем не в этом дело. Почему мемуаристы известного склада (Шацкий, Миндлин, С. Маковский, Г. Иванов, Бен. Лившиц) так бережно и любовно собирают и хранят любые сплетни, вздор, главным образом обывательскую точку зрения на поэта, а не склоны головы перед таким огромным и ни с чем не сравнимым событием, как явление поэта, первые же стихи которого поражают совершенством и ниоткуда не идут?

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы думать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина, Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!

В мае 1937 года Мандельштамы вернулись в Москву «к себе» в Нащокинский. Я в это время гостила у Ардовых в том же доме. Осип был уже больным, много лежал. Прочел мне свои новые стихи, но переписывать не давал никому. Много говорили о Наташе (Штемпель), с которой дружил в Воронеже. (К ней обращены два стихотворения: «Клейкой клятвой пахнут почки» и «К пустой земле невольной припадая».) Уже год, как, все нарастая, вокруг бушевал террор. Одна из двух комнат Мандельштамов была занята чело-веком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя даже показываться в этой квартире. Разрешения остаться в столице Осип не получил, тогда Осип говорил Наде: «Надо уметь менять профессию. Теперь мы – нищие» и «Нищим летом всегда легче».

Еще не умер ты, еще ты не один, Покуда с нищенкой-подругой Ты наслаждаешься величием равнин, И мглой, и голодом, и вьюгой.

Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа, – «Как по улицам Киева – Вия» (1937). Это было так. Мандельштамам было негде ночевать. Я оставила их у себя (в фонтанном доме). Постелила Осипу на диване. Зачем-то вышла, а когда вернулась, он уже засыпал, но очнулся и прочел мне стихи. Я повторила их. Он сказал: Благодарю вас», – и заснул.

В это время в Шереметевском доме был так называемый «Дом занимательной науки». Проходить нам надо было через это сомнительное заведение. Осип озабоченно спросил меня: «А может быть, есть другой занимательный выход?»

В то же время мы с ним одновременно читали «Улисса» Джойса. Он – в хорошем немецком переводе, я – в подлиннике. Несколько раз мы принимались говорить об «Улиссе», но было уже не до книг.

Так они прожили год. Осип был уже тяжело болен, но он с непонятным упорством требовал, чтобы в Союзе писателей устроили его вечер. Вечер был даже назначен, но, по-видимому, «забыли» послать повестки, и никто не пришел. О.Э. по телефону приглашал Асеева. Тот ответил: «Я иду на «Снегурочку»», – а Сельвинский, когда Мандельштам попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля.

В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они – он и Надя – приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. У Мандельштамов не было денег. Жить им было уже совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню куда. Все было как в страшном сне. Кто-то пришедший после меня сказал, что у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу. Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания Осипа Эмильевича о нем и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увы, могут сказать это о себе?

Второй раз его арестовали 2 мая 1938 года в нервном санатории около станции Черусти (в разгар ежовщины). В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца. О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград. У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер».

В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы (Э.Г. Герштейн): «У подружки Лены (Осмеркиной) родилась девочка, а подружка Надюша овдовела», – писала она.

...Когда старик Мандельштам узнал, что Осип 1 арестован, он стал плакать и повторять...: «Ведь он такой нежный» (или: «нежненький мой Ося»). Я меньше всего стремлюсь создать Мандельштаму «респектабельную» биографию. Да она совсем и не нужна ему. Это был человек с душой бродяги в самом высоком смысле этого слова и poete maudit par excellence, что и доказала его биография. Его вечно тянул к себе юг, море, новые

+ Настоящий проклятый поэт (фр.).
места. О его исступленной влюбленности в Армению свидетельствует бессмертный цикл стихов 1929 года. Годами ему приходилось с утра думать, где достать денег на обед. Беречь и считать деньги он совсем не умел. Говорят, что «он у всех занимал деньги». У меня, кстати сказать, он никогда не попросил ни копейки. У Срезневской тоже.

Отметить и попытаться объяснить разницу отношения к Мандельштаму Ленинграда и Москвы. (30-ые годы.)

Деятельность салона Лили Брик.

Были поэты знаменитые при жизни (Сологуб), но 2 совершенно забытые после смерти. Были и неизвестные при жизни (Гумилев), но ставшие знаменитыми сразу после смерти. (Это и участь Модильяни.)

С Мандельштамом дело обстоит сложнее. Он писал для своих правнуков. И вот эти правнуки, выросшие в крови, в грязи, в нужде, в неправде чистыми, умными и полными сил. Они пришли и сказали: «Вот он – не хотим никого другого».

песня...
минуя внуков к правнукам уйдет. И новый бард чужую песню сложит И как свою ее произнесет –

писал еще юношей О. Мандельштам, провидя, что случится в 60-ых годах 20 столетия.

(А были еще такие, как Вячеслав Иванов – великий мистификатор. Уехав за границу, он убедил и себя, и других, что был знаменитым на родине.)

опять об О. МАНДЕЛЬШТАМЕ

(Случайно встретив в редакции) Мандельштам – 3 Федину о его «Похищении Европы»: «Это голландское какао на резиновой подошве, а резина – советская».

О. МАНДЕЛЬШТАМ

25-го октября 1917 проходил по Дворцовой площа-4 ди и видел там последний парад женщин. Одна из них крикнула с лошади даме в толпу: «Au revoir, tante Vera»*. Когда Осип узнал, как мне плохо жить в Фонтан-5 ном Доме (вероятно, от Нади), он, прощаясь (это было на Московском вокзале), сказал мне:

«Аннушка-, всегда помните, что мой дом – ваш...»

(Что-то в отношении ко мне другого Иосифа напоминает мне Мандельштама.)

Это могло быть уже перед самым концом (т.е. когда был нащокинский дом).

Мую прозу о Мандельштаме – Жирмунскому. б О. Мандельштам жил в Крыму в 1916–17 г. не только в Коктебеле, но и в Алуште у Магденко. Там в это время были Мочульский, Недоброво, Смирнов, братья Радловы, Жирмунский (1916–17 гг.), Сало-*

* «До свидания, тетя Вера» (фр.).

+ Он никогда в жизни так не называл меня.

мея с Рафаловичем+, Чудовские. Судейкин и Вера Артуровна отдельно, недалеко от Алушты. Это она

Через плечо поглядела...

О. МАНДЕЛЬШТАМ

Осип в цехе (это было у Лозинского) сказал мне: 7 «У меня от Ваших стихов иногда впечатление полета. Сегодня этого не было, а должно быть. Следите, чтоб всегда было!». И другой раз: (цитата). «Эти ваши строки можно удалить из моего мозга только хирургическим путем». (О чем-то из «Четок»).

По поводу стихов Н. Бруни (в 1-ом цехе) пришел в ярость и прорычал: [Есть]

бывают такие стихи, которые воспринимаешь как личное оскорбление.

Продолжение сказать о «Собаке». Адрес: Михайловская площадь, 5. Две зимы. Пронин прятал в диванах революционную литературу. Про «Привал» ничего не знаю, не бывала. [Там] в «Собаке» бывали заезжие иностранцы – Paul Fort, Marinetti, – устраивали диспуты формалисты. Много музыки. Об «Изгнании из Рая»+++*. Роли.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Ольга – Ева. Миклашевская –

+ Пара, из которой старый пасквилянт (Г. Иванов) мог слепить богатого армянина и его хорошенькую содержанку. Оба в это время были в Париже, и, конечно, без битья дело бы не обошлось "1" "1", не зная, к кому относится соломка, Георгий Иванов просто не мог (это знали все), и если он называет ее хорошенькой содержанкой, ему нужна маска.

++Ср.: «Ахматова, Паллада, Саломея». * Авторское примечание отсутствует. змий. Юбилей Карсавиной. Каждый день или, вернее, ночь – Маяковский в желтой кофте. Любил там читать.

Помню:

Что за супруг

Прямо вырвал из рук...

FINALE функционируя летом, Осенью сад закрывает засов. Станция желтым билетам, Нету местов...

Послали за лейб-медиком, лейб-медик тут как тут. Игрушечным медведиком Бежит придворный шут.

Из другой собачьей пьесы:

Ура, пошло лечение Настало облегчение

При чем-то были колики с шикарной рифмой католики.

О. Манделштам говорил мне: «Вы, как под покров 8 людей принимаете, когда говорите с ними».

Царское в 20-х годах представляло собой нечто невообразимое. Все заборы были сожжены. Над открытыми люками водопровода стояли ржавые кровати из ла-заретов 1-ой войны, улицы заросли травой, гуляли и орали петухи всех цветов и козы, которых почему-то всех звали Тамара. На воротах недавно великолепного дома гр. Стенбок-Фермора красовалась огромная вывеска:

«Случный пункт», но на Широкой так же терпко пахли по осеням дубы – свидетели моего детства. И вороны на соборных крестах кричали то же, что я слышала, идя по соборному скверу в гимназию, и статуи в царскосельских парках глядели, как в 10-х годах. В оборванных и страшных фигурках я иногда узнавала царскоселов.

Гос-тиный двор был закрыт.

Все каменные циркули и лиры, – мне всю жизнь кажется, что Пушкин это про Царское сказал, и еще потрясающее:

В великолепный мрак чужого сада, – самая дерзкая строчка из когда-нибудь прочитанных или услышанных мной (однако не Плохо и «священный сумрак»).

На днях, перечитывая (не открывала книгу с 1928 г.) ю «Шум времени», я сделала неожиданное открытие. Кроме всего высокого и первозданного, что сделал ее автор в поэзии, он еще умудрился быть последним бытописателем Петербурга. У него эти полузабытые и многократно оболганные улицы возникают во всей своей свежести 90-х – 900-ых годов. Мне скажут, что он писал всего через пять лет после революции – 1923 г., что он долго отсутствовал, а отсутствие – лучшее лекарство от забвения (объяснить потом), лучший же способ забыть на-век – это видеть ежедневно (так я забыла Фонтанный Дом, в котором прожила 35 лет). А его театр – о Ко-миссаржевской, про которую он не говорит последнего слова: королева модерна, а Савина – барыня, разомлевшая после Гостиного двора, а запахи Павловского вокзала, которые преследуют меня всю жизнь. И все великолепие военной столицы, увиденное сияющими глазами пятилетнего ребенка, а чувство иудейского хаоса и недоумение перед человеком в шапке (за столом).

Иногда эта проза звучит как комментарий к стихам, но нигде Манделштам не подает себя как поэта, и если не зная его стихов, не догадаешься, что эта проза поэта. Все, о чем он пишет в «Шуме времени», лежало в нем где-то очень глубоко – он никогда этого не рассказывал, брезгливо относился к мирискусническому любованию старым (и не старым Петербургом).

Кроме того, очень интересны подробности политических манифестаций у Казанского собора, которые свидетельствуют об очень пристальном внимании к этим событиям и заставляют вспомнить о том, что сам Осип сообщил для помещения в книге «Писатели современной эпохи» (цитата).

ПРИМЕЧАНИЕ К ЗАМЕТКЕ «О. МАНДЕЛЬШТАМ»

Если хотите, я подробнее опишу, как это сделано в данном случае. У Шацкого под рукой две книги дос-таточно «пикантных» мемуаров – Г. Иванов и Эренбург. Они использованы полностью. Материальная часть чер-пается из справочной книги Козьмина «Писатели современной эпохи» (1928). Кроме того, в сборнике «Стихотворения» (1928) находится последнее по времени стихотворение Манделштама «Музыка на вокзале». Оно объявляется вообще последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно – 1945 г. (на семь лет позже действительной смерти). (Манделштам умер 26 декабря* 1938.) То, что * Так в тексте. См. также с. 48, 292. О.Э. Манделштам умер 27 декабря 1938 г. в ряде журналов и газет до самого его ареста (май 1934) печатались стихи

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
Мандельштама (хотя бы велико-лепный цикл «Армения» в «Новом мире»), Шацкого
нисколько не интересуется. Он объявляет, что на стихотворении «Музыка на вокзале»
Мандельштам кончился, стал жалким переводчиком (Мандельштам почти ничего не
переводил), бродил по кабакам и т.д. (Это уже, вероятно, словесная информация
Георгия Иванова), и вместо трагической фигуры [замечательного] редкостного
поэта, который и в годы ссылки в Воронеже продолжал писать вещи неизреченной
красоты и мощи, мы имеем «городского сумасшедшего», проходимца, опустившееся
существо. И это в книге, вышедшей под эгидой лучшего и т.д. Университета
Америки (Гарвардского). [Да будет стыдно «лучшему» университету Америки и тем,
кто допустил такое скотство...]

Июнь 1958.

Красная Конница]

ЛОЗИНСКИЙ

(Начало)

«Завтра день молитвы и печали»

Меня познакомила с ним Лиза Кузьмина-Караваева в 1911 г. на втором собрании
Цеха по-этов+ [у нее] на Манежной площади. Это была велико-лепная квартира
Лизиной матери (Пиленко), рожденной чуть ли не Нарышкиной. Сама Лиза жила с
Ми-тей Кузьминым-Караваевым по-студенчески. Внешне Михаил Леонидович был тогда
элегант-ным петербуржцем и восхитительным остряком, но сти-хи были строгие,
всегда высокие, свидетельствующие о напряженной духовной жизни++. Я считаю, что
лучшее из написанных мне тогда стихов принадлежит ему («Не забывшая»). Дружба
наша началась как-то сразу и про-должалась до его смерти (31 января 1955 г.).
Тогда же, т.е. в 10-х годах, составил некий триумвират: Ло-зинский, Гумилев и
Шилейко. С Лозинским Гуми-лев играл в карты.

+ На этот вечер не пошел Блок. (См. «Записная книжка». Стр. ...).

++ Это те стихи, которые обычно никто не любит. Его не любили. «Горный ключ»
успеха не имел.

Лозинский (Продолжение)

Шилейко толковал ему Библию и Талмуд. Но глав-ное, конечно, были стихи.
Гумилев присоветовал Маковскому пригласить _Дозинского в секретари в «Аполлон».
Лучшего по-дарка он не мог ему сделать. Бездельник и [лентяй] бол-тун Маковский
(Рара Маса или Моль в перчатках) был за своим секретарем, как за каменной
стеной. Лозинс-кий прекрасно знал языки и был до преступности доб-росовестным
человеком. Скоро он начал переводить, сча-стливо угадав, к чему «ведом»+ . На
этом пути он достиг великой славы и оставил образцы непревзойденного
со-вершенства. Но все это гораздо позже. Тогда же он ез-дил с Татьяной
Борисовной в оперу, постоянно бывал в «Бродячей собаке» и возился с
аполло-новскими делами. Это не помешало ему стать редакто-ром нашего
«Гиперборея»++ (ныне библиографичес-кая редкость) и держать корректуры моих
книг. Он делал это безукоризненно, как все, что он делал+++ . Я капризничала, а
он ласково говорил: «Она занималась с своим секретарем и была не в духе». Это на
Тучке, ког-да мы смотрели «Четки»++++, и через много лет («Из шести книг»,
1940): «Конечно, раз вы так сказали, так и будут говорить, но, может быть, лучше
не портить рус-

+ См. Бенвенуто Челлини. Перевод Лозинского. ++ И даже устраивать гиперборейские
пятницы в своем доме (см. По пятницам в «Гиперборее» [Цветник] Расцвет
акмеистичных Роз...).

+++ А какие-то чудачки читали доклады: «Пунктуация Ахмато-вой».

++++ «Вечер» он не смотрел.

ский язык». И я исправляла ошибку. Последняя его по-мощь мне: чтение рукописи
«Марьон Делорм». Смотрел он и мои «Письма Рубенса», для чего заходил в Фонтанный
дом после работы в Публичной библиотеке.

Во время голода Михаил Леонидович и его жена еле на ногах держались, а их дети
были толстые, розовые, с опытной и тоже толстой няней. Михаил Леонидович был
весь в фурункулах от недоедания...

Продолжение

Лозинский кончил два факультета СПб универси-тета (юридический для отца и
филологический для себя) и был образованнее всех в Цехе. (О шилейкинс-ком
чароутии не берусь судить). Это он при мне сказал Осипу, чтобы тот исправил
стих: «И отравительница Федра», потому что Федра никого не отравляла, а про-сто
была влюблена в своего пасынка. Гуму он тоже не раз поправлял мифологические и
прочие оплошности*. Они были на «ты» и называли друг друга по имени-отчеству.
Целовались, здороваясь и прощаясь. Пили вместе так называемый «флогистон»
(дешевое разливное вино). Оба, Лозинский и Гумилев, свято верили в гени-альность
третьего (Шилея) и, что уже совсем непрости-тельно, – в его святость. Это они
(да прости им Гос-подь) внушили мне, что равного ему нет на свете. Но это уже
другая тема.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

В 20-ых годах – тяжелые осложнения в личной жизни: он полюбил молодую девушку. Она была пере-водчицей++ и его ученицей. Никаких подробностей я не знаю, и, если бы знала, не стала бы [писать], разумеет-ся и сообщать, но на

каком-то вечере во «Всемирной диТературе» (Моховая, 36) она потребовала, что-бы он на ней женился, оставив семью. Все кончилось тем, что Михаил Леонидович оказался в больнице4". Она вышла замуж, по скоро умерла. Когда она умирала, он ходил в больницу – дежурил всю ночь.

Хворал он долго и страшно. В 30-ых годах его постигло страшное бедствие: разрастание гипофиза, ис-казившее его. У него так болела голова, что он до 6-ти часов не показывался даже близким. Когда, наконец, справился с этим и с горловой чахоткой, пришла астма и убила его.

В прошлогодней телевизионной передаче (кото-рую все же имеет смысл найти) я вспомнила много ме-лочей о Лозинском, которые не следует забывать (о методе перевода «Divina Commedia» и др.).

В моей книге прозы должна быть глава о моем до-рогом незабвенном друге, образце мужества и благород-ства.

(Это развить)

Последней его радостью были театральные поста-новки его переводов. Он пригласил меня на «Валенсиан-скую вдову». В середине действия я шепнула ему: «Боже мой, Михаил Леонидович, – ни одной баналь-ной рифмы. Это так странно слышать со сцены». – «Ка-жется – да», – ответил этот чудодей.

+ Он много и подолгу лежал в больницах. Я всегда его навещала. Раз он сказал мне: «У меня так болела нога, что когда я увидел первого человека с воли – я заплакал». А когда показал мне (в Мариинской больнице) фотоснимок разросшегося гипофиза, сказал: «Здесь мне скажут, когда я умру». Сказал это совершенно спокойно.

«Собака на сене» всегда имела оглушительный успех.

Он был с нами в первые дни войны 1914 г. Ему я всегда давала Колины стихи с фронта (для «Аполлона») [(и свои)]. Наша переписка сохранилась.

Мой рисунок Судейкина, который всегда висел в кабинете Михаила Леонидовича, возник так. Я пришла с Судейкиным в редакцию «Аполлона». К Ло-зинскому, конечно. (У Мако я никогда не была). Села на диван. Сергей Юрьевич нарисовал меня на бланке «Аполлона» и подарил Михаилу Лео-нидовичу.

1. О переводе «Гамлета» и испанцев (с цитатой). Мелкие завистливые и невежественные люди уверя-ют, что «Гамлет» – тяжел, темен и т.п. Им не приходит в голову, что он именно таков в оригинале, а что Лозин-ский умел быть легким, прозрачным, летучим, как ник-то, мы знаем хотя бы из испанских комедий.

Цитата

2. О его советах (не читать чужой перевод, пока не кончишь свой). «Иначе память может сыграть с вами злую шутку».

Как все люди искусства, Лозинский влюблялся довольно легко. К моей Вале (она одно время работала в Публичной библиотеке) относятся «тысячелетние глаза», «и с цепью маленькие руки+ (браслет от часов). И как истинный поэт предсказал свою смерть:

+ Напечатано в альманахе Цеха поэтов (стр. ...).

Напечатано там же.

«И будет страшное к нетлению готово».

Это про свое тело. Еще молодой и здоровый, он словно видит себя, искаженного грозным недугом. (Стихи от начала 20-ых годов.)+

Лозинский до тонкости знал орфографию и законы пунктуации чувствовал, как люди чувствуют музыку: «Точка – тире такого знака нет по-русски, а у вас есть», – говаривал он, когда держал корректуру моих стихов.

«Ах! одна в семье умеет Грамоте она», – постоянно говорил про него Гумилев.

Нечего говорить, что «Гиперборей» весь держался на Лозинском. Он, вероятно, почти всегда выкупал но-мер в типографии (кажется, 40 рб.), держал корректуру и совместно с синдиками приглашал сотрудников.

В другом месте я уже писала («Листики из дневни-ка»), что, когда был прокламирован акмеизм (1911), Ло-зинский (и В.В. Гиппиус) отказались примкнуть к новой школе. Кажется, даже от Бальмонта Михаил Леонидович не хотел отречься, что, на мой взгляд, уже чрезмерно.

«Многомятежно ремество твое, о Царица», – (ча-сто говорил), говаривал мне Лозинский, а я так и не знаю, откуда это. Очевидно, из каких-то древних русских пись-менных памятников.

Когда Шилейко женился на мне, он почти перестал из-за своей сатанинской ревности видеться с Лозинским. Михаил Леонидович не объяснялся с ним и только грустно

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

сказал мне: «Он изгнал меня из своего сердца».

Михаил Леонидович сказал мне: «Я хотел бы видеть «Божественную комедию» с совсем особыми иллюстрациями. Чтобы изображены были знаменитые дантовские развернутые сравнения. Например, возвращение игрока-счастливицы, [выигравшего и] окруженного толпой льстецов... Пусть в другом месте будет венецианский госпиталь и т.д.»

Наверно, когда он переводил, все эти сцены проходили перед его умственным взором, пленяя его своей бес-смертной живостью и великолепием, и ему было жалко, что они не в полной мере доходят до читателя.

Я думаю, что не все присутствующие здесь отдают себе отчет, что значит переводить терцины. Может быть, это наиболее трудная из переводческих работ. Когда я говорила об этом Лозинскому, он ответил: «Надо сразу, смотря на страницу, понять, как сложится перевод, – это единственный способ одолеть терцины, а переводить по строчкам просто невозможно». Я, по правде сказать, несколько от этого совета растерялась. Вот каково было мастерство этого необыкновенного человека.

В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский для XX в. был тем же, чем был Жуковский для 19-ого.

Друзьям своим Михаил Леонидович был всю жизнь бесконечно предан. Он всегда и во всем был готов помогать людям.

Я горда тем, что на мою долю выпала высокая честь принести и мою лепту памяти этого неповторимого, изумительного человека, который сочетал в себе сказочную выносливость, самое изящное остроумие, благородство и верность в дружбе.

В труде Лозинский был неутомим. Пораженный тяжелой и длительной болезнью, которая неизбежно ело-мила бы кого угодно, он продолжал работать и помогать другим. Когда я [была] еще в 30-ых годах навестила его в больнице, он показал мне фото своего разросшегося гипо-физа и совершенно спокойно сказал: «Здесь мне скажут, когда я умру». [Но] Он не умер, и страшная, деформирующая его болезнь оказалась бессильной перед его сверх-человеческой волей. Он продолжал работать. Страшно подумать, именно тогда он предпринял подвиг своей жизни – перевод «Божественной комедии» Данте.

(Из многих десятков стихотворений, посвященных мне в ту пору (1912 г.), я считаю «Не забывшую» Лозинского – лучшим.)

Из советов Лозинского-переводчика мне хочется привести еще один, очень для него характерный. Он сказал мне: «Если вы не первая переводите что-нибудь, [ни-когда] не читайте работу своего предшественника, пока вы не закончите свою, а то память может сыграть с вами злую шутку».

Только совсем не понимающие Лозинского люди могут повторять, что перевод «Гамлета» темен, тяжел, непонятен. Задачей Михаила Леонидовича в данном случае было желание передать возраст шекспировского языка, его непростоту, на которую жалуются сами англичане.

Одновременно с «Гамлетом» и «Макбетом» Лозинский переводит испанцев, и перевод его легок и чист+. (Цитата). Когда мы вместе смотрели «Валенсианскую вдову», я [сказала] только ахнула: «Михаил Леонидович, – ведь это чудо. Ни одной банальной рифмы». Он только улыбнулся и сказал: «Кажется, да».

+ И невозможно отделаться от ощущения, что в русском языке больше рифм, чем [думала] казалось раньше. (Поэтам присуще «чувство рифмы», т.е. знание всех рифм.)

В пору «культы личности», когда все ждали гибели, я спросила Михаила Леонидовича: «А если вас будут спрашивать обо мне, что вы скажете?» – «...что вы очень сильный европейский поэт», – ответил Лозинский.

Верность была самой характерной для Лозинского чертой. Когда зарождался акмеизм и ближе Михаила Леонидовича у нас никого не было, он все же не захотел отречься от символизма, оставаясь редактором нашего «Гиперборея», одним из основных членов 1-го Цеха поэтов и другом нас всех.

А впрочем, когда [в] весной 1940 г. Михаил Леонидович держал корректуру моего сборника «Из шести книг», я написала ему стихи, в которых все это уже сказано: Почти [что] от залетейской тени в тот час, как рушатся миры, Примите этот дар весенний в ответ на лучшие дары, чтоб та над временами года, Несокрушима и верна, Души высокая свобода, что дружбою наречена, – Мне улыбнулась так же кротко, Как тридцать лет тому назад... И сада Летнего решетка, И оснеженный Ленинград... Возникли, словно в книге этой из мглы магических зеркал, И над задумчивою Летой Тростник оживший зазвучал.

Ивановский, ученик и секретарь Михаила Леонидовича, сказал мне, что Лозинский ни одно письмо не отправлял, не оставив себе копии. Таким образом, я могу быть уверена, что все его письма ко мне существуют, несмотря на то, что оригиналы большинства из них погибли у меня, потому что все, что у меня, неизбежно гибнет.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
Все это пишу в больнице, где нахожусь с 10 ноября (сегодня 2 февраля), и мне еще
предстоит полубольница – санатория. И подумать только, что когда-то ба-бушки
мирно умирили на печке в родной избе. Сегодня день особенный. Кажется, никто не
придет навестить меня. Вчера был пятидесятый посетитель – Толя Якоб-сон.
Нет! – была Ника Глен.

Чем больше я пишу, тем больше вспоминаю. Какие-то дальние поездки на извозчике,
когда дождь уютно барабанит по поднятому верху пролетки и запах моих духов
(Avia) сливается с запахом мокрой кожи, и вагон царскосельской железной дороги
(это целый мир), и собрания Цеха, когда Михаил Леонидович говорил своим
незабываемым голосом. (Как страшно мне было услышать этот голос на вечере Его
памяти в союзе, когда откуда-то сверху Михаил Аеоидович стал читать которую-то
песню «Ада»).

О [его] гражданском мужестве Лозинского знали все вокруг, но когда на собрании
(1950) Правления [когда] при восстановлении меня в союзе ему было поручено
сказать речь, все вздрогнули, когда он [очень сме-ло] припомнил слова Ломоносова
о том, что скорее мож-но отставить Академию от него, чем наоборот. А про мои
стихи сказал, что они будут жить столько же, как язык, на котором они написаны.
Я с ужасом смотрела на по-тупленные глаза Великих Писателей Земли Русской, когда
звучала эта речь. Время было серьез-ное. Лева сидел, и я была вне закона, как,
впрочем, по-чти всегда.

Из заключения

Теперь, когда я еду к себе в Будку, в Комарово, мне всегда надо проезжать мимо
огромного дома на Киров-ском проспекте, и я вижу мраморную доску («Здесь
жил...») и думаю: «Здесь он жил, а теперь он живет в сердцах тех, кто знал его и
никогда не забудет, потому что доброту, благородство и великодушие нельзя
забыть».

Finis

SHbtM »r ^^^£λ, ,0 y tic. itfi' ^да.А.А Ы»сГым~ ълу*"-* ff* u .

а

4,j Jh*JЛ*AJL tro 'coifs- мгк*

Автограф АА. Ахматовой (РГАЛИ. РТ114, л. 213)

ИЗ КНИГИ «КАК У МЕНЯ НЕ БЫЛО РОМАНА С БЛОКОМ»

ИЗ ГЛАВЫ «ТРАГИЧЕСКАЯ ОСЕНЬ»

Простишь ли мне эти ноябрьские дни

Трагической осени скудны убранства...

Первое выступление. А было это 52 года тому

) назад.

Свое первое публичное выступление, наверно, нельзя забыть.

.. .Осенью 1913, в день чествования в каком-то рес-торане (у Альберта?)

приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый, т.е.
только для курсисток, вечер.

Кому-то из устроительниц (дам-патронесс) пришло в голову пригласить меня. Мне
предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прослав-ленный

урбанизм, а за одно маленькое стихотворение. Я никогда не видела эти стихи
напечатанными, но на-всегда запомнила их наизусть с чьего-то голоса: *lis etaient
deux enfants de rois La bas, la bas au bout du monde Et rien la bas qu'un pont
de bois... lis s'aimaient sait-on pourquoi, Parce que l'eau coulait profonde...**

Но я представила себе пышное петербургское рес-торанное чествование, почему-то
всегда похожее на поминки, – фракки, хорошее шампанское и плохой французский
язык, [речи] [и т.д.] тосты и т.д., и пред-почла курсисток.

В артистической встретила Блока. К нам подошла курсистка со списком и сказала,
что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я
не могу читать после Вас». Он с упреком в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора!»
В это время он был уже знаменит.

Я уже два года довольно часто читала мои стихи и в Цехе поэтов, и в Академии
стиха, и на башне в. Иванова, но здесь все было совершенно по-дру-гому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает [трибуна]

эстрада. М.б., я тогда почувствовала это в первый раз. [Это] Трибуна – что-то
вроде плахи. Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то
многоголовой гидрой. Владеть залой очень трудно – гением этого дела был М.М.
Зо-Щенко. Хорош на трибуне был и Пастернак.

Жили-были двое королевских детей

Далеко, далеко, на краю света,

И еще там был деревянный мостик...

Они любили друг друга. А почему?

Потому что вода под мостиком была глубока... (фр.)

Во-первых, меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «кто это?»

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

На этот вечер приехали и дамы. Одна из них, Ариадна Владимировна Тыркова (Вергеская, по второму мужу Вильяме. Мой отец за глаза называл ее – Ариадна Великолепная), знавшая меня с детства, сказала: «Вот Анечка для себя добилась [полно]равноправия». Тогда ли был шлиссельбуржец Морозов, который принял меня за курсистку?..

В Ташкенте Тараховская (детская писательница, сестра С. Парнок, которая надписала мне книгу:

Под крышей дома бесноватого Живет звезда моя – Ахматова, мы жили – ул. К. Маркса, 7, общежитие московских писателей). Бывшая бестужевка вспоминала, что была на этом вечере и запомнила меня. Тогда мы думали, что никогда не увидим [тех] ни Васильевского Остро-ва, ни тех, с кем были разлучены. Я спросила Блока, почему он не на чествовании Вер-харна. Поэт ответил с подкупающим прямодушием: [От-того, что] «Там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски». Кажется, не там, но на каком-то литературном вечере Блок, послушав Северяни-на, вернулся ко мне и сказал: «У него жирный адвокат-ский голос».

(О Блоке). Летом 1914 г. я была у мамы в Дарни-2 це, в сосновом лесу, раскаленная жара. Там, кроме меня, жила и сестра Ия Андреевна. Она ходила в другой лес, к Подвижнику, и он, увидев ее, назвал Христовой невес-той. («Подошла я к сосновому лесу».) Беседы с Х. о судьбах России. Нерушимая стена святой Софии и Мих;айловский монастырь – ad periculum maris, т.е. оплот борьбы с Дьяволом – и хромой Ярослав в своем византийском гробу.

В начале июля поехала к себе домой, в Слепнево. Путь через Москву. С вокзала (Киевского) на вок-зал (Николаевский на извозчике. Дремотная, пусто-ватая и тоже еще совсем мирная Москва, как всегда, в своем, одной ей свойственном колокольном звоне, в сети крошечных древних церквушек дивных колеров и окру-женных маленькими кладбищами, полная юродивыми, поющими слепцами, монахинями, на ком-то звенят вериги, в церквах открытые гроба: «Со святыми упо-кой!»⁴ В общем Москва Марины Цветаевой, кото-рую она через два года подарит мне. (Цитата.) «И я дарю тебе мой колокольный град».

В вагоне, когда подъезжаешь к Москве, неизбеж-ный «московский» разговор о «великой» Ламановой++ (что самое интересное – говорят мужчины) и о лоша-дях, бегах, скачках, и, конечно, о Поддубном. Говор ра-зительно не схожий с тем, какой я привыкла слышать в Петербурге.

Извозчик везет через Кремль, (в который 20 лет нельзя будет войти). Меня, петербуржанку, поражает, что под Спасскими воротами он снимает шапку, берет ее 8 зубы и крестится. И все вместе это была предвоенная Москва 1914.

+ На закрытых складах огромные замки. Все оптово! ++ В Киеве Ася Экстер показывала последние парижские тряп-141 и клялась, что это нечто такое, что дальше некуда. «Что-то должно случиться!» Это что-то не заставило себя долго ждать.

Сажусь в первый попавшийся почтовый поезд. Курю на открытой площадке. Где-то у какой-то пустой плат-формы паровоз тормозит – бросают мешок с письмами* Перед моим изумленным взором вырастает Блок. Я от неожиданности вскрикиваю: «Александр Алексан-дровиче» Он оглядывается и, так как он вообще был мастер тактичных вопросов, спрашивает: «С кем вы еде-те?» Я успеваю ответить: «Одна». И еду дальше.

Сегодня, через 51 год, открываю «Записную книжку» Блока, которую мне подарил В.М. Жир-мунский^ и под 9 июля 1914 читаю: «Мы с мамой ез-дили осматривать санаторию за Подсолнечной. – Меня бес дразнит. – Анна Ахматова в почтовом поезде.» (Станция называлась Подсолнечная.)

На этом можно бы и кончить, но так как я, кажется, обещала доказать кому-то, что Блок считал меня по мень-шей мере ведьмой, напомним, что в его мадригале мне (цитата), среди черновых набросков находится та-кая строчка: «Кругом твердят – вы Демон, вы краси-вы...» (СПб., 1913, декабрь), да и самое предполо-жение, что воспеваемая дама «Не так проста, чтоб про-сто убивать...», – комплимент весьма сомнительный. Его запись4- о чтении стихов «на башне» – не привожу, нет книги под рукой, а я на даче (Будка), все разъеха-лись, и вокруг бушует одна осень. (Отрывок из книги, которая могла бы называться «Как у меня не было романа с Блоком».)

+ Кажется (о дневнике): «Читала Ахматова. Стихи все луч-ше. Она уже волнует меня» или что-то в этом роде. Свой роман с Бло-ком мне подробно рассказывала Валентина Андреевна Щего-лева. Он звал ее в Испанию, когда муж сидел в Крестах. Были со мной откровенны еще две дамы: О. Судейкина и Нимфа Городецкая. К Ламановой. Забавно, что через несколько меся-цев, когда я оказалась в московской Боткинской больнице, со мной в палате (№ 11) лежала женщина, которая с гордостью сообщила, что ее мать была [уче-ниц] мастерицей Ламановой.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Существует письмо матери Блока (1914?) к сестре Евгения Иванова, где она сочувственно, если не восхищенно, говорит обо мне и выражает желание, чтобы у ее сына был со мною роман, но, к сожалению, ему такие женщины, как я, не нравятся. Удивительные нравы, когда старые почтенные дамы подбирают любовниц своим сыновьям, причем их жертвами оказываются замужние женщины и матери двухлетних детей.

(Письмо находится в одном из московских музеев – мне его читали несколько лет тому назад.)

Суббота

«Записная книжка» Блока дарит мелкие подарки, извлекая из бездны забвения и возвращая даты полузабытым событиям: и снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы, а я с Н.В. Не-доброво с ужасом глядим на это невиданное зрелище, и у этого дня даже есть дата (...).

И снова я встречаю в театральной столовой исхуда-лого Блока с сумасшедшими глазами, и он говорит мне: «Здесь все встречаются, как на том свете...» (...)

А вот мы втроем (Блок, Гумилев и я) обедаем на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гумилев уже в форме), Блок в это время ходит по железным мостам мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы + Когда мы шли в театр, кто-то из знакомых на улице крикнул: «На блокослужение идете?»

* «У меня никогда не было испанской шали, это он испанизировал меня (строфа, шаль, роза), потому что уже тогда бредил [Кармен (декабрь 1913 г.)]» Запись поверх правленного текста.

остались вдвоем, Коля сказал: «Неужели и его пошлют на фронт. Ведь это то же самое, что жарить соловьев». (...)

...Но последняя встреча за кулисами Большого драматического театра в мае (?) 1921 года, когда его фотографировал Наппельбаум, не записана. Я была с Замятиным и еще с кем-то. Шел большой блоковский вечер (с Корнеем Чуковским). Он подошел и спросил меня: «А где испанская шаль?»*. Это последние слова, которые я слышала от него. У меня никогда не было испанской шали, это он испанизировал меня, потому что и выбрана строфа romanero и фигурирует «розан в волосах».

Надеюсь, никто не подумает, что у меня в волосах было столь странное украшение. Ш-е киевское стихотворение в 1914. М.б., оно и не 14 г., но относится к этим дням:

И в Киевском храме Премудрости Бога, Упав на колени, тебе я клялась, что будет твоею моя дорога, где бы она ни вилась.

ЛАЙ*

И в голосе грозном софийского звона Мне слышится голос тревоги твоей.

21 сентября 1965

КОНЕЦ (О БЛОКЕ) ...Мы пошли к Ремизовым передать рукописные книги Скалдина (Ольга и я). Не достучались. Через несколько часов там уже была засада – они накануне бежали за границу. На обратном пути во дворе фонтан-ки, 18 встретили Тамару Персиц. Она плакала – умер Блок.

В гробу лежал человек, которого я никогда не видела. Мне сказали, что это Блок. Над ним стоял солдат – старик седой, лысый с безумными глазами. Я спросила: «Кто это?» – «Андрей Белый». Панихида. Ершovy (соседи) рассказывали, что он от боли кричал так, что прохожие останавливались под окнами.

Хоронил его весь город, весь тогдашний Петербург или, вернее, то, что от него осталось. Справлявшие на кладбище престольный праздник туземцы непрерывно спрашивали нас: «Кого хороните?»

В церкви на заупокойной обедне было теснее, чем бывает у Пасхальной заутрени. И непрерывно все [было] происходило, как в стихах Блока. Это тогда все заметили и потом часто вспоминали.

Finis

7 = ...Блок записывает, что я вместе с Дельмас и Ли-зой Кузьминой-Караваевой измучила его телефону. Кажется, я могу дать по этому поводу кое-какие показания.

позвонила. Александр Александрович со своей стороны ему прямо и манерно думать вслух спросил:

«Вы, наверно, звоните, потому что Ариадна Владимировна Тыркова передала вам, что я сказал о вас».

Умирая от любопытства, я поехала к Ариадне Владимировне на какой-то ее день и спросила, что сказал Блок. Но Ариадна Владимировна была неумолима. «Аничка, я никогда не говорю одним моим гостям, что о них сказали другие».

Киевский Врубель. Богородица с безумными глазами в ...Дни, исполненные такой гармонии, которая, уйдя, ко мне так и не вернулась. И моя последующая жизнь была просто переходом из одного круга в другой. Только кто-то точный и внимательный

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова наблюдала, как бы я не стала двигаться в обратном направлении, т.е. от худ-шего к лучшему.

Мария – Монахиня (Лиза Кузьмина-Карава-з ева) пишет в своих парижских мемуарах (193...), что Блок на Башне, после того как я прочла стихи (до этого он слышал меня в Академии стиха и на первом собрании Цеха у Городецких), сказал: «Ахматова пишет стихи так, как будто на нее смотрит мужчина, а надо писать так, как будто на поэта смотрит Бог». Кроме того, что подобное выступление на Башне было просто невыносимо. ...

Когда мы (Ольга Судейкина и я) пришли на пер-9 вую панихиду по Блоку на Офицерскую, Ершовы (Иван Васильевич и его жена, жившие с Блоком в одном доме, говорили, что он так кричал от боли, что прохожие останавливались под окнами. О Л.Д. Менделеевой я не упоминаю вовсе. Надо ! вспоминать только того, о ком можно сказать хоть что-нибудь хорошее.

ЕЩЕ О БЛОКЕ

- 1) Встреча в Подсолнечной (1914) перед войной.
- 2) Отчего Рогачевское шоссе. 50-ые годы.
- 3) В Академии художеств в зиму 17-18 гг. (Дельмас).
- 4) Я – confidentка Валентины Андреев-ны Щеголевой («Валентина, звезда, мечтанье»), Оль-ги и нимфы («Перед судом»).
- 5) О Блоке как посетителе «Башни».
- 6) Письма Блока к Коган (итальянская антолог-ия) (Кроче).
- 7) Гумилев (уже в солдатской форме о Блоке) (соловей).
- 8) Блок о Гумилеве (м.б., свой...). Их ссорили ок-ружающие...
- 9) Перед смертью Блок сжег все «дамские» пись-ма, а письма жены и Дельмас вернул (узнала еще в 1921 г.).
- 10) Александра Андреевна (мать Блока), тетка и Любовь Дмитриевна (все в глубоком трауре) были на панихиде по Н.С. Гумилеву в Казанском Со-боре.
- 11) Не верить Всеволоду Рождественскому.
- 12) Портсигар Блока. (Я отдала Н. Павлович).
- 13) Ариадна Владимировна Тыркова(Вергешская). Ее воспоминания вышли в ... году в США в из-

дательстве им. Чехова. Ей Блок сказал что-то ...

- 14) В голодную зиму (19-20?) я встретила Блока в театральной столовой (на Миллионной). Он сказал: «Здесь все встречаются, как на том свете».
- 15) Блок на премьерe театра марионеток на Анг-лийской набережной (1916). Был очень любезен, чи-стил мне грушу и спросил: «С кем Вы теперь часто види-тесь?» Я вспомнила: «С кем Вы едете?» (1914) – Под-соли ечная.
- 16) Блок и студент-распорядитель на бесту-жевском вечере, которого Блок уговаривал не провожать нас в машине, потому что он простудится.
- 17) В мае 21 г. в Большом драматическом те-атре, когда Наппельбаум фотографировал Блока, он по-дошел ко мне и спросил: «А где испанская шаль?» – Можете себе представить, в каком рубище я тогда щеголяла.
- К Листкам. Блок – знакомство. Стихи. Про 12 поэму. В Подсолнечной. В Театральной столо-вой. Блок и Толстой. Как читал стихи. Последняя встреча, лето 1921 г. Большой драматический театр. Я – confidentка В.А. Щеголевой. Ключев – ловец человек. («Правит горним невидимым градом»).

Сентябрь. 1964

Точные даты из записных книжек Блока. 13 1) Встреча в Подсолнечной+. 1914 г. – 9 июля (почтовый поезд).

+ Ср. с его черновиком мадригала «Красота страшна...» Кру-гом шумят – вы демон, вы красивы» и в дневнике: «Она меня уже волнует» (1911 г.). Это на «башне».

2) Пожар моста 1916 –

3) Вечер в нынешнем Доме офицера, бывшем Армии и флота –

4) [На царскосельскомвокзале, начало войны] (с Гумилевым).

5) Обед у Недоброво с Вяч. Ивановым. Крас-ной Конницы, 20 – 1914.

Блок не пошел.

6) «Четки» у Блока – 25 марта 1914.

7) Знакомство с Лурье. (Тенишевский зал) – 8 февраля 1914.

8) В театральной столовой (голод) на Мил-лионной. («Здесь все, как на том свете, встречают-ся»).

9) На вечере в Академии художеств (1918?). Я видела, как он целовался с Дельмас.

10) На Царскосельском вокзале. Я была с Гу-милевым.

11) Скоро после Октября. Я была с Гумилевым (где?).

12) На премьерe марионеток. Дом Браза. 1916. (Он спросил: «Кого вы часто видите?»). Это после длитель-ного туберкулезного лежания. Я была в моем «после-днем» платье. Александр Александрович принес мне грушу, был необычайно любезен и, следуя своей при-вычке думать вслух, спросил: «А с кем вы теперь часто видите?»

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
13) На башне у В. Иванова* (См. дневник, стр....).

+ Был со мной Борис Анреп.

ЮТК-НЖІГХ Щ АШЛГ% fCоlf-hs^) uuMtU Јot^

Автограф А. А. Ахматовой (РГАЛИ. РТ 114, л. 139,140)

Н.С. ГУМИЛЕВ –САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА

...Чувство, с которым я прочитала цитату из I «Петербургских зим», относящуюся к моим выступлениям («Домлитераторов») 1921 г., можно сравнить только с последней главой «Процесса» Кафки, когда героя просто ведут на убой у всех на глазах и все находят это в порядке вещей. В этой цитате нет ни слова правды – стихотворение

Все расхищено, предано, продано,

Черной смерти мелькало крыло,

Все тоскою голодной [последней] изглодано...+

автор изображает образом продажной лирики и примером того, как я исписалась.

Слушатели якобы «по привычке хлопали». По привычке никто не хлопает или

хлопают дверьми, уходя.

Люди до сих пор с волнением вспоминают эти вечера и пишут мне о них.

А вот Георгий Иванов и Оцуп уже в то время были чрезвычайно заняты всяческой

дискредитацией моих сти-

+ «Чудесное» и «вишневый сад» – образы душевного просветления и никакого отношения к политике не имеют.

хов+. Они знали некоторые подробности моей биографии и думали, что мое место пусто, и решили передать его И. Одоевцевой.

Я бы не стала вспоминать об этих делах «давно минувших дней», если бы этой страничке из мемуаров Г. Иванова так по-особенному не повезло в зарубежной прессе. Она стала для всего мира канвой для моей после-революционной биографии.

Ее перевел и напечатал в своей книге («Гумилев, Ахматова, Мандельштам»)

Страховский (1949), ее я узнаю в писаньях Харкинса, Di Sarra, Ripellino, а

друзья говорят мне: «Охота Вам обращать внимание». Может быть, и не охота, но совет странный. Если я в течение пятидесятилетней литературной деятельности ни разу ни против чего не возражала, это все же что-то значит, и на мое возражение можно бы обратить внимание.

Почему на эту удочку клюнули иностранцы, совершенно понятно. Было слишком соблазнительно объявить, что Революция убила молодое дарование, тем более, что после 1924 г. мои стихи перестали появляться в печати (т.е. были запрещены), главным образом, за религию.

Но иностранцы дело десятое, а как мог русский писатель, который знал настоящее положение вещей, так

+ Что они начали еще до отъезда – см. рецензию Иванова о «По-дорожнике» («Дом искусства», № 2) и Оцупа (в сборнике Цеха поэтов, №... стр... 1921), а также Адамовича She is finished*... (стр...) об Одоевцевой. В «Дракон» и альманахи Цеха поэтов я даже не была приглашена. Там появилась совершенно неприличная

рецензия на «Подорожник» (Н. Оцуп), в «Доме Искусств» II писал в том же тоне Г. Иванов, Адамович об Одоевцевой.

* Она кончилась (англ.).

* Благополучие (фр.).

+ Их снимали и с выставок (Делла-Вос-Кардовская). ++ Например, Перцов, Малахов, Лелевич и т.д. +++ Вспомнить только, что он пишет там о Гумилеве и

Мандельштаме! Теперь, оказывается, вся группа отреклась от Гумилева, т.е. Петр отрекается и предает Иуду.

быстро дойти до такого разложения, для меня – непостижимо.

Георгий Иванов не мог не знать, что мои книги в нэп расходились очень быстро (15 тысяч у Алянского в «Алконосте»), что тогда появилась работа (книга) Б.М.

Эйхенбаума о моей поэзии, огромная статья Виногоградова «Стилистика Ахматовой» в первом номере «Литературной мысли», главы в книгах Чулкова («Наши спутники»),

Айхенвальда и т.д. Чуковский читал доклад – «Две России». О выступлениях я уже говорила. [Он, конечно, как и все тогда, знал, что] ими занимались формалисты, о

чем могут в свою очередь свидетельствовать В. Виногоградов и Жирмунский. Все это prosperite* кончилось моей поездкой в Москву (апрель 1924), где я на вечере

«Русского современника» прочла «Новогоднюю балладу» и после этого решением ЦК была изъята из обращения до 1939 г. В период культа личности имя мое было под

запретом, при обысках снимали со стен мои портреты (1927)+, ругань шла, как вода по водопроводу"1"+. Пастернак еле уговорил редакцию «Нового мира»

разрешить напечатать мою фамилию над посвященным мне его стихотворением и т.д.

(1930?) – Мне кажется, я подберу... А мне кажется, настало время до конца

разоблачить эти смрадные «мемуары» Г. Иванова+++ , не писать о них с явным

сочувствием, как это делает синьор Ло Гатто в только что вышедшей книге+.

Вероятно, он поступает так, потому что нет ничего другого. Но, по моему мнению,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
лучше ничто, чем заве-домая клевета.

Dixi*.

13 августа 1961. Комарово

Примечания 1) Вот какой упрек можно сделать даже самому при-стойному из них – Штаммлеру++. Он отводит мне одно десятилетие (1912–1922), и я оказываюсь современни-цей Блока и Гумилева, т.е. на поколение старше Ман-дельштама (f1938) и М. Цветаевой (f 1941). Он не до-гадывается, что и Постановления 46 г. не могло быть, если бы мои стихи не были связаны с текущей поэзией, если бы меня не так приняла Москва в апреле 1946 г. С какими-то неопределенными призраками прошлого никто у нас так не борется.

Продолжение

В фельетоне «Поэты» Георгий Иванов стилизует меня под «Незнакомку Блока» в большой шляпе с перь-ями (1922). Это уже верх безвкусицы. Какие перья в 22 г. я носила тогда шелковую шапочку (см. фотогра-фии). Никаких фэйфоклоков па «Тучке» не бывало.

+ Авторское примечание отсутствует. * Я сказал {лат.}, т.е. все необходимое сказано. ++ Он указывает как литературу о нас книгу Страховского, очевидно, еще не разоблаченную. •

О Н. ГУМИЛЕВЕ

В стихах Николая Степановича везде, где луна («И я отдал кольцо этой деве Луны...») – это я. (Все пошло с «Русалки», «Из города...», «Неттебя...» 1910, «Семирамида». Жемчуга – тоже мой атрибут.) Затем – Анна Комиена. (Тема ревности.) «Рощи пальм (08) и через 10 лет «Эзбеки»». Последнее воспо-минание (в «Памяти»): «Был влюблен, жег руки...»

Машу Кузьмину-Караваеву, которая его не любила, он ни в чем не попрекает, а только благослов-ляет и живую и мертвую. До самого конца.

Самой страшной я становлюсь в «Чужом небе» (1912), когда я в сущности рядом (влюбленная в Мефи-стофеля Маргарита, женщина-вамп в углу, Фанни с ад-ским зверем у ног, просто отравительница, киевская кол-дунья с Лысой Горы) (а выйдет луна – затомится). Там борьба со мной! Не на живот, а насмерть! (И упрек: Но как...) А потом:

Ты победительница жизни, и я товарищ вольный твой.

и:

Я ведаю, что обо мне, далеко, Звенит Ахматовой сиренный стих.

М.б. , никто так глубоко не понял и так тонко и вер-но не изобразил Вяч. Иванова, как Бердяев, но гово-рит о нем с точки зренья современника и не поэта.

(Во-обще удивительно, как поэзия чужда этому необыкно-венному человеку.) Конечно, Вяч. и шармёр, и позёр, но лще больше хищный, расчетливый Ловец человеков. ьрдяев видел его в период сред, мистического анар-хизма, соборности и Зиновьевой-Аннибал, я в пери-од однолюбства (!?), понедельник и вдовства, кото-рое кончилось беременностью Веры. В 1-ый период была на башне и проакадемия, при мне только «верные» (Скалдин, Верховский, Бородаевский, Княжнин...), и Вяч. витийствовал в «Академии стиха».

Ни прельстителем, ни соблазнителем Вяч. Ива-нов для нас (тогдашней молодежи) не был. А «миро-носицы», разумеется, млели. См. цеховую эпиграмму:

Вячеслав, чеслав Иванов...

Сейчас, прочитав Бердяева, считаю, что у нас были все основания так относиться к башне.

Очень многое, о чем пишет Бердяев, «двоится», «троится» в моей поэме, там угадано что-то, м.б., даже главное.

Ведаю, что обо мне, далеко, Звучит Ахматовой сиренный стих+.

А вот другое. Мой первый портрет – в «Пути 3 Конквистадоров» – «и властно требует мечта, чтоб этой не было улыбки». Кроме того, что очень рано («Путь Кон-квистадоров») в Царском Селе я стала для Гуми-лева в стихах (почти Лилит, т.е. злое начало в женщи-не). Затем (например, см. «Сон Адама» – Ева).

Он говорил мне, что не может слушать музыку, по-тому что она ему напоминает меня.

+ Ср. Виллон: ...au voix de sirene*.

(«Баллада о дамах старых времен») * Голосом сирены (фр.).

для МАРТЫНА

6 ноября 1962 Москва

I. Два акростиha 1911. То же в сне Адама про Еву. Она – двоится. Но всегда чужая. Это в общем плане, но уже было приложено к Ахматовой. Вечная борь-ба, сравни с «Жемчугами». (Цитаты.)

II. Посвящение «Русалки». Автограф.

III. На даче Шмидта сжег рукопись пьесы «Шут короля Батинволя» за то, что я не захотела ее слушать.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (IV. Тема – Гумилев и царское село. Всеволод Рождественский, Оцуп и т.д.).

V. Поздние воспоминания («Эзбеские» и «Па-мять»).

VI. Мое первое письмо в Париж:

«Что это снова угроза Или мольба о пощаде?»

VII. Глухонемые не демоны, а литературоведы со-вершенно не понимают, что они читают, и видят Парнас и Леконт-де-Лиля там, где поэт истекает кровью (Вяч. Иванов и Брюсов). Я согласна, что в «Дворце велика-нов» (стр...) трудно угадать Царкосельскую башню, с которой мы (я и Коля) смотрели, как брыкался рыжий кирасирский конь, а седок умело его усмирлял, что в неньфамах «Озер» не сразу рассмотришь желтые кув-шинки в пруду между Царским Селом и Павлов-ском, что только говоря об Анненском, Гумилев, Уже поэт-акмеист, осмелился произнести имя своего го-Рода, который казался ему слишком прозаичным и будничным для стихов"1" (см. «Путь Конквистадоров» и «Романтические цветы»), но ощущение, но траге-дия любви – очевидна во всех юных стихах Гумиле-ва. Героиня так зашифрована, как и пейзаж – иначе ,и. быть не могло. Ее первый портрет: Стр. 21.

У той жены, всегда печальной,

Глаза являют полутьму,

Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело Дрожит морщинами сомненья И меж бровями залегло Веков тяжелое томленье? И улыбаются уста н т.д.

И дальше:

И, в солнца ткань облечена, Она великая святыня

А венценосная богиня.

И она же девичий труп в песне певца (стр...), она же та, кто отказалась идти за чародеем (стр...) и «Не-веста дьявола», и та, кому отдан волшебный перстень с рубином – «за неверный оттенок разбросанных кос» (Царица – иль, может быть, только печальный ре-бенок...)++. Это ее он обещает взять на вершины и по-казать ей величье мира.

+ Это Царское Село. ++ (Ты, для кого собирал я на Леванте) И страшен... сумрак волос

(Анна Комнена)

Она же Русалка «Пути конквистадоров » опять («Урусалки чарУ°щии взгляд/У русалки печальные очи» (ср- «Анна Комнена»: но очи унылы/Как сумрак могилы).

В 10-ом году привез в подарок «Балладу». Тебе, подруга, эту песнь отдам, Я веровал всегда твоим стопам, Когда велела ты, нежа и карая...

(Ср. с стихотворением «Она – учиться светлой боли».

Следующий период – страшные стихи в «Чужом небе»: «И тая в глазах» – (прислал с дороги в Афри-ку), «Укротитель зверей», «Маргарита», «Отравлен-ный» ...

К ИСТОРИИ АКМЕИЗМА

Понять зарождение акмеизма без знания фактов и соображений, которые будут изложены здесь, просто невозможно. Когда я в последний раз говорила на эту тему с М.А. Зенкевичем, он обратил мое внимание на то, что у акмеистов никогда не было мещанатов, чего нельзя сказать об символистах. Это тоже верно, хотя от-нюдь не самое главное4". Даже номера «Гиперборея» вы-купали мы сами, а журнал почти единолично вел Лозин-ский. Жирмунский признается, что напутал с Кузминым и его «прекрасной ясностью» (см. статью Кузмина через несколько недель после смерти Николая Степано-вича).

+ Волков в весьма смягченном виде в каком-то IV-ом изда-нии продолжает витийствовать о связи акмеистов с крупной буржуа-зией, забывая, что «культ личности» довольно давно сдан на слом.

Чтобы говорить об акмеизме, следует твердо усво-ить, когда он появился на свет, а не цитировать Гумилева 1910 г., как делает Глеб Струве («Мы не можем не быть символистами»). Гумилев надеялся, что его поддержит Брюсов («Русская мысль») в пику Вяч. Иванову, кото-рый сразу был откровенно враждебен (см. письмо), но что бы осталось у Брюсова, если бы он отрекся от симво-лизма? И Брюсов обрушился на акмеизм, и Н. Гумилев в его статье превратился в г-на Гумилева, что на языке того времени означало нечто стоящее вне литературы.

Но все это сведения, хотя и необходимые, но второ-степенные. Всего нужнее понять характер Гумилева и самое главное в этом характере: мальчиком он поверил в символизм, как люди верят в Бога. Это была святыня неприкосновенная, но по мере приближения к символис-там, в частности к «Башне» (В. Иванов), вера его дрог-нула, ему стало казаться, что в нем поругано что-то.

Андрей Белый где-то сообщает, что он дал Гумиле-ву программу акмеизма, небрежно набросав ее на бумаге, и Гумилев взял, сказав, что это ему подхо-дит. Более отчаянной и бессмысленной выдумки я ни-когда не слыхала. От себя добавлю, что когда Гуми-лев пригласил Белого с женой к нам в Царское Село, тот почти невежливо уклонился. И акмеизм находит в 10-ом году (см. ...). Да и почему бы Белый, один из столпов символизма и автор основной работы по символизму, стал бы

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова свертать самого себя.

В 1914 произошел внутренний раскол цеха. Гумилев и Городецкий поссорились. Уцелели письма, которыми они обменялись, т.е. я имею в виду письма Городецкого к Гумилеву, недавно кто-то приобрел их у вдовы Рудакова, которой я дала их на сохранение, а она, как известно, торгует всем ей доверенным. Но сейчас не в этом дело. В 1915 году произошла попытка примирения, и мы были у Городецких на какой-то новой квартире (около мечети) и даже ночевали у них, но, очевидно, трещина была слишком глубокой, и возвращение к прежнему было невозможно. Потом возникали цехи, куда-то меня приглашали, куда-то нет, но все они никакого значения для истории акмеизма не имели.

Статья Мандельштама «Утро акмеизма» написана, вероятно, в 1913 г., а не тогда, когда напечатана в «Сирене» (1919). Самый термин «акмеизм» до следующих поколений донесли не мы и не друзья (их не было, а враги).

Помню, еще в редакции «Северных записок» Осип и я пристали к синдикам, что пора кончать Цех (Первый). В моей записной книжке написали как бы прошение, и я тут же подделала все подписи. (С. Городецкий наложил резолюцию: «Всех повесить, а Ахматову заточить пожизненно – Малая 63». Все это шутка, но...)

Там же, помнится, мне было неприятно, что Городецкий поносит последними словами стихи Блока «Сви-рель запела...».

На этом же собрании от нас публично отрекся Н. Клюев, а когда пораженный Н.С. спросил его, что это значит, он ответил: «Рыба ищет, где глубже, чело-век, где лучше»...

Действительно, быть акмеистом в это время было не слишком уютно.

Было, как полагается, и генеральное сражение в Академии Стиха. Я вернулась из Киева от мамы, и у Меня вскопчила температура.

В зиму Sturm und Drang акмеизма мы несколько раз выступали как группа. Гумилев и Городецкий читали доклады, помню, как старик Радецкий (?) с гигантской бородой потрясал кулаками и кричал: «Эти Адамы и эта тощая Ева» (т.е. я).

В расчеты этой группы входило изъять меня из обращения, потому что у них была готовая кандидатка на эту вакансию. Потому и в своих бульварных мемуарах Георгий Иванов («Петербургские зимы») так описывает эти вечера: см. цитату на с. 567–568.

Надо признаться, что этой страничке необычайно повезло. Я видела ее и по-английски, и по-итальянски++.

Однако справедливость требует отметить, что в ней (как, впрочем, и во всех писаниях Г. Иванова) нет ни слова правды.

В начале 20-ых годов вышли мои книги – впервые большие тиражи (5000) и немедленно были распроданы (15 тысяч): «Подорожник» и «Аппо Domini» (Алянский – «Алконост», Блох – «Petropolis»).

Но ни по-английски, ни по-итальянски нет конца абзаца, – там, наоборот, мое якобы «падение» было окончательным и бесповоротным. Я, якобы, сама осознала его (в 32 году) и перестала писать стихи до самого 1940 г., когда почему-то вышло «полное» собрание моих сочинений, тогда же вышла какая-то книга «Ива». Так называется в сборнике «Из шести книг» 1-ый отдел, никогда отдельно не выходивший и который содержал горсточку

+Страховский (Щацкий) стр. 74.

+ Примечания в Антологии поэзии XX в. 1961. Стр. (Эйнауди).

стихов из тех, что я писала с 22 по 40 год (название по первому стихотворению «Ива»; это в самом деле «Тростник»). Что же касается полноты сборника, то само заглавие опровергает это утверждение. Но иностранцам почему-то хочется замуровать меня в 10-е годы, и ничто, даже тиражи моих книг, не могут их разубедить. С 1940 по 1961 год были напечатаны в СССР девяносто пять тысяч экземпляров мною написанных книг, и ку-пить сборники моих стихов – невозможно. Что же касается начала 20-х годов (так называемый НЭП), то после того, что К. Чуковский противопоставил меня Маяковскому («Две России»), В. Виноградов написал известную статью «Стилистика Ахматовой», Б.М. Эйхенбаум – целую книгу (1922), моими стихами занимались формалисты, о них читали доклады и т.д. Все это действительно (как, впрочем, все в моей жизни) кон-чилось довольно печально. В 1925 г. ЦК вынес постановление (не опубликованное в печати) об изъятии меня из обращения. Уже готовый двухтомник («Петро-град» Гессена) был запрещен, и меня перестали печатать.

В частности, я считаю, что стихи (в особенности лирика) не должны литься, как вода по водопроводу, и быть ежедневным занятием поэта. Действительно, с 1925 г. по 1935 я писала немного, но такие же антракты были у моих современников (Пастернака и Мандельштама). Но и то немного не могло? появиться из-за пагубного культа личности. Кроме того, я писала тогда царскосельскую поэму «Русский Трианон», которая не сохранилась, потому что я расслышала в ней

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова. Онегинскую интонацию (отдельные строфы напечатаны).

4 Собрание сочинений, т. 5

К «СУДЬБЕ АКМЕИЗМА»

Я уже раньше указывала, что Городецкий, вкусив б мистического анархизма и соборности, в 1911–12 г. вступил в союз с Гумилевым, но, немного поклевав актизма, убедился в его непитательности (и даже ядо-витости), отряс прах и устремился дальше.

Картина этого «дальше» ярко обрисована в составленной или анонимно подсказанной им Антологии 1914 (очевидно, довоенной), где Гумилев, бывший недавний союзник, объявлен стилизатором, а сам С. Городецкий – народником (!?) вместе с Клюевым, [Затея не] а слово акмеизм вообще отсутствует. Вся затея совершенно провалилась. Никаких народников и природников нет и в помине, а вопрос об акмеизме обсуждается на всех языках. Рецепт же Сергея Митрофановича был довольно прост: немного мифотворчества (Вяч. Иванов) и *stile russ'a* и снова чулковского мистического анархизма, но «Не тем в то время сердце полно было» у элиты, за бывшим «солнечным мальчишкой Сережей Городецким» уже никто не пошел, а он сам через несколько месяцев писал – «Что думает державный Он» (сб. «1914 г.»). Дальнейшая судьба этого персонажа, вероятно, любопытна с многих точек зрения, но к истории русской поэзии никого отношения не имеет.

(Москва, 27 сентября 1962)

ГУМИЛЕВ

1) Автограф «Русалки». (1904) 7 2) Отчего не сказано, что парижские «Романтические цветы» посвящены мне (цитата из письма Брюсову). Это же посвящение повторено в «Жемчугах» в 1910 г.

3) Зачем жалеть об отсутствии мемуаров врагов (Волошин, Кузмин), а не друзей (Лозинский, [и др.] Зенкевич...)

4) Как можно придавать значение и вообще подпускать к священной тени мешчанку и кретинку А.А. Гумилеву, которая к тому же ничего не помнит не только про Н. Гумилева, но и про собственного мужа. Единственным близким человеком в доме для Николая Степановича была мать. Об отце он вообще никогда не говорил (характер Степана Яковлевича, над Митей открыто смеялся и так же открыто презирал. Когда Митя шел на войну, любящая супруга потребовала раздела имущества Анны Ивановны (т.е. будущего наследства) и завещания в свою пользу: «Я совсем не хочу, чтобы, если Митю убьют, А.А. на мамины деньги открыла публичный дом». Больше он о ней ни слова не сказал.

5) О радостях земной любви (посвящение мне) 2 раза.

6) Отчего выпали все приезды Николая Степановича ко мне (Киев, Севастополь, дача Шмидта, Люстдорф) из Парижа и Петербурга.

7) Отчего выпали: Таня Адамович (1914–1916), Лариса Рейснер (1916–1917), Арбенина (1920) и др.

Но этому не приходится удивляться, если этой бойкой шайке удалось изъять из биографии Николая Степановича даже меня. В данном случае мне жаль [не столько] Гумилева [как человека] как поэта. Все начало его творчества оказывается парнасской выдумкой («поражает беспечностью» и т.д. И это всерьез цитирует якобы настоящий биограф в 1962 г.), а это стихи живые и страшные, это из них вырос большой и великолепный поэт. (См. отзывы о Гумилеве Брюсова и Иванова). Его страшная сжигающая любовь тех лет выдается за леконтделивщину, и биограф через Уг века выдает [его] это как факт непререкаемый. Неужели вся история литературы строится таким манером?

5)* В никаких цирковых программах я не участвовала (1911–1912), верхом не ездила (в 1912 донашивала ребенка), а когда все в Подобине или в Дубровке (лето 1913 г. Гумилев был в Африке) валялись на сеновале, м.б., раза два и демонстрировала свою гибкость. У Веры Алексеевны был, по-видимому, довольно далеко зашедший флирте Николаем Степановичем, помнится, я нашла не поддающееся двойному толкованию ее письмо к Коле, но это уже тогда было так не интересно, что об этом просто не стоит вспоминать.

Ездить верхом не умел. Конечно, в 1911–12 г. ездить верхом не умел, но в маршевом эскадроне Уланского полка осенью 1914 г (деревня Наволоки около Новгорода) он, по-видимому, все же несколько научился это делать, так как почти всю мировую войну провел в седле, а по ночам во сне кричал: «По коням!»

Очевидно, ему снились ночные тревоги, и 2-ой Георгий получил за нечто, совершенное на коне. А когда В.А. Чудовский приезжал ко мне из Петербурга в Царское Село верхом, Коля недоумевал, зачем это ему нужно, и говорил, что у них в полку в подобных случаях спрашивали: «Что ты, голубчик, моряк?»

Почему нигде и никогда не прочла, что развод попросила я, когда Николай Степанович приехал из*

Так у Ахматовой. за границы в 1918, и я уже дала слово В.К. Шилейко быть с ним. (Об этом я рассказывала М.А. Зенкевичу на Сергиевской ул., 7. См. в его романе 1921 г.)

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Почему этим, якобы грамотеям, не приходит в голову отметить тот довольно, по-моему, примечательный факт, что на моих стихах нет никакого влияния Гумилева, несмотря на то, что мы были так связаны, а весь акмеизм рос от его наблюдения над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама. Георгий Иванов даже позволяет себе выдумывать прямую речь Гумилева («Петербургские зимы», стр...) по этому поводу. Что Николай Степанович не любил мои ранние стихи – это правда. Да и за что их можно было любить! – Но, когда 25 марта 1911 г. он вернулся из Аддис-Абебы, и я прочла ему то, что впоследствии стало называться «Вечер», он сразу сказал: «Ты – поэт, надо делать книгу». И если бы он хоть чуть-чуть в этом сомневался, неужели бы он пустил меня в акмеизм. Надо попросту ничего не понимать в Гумилеве, чтобы на минуточку допустить это. Оно, впрочем, так и есть. Примерно половина этой достойной шайки (Струве...) честно не представляют себе, чем был Гумилев, другие, вроде Веры Неведомской, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительственный тон, третьи сознательно и ловко передергивают (Г. Иванов). Ярость Одоевцевой уже совсем непонятна. А все вместе это, вероятно, называется славой. И не так ли было и с Пушкиным и с Лермонтовым. Гумилев – поэт еще не прочитанный. Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы. Это он сказал: «На тяжелых и гулких машинах» и еще страшнее («Орел» – ...), «Для старцев все запретные труды» и, наконец, главное: «Земля, к чему шутить со мною...»

Конечно, очень мило, что семейная легенда хочет (la legende veut) видеть его однолюбом и рыцарем Прекрасной Дамы – Марии Александровны Кузьминой-Караваевой (7 декабря 1911), тем более, что Николай Степанович был действительно влюблен в Машу и посвятил ей весь первый отдел «Чужого неба» (это собственно стихи из Машиного альбома), но однолюбом Гумилев не был. (Когда он предложил Л. Рейснер (1916 г.) жениться на ней, а она стала ломать руки по моему поводу, он сказал: «Я, к сожаленью, ничем не могу огорчить мою жену.») В том же «Чужом небе» в следующих отделах помещены стихи, которые относятся [6 песнь стр. 460. Против воли я твой, царица, берег покинул] или прямо ко мне («Из города Киева» и «Она»), и [ли] так или иначе связанные с нашими отношениями. Их много и они очень страшные. Последним таким стихотворением были «Ямбы» (1913 г.), в котором теперь проницательные литературоведы (Г. Струве и Оцуп) начинают узнавать меня (и только потому, что, по их мнению, запахло разрывом). А где они были, когда возникали «Романтические цветы» – целиком просто посвященные мне (Париж. 1908), а в «Жемчугах» 3/4 лирики тоже относятся ко мне. (Ср. Еву в «Сне Адама», «Роши пальм...») Думается, это произошло потому, что к стихам Гумилева никто особенно внимательно не относился (всех привлекает и занимает только экзотика) и героиня казалась вымышленной. А то, что это один и тот же женский образ (возникший еще в «Пути конквистадоров»), а иногда просто портрет (Анна Ком-нена), никому и в голову не приходило.

Кроме напечатанных стихотворений того времени, существует довольно много в письмах к Брюсову стихов, где эта тема звучит с той же трагической настойчивостью.

Последний раз Гумилев вспоминает об этом в «Эз-беки» (1918) и в «Памяти» (1920?) – «Был влюблен, жег руки, чтоб волненье...», т.е. в последний год своей жизни.

Весь цикл «Чужого неба» очень цельный и двойному толкованию не поддается. Это ожесточенная «последняя» борьба с тем, что было ужасом его юности – с его любовью. Стихотворений не очень много, они разительно отличаются от Машиного альбомного цикла и одно страшнее другого. «Укротитель зверей» с эпиграфом Фанни Аппи, «Ты совсем, ты совсем...», «И тая в глазах злое торжество» (прислал с дороги), «Маргарита» (просто мой сон), сюда же относится и не включенное парижское («сделалась мучительно бледна»), ничего не меняет парадный портрет «Она», где он утверждает: «... к ней иду//Учиться светлой мудрой боли//В ее истоме и бреду» (ср. «Посылка» в «Балладе» 1910 г.: «Когда вела ты, нежа и карая»). Тайное и самое значительное – «Товарищ от Бога»..., «Из города Киева». Мои попытки отшутиться.

ЕЩЕ О ГУМИЛЕВЕ

Итак, оказывается, что Гумилева нам описывают три дементные, ничего не помнящие старухи. (А.А. Гумилева, Вера Неведомская и Ирина Одоевцева). Его стихи рекомендуются не любившим его Вячеславом Ива-

МАРГАРИТА

Мне в юности приснился странный сон, будто кто-то (правда, не помню кто) мне говорит: «Фауста вовсе не было – это все придумала Маргарита... А был только Мефистофель...» Не знаю, зачем снятся такие странные сны, но я рассказала мой сон Николаю Степановичу. Он сделал из него стихи. Ему нужна была тема гибели по вине женщины – здесь сестры.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
КАНАТНАЯ ПЛЯСУНЯ

В другой главе я объяснила корни этого стихотворения и указала место, которое оно занимает в поэзии Гумилева. Ср. «Игры» – заклинание зверей.

новым и вообще ничего не понимавшим Валерием Брюсовым. Оба тщательно пропускают в его творчестве главное (ясновидение), закладывают основание здания непрочитанности, своды которого до сих пор тяготеют над его стихами. Отрекшийся («Петр отрекается») от него Г. Иванов (см. последнюю книгу Г. Иванова) рекомендован другим. Вяч. Иванов якобы был в Цехе. Здесь уместно привести цеховую песенку:

Вячеслав, Чеслав Иванов, Телом крепкий, как орех, Академию диванов Колесом пустил на Цех.

Здесь ограничусь тем, что напомним стихотворение «Догорала тень...». В них соседние темы. Страшная женщина. С ними почти одновременно – «Из города Киева», где автор – добрый малый, который думал – забавницу, гадал – своенравницу, веселую птицу-певунью. Тоже мне – *stile russe!*

ЛУНА

1) Семирамида, вероятно, посвящена И.Ф. Ан-цу ненскому потому, что он ее похвалил.

Других причин нет, но она («Семирамида»), очевидно, примыкает к антилунным стихам («А выйдет луна, затомится», 1911. «Жену, что слишком была красива//И походила на луну», конец – «Нет тебя тревожней и капризней» (цитата...) и «Я отдал кольцо этой деве Луны», то «Лунная дева, то дева земная», а еще просил отдать насовсем две мои «бродячие строчки»:

Я только голосом лебединым Говорю с неправедною луной.

А Семирамида, кроме того, еще и мужеубийца. А это тоже его тема. См. «Чужое небо – «Отравленный» и его корни в «Жемчугах»:

Все свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал...

Сразу три слоя... Обо всем этом никто ни слова не сказал.

+ «Из логова – змиева» – меня за гибкость называли – женщина-змея.

5 шюста 1963

САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ

Продолжение невнимание критиков (и читателей) безгранично. 12 что они вычитывают из молодого Гумилева, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди? Ни одна его тема не прослежена, не угадана, не названа. Чем он жил, к чему шел? Как случилось, что из всего вышеназванного образовался большой замечательный поэт, творец «Памяти», «Шестого чувства», «Трам-вая» и т.п. стихотворений? Фразы вроде: «Я люблю только «Огненный столп», отнесения стихотворения «Рабочий» к годам Революции и т.д. ввергают меня в полное уныние, а их слышишь каждый день.

Для М. МАЛИЯ

Разбор статьи Г. Иванова: Поэты. Разгром его си-13 стемы. Никогда и нигде он не сказал ни слова правды. Лично обо мне он ничего не помнит. Был кузминский мальчик. Знал, что я не признавала его как поэта, ни разу с ним не говорила, в издании 1928 г. пишет (следу-ет? окаменелая цитата), в издании 1952 г. (Чехова) снимает эту цитату. Он циник – ему все равно. В честь Одоевцевой «ссаживает меня с трона» (20-ые годы), в 50-ых, узнав поэму через Гуля, вещает: «Осталось два громких петербургских голоса – Гумилев и Ахматова». Отрекается от сделавшего его («Петр отрекается и предает Иуда...») Гумилева (позорит его в 29 г. – снимает в 52 г.), и мертвая девочка оказывается в «Разложении атома», очевидно, его собственная жертва.

Показать все вранье о «Тучке» и объяснить, что вся книга на этом уровне. Отношение к сербскому веку (лицеисты [и], правоведы и нрзб); (в скобках: Познер с будуарным столом, который оказывается тюремными нарами. Издали не рассмотрел); (в скобках: Никакой реконструкции (см. Ло Гатто) поэмы Б. Филиппов не делает. Ни с чем она не связана, кроме («Или вышедший вдруг из рамы». «Сип.це») и чего-то относительно «гостя» из будущего – но он жив-вой, и я им не заведу).

Глеб Струве непонятно мягко пишет о «Зимах». Это – вреднейшая книга. Как можно [отдать] русское Возрождение отдать в руки глупому, злому и абсолютно безграмотному педерасту и позволить ему разыгрывать роль учителя жизни, он не упоминает ни одной вышедшей тогда книги, не подозревает о религиозно-философском обществе, о жизни духа вообще. См. Бердяева. Это пустой снобик из кузнецкой своры – сплетник и мелкий, но довольно хитрый дьяволенок. Этот портрет отразился в «Зимах», и больше ничего там нет. Написав это, он сам себя казнил, и на этом надо с ним проститься. Недаром он выбрал или вернее выдумал себе под статью и героиню – Веру Александровну (жену Пронина), наделился

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова ее красотой, умом и т.д., хотя в самом деле это была накрашенная, как литовская девка, мошенница, мелкая спекулянтка, от которой даже Луначарский отказывался в газетах. (Что-то о векселях или о детях...)

Ни Одоевцева, ни Оцуп Петербурга и не нюхали. Они появились в 19 г., когда все превратилось в свою

* Так у Ахматовой.

противоположность и, во-первых, все уехали. Если Одоевцева и Оцуп дожили до начала нэп'а – это не меняет дела. Нэп был дьявольской карикатурой на 10-е годы. Культ экслибрисов и аресты целых семей и полное их уничтожение.

К СТАТЬЕ Г. СТРУВЕ (О ГУМИЛЕВЕ)

I. Три безумные старухи (А.А. Гумилева, Вера и Н Одоевцева). Это не конкурс красоты. П. Волошин и Кузмин – враги.

III. Два критика: один его ненавидел (Вяч. Иванов), другой – не понимал (В. Брюсов). Надо было дать В.М. Жрмунскому.

IV. Мнимая объективность. Все его стихи – пре-ображенная жизнь.

V. Я – в ранних стихах Гумилева (и в биографии, что следует из «Биографической канвы», кото-рая существует), начиная с портрета в «Пути кон-квистадоров».

VI. Замазывание акмеизма – большой грех перед страдальческой тенью. Автор должен забыть собствен-ные пристрастия. Вяч. Иванов – в Цехе не бывал.

VII. К чему ложные и непроверенные сведения об аресте Л.Н. Гумилева.

IX.* Бредовые сказки о конце препятствуют выхо-ду Гумилева на Родине.

А.

Несколько слов об «Петербургских зимах» (за которые автор был бит). См. стр. Черубина де Габ-риак. После дуэли Вячеслав Иванов и Анненский были у Гумилева, а Волошин скрылся с петербург-ского горизонта и стал ездить в Москву.

Лизавета Ивановна все же чего-то не рас-считала. Ей казалось, что дуэль двух поэтов из-за нее сделает ее модной петербургской дамой и обеспечит почетное место в литературных кругах столицы, но и ей почему-то пришлось почти навсегда уехать (она возник-ла в 1922 г. из Ростова с группой молодежи...). Она написала мне надрывное письмо и пламенные стихи Ни-колаю Степановичу. Из нашей встречи ничего не вышло. Всего этого никто не знает. В коктейбеле бол-тали и болтают чушь.

Очевидно, в то время (09–10 г.) открылась какая-то тайная вакансия на женское место в русской поэзии. И Черубина устремилась туда. Дуэль или что-то в ее сти-хах помешали ей занять это место. Судьба захотела, что-бы оно помешала ей занять это место. Судьба захотела, чтобы оно стало моим. Замечательно, что это как-то по-лупонимала Марина Цветаева. (Найти в ее «Прозе» это место) стр. 152. Какой, между прочим, вздор, что весь «Аполлон» был влюблен в Черубину. Кто? – Кузмин, Зноско-Бо-ровский? – И откуда этот образ скромной учительни-цы.

Дмитриева побывала уже в Париже, блистала в коктейбеле, дружила с Марго, занималась провансальс-кой поэзией, а потом стала теософской богородицей.

А вот стихи Анненского, чтобы напечатать ее, Ма-ковский^{А*} действительно выбросил из первого но-

я делаю это не для себя, но неверное толкование 16 истоков поэзии Гумилева, это отсечение начала его пути, ведут к целому ряду самых плачевных заблуждений.

Выбросить меня из творческой биографии Гумилева так же невозможно, как Л.Д. Менделееву из биографии Блока. Я не претендую ни на что после «Ямбов» (1913). О своей «страшной» любви Гумилев вспоминает по-том только два раза:

1) «Эзбеки» (1918) (Ровно десять лет назад)

2) «Память» (1920)

первый раз с ужасом, второй, особенно значительный, звучит так:

Был влюблен, жег руки, чтоб волнение

Усмирить, слагал стихи тогда,

Ведал солнце ночи – вдохновенье,

Дни окостенелого труда.

Он совсем не нравится мне – это

Он хотел быть богом и царем,

Он повесил вывеску поэта

Над дверьми в мой одинокий дом.

Это последние слова Гумилева о его царскосельско-парижской трагедии, и которые дурные критики при-нимали за лекондделилившину.

мера, что и ускорило смерть Иннокентия Феодо-ровича. (См. Анненский – Маковскому пись-мо...) «Не будем больше говорить об этом и постараем-ся не думать». Об этом Цветаева не пишет, а разводит вокруг Волошина невообразимый очень стыдный сюсюк. Дгкабрь, 1962

ГУМИЛЕВ И АФРИКА

«Шатер» – заказная книга географии в стихах и 17 никого отношения к его путешествиям не имеет.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

В 1908 был в Каире (Эзбекие). Путешествия было два, одно длилось полгода. Уехал он осенью 1910 г., а вернулся 25 марта старого стиля 1911 г. Был в Аддис-Абебе через Джибути.

Второй раз он уехал в 1913 г. с открытым листом от Академии наук с племянником Николаем Леонидовичем Сверчковым (*|*19) (сыном сестры) для приобретения предметов быта (этнография).

Статья «Ловля акулы» (в «Ниве»). Был африканский дневник. В «Трудах и днях», что-то в «Ниве («Со-мали»)), могут быть какие-нибудь подробности. Африканские охоты. (Нарбут в Абиссинии) Африканская лихорадка. Триптих подарил профессору Турае-ву. Песни записывал.

X был очень силен и мать X плачет очень громко
М.б., существуют письма с пути и с места.
Забавные плакаты – запрещенье охов.
Книга Сверчкова о путешествии 1913 г. была отдана в Издательство Гржебинаи, по-видимому, там пропала.
Из нее вырос тот поэт, которого сейчас так ценят, оттуда его донжуанство, его страсть к путешествиям, которыми он лечил душу, и оттуда – Стихи.
7 января – е1 час. 1963
Это лекарство – «Рощи и пальмы» (1908?)
Сопоставить это стихотворение с «Эзбекие», 1918 (Париж), когда новая несчастная любовь напомнила ему то, что было с ним ровно десять лет назад, т.е. в 08 голу. О скорой смерти я молился Богу и сам ее приблизить был готов.
Две мои фотографии (зимняя и летняя в Царскосельском Екатерининском парке на той самой скамейке, где Николай Степанович сказал мне, что любит меня, когда он был гимназистом 7 класса. (Февраль...)
ЕЩЕ ДЛЯ М. МАЛИЯ
Сохранились письма Ларисы Рейснер («к сожале-18 нию, я ничем не могу огорчить мою жену», – так передала мне Лариса слова Николая Степановича, это когда она сказала, что боится огорчить меня, выйдя за него замуж. Как я теперь думаю, весь мой протест в этом деле было инстинктивное желание сохранить себя, свой путь в искусстве, свою индивидуальность. Действительно поразительно, как девочка, 10 лет находившаяся в непосредственной близости от такого властного человека и поэта, наложившего свою печать на несколько поколений молодых, ни на минуту не поддавалась его влиянию, и, наоборот, он от внимательного наблюдения за ее творчеством как-то изменился (имею в виду «Чужое небо»), но это уже другая тема, которая скорее относится к зарождению акмеизма.
В «Сне Адама» тот же ахматовский комплекс «Чужая, чужая» (1909 г.)
В 1915 г., когда уже давно все было кончено, он пишет в очень ответственном месте (с фронта)
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеко,
Поэт Ахматова сиренный1- стих
До 3 января ШЗ
ДЛЯ М АЛИЯ
1. Поэма – волшебное зеркало, в котором каждый 19 видит то, что ему суждено видеть (4-примера –Чуковский, Михайлов, Влот, Филиппов).
2. Про Гарвард – снять.
3. Зачем смазывать акмеизм, зачем писать, что Вячеслав Иванов был в Цехе. (Все о Маше.) В. Ива-нов об акмеизме в восп.? сестры Герцык.
4. Кузмин и Волошин не друзья, а враги. К чему три дементные старухи.
5. Зачем приводить цитаты из Вяч. Иванова и Брю-сова. Один его ненавидел, другой не понимал.
5.** Русалка потому, что я жила у моря и плавала, (Посвящения.) Мой первый портрет 1904. Сравни. Мой последний портрет – в «Ямбах» (1913). Затем:
+ Au voix de sirene villon*
* Голосом сирены. Виллон (фр.), ** Так у Ахматовой.
Я ведаю, что обо мне, далеко,
Поэт Ахматова сиренный стих (1915?)
Донжуанство как результат нашего «романа».
Освобождение через стихи «Чужого неба». Итог – «Ямбы» (1913). Два поздние воспоминания: 1) «Эзбек-ские» 1918 – ровно 10 лет назад. 2) «Память» 1920 – Был влюблен, жег руки, чтоб волнение Усмирить, слагал стихи тогда, Ведал солнце ночи – отдохновение, Дни окостенелого труда.
И тут же отрекается от того:
Мне совсем не нравится он – это Он хотел быть богом и царем, Он повесил вывеску поэта Над дверьми в мой молчаливый дом.
[В этом нельзя не видеть] Из этого следует, что из той любви вырос поэт. Но из

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматову же вырос и Дон Жуан и Путешественник. И донжуанством и странствиями он лечил себя от того смертельного недуга, который так тяжело порастил его и несколько раз приводил к попыткам самоубийства. В сущности, все рассказано в стихах всеми словами, такой молодой и неопытный поэт, конечно, еще не умел шифровать свои стихи. Стоит только выбрать нужные цитаты и сопоставить их, может быть, даже разделив на периоды.

I. «Путь конквистадоров».

(«Русалка» (от плаванья и морского детства, ав-тограф у меня) – первый портрет – стр...

Дева Луны (от лунатизма – эта линия идет довольно далеко, и ее легко проследить до «Чужого неба».

А выйдет Луна – затомится... и т.д.).

II. «Романтические цветы (парижское по-священие). В письме к Брюсову пишет, что не включил «Маскарад», потому что его посвящение (де Орвиц За-нетти) противоречит общему.

В этой книге весь ужас этой любви – все ее кошмары, бред и удушье. Призрак самоубийства неотступно идет за Поэтом. К этому следует прибавить, что это только «избранные» стихи того периода. (См., например, «Анна Комнена» с почти портретом.) К этому времени Она становится для поэта – Лилит, т.е. злым и колдовским началом в женщине. Он начинает прозевать в ней какую-то страшную силу. Надписывает «Цветы зла»: «Лебедю из лебедей – путь его к озеру». Надо вспомнить, чем он питался. Если «Charogne»* – любовное стихотворение, почему эти гиены, блудницы и т.д. не могут быть тоже любовной лирикой:

Лиру положили в лучшей зале, А поэту выкололи очи.

Черная ревность душит, сводит с ума. Измена чудится всюду («Она Мэзи, ей все можно» – говорил из «Свет погас»).

III. «Жемчуга» [«Чужое небо»] Надписал: «Кесарю – Кесарево»**, привез, когда приехал венчаться, тогда же (1910) подарил «Балладу»:

* «Падаль» (фр.).

** На полях вдоль текста на л. 4 помета Ахматовой, вписанная позднее: «На "Жемчуга" написал мне: "Кесарю – Кесарево. Анне Горенко"».

Тебе, подруга, эту песнь отдам, Я веровал всегда твоим стопам, Когда вела ты, нежа и карая. («Чужое небо».)

(См. цикл «Беатриче».)

IV. И последний цикл стихов в «Чужом небе»+ – повесть о том, что случилось с ним и его любовью, как он с ней борется, какая она все же страшная, но в этих стихах уже и освобождение. Тут же цикл стихов из Машиного альбома. Потом – только «Ямбы».

На дальнейшее творчество Николая Степановича я не претендую. Он писал и М. Левберг (п-ой Цех без меня) и [его] своей «большой любви» Тане Адамович (познакомился 6 января 1914 г.), и будущей жене А.Н. Энгельгардт (см. их переписку), и Ар-бениной, и Одоевцевой. Целый сборник посвящен парижской даме («К синей звезде»).

Прекращаю перечисление, потому что не хочу превратиться в Лепорелло, поющего свое знаменитое ариозо «Каталог побед».

Январь 1963

Даже трудно себе представить, кому могло прийти в 20 голову так зло подшутить над стариком. Очевидно, у него были очень опасные враги. Но совершенно несомненно, что когда-то в Париже чрезвычайно устраивала легенда о + Я имею в виду «Набегала тень...», «Укротитель зверей», «Ты совсем, ты совсем...». Сюда же: «Из города Киева», «Она», два ак-ростиха, где двойственность, и парижское «Нет тебя» (1911), где и луна, и «Тебе предался я давно». И как ни странно – Товарищ от Бога. («Маргарита» – просто запись моего сна).

моей ревности. Лариса Рейснер сказала мне, что когда Николай Степанович предложил ей на ней жениться, она только заикнулась, что не хочет меня огорчить, он сказал: «К сожалению, я ничем не могу огорчить мою жену». За точность этих слов я ручаюсь.

Кому же было нужно выдумывать сказки о ревности и т.д. Сергей Константинович клюнул на эту удочку – жены так часто ревнуют. Идет ли это от Веры, или Лизы, или Одоевцевой, не все ли равно. Маковский пове-рил басне, которой в 10-ых годах не существовало, и вместо того, чтобы писать об участии Гумилева в «Апол-лоне», о зарождении акмеизма, о позиции «Башни», он, старый человек, срамится, передавая с чьих-то слов, зло-вонные и насквозь лживые семейные истории. Никакая Вера Неведомская не может быть истолковательницей отношений Гумилева и Ахматовой. Это была «летняя» отдаленная знакомая, с которой Гумилев катался вер-хом два лета (1911–12 г.). В 1913 он был в Африке, 14 – поехал к Тане Адамович в Вильну, потом война. За себя ручаюсь, что я не сказала с ней десяти

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

слов,

тэ

3 августа

Рыбакова. Наб. Кутузова, 12 кв. 5.

Открываю эту тетрадь критикой чудовищной писа-1 нины С.К. Маковского, которую я получила сегодня из Парижа.

Он умудряется сделать почти столько же ошибок, сколько пишет слов: развязность его не имеет предела. Это то, что Ш. называет маразмист-затейник. Перед ним мер-кнут и Страховский, и Георгий Иванов. В Париже ему кое-что рассказали – Митя Караваев, Дима Бушей, м.б., Вера Иеведомская. Сам он в Слепневе никогда не был. Никакую красавицу в царскосельском доме я не по-сеяла (имеется в виду Таня Адамович, которая была про-сто дурнушка), и это мог выдумать только человек, ко-торый насмерть забыл дореволюционный быт и, в ча-стности, дом Анны Ивановны, в котором такая вещь была просто невозможной. Своими письмами я прекрати-ла Г. Иванова и Страховского, но тотчас же возникли Маковский и Вера Неведомская, и А.А. Гумилева (Ми-тина жена). Хорош и отец Дмитрий (Кузьмин-Карава-ев), который, несмотря на свой монашеский сан, не нашел ничего лучшего, как рассказывать о своем, так страшно погибшем друге, непристойные истории. Лучше бы отслужил по нем une messe funebre*.

Вера пользуется тем, что в Слепневе нас, естественно, почти никто не видел, и пишет почему-то злостный вздор. М.б., она знала, что мы смеемся над ее очевидной ревнос-тью (к мужу Володе), и решила отплатить той же монетой.

Относительно Татьяны Викторовны Адамович, ко-торую так роскошно подает Маковский, могу только на-помнить мою строчку:

«Мужа к милой привожу» (1914). (Из стихотво-рения^ «Мне не надо счастья малого».) Это была моя единственная реакция на этот «роман» Гумилева.

Начался он в 1914 г., а в 1916 – уже во всем блеске была Лариса Рейснер, что следует из их сохранившейся переписки и из ее «исповеди» 1920, с которой она при-шла ко мне в Фонтанный Дом.

Но в сущности ко мне это никакого отношения не имеет, потому что скоро после рождения Левы, мы

* Заупокойную службу (фр.).

молча дали друг другу полную свободу и перестали инте-ресоваться интимной стороной жизни друг друга. Тем не менее в 1915 г. Гумилев писал с войны:

Я ведаю, что обо мне, далеко, Звучит Ахматовой сиренный* стих,
а в 1916, когда я сказала что-то неодобрительное о на-ших отношения, он возразил: «Нет, ты научила меня ве-рить в Бога и любить Россию».

Н. ГУМИЛЕВ САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА

Стихи, отзывы, письма. Из «Пути конквистадо-22 ров» – «Русалка». 1904 г. (автограф с посвященьем) и первый портрет. (Цитата++) «Баллада». Кольцо с ру-бином. Женский труп.

...au voix de sirene.

Кто объяснит нам, почему

У той жены всегда печальной

Глаза являют полутьму,

Хотя и кроют отблеск дальний.

Зачем высокое чело Дрожит морщинами сомненья, И меж бровями залегло Веков тяжелое томленья?

И улыбаются уста Зачем загадочно и зыбко? И властно требует мечта, Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар? Зачем в очах огонь пожара? Она для нас большой кошмар Иль правда горестней кошмара

«И увидел там деву больную, как сон».

(И он отдал кольцо этой деве Луны

За неверный оттенок разбросанных кос.)

Глаза серые два раза. (У Веры Арене были ярко-голубые глаза). Ей он написал, что стихи ей, во время нашей длительной ссоры, а мне прислал его гораздо рань-ше, записанным на Обри Бердслее. (В Севастополь.)

Другое стихотворение («Царица иль, может быть, просто капризный ребенок»), которое в том же пись-ме к вере он якобы обращал к О.В. Голенищевой-Куту-зовой, тоже имеет другую адресатку. (Мы сидели у моря, дача Шмидта, летом 1907 г., и волны выбросили на бе-рег дельфина. Николай Степанович уговаривал меня уехать с ним в Париж – я не хотела. От этого воз-никло это стихотворение и еще один мой портрет в ряду других.) В 1910 г. привез «Балладу» – мне.

См. envoi4-:

Тебе, подруга, эту песнь отдам, Я веровал всегда твоим стопам, Когда вела ты, нежа и карая, Ты знала все, ты знала, что и нам Блеснет сиянье розового рая.

А вот мелькнувшая надежда:

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Девушка, игравшая судьбой, Сделается нежною женой, Милым сотоварищем в
работе...4+

+ Заключительную строфу стихотворения, поэмы (посылку) (фр.). ++ Парижское
стихотворение 1910 г. – «Нет тебя...» опи-сывает то, что действительно было, но
уже начинается двойственность – дневная – ночная (и как всегда – луна). Ср.
«Семирамида» и «Из города Киева».

(1910 – летом, из IV главы «Открытия Америки».) Там же («Открытие Америки»
Гумилев пи-сал летом на Бульварной после Парижа):

Знаю, сердце девушек бесстрастно, Как они, не мучить никому.

В «Сне Адама» опять эта «проблема женщины» (Ева и Лилит – святая и блудница). И
ужас: «Чужая, чужая!» Книга «Романтические цветы» 1908 г. целиком обращена ко
мне. Когда Брюсов спросил, поче-му там нет «Маскарада», Гумилев ответил: «Потому
что посвящение противоречит общему посвящению книги». Об этот ужас, «больной
кошмар», разбиваются, все надежды. (Укрошение зверей:

И голодные тигры лизали колдуну его пыльные ноги.)

Через несколько лет, в 1911 г.:

Зверь тот свернулся у вашей кровати, Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

А это тот зверь, который «первым мои перекусит колени». Вторая надежда
(экзотическое путеше-ствие кончается точно так же, причем и начало, сере-дина, и
конец в одном стихотворении):

И тая в глазах злое торжество, Женщина в углу слушала его+.

И наконец:

+ А в итоговых «Ямбах»:

Ты, для кого искал я на Леванте Нетленный пурпур королевских мантий.

«Я увидел блестящий кинжал

В этих милых руках обнаженным».

Прислал из Парижа в период самоубийства, а [в том же] 1911 г.:

И мне сладко, не плачь, дорогая, Знать, что ты отравила меня.

И все время как непрерывный аккомпанемент – черная жгучая ревность.

Лиру положили в лучшем зале, А поэту выкололи очи.

Н.Н. Пунин говорил: «Я боролся с ней, как Иаков с ангелом и всегда оставался
хром».

ЧУЖОЕ НЕБО

Стихи из «Чужого неба», ко мне обращенные, 23 несмотря на всю их мрачность, уже
путь к освобожде-нию, которое, по мнению некоторых лиц, никогда не было полным,
но предположим, что было. После «Ям-бов» я ни на что не претендую. Но и в «Чужом
небе» я не одна.

1963

Цикл стихов Маше – просто стихи из ее альбома, там же какая-то лесбийская дама
(не то В. Яровая, не то Паллада), потом (уже в 14 г.) Таня Адамович, М.

Лев-берг, Тумповская, Лариса Рейснер, А. Энгельгардт. На ком-то он собирался
жениться (Рейснер), на ком-то же-нился (Энгельгардт), по кому-то сходил с ума
(«Синяя звезда»), с кем-то ходил в меблированные комнаты

+ Но так как я привыкла доходить до корня вещей, – мне стало ясно, что старушкам
в эмиграции очень захотелось, чтобы к ним ревно-вала Ахматова своего мужа, что
они были как минимум ga-raes Виже Лебрен, Аделины Патти, Лины Кавальери, га-те
с!е Сталь и м-те Ре-камье. Это несомненно их священное право, но лучше пусть они
теснятся вокруг книг Николая Степановича и выбирают, кому вершки, кому корешки,
и оставят меня в покое. Обо всем, что я написала в этой тетра-ди, они не имели
представления. Ни Гумилев, ни я не разглашали под-робности наших отношений, эти
дамы (и кавалеры) застали нас в совер-шенно иной (завершительной) стадии, они и
не подозревали и до сих пор не подозревают о трагических годах 05–09, о том,
сколько раз я разрушала наши отношения и отрекалась от него, сколько раз он, по
сек-рету от родных, заняв деньги у ростовщика, приехал, чтобы видеть меня (в
Киев в 1907 г., на дачу Шмидта летом 07 г. возле Херсо-неса, в Севастополь, в
Люстдорф в 1909 под Одессой, опять в Киев), как в Париже через весь город ездил
взглянуть на дощечку – boulevard Sebastopol, потому что я жила в Севастополе,
как он не мог слушать музыку, потому что она напоминала ему обо мне, как он
ревновал, при-чем, чтобы доказать его ревность по стихам, не надо пускаться на
такие мелкие хитрости, как Мако (стр...), который цитирует вторую и тре-тью
строфы (цитата) и опускает первую:

Муж хлестал меня узорчатым,

Вдвое сложенным ремнем,

Для тебя в окошке створчатом

Я всю ночь сижу с огнем – из которой следует, что ревность героини обращена
отнюдь не к мужу, если уж стихи эти обо мне. Хотя очевидно, никакой муж и т.д.,
и нико-го я не ждала до зари. Как, наконец, получив после длительного молча-ния
мое самое обыкновенное письмо, ответил, что он окончательно по-

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов (Ира?), с кем-то без особой надобности заводил милые романы (Дмитриева и Лиза Кузьмина-Караваева), а от бедной милой Ольги Николаевны Высотской даже родил сына Ореста (13 г.). Все это не имело ко мне решительно никакого отношения. Делать из меня ревнивую жену в 10-ых годах очень смешно и очень глупо+. Уже, когда в начале 20-х годов я руководила сборами воспоминаний о Николае Степановиче, я называла эти и еще очень многие женские имена, не для сплетен, разумеется, а для того чтобы указать, к кому что относится. Ошибка современных зарубежных литературоведов заключается главным образом в том, что они видят автобиографию только в «Ямбах». После «Ямбов» Гумилев вспоминает о своем молодом бреде два раза.

I. «Эзбекие»+ (1918 г. в Париже, когда он переживал очень глубокое чувство к «Синей звезде»). (Цитата.)

II. «Память» – тут он прямо всеми словами говорит, что это тут «он повесил вывеску поэта/Над дверьми в мой одинокий дом», т.е. оттуда пошли стихи.

...и уже совершенно чудовищная басня (из мемуаров С. Маковского) о том, что Аня была ревнивой женой. Если покопаться, наверно, окажется, что эта легенда идет от эмигрантских старушек, которым очень хотелось, что все на свете интересует его постольку, поскольку это имеет отношение ко мне, как из моей брошки (голова и крылья орла) он сдобрал одно из своих самых значительных стихотворений, как от обиды и ревности ездил топиться в Трувилль и в ответ на мою испуганную телеграмму ответил так: «Vivrai toujours»*, как он рассказывал Ал. Толстому, что из-за меня травился на fortification** (это было записано со слов Толстого).

* Проживу еще (фр.).

** Укреплениях (фр.).

+ Прошу сравнить: «Рожи пальм и заросли алоэ» (1908). Это и есть 10 лет, о которых говорится в «Эзбекие».

хочется быть счастливыми соперницами такой женщины, как Аня. Но, боюсь, что им ничего не поможет. Они останутся в предназначенной им неизвестности. А Аня – Ахматовой. А то, что все на свете позабывший и перепутавший 83-летний Маковский мог перепечатать этот злостный вздор, не вызывает ничего, кроме жалости. И хороши же его доказательства. (Примеры). А все это в конце концов – месье Ахматовой за то, что она не стала эмигранткой.

Вторая басня, [которую сочинил или пере] имеет [гораздо] более преступное намерение. Кому-то просто захотелось исказить образ поэта. Не будем вдумываться, с какими грязными намерениями это было совершено, но оставить это так, как есть, не позволяет мне моя совесть.

Мне точно известно, что та, кого Маковский имеет Татьяна Александровна А., познакомилась с Николаем Степановичем в начале 1914 г., т.е. через год после «Ямбов», т.е. через год после того, как «Аня (очень нарядная) приехала ко мне и сказала: «С Колей все кончено».

Единственное отражение этого романа в поэзии Ахматовой – строчка «Мужа к милой привожу» (1914). Все остальное в клеветническом бормотании Маковского находится на уровне предложенного дневника Вырубовой.

9 мая. 1963 День Победы

Я совершила по этой поэзии долгий и страшный путь * со светильником и в полной темноте, с уверенностью лунатика шагая по самому краю. Сама я об этом не писала ни тогда, ни потом. Кроме двух стихотворений нрзб – одно [из них] даже напечатано¹, но описанию домашних ночных страхов царек осельского дома посвящена одна из семи «Ленинградских элегий» 1921 г. («В том доме было очень страшно жить»).

Я знаю главные темы Гумилева. И главное – его тайнопись.

В последнем издании Струве отдал его на растерзание двум людям, из которых один его не понимал (Брюсов), а другой (Вяч. Иванов) – ненавидел.

Мне говорят, что его (Глеба Струве) надо простить, потому что он ничего не знает. Я тоже многого не знаю, но в таких случаях избегаю издавать непонятный мне материал. Писать про мать сына Гумилева Ореста, ныне здравствующую (О.Н. Высотскую), что «не удалось выяснить, кто это», считать женой Анненского жену его сына (Кривича) Наталию Владимировну, рожденную фон Штейн, сообщать, что адмирал Немитц был расстрелян вскоре после Гумилева⁴, и этим препятствовать выходу стихов Николая Степановича на родине, жалеть, что нет воспоминаний Волошина и Кузьмина, называя их друзьями, в то время как они были лютые враги, приводить впечатления 8-милетнего Оцуа о внешности Гумилева, верить трем дементным старухам (А.А. Гумилевой, В.А. Неведомской, И. Одоевцевой), все забывшим, все мощно опешляющим и еще сводящим какие-то свои темные счета – все это едва ли достойное занятие, когда дело идет о творчестве

+ «И когда друг друга проклинали» и «Пришли сказали: "Умер твой брат"».

++ Недавно мы чествовали 83-летие первого советского адмирала Немитца. (См.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «Литературная Россия», 1963, № ...).

и жизни большого поэта и человека сложного и исключительного.

Но, конечно, Глебу Струве еще далеко до озарений 83-летнего Маковского, о которых придется говорить отдельно.

В Петербурге Маковского никто никогда не принимал всерьез. Его называли рара Масо и «моль в перчатках». Таким он и остался, приобретая в эмиграции все, что полагалось там приобрести¹. Кроме того, он, по-
+ Надо думать, что у старика (С.К. Маковского в эмиграции были очень жестокие враги, которые так беспощадно расправились с ним. Выдумка про мою ревность совершенно бесподобна. У Масо или не было моих книг, или он не удосужился их перечитать. А там ведь просто все написано. (Например: «Я и плакала и каялась...», «Муж хлестал меня узорчатым».) Про первое из этих стихотворений (1911 г.) Николай Степанович довольно язвительно сказал: «Ты пишешь по образцу украинской песни:

" Сама же наливала Ой, ой, ой, ой... Сама же выпивала Ой, Боже мой"». Но все-таки ему принадлежат «бродячие строчки»:

«Ты – победительница жизни, И я товарищ вольный твой» (10-ые годы).

И напечатанные во время войны:

И ведаю, что обо мне, далеком, Звучит Ахматовой сиренный стих++.

Бесконечное жениховство Николая Степановича и мои столь же бесконечные отказы, наконец, утомили даже мою кроткую маму и она сказала мне с упреком «Невеста невестная», что показало мне кощунством. Почти каждая наша встреча кончалась моим отказом выйти за него замуж. А «рара Масо» пишет: «Он не торопился жениться». Нет, Сергей Константинович, он очень торопился.

++ Сиренный стих из Виллона баллады о дамах..., «Au voix de sire-pe».

видимому, попал в какой-то специфический слепневский кружок (Митя Караваев – pere Dmitry, Дима Бушей, Вера Неведомская, Оля Оболенская), прямо хоть в Дубровку к Ермолаевым ехать на именины, но они не поехали в Дубровку, а занялись на досуге пустыми и зло-вредными сплетнями о людях, которые уже не могли защитить себя, – о Гумилеве и обо мне. В начале этого очерка я привожу ряд доказательств, теперь прошу читателя самому судить.

Поступить так толкают меня не личные соображения, а уважение к памяти так страшно погибшего поэта. Отсечение его корней или неверное толкование истоков творчества никогда не помогало понять и его расцвет.

1

Николай Степанович говорил, что согласился бы скорее просить милостыню в стране, где нищим не подают, чем перестать писать стихи.

2

Когда в 1916 г. я как-то выразила сожаление по поводу нашего в общем несостоявшегося брака, он сказал: «Нет – я не жалею. Ты научила меня верить в Бога и любить Россию».

3

Сейчас, как читатель видит, я не касаюсь тех особенных, исключительных отношений, той непонятной связи, ничего общего не имеющей ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями, где я называюсь «тот другой» («И как преступен он, суровый»), который «положит посох, улыбнется и просто скажет: «Мы пришли». Для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время. Но чувство именно этого порядка

5 С'jф'Jmіntс (O'нIIftffnif, т 5

заставило меня в течение нескольких лет (1925–1930) заниматься собиранием и обработкой материалов по на-следию Гумилева, Этого не делали ни друзья (Лозинский), ни вдова, ни сын, когда вырос, ни так называемые ученики (Георгий Иванов). Три раза в одни сутки я видела Николая Степановича во сне, и он просил меня об этом (1924. Казанская, 2).

Царское Село в стихах Николая Степановича как будто отсутствует. Он один раз дает его как фон к стихотворению «Анненский» («Последний из царско-сельских лебедей». Сам царскосельским лебедем быть не хочет.)

Однако это не совсем так. Уже в поэмах «Пути конквистадоров» мелькают еще очень неуверенной рукой набросанные очертания царскосельских пейзажей и парковая архитектура. (Павильоны в виде античных храмов.) Но все это не названо и как бы увидено автором во сне. Не легче узнать во «дворце великанов» – просто башню-руину у Орловских ворот. Оттуда мы действительно как-то раз смотрели, как конь золотистый (кирасирский) «вставал на дыбы».

Еще царскосельское впечатление (как мне сказал сам Гумилев):

Был вечер тих. Земля молчала, Едва вздыхали цветники, Да от зеленого канала, Взлетая, реяли жуки.

А это где-то около Большого Каприза и на пустыню Гоби мало похоже.

Третье – в стихотворении «Озера», «печальная де-вушка» – это я. Написано во

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

время одной из наших дли-
Об акмеизме (продолжение)

...Гумилев имел намерение опереться на Брю-26 сова, который вел систематическую борьбу с «Ора-ми», – т.е. Вячеславом Ивановым⁴". Вместо этого Брю-сов стал бешено защищать символизм, который он

См. Мочульский «Валерий Брюсов», стр.

тельных ссор. Николай Степанович потом пока-зывал мне это место. Ненюфары, конечно, желтые кув-шинки, а ивы действительно были. Царское Село было для Николая Степановича такой унылой неизменной прозой.

Две мои фотографии в царскосельском парке (зимняя и летняя) в 20-х годах сняты на той скамейке, где Николай Степанович впервые сказал мне, что любит меня (февраль...).

Его решение больше не жить, если я не уеду с ним (на Пасхе 1905), вероятно, точно отражено в «Трудах и днях» – их у меня сейчас нет под рукой.

Записать Духов день в Бежецке 1918. Церковный звон, зеленый луг, юродивый («Угодника раздели!»). Николай Степанович сказал: «Я сейчас почув-ствовал, что моя смерть не будет моим концом. Что я как-то останусь... может быть».

(Недавно, в 1963 г., Лида Арене сказала мне, что стихотворение «Андрогин» относится к ней, а Зоя Арене призналась, что в страшные времена сожгла два письма Николая Степановича.)

Записала в декабре 1963 г. Москва

сам только что объявлял конченным, а манифест Гумилева назвал опоздавшим на два года документом, к тому же еще списанным с «Заветов символизма» Вячеслава Ива-нова. Что могло быть убийственнее!

Как известно, манифест Гумилева вызвал мощ-ную бурю протестов, негодования, издевательства. Мы стали настоящими «poetes maudits»*. Отчего же, спра-шиваются, «Заветы символизма» прошли совершенно не-замеченными. А дело в том, что опытный литератур-ный политик Брюсов стал бить из тяжелых, как ска-зали б на фронте.

Милый, но наивный Мочульский многого недопо-нял в Брюсове.

Валерий Яковлевич принадлежал к тем [по-этам] мыслителям (таков был и Пастернак), которые считают, что на страну довольно одного поэта и этот поэт – это сам мыслитель.

В данном случае, примеряя маски, Брюсов решил, что ему (т.е. единственно истинному и Первому поэту) больше всего идет личина ученого нео-классика. Акмеисты все испортили, – приходилось вместо покойного кресла дневного ясного нео-классика (т.е. как бы Пушкина XX в.) опять облекаться в мантию мага, колдуна, заклинателя, и со всей свойственной ему ярос-тью, грубостью и непримиримостью Брюсов бросился на акмеистов.

А Белый еще лучше! – Он просто придумал, что Дал название?.

Я отчетливо помню то собрание Цеха (осень 1911, У нас, в Царском), когда было решено отмежеваться от

* Проклятые поэты (фр.).

символистов, с верхней полки достали греческий словарь (не Шульца ли!) и там отыскивали – цветение, вершину. Меня, всегда отличавшейся хорошей памятью, просили запомнить этот день. (Записать никому не приходило в голову). Что, как видите, я и сделала... Из свидетелей этой сцены жив лишь один Зенкевич. (Городецкий хуже, чем мертв).

...Стихи Нелли, как брюсовская реакция на успех моих ранних стихов. Когда просиял Пастернак, Брю-сов, как известно, стал подражать ему. На вечере жен-ской поэзии Брюсов выступил против меня, – оче-видно, в честь Адалис (см. воспоминания Цветаевой). Затем объявил Адалис нео-акмеисткой, как бы пере-шагнув через нас и объявив совершенно конченными».

«В ДЕСЯТОМ ГОДУ»

Всем, в особенности за границей, хочется, чтобы 27 меня «открыл» Вячеслав Иванов. Кто отец этой леген-ды – не знаю. М.б., Пяст, который бывал на «башне» (см. «Встречи»...)

А в самом деле было так: Н.С. Гумилев после наше-го возвращения из Парижа (летом 1910 г.) повез меня к Вяч. Иванову, он действительно спросил меня, не пишу ли я стихи (мы были в комнате втроем), и я прочла: «И когда друг друга проклинали» (1909. Киевская тет-радъ) и еще что-то (кажется: «Пришли и сказали»), и Вячеслав очень равнодушно и [иронично] насмеш-ливо [сказал] произнес: «Какой густой романтизм!» Я тогда до конца не поняла его иронии. Осенью Нико-лай Степанович, успев снискать вечную немилость

Иванова рецензией на '«Сог ardens» (см. «Аполлон» jsfo ... и письмо Иванова Гумилеву), уехал на полго-да' в Африку, в Аддис-Абебу. Вячеслав встретил меня на Раевских курсах, где он читал лекции, и пригла-сил на «Понедельники» (уже не «Среды»). Там я дей-ствительно несколько раз читала стихи, и он действитель-но

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматовых хвалили, но их тогда уже хвалили все (Толстой, Маковский, Чулков и т.п.), они были приняты в «Аполлон» и напечатаны, а тот же Иванов лицемерно посылал меня к З. Гиппиус. Александр Николаевич Чеботаревская увела меня в соседнюю комнату и сказала: «Не ходите к ней. Она злая и вас очень обидит». Я ответила: «А я и не собираюсь к ней идти». Кроме того, Вячеслав Иванов очень уговаривал меня бросить Гумилева. Помню его слова: «Этим вы его сделаете человеком». О том, как он tete a tete плакал над стихами, потом выводил в «салон» и там ругал довольно едко, я так часто и давно рассказываю, что скучно записывать.

Вячеслав был не великолепный и не Таврический (это он сам себе придумал), а «ловец человеков», и лучше всех о нем написал Бердяев. (Автобиография.) Н.В. Недоброво, который был на башне в неизменном фаворе, и Блок, которого Вячеслав в глаза называл соловьем, – оба знали о нем очень много и не верили ни единому его слову. Нынешняя молодежь, т.е. уже настоящие потомки, читают «Сог ardens», недоумевают и говорят: «Плохой Бальмонт».

Каким «хотел» казаться Вячеслав Иванов, может узнать всякий, кто потрудится прочесть о нем в антологии Эйнауди, где он, кстати сказать, помещен первым (Блок – вторым).

Нас (тогдашнюю молодежь) забавляло, как этого совершенно здорового 44-летнего человека, которому предстояло прожить до 1949 г., холили седые дамы, и М.М. Замятина сбегала с «башни», чтобы пледом укутать ноги Учителя (в апреле месяце), который ехал со мной на Мойку – в Академию. Он «играл» кого-то, кто никогда не существовал и, по-моему, не должен был существовать. Мне особенно была неприятна «игра» в «однолюба», как он любил себя именовать, потому что я жалела и любила бедную Веру.

То, что рассказывал об его семейных «забавах» Х. – ужасно. «Покойницу в доме» Кузмина – не читала.

РАЗЪЯСНЕНИЕ ОДНОГО НЕДОРАЗУМЕНИЯ

Теперь настает очередь Маковского. Сейчас прочла 28 у Драйвера (стр. 71), что они, Маковские, почему-то стали моими конфидентами, и против воли Гумилева Сергей Константинович напечатал мои стихи в «Аполлоне» (1911). Я не позволю оскорблять трагическую тень поэтессы нелевой и шутовской болтовней, и да будет стыдно тем, кто напечатал этот вздор.

Вначале я действительно писала очень беспомощные стихи, что Николай Степанович и не думал от меня скрывать. Он действительно советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, например, танцами. («Ты такая гибкая».) Осенью 1910 г. Гумилев уехал в Аддис-Абебу. Я осталась одна в гумилевском доме (Бульварная, дом Георгиевского), как всегда, много читала, часто ездила в Петербург (главным образом к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпановой), побывала у мамы в Киеве, и сходила с ума от «кипарисового ларца». Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, находила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает удаваться. А тут и хвалить начали. А вы знаете, как умели хвалить на Парнасе серебряного века! На эти бешеные и бесстыдные похвалы я довольно кокетливо отвечала «А вот моему мужу не нравится». Это запомнили, раздумали, наконец, это попало в чьи-то мемуары, а через полвека из этого возникла гадкая злая сплетня, преследующая «благородную цель» – изобразить Гумилева не то низким завистником, не то человеком, ничего не понимающим в поэзии. «Башня» ликовала.

Продолжение ... «Башня» – ликовала.

25 марта 1911 г. (Благовещенье старого стиля) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он, между прочим, спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно лжуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт – надо делать книгу». Вскоре были стихи в «Аполлоне» (1911, № 4, стр. ...).

Окончание

Вернувшись в Царское Село, Коля написал мне два акrostиха (они в моем альбоме) – «Ангел лег у края небосклона» и «Аддис-Абеба – город роз». В те же дни он сочинил за моим столиком «Из города Киева» – поллушутка, полустрашная правда. Снова признание своего бессилья в нашей вечной борьбе, о котором столько говорится в прошлых стихах. (... «и оставался хром, как Иаков».) Я сейчас записала про акrostихи, потому что, кажется, забыла показать их Аманде и даже не помню, датированы ли они в моем альбоме. Замечание, что Гумилеву нравились мои стихи, вызывает некоторое недоумение. По тогдашним правилам поведения ему совсем не подобало печатно хвалить стихи своей жены. Это теперь Арагон всех растлил, да и я бы этого не потерпела. Довольно того, что он сочувственно отозвался о «Четках» (1914, «Аполлон», № 5. С. 36–38).

Как всегда бывало в моей жизни, случилось то, чего 29 я больше всего боялась. Бульварные, подтасованные, продажные и просто глупые мемуары попали в научные

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова работы. Первый попался на эту удочку Бруно Карнева-ли (Падуанский сборник – предисловие), но он сравнительно легко отделался. Второй жертвой стал С. Драйвер. Его случай тяжелее. Из-за этого вся его работа не может приобрести нужный тон. Вначале он говорит, что его объект – легенда-рен, а затем подробно рассказывает, как какую-то унылую молчаливую женщину постепенно бросает ее совершенно несимпатичный муж. Все это должна написать Аманта Хейт или ее руко-водительница Mrs. Levenson (Лондонский университет) (Дончин).

+ Однако, в ненапечатанном письме в издании Г. Ива-нова «Писем» [кажется] есть мое имя. Там Гумилев поругивает Жоржика, а тот счел за благо воздержаться от включения его в редак-тированный им сборник.

С 1904 г. – по 1910 (начиная с «Русалки») можно проследить наши отношения, зафиксированные в «Тру-дах и днях» и абсолютно неизвестные «мемуаристкам» типа Неведомской и А.А. Гумилевой, и вообще моим биографам. Нельзязпросто сказать – напечатал «Романтичес-кие цветы» и посвятил их Ахматовой и точка, в то вре-мя как это почти поэтизированная история его любви (ей же посвящены «Радости земной любви»), его отчаяния, его ревности... (см. А.Н. Толстой о само-убийстве).

Тема музыкально растет, вытекает в «Жемчуга» и расслабляется в «Чужом небе». А Вера Алексеевна ус-мотрела «И тая в глазах злое торжество», а здесь и [по-коритель] уклнитель (заветная тема покорения приро-ды), и тот, кто говорит: «Зверь тот свернулся у вашей кровати». Она хихикает от колдуньи «из города Ки-ева», не понимая, что в то же время (1911 г.) написаны – «Она» и «Нет тебя» (1910. Париж).

(На его путешествия можно пожертвовать один абзац) (о том, куда я ездила, нет ни слова, например, в Париж в 1911 г., в Киев – к маме много раз, в Крым (юго-западный) в 1916).

Советую вместо кусков перепутанной биографии Гумилева написать самым подробнейшим образом, каким он был для молодежи и даже в 30-е годы, и Удивительно, что поэт, влиявший на целые поколе-ния после своей смерти, не оказал ни малейшего влияния на девочку, которая была с ним рядом и к которой он был привязан так долго огромной трагической любовью (а м-б., именно потому). Это сократит работу переписыва-ния Струве и придаст неожиданный интерес да еще покажет, какой заряд творческой энергии был зало-жен в эту душу. Вот эта тема, над которой стоит порабо-тать, но не стоит походя называть Гумилева учеником Брюсова и подражателем Леконт де Лиля и Эредиа. Это неверно, тысячу раз сказано, затрогано такими ручками! Дешево, вульгарно и к теме диссертации (Ахмато-ва) не имеет никакого отношения. Лучше скажем, что Гумилев поэт, еще не прочитанный, и человек, еще не понятый. Теперь уже кто-то начинает догадываться, что автор «Огненного столпа» был визионер, про-рок, фантаст. Его бешеное влияние на современную мо-лодежь (в то время как Брюсов хуже, чем забыт).

Описать 1924 год. «Русский современник. Мос-ква. 2 вечера. «Новогодняя баллада». 1-ое поста-новление

Иначе при первом прикосновении к биографии Гумилева живых рук все мгновенно превратится в кучу зловонного мусора. Например, новелла Неве-домской о «Сельском цирке» или ее наглое улюлюканье по поводу его неумения ездить верхом. Во-первых, это не имеет ни малейшего отношения к теме диссертации, т.е. к Ахматовой, во-вторых, так, вероятно, было в 1912 г. (последнее слепневское лето Гумилева), и по-этому вовсе не обязательно быть жокеем, а кроме того, надо думать, что этому искусству Гумилев все же несколько подучился через два года в маршевом эскад-роне лейб-гвардии уланского полка, в деревне Наволоки около Новгорода (куда я к нему ездила), потому что вто-рой Георгий он получил за нечто, совершенное в строю, и дни и ночи проводил в седле. Даже дома во сне страш-ным голосом кричал: «По коням». Можно себе предста-вить, что ему снилось.

Мой совет: убрать какую-то побочную ублюдо-чную биографию Гумилева, заменить ее моей (по воз-можности). М.б., даже стоит дожидаться опуса Хейт – Девенсон, который должен дать гигантский мате-риал, который с легкостью уничтожит работу С. Драйвера, бред Маковского, вранье Г. Иванова и ме-щанские сплетни старушек. Им и в голову не приходит, что никакой seclusion after the «tragic events»* не было. Печатались стихи всюду и книги. Стала членом Правле-ния Дома искусств и Дома литераторов. На-оборот, я именно тогда и возникла (выступления, жур-налы, альманахи), потому что рассталась с Влади-ми-ром Казимировичем Шилейко. Это он, одер-жимый своей сатанинской ревностью, не пускал меня никуда. Я оставила его навсегда весной 1921 и летом на-писала большой цикл стихов («Путник милый» – «Зап-лаканная осень» 15 сентября), из которых воз-ник сборник «Аппо Domini». Не скажу, чтобы было особенно приятно видеть себя и Колю глазами мелкого жулика Г. Иванова, абсолютно впавшего в детство, [но почему-то] злобствующего, уни-рающего от зависти С. Маковского и убогих, и мещанс-ких сплетниц, вроде Веры

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматовская, Неведомской (с которой Гумилев был мельком в связи), и А.А. Гумилев-вой-Фрейганг, с которой Коля слова не сказал. (Когда Митя шел на войну, Анна Андреевна потребовала у него завещания в ее пользу (?)). Коля сказал: «Я не хочу, чтобы мамыны деньги (братья были не деленные) Аня употребила на устройство публичного дома».

Кроме всего прочего, все эти персонажи были совершенно чужды нашей жизни, ничего в ней не понимали, Уединенные после «трагических событий» (англ.).

ли, хотят заработать на этом деле какие-то деньги или имя.

Критика источников в современном литературоведении – насущная задача (знаю по пушкиноведению).

Одна зависть – самая слепотствующая из страстей, какие се деяния, страшно подумать!

Надо сказать, что С. Драйвер попал во все подставленные западни – не пропустил ни одной. Нигде не усомнился – поверил всем.

К библиографии тоже стоит отнестись иначе. На-пример, Шагинян – только дневник (1923), а что она писала раньше!

А я, наконец, не согласна! Я не хочу, чтобы мне подсовывали какую-то чужую и мне отвратительную жизнь и старались уверить меня, что я ее прожила, а она про-сто – плод воображения 5–6-ти каких-то подозрительных личностей (в основном выживших из ума).

А еще, милый Сэм, нельзя говорить, что меня взрастили какие-то «петербургские салоны», между тем, как я попала в эти салоны со стихами, которые создали мою известность. (Стихи зимы 1910–1911 г.)

Цитаты.

Меня не печатали 25 лет. (С 25 до 40 и с 46 по 56). Это отнюдь не значит, что я не писала 25 лет. Во второй антракт я писала «Поэму без Героя», в первый – «Реквием» (1935–1940), «Русский Трианон» (уцелели от-рывки) и ряд не самих моих дурных стихотворений. Вы говорите, что кончается 22 годом. Добро вам, но «Лото-ва жена» и «Муза» – 1924, «Последний тост» – 1934 и т.д., и «Если плещется», 1 декабря 1928 г.

Всем, что я сегодня (18 мая 1965, Комарово) здесь пишу, я меньше всего хочу оправдаться. Я, может быть, скажу о себе нечто во много раз худшее, чем все они, но это будет по крайней мере – правда.

Нашу переписку (сотни писем и десятки telegrammes) мы сожгли, когда женились, уже тогда понимая, что это не должно существовать.

На фото надпись из «Fleurs du Mal»*:

Maïs brule par Tamour du beau Je n'aurai pas l'honneur sublime De donner mon nom a l'abTme Qui me servira de tombeau.

(«La plainte d'un Icare»**)

Надпись на этой книге:

«Лебедю из лебедей – путь к его озеру».

Посвящение мне, А.А. Горенко – «Русалки» 1903. Автограф, каким-то чудом уцелевший у меня, – могу прислать вам фото, так же как надпись на париж-ских «Романтических цветах». Мой экземпляр на papier japon*** или что-то в этом роде, – единственный в мире.

Вот и все. Подумайте – нет ни обиженной талантливой девочки, ни мужа-тирана, ни конфиден-та – Ма-ковского.

* «Цветы зла» (фр.).

rt В мечту влюбленный, я сгораю,
Повергнут в бездну взмахом крылий.

Но имя славного могиле,

Как ты, Икар, не подарю!

«Жалоба Икара» (фр.). "Японская бумага (фр.).

О моей роли в зарождении акмеизма здесь говорить неуместно.

14-ое, дома

для АМАНДЫ

Примечание № 1

Взять цитату из письма Гумилева к Сологу-зо бу (с фронта).

Во-первых, там находим растроение себя, столь ха-рактерное для Гумилева: поэт – воин – путешественник, причем он явно отдает предпочтение двум последним.

Сравнить одно из [последних] поздних и замечательнейших стихотворений Гумилева «Память» (цитаты), а также его парижский портрет-триптих. (Гончарова.) А еще в 13 г. «Пятистопные ямбы», где то же по-строение.

Во-вторых, в этом письме Гумилев совершенно не-двусмысленно говорит о своей горькой литературной судьбе. Добро Глебу Струве утверждать, что Гумилев прославился после «Жемчугов» (1910) и его (Глебыны) товарищи по коммерческому училищу зачитывались «Капитанами». Сам поэт прекрасно знал, что такое

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова ли-тературный успех и еще лучше знал, что успеха не имел. В 1918 г. он писал Лозинскому из Лондо-на, чтобы тот купил его книги (кажется, «Чужое небо», П., 1912) и послал ему, уверенный, что их можно достать в любой книжной лавке. И не только от несчастной любви (как мы видели выше), но и от литературных неудач и огорчений Гуми-лев лечился путешествиями.

К сожалению, даже такие явные вещи недоступны для наших исследователей, а все-таки, когда пишешь о стихах, следует заниматься и столь элементарным их под-текстом, а не только тупо повторять, что Гумилев ученик Брюсова и подражатель де Лиля и Эредиа. Дело в том, что и поэзия, и любовь были для Гумилева всегда трагедией. Оттого и «Волшебная скрипка» перерастает в «Гондлу». Оттого и бесчисленное количество любов-ных стихов кончается гибелью (почти все «Романти-ческие цветы»), а война была для него почти эпосом, Гомером, и когда он шел в тюрьму, то взял с собой [Гомер-ра] «Иллиаду». А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов («Эзбеки», цитата). И все же в них он как будто теряет веру (временен, ко-нечно). Сколько раз он говорил мне о той «золотой две-ри», которая должна открыться перед ним где-то в не-драх его блужданий, а когда вернулся в 1913, признался, что «золотой двери» нет. (См. «Пятистопные ямбы».) Это было страшным ударом для него.

Примечание № 2

Он так любил «У самого моря», что просил меня посвятить ему эту поэму.

Примечание № 3

Могло бы называться – «На ком женился Гумилев» или «За кого вышла замуж Ахматова».

По мнению одних (Di Sarra) – модная петербург-ская поэтесса, хозяйка великопного салона на Фон-танке, вышла замуж в 1910 за путешественника, поэта и искусного организатора литературных групп. (См. Мо-чульский «Андрей Белый».)

По мнению других (Глеб Струве), уже знаменитый после «Жемчугов» Н. Гуми-лев женился в Киеве на дочери отставного инжене-ра-механика флота А. Горенко. Еще: Гумилев, глава акмеистов, открывает Ахматову (немец-кая цитата). (И такое приходится читать чуть не каж-дый день+.) Некоторые прибавляют: которую он встре-чал [уже] еще в Царском Селе.

Разумеется, из этих двух страниц, которые я напи-сала сегодня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я предоставляю другим, например, авторам дис-сертаций о Гумилеве, которые до сих пор пробавля-ются разговорами об ученичестве у Брюсова и подража-нии Леконт де Лилю и Эредиа.

И где это они видели, чтобы поэт с таким плачев-ным прошлым стал автором «Памяти», «Шестого чув-ства» и «Заблудившегося трамвая», тончайшим цените-лем стихов («Письма о русской поэзии») и неизменным best seller'ом, т.е. его книги стоят дороже всех остальных книг, их труднее всего достать. И дело вовсе не в том, что он запрещен – мало ли кто запрещен. По моему глу-бокому убеждению, Гумилев – поэт, еще не прочи-танный и по какому-то странному недоразумению оставшийся автором «Капитанов» (1909 г.), которых он сам, к слову сказать, – ненавидел.

+ ...del salotto letterario ch'essa teneva sulla Fontanka a Pietro-burgo... a veva sposato nel 1910 N.G. que eccelleva come viaggiatore fantastico come poeta ed abite organisatore di gruppi letterari*.

* .. .литературного салона (кружка), находившегося на фонтан-ке в Петербурге... женились в 1910. Николай Гумилев был знаменит как срантастический путешественник, как поэт и как основа-тель литературной группы (направления) (urn.).

Разочарование в войне Гумилев тоже перенес, и очень горькое:

До чего безобразные трупы На лугах венценосной весны.

(«Гоидла», 1916?)

Но потом (1921) он любил вспоминать себя сол-датом:

« И святой Георгий тронул дважды Пулею не тронутую грудь.»

(«Память»)

И в «Пятистопных ямбах и в «Памяти» послед-нюю полную гармонию несет только религия. (Цитаты).

2 июня 1965 Лондон

1. Кем нельзя пользоваться как источником (С. Ма-ковский, Страховский, Г. Иванов, Гумилева-Фрейганг, Вера Неведомская, Оцуп, Всеволод Рожденст-венский) и все соученицы.

2. Итак, найти и выбрать узкую тему.

3. Разрушить легенду о 18 годах молчания4" (Re-quiet) 1935–1940, что в 10-ых годах большая нз-вестность, чем теперь, и о том, что В. Иванов от-крыл и т.д. Показать книги переводов.

4. [Все] Вздор о Гумилеве не заменяет мою биогра-фию.

+ «Муза», «Лотова жена» – 1924, «Когда я ...» – 1928 (1 де-кабря).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов ПСЕВДОМЕМУАРИИ

Современное литературоведение невозможно без 32 критики источников. Пора научиться отличать маразматический (Мако) и злопахательский (Неведомская) бред от добросовестной работы памяти. По обстоятельствам XX в. огромное количество людей остались совершенно без архивов и прекрасно научились без них обходиться. Еще Руссо говорил: «Я лгу только там, где не помню».

В 1924 три раза подряд видела во сне Х. – 6 лет зз собирала «Труды и дни» и другой материал: письма, черновики, воспоминания. В общем сделала для его памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался. Так называемые ученики вели себя позорно. Роль Георгия Иванова. За границей они все от него отреклись.

1965

«БЕГЛЫХ ЗАМЕТОК»

ТРАГЕДИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

В связи с тем, что я писала статью «Последняя трагедия Анненского», мне было необходимо поговорить об Иннокентии Федоровиче с двумя людьми: с Пастернаком и с Мандельштамом.

С Пастернаком я говорила осенью 1935 г., в ту ночь, когда я случайно попала к ним, в полном беспмятстве бродя по Москве. Борис Леонидович со свойственным ему красноречием ухватился за эту тему и категорически утверждал, что Анненский сыграл большую роль в его [жизни] творчестве. К сожалению, я не помню точно его слова – а импровизировать чужие речи никогда не буду.

С Осипом я говорила об Анненском несколько раз. И он говорил об Анненском с неизменным пиететом. Знала ли Анненского М. Цветаева, не знаю. Любовь и преклонение перед Учителем и в стихах и в прозе Гумилева. Между тем, как Бальмонт и Брюсов сами завершили ими же начатое (хотя еще долго смущали провинциальных графоманов), дело Анненского ожило с страшной силой в следующем поколении. И, если бы он так рано не умер, мог бы видеть свои ливни, хлещущие на страницах книг Б. Пастернака, свое полузаумное «Деду Лиду ладили...» у Хлебникова, своего раешника (ша-рики) у Маяковского и т.д.

Я не хочу сказать этим, что все подражали ему. Но он шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни. Те же два были фейерверками местного значения. Прошу не путать с Блоком, у которого тоже не было про-должателя и от которого ничто не пошло, но это надо сравнивать с судьбой Пушкина. (См. мою работу об «Евгении Онегине» и русской поэме.)

Интонация «Онегина» – была [гибельна] смертельна для русской поэмы. Начиная с «Бала» Баратынского до «Возмездия» Блока, «Онегин» систематически губил русскую поэму (хороша только доонегипская...). Потому и прекрасен «Мороз, Красный нос», что там «Онегин» и не ночевал. Следующий за Некрасовым был прямо Маяковский и «Двенадцать» Блока.

До 14 января 1963

о)

jj*uiyΛ A*- ***** гч~су , *Уме sjt-i j-tf* %Λ

Автограф АА. Ахматовой (РГАЛИ. РТ107, л. 10)

ПАСТЕРНАК

1960 г. /5 мая Москва

Сейчас звонили, что Пастернаку очень плохо. По-1 ложение угрожающее, – боюсь, что меня готовят к его концу. Маруся сказала, что он плакал, когда ему сказали, что я приезжала узнать о его здоровьи. Переделкино показалось мне очень мрачным и даже невзрачным, не-смотря на великолепную весну, которая так поразила меня в Коломенском (там чуть не накануне божественно пах-ло травой и водой).

А здесь, казалось, со всего был снят какой-то незримый покров и все стало плоским и низменным.

Таким же я в этом году увидела Царское Се-ло (еще хуже).

До в марта 1961

Я сказала Пастернаку: «Вы должны написать фа-2 уста». Он смутился: «Т.е. как? – Перевести?» – «Нет, написать своего». Не оттуда ли слово доктор при жи-ваго? «Второе рождение» заканчивает первый период ли-рики. Очевидно, дальше пути не было. (К тому же «груд-ная клетка», дамская доля и т.д.) Наступает долгий (10 лет) и мучительный антракт, когда он действительно не может написать ни одной строчки. Это уже у меня на глазах. Так и слышу его растерянную интонацию: «Что это со мной?!» Появилась дача (Переделкино) сначала летняя, потом и зимняя. Он, в сущности, навсегда поки-дает город. Там, в Подмосковии, – встреча с Природой. Природа всю жизнь была его единственной полноправ-ной музой, его тайной

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов собеседницей, его невестой и Возлюбленной, его Женой и Вдовой – она была ему тем же, чем была Россия – Блоку. Он остался ей верен до конца, и она по-царски награждала его. Удушье кончилось. В июне 1941 г., когда я приехала в Москву, он сказал мне по телефону: «Я написал 9 стихотворений. Сейчас приду читать». И пришел. Сказал: «Это только начало – я распишусь».

1 декабрь 1961.

Больница

Я сейчас поняла в Пастернаке самое страшное: з он никогда ничего не вспоминает. Во всем цикле «Когда разгуляется» он, уже совсем старый человек, ни разу ничего не вспоминает: ни родных, ни любовь, ни юность. (Провалы неписания у Пастернака – просто ужасны. Я была свидетельницей одного такого провала (1932– 1941)+.

Другой – мнимый. 44–56. Это время стихов из «Живаго» (Евангельский цикл и др.).

+ К тому же еще в декабре 35 г. Стихи Сталину (Поступок ростом в шар земной), напечатанные в «Известиях».

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

От Р. Якобсона 1962, декабрь

НЕЧТО ИЗ ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Роман Якобсон сказал мне, что ему извест-1 на вся трагедия Маяковского, потому что Вероника Витольдовна Полонская поведала ее Е.И. Замятину, а Замятин в свою очередь передал ее тогда же, т.е. в 1931 г., самому Якобсону.

Поэтому в том, что говорила Нина и я, нет для него ничего нового и он почти отказался прочитать мемуары Вероники.

Все это произвело на меня довольно странное впечатление. Я сразу поняла, что [произошло] случилось какое-то недоразумение, и вдруг догадалась, что в самом деле произошло: Замятин «дружил» с Мусей Ма-лаховской (ей было поручено за ним следить)4-. И не только Якобсону, но и мне рассказывал Мусину версию гибели Маяковского.

+ Узнала от В. Щеголевой, которая слышала, что говорила Муся Павлу Елисеевичу. Якобсон (в 1931 г.) узнал от Замятина эту новеллу, рассказанную молодой красавицей, с которой жил Маяковский. Якобсон начисто забыл ее фамилию, а потом стал думать, что это и была Полонская. Для него ведь существовала только другая «пара» маяковских дам: Лиля и Яковлева, и сделать из Муси и Нору одно существо было проще простого.

Я позвонила Полонской. Она твердо и уверенно сказала, что никогда не была знакома с Евгением Ивановичем Замятиным. Я, по правде сказать, не ждала ничего другого.

Вывод таков: у Маяковского был роман и с Мусей, чего, естественно, не знала Нора, – Якобсон не особенно внимательно относится к своему герою (и своему alter ego*).

Шкловский сегодня (8 марта) говорил: «Ма-2 яковский? был скандалистом, а вокруг него все было тихо и спокойно, вы – тишайшая раз и навсегда, спокойная, сдержанная. А вокруг вас (т.е. ваших стихов) неумолкающий бешеный дьявол десятилетиями – скандал с желтой прессой, милицией, пожарными, чуть не с войсками. В чем же дело? Что все это значит? И с-тихи ваши такие же тихие, бесшумные, спокойные и дру-зья тихие.

А кругом вопли, драки, безобразие...»

(Ночь, Ленинград)

* Второе я (лат.).

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Марина ушла в заумь. См. «Поэму воздуха». Ей 1 стало тесно в рамках Поэзии. Она dolphinlike*, как говорит у Шекспира Клеопатра об Антонии. Ей было мало одной стихии, и она удалилась в другую или в другие. Пастернак наоборот: он вернулся (1941 году. Передел-кинский цикл) из своей пастернаковской зауми в рамки обычной (если поэзия может быть обычной) Поэзии. Сложнее и таинственней был путь Мандельштама.

1959

Здесь вечер, или Два дня (о Марине Цветаевой)

Марина подарила мне: 2 1. Свою детскую шкатулочку (я отдала Берггольц).

2. Брошку (см. ее фотографию), которую я разбила о пол Мариинского театра.

* Подобна дельфину (англ.).

3. Синюю шелковую шаль, которой я прикрывала мое тогдашнее рубище («лохмотья сиротства») – см. фотографию Наппельбаума 1921 г. Магометан-ские четки – освященные в Мекке.

4. Московский Кремль, с которым я, по правде сказать, не знала что делать.

5. Переписала своей рукой «Поэму воздуха» (в 1941 г.) и щедро посвящала стихи.

Наша первая и последняя двухдневная встреча про-изошла в июне 1941 г. на Большой Ордынке, 17, в квартире Ардовых (день первый) и в Марьиной Роще у Н.И.

Хард-жиева (день второй и последний). Страшно подумать, как бы описала эти

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 41 г.
Это была бы «благоуханная легенда», как говорили наши деды. Может быть, это было
бы причитание по 25-летней любви, которая оказалась напрасной, но во всяком
случае это было бы великолепно.
Сейчас, когда она вернулась в свою Москву такой королевой и уже навсегда (не
так, как та, с которой она любила сравнивать, т.е. с арапчонком и обезьянкой в
французском платье, т.е. decollete gorge*), мне хочется просто, «без легенды»,
вспомнить эти два дня.
В театре со мной была Эмма. Эмма приезжает к Николаю Ивановичу. Там хозяин,
Гриц, Марина, я. Все идет к концу. Марина, стоя, рассказывает, как Пастернак
искал шубу для Зины и не знал ее размеры, и спросил у Марины, и сказал: «У тебя
нет ее прекрасной груди».
Глубокое декольте (фр.).
Про Бальмонта – он получил деньги, и жена Бальмонта в ресторане жалостно
прижимала сумочку к груди.
Мы вышли вместе – театр был совсем близко. Светлый летний вечер. Человек,
стоявший против двери (но, как всегда, спиной), медленно пошел за нами. Я
подумала: «За мной или за ней?»
PRO DOMO SUA

В первый раз я стала писать свою биографию, когда 1 мне было одиннадцать лет, в
разлинованной красным маминой книжке, для записывания хозяйственных рас-ходов
(1900 г.). Когда я показала свои записи старшим, они сказали, что я помню себя
чуть ли не двухлетним ребенком (Павловский парк, щенок Ральф и т.п.).
Биографию я принималась писать несколько раз, но, 2 как говорится, с переменным
успехом. Последний раз это было в 1946 году. Ее единственным читателем оказался
следователь, который пришел арестовывать моего сына, а заодно сделал обыск и в
моей комнате (6 ноября 1949). На другой день я сожгла рукопись вместе со всем
моим архивом. Она, насколько помню, была не очень подробной, но там были мои
впечатления 1944 года – «После-блокадный Ленинград», «Три сирени» – о Царском
Селе и описание поездки в конце июля в Териоки – на фронт, чтобы читать стихи
бойцам. А также «Царь-Гриб» (Гун-гербург, 1895), «Мишка – будка, морда – окошко»
(Киев, 1893). Их мне теперь трудно восстановить. Остальное же настолько
окаменело в памяти, что исчезнет только со мною вместе.

6 Собрание сочинений, т. 5

В первый раз я написала несколько страничек про-3 зон в 1944, вернувшись из
Ташкента. Страшный при-зрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что
я не удержалась и описала эту мою с ним встречу:
(«Столицей распятой иду я домой»).

Тогда же возникли «Три сирени» и «В гостях у смерти». (Это как я ездила читать
стихи раненым на фронт в Териоки).

Все убедительно и неожиданно хвалили меня, но я, конечно, не верила ни одному их
слову. Позвала Зоцен-ку. Он велел убрать грибоедовскую цитату («Рассудку
вопреки...») и еще одно слово и сказал, что с остальным согласен. Я была рада.
Потом, после ареста Левы (6 ноября 1949 г.), вместе со всем архивом – все
сожгла.

№7

Начинать совершенно все равно с чего: с середины, 4 с конца или с начала. Я вот,
например, хочу сейчас на-чать с того, что эти зеленые домики с застекленными
тер-расами (в одном из них я живу) непрерывно стояли пе-ред моими закрытыми
глазами в 1951 году в Пятой Со-ветской больнице (Москва), когда я лежала после
ин-фаркта и, вероятно, находилась под действием пантопо-на. Дома эти тогда еще
не существовали – их построили в 1955 году, но когда я их увидела, я тотчас
припомнила, где видела их раньше. Оттого я и написала в «Эпilogе»:

Живу, как в чужом мне приснившемся доме, где, может быть, умерла...

Кстати о бреде. Во время тифа в Ташкенте, в 1942 году круглоголовый человек без
лица сел на стул около моей кровати и рассказал мне все, что случится со мной,
когда я вернусь в Ленинград. Запись его рассказа я сожгла вместе со всей
остальной прозой того време-ни...

1957

И кто бы поверил, что я задумана так надолго, и 5 почему я этого не знала.
Память обострилась невероят-но. Прошлое обступает меня и требует чего-то. Чего?
Милые тени отдаленного прошлого почти говорят со мной. Может быть, это для них
последний случай, когда блаженство, которое люди зовут забвеньем, может
ми-новать их. Откуда-то выплывают слова, сказанные пол-века тому назад и о
которых я все пятьдесят лет ни разу не вспомнила. Странно было бы объяснить все

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
это только моим летним одиночеством и близостью к природе, которая давно
напоминает мне только о смерти...

Теперь, когда все позади – даже старость, и остались только дряхлость и смерть,
оказывается, все как-то почти мучительно проясняется – (как в первые осенние
дни) – люди, события, собственные поступки, целые периоды жизни. И столько
горьких и даже страшных чувств.

Неприменно, 9 января и Цусима – потрясение на всю жизнь, и так как первое, то
особенно страшное.

(БУДКА)

Начало

Я родилась в один год с Чарли Чаплином и «Крен-7 церковной сонатой» Толстого,
Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом? В это лето Париж праздновал столетие
падения Бастилии – 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется
знаменитая древняя «Иванова ночь» – 23 июня (Midsummer Night).
Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была
(чингизидкой) та-тарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что
собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем. Родилась я
на даче Саракини (Большой фонтан, 11-ая станция паровичка) около Одессы. Дачка
эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка
земли – рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по
самому краю.

Когда мне было 15 лет, и мы жили на даче в Лустдорфе, проезжая как-то мимо
этого места, мама предложила мне сойти и посмотреть на дачу Саракини, кото-рую
я прежде не видела. У входа в избушку я сказала: «Здесь когда-нибудь будет
мемориальная доска». Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама
огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала», – сказала она.

1957

В сущности никто не знает, в какую эпоху он живет. 8 Так и мы не знали в начале
10-х годов, что жили накануне

Боюсь, что все, что я пишу здесь, относится к мрачному жанру – «Дочь Фауста»
(см. Доде «Жак»), то есть все это попросту не существует. И чем больше люди
хвалят это убогое скудное бормотание, тем меньше я им верю.
не первой европейской войны и Октябрьской революции. Увы!

С конца XIX века (то есть за 60 лет) меньше всего изменилась одежда и больше
всего – способы передвижения. Человек (в особенности, бедно одетый) может
кое-как надеть костюм и пальто 90-х годов, но выехать в ша-рабана вместо
«Победы» или «Москвича» невозможно.

Мне было десять лет, и мы жили (одну зиму) в доме Дауделя (угол Средней
Леонтьевской в Царском Селе). Живущий где-то поблизости гусарский офицер выезжал
на своем красном и дикого вида автомобиле, проезжал квартал или два – затем
машина портилась, и извозчик вез ее с позором домой. Тогда никто не верил в
возможность автомобильного и тем более воздушного сообщения.

Когда (в прошлом году) ставили в кино горьковскую «Мать», никому не пришло в
голову справиться, как в самом деле одевались участницы революционного движения
того времени, и нарядили их в парижские модельки 60-х, кажется, годов. Очень
интересно было бы посмотреть, как барышня в таком виде пришла бы агитировать
рабочих и что бы они ей сказали. Я пробовала протестовать, но Алеша Баталов,
который играл Павла, только рукой махнул: «Ну, это вы одна помните!»

Почему я одна?

№7

Это происходит оттого, что я сама вижу и слышу за эти-ми словами так много, что
оно совершенно стирает самые слова.

22 ноября 1957 Москва

Как все уже было давно... И первый день войны, ю который еще недавно был таким
близким, и день Победы, который, кажется, еще вчера стоял за плечом, и 14
августа 1946. И это уже история. Недавно были перево-ды, которые я сдала и не
сдала, замоскворецкое житие и те сосенки, которые сейчас сердито качаются на
фоне белой ночи.

Здесь северно очень, и осень в подруги я выбрала в этом году, –
писала я в прошлом году, и как это уже далеко, а я собралась сейчас описывать
90-е годы XIX века!

1957

У поэта существуют тайные отношения со всем, что и он когда-то сочинил, и они
часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель.
Мне, например, из моей первой книги «Вечер» (1912) сейчас по-настоящему нравятся
только строки:

Пьянея звуком голоса, Похожего на твой.

Мне даже кажется, что из этих строчек выросло очень многое в моих стихах.

С другой стороны, мне очень нравится оставшееся без всякого продолжения несколько темное и для меня вовсе не характерное стихотворение «Я пришла тебя сме-нить, сестра...» – там я люблю строки:

И давно удары бубна не слышны, А я знаю, ты боишься тишины.

То же, о чем до сих пор часто упоминают критики, оставляет меня совершенно равнодушной.

Стихи еще делятся (для автора) на такие, о которых поэт может вспомнить, как он писал их, и на такие, кото-рые как бы самозагорались. В одних автор обречен слы-шать голос скрипки, некогда помогавший ему их сочи-нить, в других – стук вагона, мешавшего ему их напи-сать. Стихи могут быть связаны с запахами духов и цве-тов. Шиповник в цикле «Шиповник цветет» действи-тельно одуряюще благоухал в какой-то момент, связан-ный с этим циклом.

Это, однако, относится не только к собственным стихам. У Пушкина я слышу царскосельские водопады («сии живые воды»), конец которых еще застала я.

№7

ДОМ ШУХАР ДИНОЙ

• ..Этому дому было сто лет в 90-х годах XIX века, и он принадлежал купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной. Он стоял на углу Широкой улицы и Безымянного переулка. Старики говорили, что в этом доме «До чугулки», то есть до 1838 года, находился заез-жий двор или трактир. Расположение комнат подтверж-дает это. Дом деревянный, темно-зеленый, с неполным вторым этажом (вроде мезонина). В полуподвале мелоч-ная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений. С другой стороны (на Безымянном), тоже в полуподвале, мастерская сапож-ника, на вывеске – сапог и надпись: «Сапожник Б. Не-волин». Летом в низком открытом окне был виден сам сапожник Б. Неволин за работой. Он в зеленом пере-днике, с мертвенно-бледным, отекившим лицом пьяницы. Из окна несется зловонная вонь. Все это могло быть пре-восходным кадром современной кинокартины. Перед домом по Широкой растут прямые складные дубы сред-них лет; вероятно, они и сейчас живы; изгороди из кус-тов кротегуса.

Мимо дома примерно каждые полчаса проносится к вокзалу и от вокзала целая процессия экипажей. Там всё: придворные кареты, рысаки богачей, полицмейстер ба-рон Врангель – стоя в санях или пролетке и держащийся за пояс кучера, флигель-адъютантская тройка, просто тройка (почтовая), царскосельские извозчики на «бра-ковках». Автомобилей еще не было.

По Безымянному переулку ездили только гвардей-ские солдаты (кирасиры и гусары) за мукой в свои про-виантские магазины, которые находились тут же, побли-зости, но уже за городом. Переулок этот бывал занесен зимой глубоким, чистым, не городским снегом, а летом пышно зарастал сорняками – репейниками, из которых я в раннем детстве лепила корзиночки, роскошной кра-пивой и великолепными лопухами (об этом я сказала в 40-м году, вспоминая пушкинский «ветхий пук дерев» в стихотворении «Царское Село» 1820 года – «Я лопухи любила и крапиву...»).

По одной стороне этого переулка домов не было, а тянулся, начиная от шухардинского дома, очень ветхий, некрашенный дощатый глухой забор. Вернувшийся оше-нью того (1905) года из Березок и уже не заставший се-мьи Горенко в Царском Н.С. Гумилев был очень огорчен, что этот дом перестраивают. Он после говорил мне, что от этого в первый раз в жизни почувствовал, что не всякая перемена к лучшему. Не туда ли он заехал в своем страшном «Заблудившемся трамвае»:

А в переулке забор дощатый, Дом в три окна и серый газон...

Ни Безымянного переулка, ни Широкой улицы дав-ным-давно нет на свете. На этом месте разведен привок-зальный парк или сквер.

Весной 1905 года шухардинский дом был продай наследниками Шухардиной, и наша семья переехала в великолепную, как тогда говорили, барскую квартиру на Бульварной улице (дом Соколовского), но, как всегда бывает, тут все и кончилось. Отец не сошелся характе-ром с великим князем Александром Михайловичем и подал в отставку, которая, разумеется, была принята. Дети с бонной Моникой были отправлены в Евпаторию. Семья распалась. Через год –15 июня 1906 года – умер-ла Инна. Все мы больше никогда не жили вместе.

Напротив (по Широкой) была в первом этаже при-дворная фотография Ган, а во втором жила семья худож-ника Клевера. Клеверы были не царскоселы, жили очень уединенно и в сплетнях унылого и косного общества ни-какого участия не принимали. Для характеристики «Го-Рода Муз» следует заметить, что царскоселы (включая историографов Голлербаха и Рождественского) даже по-нятия не имели, что на Малой улице в доме Иванова умер великий русский поэт Тютчев. Не плохо было бы хоть теперь (пишу в 1959 году) назвать эту улицу именем Тютчева.

Дом Анны Ивановны Гумилевой стоял тоже на Малой (63). Но мне не хочется его вспоминать, как Шухардинский дом, и я никогда не вижу его во сне, хотя жила в нем с 1911 до 1916 года, и никогда не перестану благословлять судьбу за то, что не оказалась в нем во время Революции.

Людям моего поколения не грозит печальное воз-вращение – нам возвращаться некуда... Иногда мне ка-жется, что можно взять машину и поехать в дни откры-тия Павловского вокзала (когда так пустынно и душист-то в парках) на те места, где тень безутешная ищет меня, но потом я начинаю понимать, что это невозможно, что не надо врываться (да еще в бензинной жестянке) в хо-ромы памяти, что я ничего не увижу и только сотру эти-то, что так ясно вижу сейчас.

... А иногда по этой самой Широкой от вокзала или 13 к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов. Несли зажженные фонари, священни-ки кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры, все-гда чем-то напоминающие брата Вронского, то есть «с пьяными открытыми лицами», и господа в цилиндрах. В каретах, следующих за катафалком, сидели важные ста-рухи с приживалками, как бы ожидающие своей очере-
Который-то день вожусь с биографической книгой. 14 Замечаю, что очень скучно писать о себе и очень инте-ресно писать о людях и вещах (Петербург, запах Па-вловского вокзала, парусники в Гунгербурге, Одес-ский порт в конце 40-дневной забастовки). Себя надо давать как можно меньше...

Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем. ...

Однако книжка – двоюродная сестра «Охранной грамоты» и «Шума времени» – должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузи-нами она будет казаться замарашкой, простушкой, зо-лушкой и т.д.

Оба они (и Борис, и Осип) писали свои книги, едва Достигнув зрелости, когда все, о чем они вспоминают, было еще не так сказочно далеко. Но видеть без голо-вокружения 90-е годы XIX века почти невозможно.

ди, и все было похоже на описание похорон графини в «Пиковой даме».

И мне (потом, когда я вспоминала эти зрелища) все-гда казалось, что они были частью каких-то огромных похорон всего XIX века. Так хоронили в 90-х годах пос-ледних младших современников Пушкина. Это зрелище при ослепительном снеге и ярком царскосельском солн-це – было великолепно, оно же при тогдашнем желтом свете и густой тьме, которая сочилась отовсюду, бывало страшным и даже как бы инфернальным.

1942-1959

ВВЕДЕНИЕ

... Что же касается мемуаров вообще, я предупреж-даю читателя: двадцать процентов мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием, уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серьезные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Не-прерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные момен-ты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолеп-ной памяти можно и должно что-то забывать...

ГОРОД

О «красоте» Петербурга догадались художники-!б мирискусники, которые, кстати сказать, открыли и ме-бель красного дерева. Петербург я начинаю помнить очень рано – в девяностых годах. Это в сущности Пе-тербург Достоевского. Это Петербург дотрамвайный, лошадиный, коночный, грохочущий и скрежещущий, ло-дочный, завешанный с ног до головы вывесками, кото-рые безжалостно скрывали архитектуру домов. Воспри-нимался он особенно свежо и остро после тихого и благо-уханного Царского Села, внутри Гостиного двора тучи голубей, в угловых нишах галерей большие иконы в зо-лоченых окладах и неугасимые лампы. Нева – в су-дах. Много иностранной речи на улицах.

В окраске домов очень много красного (как Зим-ний), багрового, розового и совсем не было этих беже-вых и серых колеров, которые теперь так уныло слива-ются с морозным паром или ленинградскими сумерками.

Тогда еще было много великолепных деревянных домов (дворцовых особняков) на Каменноостровском про-спекте и вокруг Царскосельского вокзала. Их разобрали на дрова в 1919 году. Еще лучше были двухэтажные особ-няки XVIII века, иногда построенные большими зодчи-ми. «Плохая им досталась доля» – их в 20-х годах над-строили. Зато зелени в Петербурге 90-х годов почти не было. Когда моя мама в 1927 году в последний раз при-ехала ко мне, то вместе со своими народвольческими воспоминаниями, она невольно припомнила Петербург даже не 90-х, а 70-х годов (ее молодость), она не могла надивиться количеству зелени. А это было только нача-ло! В XIX веке были гранит и вода.

ДАЛЬШЕ О ГОРОДЕ

Три замечания

1. Сейчас с изумлением прочла в «Звезде» (статья 17 Льва Успенского), что Мария Федоровна каталась в зо-лотой карете. Бред! – Золотые кареты, действительно, были, но им полагалось появляться лишь в высокото-р-жественных случаях –

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
коронации, бракосочетания, крестин, первого приема посла. Выезд Марии Федоровны отличался только медалями на груди кучера. Как странно, что уже через 40 лет можно выдумывать такой вздор. Что же будет через 100?

II. Глазам не веришь, когда читаешь, что на петербургских лестницах всегда пахло жженым кофе. Там часто были высокие зеркала, иногда ковры. Ни в одном Респектабельном петербургском доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов проходящих дам и сигар проходящих господ. Товарищ, вероятно, имел в виду так называемый «черный ход» (ныне в основном ставший единственным) – там действительно могло пахнуть чем угодно, потому что туда выходили двери из всех кухонь. Например, блинами на Масляной, грибами и постным маслом в Великом посту, невской корюшкой – в мае. Когда стряпали что-нибудь пахучее, кухарки отворяли дверь на черную лестницу – «чтобы выпустить чад» (это так и называлось), но все же черные лестницы пахли, увы, чаще всего кошками.

III. Вечером вуали носили только проститутки.

Звуки в петербургских дворах. Это, во-первых, звук 18 бросаемых в подвал дров. Шарманщики («пой, ласточка, пой, сердце успокой...»), точильщики («точу ножи, ножницы...»), старьевщики («халат, халат»), которые всегда были татарами. Лудильщики. «Выборгские крендели привез». Гулко на дворах-колодцах. Дымки над крышами. Петербургские голландские печи. Петербургские каминные – покушение с негодными средствами. Петербургские пожары в сильные морозы. Колокольный звон, заглушаемый звуками города. Барабанный бой, так всегда напоминающий казнь. Санки с размахом о тумбу на горбатых мостах, которые теперь почти лишены своей горбатости. Последняя ветка на островах всегда напоминала мне японские гравюры. Лошадиная обмерзшая в сосульках морда почти всегда у вас на плече. Зато какой был запах мокрой кожи в извозчицкой пролетке с поднятым верхом во время дождя. Я почти что все «Четки» сочинила в этой обстановке, а дома только записывала уже готовые стихи...

После Петербурга, каким я застала его (тогда я 9 была в полном смысле слова только зрительницей), я скажу несколько слов о Петербурге десятых годов, о военном Петербурге, о Петрограде революционном. О незабываемом 19 г. (почему-то начисто забытом), и, наконец, о послеблокадном Ленинграде. Сколько слов!!! Эти темы кое-как затронуты в моей «Поэме без героя», послеблокадный Ленинград подробно описала по возвращении из Ташкента (из эвакуации).

Не мудрено, что погребальным звоном Звучит порой неукротенный стих

.....уже за Ахероном

Три четверти читателей моих.

Я ни в какой мере не собираюсь воскрешать жанр 20 «физиологического очерка...» Первое стихотворение я написала, когда мне было 21 11 лет (оно было чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «декадентской поэтессой»... Кончатъ мне пришлось (потому что семья переехала на юг) уже не Царскосельскую гимназию, а Киевскую (Фун-Дуклеевскую), в которой я училась всего один год. Потом я два года училась на Киевских Высших женских курсах... Все это время я (с довольно большими перерывами) продолжала писать стихи, с неизменной целью ставя над ними номера. Как курьез могу сообщить, что, судя по сохранившейся рукописи, «Песня последней встречи» – мое двухсотое стихотворение.

XX век начался осенью 1914 года вместе с войной, 24 так же как XIX начался Венским конгрессом. Календарные даты значения не имеют. Несомненно, символизм – явление 19-го века. Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми 20 века и не хотели оставаться в предыдущем... На север я вернулась в июне 1910 года. Царское 22 после Парижа показалось мне совсем мертвым. В этом нет ничего удивительного. Но куда за пять лет провалилась моя царскосельская жизнь? Не застала там я ни одной моей соученицы по гимназии и не переступила порога ни одного царскосельского дома. Началась новая петербургская жизнь. В сентябре Н.С. Гумилев уехал в Африку. В зиму 1910–1911 годов я написала стихи, которые составили книгу «Вечер». 25 марта вернулся из Африки Гумилев и я показала ему эти стихи. Его изумление и одобрение.

Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз (если я видела все контрафакционные издания). Появились они и на некоторых иностранных языках. Сама девочка (насколько я помню) не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны, «чтобы не расстраиваться». От огорчения, что «Вечер» появился, она даже уехала в Италию (1912 год, весна), а сидя в трамвае, думала, глядя на соседей: «Какие они счастливые – у них не выходит книжка».

10-й год – год кризиса символизма, смерти Льва 25 Толстого и Комиссаржевской, 1911 – год китайской революции, изменившей лицо Азии, и год блоковых записных книжек, полных предчувствий... «Кипарисовый ларец»... Кто-то недавно сказал при мне: «10-е годы – самое бесцветное время». Так, вероятно, надо теперь

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова – говорить, но я все же ответила: «Кроме всего прочего, это время Стравинского и Блока, Анны Павловой и-Скрябина, Ростовцева и Шаляпина, Мейерхольда и Дягиле-ва».

Конечно, в это, как и во всякое время, было много безвкусных людей (например, Северянин)... По сравнению с аляповатым первым-десятилетием Юлеходы – собранное и стройное время. Судьба остригла вторую половину и выпустила при этом много кровн (-война 1914 г.)...

СЛЕПНЕВО

Я носила тогда зеленое малахитовое ожерелье и чеп-26 чик из тонких кружев. В моей комнате (на север) висела большая икона – Христос в темнице. Узкий диван был таким твердым, что я просыпалась ночью и долго сиде-ла, чтобы отдохнуть... Над диваном висел небольшой портрет Николая I не как у снобов в Петербурге – почти как экзотика, а просто, серьезно по-Онегински («Ца-рей портреты на стене»). Было ли в комнате зеркало – не знаю, забыла. В шкафу остатки старой библиотеки, даже «Северные цветы», и Руссо. Там я встретила войну 1914 года, там провела последнее лето (1917).

. . .Присяжная косила глазом и классически выгиба-ла шею. Стихи шли легкой свободной поступью. Я ждала письма, которое так и не пришло – никогда не пришло. Я часто видела это письмо во сне; я разрывала конверт, но оно или написано на непонятном языке, или я слепну...

Бабы выходили в поле на работу в домотканых сара-фанах, и тогда старухи и топорные девки казались строй-нее античных статуй.

В 1911 году я приехала в Слепнево прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, которая веками знала всех в Слепневе, отка-залась признать меня барыней и сказала кому-то: «К Слеп -невским господам хранцужанка приехала», а земский на-чальник Иван Яковлевич Дерии – очкастый и бородатый увальень, когда оказался моим соседом за обедом и умирал от смущенья, не нашел ничего лучшего, чем спросить меня: «Вам, наверно, здесь очень холодно после Египта?» Дело в том, что он слышал, как тамошняя молодежь за сказоч-ную мою удобу и (как им тогда казалось) таинственность называли меня знаменитой лондонской мумией, которая всем приносит несчастье.

Николай Степанович не выносил Слепнева. Зевал, скучал, уезжал в неизвестном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» и наполнял альбом Кузьми-ных-Караваевых посредственными стихами. Но, однако, там что-то понял и чему-то научился.

Я не каталась верхом и не играла в теннис, а только собирала грибы в обоих слепневских садах, а за плечами еще пылал Париж в каком-то последнем закате (1911). Березки и Подобино. Дубровка. Тетя Пофи и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (рожд. Пиленко). Неве-домские, Хилковы (1916).

О книге, которую я никогда не напишу, но кото-27 рая все равно уже существует, и люди заслужили ее. Сначала я хотела писать ее всю, теперь решила вставить несколько кусков из нее в повествование о моей жизни и о судьбе моего поколения. Эта книга задумана давно, и отдельные новеллы известны моим друзьям.

Я родилась в Иванову ночь (европейскую) 1889 г., 28 те в один год с Чарли Чаплиной, Эйфелевой башней, Крейцеровой сонатой, чилийкой Мистраль и т.п.

Случи-лось это на берегу моря под Одессой (11 станция паро-вого трамвая, Большой фонтан). Когда я родилась, мой

Один раз я была в Слепневе зимой. Это было вели-колепно. Все как-то вдвинулось в XIX век, чуть не в Пушкинское время. Сани, валенки, медвежьи полости, огромные полушубки, звенящая тишина, сугробы, алмаз-ные снега. Там я встретила 1917 год.

После угрюмого военного Севастополя, где я задышалась от астмы и мер-зла в холодной наемной комнате, мне казалось, что я по-пала в какую-то обетованную страну. А в Петербурге был уже убитый Распутин и ждали революцию, которая была назначена на 20 января (в этот день я обедала у Натана Альтмана. Он подарил мне свой рисунок и надписал: «В день Русской Революции». Другой рисунок (сохра-нившийся) он надписал: «Солдатке Гумилевой, от чер-тежника Альтмана»).

Слепнево для меня как арка в архитектуре... снача-ла маленькая, потом все больше и больше и наконец – полная свобода (это если выходить).

отец был отставным капитаном второго ранга (инжене-ром-механиком) флота. Вскоре после рождения была перевезена на север. Сначала в Павловск, а затем в Цар-ское Село, где с недолгими перерывами прожила до 16 лет. (Широкая, дом Шухардиной – описание.) Пяти лет, когда старших детей учили французскому языку, я от нечего делать выучилась болтать по-французски. Пер-вые стихи, которые я узнала, были Державин и Не-красов. Первые воспоминания – Царскосельские и Павловские парки. (Розовый павильон.) Много и подолгу жила у моря – Стрелецкая бухта около

Херсо-неса – плавала ровно так, как полагается это делать всем приморским детям. (Последняя херсонидка).

Первое стихотворение я написала в Царском Селе, когда мне было 11 лет (оно было

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов (чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «де-кадентской поэтессой». (Тут дом Шухардиной.) В гимназии училась разно: в младших классах – плохо, в старших – хорошо. (Царскосельская гимназия – бурса.) Кончать мне пришлось (потому что семья переехала на юг) уже не царскосельскую гимназию, а киевскую (Фундуклеевскую), в которой я училась всего один год. Г.Г. Шпет. Потом я два года училась на Киевских высших женских курсах (юридическое отделение). Все это время (с довольно большими перерывами) я продолжала писать стихи, с неизвестной целью ставя над ними номера. Как курьез могу сообщить, что, судя по сохранившейся рукописи, «Песня последней встречи» – мое двухсотое стихотворение. Однако качество моих стихов до зимы 1910–11 г. было столь же плачевно, так что даже [самые близкие люди отговаривали меня от этого занятия. (Например], влюбленный в меня без памяти Н.С. Гумилев не был в силах их хвалить.)

(25 апреля 1910 г. я вышла замуж.) (Величайшим событием считаю выход «Кипарисового ларца», который я прочла еще в корректуре в Брюлловском зале Русского музея.) [Весной] Летом 1910 г. я после пяти-летнего отсутствия вернулась в Царское Село, где почти безвыездно жила до весны 1916 г. (летом в Слепневе). Глава могла бы называться: «Малая, 63», улица, которая одним концом опирается в дворцовые ворота Александровского парка, последний дом ее другого конца – гимназия, где много жил Анненский. На даче Иванова по Малой улице умер Тютчев. Дом, в котором жила, погиб во время войны 1941–1945 г. С весны 1911 г. начала регулярно печататься в журналах («Аполлон», «Новая жизнь», «Gaudeamus» и т.д.). была членом и секретарем (?) первого «Цеха поэтов» и одним из шести поэтов-акмеистов (седьмого никогда не было). В 1912 вышла моя первая книга «Вечер». В этом же году я провела с Николаем Степановичем два месяца в Италии (Генуя – Пиза – Флоренция – Болонья – Падуа – Венеция).

(Читать научилась очень поздно, кажется, семи лет (по азбуке Льва Толстого), но в восемь лет уже читала Тургенева). Первая бессонная ночь – «Братья Карамазовы». Сведения Di Sarra, Laffite (неизвестно, откуда идущие) о том, что меня лансировал Вячеслав Иванов, не соответствуют действительности. Когда я в первый раз летом 1910 г. по его просьбе прочла ему стихи («Пришли и сказали – умер твой брат»), он кисло улыбнулся и сказал: «Какой густой романтизм», что по-тогдашнему было весьма сомнительным комплиментом. Затем (зимой 10–11 гг.) он действительно раз 2–3 хвалил мои стихи и у себя на «башне» и в «Академии стиха» («я пришла сюда, бездельница»), но это была скорее литературная политика и никакого влияния ни на критику, ни на читателя оказать не могла. И посылал меня к З. Гиппиус, зная, как она меня примет. (Вяч. Иванов действительно сказал мне о моих стихах: «Вы сами не понимаете, что вы делаете».) И о нас: «Гумилев – мальчик, который читает М. Риде. Ахматова – девочка, которая читает Мюссе». В самом деле Вяч. Иванов [любил и] покровительствовал Верховскому, Бородаевскому и Скалдину, которых он действительно любил, но никак не мог их лансировать. Все, что пишет о моем якобы первом выступлении на «башне» Мария-Монахиня (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева) – просто придумано. С 1911 по 1917 г. я проводила каждое лето в имении моей свекрови Слепнево (бывший Бежецкий уезд) Тверской губернии. Там написана почти вся «Белая стая» и начата поэма «У самого моря». Вторая «легенда», с которой я прошу моих читателей проститься навсегда, относится к моему так называемому «роману» с Блоком. Уже одно опубликование архива А.А. Блока должно было прекратиться эти слухи. Однако так не случилось, и в предисловии к только что мной полученной книге моих переводов [на французский язык] г-жа Лаффит пишет обо мне: «qui connut et, dit-on, aime Blok». Блока я считаю [одним из] не только величайшим европейским поэтом первой четверти двадцатого века, но и человеком-эпохой, т.е. самым характерным представителем своего времени, каким-то чудесным образом впитавшим все, горько оплакивала

«Которая знала и, как говорят, любила Блока» (фр.). его преждевременную смерть, но знала его крайне мало, в то время, когда мы (вероятно, раз 10) встречались¹, мне было совсем не до него, и я сначала, когда до меня стала доходить эта, по-видимому, провинциального происхождения сплетня, только смеялась. Однако теперь, когда она грозит перекосить мои стихи и даже биографию, я считаю нужным остановиться на этом вопросе. Очень сожалею, что 3 мои письма к Блоку (ответы на его известные в печати письма), по-видимому, не сохранились. Все мои воспоминания о Блоке могут уместиться на одной странице обычного формата, и среди них интересна только его фраза о Льве Толстом.

25 апреля 1910 я вышла замуж за Н.С. Гумилева и вернулась после пятилетнего отсутствия в Царское Село (см. стихотворение «Первое возвращение»).

В отношении Николая Степановича к моим стихам тоже надо, наконец, внести

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова ясность, потому что я до сих пор встречаю в печати (зарубежной) неверные и нелепые сведения. Так, Страховский пишет, что Гумилев считал мои стихи просто «временепровождением жены поэта», а ... (в Америке ж), что Гумилев, женившись на мне, стал учить меня писать стихи, но скоро ученица превзошла... и т.п. Все это сущий вздор! Стихи я писала с 11 лет совершенно независимо от Николая Степановича, пока они были плохи, он, со свойственной ему неподкупностью и прямоотой, говорил мне это. Затем случилось следующее: я прочла (в брюлловском зале Русского музея) корректуру «Кипарисового ларца» (когда + На Бестужевских курсах. – О Северянине. После Дня встречи – «Где шаль?» да приезжала в Петербург [на] в начале 1910 г.) и что-то поняла в поэзии. В сентябре Николай Степанович уехал на полгода в Африку, а я за это время написала то, что, примерно, стало моей книгой «Вечер». Я, конечно, читала эти стихи моим новым литературным знакомым. Маковский взял несколько в «Аполлон» и т.д. (см. «Аполлон», 1911 г., № 4, апрель). Когда 25 марта Николай Степанович вернулся, он спросил меня, писала ли я стихи – я прочла ему все, сделанное мною, и он по их поводу произнес те слова, от которых, по-видимому, никогда не отказался (см. его рецензию на сборник «Арион»). Заодно в скобках и опять в ответ на Di Sarra и Laffitte напоминаю, что я выходила замуж не за главу акмеизма, а за молодого поэта-символиста, автора книги «Жемчуга» и рецензий на стихотворные сборники («Письма о русской поэзии»). Акмеизм возник в конце 1911 г., в десятом году Гумилев был еще правоверным символистом. Разрыв с «башней» начался, по-видимому, с печатного отзыва Гумилева о «Сог ardens»* на страницах «Аполлона». О всем, что последовало за этим, я много раз писала в другом месте (статья «Судьба акмеизма»). Вяч. Иванов ему чего-то в этой рецензии никогда не простил. Когда Николай Степанович читал в академии стиха своего «Блудного сына», Вячеслав обрушился на него с почти непристойной брачностью. Я помню, как мы возвращались в Царское совершенно раздавленные произошедшим и потом Николай Степанович всегда смотрел на Вяч. Иванова как на открытого врага. С Брюсовым было сложнее. Николай Степанович надеялся, что тот под-

* «Пламенеющее сердце» (лат.).

держит акмеизм, [что] как видно из его письма к Брюсову. Но как мог человек, который считал себя [одним из создателей] столпом русского символизма и одним из его создателей, отречься от него во имя чего бы то ни было. Последовал брюсовский разгром акмеизма в «Русской мысли», где Гумилев и Городецкий даже названы господами, т.е. людьми, не имеющими никого отношения к литературе. Запахи Павловского вокзала. Обречена помнить их 29 всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый – дым от допотопного паровозика, который меня привез, – Тярлево, парк, salon de musique (который называли «соленый мужик»), второй – натертый паркет, потом что-то пахло из парикмахерской, третий – земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый – резеда и розы (прохлада в духоте) свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево, потом сигары и жирная пища из ресторана. А еще призрак Настасьи Филипповны. Царское – всегда будни, потому что дома, Павловск – всегда праздник, потому что надо куда-то ехать, потому что далеко от дома. И Розовый павильон (Pavilion de roses). Я как Птишоз с его женским монастырем, в который превратился его рай, его бумажная фабрика. Херсонес (куда я всю жизнь возвращаюсь) – запретная зона. Слепнева, Царского и Павловска – нет. Страннее всего, что я почти все это знала, когда росла там+.

+ В юности я говорила, что не могу понять, как люди жили во время войны и террора.

Париж как-то чудом уцелел, но туда не пускают. В Фонтанный Дом тоже не пускают, а я там жила 35 лет.

1960

БЕРЕЗЫ

Во-первых, таких берез еще никто не видел. Мне страшно их вспомнить. Это наваждение. Что-то грозное, трагическое, как «Пергамский алтарь», великолепное и неповторимое. И кажется, там должны быть вороны. И нет ничего лучше на свете, чем эти березы, огромные, могучие, древние, как друиды, и еще древней. Прошло три месяца, а я не могу опомниться, как вчера, но я все-таки не хочу, чтобы это был сон. Они мне нужны настоящие.

1960

НАБРОСОК

19 апреля 1962 Ленинград – Москва

Это написано для Вас, это Вам почему-то пришло в голову в великолепном марте 1962 года показать мне 31 (может быть, в последний раз) сквозь беспощадное солнечное сияние страшный фон моей жизни и моих стихов: от разбойной безыконной столовой в Петровском доме и чудовищной могилы царевича Алексея под лестницей в Петропавловском соборе до пруда, куда в 1917 году бросили труп

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
 Распутина. И пустые окна Мраморного дворца («Там пью я с тобой золотое вино...») и угол Марсова Поля, откуда не хочет и не может уйти моя пост-эма; и ворота, в которые мы когда-то входили, чтобы по крутой подвальной лестнице сойти в пеструю прокурен-ную, всегда немного таинственную «Бродячую собаку» + ; и на Жуковской «вылеп головы кобыльей», который я видела в последний раз в день смерти Маяковского. Стену бывшей конюшни ломали, серый двухэтажный особняк надстраивали. И самый страшный дом в городе (угол Садовой, наискосок от Никольского рынка) – там Рас-кольников убил старуху. Дом этот совсем недавно снес-ли, и на его место поставлен пузатый урод.

Первый (нижний) пласт для меня – Петербург 90-х годов, Петербург Достоевского. Он был с ног до головы в безвкусных вывесках (белье, корсеты, шляпы), совсем без зелени, без травы, без цветов, в барабанном бое, так всегда напоминающем смертную казнь, в хоро-шем столичном французском языке, в грандиозных по-хоронных процессиях и описанных Мандельштамом вы-сочайших проездах. Мимо фонтанного Дома мы, кажется, не проезжа-ли. Это было бы уже слишком... Снятые давным-давно надписи: «Дому сему подо-бают святыня Господня в долготу дней» на Инженерном замке, «Господеви помолитесь во святем дворе его» на Владимирском соборе – выступали на фронтонах. Гигантская копилка у церкви (где я слушала «канон Андрея Критского» и на которой было написано: «Где + См. «Последние полчаса в "Собаке"». Это было так: Б.В. То-машевский зашел за мной, чтобы отвести меня на канал Грибоедова в сентябре 1941 к дворнику Моисею, в бомбоубежище. Мы на Ми-хайловскон площади вышли из трамвая. Тревога! – всех куда-то гонят. Мы идем. Один двор, второй, третий. Крутая лестница. При-шли. Сели и одновременно произнесли: «Собака».

Сокровище ваше, там и сердце ваше»), снова стояла на своем месте. ...И два окна в Михайловском замке, кото-рые остались таким же, как в 1801 г., и казалось, что за ними еще убивают Павла, и Семеновские казармы, и Семеновский плац, где ждал смерти Достоевский, и фонтанный Дом – целая симфония ужасов: от тишай-ших – «Шереметевские липы, перекличка домо-вых...» до мирового резонанса 14августа 1946 г.:

Я была со всеми, с этими и с теми, а теперь осталась я сама с собой. И военная прокуратура на Невском рядом с знаме-нитой лавкой «Смерть мужьям»; и чайки около Литей-ного моста, через который я ходила в тюремные очереди под Крестами, тюрьма № 1) «...и трехсотая с переда-чею. ..»; и Арка Штаба, где был военный суд и где суди-ли сына; и Летний – первый благоуханный, замерший в июльской неподвижности, и второй, под водой в 1924 г., и снова Летний, изрезанный зловонными рвами-щелями (1941); и Марсово – плац-парад, где ночью обучали новобранцев в 1915 г. (барабан), и Марсово – огород, уже разрытый, полузаброшенный (1921), «под тучей вороньих крыл»; и ворота, откуда вывозили на казнь на-родовольцев, и близко от них – грузный дом Мурузи (угол Литейного), где я в последний раз в жизни ви-дела Н.С. Гумилева (в тот день, когда меня нарисовал Ю. Анненков).

+ Комиата была заперта до 1917 г. ...И друзья, превратившиеся в мемориальные дос-ки (Лозинский); и Соловьевский переулок, куда мы не переехали из-за войны 1914 г. («Как щелочка чернеет переулок...»); и меблированный дом «Нью-Йорк» про-тив Зимнего дворца), где меня писал Натан Альтман⁴», и откуда я выходила через окно седьмого этажа, «чтобы видеть снег, Неву и облака», и шла по карнизу навестить Веню и Веру Белкиных. Все это – мой Ленинград.

РОЖДЕНИЕ СТИХА
 Искра паровоза
 Я ехала летом 1921 года из Царского Села в Петер-32 бург. Бывший вагон III класса был набит, как тогда все-гда, всяким нагруженным мешками людом, но я успела занять место, сидела и смотрела в окно на все – даже знакомое. И вдруг, как всегда неожиданно, я почувство-вала приближение каких-то строчек (рифм). Мне нестер-пимо захотелось курить. Я понимала, что без папиросы я ничего сделать не могу. Пошарила в сумке, нашла ка-кую-то дохлую Сафо, но... спичек не было. Их не было у меня, и их не было ни у кого в вагоне. Я вышла на от-крытую площадку. Там стояли мальчишки-красноармей-цы и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но + Гранди (итальянский художник, живший рядом) за-шел взглянуть на почти готовый портрет Альтмана. Это он произнесет бессмертную фразу, которую так любил повторять Мандельштам: «Будет большой змеязь» (очевидно, смех).

для ЭРЕНБУРГА
 Считаю не только уместным, но и существенно важ-зз ным возвращение к 1946 г. и роли Сталина в 14 авгус-та. Считаю удачной находкой сравнения с Черчил-лем. Абсолютно невозможно приводить дословные ци-таты из Жданова, что-то вроде: Он

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов позволила себе... (не-дописано).

С одной стороны, новая молодежь всего этого не помнит и нечего их этому учить+, а не читавшие мои книги мешают до сих пор говорить – «альковные стихи Ахматовой» (ссылаюсь на Озерова), не надо давать им их любимое блюдо. Еще более невозможен тон. Здесь [надо] по крайней мере нужен тон дуэлянта 18 века. («Я отказываюсь верить моим глазам» и т.д. Нельзя по-верить, что о женщине, о поэте-лирике, никогда не написавшем ни одного эротического стихотворения...

«Молодежь узнала слово блуд из доклада Жданова».

крупные, красные, еще как бы живые, жирные искры паровоза садились на перила площадки. Я стала прикладывать (прижимать) к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась. Парни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. «Эта не пропадет», – сказал один из них про меня. Стихотворение было: «Не бывать тебе в живых...» См. дату в рукописи – 16 августа 1921 (может быть, старого стиля).

1962

I. Итак, поздняя Ахматова: выход из жанра «лю-34 бовного дневника» («Четки»), – жанра, в котором

она не знает соперников и который она оставила, м.б., даже с некоторым сожалением и оглядкой и переходит на раздумия о роли и судьбе поэта (Античные стра-ницы, Б. Пастернаку), о ремесле («Бывает так»), «Последние стихотворения», на легко набросанные широкие полотна («Россия Достоевского», «Царскосельская ода», «На Смоленском», ко-торые утверждают равенство всего для поэта.

Появ-ляется острое ощущение истории («Русский Трианон») – в парке – карикатурная беглая зарисовка нрзб и пер-вый слой воспоминаний (переулоч).

II. Время доказало еще одно качество ее сти-ха – прочность. С выхода ее первой книги «Вечер» прошло полвека. Его знают по крайней мере четыре по-коления читателей, часто и по-разному заглядывая в него.

[Теперь не веришь глазам...] И все это [15] целый ряд лет давали нашей молодежи как назидание... Это был билет на экзамен во всех учебных заведениях).

Главное показать беспрецедентность такого факта. Можно и о «мнимой популярности» Ахматовой. Зо-ценко и Ахматова были исключены из Союза писателей и обречены на голод. Число ругательных статей – четырехзначно на всех языках. Зоценко и Ахматова – античные маски (комическая и трагическая).

В Москве: вечер в Клубе писателей, когда два-жды все встали. Сталин спрашивал: «Кто организовал вставанье?»

III. «Клеопатра». «Данте», «Мелхола», «Дидо-на» – сильные портреты. Их мало, они появляются ред-ко. Но они очень выразительны. Исполнены каждый по-своему. Горчайшие.

IV. «Есть три эпохи у воспоминаний...» от-крывает какие-то сокровеннейшие тайники души, м.б. даже переходя черту дозволенного.

V. Архитектуру сменяет музыка, воду – земля. Давно умолкли царскосельские водопады, шумят кома-ровские [липы] сосны, умирают люди, воскресают тени, VI. 1940

«Мои молодые руки», «Россия Достоевского», «Путем всея земли» и [«Россия Достоевского»] начало «Триптиха» (в один год – 1940).

Май, 1962

ОБ ОДНОМ ИНТЕРВЬЮ

О чееидно, около Сталина в 1946 был какой-то ум-ный человек, который посоветовал ему остроумней-ший ход: вынуть обвинение в религиозности [моих] сти-хов (им были полны ругательные статьи 20-ых и 30-ых годов – Лелевич, Селивановский) и заменить его обви-нением в эротизме.

Несмотря на то, что, как всем известно, я сроду не написала ни одного эротического стихотворения, и «здесь» все громко смеялись над «Постановлением и Докладом т. Жданова – для заграницы дело об-стояло несколько иначе. Ввиду полной непереводимости моих стихов,

Собрание СО-инк шн" |, т 5

(Хулимые, хвалимые, Ваш голос прост и дик – Вы непереводимые ни на один язык.)

они не могли и не могут быть широко известны. Однако обвинение в религиозности сделало бы их «res sacra»* и для католиков, и для лютеран и т.д. и бороться с ними было бы невозможно. (Меня бы объявили мученицей).

То ли эротизм! – Все шокированы (в особенности в чопорной Англии, что тогда было существенно, см. фул-тонскую речь Черчилля).

Позволю себе напомнить одну интересную подро-бность 1946 г., которую, кстати сказать, все, кажется, забыли, а там, м.б., и не знали. В этом самом 1946 г., по-видимому, должно было состояться мое полное усы-новление. Мои выступления (их было 3 в Ленинграде) просто вымогали. Мне уже показывали планы издания моих сборников на всех языках, мне даже выдали (почти бесплатно) посылку с носильными вещами и кусками материи, чтобы я было чем-то прикрытой (помню, я по-том

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов называла это – «последний дар моей Изоры»).

Еще в последний день июля мне позвонил А.А. Прокофьев и просил вечером быть в «Астории», где Ленинград весьма торжественно принимал американцев, помогавшим СССР во время войны. Все они были духовными лицами. Прошу читателя поверить мне на слово, что я между последним днем июля 1946 г. и 14 августа того же года «эротических стихов» не писала. Откуда же эта немилость?! Слышны крики: «Да еще женщина – какой ужас». Дело дошло до того, что

* «Священное дело» (лат.).

страшному большевистскому правительству после победы над Гитлером приходится посредством государственного акта бороться с этой чудовищной поэтессой. Каково! И через 20 лет (в 1961) мы имеем «бессмертную» статью А. Уильямса в самой распространенной газете мира (Нью-Йорк Трибьюн). Обвинение в эротизме так заманчиво, что оно делается шапкою: «Русские переиздают стихотворения, запрещенные в 20-е годы как эротические».

Не мне судить о моем творческом пути до 1950 г., когда [чтобы спасти] (1949. 6 ноября) второй раз взяли уже пытанного и приговоренного к расстрелу сына, и надо было его спасать (тогда я написала цикл «Слава миру»), но то, что происходит сейчас, вероятно, имеет свои глубокие корни, и, несмотря на полную мою неактивность (между прочим, когда статья появилась, я лежала в больнице под кислородом), я стою у кого-то на пути, мешаю кому-то. («Там».) Но кому и в чем? Каждый новый документ, который я вижу, перекрывает все предыдущие (Г. Иванов, Страховский, Di Sarra, Рипеллино), а ныне моей Викторией Регией должно признать – Аллана Уильямса.

А С.К. Маковский (?!)

А.

12 июня 1962 Ленинград

P.S. Не лишнее напомнить, что книга Гослита издавалась как бы к моей 50-летней литературной деятельности (1910–1960) и к тому уже содержит одно «поздравление» в виде «Послесловия» А.А. Суркова.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЛЕКЦИИ АХМАТОВА И БОРЬБА С НЕЙ 1

«А лебеда – за ахматовщицу Мои стихи в «Аполлоне» весны 1911 года. Немедленная реакция Буренина в «Новом времени», который предполагал, что уничтожил меня своими пародиями, даже не упоминая мое имя.

В 1919 году меня уничтожали Бунин в Одессе (эпиграмма «Поэтесса») и Брюсов в Москве (в честь Аделины Адалис) + . Затем в 1925 году меня совершенно перестали печатать и планомерно и последовательно начали уничтожать в текущей прессе (Лелевич в «На посту», Перцов в «Жизни искусства», Степанов в «Ленинградской правде» и множество других). (Роль статьи К. Чуковского «Две России».) Можно представить себе, какую жизнь я вела в это время++. Так продолжалось до

+ См.: «Проза» Цветаевой. Стр. 243 (Вечер девяти поэтесс).

++ После первого Постановления ЦК (1925?), о котором мне сообщила на Невском М. Шагинян и которое никогда не было опубликовано, меня, естественно, перестали приглашать выступать. Это видно по списку выступлений. После значительного перерыва я в первый раз читала стихи на вечере памяти Маяковского (10-летие его смерти) в Доме культуры на Выборгской стороне вместе с Журавлевым.

Это (1-е) Постановление не было, по-видимому, столь объемлющим, как знаменитое Постановление 1946 г., потому что мне разрешили перевести «Письма Рубенса» для издательства «Academia» и были напечатаны две мои статьи о Пушкине, но стихи перестали просить.

Тут я еще из сочувствия Пильняку и Замятину ушла из Союза.

В 1934 году не заполнила анкету и таким образом не попала в образованный тогда Союз Советских Писателей.

1939 г., когда Сталин спросил обо мне на приеме по поводу награждения орденами писателей.

Были напечатаны горсточка моих стихов в журналах Ленинграда, и тогда издательство «Советский писатель» получило приказание издать мои стихи. Так возник весьма просеянный сборник «Из шести книг», которому предстояло жить на свете примерно шесть недель*.

Отдельной «Ивы» никогда не было, вопреки указаниям за рубежом.

Затем, как известно, я, уже бесчисленное количество раз начисто уничтоженная, снова подвергалась уничтожению в 1946 дружными усилиями людей (Сталин, Жданов, Сергиевский, Фадеев, Еголин), из которых последний умер вчера, а стихи мои более или менее живы, но имя мое в печати не упоминается (может быть, по старой и почтенной традиции), и о вышедшей в 1958 году книжке «Стихотворения» не было ни одного упоминания.

II.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «Так было над Невою льдистой» и над Москвой-рекой, но примеры, как известно, заразительны.

+ На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940). Его поддержали А.Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премии должен был получить Н. Асеев за поэму «Маяковский начинается». Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях: «Из шести книг» была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек. Итальянец Di Sarra почему-то считает этот сборник полным собранием моих стихов. Иностранцы считают, что я перестала писать стихи, хотя в промежутке 1935–1940 написала хотя бы «Реквием».

«...и борьба с ней» перенеслась за пределы нашей родины. Там мое положение было еще более безнадежным, потому что моя единственная защита, т.е. сами стихи – отсутствовали, а на их месте были чудовищные переводы-подстрочники с перепутанным смыслом (см. Einaudi – итальянские и Laffitte – французские) и не менее чудовищные слухи, вроде моей безнадёжной страсти к А. Блоку, которая почему-то всех до сих пор весьма устраивает⁴». Кроме того, вин у меня набралось порядочно. Кто-то обвиняет меня в том, что я не символика. Кто-то противопоставляет меня «новаторам» и непрерывно сдает в архив. Шацкий утверждает, что Гумилев считал мои стихи «временным проведением жены поэта» (вопреки всем печатным отзывам Николая Степановича). Георгий Иванов всю жизнь под диктовку Одоевцевой старался как-нибудь уколоть меня, начиная со своих бульварных «Петербургских зим».

Харкинс, не знаю, под чью диктовку и с какой целью, в своем «Алфавите русской литературы» написал нечто столь непристойное, что, когда я пытаюсь пере-сказать это кому-нибудь из знакомых, мне просто не верят. Каковы же были его источники?! Пьер Сегер выносит на обложку книги переводов моих стихов (1959) за-манчивое сведение о том, что я была разведена два раза (и это на обложке!), причем первый раз я была принуждена это сделать, а случилось это перед Революцией. Бедный мой разводник! (Начало августа 1918 г.). Думал ли он, что ему будет такая честь, что через сорок лет он

+ Повторяю еще раз, что это сплетня провинциального происхождения, возникла в 20-х годах, т.е. после смерти Блока, что в 10-х годах все прекрасно знали, у кого с кем роман, про Дельмас говорили громко, что она – Кармен, никто не сомневался и т.д.

будет выглядеть как мировой скандальный процесс. А я даже никуда не ходила, ни с кем не говорила, абсолютно не знаю, как это происходило. Я просто получила бумажку, что разведена с таким-то. Был голод, был террор – все куда-то уезжали (многие навсегда), быта не было, все разводились. Нас так давно уже привыкли видеть врозь, никто не интересовался чужими делами. До того ли было! И вот проходит сорок лет, и я узнаю, что перед Революцией была принуждена развестись. Почему перед, почему принуждена? Кого я должна благодарить за такую информацию. Вероятно, давший такие роскошные сведения пожелал остаться неизвестным, как говорили в старину+

(Случайно сняв у друзей книгу с полки (у Рожанских), узнаю, что я amie intime* и, кого бы вы думали? – Пастернака – открытие Рауне, которого, вероятно, никто не будет оспаривать.)

ПРИМЕЧАНИЕ № 3 (к статье «Ахматова и борьба с ней»)

Нормальная критика тоже прекратилась в начале 37 20-х годов (попытки Осинского и Коллонтай вызвали немедленный резкий отпор), на смену ее пришло нечто, может быть, даже беспрецедентное, но во всяком случае [совершенно] недвусмысленное. Уцелеть при такой прессе

+ Я из озорства проверила: только обо мне одной Х. пишет о разводе, хотя почти все, о ком он пишет, были разведены, и хорошо еще, если один раз (Толстой, Симонов, Берггольц и т.д.).

* Интимная подруга (фр.).

по тем временам казалось совершенно невероятным. Понемногу жизнь превратилась в непрерывное ожидание гибели (charite)*. Пытаться найти какую-нибудь работу было бессмысленно, потому что после первой [же] статьи Перцова, Лелевича, Степанова⁴ и т.д. всякая работа тут же бы рухнула.

ЕЩЕ ПРИМЕЧАНИЕ:

Два поэта породили целые полчища учеников – Гу-38 милев и Манделъштам. Первый сразу после своей смерти, в двадцатых годах (Тихонов, Шенгели, Багрицкий), им бредила вся литературная южная Россия, второй сейчас (1961), им бредит почти вся начинающая молодежь Москвы и Ленинграда.

Годовщины

Этот день (14 августа) стал чем-то вроде праз-39 дня литературы: ругательные статьи в газетах, доклады, обсуждения.

В 1948 г. все протекало с обычной торжественностью, и вдруг через несколько дней умирает Жданов. И опять все сначала (на bis). Казалось, этот

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
государственный деятель только и сделал в жизни, что обо-звал непечатными
словами старую женщину, и в этом его

* Дом для престарелых (фр.).

+ Среди заглавий мне почему-то вспомнилось: «Лирика и контр-революция» (?!)
немеркнущая слава. Тогда же ему был обещан памятник и полное собрание сочинений.
Ни то, ни другое не состо-ялось.

Такой мой быт, состоящий, главным образом, из го-лода и холода, был еще украшен
тем обстоятельством, что сына, уже побывавшего в вечной мерзлоте Норильс-ка и
имеющего медаль «За взятие Берлина», начали гнать из аспирантуры Академии наук
(под руковод-ством Боровкова и Козина), причем было ясно, что беда во мне.
(Выгнали, кажется, осенью 1947 г.) Я в ту зиму писала работу о «Каменном госте».
А Сталин, по слу-хам, время от времени спрашивал: «А что делает мона-хиня?»
Таким образом, мне была предоставлена возмож-ность присутствовать не только при
собственной граж-данской смерти, но даже как бы и при физической. Люди просто
откровенно не хотели, чтобы я была жива. Так и говорили: «Я бы умер». (Например,
Осмеркин.)

Не то был пущен слух, не то он сам возник – о са-моубийстве Ахматовой. Сын
врача, вскрывавшего труп. Поминутно звонили незнакомые люди (даже из Моск-вы) и
проверяли достоверность известия. В очередях и на коммунальных кухнях очень
курьезно обсуждали событие. Фольклор. Для разъяснения акции населению были
посланы эмиссары:

1. Павленко – Крым,
2. Шагинян – Средняя Азия,
3. Тихонов – Закавказье,
4. Вишневский – Белград,
5. Фадеев – Прага.

На «место преступления» был послан А.А. Жда-нов. На его доклад в Смольном был
вызван Союз писа-телей in corpore*. Кроме того, в зале появились странно-го вида
незнакомцы, которые заняли места между чле-нами союза. Двери почему-то заперли и
никого не выпускали (даже тех, кому стало дурно). Ко мне пришел некто и
предложил 1 месяц не выходить из дома, но подходить к окну, чтобы меня было
видно из сада. В саду под моим окном поставили скамейку, и на ней круглосу-точно
[сидел] дежурили агенты.

О 1925 г.

...по этой тропинке над пропастью надо было яко-40 бы добираться куда-то. куда?
... За этим сразу нача-лось многолетнее пребывание «под крылом у гибе-ли», но у
ворот этого «пребывания» твердо стоят еще не собранные в один цикл стихи о
судьбе: «Клевета», «Но-вогодняя баллада», «Видел я тот венец» («Предсказа-ние»),
«И мы [остались] забыли навсегда», «Многим» («Я голос ваш, жар вашего дыханья»).
Затем мое имя вычеркнуто из списка живых до 1939 г. (1-ое постановление).
Вокруг бушует первый слой революционной мо-лодежи, «с законной гордостью»
ожидающий великого поэта из своей среды. Гибнет Есенин, начинает гибнуть
Маяковский, полузапрещен и обречен Мандельштам, пишет худшее из всего, что он
сделал (поэмы), Пастер-нак+, уезжают Марина и Ходасевич. Так проходит де-сять
лет. И принявшая опыт этих лет – страха, скуки,

* В полном составе (лат.).

+ Умирает уже забытый Сологуб (1927 г.).

Через год «Четкам» исполнится полвека.

Книга вышла 15 марта 1914 г. ст. ст., и жизни ей было отпущено примерно 6
недель. В начале мая петер-бургский сезон начинал замирать, все понемногу
разъез-жались. На этот раз расставание с Петербургом [было] оказалось вечным. Мы
вернулись не в Петербург, а в Петроград, из 19 в. сразу попали в 20-ый, все
стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики
начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. С «Четками» этого не
случилось...

пустоты, смертного одиночества – в 1936 я снова начи-наю писать, но почерк у
меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы
такого Пегаса, который чем-то напоминает апокалипсичес-кого Бледного Коня или
Черного Коня из тогда еще не рожденных стихов.

Возникает «Реквием» (1935–1940). Возврата к первой манере не может быть. Что
лучше, что хуже – судить не мне. 1940 – апогей. Стихи звучали непрерыв-но,
наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь: разные и иногда, наверно,
плохие. В марте «Эпилогом» кончился «Requiem». В те же дни – «Путем всея земли»
(«Китежанка»), т.е. большая панихида по самой себе, осенью одновременно – две
гостьи: Саломея («Тень») и моя бедная Ольга («Ты в Россию пришла ниоткуда»), с
этой таинственной спутницей я проблуж-дала 22 года.

15 марта 1963

И потом еще много раз она выплывала н из моря крови, и из полярного оледенения,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова и побывав на плахе, и украшая собой списки запрещенных изданий (Index librorum prohibitorum*), и представляя собою краденое добро (издание Ефрона, Берлин и одесская контра-факция при белых (1919) (Habent sua fala libelli)**.

24 июня 1963

Дмитрий Евгеньевич Максимов утверждает, что «Четки» сыграли совсем особую роль в истории русской поэзии, что им было суждено стать надгробным камнем на могиле символизма. (См. также Матезиус.) Он в какой-то мере повторяет то, что недавно говорили мне и Виктор Максимович Жирмуиский и М. Зенкевич, один как исследователь, другой как свидетель.

«Четки», как я уже говорила, вышли 15 марта 1914, т.е. вскоре после того, как окончилась кампания по уничтожению акмеизма. С необычайным воодушевлением и редкостным единодушием все и все ринулись душить новое течение. От суворинского «Ноего времени» до футуристов, салоны символистов (Сологубы, Мережковские), литературные общества [(так называемая физа)], бывшая «башня», т.е. окружение Вяч. Иванова и т.д., и т.д. без жалости когтили аполлонозские манифесты. Борьба с занявшими командные высоты символистами была делом безнадежным. Они владели огромным опытом литературной политики и борьбы, мы и понятия обо всем этом не имели. Дошло до того, что пришлось объявить «Гиперборей» не акмеистическим журналом. Одни заглавия антиакмеистических статей* Каталоги запрещенных книг (лат.). Книжки имеют свою судьбу (лат.).

тея могут дать представление об общем тоне полемики («Замерзающий Парнас», «У ног африканского идола», «Без божества, без вдохновенья» и т.п.). Брюсов в влиятельной «Русской мысли» назвал Николая Степановича – «господин Гумилев», что на тогдашнем языке означало нечто, находящийся вне литературы.

...Все это я говорю в связи с моими воспоминаниями о «Четках», потому что в нескольких десятках хвалебных рецензий об этом сборнике ни разу не встречается слово акмеизм. Это было почти бранное слово. Первое настоящее об акмеизме: «Преодолевшие символизм» Жирмуиского, декабрь 1916 г.

Прошло полвека. Чьи-то внуки стали чьими-то дедами. Первые читатели «Четок» встречаются реже, чем зубры вне Беловежской пуши. Все это, разумеется, в порядке вещей. Но изменилась и орфография (примеры), и счет времени (стиль новый и старый – не 15 марта, а ...), название города, где вышла книга (не Петербург, а Ленинград), страны (не Россия, а СССР).

В этом месте читатель [ждет, что я скажу, что] готовится (не без раздражения) узнать, что не изменились только стихи. Вот было бы славно!

Однако я полагаю, что изменились и стихи, что сбывшиеся предсказания (Кузмин в предисловии, Ходасевич) заставляют иначе воспринимать то или другое место, что то, что в 1914 было огульно новым, от бесчисленного количества подражаний кажется обычным. Так сотый поцелуй безошибочно стирает первый.

В дни выхода «Четок» нас пригласила к себе издательница «Северных записок» эсерка Чацкина. (Я была в том синем платье, в котором меня изобразил Альтман.) У нее [было] собралось видимо-невидимо гостей. Около полночи начали прощаться. Одних хозяйка отпускала, других просила остаться. По-тому все перешли в столовую, где был накрыт парадный стол, и мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев. Я сидела с Л. Каннегисером против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л. Каннегисер сказал мне: «Если бы мне дали «Четки», я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави». Кто-то представил мне Степуна. Он тотчас же сказал: «Возьмите ваш бокал, обойдите стол и чокнитесь с Германом Лопатиным. Я [подож] хочу присутствовать при этом историческом моменте». Я подошла к старику и сказала: «Вы меня не знаете, но я хочу выпить за вас». Старик ответил какую-то полублюзность, полудерзость, но это уже неинтересно.

26 июня. Ленинград

БЕЛАЯ СТАЯ

К этой книге читатели и критики несправедливы. : Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем «Четки».

Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах, чем «Четки». Он вышел в сентябре 1917 г. Если «Четки» опоздали, «Белая стая» прилетела просто к шапочному разбору. Транспорт замирал – книгу было нельзя послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Бумага грубая – почти картон.

Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому, в отличие от «Четок», у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются, и принято считать, что «Белая стая» имела меньше успеха, чем «Четки».

Через год Михайлов («Прометей») купил у меня право на переиздание. Это было в 1918 г. в уже со-всем голодном и полупустом Петербурге. В 1919 вышла сокращенная контрафакция в Тифлисе, затем Блох и Алянский напечатали «Белую стаю»

(дополнительно в Берлине) в издательстве «Petropolis» и один Алянский в

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «Алконосте» (1922). Так же, как «Четки», «Белая стая» заняла свое место в однотомиках («Из шести книг», 1940, «Советский писатель»); американо-русский, 1952, издательство им. Чехова, и в зеленой книге 1961 г.).

Ее именем называется чешский однотомика моих стихов недописано в переводе Марчановой с очень дельным послесловием Матезиуса. (Вышло два издания, одно еще до войны.) Никакого неуспеха «Белой стай» я никогда не наблюдала.

В книге «Из шести...» остались ошметки «Белой стай», как, впрочем, так случилось и с «Четками». Пример, стихотворение «У меня есть улыбка...» выброшено за слово «аналой» (1913 г.). Это же, конечно, относится и к сборнику 1961 г., таким образом современные читатели не знают мои стихи ни новые, ни старые.

Что касается Ш-его сборника «Appo Domini» – дело обстоит сложнее. Он вышел (пятое издание) в 1923 г. в Берлине («Petropolis» и «Алконост») и не был допущен на родину. Тираж, по тем временам значительный, остался за границей.

То, что там были стихи, не напечатанные в СССР, стало одной третьей моей вины, вызвавшей первое постановление обо мне (1925 г.), вторая треть – статья К. Чуковского – «Две России (Ахматова и Маяковский)», третья треть – то, что я прочла на вечере «Русского современника» (апрель 1924) в зале консерватории (Москва) «Новогоднюю балладу».

Она была напечатана в № 1 «Русского современника» (без заглавия), и очень дружески ко мне расположенный Замятин с неожиданным раздражением сказал мне, показывая пачку вырезок: «Вы – нам весь номер испортили». (Там была еще «Лотова жена».)

Об этом выступлении в зале консерватории в Москве вспоминает Перцов («Жизнь искусства») в статье «По литературным водоразделам» (1925).

Статью у меня взяли, но я помню одну фразу: «Мы не можем сочувствовать женщине, которая не знала, когда ей умереть...» Кроме того, там было легкое изумление по поводу того, что Ахматова еще в прошлом году наполнила какими-то девушками московскую залу консерватории.

После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей литературной деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на литературные вечера. (Я встретила на Невском М. Шагинян. Она сказала: «Вот вы какая важная особа. О вас было постановление ЦК: не арестовывать, но и не печатать».) В 1929 г. после «Мы» и «Красного дерева» и я вышла из союза.

В мае 1934 г., когда рассылались анкеты для вступления в новый союз, я анкеты не заполнила. Я член союза с 1943 г., что видно из моего билета. Между 1925–1939 меня перестали печатать совершенно. (См. критику, начиная с Лелевича 1922–33.) Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти. Мне было 35 лет. Издания «Четки», «Белая стая» и «Appo Domini», напечатанные в Берлине Алянским («Четки» и «Белая стая») и Блохом («Appo Domini»), не были допущены в Советский Союз.

I
[Однотомика] Двухтомник. Издательство «Петроград». 1925. (Гессен) – уничтожен. Существует один экземпляр у издателя.

II
Однотомика. Госиздат, 1940. Ленинград. Уничтожен. Существует один экземпляр у Чагина (редактор, кажется, Рыбасов).

III
Однотомика. Госиздат. Уничтожен. 1946, под редакцией Орлова. Экземпляр у меня. (Сначала редактором был Саянов – отказался. Дымшиц тоже.)

IV
«Нечет» – седьмой сборник стихов. Принят в 1946. Возвращен «за истечением срока архивного хранения». 1952 г. (Ленинград. «Советский писатель»). (Рукописи у меня.) V

Двухтомное собрание стихотворений. 1935(?). Договор с Федором Левиным. «Советский писатель». Москва. Рукопись возвращена.

VI
«Избранное». 1935. «Советский писатель»... Рукопись с пометкой издательства у меня.

Вместо всего этого в Ташкенте в 1943 г. вышла маленькая книжка «Избранное» под редакцией К. Зеллинского (10.000 экз.). Рецензий о ней не было, и ее было запрещено рассылать по стране. Продавалась она в каких-то полузакрытых распределителях. На книге не обозначено место издания. (Запрещали ее, по словам А.Н. Тихонова, 8 раз.)

VII
«Из шести книг». «Советский писатель». 1940. Ленинград. Под редакцией Тынянова (10.000 экз.). Через 6 недель была изъята из продажи и из библиотек, запрещена

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова в букинистической продаже. (По распоряжению Сталина.) Пресса была исключительно-ругательная. (См. библиографию.) Теперь она продается от 100 до 150 руб.

VIII

Избранное. Огонечное издание. 1946. Уничтожено. Существует один экземпляр у Корниловых.

IX

6 ноября 1958 г. в Москве вышла моя книга «Стихотворения». Редактор А. Сурков. Гослитиздат.

(25.000 экз.) По словам продавцов, она была распродана в несколько минут. [Рецензий о ней не было.] Писателям в Москве и в Ленинграде давали по ранее составленному списку – многим не хватило. В книге всего 85 стихотворений и переводы.

X

После пастернаковской истории (1958) был запрещен проектированный сборник стихов по-польски.

XI

В 1963 мне вернули VII сборник моих стихов «Бег времени» с ругательной статьей Книпович.

ОТВЕТ РАННИТУ

Когда я увидела в Вашем письме просьбу о еще 44-х ответах, мне захотелось воскликнуть, перефразируя чеховскую старушку: «Давно я, грешница, анкет не заполняла».

Дело в том, что при мысли об этой деятельности – я леденею, и мне кажется, как недавно сказала одна остроумная женщина: «Теперь я думаю, что никогда никого не любила и меня никто не любил».

Поэтому [постараюсь] в порядке эпистолярной causerie* [сообщить Вам кое-что из того, что Вас интересует] я выберу для Вас из моей новой автобиографии несколько фрагментов.

Затем в молодости, как это ни странно, музыку мне заменяла архитектура. В 20-ых годах я занималась

* Беседы (фр.).

архитектурой старого Петербурга. Последнее сильное архитектурное впечатление – Таллин (орденская готика) на Новый в 1954 г. Когда-то Киевская София. Новгород в 1914 г. Псков. Сергисвская Лавра, Московский Кремль, Коломенское.

Живопись: иконы, начиная с Византийской, Владимирской-Новгородской. Из художников Александр Иванов, Федотов, Врубель.

Египет в Лувре с Модильяни.

Испанцы Эль Греко.

Французы

[Как вы знаете] М.б., Вы знаете, что я последняя херсонидка, т.е. росла у стен древнего Херсонеса (т.е. с 7-ми до 13 лет проводила там каждое лето), и мои первые впечатления от изобразительных искусств тесно связаны с херсонесскими раскопками и херсонесским музеем, а так как все это находится на самом морском берегу, античность для меня неотделима от моря. Все это в какой-то мере отразилось в моей ранней поэме «У самого моря». Там меня называли «дикая девчонка» и считали чем-то средним между русалкой и щукой за необычайное умение нырять и плавать.

А в Царском была другая античность и другая вода. Там кипели, бушевали или о чем-то повествовали сотни парковых водопадов, звук которых сопровождал всю жизнь Пушкина («сии живые воды», 1836), а статуи и храмы дружбы свидетельствовали о иной «гипербореиской» античности.

Итак, когда-то архитектура (Фонтанный Дом) и вода (море в Херсонесе и водопады в Царском), а теперь земля и музыка.

15 января 1963 Москва

Для А. КРОССА

1. Дать рецензию Ходасевича на «Четки». 45 «Вечеру». Мандельштама 1926 и 1922. Матезиус.

2. Предисловие М. Кузмина к

3. Показать контрафакцию 1919 г.

4. «Письма о русской поэзии»

«Четки» – 15 марта 1914. Корректуру держал Лозинский. Гумилев, когда мы обсуждали тираж, задумчиво сказал: «А может быть, ее придется продавать в каждой мелочной лавке». Тираж 1-го издания 1100 экземпляров. Разошлось меньше, чем в год. Главная статья – Н.В. Недоброво. Две – ругательные. С. Боброва и Тальникова. Остальные – похвальные. Мельком о «Белой стае». Обратит внимание на то, что Мако не заметил «Четки» (стр.). («Муж хлестал меня узорчатый» и прочий бред.)

«Все мы бражники...» – стихи скучающей капризной девочки, а не описание разврата, как принято думать теперь. О «Собаке». Стихи, посвященные мне,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова пе-риода «Четок». (Образ Ахматовой.)

Сказать об Эшлиман франсуазе. М.б., дать фото (лето 1914 г. Слепнево).

В поэме «У самого моря» – эпизод с мальчиком («Сероглаз был высокий мальчик») – это история люб-ви Николая Степановича ко мне.

Гумилев очень любил эту поэму и просил меня по-святить ее ему.

Отношение к моим стихам будущих формалистов.

Полное уничтожение меня, начиная с Буренина до Жданова (Бобров, Тальников, Брюсов...).

Непонятно из чего склублившееся злобное шипение эмигрантов и как его Victoria Regia – opus Маковского.

Обижал меня сегодня запад, И восток родной был тут как тут, Но весь вечер надо мною плакал Милый север, давший мне приют.

И сама железная Суоми

Мне сказала: «Ничего – живи».

30 июня 1963. Комарова

МНИМАЯ БИОГРАФИЯ

Царское было зимой. Крым (дача Тура) – летом, 46 но убедить в этом никого не возможно, потому что все считают меня украинкой. Во-первых, оттого, что фами-лия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я роди-лась в Одессе и окончила фундуклеевскую гимназию, в-третьих, и главным образом, потому, что Н.С. Гумилев написал «Из города Киева, // Из логова Змиева // Я взял не жену, а колдунью...» (1910).

А в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941– 1944, во время эвакуации). Одну зиму, когда кончала фундуклеевскую гимназию, и две зимы, когда была на Высших женских курсах. Но невнимание людей друг к другу не имеет предела. И читатель этой книги должен привыкнуть, что все было не так, не тогда и не там, как ему чудится. Страшно выговорить, но люди видят толь-ко то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать. Говорят «в основном» сами с собой и почти все-гда отвечают себе самим, не слушая собеседника. На этом Говорить о детстве и легко и трудно. Благодаря его 47 статичности его легко описывать, но в это описание слиш-ком часто проникает слащавость, которая совершенно чужда такому важному и глубокому периоду жизни, как детство. Кроме того, одним хочется казаться слишком не-счастливыми в детстве, другим – слишком счастливыми. И то и другое обычно вздор. Детям не с чем сравнивать, и они просто не знают, счастливы они или несчастны.

Как только появляется сознание, человек попадает в совершенно готовый и неподвижный мир, и самое есте-ственное не верить, что этот мир некогда был иным. Эта первоначальная картина навсегда остается в душе чело-века, и существуют люди, которые только в нее и верят, кое-как скрывая эту странность. Другие же, наоборот, совсем не верят в подлинность этой картины и тоже до-вольно нелепо повторяют: «Разве это был я?»

В молодости и в зрелых годах очень редко вспоми-нает свое детство. Он активный участник жизни, и ему не до того. И кажется, всегда так будет. Но где-то около пятидесяти лет все начало жизни возвращается к нему. Этим объясняются некоторые мои стихи 1940 года «Ива», «Пятнадцатилетние руки...», которые, как из-вестно, вызвали неудовольствие Сталина и упреки в том, что я тянусь к прошлому. свойстве человеческой природы держится 90% чудовищ-ных слухов, ложных репутаций, свято сбереженных спле-тен. (Мы до сих пор храним змеиное шипение Полетики о Пушкине!!!) Несогласных со мной я только попрошу вспомнить то, что им приходилось слышать о самих себе.

ДИКАЯ ДЕВОЧКА

Языческое детство. В окрестностях этой дачи («От-рада», Стрелецкая бухта, Херсонес. Непосредственно отсюда античность – эллинизм) я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма и загорала до того, что сходи-ла кожа, и всем этим шокировала провинциальных сева-стопольских барышень. Однако в Царском Селе она де-лала все, что полагалось в то время благовоспитанной барышне. Умела, сложив по форме руки, сделать реве-ранс, учтиво и коротко ответить по-французски на воп-рос старой дамы, говела на Страстной в гимназической церкви. Изредка отец брал ее с собой в оперу (в гимна-зическом платье) в Мариинский театр (ложе). Бывала в Эрмитаже, в Музее Александра III и на картинных выс-тавках. Весной и осенью в Павловске на музыке – Вок-зал... Музеи и картинные выставки... Зимой часто на катке в парке.

В Царскосельских парках тоже античность, но со-всем иная (статуи). Читала много и постоянно. Большое (по-моему) влияние (на нее) оказал тогдашний власти-тель дум Кнут Гамсун («Загадки и тайна»); Пан, Вик-тория – меньше. Другой властитель Ибсен... Училась в младших классах плохо, потом хорошо. Гимназией все-гда тяготилась. В классе дружила только с Тамарой Ко-стылевой, с которой не пришлось

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова больше встретиться в жизни...

Анина комната: окно на Безымянной переулочек... 49 который зимой был занесен глубоким снегом, а летом пышно зарастал сорняками – репейниками, роскошной крапивой и великанами-лопухами... Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. Свеча в медном подсвечнике (электричества еще не было). В углу – икона. Никакой попытки скрасить суровость обстановки – безделушками, открытками.

Крестили в соборе на Большом фонтане. 50 Крестный отец – народоволец Романенко – убийца генерала Стрельникова.

Крестная мать – Мария Федоровна Вальцер – ее визит к Достоевскому.

В Царском Селе я жила в общем с двух до шестнадцати лет. Из них одну зиму (когда родилась сестра Ия) семья провела в Киеве (Институтская ул.+) и другую в Севастополе (Соборная, дом Семенова). Основным местом в Царском Селе был дом купчихи Ев-

+ Там история с медведем в Шато де Флер, в загородку которого мы попали с сестрой Рикой, сбегав с горы. Ужас окружающих. Мы дали слово бонне скрыть событие от мамы, но маленькая Рика, вернувшись, закричала: «Мама, Мишка – будка, морда – окошко»; а наверху в Царском Саду я нашла булавку в виде лиры. Бонна сказала мне: «Это значит, ты будешь поэтом», но самое главное случилось не в Киеве, а в Гунгербурге, когда мы жили на даче Краббу – я нашла царь-гриб. Нянька «калуцкая» – Татьяна Ритивкина говорила обо мне: «Это перец будет!», «Наши дела, как сажа бела» и «Отворотись, не насмотришься».

докии Ивановны Шухардиной (Широкая, второй дом от вокзала, угол Безымянного переулка). Но первый год века, 1900, семья жила (зиму) в доме Дауделя (угол Средней и Леонтьевской. Там корь и даже, м.б., оспа).

1964

0 октября)

ОПЯТЬ ПРОЗА

О прозе вообще+.

I

Ее приходы и уходы. (в 100+2). Невозможность 51 беллетристики (роман, повесть, рассказ и в особеннос-

+ Мостик.

Проза всегда казалась мне тайной и'соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – я никогда решительно ничего не знала о прозе. Я или боялась ее – или ненавидела. В приближении к ней чудилось кошунство или обозначало редкие для меня минуты душевной гармонии.

В первый раз я написала несколько страничек прозой в 1944 г., вернувшись из Ташкента. Страшный призрак, притворившийся Моим Городом, так поразил меня, что я не удержалась и описала эту мою встречу с ним:

Столицей распятой Иду я домой.

Тогда же возникли «Три сирени» и «В гостях у смерти». (Это как я ездила читать стихи раненым на фронте в Териоки.)

Все убедительно и неожиданно хвалили меня, но я, конечно, не верила ни одному их слову. Позвала Зоценку. Он велел убрать грибо-едовскую цитату («Рассудку вопреки...») и еще одно слово и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста Левы (6 ноября 1949 г.), вместе со всем архивом – все сожгла.

ти стихотворение в прозе). Нечто среднее между записными книжками, дневниками... т.е. то, что так изящно делали мои милые современники. («Шум времени», «Охранная грамота».)

Вопрос: Сколько времени нужно, чтобы какой-то самый будничнейший отрезок времени превращался в «Тысячу вторую ночь Шахеразады»?

Ответ: Довольно долго, но если в нем есть изюминка, вроде [Пушкина]

Достоевского или Модильяни (из людей) и войны и революции (из событий), время значительно сокращается.

Предположим, что у книги будет два начала:

(23 марта 34)

I. Год Эйфелевой башни, Крейцеровой сонаты...

II. Мое детство так же уникально, великолепно... Затем пойдет «Дому было сто лет», потом опять

раздвоение:

I. Царское Село. Уконинская фабрика – Царь Максимилиан... при нем Гунгербург. Смерть Рики. Пенье-те Берты. Парки, Розовый павильон. Ли-хун-Чанг. Державин – Некрасов Дом Дауделя – корь. Начало чтения.

II. Херсонес (дикая девочка) Купанье. Смерть 1903. (раскопки).

ВВЕДЕНИЕ

Не все, что будет сказано сейчас, – сказано мною. 52 В описании Царского Села и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
его обитателей по-

I. В «ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА»

Это был 1934 г. Я уже девять лет не печаталась (после первого постановления обо мне), мои портреты снимали на выставках, имя вычеркивали из перечисле-

Пропуски

явится другой голос, но я точно знаю, что ничего [другого] иного я сказать не могу и не хочу, что все это мы тогда обсуждали вместе и что этому голосу уже давно пора прозвучать.

Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серьезные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать. Мне приходит в голову такой пример: если бы я до такого-то года писала о Б.Л. Пастернаке, могла ли я написать, что он заставил М.С. Петровых принять от меня в подарок золотой перстень с гладким черным камнем. Я насмерть и бесповоротно забыла этот факт, а таинственное кольцо украшает тонкую юную руку дочери Марии Сергеевны Ариши. Моей же памяти до сих пор дивятся люди. (О матер и-альной гибели всех мест: Царское Село, Севастополь, Киев, дача Тура.)

Сны – война – террор.

ний, книги не переиздавали, иностранцам говорили, что я перестала писать, и они свято верили.

В 1930 г. я подала заявление об уходе из союза в связи с «Мы» Замятина и «Красным деревом» Пильняка. Это, надо думать, не улучшало мое положение. Я жестоко хворала и бедствовала, это отвлекало меня от мыслей о моей судьбе вообще, но, конечно, тогда казалось, что так будет всегда. Царскосельская поэма «Русский Трианон» подвигалась туго. («О, знал ли он, любитель двух столетий, // Как страшно третьим будет принят он»). Так я пророчила Царскому Селу финальную иллюминацию 1941 г.

II. В очереди у «Крестов»

Молочница поставила бидон на снег и громко сказала: «Ну! У нас сегодня ночью последнего мужика взяли».

Я стояла [в очереди] на прокурорской лестнице. С моего места было видно, как мимо длинного зеркала (на верхней площадке) шла очередь женщин. Я видела только чистые профили – ни одна из них не взглянула на себя в зеркало...

Адмирал Чичагов сказал на свиданье своей жене: «Ils m'ont battu»*. (20-е годы.)

Во время террора, когда кто-нибудь умирал, дома его считали счастливецом, а об умерших раньше матери, вдовы и дети говорили: «Слава Богу, что его нет».

Посадить кого-нибудь было легче легкого, по это не значило, что вы сами не сядете через 6 недель.

1964-1965

+ Мне суждено запомнить этот сон, как помнят мать, осиротевши, дети. * «Они меня били» {фр.}.

Для ТАСС а

В БЛОКАДЕ

(до 28 сентября 1941)

I

Первый день войны. Первый налет. Щели в саду – 54 Вовка у меня на руках.

Литейный вечером. Праздничная толпа. Продаются цветы (белые). По улицам тянется бесконечная процессия: грузовики и легковые машины. Шоферы без шапок, одеты по-летнему, рядом с каждым – плачущая женщина. Это ленинградский транспорт идет обслуживать финский фронт. Увоз писательских детей. Сбор в.....переулке у неплачущих матерей.

Крупные деньги вывезены из города (ответ в банке).

Моряки с чемоданчиками идут на свои суда. Все писатели уже в военной форме.

Похороны «Петра» Растрелли и статуй в Летнем Саду. Первый пожар. Я – по радио из квартиры М.М. Зощенко.

Тревога каждый час. Город «зашивают» – страшные звуки.

II

Возвращение 1 июня 1944

ДАТЫ

(малый список)

5.А Одесса. Большой фонтан 11 станция паровика, дача Ларакини. 1889

(Иванова ночь). Ночь на 24 июня нов. ст.

См. мою прозу «Дому было сто лет».

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

Павловск. Солдатская улица. (Есть фото.)
Царское Село. Холодный дом. Широкая, первый от вокзала (налево). Сгорел от «белой» бомбы в 1919 г. (Есть семейная группа.)
Дача Бернасconi. Безымянный переулочек. (Мне 4 года (?))
Малая, дом Сергеева. (Там сумасшедший Ду-бельт – внук Пушкина.)
Киев. Институтская. Рождение сестры Ии. (Мне 5 лет.)
Дифтерит у брата. Мы в гостинице над Бессараб-кой.
Царское Село. Широкая, дом Шухардиной+ (низ). На углу Безымянного переулка. Рождение брата Виктора. Лето у тетки Вакар в Шелихове. Смерть сестры Рики (Ириши).
Гунгербург. Мерикульская улица, дом Шкот-та (низ). Есть фото. Старшие дети дружат с нрзб.
Гунгербург. Дача Крабба. (Царь-гриб). Группа на гимнастике. (Мне 6 лет?)
Севастополь. Соборная, дом Семенова, одна зима. (Хожу в школу.)
Царское Село. Угол Средней и Леонтьевской, дом Дауделя. (1900?) корь. 1-ый смертный приговор.
Лустдорф, дача.....(лето 1904.) около Севастополя (Стрелецкая бухта) дача Н.И. Тура – «Отрада» (семь лет). Херсонес.
Царское Село. Широкая, дом Шухардиной (верх). Гимназия. (Стихи.) До весны 1905. У брата Ан-дрея бывает Н.С. Гумилев.
Царское село. Бульварная, дом Соколовско-гоА (лето 1905 г.) (Отъезд в первых числах августа.)
Евпатория. (На въезде в город) последний дом, Пасхалиди. (1905–06). Готовлюсь в последний класс гимназии. Стихи.
Киев. Меринговская, дом Демчинко (1-ый этаж). У кухни М.А. Змунчила. Последний год в гим-назии. Приезд Гумилева.
Дача доктора Шмидта около Севастополя. (Грязелечебница.) Приезд Н.С. Гумилева.
Севастополь: Малая Морская, дом Марино (И-ой этаж). Приезды Н.С. Гумилева.
Балаклава (одно лето). Поездка к отцу. (Набе-режная Средней Невки № ...) П-ой этаж.
Киев. Предславинская улица. (На юридичес-ких курсах.) Приезды Н.С. Гумилева.
Киев (не помнюлицу) 1910 г. (Выхожу замуж, уезжаю в Париж.)
Paris, rue Vopararte, 10.
Царское село. Бульварная, дом Георгиевского. (Пишу в зиму 1910–11 будущий «Вечер».)
В 1912 в Швейцарии и Италии. Лозанна, Уши, Оспедалетти, Слепнево Бежецкого уезда, Тверской гу-бернии. (Каждое лето с 1911 до 1917.) («Белая стая».)
Васильевский Остров – «Тучка». 1914. («Четки».)
Царское Село. Малая, 63. (С осени 1911 г. до вес-ны 1916 г.)
Петербург Большая Пушкинская. Весна 1915 г. (обострение т.б.с.)
Петербург. Боткинская, 9 (у Срезневских). 1916 конец – 1918 г.
Москва (первая) с Шилейко. Ш-ий Зачатьевский, 3? Осень 1918. С Владнмиром Казимировичем Шилейко. Стихи.
Петербург. Фонтанка, 34. Фонтанный Дом Ше-реметевых. Южный флигель, потом – север-ный, кв. № 44, т. 2-12-40 (не считая короткие отъез-ды, прожила 35 лет.)
Сергиевская, 7 (комнаты при службе, т.е. Агроно-мический институт.)
Казанская, 3 (Ш-ий этаж). Несколько месяцев в 1924 с Ольгой Судейкиной. («Лотова жена», «Муза».)
Фонтанка, 18. (Четвертый двор, у Ольги Афа-насьевны Глебовой). Верхний этаж.
Царское Село. Полубольница против дома Ки-таевой. Там 1 сентября – весть о смерти Н.С. Гу-милева.
Царское Село. Полуциркуль большого дворца. Есть фото. (20-ые годы.) В квартире Рыбаковых.
Царское Село. Пансионат Зайцева (против Епар-хиального училища) с Мандельштамами. Все время боль-на – туберкулез.
Фонтанка, 2. С О.А. Судейкиной – несколь-ко месяцев (наводнение). Есть фото.
Отъезд Ольги.
Царское Село. С больной В.А. Щегловой в 1931 г. Средняя улица.
Мраморный дворец (одно окно – на Суворова, дру-гое – на Марсово Поле. 20-ые годы (Квартира Шилейко – он в Москве.) Туберкулез.
Соврите сочинений, т 5
Ташкент. Ул. Карла Маркса, 7. Общежитие мос-ковских писателей. («Какая есть...»). (Началатра-гедию.)
Ташкент. Улица Жуковского, «Белый Дом». Балахана. («Новоселье».) Трагедия (продолже-ние).
Мысли о Достоевском и Толстом.
Ленинград. Красная Конница, 4, кв. 3. (Февраль 1952–1961 г.) («Последнее

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (стихотворение.)

Ленинград. Ул. Ленина, 34, кв. 23. Там узнала о смерти Н.Н. Пунина. С 1955 дача в Комарове – Будка.

Декабрь 1964 – в Риме, Таормине и Катанья. В Риме. Hotel «Piazza» (могила Августа).

Hotel «Victoria».

I «Paisiello» Таормина. «St. Dominico». Катанья. Hotel «Exelsior»

Июнь 1965 г. – в Лондоне, Оксфорде и Париже (Hotel «Napoleon»).

Лондон. Отель «Президент» Расселсквер. Оксфорд. Отель «Рандольф». Париж. Hotel «Napoleon» (июнь 1965). Стратфорд. Несостоявшийся. Париж. Boulevard Raspai.

В Москве

У Мандельштамов – Нащокинский переулок 1933–34 г. Большая Ордынка, 17, кв. 13. С 1950 по 1962. (У Ард овых.)

У Любы: Сокольники. Ул. Короленко, 7.

У Западовых: ул. Шевченко (дом «Известий»), кв. У Мару си: Беговая; Хорошевское шоссе. У Ники: Садово-Каретная.

В Севастополе

С мамой в детстве до дачи Hotel кидонис на Екате-рининской (Grand Hotel) и в 1916 занимала комнату на Екатерининской улице. Стихи. Уехала на се-вер 19 декабря 1916. Месяц в Слепневе. (Русская зима, тяжелая астма).

(Предреволюционный Петер-бург.)

Генеральная репетиция «Маскарада». Я с Б.В. Анрепом. На разведенном мосту (Литейном) 25 октября 1917.

Горит окружной суд, я – в толпе.

25 августа 1915 г. – Смерть отца. Набереж-ная Средней Невки.

Осенью 1916 – в Бахчисарае (гостиница). Н.В. Недоброво.

На Бельбеке (осень 1916 г.) (Гошу несколько дней у Юнии Анреп.) Стихи: «Судьба ли...»

Взрыв «Марии». Я с сестрой – на Графской при-стани.

Приезд колчака (1916).

Я на царской ферме у Рыковых (1919 г.) («Я спро-сила у кукушки»).

Санатории

Хювинкя. Около Гельсинки. Туберкулезный сана-торий («Как невеста получаю...» Осень 1915 г.). Была недолго после смерти отца, потом провалялась всю зиму в Царском. О моей болезни «не вспоминает» никто.

Дюрмень. XI километров от Ташкента. Была после персидского тифа, перед брюшным. В 1951 летом после первого инфаркта Удельная под Москвой. В Болшеве – «Сосновый бор» была несколь-ко раз (четыре?), первый раз в 1952. Санатория Ака-демии наук. (Проза о Модильяни.) П-ой корпус. Там подружилась с сестрами Игнатовыми.

В Кисловодске. На Крестовой Горе. Цекубу. Июль 1927. («Здесь Пушкина...»)

(Качалов, Рубен Орбели, Маршак).

Гаспра. 1929. Осенью. Тяжелая астма. Весь месяц пролежала.

Голицыно. (Три? Раза) «Дом творчества».

Комарова. «Дом творчества» (несколько раз). С Ханной, с Любочкой Большинцевой.

В Старках у Шервинских (станция Пески под Колодной) месяц в 1936 г. и в 1952 г. Месяц в 1956 (сти-хи из цикла «Шиповник цветет»). На альте играет мне Дружинин Чакону Баха. Вязы. Вороны. (Есть фото.) Портрет Анюты Шервинской. Грозы.

На Сиверской у уехавших в Крым Щеголевых [(Есть фото)] с Людмилой Замятиной. (В альбоме есть фото – на диване.)

Н.В. Недоброво. В Дарнице на даче у мамы летом 1914 (июнь).

В апреле 1924 – поездка в Москву (2 вече-ра – свой в Политехническом музее и «Русского совре-менника») и в Харьков, где пела Зоя Лодий. (Чу-ковский, Замятин, А.Н. Тихонов.) В Москве жила в го-стинице, в Харькове – у антрепренера Якобсона (?) (Результат выступления – первое постановление ЦК.)

8 марте 1936 г. ездила в Воронеж к Мандельшта-мам (Стихи – «Воронеж».)

Летом 1936 жила в Разливе с Н.Н. Пуниным (после Старков) («Данте»). Дача №... Гостила у Вали Срезневской с больной Ириной Пу-ниной на Горской (один месяц) летом 1931 г.

(Перенесла [три] четыре клинических голода: I –• 1918–1921, II –1928–1932 (карточки, недоедание), III – война, в Ташкенте, IV – после постановления ЦК 1946 г.)

(Базедова болезнь 1936–1938 гг.). Лечил доктор Баранов (Мариинская больница).

Ездила в Таллин посмотреть готику на Новый год 1954. Со мной Аня Каминская. Жила у Тани Пум-пянской (Юноны). Адрес. Мужа Тани за то, что он про-вожал меня, – вызывали куда следует.

9 июня 1914 ехала из Киева (Дарницы) от мамы в Слепнево. На станции Подсолнечной на минуту встре-тилась с Блоком. (См. Записные книжки Блока, стр. и мои

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (воспоминания о Блоке и многом другом.)

Вместе с Н.В. Недоброво в 1916 смотрела, как уплывал горящий деревянный мост на Неве. (См. Записные книжки Блока.)

В 1918 (май) с Николаем Степановичем Гумилевым ездила в Бежецк к сыну. Развод был уже решен. Адрес А.И. Гумилевой: Гражданская, 70.

Август – развод (повестка) (начало).

В день убийства Столыпина в Киеве (1911) ехала на извозчике и больше получаса пропускала мимо сначала царский поезд, затем киевское дворянство на пути в театр...

для Лиды

1- «Закат»

2- «Одна звезда» (284)

«Если плещется» 1 декабря 1928 (неверная дата).

Не признаю своими

В 1916 – в день именин царицы (23 апреля по старому стилю) – ехала в Царское Село в одном вагоне с Распутиным. Он сидел против меня, и я его хорошо разглядела.

В апреле 1946 с другими ленинградскими поэтами ездила в Москву (7 выступлений. Клуб писателей, Колонный зал, Университет и т.д.). С нами выступил Пастернак. Была членом П-ого съезда писателей (1954) в Москве (с решающим голосом, есть фото). Жила в гостинице «Москва».

В этом (1965) тоже. Со мной была Аня.

На Рождество 1914 провожала Николая Степановича на фронт до Вильны. Там ночевали в гостинице, и утром я увидела в окно, как молящиеся на коленах двигались к церкви, где икона [Ченстоховской] Остробрамской Божьей Матери. Ну, довольно Ахматовой, дат, адресов, названий книг и всего на свете. Дождь льет, добрый старый финский дождь. Осень царствует и великолепствует, как молодая королева в своей любимой столице. Я сегодня ночью чуть не умерла. Начинился припадок – потушила его полным дыханием, но все-таки он напомнил, как это все близко лежит. ...

«Тот город» – 1929. «Requiem» – 1935–1940. 1936 – один из удачнейших годов.

Безобразно напечатано стихотворение «Угадаешь...».

Где «Многим» («Я – голос ваш...»), сентябрь 1922. – «Флейта Марсия»

Нет 6 стихотворений;

1. «Последний тост»

2. «Один идет»

Что воины, что чума»

4. «А человек, который»

5. «Вместо посвящения» напечатано к циклу «Из сожженной тетради»

6. «И это будет для людей» (Рим).

7. «Важно с мальчиками простились...» Опечатка в эпиграфе к «Дидоне».

В стихах к Марине – Маринская башня. ...

Струве не подозревает, что после вечера «Русского современника» в Москве было первое постановление в 1925 г.

Даже упоминание моего имени (без ругани) было запрещено. Оно выброшено из всех перечислений – оно просто не существует. Г-ну Струве кажется мало, что я тогда достойно все вынесла, он, якобы занимаясь моей поэзией и издавая толстенный том моих стихов, предпо-читает вещать: «Ее звезда закатилась». И бормочет что-то Кончила сказку (Москва). Написала «Данте» (Разлив) и уже дома «Творчество», «От тебя я сердце...» В марте – «Мандельштам» (Воронеж). «Одни глядятся в ласковые взоры».

То о новом рождении в 1940 г. Но почему же тогда «Четки» и «Белая стая», которых переписывали от руки и искали у букинистов, не находили себе издателя. Просто оттого, что книги находились в index librorum prohibitorum. Двухтомник Гессена («Петроград», 1928) был запрещен – корректура есть у Лукницкого. Ругань (о которой г-н Струве умалчивает) началась систематическая примерно с Лелевича («На посту»). «Мы не можем сочувствовать женщине, которая не знала, когда ей умереть», – писал Перцов, и это самая приличная фраза из его статьи («Жизнь искусства», 1925). Позднее (1946) про Сергиевского в Москве говорили: «Он себе из Ахматовой шубу сшил». Как про дачу Плоткина: «На ваших костях стоит». Затем, как может не прийти в голову г-ну Струве, что в то время я писала нечто, что не только печатать было нельзя, но даже читать так называемым «друзьям». (Таков был «Реквием».) Вот несколько таких стихотворений:

0. Не мудрено, что похоронным звоном («Литературная газета»).

1. Александрийские стихи (о, лучше б ястребом). 20-е годы.

2. Зачем вы отравили воду. 1935.

3. Эпиграммы (20-ые годы).

4. Пива светлого наварено (1922).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

5. Не столицей европейской (30-ые годы).
6. Привольем пахнет дикий мед++ (30-е годы).
+ Стихи никогда не были записаны, оттого невозможно точно и" датировать.
++ И Мандельштам и Пастернак считали это одним из луч-ших моих стихотворений.
7. Последний тост (1931 г.?).
8. Русский Трианон (сгорел).
9. И ты мне все простишь (20-ые годы).
10. Морозова (30-ые годы). 11-13. Черепки (30-ые годы).
14. Подражание армянскому.
15. Стеклянный звонок.
16. И неоплаканную тенью (20-ые г.).
17. На стеклах нарастает лед (30-ые).
18. Что войны, что чума (Металлург Новокузнец-ка^).
19. Заклинание (Из тюремных ворот) (30-ые годы).
20. В том доме было очень страшно (20-ые годы) (полузабыла).
Итого 20 при беглом больничном. (21. Стансы.
22. Подвал памяти).
23. Заклинание (30-ые годы).
24. Застольная.

Продолжение

Когда Осинский и Коллонтай попытались пикнуть, их немедленно усмирили. Простые смертные не смели рот открыть. (Книга Виноградова шла как научная, «Об-раз Ахматовой» – как рукопись.) Очень мило зву-чат критические статьи того времени. Например: «Критика и контрреволюция». Можно еще заглянуть в тогдашнюю «Литературную энциклопедию» (!?) (авто-ры Маслин и Рыбасов). Всем этим с высоты своего ка-лифорнийского великолепия г-н Струве пренебрега-ет. Он говорит о тяжело больной (находили даже туб-еркулез брюшины) женщине, которая чуть не каждый день читала о себе оскорбительные и уничтожаю-щие отзывы и, если бы не поддержка верного чита-теля, вероятно, так или иначе погибла. Это были годы голода и самой черной нищеты. То странное «пособие», которое я получала, я делила между мамой и левой и жила на несколько рублей в месяц. Это тогда знали все. Знают и теперь. Почему-то под стихотворением «Если плещет-ся» Струве ставит 1940. Оно написано 1 декабря 1928. «Я – голос ваш» («Многим»). Было напеча-но в журнальчике «Флейта Марсия» – и отсутствует. «Видел я тот венец», «И мы забыли навсегда» были в некоторых экземплярах «Аппо Domini» (Берлин), их тоже нет. Все это узловые вещи. «И мы забыли навсегда» – самое настоящее предсказание... Этот 1-ый том производит впечатление последней корректуры, над которой еще надо серьезно поработать: перепутаны даты («Если плещет-ся»), [пропала] раз-валилась целая поэма («Путем...»), нет цикла («Ново-селье»), возникли пропзвольные инициалы («Нам встречи нет»), все в чудовищных опечатках, никуда не годится расположение стихов.

А все дело в том, что когда человек по природе сво-ей лентяй, нечего ему заниматься изданием якобы акаде-мических изданий.

Болгарин Георгиев работал несколько лет и прислал мне мою болгарскую библиографию на четырех листах (даже книжечка [была], разыскал). В Чехии вышло два однотомника «Белая стая» (один до войны), с интерес-ным послесловием Матезиуса, (еще раньше роскош-ное издание, перевод Баблера), затем недавняя книга с заглавием... "1" (всего – 4). Синьор Эйнауди с Божьей помощью у себя в Турине печатает «Поэму без героя», «Requiem» и еще что-то (перевод Карло Риччо). Неплохо было бы этому видному калифорнийцу также посмотреть, что делается в Германии («Requiem», «Das Echo tbnt», двухтомник 1965 г. и отзывы вроде Понтера в книге женских русских стихов). (См. стр. ...). Ландольфи – ученик Ло Гатто – еще в 30-ых го-дах – диплом.

Сейчас я записывала в больнице без возможности малейшей справки, что приходило в голову, но могу уве-рить калифорнийца, что это только капля в море.

Между прочим, существует хорошая статья о «По-эме без героя» пера Жана Бло в журнале «Preuves». Это уже не Болгария.

Профессор говорит о предисловии Ло Гатто, но почему не сказать о столь же пространном предисловии Бруно Карневали в пармской Ахматовой, о предисловии Скуалека в словацкой книге («Козырная дама русской поэзии») et ainsi de suite++. Существует, например, очень значительная статья Зветермича в «Paese Sera». Книга в Англии в 20-ых годах (Daddington).

Если бы Струве дождался выхода «Бега»+++ , он понял бы, что существует маленькая поэма 1940 г. «Пу-тем всея земли», что «Шаг времени» – случайное, так называемое редакторское заглавие и к «Пре-дыстории» никакого отношения не имеет, стихотворе-

+ Всего в Чехии – 4, пятую готовит Марчанова. В Италии тоже – 4, пятая печатается. У Эйнауди. ++ \\ ТОМУ подобное (фр.). +++ а не печатал бы куски из

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова разных журналов. Существование цикла «Новоселье» тоже неизвестно просвещенному редактору.

ние «Зов» могло бы быть не изуродовано до бессмыслицы, по крайней мере [пять], [семь], [10], 11 стихотворений не были бы забыты («Последний тост», 1934, «Один идет...», 1940, «А человек, который для меня...». «И это будет для людей», 1964, последнее стихотворение «Полночных стихов», 1965 [«Что войны»], «Вместо посвящения» в «Шиповник цветет», «Важно с девочками простились», «Ты пьян и все равно...» (из «Новоселья»), стихотворение «Я не была здесь лет семьсот...» имеет 1-ую строфу, кроме 2-ой и 3-ей. Все это довольно существенно. В самом «Беге» только две пустячные опечатки. (В стихотворении Срезневской – лишнее С и «шапках» вместо «шляпах» в «Под Коломной», и редактор из зловерства неверно датировал «Смерть поэта» (Б. Пастернаку). У Струве пропущено и последнее стихотворение из цикла «Новоселье»: «Как будто страшной песенки» («Встреча»). Кроме того, пропущена моя ташкентская «Смерть»: «А я уже стою на подступах...» и «Я была на краю чего-то», а главное и самое непростительное, нету «Всем обещающим вопреки» («Бег времени», стр. 440).

Итак, при двух неизвестно чьих стихотворениях («Закат» и «Одна звезда...») не хватает 11-ти проверенных и одобренных автором стихотворений, всунуты стихи из старых журналов, отвергнутые автором для книг, из Цикла «Новоселье» выпало заглавие и два стихотворения (второе и четвертое), «Полночные стихи» испорчены тем, что произошло с «Зовом». (Выпала строка.)

Не надо было печатать и кусок «Поэмы без Героя», Раз она вся идет во П-ом томе. Что сделано с «Путем всея земли» – «неприятно и речь затевать», как говорил Некрасов. Еще неприятнее писать о Предисловии. С этого я начинаю мою критику и не буду повторяться.

КОРОТКО О СЕБЕ

Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой 57 (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания – царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошади, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду». Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама. Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов.

Отзвуки революции пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундукле-евской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

В 1910 (25 апреля старого стиля) я вышла замуж за Н.С. Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspai). Вернер, друг Эдисона, показал мне в Taverne de Pantheon два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут – большевики, а там – меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-culottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravees). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раёва. В это время я уже писала стихи, вошедшие в мою первую книгу.

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете.

В 1910 году явно обозначился кризис символизма и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие – в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов – Мандельштамом, Зенкевичем и Нарбутом

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова – я сделалась акмеисткой.

Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь. В 1912 году вышел мой первый сборник стихов – «Вечер». Напечатано было всего триста экземпляров. Критика отнеслась к нему благосклонно.

1 октября 1912 года родился мой единственный сын Лев.

В марте 1914 года вышла вторая книга – «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все по-немногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX. Все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это неживописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи». «Белая стая» вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем

«Четки». Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал – книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от «Четок» у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

После Октябрьской революции я работала в библиотеке Агрономического института. В 1921 году вышел сборник моих стихов «Подорожник», в 1922 году – книга «Аппо Доміні».

Примерно с середины двадцатых годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы – о «Золотом петушке», об «Адольффе» Бенжамена Констанана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занималась почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу «Гибель Пушкина».

С середины двадцатых годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые – перепечатывать.

Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву.

До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар Древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела.

В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли мои очерки «Три сирени» и «В гостях у смерти» – последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зо-щенку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом.

Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас.

В 1962 году я закончила «Поэму без героя», которую писала двадцать два года. Прошлой зимой, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи – побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
события, которым не было равных.
Ayr /_ /ftt/Ctijum.

't*~*~yλλ -в**-* 3&y.z*A'*"----

Логограф Ал. Ахматовой (РГАЛИ. РТ 114, л. 215-216)
242 I

Собраннесочинений 7f лл* ^~ Vrsfbu* ^jΛTZLΛ

Автограф А. А. Ахматовой (РГАЛИ. РТ 114, л. 215-216)
ИЗ ПЛАНОВ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ КНИГ ПРОЗЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

КНИГА МОИ ПОЛВЕКА

(1910-1960) Вступление

[1] Ф.М. Достоевский (рассказ М.Ф. Вальцер). 1 Ависага.

2. Амедео Модильяни (Париж)

3. Александр Блок (1911-1921). Выступления. Единственная беседа. Легенда.
Объяснение ее стойкости. Похороны. Про Ремизова (засада).

4. Мандельштам (1910-1937).

5. Пастернак в 1935 г. Письмо Сталину.

6. Цветаева (2 дня 1941 г.). (Стихи.)

7. Башня (1910-1911) Вяч. Иванов (Вера и др.).

8. Бродячая собака (1912-1914). (Две зимы).

9. Цех поэтов (1-ый).

10. Акмеизм – («Судьба акмеизма»).

10. Царское Село (Гумилев, тайна его любви).

11. Петербург. С 90-ых годов 19 века до наших дней.

12. Москва в 1918 (3-ий Зачатьевский).

13. Слепнево 1911-1917. Его огромное значение в моей жизни.

14. Проза или вернее «О прозе».

15. Все о лирике. Жанр, в котором человек меньше всего выдает себя и почему.

16. Павловский вокзал. (Его запахи, шумы, дымы, парк, люди.)

17. Москва в 1914. (С вокзала на вокзал через Кремль. Накануне войны 1914). В
1918 – Третий Зачатьевский. Голодная Москва.

18. Февральская революция. Генеральная репетиция «Маскарада». Октябрь на мосту.

19. Мои жилища. Дворцы и нищая жизнь в них. I. Фонтанный Дом. II. Мраморный.

III. Сергиевская, 7.

20. Заметки о Поэме [и о прозе]. (Несколько.)

1961-1962?

МОИ ПОЛВЕКА

(продолжение)

Первая часть

«Мы еще не знаем, что такое животные и растения...» Один: Как клетка похожа на
правду! Другой: Да. На правду не похожа только сама правда. (Из подслушанных
бесед)

1-ая глава: Дому было сто лет. (Начала писать в Ташкенте.) Царскосельские
похороны. Царское Село с большой цитатой из мемуаров Н. Пунина «Город Муз».
Стихи Н.С. Гумилева. Гимназия.

П-ая глава. Мнимая юность. Евпатория. Севастополь. Киев. Стихи. Рассказ М.Ф.
Вальцер о Достоевском.

Ш-я глава. Париж 1910-1911. Слепнево. Его великое значение в моей жизни.

IV-ая глава. Петербург 10-ых годов. Башня. Цех поэтов. Акмеизм. Малая, 63.

«Четки». Война 1914 г. Н.В. Недоброво. Генеральная репетиция «Маскарада» (25
февраля 17 г.)

1) Севастополь, 2) Слепнево 1916 г.

Февральская революция (Боткинская, 9). «Белая стая» (сентябрь 1917).

Вторая часть

I. Мои дворцы (Шереметевский. Сергиевская, 7. Мраморный. Первый голод. Нищета.

Аппо Домини. [1925-1935]. Нэп. Журналы и выступления. Обширная критика (К.

Чуковский, Г. Чулков, Айхенвальд, Эйхенбаум, Виноградов и т.д.). Литературные
вечера. Книгоиздательства «Алконост» и «Регторлис». В Москве. Первое

постановление 1925 (?). Запрещение печатания в журналах, уничтожение

двухтомника в издательстве «Петроград» (Гессена). «Русский Трианон» (поэма) и
«Лирика». Часть забыта и пропала.

II. 1925 год-1940 – большой цикл стихов. Реквием. Сороковой год – непрерывный
поток стихов. «Из шести книг».

III. 1941. Поэма без Героя. Война. Эвакуация. Ташкент. Тиф. Скарлатина.

Смертельный грипп. 13 мая 1944 – возвращение в Москву. Послеблокадный

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
 Ле-нинград. Стихи. Cinque, 14 августа 1946 (второе постановление). 6 ноября 1949
 арест сына. То, что знают все...
 ЛЮДИ В МОЕЙ КНИГЕ «ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ» (Глава «Современники»)
 +1. О. Манделъштам.
 +2. Б. Пастернак.
 +3. Отречение от Блока.
 4. Шенгели.
 5. Нора Полонская.
 6. Нина Ольшевская.
 7. Н.Я. Манделъштам.
 8. Модильяни (1964).
 9. Вяч. Иванов и А. Белый (по Бердяеву).
 КИГА
 I. М.Ф. Вальцер у Достоевского [крестная и з Достоевский]
 II. Свита фальстафа и «Макбет». (Единство метода, т.е. нечто, что знает автор,
 но чем он не собирается
 Третья часть 1946-1961
 15 мая 56 г. возвращение левы. Фонтанный Дом – Красная Конница. Ордынка.
 Комарово. Временами работа над поэмой, с 1955 г. – стихи. С 1958 («литера-тура
 и жизнь») печатаюсь в журналах. 1951 (мая) – инфаркт. Больница. С 1950 г. –
 переводы. Работа над Пушкиным.
 ОПЯТЬ КИГА
 I. Шекспир: 1) О леди Макбет. 2) О фальстафе. 4 3) М.Б., настоящее открытие в
 Гамлете (Шекспир и Достоевский full of knight-based*).
 П. Пушкин. Пушкин и Невское взморье. (И все луч-шее из той книги).
 111. Достоевский (М.Ф. Вальцер у Достоевского.) Вера Фигнер.
 Манделъштам Модильяни
 СНОВА КИГА (КИТАБ)
 ГОТОВО
 Истинный рыцарь (англ.).
 делиться с читателем, что не входит в замысел данного произведения.)
 III. Дафнис и Хлоя или царскосельская идиллия и парижская трагедия (Ранний
 Гумилев) начала XX века.
 IV. Модильяни (1910-1911).
 V. Манделъштам (+) и Надя.
 VI. Царское Село, Слепнево, Павловский Вок-зал.
 VII. Проза или вернее «О прозе». (Проза о поэме.)
 VIII. Все о лирике.
 IX. Люди.
 Вероника Полонская, Нина Ольшевская, Ира Лу-нина.
 1962
 I. Пушкин и Невское взморье Чернновики
 II. Пушкин в 1828 г. для
 III. Заметки о Пушкине J Милана Дому было сто лет (начала в Ташкенте)
 Пушкин и дети
 В Слепневе. (Десятые годы.)
 На «Маскараде» в Александринском театре.
 Искра паровоза.
 В гостях у смерти (1944)
 Три сирени (1944)
 Из блокады (1944)
 Второе предисловие к «Поэме без Героя» и все вок-руг поэмы.
 (Для Эйнауди)
 Автобиография. Сокровенное сказание. Предысто-рия: Чингиз, островные греки –
 черноморские пи-раты или контрабандисты. Мотовиловы. (XIV в. Сим-бирск.)
 1889
 Год: Эйфелева башня, Крейцера соната, Чарли Чаплин. (Лето. Сотая годовщина
 Великой фран-цузской революции. Взятие Бастилии. День (или вер-нее ночь)
 Midsummer night... Иванова ночь.)
 Крестные: Отец – Романенко, народоволец, убий-ца генерала Стрельникова.
 Мать – Мария Федоровна Вальцер – ее рассказ о Достоевском.
 Нянька – Татьяна Ритифкина (калуцкая) – гово-рила обо мне: «Это перец будет».
 (И МОЯ ПРОЗА)
 Продолжение миланской книги Распутин
 I. [Слух] Встреча в вагоне.
 II. Московские слухи. 1916. декабрь.
 III. Рассказ В.И. Гедройц. 17 г.
 IV. X. у -Замятинных.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
V. Могила (от М.И.Б.)
О Комаровском
Знакомство – «Судьбы русской поэзии в ваших Руках». (Царское Село 1910?)
«Mes sympathies a Madame Nupathie»*.
* «Мои симпатии мадам Ипати» (фр.), надпись Комаровско-на подаренном им
Ахматовой альбоме для стихов.
Главы из Киги
I. В Севастополе – осень 1916. (Гибель «Марии»). (Не с вашим счастьем – рассказ
X. о Распутине.) «Мас-карад в Александринском театре.
II. Все о Поэме. (Дом Адамини.) Второе предисло-вие.
III. Мои дворцы – Фонтанный, Мраморный, Сер-гиевская, 7, Фонтанка, 18 –
четвертый двор. – Красная Конница, Смольный собор.
«Мой город» (написано в синей записной книжке 1962).
1964
(Царское Село) «До Цусимы».
Чтение романа у Кардовских. Что я помню из романа про сестру героя.
}
Последняя трагедия Анненского. Судьба акмеизма.
Последняя глава Пушкин в 1928 г.
Проза о Поэме.
Рим – Таормина – Катанья.
Январь 1965
РЕЦЕНЗИИ. ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТИКА
(1914-1965)

О СТИХАХ Н. ЛЬВОВОЙ

Тяжело, когда умирает поэт, но когда умирает моло-дой поэт, еще тяжелее. С мучительным вниманием вчи-тываешься в немногие, оставшиеся после него строки, жадно ловишь в еще неокрепшем голосе и так по моло-дому скупых образах тайну смерти, которая скрыта от нас, живых. Эту горькую радость дает нам книга недав-но умершей поэтессы Надежды Львовой.
Ее стихи, такие неумелые и трогательные, не дости-гают той степени просветленной ясности, когда они мог-ли бы быть близки каждому, но им просто веришь, как человеку, который плачет. Главная и почти единственная тема книги «Старая сказка»* – любовь. Но странно: такие сильные в жизни, такие чуткие ко всем любовным очарованиям женщины, когда начинают писать, знают только одну любовь, мучительную, болезненно прозор-ливую и безнадежную.
«О пусть будет больно, мучительно больно! Улыбкою счастья встречаю все муки. Покорная падаю ниц богомольно Пред реющим призраком вечной разлуки».
Львова Н. Старая сказка. Предисловие Вал. Брюсова, М-. Кн-во «Альциона», 1913. Эта покорность, почти безволие, особенно характер-на для всего творчества Н. Львовой. Ее страдание ищет выхода в мечте, не романтической, которую можно заво-евать подвигом воли, но остро-лирической, преобража-ющей для нее все мгновения жизни. Она уверена, что слышит «шаг снов», видит «призрак вечной разлуки», прикасающийся к ее устам, чувствует, «будто кто-то злоб-но-мстительный глядит из туч».
Лучший отдел книги «Старая сказка» – Ad mortem.
Все девять стихотворений, заключенных в нем, пред-ставляют мне заклинанием смерти.
Значительно первое стихотворение, которое начи-нается словами:
Ты, кто славил тайны страсти в безднах лет, – Славь со мною – смерть несущий вечный свет.
И та, которая с такой горькой печалью поведала нам свою любовь, таким задыхающимся голосом припоми-нала о встречах и разлуках, говорит совсем просто и уве-ренно, когда почувствовала дыхание смерти:
«Я нынче светлая. Я нынче спокойная».
И ни одного лишнего слова нет в ясных и страшных стихах, где поэт предсказывает свою смерть:
Что мне до ласк и поцелуя! Что мне до запоздалых слов. Взгляни, взгляни, как тихо сплю я И не могу и не хочу я Тебе ответный бросить зов.
Мне кажется, что Н. Львова ломала свое нежное дарование, заставляя себя писать рондо, газеллы, сонет-ты. Конечно, и женщинам доступно высокое мастерство
НАД ЧЕМ Я РАБОТАЮ
Последние годы я занята изучением творчества Пуш-кина. Первой моей работой по этому вопросу была статья, напечатанная в 1933 году в журнале «Звезда», – «Пос-ледняя сказка Пушкина». В этом году в «Пушкинском Временнике» Академии наук

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова напечатана моя работа – «'Адольф' Бенжамена Констана в творчестве Пушкина». Сейчас я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина (к «Сказке о золотом петушке»). Эта работа поглощает почти все мое время и отодвигает осуществление других замыслов.

Много времени я уделила переводам. Недавно в «Звезде» напечатан мой перевод большого стихотворения армянского поэта Даниэля Варужан – «Первый грех». Сейчас я закончила перевод двух стихотворений современного армянского поэта Чаренца.

Собранно сочинений, т 5

формы, пример – Каролина Павлова, но их сила не в этом, а в умении полно выразить самое интимное и чудесное в себе и окружающем мире. А все, что связывает свободное развитие лирического чувства, все, что заставляет предугадывать дальнейшее там, где должна быть одна неожиданность, – очень опасно для молодого поэта. Оно или пригнетает его мысль или искушает возможностью обойтись совсем без мысли. В книге «Старая сказка» – это наименее удачные страницы.

Слова еще не были покорны Н. Львовой, но так как она была покорна словам, глубоко веря в значительность каждого из них, дух музыки реет над ее стихами.

1913

Кроме того, для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи, печатающиеся в комментариях, а также французские стихи Пушкина.

Я писала лирические стихи. Мною подготовлен к печати сборник «Избранное» (для издательства «Советский писатель»), в который вошли не только ранее изданные стихотворения из всех моих книг, но и стихи

1930–1935 гг.

Я слежу за советской поэзией. Из современных поэтов я ценю и уважаю Б. Пастернака. Недавно я написала стихотворение, посвященное ему. Вот последняя строфа этого стихотворения:

Он награжден каким-то вечным детством, Той зоркостью и щедростью светил, И вся земля была его наследством, Л он ее со всеми разделил.

По окончании работы над комментарием к академическому изданию Пушкина я предполагаю продлить свои исследования над источниками пушкинского творчества. Тем много, и какую я выберу – мне трудно сказать.

Возможно, что я буду переводить трагедию Шелли «Ченчи», которую предполагает издать «Академия».

1936

ВЫСТУПЛЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ В РАДИОПЕРЕДАЧЕ «ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД»

Мои дорогие сограждане, матери, жены и сестры Ленинграда. Вот уже больше месяца, как враг грозит нашему городу пленом, наносит ему тяжелые раны. Города Петра, города Ленина, города Пушкина, Достоевского

О СЕБЕ

Недавно в Государственном издательстве художественной литературы вышел сборник

моих переводов

евского и Блока, городу великой культуры и труда враг грозит смертью и позором.

Я, как и все ленинградцы, замираю при одной мысли о том, что наш город, мой город может быть растоптан. Вся жизнь моя связана с Ленинградом – в Ленинграде я стала поэтом, Ленинград стал для моих стихов их дыханием...

Я, как и все вы сейчас, живу одной непоколебимой верой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским. Эта вера крепнет во мне, когда я вижу ленинградских женщин, которые просто и мужественно защищают Ленинград и поддерживают его обычную, человеческую жизнь...

Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но с особой силой взоры их прикует ленинградская женщина, стоявшая во время бомбежки на крыше с багром и щипцами в руках, чтобы защитить город от огня; ленинградская дружинница, окликающая помощь раненым среди еще горящих обломков здания...

Нет, город, возрадивший таких женщин, не может быть побежден. Мы, ленинградцы, переживаем тяжелые дни, но мы знаем, что вместе с нами – вся наша земля, все ее люди. Мы чувствуем их тревогу за нас, их любовь и помощь. Мы благодарны им, и мы обещаем, что мы будем все время стойки и мужественны...

Сентябрь 1941

классической корейской поэзии – «Неувядаемые слова страны зеленых гор». Это – произведения корейских поэтов XV–VIII веков. Все они переведены на русский язык впервые. В сборник вошла поэма Юн Сон До «Времена года рыбака», сюжет и общее настроение которой неожиданно напоминает повесть Хемингуэя «Старик и море».

Стихи корейских поэтов очень близки к живописи, в них отсутствует рифма, и это обстоятельство дает переводчику большую свободу и в то же время позволяет сделать перевод особенно точным. Известно, если в собственных стихах рифмы –

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
крылья, то при переводе они превращаются в гири.

Я перевела поэму Рабийдраната Тагора «Африка». Работаю также над переводами древнекитайских поэтов. В Ростовском театре идет драма Виктора Гюго «Мари-он Делорм» в моем переводе. Собираюсь в скором времени познакомить советских читателей с творчеством сербских и чешских поэтов.

Меня давно привлекала мысль поглубже заглянуть в творческую лабораторию Пушкина. Мною уже закончена одна из работ такого рода – о «Каменном госте»; другая – о некоторых моментах биографии Пушкина, об обстоятельствах и причине гибели поэта – находится в стадии завершения.

Что касается поэтического моего творчества, то в сентябре прошлого года вышел сборник «День Поэзии», включающий произведения свыше ста советских поэтов, в том числе и одно из моих стихотворений – «Есть три эпохи у воспоминаний»... К сороковой годовщине Октябрьской революции выйдет двухтомная антология со- ИРИНА КНОРРИНГ

По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи.

24 марта 1962 Ленинград Анна Ахматова

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. ПЕРЕД СНЕГОМ

Сборник стихов Арсения Тарковского «Перед снегом» – неожиданный и драгоценный подарок современному читателю. Эти долго ожидавшие своего появления стихи советской поэзии. Там будет помещено свыше двадцати моих стихотворений разных лет.

И наконец, в этом году Гослитиздат наметил выпустить книгу моих произведений – «Избранное». В сборник войдут стихи 1910–1956 годов, а также отрывки из новой поэмы – «Тысяча девятьсот тринадцатый год». Над этой поэмой я продолжаю работать и сейчас.

/957

леия стихи поражают рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце.

Я тот, кто жил во времена мои, но не был мной. Я младший из семьи людей и птиц: я пел со всеми вместе и не покину пиршества живых...

Как вечно и в то же время современно это звучит! Он уже ожил «на пиршестве живых» и рассказал нам много о себе и о нас.

Этот новый голос в русской поэзии будет звучать долго. Огромные пласты работы чувствуются в стихах книги «Перед снегом». Чувствуется, что поэт прошел через ряд более или менее сильных воздействий предшественников и современников (сейчас они скорее угадываются).

Тем, у кого нет этой книги, я советую как-нибудь достать ее, чтобы судить о ней самым строгим судом. Эта книга ничего не боится.

Можно ли сказать изящнее:

И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

А как великолепно и первозданно Азия в ламентациях переводчика!

Да пребудет роза редифом. Да царит над голодным тифом

И соленой паршой степей лунный выкормыш – соловей.

Ржа пустыни щепотью соды ни жива шипит, ни мертва...

Вероятно, такой азийский пейзаж появляется в поэзии впервые.

Рифма Тарковского – всегда крепка, нова, никогда не вычурна и не навязчива.

Одно из самых пронзительных стихотворений «Ветер», где героиня изображена с благоговейным ужасом, от которого мы что-то стали отвыкать, – кажется мне одной из вершин современной русской поэзии.

А я любил изодранную в клочья, Исхлестанную ветром темноту.

И на цыганской масляной реке Шатучий мост, и женщину в платке, Спадавшем с плеч над медленной водою, И эти руки, как перед бедою.

Слова горели, как под ветром свечи,

И гасли, словно ей легло на плечи

Все горе всех времен. Мы рядом шли,

Но этой горькой, как полынь, земли

Она уже стопами не касалась

И мне живую больше не казалась.

Когда-то имя было у нее.

Я не один, но мы еще в грядущем...

Вера в огромное и общее будущее делает эту поэзию специфической поэзией шестидесятых годов двадцатого века. О стихах Тарковского будут много думать и много писать.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

* * *
А вокруг та Москва, которую мы видим из каждого окна:

Эй, в черном ситчике, неряха городская,

Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вот теперь какая...

Девчонки-крашенки с короткими носами. Как на экваторе, толкутся под часами В древнеегипетских ребристых башмаках, С цветами желтыми в русалочьих руках.

(«Ранняя весна»)

Наверно, излишне упоминать о том, что книга уже по достоинству оценена читателем – 6500 экземпляров разошлось за несколько дней.

Книга издана просто и изящно – без надоевшего всем золота. Стихи не любят, чтобы их рядили в очень нарядные одежды.

1962?

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ И ПАОЛО ЯШВИЛИ

С Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили я познако-милась в начале 30-х годов у Бориса Леонидовича Пас-тернака. Тициан и Паоло – эти два имени представляли в то время для нас, русских поэтов, Грузию. Оба они ча-сто приезжали в Москву и Ленинград вместе.

Мне запомнились отдельные моменты наших встреч – у Б.Л. Пастернака, у известного поэта-пере-водчика М.Л. Лозинского, на банкете в 1935 году в Москве, устроенном в честь дня рождения Тициана. Во время встреч велись нескончаемые разговоры о поэзии, о литературе, читались стихи, переводы.

На одном из вечеров Паоло Яшвили прочел свое первое стихотворение

«Нита-капитан», посвященное дочери Тициана – Танит Табидзе. Я помню возникший тут же разговор о желании девочки непременно стать штурманом дальнего плавания.

Тициан Табидзе всегда читал свои стихи по-грузин-ски. Иногда он читал их мне, и я старалась глубоко вник-нуть в них, лучше постичь их звучание на языке поэта.

Тициана мы все очень любили. Это был очень теп-лый, искренний человек, всей душой преданный поэзии, живущий в искусстве; к тому же он обладал редким уме-нием держать себя в обществе. Гибель его мы, ленин-градские поэты, вместе со всей общественностью опла-кивали очень горько.

Всей своей жизнью, творчеством, неутомимой дея-тельностью Тициан Табидзе и Паоло Яшвили крепили дружбу между нашими литературами, между поэтами Грузии и России.

ОТ АВТОРА

Последнее время я все чаще получаю из разных го-родов письма почти одинакового содержания. Эти пись-ма от читателей, которые просят меня прислать им «хотя бы одну мою книгу». Очевидно, они полагают, что я об-

ладаю какими-то запасами собственных произведений. На самом же деле у меня давным-давно нет ни одного экземпляра моих собственных сборников. Поэтому я с особой охотой соглашаюсь на предложение «Юности» напечатать несколько страниц моих стихов разных лет. Их я дарю авторам этих писем. Стихи выбирала я сама.

Ленинград. 1965

ДИАЛОГИ С АННОЙ АХМАТОВОЙ

МИР ПОЭЗИИ

Интервью А. Авдеенко с А. Ахматовой в Доме творчества ленинградских писателей «Комарово»

... .

– Кто Вам нравится из молодых поэтов?

– Я не буду называть имен. Это не значит, что у меня нет любимых и нелюбимых поэтов, но в конце кон-цов оценки всегда очень субъективны. Скажу вообще о поэзии. По-моему, сейчас в нашей поэзии очень боль-шой подъем. В течение полувека в России было три-че-тыре стихотворных подъема – в десятые-двадцатые годы, например, или во время Отечественной войны, но такого высокого уровня поэзии, как сейчас, думаю, не было никогда.

– А Вы сейчас работаете над стихами?

– Никогда в жизни этого не делала. Мне всегда казалось, что кто-то стоит за моей спиной и диктует сти-хи. Иначе, по-моему, писать невозможно.

Перед Ахматовой лежала пухлая папка с рукописями. Среди рукописей была небольшая репродукция портрета Ахматовой. Я видел ее и раньше, у друзей поэта. Портрет был выполнен знаменитым художником Модильяни. Я попросил Анну Ахматову рассказать о встречах с художником.

– Мы познакомились с Модильяни в Париже в 1910 году. Он тогда очень увлекался египетским искус-ством и даже меня рисовал в образе египетской царицы. Как-то мы пошли в Лувр. Модильяни сказал: «Нужно идти в египетский отдел – только там есть, что смот-реть...» Между прочим, рисунков, похожих на тот, что Вы рассматриваете, было много. Правда, тогда Модильяни не был знаменит...

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

– Входит в Ваши планы работа над мемуарами или очерками ...?

– Меня очень увлекает работа над прозаической книгой. Это что-то вроде автобиографии. В ней я как раз и хочу написать о людях, с которыми встречалась в течение полувека. Начну с главы, где расскажу о том, как моя крестная мать была у Достоевского. Помню ее рассказ об этом во всех подробностях.

Вообще я считаю прошедший год очень удачным – много писала: и прозу, и стихи. Выступала даже в непривычном для себя жанре – записалась на долгоиграющую пластинку на четырнадцать минут. Это цикл стихов «Тайны ремесла». Каковы планы? Заканчиваю работу о Пушкине, о его трагедии 1836–1937 годов. Есть еще одна небольшая работа – о сестре жены Пушкина, о ее роли в этой трагедии. Продолжаю работать и над другими произведениями. И, конечно, пишу стихи. Трудно загадывать наперед. Вот за час до Вашего прихода у меня был кинорежиссер Григорий Козинцев. Он много лет увлечен одним замыслом – поставить «Гамлета» в кино. Он предложил мне принять участие в работе над сценарием, сделать новый перевод – возможно, в прозе – некоторых монологов. Вы понимаете, как это заманчиво и интересно?

– Если Вы будете работать с Козинцевым, это станет Вашим дебютом в кино?

– С «Гамлетом» еще ничего не решено. Однако к кино я все-таки имею отношение, – засмеялась Ахматова. – Я помогала Алексею Баталову готовиться к экзамену по французскому языку. Правда, тогда он не был известным актером – всего лишь заканчивал седьмой класс. С большим вниманием слежу за его работой в кино. Ведь я его помню пятилетним ребенком, а два года назад он приходил ко мне уже как постановщик фильма «Шинель». Мы много разговаривали с ним о будущем фильме, о великом произведении Гоголя. А теперь я горячая поклонница экранизированной повести.

...

Между прочим, Вы пришли ко мне почти в юбилейный день – ровно пятьдесят лет назад, в конце февраля или начале марта, вышел мой первый сборник стихов «Вечер». Его тираж был триста экземпляров...

– А какой тираж Ваших последних сборников?

– Недавно подсчитала, что тираж моих книг с 1940 года по сей день – девяносто пять тысяч экземпляров. ...

РАЗГОВОРЫ С АХМАТОВОЙ

Встречи М.В. Латманисова с А.А. Ахматовой

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 23 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

Накануне, 22 апреля, я позвонил по телефону А.А. Ахматовой, сначала подошла компаньонка или ведущая хозяйство, спросила: «Кто спрашивает?» Ответил, назвал себя, после некоторого перерыва уже подошла сама А.А. Ахматова:

А. – Я, слушаю Вас.

Я. – Анна Андреевна, говорит Михаил Владимирович Латманисов, я к Вам обращался с просьбой о встрече, Вы были любезны – согласились, когда я мог бы навестить на эту встречу?

А. – Пожалуйста, в любой день – вторник, четверг, пятницу.

Я. – В какое время Вам было бы удобнее?

А. – В какой день?

Я. – Завтра, во вторник.

А. – В четыре часа. Это Вам удобно?

Я. – Да, я Вам очень благодарен.

А. – Всего хорошего.

Я. – До свидания.

23 апреля, ровно в 4 часа, я позвонил (ул. Ленина, д. 34, кв. 23), открыла компаньонка:

«Вы к Анне Андреевне?» – «Да». – «Я сейчас скажу, раз-девайтесь». Через минуту: «Анна Андреевна Вас просит».

В глубине небольшого коридора дверь, вхожу, почти против двери сидит в кресле пожилая полная дама, совсем седая, в темном платье, без украшений, только одно кольцо на левой руке – серебряное с черным камнем. (Я первый раз видел А.А. Ахматову и знал ее в основном по портретам ранним, они главным образом создавали видимое представление об А.А., по-этому сразу было трудно привыкнуть к ее теперешнему облику, хотя я и был несколько подготовлен двумя ее фотографиями – одной в Краткой литературной энциклопедии, а другой на футляре долгоиграющей пластинки с записью ее выступления с чтением своих стихов. Но, немного привыкнув, узнал все ее знакомые черты – нос, глаза, посадку головы.)

А. – Здравствуйте, садитесь. Я. – Анна Андреевна, я очень благодарен Вам за разрешение встретиться с Вами, к сожалению, я не мог сразу воспользоваться этим – был болен – и только сейчас смог это сделать.

А. – Меня тоже все это время не было в Ленинграде. Я была в Москве, шесть месяцев, а потом отдыхала в Комарове недавно здесь. Чем Вы были больны? Сердце?

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Я. – Да. Инфаркт. Проболе́л шесть месяцев.

А. – У меня был инфаркт три раза. Первый раз в 1951 году. Довольно тяжелый – передняя и задняя стенка, одновременно. Потом было еще два раза. Вы тяжело болели? У Вас первый раз?

Я. – У меня тоже довольно тяжелый – передняя стенка и перегородка. Первый раз. Как Вы теперь себя чувствуете?

А. – Сейчас? Хорошо. Садитесь, вот здесь. {Показала на стул напротив.} Положите портфель – там сзади. Что Вас интересует?

Комната, в которой меня принимала А.А. Ахматова, по-видимому, служит ей одновременно и спальней и рабочей комнатой. Комната небольшая – примерно 20 кв. м, с одним окном, выходящим на ул. Ленина. Ближе к окну стоит кровать, наполовину закрытая ширмой, а в глубине комнаты, у двери, – небольшой рабочий стол, слева у стены – полка с книгами, у самой задней стены – низкий столик, покрытый покрывалом, тоже с книгами. У столика, спиной к окну, и сидела А.А.

Я. – Анна Андреевна, я уже много лет занимаюсь Вашим творчеством и собираю все, что относится к Вашей жизни, биографии, к Вашему творчеству, к Вашей переводческой деятельности. У меня возник ряд вопросов. и я просил бы, если это возможно, ответить на них. У меня подготовлен список вопросов. Позвольте Вам их задать?

А. – Пожалуйста. Что Вас интересует?

Я. – Когда Вы начали заниматься переводами? Были ли это письма Рубенса в издании «Академия» в 1933 году? или еще раньше?

А. – Для поэта переводческая деятельность не является творческой, характерной, я ей не придаю большого значения.

Я. – Но все-таки на переводе сказывается и индивидуальность поэта, и его талант, и черты его творчества.

А. – Да, но это не его творчество. Приходится заниматься переводами главным образом из-за материальных соображений. Начало действительно относится к этим годам. И возможно, эта книга была первой.

Я. – Меня интересует Ваша «Поэма без героя». Какова ее судьба?

А. – Да, у этой поэмы действительно судьба. Я над ней работала двадцать лет. Начала в 1940 году и кончила только в прошлом году. Писала ее частями, фрагментами, печатала в разных изданиях и только в 1962 году закончила полностью. Сейчас в списках уже многие познакомилась с этой поэмой. Поэма возбудила очень разные отклики. Многие возражают против нее. Фрагменты этой поэмы напечатаны в последних сборниках. В сборниках «День поэзии» – московском и ленинградском. Какое впечатление произвела на Вас эта поэма?

Я. – Эта поэма на меня произвела большое впечатление, хотя я ее полностью не видел, в окончательном виде.

А. – Это интересно. У этой поэмы есть много противников.

Я. – Анна Андреевна, а поэма «1913 г.»? А. – Это та же поэма – «Поэма без героя», ее другое название.

Я. – Были ли созданы Вами какие-нибудь пьесы? Я слышал, что Вы написали одну пьесу, но потом, позже, сожгли ее.

А. – Это совершенно так. Я написала одну пьесу задолго до войны, всего одну пьесу, которую сожгла по возвращении после войны в Ленинград, в 1944 году.

Я. – В последнем сборнике Ваших стихотворений был напечатан ряд новых циклов стихотворений. Многие циклы состоят из небольшого числа стихотворений, меня очень интересует, каков полный состав этих циклов, не предполагаете ли Вы выпустить сборники с полностью собранными циклами этих стихотворений. Я говорю о циклах: «Тростник», «Нечет», «Ветер войны», «Луна в зените», «Шестая книга», «Шиповник в цвету» и «Тайна ремесла». Под какими названиями предполагаете опубликование этих циклов? Не будут ли они изменены?

А. – Некоторые циклы являются законченными и полностью помещены в последний сборник, например «Cinq», другие дополнялись стихотворениями, напечатанными в разных сборниках, журналах, в газете «Лижи» («Литература и жизнь»). Названия циклов остаются такими же, но только у цикла «Шиповник цветет» настоящее название – «Сожженная тетрадь». Сейчас, когда я была в Москве, я передала сборник стихов для печати, но когда он выйдет в свет – не знаю. Я и не тороплю. Надо немного подождать. Пусть немного все успокоится.

Я. – Почему в сборнике «Из шести книг» под шестой книгой значится цикл под названием «Ива», а в последнем сборнике 1961 года этот цикл стихотворений назван «Тростник» и, кроме того, есть самостоятельный цикл «Шестая книга» – стихотворения 1945–1957 годов?

А. – Названия «Ива» никогда не было. В сборнике «Из шести книг» для этого цикла еще не было оформленного наименования, и поэтому он был назван случайно – по первому стихотворению этого раздела. Первое стихотворение – «Ива». Дальше этот цикл всегда назывался «Тростник», это его настоящее название. «Шестая книга» –

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова это самостоятельный цикл.

Я. – Не предполагаете ли издать сборники по циклам, полностью?

А. – Сейчас трудно об этом говорить. Сейчас, когда я была в Москве, я сделала один сборник, но когда он будет напечатан – не знаю. Я не тороплю.

Я. – Когда было написано вами первое стихотворение? В 1900 году? Были ли собраны Ваши ранние стихотворения? Где было напечатано первое стихотворение? В каких журналах и сборниках Вы печатались до появления первого сборника?

А. – Первое стихотворение я написала действительно в 1900 году. Ранние стихотворения собраны не были. Первые стихотворения были напечатаны в «Аполлоне» за 1911 год и в «Гиперборее». Мои стихотворения печатались – более чем в ста сборниках и журналах.

Я. – Где была написана поэма «У самого моря»? и когда? В 1914 году?

А. – Начата была эта поэма в Слепневе в 1914 году и закончена в Царском Селе.

Я. – Эта поэма в значительной мере автобиографична?

А. – Да, это так.

Я. – Была ли статья «О "Золотом Петушке"» в «Звезде» в 1930 году первым исследованием Пушкина?

А. – Да, это было первой работой о Пушкине.

Я. – Всего вами напечатано три работы?

Л. – Три работы: о «Золотом петушке», о Бенжамене Констане и его «Адольфе», о «Каменном госте» – и еще «Слово о Пушкине» в «Звезде» в 1962 году.

Я. – В этом году мы увидим Вашу работу о Пушкине – книгу «Дуэль и смерть Пушкина»? В план изданий «Молодой гвардии», в серии «ЖЗЛ», включена эта Ваша книга.

А. – Это они сделали без моего ведома и теперь боятся показываться мне на глаза. Над этой книгой я много работала, но еще не закончила и когда кончу – не знаю. Ведь, чтобы писать о Пушкине, надо очень много работать, много работать в хранилищах, в библиотеках, много ездить. Я сейчас это делать не могу. Материала очень много, написано у меня тоже много. Сейчас я пишу работу о Пушкине другую – «Пушкин на Невском взморье». Может быть, закончу в этом году.

Я. – Когда было Ваше первое публичное выступление? Было ли это у Вячеслава Иванова? Было ли это стихотворение «Песня последней встречи»? Это Ваше первое выступление описано у Георгия Иванова в «Петербургских зимах» – в его воспоминаниях. Так ли это?

А. – Я вышла замуж за Николая Степановича Гумилева в 1910 году и уехала в Париж с мужем почти сразу. Перед отъездом мы были с мужем у Вячеслава Иванова. Я была тогда у него первый раз. Мы были только троим: я, Гумилев и Вячеслав Иванов. Кажется, я прочитала ему стихотворение, может быть, это было «Песня последней встречи». Потом, после возвращения, мы снова приходили к нему, было больше, народа. Читали стихи, я тоже читала. Кажется, Вячеславу Иванову понравились мои стихи. Он пригласил меня принять участие в Обществе ревнителей художественного слова, там я выступала не раз.

Георгий Иванов выступил с очень недобросовестными воспоминаниями. Он ничего не мог помнить и все выдумывал или писал с чужих слов и, главное, в искаженном, недоброжелательном виде. Он тогда был слишком молод, он был кадетом, был среди нас два раза, поэтому ничего и не мог знать. Он все исказил и обо мне, и о Гумилеве, и о других. Вы читали эти воспоминания? Я Вам покажу их в следующий раз.

Я. – У меня есть «Петербургские зимы».

А. – Какое издание? Их было два. Одно парижское, 1934 года, другое издано в Нью-Йорке в 1954 году.

Я. – У меня последнее.

А. – В последнем издании еще много выброшено. В 1954 году издательство Чехова выпускало мой сборник с очень хорошим и доброжелательным предисловием и одновременно выпускало воспоминания Георгия Иванова «Петербургские зимы». Они потребовали, чтобы он выпустил все выпады против меня. Не могли они выпускать мой сборник с очень доброжелательным предисловием и вместе с тем воспоминания, направленные против меня. Поэтому там много выпущено. Этим воспоминаниям нельзя верить, там все неверно.

Я. – Георгий Иванов много пишет о «Бродячей Собаке»...

А. – О «Бродячей Собаке» тоже все неправильно. Это был очень приличный клуб поэтов. Мы там собирались, читали стихи, придумывали разные развлечения. Было все очень хорошо, приятно. Никакого пьянства и разгула, как это изображает Георгий Иванов, там не было.

Это все появилось там после начала войны, в четырнадцатом году, «Бродячей Собаки» уже не стало, ее переименовали в «Привал Комедиантов», завсегда там ее стали прапорщики, отправлявшиеся на войну, началось действительно пьянство и все что угодно. Мы тогда там уже не бывали. При нас «Бродячая Собака» была очень

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

хорошим местом – ведь в наше время, когда собиралась молодежь, выпивки никакой обычно не было. Георгий Иванов ничего не помнит, совмещает разные вещи, все искажает. Теперь он умер – в 1958 году, от рака.

Я. – Когда состоялось Ваше знакомство с М.И. Цветаевой? У меня создалось такое впечатление, что Вы провели вместе лето 1916 года и она, живя рядом с Вами, создала цикл стихотворений, посвященный Вам, – каждый день по стихотворению.

А. – Я познакомилась с Цветаевой только в 1941 го-ду, видела ее в Москве два дня. Раньше я ее никогда не видела.

Я. – В воспоминаниях Марины Цветаевой – в очерке «Нездешний вечер» – она пишет о своем приез-де в Петроград в 1916 году, о своем выступлении перед поэтами Петрограда, пишет, что были все, кроме Вас, пишет, что читала стихи только для Вас, хотя Вас и не было. Пишет, что Вы были в это время в Севастополе. С чем была связана эта поездка в Севастополь в 1916 го-ду?

А. – Я в Севастополь не уезжала. Я была в Цар-ском Селе. Я была в это время больна, у меня начинался туберкулез. Я знала о приезде Цветаевой, но не могла быть на этом вечере.

Я. – Скажите пожалуйста, писательница Елизаве-та Ахматова, писавшая в середине XIX века повести и рассказы в изданиях Смирдина, не Ваша ли родственни-ца, не та ли Ваша бабушка, в честь которой Вы приняли свой псевдоним?

А. – Нет, эта писательница ко мне не имеет ника-кого отношения. Моя бабушка – княжна Анна Егоров-на Ахматова, вышла замуж за Мотовилова, потом ее фамилия стала Мотовилова. Вот в память ее фамилию – девичью – я и взяла за псевдоним. Моя фамилия была Горенко.

Я. – Ряд стихотворений в 1915 году вышел с по-священием: Н.В.Н. Кому принадлежат эти инициалы, если можно, скажите?

А. – Николай Владимирович Недоброво.

Я. – Николай Владимирович Недоброво! Который написал статью о Вашем творчестве в «Русской мысли» за 1915 год?

А. – Да. Это лучшая статья о моем творчестве.

Я. – Я несколько раз слышал упоминание фамилии Тавилдарова Федора Николаевича в разговорах о Вас. Какое он имеет к Вам отношение?

А. – Это доктор, к нему я никакого отношения не имела. Встречалась с ним у нашего общего врача-психи-атра Срезневского.

Я. – В чем выразалось Ваше сотрудничество в раз-личных издательствах в 1917–20 годах, о чем упомина-ется в автобиографии, помещенной в сборнике 1961 года?

А. – Я ни в каких издательствах не сотрудничала. Это ошибка.

Я. – Можно ли узнать, какие у Вас планы на бли-жайшее время?

А. – Какие могут быть планы? – Определенных пла-нов нет. Это приходит само.

Я. – У меня еще один вопрос – относительно кни-ги Страховского. Как Вы относитесь к этой, книге – я говорю о книге «Три поэта современной России»?

А. – Вы и до этой книги добрались? Об этом мы поговорим в следующий раз.

Я. – Анна Андреевна, в заключение я хотел бы об-ратиться к Вам с одной просьбой...

А. – Надписать книгу? Покажите, что у Вас? (Я вы-нул два сборника – «Стихотворения», 1958 г. и «Стихо-творения», 1961 г.) Нет, что-нибудь другое. Вы мне по-звоните через пять дней, я приготовлю Вам фотографию и найдем какой-нибудь сборник.

Я. – Простите, Анна Андреевна, что я Вас так долго задержал. Я Вам очень благодарен, что Вы меня приня-ли. Я очень много получил. Всего хорошего!

А. – До свидания. (Обращаясь к пришедшему моло-дому человеку.) Проводите, пожалуйста.

Из передней я вернулся с еще одним вопросом.

Я. – Анна Андреевна, мне очень хочется посмот-реть на Ваш портрет, написанный Модильяни. Вы по-зволите?

А. – Пожалуйста, вот он висит в изголовье крова-ти. Посмотрите.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 30 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

Как было мне сказано А.А. Ахматовой, я через пять дней после первой встречи позвонил ей – 29 апреля, вечером.

А. – Я слушаю Вас.

Я. – Анна Андреевна, говорит Михаил Влади-мирович Латманисов. Здравствуйтесь! Вы позволили мне позвонить Вам через пять дней...

А. – Да, да. Здравствуйтесь. Вы уже собрали вопро-сы ко мне? Когда Вы можете зайти? Хотя сейчас насту-пают праздники и Вы свободны, наверное?

Я. – Анна Андреевна, я могу в любое время. Я не так строго связан работой. Пожалуйста, в любое время, когда Вы назначите.

А. – Да? Где же Вы работаете?

Я. – Я преподаю в Политехническом институте. И не так жестко связан со временем.

А. – Что Вы там преподаете? Что читаете?

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова.

Я. – Я преподаю электротехнику – электрические машины. Я по образованию инженер-электрик.

А. – Это очень интересно. Я буду свободна завтра с двух до трех часов. Можете в это время ко мне придти?

Я. – Да, конечно. Большое спасибо.

А. – Я буду ждать. До свидания.

30 апреля, ровно в два часа, я пришел к А.А. Ахматовой. В этот раз А.А. встретила меня стоя – она высокого роста (по-рядка 175 см), – в фиолетовом шелковом халате. Окликнула своего секретаря: «Дайте тот список, что Вы приготовили».

А. – Здравствуйте. Ну как, набрались у Вас воп-росы?

Я. – Здравствуйте, Анна Андреевна. Да, конечно.

А. – Вот я приготовила перечень моих стихотворе-ний, которые появились в печати после последней книги. Здесь, перед этим списком, я поместила эпиграф: «Я иг-раю в них во всех пяти...» Это из Пастернака... Ну, ка-кие у Вас вопросы?

Я. – Анна Андреевна, я хотел прежде всего испра-вить свою некоторую бестактность. Я в прошлый раз дол-жным образом не отрекомендовался, не рассказал, кто я.

А. – Вчера по телефону Вы мне рассказали о себе. Теперь я знаю, кто Вы.

Я. – Я ведь не специалист-литературовед. Я люби-тель. Уже двадцать пять лет собираю все, что касается Вашего творчества: Ваши сборники, альманахи, журна-лы с Вашими произведениями, все, что касается Вашей жизни, биографии, деятельности, все, что пишут о Вас. Меня интересует все, что относится к Вам.

А. – Это и хорошо, что Вы не «специалист-литера-туровед». Вот посмотрите, что мне пишет один литера-туровед. (Вынимает из-под крышки стола письмо. Подает мне. Письмо – адрес: Ахматовой А.А. ... – не потрудился написать имя и отчество полностью; обратный адрес: Мос-ква...). Читайте, читайте.

Письмо примерно такого содержания: Многоуважаемая Анна Андреевна. Я был в Красноярске. Там познакомился с одной девушкой. У нее я увидел тетрадь со стихами. Там были «Настоящую нежность не спутаешь...», «Проводила друга до передней...» (и т.д., около десяти названий), она говорит, что это Ваши или Цветаевой. Не могли бы Вы написать – чьи это стихи, Ваши ли, Цветаевой, знакомы ли Вам эти стихи... (Под-пись незнакома).

А. – Вот, пожалуйста, «специалист-литературовед». Вы, вероятно, знаете, что это за стихи?

Я. – Это все из Ваших «Четок».

А. – Да, это все из «Четок». И вот, вместо того чтобы хотя бы посмотреть в мои сборники, узнать, откуда эти стихи, «специалист» пишет мне. Как Вам это нра-вится?

Я. – Да, дальше некуда. До двадцати пяти лет, до женитьбы, я ничего почти не знал о нашей новой поэзии. Но когда женился, в семье моей жены имел место прямо «культ Ахматовой-Гумилева». Братья жены на память читали десятки стихотворений Гумилева, моя жена по-знакомила меня с Вашей поэзией – прочитала на память всю Вашу «Белую стаю». Вот когда я вошел в круг Ної-вой поэзии, Вашего творчества; поэзии Н.С. Гумилева. Потом начал собирать все, что относится к Вашему твор-честву, к Вашей жизни.

А. – Вас интересует также и творчество Николая Степановича Гумилева?

Я. – Да, я очень интересуюсь и его творчеством. Я собрал почти все его сборники, тоже стараюсь собрать все, что относится к его жизни и деятельности.

А. – Это очень большой поэт.

Я. – К сожалению, он не дал всего того, что мог бы сделать.

А. – Да, он очень рано ушел. Но и так он много сделал.

Я. – В первых сборниках Н.С. Гумилева еще чув-ствуется влияние символистов, но уже начиная с третье-го, с четвертого сборника он уже находит себя и полнос-тью открывает свое творчество. Но в первых сборниках, наряду с символистскими стихами...

А. (перебивая) – Почему наряду? Все, что он сде-лал, – все значительно. А в «Колчане» и в «Костре» – все свое, здесь он достигает вершин. Его долго не печата-ли и его очень мало знают. Но сейчас начали печатать. О творчестве Гумилева надо судить не по «Капитанам». У него много очень серьезных и важных стихотворений. «Капитаны» – это игрушка. Вот сейчас напечатали ряд стихотворений Гумилева в хрестоматии.

Я. – Да, в хрестоматии, составленной Тимофеевым для педагогических училищ.

А. – Его скоро начнут печатать. Мне сейчас пред-ложили составить, отобрать его стихотворения и проком-ментировать их. Но мне не очень удобно это. Может быть, Вы взяли бы составить свод его ранних стихог творений и прокомментировать их?

Я. – ?!

А. – За границей Гумилева много издают. Вот по-смотрите – сзади Вас – мне

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова прислала первый том сочинений Гумилева, которые издадут сейчас в Америке, в издательстве Чехова.

С интересом листаю первый том четырехтомного собрания сочинений Н.С. Гумилева. Издается под редакцией Глеба Струве. В предисловии указано, что делается попытка собрать наиболее полно все творчество Гумилева – стихотворения, поэмы, драматические произведения, прозу и литературоведческие работы. К собранию сочинений даны: биография, статья о творчестве и копия послужного списка Н.С. Гумилева. Первый том – порядка пятисот страниц – стихотворения. Просто белая обложка. Издательство им. Чехова. 1962 г.

Я. – Это очень интересно. Я знаком только с работой Г. Струве «Неизданный Гумилев», где он собрал неопубликованные произведения Гумилева. Тоже очень интересная работа.

А. – Гумилев вел очень тяжелую борьбу за новые пути в поэзии. Когда образовалась группа акмеистов, нам было очень трудно. У символистов были сильные позиции. У них были меценаты – такие, как миллионер Рябушинский, сахарозаводчик...

Терещенко. У них были журналы «Золотое Руно» и много денег. Наш журнал «Гиперборей» мы по очереди выкупали. Нас было только шесть человек – не семь, как говорят, а только шесть поэтов. На нас смотрели как на бунтарей, нам не давали проходу, нас поносили везде и всюду. И в таких условиях мы работали. Гумилев вел совсем неравную борьбу, очень тяжелую борьбу, и все-таки мы добились признания. Это заслуга Гумилева. Какие же у Вас вопросы ко мне?

Я. – Мне хочется снова вернуться к поэме – «Поэма без героя». Как была задумана эта поэма? Какой был план поэмы? Когда можно надеяться увидеть полный текст этой поэмы?

А. – Очень трудно сказать, как была задумана поэма. Она сама пришла. Она вытекает из всего моего творчества. Плана не было. Я писала ее частями, фрагментами. Некоторые фрагменты печатала. Может быть, это я делала напрасно. И вот теперь она полностью закончена. Вот ее полный текст. Прочитайте. Только читайте все подряд. Не пропускайте и то, что Вы уже знаете. Читайте.

А.А. передала мне напечатанную на машинке поэму, примерно страниц пятьдесят, с заголовком на первой странице: «Поэма без героя», с латинским эпиграфом: «Deus conservat omnia». Сама А.А. занялась пометками в записной книжке. Я начал читать. Поэма – это история, история живого времени, предшествующего полной катастрофе старой России, приведшего Россию к войне и революции – 1913 год. Так эта поэма и была озаглавлена сначала («1913 год»). Поэма с очень интересным ритмом и рисунком, с очень своеобразным звучанием. Поэма – зрима. При чтении сразу возникают перед глазами образы, вызываемые поэтом. А это самое главное в большом произведении, когда художник заставляет не только понимать, а видеть и чувствовать то, что видит и чувствует он сам. Я читал эту поэму примерно полчаса.

А. – Прочитали?

Я. – Да, Анна Андреевна.

А. – Что Вы скажете?

Я. – Это очень большое произведение. Эту поэму надо прочитать еще два-три раза, чтобы все прочувствовать и понять. Это – история. Это самое большое, что написано Вами. Поэма, мне кажется, занимает в Вашем творчестве, такое же положение, как поэма «Двенадцать» в творчестве Блока. На меня поэма произвела очень сильное впечатление.

А. – К поэме очень разное отношение. Многие ее не принимают. Я писала эту поэму долгое время. Она вытекает из всего моего творчества. За границей говорят, что это самое большое, что я написала. Там поэма уже вышла в двух изданиях. Недавно у меня был один швед литературовед. Он говорил, что у них эта поэма произвела тоже большое впечатление. Он много со мной говорил о ней. Даже записал на пленку магнитофона некоторые фрагменты.

Я. – Анна Андреевна, когда эта поэма будет напечатана?

А. – Это трудно сказать.

Я. – Мне очень хочется прочитать еще как следует эту поэму.

А. – У меня сейчас только один экземпляр ее. Сейчас я не могу Вам дать ее, но мне скоро напечатают еще и я Вам тогда дам.

Я. – Я Вам очень благодарен. Теперь я хотел бы вернуться к книге Страховского «Три поэта современной России». Каково Ваше отношение к материалам очерка? Заслуживают ли доверия высказывания?

А. – Книга Страховского дает совсем неправильное представление и обо мне, и Гумилеве, и Мандельштаме. Это книга вредная. Страховский пишет о том, чего совсем не знает. Он даже искажает облик людей. Он пишет о лице Мандельштама с глазами, лишенными ресниц! В то время как у Мандельштама были длинные шелковистые ресницы. Он дает биографию Гумилева, подробно пишет о каких-то мелочах, о каких-то старухах, опуская главное в его жизни, в его творчестве. О

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов себе я уже не буду и говорить. Он совсем неправильно рассматривает и оценивает творчество поэтов, о которых пишет. Этой книгой пользоваться нельзя.

Я. – Анна Андреевна, я собрал все Ваши сборники, за исключением одного...

А. – Это, вероятно, «Вечер»?

Я. – Нет, это сборник 1946 года, который был напечатан и потом уничтожен. Я этот сборник ищу уже много лет, но пока еще не достал. Очень немного осталось экземпляров этого сборника. Здесь, в Ленинграде, насколько я знаю, есть всего один – у Татьяны Михайловны Вечесловой, который Вы подарили, полученный Вами сигнальный экземпляр. Говорят, что Вы сами не имеете этого сборника. В Москве, насколько я знаю, имеется несколько десятков экземпляров этого сборника. Найти его очень трудно. Но я не теряю надежды.

А. – У Вас не совсем точные сведения. В Ленинграде этот сборник есть еще у Макогоненко. У меня тоже есть этот сборник, мне привез его Сурков, он как-то был у Ермилова, увидел у него этот сборник и забрал (стащил) его для меня. Ермилов в конце сороковых годов написал ряд статей против меня, он тогда и получил экземпляр этого сборника. Сурков и завладел им. А Танюше Вечесловой я действительно подарила этот сборник. Только не сигнальный экземпляр, а я как-то, накануне выпуска этого сборника в свет, была в издательстве, увидела там целые штабеля готовых книг и взяла один себе. Вскоре ко мне пришла Таня Вечеслова, попросила что-нибудь почитать новое – я ей и подарила этот сборник.

Я. – Это очень интересно. Вот относительно этого сборника я хотел задать вопрос. Какова история этого сборника? В «Литературной газете» 24 ноября 1945 года было помещено интервью, в котором Вы отметили, что в этом сборнике предполагается дать цикл «Луна в зените». Этого не было, но был дан цикл «Нечет». Как был составлен этот сборник?

А. – Перед этим сборником был сборник «Из шести книг» в 1940 году. Во время войны я много работала. И в этот – новый сборник, кроме уже известных стихотворений, должны были войти стихотворения военных лет, ташкентские стихотворения. Почему не вошла туда «Луна в зените»? По-видимому, этот цикл не окончательно оформился. Цикл же «Нечет» мне представлялся в то время законченным.

Я. – Почему в сборнике 1960 года пет книги «Anno Domini MCMXXI»?

А. – Стихотворения и из этого сборника включены в эту книгу. Когда мы с Владимиром Орловым компоновали этот, последний сборник, то он, очень не любящий иностранные начертания, выпустил этот заголовок.

Я. – Анна Андреевна, где и когда было Ваше первое выступление в печати? Есть указания, что первым выступлением в печати было в журнале «Сириус», который издавал Н.С. Гумилев во время своего пребывания в Париже, в 1907 году. Журнал этот очень недолго существовал – всего выпущено было три номера. Об этом, например, есть в книге Козьмина «Писатели современной эпохи»: «В этом журнале дебютировала Ахматова...»

Ю Собрат*, ю....., , , , , , , , - , _ т 5

А. – Нет, это не верно. Я впервые стала печатать свои стихи в журнале «Аполлон» в 1911 году и в акмеистским журнале Цеха Поэтов «Гиперборей» в 1912 году. В журнале же «Сириус» Гумилев напечатал мои стихи по своей инициативе – по памяти и под моей старой фамилией – Горенко. Вы знаете – моя фамилия была не Ахматова, а Горенко?

Я. – Да, конечно.

А. – А я в этот журнал своих стихов не помещала.

Здесь наш разговор был прерван. Анну Андреевну вызвали к телефону. Пользуясь перерывом, внимательно осматриваю комнату, стараясь запомнить детали. От окна справа – горка красного дерева, за стеклом разные сувениры. Направо – тумбочка красного дерева, с ящиками и с круглым зеркалом наверху (по-видимому, служащая вместо туалета). Дальше – большая кровать красного дерева, с колонками в четырех углах, увенчанных чашами-светильниками. На правой колонке в изголовье повешены четки деревянные. Над изголовьем – рисунок Модильяни – портрет А.А. Дальше стоит ширма, отгораживающая кровать от второй половины комнаты. Дальше справа – шкаф красного дерева, с глухими дверцами, старинный. Слева напротив – полка-стеллаж с книгами. За ней – рабочий столик, за которым и протекали все наши разговоры. Спинной к окну, в широком кресле, обитом красным бархатом, сидит А.А. В левом заднем углу – небольшая горка. Вдоль задней стены – дубовый резной ларь, на котором разложены папки с бумагами и книги. В правом углу – дверь. Сверху комната освещается небольшим фонарем. А.А. вернулась, уселась в кресло.

А. – Какой у Вас следующий вопрос?

Я. – А. А., меня интересует история сборника «Белая Стая», изданного в Тифлисе в 1919 году. В сборнике помещена незначительная часть стихотворений Вашего основного цикла «Белая Стая». Как производился отбор стихотворений в этот

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
сборник? Вот этот сборник, я захватил его с собой.

А. – Покажите! Покажите! Я вижу этот сборник первый раз. Это очень интересно. Ничего об этом сборнике не знаю. Возможно, что кто-нибудь из петербуржцев был там и предпринял это издание. Это было сделано без моего ведома. Это так называемое контрафакционное издание. Вы знаете, что такое контрафакционное издание?

Я. – Это издание без разрешения автора.

А. – Да. По прежним законам, при обнаружении такого издания в магазинах, на него накладывался арест и продажа разрешалась лишь в пользу автора. Таких изданий было немало. Вот еще имеется издание моего сборника «Четки», оно было напечатано где-то под Одессой.

Я. – Это издание без обозначения года издания, без обозначения места издания и самого издательства?

А. – Вы видели этот сборник?

Я. – Да. Этот сборник у меня имеется.

А. – Я сейчас занесу этот сборник – тифлисскую «Белую Стаю» – в мою библиографию. Сколько в нем страниц? Сколько стихотворений? (Записывает.) Что еще интересует Вас?

Я. – Мне хотелось бы остановиться на статьях Льва Озерова. Им написано о Вас две статьи – в «Литературной газете» и в «Литературной России». Первая статья несколько осторожная. Вторая статья – «Тайны ремесла» – в «Литературной России» № 5 этого года очень доброжелательная. Интересно, что он перекликается со статьей Валериана Чудовского в пятом номере «Аполлона» за 1912 год. И тот, и другой проводят сравнение Вашего творческого метода с методами японского искусства – легким контуром подчеркивать идею, вложенную в произведение. Меня интересует, как Вы относитесь к статьям Льва Озерова?

А. – Лев Озеров – мой большой друг. В своей статье он очень доброжелательно и хорошо отзывался обо мне и моем творчестве. Надо сказать, что эта статья была подготовлена для первого номера «Литературной России», но стали откладывать от номера к номеру, и только в пятом номере статья была напечатана. Это не так просто.

Я. – Сколько времени Вы принимали участие в работе Общества ревнителей художественного слова, основанного Вячеславом Ивановым?

А. – Я вступила в Общество по предложению Вячеслава Иванова в 1912 году и была там до самого конца.

Я. – С чем была связана Ваша поездка в Новгород в 1914 году?

А. – В 1914 году, сразу после объявления войны, мой муж, Николай Степанович Гумилев, поступил добровольцем в армию – «вольноопределяющимся». Он был зачислен в лейб-гвардии уланский полк и направлен в этот полк для военной подготовки перед отправлением на фронт. Полк в это время был размещен в Новгороде. Я отправилась в Новгород, чтобы провести с мужем те месяцы, которые остались до его отъезда.

Я. – А поездка в Воронеж в 1936 году?

А. – В Воронеж я ездила навестить Мандельштама. Он был выслан в Воронеж на жительство. А после этого вскоре он был отправлен в Сибирь.

Я. – Там он и погиб.

А. – Да. Он умер 28 ноября 1939 года. Об этом совершенно точно известно. Есть много рассказов и воспоминаний очевидцев.

Здесь наш разговор был прерван: Анне Андреевне вручили конверт большого формата с каким-то официальным штампом.

А. – Интересно, что там прислали? (Вскрывая конверт.) – А! Вот хорошо, что это не напечатано, – сказала она, вынимая два листка со стихотворениями. – Нет, все-таки напечатали (вынимая газету и разворачивая ее).

Газета – «Металлургист Новокузнецка» от 16 марта 1963 года. На первой странице, внизу, напечатаны два стихотворения. Одно – «Один идет прямым путем...», второе – «Что войны, что чума?..».

А. – Ну вот теперь можно внести в библиографию еще одну газету, которой еще там не было, – «Металлургист Новокузнецка». Эти два стихотворения тоже следует внести в цикл «После книги». Запишите в свой список. Я, пожалуй, могу Вам отдать эти копии, которые мне прислали. Даже подпишу их. (Подписывает на каждом листе под стихотворением: «Анна Ахматова».) Пусть это останется у Вас.

Я. – Большое спасибо, Анна Андреевна! Скажите, пожалуйста, Анна Андреевна, кроме Вас, в Вашей семье были дети или Вы были единственной дочерью Ваших родителей?

А. – Я была средней. Старше меня было двое и младше двое – два брата и две сестры.

Я. – Еще один вопрос о Н.С. Гумилеве. Н.С. Гумилев совершил три путешествия в Абиссинию. Не известно ли Вам, были ли отчеты об этих путешествиях и где они

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматовы были помещены?

А. – Да, действительно, Николай Степанович три раза был в Африке. Первый раз, в 1907 году, он был в

Джибути. Второй раз он был в Аддис-Абебе, в Абиссинии. Эти две путешествия он совершил сам, по своей инициативе. Последнее путешествие – в Сомали, в 1913 году. Эта поездка была организована Академией наук и за ее счет. Николай Степанович возглавлял эту экспедицию, имел определенные средства для ее организации, отчитывался в ней. Вероятно, есть материалы этой экспедиции, но это – в Академии наук.

Я. – Я очень благодарен вам, Анна Андреевна за все. (Встаю и раскланиваюсь.)

А. – Подождите. Я еще что-нибудь скажу. Вот, посмотрите: вырезка из одной газеты двадцатых годов. Георгий Иванов. Он пишет о «Тучке» – о студенческой квартире Гумилева. Вот пример того, как недобросовестно можно относиться к событиям и людям. Прочитайте ее.

Я читаю. Статья в газетный подвал – воспоминание о Куз-мине, о Блоке, о Гумилеве – случайные сведения в очень легковесном тоне.

А. – Это все неверно. Он и не мог всего этого знать. Он тогда не бывал у нас и ничего о нас знать не мог. Ни о нашей жизни, ни о том, кто у нас бывал. Вообще все эти люди – Георгий Иванов, Страховский, Оцуп – были значительно моложе Николая Степановича и ничего достоверного не могли написать. Все их «воспоминания» построены на случайных слухах, сплетнях и измышлениях. Недавно в «Нью-Йорк трибьюн» была напечатана пошлая статья, что большевики разрешили Ахматовой печатать эротические стихи. А я, слава Богу, за всю жизнь не написала ни одного эротического стихотворения, хотя мне никто этого не запрещал.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 27 ИЮНЯ 1963 ГОДА

Пришел ровно в час дня. Дождь. Открыла сама Анна Андреевна.

А. – Здравствуйтесь. Вы совсем промокли.

Я. – Здравствуйтесь, Анна Андреевна. Это ничего. Большое спасибо, что Вы разрешили мне сегодня навес-тить Вас.

А. – Садитесь вот сюда. Подождите, пожалуйста, немного, я кончу свой завтрак. Выходит в соседнюю комнату-кухню. Я сижу, осматриваю комнату. На столе – книга с воспоминаниями. Это макет одного из томов последнего издания «1001 ночи». Я все удивлялся в прошлые посещения, заставая Анну Андреевну с этой книгой в руках, ее повышенному интересу к «Арабским сказкам». Оказалось все просто: она записывала в эту тетрадь свои воспоминания. На шкафу – две старинных фарфоровых вазы в виде «ро-гов изобилия», синие с золотом. С изголовья кровати икона была снята. Четкий нрзб. – за спиной на горке, сверху стоят две небольшие иконы. На стене слева – старый небольшой натюр-морт с потускневшими красками – фрукты. От окна налево – деревянный резной медальон-венок и в нем голова юноши в берете диаметром сантиметров тридцать...

А. – Ну вот, нам теперь ничего мешать не будет.

Я. – Анна Андреевна, еще раз разрешите поздравить Вас с прошедшим днем рождения. Я надеюсь, что Вы хорошо провели свой день рождения?

А. – Спасибо. Это все затянулось на два дня. Было много народу. Это очень утомительно. Был один литературовед англичанин. Приехал из Москвы. И опять то же самое, что у всех у них. Он пишет обо мне работу. Считает, что все мое творчество закончилось на «Четках». А все, что дальше писала, их не интересует. Они считают, что после «Четок» я уже ничего не писала, ничего не сделала. Это сознательная тенденция относить меня, которая проводится многими зарубежными и эмигрантскими литературоведами. Это все перепевы Страховского и других. Они совсем не понимают моего положения в Советском Союзе. Конечно, я была под запретом у нас – в конце 20-х, в 30-х годах. Меня практически не печата-ли. Но я не переставала работать.

Я. – Достаточно просмотреть Ваши сборники 1940 и 1961 годов, чтобы убедиться – ряд стихотворений, и их не мало, датирован годами этого периода – 1924 год, 1925 год, 1927 год, 30-е годы. Какая же может быть речь о том, что Вы в это время не работали?

А. – Конечно, в разные годы, у каждого поэта, писателя продуктивность не одинакова. В конце 20-х годов я писала меньше, в 30-е годы я писала больше, особенно много писала в середине 30-х годов. Но я никогда не переставала работать. Это прямо с какой-то определенной целью хотят меня поставить в такое положение, что вот, Ахматова интенсивно работала, много писала, выпустила ряд сборников и вдруг замолчала – все кончилось. Кому-то нужны эти выдумки. Вот и этот англичанин тоже на той же позиции – его интересует мое творчество только до «Четок», а когда я ему возражала, это просто не доходило до него.

Я. – Анна Андреевна, в прошлый раз Вы очень интересно рассказали о создании акмеизма – нового направления в поэзии. О влиянии в этом направлении на Н.С.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Гумилева Вашего творчества и творчества О. Ман-дельштама. Мне хотелось бы больше узнать об истоках акмеизма, об истории его возникновения.

у\.. – Что же можно, здесь дополнительно сказать? Возникло это направление в 1911 году. Был организован «Цех Поэтов», куда входили все акмеисты. Был создан орган акмеистов – журнал «Гиперборей»; с августа или сентября 1911 года он начал выходить; был выпущен манифест акмеиста Н.С. Гумилевым. Николай Степанович предложил тогда многим символистам, связанным с нами дружбой и творчеством, в частности М. Лозинскому и В. Гиппиусу, войти в наше объединение. М. Лозинский отказался, сказав: «Я был символистом и умру символи-стом». Вас.Вас. Гиппиус тоже отказался – так что нас оказалось акмеистов 6 человек (Н. Гумилев, А. Ахмато-ва, С. Городецкий, О. Мандельштам, М. Зенкевич и Н. Нарбут). Конечно, творчество мое и Мандельштама оказало влияние на Н. Гумилева, когда он формулировал основные положения акмеизма, манифест акмеизма. Раз-ве мои «Четки» имеют что-нибудь общего с символиз-мом? Где тут символизм? Точно так же и творчество Оси-па Мандельштама: ничего общего с символизмом оно не имело к тому времени. Оно потеряло всякие связи с ним. Вот о Мандельштаме за границей тоже вымышляют са-мые невероятные вещи. Этот англичанин, который у меня был, утверждал, что Мандельштама утопили в канаве – так он кончил свою жизнь. Когда я ему говорила, что это неверно, что нам точно известно все о последних днях Мандельштама, он мне не верил, говорил: «У Вас невер-ные сведения». Не хотел верить, предпочитал другую версию. Вот Нарбут, тот действительно «утонул». Они там, за границей, совсем изолгались и пользуются самы-ми ненадежными источниками.

Я. – Сейчас должны выпустить «Сочинения О. Мандельштама» в издательстве «Советский писа-тель», в большой «Библиотеке поэта». Это даст правиль-ную ориентировку читателю.

А. – Да, я знаю. Эта книга уже готова и скоро вый-дет. Я вхожу в состав редакционной коллегии этой кни-ги. Но не знаю, пойдет ли это на пользу.

Я. – Конечно, должно пойти. В особенности, если книга будет иметь хорошее предисловие – вводную ста-тью – и снабжена хорошим комментарием. Кто это сде-лал?

А. – И вводная статья, и комментарий в книге хо-роши. Вводную статью писал Македонов, комментарий Хазин. Но я не знаю, нужна ли эта книга? Мандель-штам далек от современного читателя. Надо знать очень хорошо те условия, в которых он писал, литературные интересы того времени и все те особенности жизни об-щества 10-х годов, чтобы ясно представлять творчество Мандельштама – понимать его. Таких людей не так мно-го. Кто по-настоящему любит и понимает Мандельшта-ма, тому этой книги не надо. У них и так все есть, что написал он. А остальным он не нужен – не понятен.

Я. – А Ваша книга, Анна Андреевна? Когда мож-но ждать ее?

А. –Я уже говорила, что отдавала свой сборник в одно из московских издательств, но он пролежал там 9 месяцев без результата. Я забрала его оттуда. Теперь есть указания, чтобы им занялись ленинградские издательства. Когда и как он будет напечатан – трудно сказать.

Я. – Я хотел бы вернуться к Вашему циклу «Рек-вием». Что положено в основу этого цикла? Когда он создан? Каков его состав?

А. – Как это этот цикл не дошел до Вас? Ведь он уже давно и достаточно широко распространен среди моих читателей. Ну, может быть, у меня будет свободный эк-земпляр, тогда я Вам дам. Реквием составлен из моих стихов, самые ранние из которых относятся к 1935 году и до 1940 года. Это лишний раз опровергает мнение, что я ничего не писала в 30-е годы.

Я. – Окончательная редакция «Поэмы без героя» к какому относится году?

А. – Окончательная редакция относится к 1962 го-ду. Дайте, пожалуйста, из чемодана сзади Вас желтую папку, я Вам сейчас покажу. (Перебирает папки.) Здесь «Реквиема» нет, а вот последняя редакция «Поэмы без героя». Посмотрите. Экземпляр полный, с латинским эпиграфом, правками ру-кой Анны Андреевны. В примечаниях отмечено, что заключи-тельная часть изменена и приводится ранняя редакция (1957 год). Этот экземпляр датирован 1962 годом и в конце подпись: «Анна Ахматова».

А. – У меня сейчас опять ни одного экземпляра. Был для Вас приготовлен, но мне пришлось отдать его. Сейчас в Комарово перепечатывают для меня поэму, и я оставлю Вам экземпляр.

Я. – Спасибо. Анна Андреевна, кто подготавливал сборник 1946 года?

А. – Кто подготавливал? Конечно, я его готовила сама. Главным редактором был Владимир Орлов.

Я. – В каком положении находится сейчас Ваша работа «Пушкин на Невском взморье»?

А. – «Пушкин и Невское взморье». Я эту работу сей-час уже закончила полностью и передала в «Новый мир».

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Я. – Можно надеяться, что мы скоро увидим эту работу напечатанной?

А. – Это трудно сказать.

Я. – Анна Андреевна, у меня еще три вопроса о Николае Степановиче Гумилеве. Можно Вам их задать? А. – Пожалуйста.

Я. – В «Биржевой газете» в 1914–1915 годах печатались корреспонденции Н.С. Гумилева – «Записки кавалериста». Были ли они в дальнейшем собраны?

А. – Нет, «Записки кавалериста» собраны дальше не были. Они остались в газете. Николай Степанович писал очень много корреспонденции с фронта, которые

печатались в «Биржевой газете» под общим названием «Записки кавалериста». Это продолжалось, пока он был в лейб-гвардии уланском полку. Но потом, в конце 1915 года или в начале 1916 года, его перевели в другой полк, и начальство ему запретило писать в газеты. Пришлось прекратить.

Я. – Что Вам известно о повести «Веселые братья...»? Когда Н.С. начал работать над этой повестью? Какова ее идея?

А. – Об этой повести я мало знаю. Н.С. работал над ней, когда был в Лондоне в заграничной командировке. В начале 1917 года Н.С. был отправлен на Салоникский фронт. Туда он ехал через Париж. В Париже он задержался. Жил то в Париже, то в Лондоне. В это время он и писал эту повесть. Я ее мало знаю.

Я. – Когда Н.С. Гумилев начал работу над сборником «Шатер»?

А. – Это заказной сборник. Он начал этот сборник во время войны, находясь в госпиталях. Он был ранен несколько раз, находился достаточно долгое время на излечении, вот в это время он и работал над этим сборником. Потом, в 1921 году, он был в Севастополе и там напечатал этот сборник.

Я. – Этот сборник был напечатан также в Ревеле. Причем с очень сильными разночтениями.

А. – Да. За этим сборником приезжали из Риги (?), и Н.С. дал туда подбор сборника «Шатер» в вариантах, сильно отличающихся. Потом сборник переправили в Ревель, там и напечатали.

Я. – Вы сказали, что «Шатер» был заказным сборником. Какое издательство его заказывало?

А. – Кажется, Гржебина.

Я. – Еще один вопрос, Анна Андреевна. Чем был обусловлен Ваш переезд в Киев в 1905-м и в 1910 годах?

А. – До 1905 года мы жили сначала недолго в Павловске, а затем в Царском Селе. В 1905 году мои родители разошлись, и моя мать с детьми уехала на юг. Там у нас было много родственников со стороны моей матери. В Киеве жила моя двоюродная сестра, я у нее и поселилась. В Киеве в 1906 году поступила в последний класс Фундуклеевской гимназии, ее окончила в 1907 году. Потом мы ездили на юг к маминной сестре. Естественно, что моя мать после развода хотела быть поближе к своим родным и мы, дети, были вместе с ней. После я снова вернулась в Киев и поступила на Высшие женские курсы. Проучилась там один год. Дальше мы решили снова обосноваться в Петербурге и переехали туда. А затем, в 1910 году, я ездила летом в Киев и провела там лето на даче у знакомых перед тем, как вышла замуж за Николая Степановича.

Я. – Большое спасибо, Анна Андреевна. Простите, что я отнял у Вас столько времени и утомил Вас.

А. – Нет, ничего. Не спешите. Ко мне в два часа должен прийти Солженицын. Он звонил и просил разрешения зайти. Я сейчас свободна. (Вынимает папку с бумагами, перебирает их.) Меня за границей не хотят признавать совсем после «Четок». Всячески поддерживают легенду, что я все последние годы молчала и ничего не писала. И этот самый англичанин литературовед, который был у меня, пишет сейчас исследование о моем творчестве и тоже только до «Четок». Все последующее они прямо перечеркивают. И это имеет далекие корни. Вот Георгий Иванов пишет обо мне еще в 1928 году – это из нью-йоркского издания «Петербургских зим» было исключено – вот посмотрите, заметка...

Передает мне вырезку-подвал из газеты. Там Г. Иванов пишет о Блоке, Кузmine и дальше об А. Ахматовой... Примерно следующего содержания: «Читатель ждет от Анны Ахматовой таких стихов, какие она писала раньше, до революции: "На правую руку надела перчатку с левой руки...", а не то, что она стала писать позже: "Все расхищено, предано, продано...". Ее стиль, ее творчество кончились, а это новое не найдет читателя...» (Таков смысл заметки).

А. – Вот видите, это совершенно сознательная тенденция показать, что я как поэт, как Ахматова завершила свой путь на «Четках», а дальше ничего не дала. Так писать – значит ничего не понимать в творчестве, в развитии поэта.

Я. – А как же, Анна Андреевна, последующие сборники – «Белая Стая», «Подорожник», «Аппо Домини»?

А. – Ну, это все на их совести. Я еще раз повторю. Эмиграция вся настолько выродилась, изолгалась, запуталась, что не только нельзя им верить – к ним

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматову нельзя серьезно относиться. К сожалению, их слова, всех этих Ивановых, Страховских, Оцупов, повторяют и мно-гие иностранные литературоведы. Вот письмо Марины Цветаевой ко мне – это копия, два экземпляра. Возьмите один экземпляр себе.

Я. – Большое спасибо. Марина Цветаева меня очень интересует. Я заинтересовался ею, когда познако-мился с циклом ее стихотворений, посвященных Вам, в сборнике «Версты», и затем увлекся ее творчеством. Очень сложная и тяжелая жизнь пришлось на ее долю.

А. – Да, у меня есть ее воспоминания. Я их знаю. Вот посмотрите... Вы знаете немецкий язык? Переводы моих стихотворений на немецкий язык. Это прислал мне один немецкий пастор, он живет в Израиле, он занима-ется литературой и переводит стихи на немецкий язык. Специалисты немецкого языка говорят, что переведено точно и хорошо. Здесь ряд стихотворений с копиями – заберите себе.

Я. – Большое спасибо. Анна Андреевна, были ли собраны Ваши ранние стихотворения, написанные до «Вечера»?

А. – Нет, они не были собраны и не печатались. И я считаю, что это не надо делать, и не собираюсь делать. Вот Лермонтова и погубило то, что в его собраниях сочи-нений все его зрелые стихотворения тонут в массе детских и юношеских стихотворений. Его бабушка, которая тща-тельно, с самого раннего возраста собирала все написан-ное им, сослужила ему плохую службу. Зачем это надо?

Я. – А Пушкин? Ведь у него собраны юношеские стихотворения и тоже очень хороши.

А. – Пушкин – исключительное явление, все, что он писал, – гениально!

Я. – Анна Андреевна, Вы ведь состоите в Пуш-кинской комиссии Академии наук. Какими вопросами занимается эта комиссия?

А. – С изучением Пушкина – пушкиноведением – сейчас очень плохо. Старые специалисты сейчас уходят один за дрз/гим, а молодежь не хочет им заниматься. Это очень трудно: надо знать иностранные языки, надо знать прекрасно историю того времени, жизнь общества, ус-ловия жизни, современников Пушкина, их интересы. Это одно уже очень сложно, трудно, требует большой куль-туры исследователя и очень много труда. Чтобы напи-сать одну оригинальную работу, надо очень много затра-тить времени в библиотеках, в архивах и т.д. Это, по-видимому, и отталкивает молодых литературоведов от этого пути. А Пушкинская комиссия почти совсем не работает. Проведет одно-два заседания в год по случаю знаменательных дат – в июне и в феврале – этим и ог-раничиваются. Собираются в эти юбилейные дни, сде-лают однн-два доклада и этим ограничиваются, друг дру-гу в глаза не смотрят – стыдно!

Я. – Большое спасибо. Теперь, я надеюсь, Вы по-едете отдыхать окончательно? А то Вам пришлось по-ехать в Москву, а сейчас приехать в Ленинград. Это уто-мительно.

А. – Значительную часть времени я живу в Моск-ве, там и работаю. Я пробыла там всю осень. Занима-лась переводом одного румынского поэта.

Я. – Какого поэта, Анна Андреевна?

А. – Аргези. И в Ленинград приходится приезжать, здесь уже ничего не поделаешь. Сейчас поеду в Комаро-во и буду там жить до глубокой осени.

Я. – Вы меня простите, Анна Андреевна. Я у Вас столько отнял времени. Вы, наверное, очень утомились,

А. – Нет, что Вы. Я сейчас свободна. Сейчас ко мне еще придут. Когда вернетесь из санатория, из отпус-ка, приезжайте в Комарово ко мне на дачу.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 26 ИЮНЯ 1964 ГОДА

Утром, около 11 часов, 26 июня позвонила по телефону А.А.

А. – Здравствуйтесь, я приехала в Ленинград, и если Вы свободны, заходите. Я дома.

Я. – Здравствуйтесь, Анна Андреевна. Наконец-то Вы приехали. Разрешите Вас еще раз поздравить с днем рождения. Мне очень хотелось бы Вас увидеть. В какое время можно зайти к Вам?

А. – Можно сейчас.

Я. – Сейчас, к сожалению, я еду в институт.

А. – Я буду свободна до семи часов. В семь часов ко мне придут по делу. А вечером сегодня я уеду в Кома-рове.

Я. – Я обязательно постараюсь быть у Вас часов в пять.

А. – Приходите. Много интересного. Ровно в пять я был у А.А.

А. – Здравствуйтесь! Я Вас попрошу немного подож-дать, я сейчас кончу свои дела. Вот посмотрите: «L'Unita» с заметкой обо мне и Модильяни, Журнал с моей стать-ей о Модильяни. Эту статью Вы знаете. Вот новый польский сборник моих стихов. Посмотрите.

Я. – Спасибо.

Страница из газеты «L'Unita» с заметкой «Ахматова и Мо-дильяни» – фотография 1911 года: А.А. стоит, освещается солн-цем, в белом костюме, в белой шляпе. Толстый журнал, майский номер, на итальянском языке «Европейская литература. Европейское искусство. Европейское кино». В нем перевод статьи А, Ахматовой

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

«Модильяни» – воспоминания о встречах в 1911 и 1912 годах, с рядом фотографий:

- а) фотография 1911 года – та же, что в «L'Unita»;
- б) фотография 1912 года: сидит без шляпы, в белом;
- в) 1924 года: лежит на постели, закинув руку за голову;
- г) 1926 года: сидит в кресле в комнате, с короткой прической;
- д) 1946 года: стоит, в черном костюме, с сумочкой в руках, надпись: «А. Ахматова во время выступления А. Жданова с речью против ее творчества»;
- е) 1963 года: голова, профиль;
- ж) 1963 года: у входа на дачу, с А. Сурковым и двумя итальянскими литераторами;
- з) снимок с единственного уцелевшего (из 16-ти) рисунка Модильяни (свинцовый карандаш или уголь), который висит над кроватью А.А.

Сборник стихов, переведенный на польский язык, выпущенный в Варшаве в 1966 году. Вскоре вернулась А.А.

А. – Ну как, интересно?

Я. – Очень интересно! Вам известно, Анна Андреевна, что в Праге вышел тоже сборник Ваших стихов?

А. – Нет, в Праге еще не вышел. Это объявили преждевременно. Спасибо Вам за поздравление ко дню рождения. Я его получила.

Я. – Как вы провели свой день рождения? «Литературная газета» отметила Ваш юбилей...

А. – Не только «Литературная газета». В «Литературной России» была тоже заметка о юбилее и о вечере, посвященном юбилею. Вы разве не видели? Но я к этому отношусь спокойно. Вот видите, какая куча поздравлений! (Показывает на ларь, на котором действительно лежит груды писем). Все поздравления к юбилею.

Я. – Я в «Литературной России» за 26 июня ничего не нашел.

А. – Это было за 19 июня. Сейчас я Вам покажу. (Пошла за портьеру, где стоит кровать.) Вот, смотрите.

Я. – Ах, это я пропустил. (Просмотрел заметку.) Постараюсь обязательно достать.

А. – Ну, это сейчас, наверное, уже невозможно.

Я. – Буду пытаться. Анна Андреевна, как Вы провели время в Москве? Много работали? Что-нибудь подготовили к печати?

А. – Я была очень занята. Очень много работала, хорошо работала. Вот окончательно (показывает на папку) подготовила к печати сборник «Бег времени». Его включают в план выпуска 1965 года.

Я. -- Его выпускают в Москве?

А. – Нет, в Ленинграде.

Я. – Вы за время пребывания в Москве много напечатали – в «Новом мире», в «Звезде», в «Литературной России», в «Днях Поэзии». В московском «Дне Поэзии» напечатали значительную часть «Поэмы без героя». Когда же эта поэма полностью увидит свет?

А. – Вот в этом новом сборнике «Бег времени» «Поэма без героя» будет напечатана полностью. Мною подготовлено много. «Новому миру» я передала полный цикл стихов «Requiem». Для «Литературной России» дала также подборку стихов. Перевела много стихов латышского поэта Межелайтиса, и перевела хорошо. В Москве я встречалась с латышским писателем... пропуск он говорит, что это наиболее точные, наиболее близкие переводы из всех ему известных. Переводила... поэта Аргези.

Я. – Анна Андреевна, мне еще раз хочется поздравить Вас с премией, которую Вам присудили в Италии.

А. – Вы знаете об этом? Да, мне присудили премию – Большую литературную премию Италии – миллион лир. Вот теперь собираюсь в сентябре в Италию для получения премии.

Я. – Это Вам не будет трудно?

А. – Я сейчас чувствую себя очень хорошо. И если так буду чувствовать себя, то я смогу поехать. Это все было очень интересно. Я узнала, что мне присуждена премия, и когда меня спросили, где я хочу, чтобы мне вручили премию – в Москве или в Италии на Празднике вручения премий в мае или в сентябре, я ответила, что буду получать премию в Италии. В мае там стоит очень жаркая погода – я не поеду, а вот в сентябре, если все будет благополучно, я поеду туда: погода будет хорошая и будет легко. Ну вот, согласие я дала, а думаю, как же дальше, надо иметь разрешение на выезд, визу, паспорт, а хлопотать я о себе не хочу. Я считаю, что о присуждении мне премии известно и, следовательно, мне должны выдать соответствующие документы без моего ходатайства. Вскоре мне позвонили из правления Союза писателей, спрашивают, намерена ли я ехать за премией. «Да, намерена». – «Так надо подать соответствующую просьбу, заявление». На это я сказала, что заявления подавать не буду, так как о присуждении мне премии знают и если считают, что я могу и должна ехать за ее получением, то соответствующие документы и без моих заявлений будут выданы. Об этом разговоре сообщили Суркову. Он обратился в ЦК. Там ответили: «о премии знаем», «пусть подает

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «заявление», «рассмотрим». Сурков говорил, что Ахматова подавать заявление не собирает-ся, и передает разговор со мной. В ЦК отвечают: «обсудим», «сообщим». Потом недели через три звонят из Союза писателей и сообщают: «Анна Андреевна, из ЦК пришло письмо: разрешить поэтессе Ахматовой выехать за границу за получением Литературной премии в Италии. Срок выезда и время пребывания установить по усмотрению Ахматовой, когда найдет нужным и на сколько найдет нужным». Вот после этого я обратилась к Суркову и сказала ему: «Я получила разрешение на выезд за границу. Это все сделано было без моих просьб, а вот теперь, имея это разрешение, я хочу Вас спросить – как Вы думаете, могу ехать за границу я одна, без сопровождающего, после того как отметили мой такой солидный юбилей, после перенесенных инфарктов?» Сурков: «Думаю, Анна Андреевна, что это нельзя». – «Так вот теперь я уже буду просить чтобы мне разрешили иметь сопровождающего». Сурков: «Кого бы вы хотели взять с собой?» Я назвала троих: Ирину Николаевну (Луни-ну), ее дочку (Анечку) и мою «московскую дочку» Нину Ольшевскую. С ними я буду совершенно спокойна и уверена. Кого же из них выберут, мне все равно. Это я предоставляю на усмотрение тех, кто будет выдавать разрешения. Ирину Николаевну и Анечку вы знаете, а с Ниной вы сегодня встретились в дверях, при входе. Сурков сказал, что передаст о моей просьбе. Он снова позвонил в ЦК, рассказал о нашем разговоре. Там ответили: «обсудим», «сообщим». Дня через три звонят из правления и говорят, что в ЦК склонны отпустить со мной москвичку, Нину.

Я. – Как все это интересно! Как же Вы поедете туда, Анна Андреевна?

А. – Я хочу самолетом долететь до Парижа, побыть там немного. Я ведь не была в Париже 50 лет. Со времени встреч с Модильяни. Там много изменилось. Из Парижа мы поедем в Северную Италию. Потом в Рим. А из Рима – на остров Сицилия – там будет Праздник вручения премий. А после этого я, наверное, побуду некоторое время там. Как Вы думаете, за что я получила премию?

Я. – Вы так много работали, Анна Андреевна, последние годы, так много сделали. Вероятно, это за совокупность всей работы...

А. – Я уверена, что премию я получила за «Реквием». Эта вещь произвела большое впечатление. Она в 1963 году вышла в Германии, в Мюнхене, и после этого была переведена на все языки мира, была напечатана во всех странах мира.

Я (вынимая из портфеля мюнхенское издание «Реквиема»). – Анна Андреевна, вот это издание? Вы его видели? Здесь прекрасный ваш портрет Сорина.

А. – Вы уже имеете? (Перелистывая.) Хорошо. Как же вы достали?

Я. – Совсем случайно.

А. – Сколько вы дали за этот сборник? (Видя, что мнусь.) Ну, сколько? Не смущайтесь!

Я. – Я заплатил сорок рублей. Это ведь большая редкость. А для меня это громадная ценность.

А. – Как дорого!

Я. – Ну что ж поделать.

А. – А теперь я вам расскажу о самой большой сенсации. Недели за три до моего отъезда в Ленинград ко мне пришел один очень высокопоставленный человек. Он близок к Аджубею, к редакции «Известий». С ним очень считаются, он пользуется большим авторитетом. И он мне сказал, что собираются реабилитировать Гумилева, и спросил, как бы я к этому отнеслась. Я сказала, что никогда не верила в виновность Гумилева. Он, конечно, ни в чем не виноват и его реабилитация была бы только восстановлением справедливости. Дальше он рассказал, что были подняты дела, связанные со следствием по делу Гумилева, по делу «таганцевского заговора», по делу самого Таганцева, и выяснилось, что собственно никакого «таганцевского заговора» не было. Что Гумилев ни в чем не виноват, не виноват и сам Таганцев ни в чем. Никакого заговора он не организовывал. Он был профессор истории в университете в Ленинграде. Был большим оригиналом, но политикой, а тем более заговорами, не занимался. А было следующее: действительно была группа – пять моряков, которые что-то замыслили и, чтобы отвести от себя подозрения, составили списки якобы заговорческой группы во главе с профессором Таганцевым. Включили в эти списки много видных лиц с именами, в том числе и Гумилева, отведя каждому свою определенную роль. Для того, чтобы самим, таким образом, отстать в тени при любых обстоятельствах. Всего ими в списках было упомянуто 61 человек. Из них казнили – 51 (?). Так вот, весь этот заговор оказался несуществовавшим, и теперь, после рассмотрения всех материалов, Гумилев будет реабилитирован. И даже сам Таганцев будет тоже реабилитирован. Вот так мне сказал этот человек, которому нельзя не верить: он слов на ветер не бросает. Потом он увидел у меня 1-й том четырехтомника Гумилева, сказал, что он эту книгу еще не видел, что эту книгу они еще не получали, и попросил у меня ее на несколько дней посмотреть. Я дала. Он ушел, и долго о нем я ничего не слышала. Я уже начала беспокоиться. Недели через две он снова пришел ко мне. Вернул книгу. Я у него спросила: «Ну,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов как же с реабилитацией Гумилева, Вы не ошиблись?» «Нет, – говорит он, – это вопрос решенный. И в самом скором времени это будет сделано». Далее он сказал, что решено издать сочинения Гумилева, и просил меня порекомендовать – кого из писателей следовало бы поставить редактором.

На этом разговор наш прервался, так как вошли и сказали, что пришел посетитель.

А. – Я сегодня вечером уезжаю в Комарове Хочу застать белые ночи на взморье. Но я, наверное, там долго не пробуду. Я здесь оставляю все дела и очень может быть, что через несколько дней снова появлюсь здесь. Звоните и заходите.

Я. – Всего хорошего, Анна Андреевна!

А. – До свидания.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 2 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

В 18.30 я пришел к А.А. Проводили в комнату А.А.

А. – Здравствуйте. С Новым Годом. (А.А. сидела на кровати.)

Я. – Здравствуйте, Анна Андреевна, очень рад Вас видеть, я совсем не думал, что Вы в Ленинграде. Звонил перед Новым Годом, мне сказали, что Вы выехали из Рима и едете в Москву и пробудете там до середины января. Я послал Вам поздравление с Новым Годом в Москву. Как жаль, что я не знал, что Вы здесь.

А. – Так случилось, что я приехала раньше. Пойдемте к столу. Садитесь сюда, вот на этот стул.

Я. – Как Вы себя чувствуете, Анна Андреевна? Вы, вероятно, очень устали с дороги?

А. – Да, дорога была трудная, неудобная, ехали через Сен-Готардский туннель, очень трясло. Хотела ехать обратно другим путем, но сказали – каким путем ехали сюда, таким надо ехать и обратно. Утомительно.

Я. – Как Вы себя там чувствовали, А.А.? Все ли было хорошо?

А. – Было нелегко. Жарко, до 50°.

Я. – Как там все прошло? Было интересно?

А. – Все это было в г. Катания. В старинном замке Урсино XII века. Было очень много народа. Пришлось идти по проходу между стульев по залу к президиуму. Там мне председатель вручил конверт. Этот конверт я положила на стол, не посмотрев в него. Но председатель улыбнулся, взял этот конверт со стола, открыл его, пока-зал, что в нем чек на миллион лир – это премия, и положил мне в сумочку. Затем мне вручили вот этого рыцаря-марионетку. Мужчинам, получающим премию, вручают такую же куклу, но даму в костюме тех времен.

Я. – Вам был вручен какой-нибудь значок, диплом?

А. – Нет, ничего этого не было. Конечно, было бы неплохо, если бы они вручали, например, кольцо-перстень с гербом. Ничего не было. Везде в газетах об этом много писали, и поэтому считается, что все и так знают об этом хорошо. Мне там было предложено вот это издание «Божественной комедии» Данте – вот оно лежит сзади Вас – с замечательными рисунками Боттичелли. Это именно том, на нем вытеснено мое имя.

(Том размером 30x45 см, толщиной 5–6 см, в футляре.)

Я. – У нас в газетах было много заметок об этом событии. Вот у меня здесь восемь вырезок. А там это обсуждалось в газетах? Много писали?

А. – Было много всего написано. Была статья с безобразной руганью. Вот одна газета с большой статьей.

* «Малиновые костры».

Вот смотрите: статьи на первой странице с продолжением на третьей, на пятой. Вот фотографии: 12 года и последняя. На последней странице перевод всего «Реквиема». А наши заметки мы собрали, не все, конечно. Передайте мне сумочку! (Передаю.) Вот три газетные вырезки из «Литературной газеты» и «Известий», вот одна из «Литературной России» и вот небольшая заметка Чуковского «Красные костры»* в «Неделе». Это, наверное, все у Вас есть?

Я. – Все, кроме заметки Чуковского. Ее я пропустил. Без Вас вышел восьмой том Тагора с большим количеством Ваших переводов.

А. – Да, это мне досталось с большим трудом. Все это было перед самым отъездом. Как понравились Вам переводы? Их там много.

Я. – Это громадный труд! Больше 760 строк. Переводы очень хороши, я прочел их с интересом, с большим интересом. Затем, вот вышел ленинградский «День поэзии» с Вашими «Песенками». Московский «День поэзии» пока не появлялся. Вот здесь, на 22-й странице. Ваши стихи и после них статья Алексея Павловского к Вашему юбилею.

А. – Статья вам понравилась? Хорошая статья?

Я. – Статья хорошая.

А. (смотрит «День поэзии», листает). – А это, последнее мое стихотворение откуда они взяли? Вы мне хотите подарить эту книгу?

Я. – Мне было бы очень приятно, если Вы ее примете.

А. – Спасибо. Мне ее, конечно, пришлют, но пока ее у меня нет. Но деньги уже

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова перевели.

Я. – Вот, А.А., я еще принес Вам нрзб. сборник.

А. – Это что – надо подписать? Напомните.

Я. – Это Вы хотели дать с Вашей подписью москвичу в обмен на ваш двухтомник 22–23 годов.

А. – Ах да! Это я для Вас достану.

Я. – 13 декабря канадское радио сообщало на русском языке, что подготавливается сборник ваших стихотворений на английском языке и что переводы для этого сборника подготавливает посол Канады в Москве.

А. – Это я слышала. Это очень интересно. Может быть, этого канадца мне и представляли на приеме в посольстве. Наш посол Кузнецов (?) мне представлял многих из дипломатического корпуса, возможно, что и этот был там.

Я. – Но это переводит посол Канады в Москве.

А. – Да. Но там было очень много разных дипломатов из разных стран.

Я. – Интересно, что подготовкой сборника занимается посол.

А. – Ну, в этом ничего удивительного нет, дипломаты часто занимаются литературоведением, интересуются литературой, поэзией.

Я. – А.А., какие сборники стихов Вы видели в Италии? Что там нового издали из Ваших стихов?

А. – Ничего нового там нет, кроме тех двух сборников, которые вышли два года тому назад. Поэзией мало интересуются, мало издают, очень дорого стоит. Мой сборник стоит 3500 лир. Хороший завтрак на двоих из нескольких блюд с вином стоит 2000 лир. Вот какие цены на книги! Переводы плохие.

Я. – А Гумилева издают?

А. – Ничего об этом не слышала. Вот моя статья о Модильяни итальянским издателем продана в Англию солидному литературному журналу. Должна скоро там выйти с некоторыми дополнениями.

Я. – И с тем же циклом фотографий?

А. – Да, наверное.

Я. – А об этом Вас поставили в известность? Как-нибудь Ваши интересы обеспечили?

А. – Нет! Что Вы! Все это делается помимо автора.

Я. – А.А., я видел сводный план издания на 1965 год, и там помечен в издательстве «Советский писатель» Ваш сборник «Бег времени» с включением циклов «Полночные стихи», «Реквием» и «Поэмы без героя». Я был приятно удивлен, потому что перед отъездом Вы говорили, что «Реквием» не включается. Правда, Вы говорили, что рецензент, кажется Твардовский, выражал пожелание, чтобы этот цикл был включен в Ваш новый сборник. Может быть, это оказало действие на издательство, а может быть, премия, полученная Вами, и большая популярность «Реквиема» во всем мире.

А. – Вот это очень интересно. «Реквием», конечно, пора печатать. Его переводят на все языки мира. Печатают во всех странах. Это хорошо.

Я. – Что еще нового, А.А.? Какие приглашения еще были?

А. – Когда я была там, я получила приглашение из Франции, из Парижа. Приглашали приехать и выступить. Но это не удалось сделать. Вот что я хочу спросить у Вас. Какое Ваше мнение – мнение человека, связанного с научными кругами, – скажите, как по-вашему, случайно или нет сообщение о присуждении мне почетной степени доктора филологии Оксфордского университета появилось во время моего пребывания в Италии? Может быть, это случайно. А может быть, это сделано намеренно.

Я. – Сам факт присвоения Вам этого почетного звания не случаен. Он был оговорен раньше. Еще в ноябре Вы получили телеграмму, где они запрашивали Ваше согласие.

А. – Да. И я тогда же отправила им ответ с согласием. Потом получила от них подтверждение получения моей телеграммы.

Я. – Так как они точно знали, что Вы получаете премию Этна-Таормина, и знали время вручения премии, то очень может быть, что эта торжественная часть – заседание, на котором утверждалась присвоенная Вам почетная степень, специально было организовано в это время, в надежде, что Вам удастся приехать. Это не исключено.

А. – Да. Это может быть и так.

Я. – А.А., Вы в Москве долго задерживались? Были там какие-нибудь запросы к Вам со стороны издательства?

А. – В Москве я была очень недолго. Ко мне никто не обращался там. Меня только навестили трое молодых людей – из них одна девушка, очень симпатичная. Отрекомендовались, что они из АПН – это бывший ТАСС (?), и сказали, что меня разыскивает представитель «Лайфа» – это такой журнал типа нашего «Огонька» – и хочет получить от меня интервью. Я сказала – пусть приезжают в Ленинград. Она меня разыщет в Ленинграде. Вообще, «Лайф» – журнал среднегошиба. В первом номере «Нового мира» должны появиться мои стихи. Они долго лежали в «Литературной России» и так и не были напечатаны.

Я. – Какие Ваши ближайшие планы? Поживете ли в Ленинграде или поедете в Комарово?

А. – Я сейчас на несколько дней уеду в Москву, потом побуду немного в Ленинграде, а потом поеду в Комарово. Всего хорошего.

Я. – До свидания, А.А.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 14 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

В 15 часов позвонила А.А., меня не было дома, придя до-мой, я позвонил в 18 часов и в 18.45 был у А.А.

А. – Здравствуйте. Садитесь вот сюда. (АА. сидела за письменным столом, в черном шелковом халате, в сан-далиях, прическа – хвостом.)

Я. – Здравствуйте, Анна Андреевна. Как съезди-ли в Москву? Как Вы себя чувствуете?

А. – Я никуда не ездила. Плохо себя чувствовала. Сказывается и погода, и усталость. А в Москве мороз. У меня был врач – очень хороший, и он запретил мне уезжать.

Я. – Плохо с сердцем? Это, вероятно, погода – такая неустойчивая. Я очень чувствую всякую перемену погоды.

А. – Общее состояние нехорошее. А сердце – оно всегда откликается на все. И погода тоже действует. Во-обще, чувствую себя неважно. Этот доктор обещал зай-ти еще раз – и уже не с визитом, как был, а как врач – и как следует осмотреть меня.

Я. – Не собираетесь ли Вы, Анна Андреевна, в ближайшие дни в Комарово?

А. – Нет. Не поеду. При такой погоде, как сейчас, там совсем нехорошо. Все будет чувствовать: и аорта, и сердце – все, на воздух выйти нельзя. Да, я Вам приго-товила интересный подарок. Вот только куда он делся? (Перебирает бумаги на столе.) Вот пока это – возьмите. (Передает входной билет на заседание Etna-Taormina.) Это Вам интересно? Правда?

Я. – Спасибо. Это очень интересно. Но, может быть, Вам приятно было бы сохранить его?

А. – Ну, что Вы. Зачем? (Продолжает перебирать бумаги.) Вот могу Вам дать – это у меня второй экземп-ляр – журнал «L'Europa Letteraria» с моей статьей о Модильяни. У Вас она была на русском языке, в под-линнике, теперь будет и на итальянском. Здесь интерес-ные фотографии. А! Вот она! Вот что я хотела Вам пода-рить – это пригласительный билет на торжества в Ката-нии. Вот что здесь написано (читает-переводит): «Я по-чтительно приглашаю Вашу честь на торжественную це-ремонию вручения VI интернациональной премии за по-эзию "Etna-Taormina", которая состоится 12 декабря 1964 года в 17 часов на заседании парламента в замке Урсино, любезно предоставленном для этой цели мэром Катании». Здесь, слева, видите, напечатаны имена всех лауреатов этой премии за прошлые годы, с 1951 года: в 1951 году – Umberto Saba; в 1953 году – Salvatore Quasimodo e Dylan Thomas; в 1956 году – Camillo Sbarbaro e Jules Supervielle; в 1959 году – Jorge Guillen e Diego Valeri и в 1961 году – Tristan Tzaro e Leonardo Sinisgalli. Ну вот, а здесь, ниже, надо вписать мое имя и Марио Луци. Вот еще эта книга будет для Вас интерес-на. Этот французский сборник моих стихотворений. У ме-ня это дубликат. Возьмите.

Я. – Спасибо, Анна Андреевна, это все очень ин-тересно. Большое спасибо. Вот здесь на французском сборнике Ваш портрет – тот, что помещен в книге Эй-хенбаума.

А. – Да, это тот самый. Вот дайте с полки, наверху, газету. (Я достаю.) Нет, не это. Это Бяка – жена Стра-винского, Вера Артуровна.

Я. – Итальянская газета? Вот эта?

А. – Да. Вот видите, как хорошо увеличили этот портрет? Я хочу дать его сфотографировать.

Я. – Это замечательный портрет. И как им удалось так хорошо увеличить? Прямо мастерски!

А. – Вот еще интересная вещь. Получила на днях из Америки «Реквием» на чешском языке. Это издала чешская колония в Америке. Прислали мне экземпляр с надписью. Оригинальный рисунок на обложке – тюрем-ная решетка?!

Я. – Да, пожалуй, это решетка. Это в их стиле. А как выполнен перевод? Хорошо ли?

А. – Я внимательно не смотрела. Вообще, плохо переводят.

Я. – Чешский язык нам все-таки понятен. Ваш сборник на сербском языке, я его у Вас видел, там со-всем хорошо ясно, они даже используют русский алфа-вит. Польский менее понятен.

А. – Да. Вообще, и с группой славянских языков, и с группой романских и германских языков можно спра-виться. Французский – итальянский – испанский, польский – чешский – болгарский – сербский. Это все не чуждые нам звуки. Вот что совсем чужое – это фин-ский, эстонский, венгерский. Это чужое. Литовский язык

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова тоже малопонятен. У меня, вероятно, будет дубликат польского сборника, я приберегу для Вас.

Я. – Спасибо. А Ваш литовский сборник я попытаюсь выписать из Вильнюса. Может быть, и получу. Анна Андреевна, были ли у Вас издательства? Оста-новились ли окончательно на составе сборника? Ведь в июле издательством было указано, что в сборник «Бег времени», издаваемый «Советским писателем», включены циклы «Полночные стихи», и «Реквием», и «Поэма без героя».

А. – Я сомневаюсь, что все это будет так. Это как-кая-то ошибка. Я им даже не передавала «Реквием». У них его нет. Даже есть сомнения в отношении «Поэмы без героя». Что-то не очень хотят ее печатать.

Я. – Я все-таки удивляюсь тому, с каким трудом все это происходит.

А. – Ну, что же поделаться. Вот интересно – я последнее время получаю через редакцию журнала «Юность» много писем. В четвертом номере был напечатан ряд моих стихотворений, в ответ на них пишут, просят прислать сборник моих стихов, другие пишут, что потеряли или пропали во время войны мои сборники стихов, и просят прислать что-нибудь. Но ведь у меня нет моих книжек, я сама не имею своих сборников. Они думают, что у меня их большой запас.

Я. – Это очень интересно и приятно.

А. – Да. Так вот, редактор «Юности» – они ведь письма, направляемые писателям, прочитывают как редакционную почту – предложил мне напечатать в третьем номере, в мартовском этого года, поместить триста строк моих стихотворений. Просил отобрать, но только из уже напечатанного. Я сначала думала, что это очень трудно, ведь триста строк – это очень много. Но потом как-то вечером села и быстро отобрала. И написала к ним

\\ СоСрпшс со'd'МСНіііі, т 5

предисловие. (Берет свою записную книжку – «Тысяча и одна ночь».) Вот, прочитайте.

Я читаю. Содержание, примерно, такое: «Последнее время я получаю много писем от читателей «Юности» с просьбой прислать сборник моих стихотворений. Но у меня их нет, этих сборников. Редакция «Юности» любезно предложила, в ответ на эти просьбы, напечатать ряд моих стихотворений в мартовском номере. Их я дарю всем, обращавшимся ко мне с просьбой, моим читателям. Анна Ахматова».

А. – Ну как?

Я. – Очень хорошо. Что же может быть лучше. Вообще все это будет прекрасно. Во-первых, 300 строк – это 25–30 стихотворений. У Вас ведь большинство стихотворений 8–12 строк. А затем ведь это тираж 500 тысяч.

А. – В 65 году тираж 1,5 миллиона. Если все выйдет так, то, конечно, будет хорошо. Посмотрим.

Я. – Анна Андреевна, Тагора Вы переводили еще для какого-нибудь тома его собрания сочинений, кроме восьмого тома?

А. – В седьмом томе помещен ряд моих переводов, в восьмом томе очень много.

Я. – Да, в восьмом томе помещено 765 строк.

А. – Что-то в этом роде. Вот еще интересную телеграмму я получила из Оксфорда. Просят прислать мерку – рост, объем в плечах и т.д., объем головы. Все это необходимо, пишут, чтобы сшить мантию и шапочку к торжественному заседанию, на котором будут присуждать почетное звание доктора филологии и облачать в мантию. Просили сообщить также, когда для меня удобно приехать в Оксфорд. Я ответила относительно возможности приезда, написала – должна уточнить, потом дополнительно сообщу. Позвонила Суркову в Москву. Он это встретил кисло. Сказал: «Переговорю и позвоню». Пока еще ничего не ответил.

Я. – Но ведь это будет Вам очень тяжело. Поездка в Италию была такой тяжелой для Вас. А здесь снова такое далекое путешествие.

А. – Это значительно легче. Из Москвы в Париж идут комфортабельные самолеты – «Каравеллы» – три часа. А там несколько часов Париж–Лондон, поездом без пересадки. Это ничего. Положите эту газету вот туда, на папки, и дайте папку, там о Кузmine, сверху. Нет, не это и не это. Подождите, я сама. Вот, у Вас есть «Говорит Дидона»?

Я. – У меня есть перепечатанная на машинке.

А. – Вот возьмите. Теперь будет в подлиннике. Это Вы знаете?

Я. – Да, это «Литература и жизнь».

А. – Да.

Я. – Большое спасибо, Анна Андреевна, Вы, наверное, очень устали? Я так задержал Вас.

А. – Посидите еще. Сейчас без двадцати восемь. Ко мне придут в восемь. Посидите.

Я. – Анна Андреевна. Прошлый раз Вы говорили, что в Москве к Вам заходили трое молодых людей и одна из них – девушка – говорила, что Вас разыскивал представитель «Лайфа» – хотел получить от Вас материалы для корреспонденции. Был ли он у Вас?

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

А. – Нет, никто не был. Здесь был один молодой человек из издательства и в разговоре пытался меня уверяять, что я после революции ничего не писала – замолчала.

Я. – Ну как же это так?! Можно понять, когда за границей пишут так, желая показать, что революция заставляла Вас замолчать. А здесь? Ведь можно проследить год за годом. До 1923 года выходили Ваши сборники. Потом был перерыв. Но в сборнике 1940 года – «Из шести книг» – появился новый цикл «Ива», где все стиг-хотворения помечены 1922–1940 годами. Вы ведь все время работали! А статьи о Пушкине?

А. – Речь идет о стихах. Ведь в этот период, с 1935 по 1940 год, был создан «Реквием». Это очень много.

Я. – Вы начали работу над «Поэмой без героя» в 1940 году. Как же можно так говорить? Это прямо пере-певы позиции некоторых западных литераторов. А то, что Вы не печатались с 1923 по 1940 год, в этом, вероятно, не Ваша вина, так же как и после 1946 года.

А. – Ведь в 1925 году было первое постановление, которое налагало на меня запрет. Такое же, как в 1946 году.

Я. – Вот этого я не знал. Тогда понятно, почему Вас не печатали. Но как можно говорить, что Вы не работали, молчали!

А. – Да. Ну вот, кажется, пришли ко мне. Всего хорошего. Я Вам скоро позвоню. Мы скоро встретимся. До свидания.

Я. – До свидания, Анна Андреевна.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 27 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

Мне позвонили от А.А. Ахматовой в воскресенье 24 января, спросили, могу ли я зайти к А.А. в один из ближайших дней, договорились на среду 27 января, в 13.00. Пришел в среду, ровно в час. Провели к А.А.

А. – Здравствуйте. Садитесь вот сюда.

Там 5, Диалоги с Анной Ахматовой

Я. – Здравствуйте, Анна Андреевна!

А. – Вот посмотрите, только что получила фотографии из Италии. Это снимали во время церемонии, Хо-рошие фотографии. (Передаёт набор из 14 фотографий, на которых показана вся церемония вручения премии в г. Катания в замке Урсино.)

Я. – Как себя чувствуете, Анна Андреевна?

А. – Все еще недостаточно хорошо. Даже не знаю что, но какое-то очень неуверенное состояние.

Я. – Чем сейчас Вы заняты?

А. – Сейчас идет подготовка к годовщине смерти Пушкина. Меня просили выступить по телевидению, но я в таком состоянии, что сама, естественно, выступить не могу. Поэтому в сообщении того, кто будет вести передачу, будет сказано о моих работах о Пушкине. Меня просили прочитать ряд стихотворений, посвященных Пушкину. Я прочитала три стихотворения – записали на магнитофон. Во время телевизионной передачи эту запись включают.

Я. – Получили ли, Анна Андреевна, из Москвы разрешение на поездку в Англию?

А. – Нет, пока ничего нет. Я ведь Вам говорила, что я, как только получила из Англии приглашение приехать в Оксфорд на торжественное собрание, сразу позвонила Суркову и сказала об этом. До сих пор он не ответил. Я больше звонить и напоминать не буду. За-чем? Это их дело теперь беспокоиться.

Я. – Какие еще новости были за это время?

А. – Вы о переьборе правления Ленинградского отделения Союза писателей знаете? Там было очень ин-тересно. После всех выступлений в дискуссии по докладу Прокофьева, а были, говорят, очень острые выступления, Прокофьев снял свою кандидатуру в правление Союза. Сослался на плохое состояние здоровья. Выбра-ли новое правление. Теперь во главе будут стоять Дудин и Гранин. Выбрали меня в правление, причем третьей по порядку по числу голосов. Также, третьей по порядку, выбрали меня в правление и в 1945 году – 20 лет назад. А потом, вскоре, в 1946 году, было выступление Жданова. Выбрали меня также делегатом на съезд писате-лей. Во главе поэтов Ленинградского отделения сейчас будет Вадим Шефнер. Это порядочный человек.

Я. – Анна Андреевна, скажите, пожалуйста, что произошло в 1924 году? Почему был наложен запрет на Ваши стихи? Почему Вас перестали печатать? Почему был уничтожен подготовленный двухтомник ваших стихов?

А. – В 1924 году я получила приглашение из Моск-вы провести там литературный вечер со своими новыми стихами. Я поехала в Москву и прочитала много стихот-ворений. Я прочитала «Клевету» и ряд стихотворений из последнего издания «Аппо Доміні», которые раньше не печатались. На вечере присутствовало какое-то высоко-поставленное лицо, которому не понравились мои стихи. И вот, после этого вечера я была запрещена. Меня пере-стали печатать. Подготовленный к выпуску, уже напеча-танный, двухтомник моих стихов был уничтожен. Этот запрет был очень

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова длительный. До 1939 года меня не печатали. Совсем ничего. Я переводила, занималась литературоведением, писала о Пушкине. Меня не печатали. Вот потому, вероятно, сложилась легенда, что я замолчала. Но я непрерывно работала, я не переставала писать стихи. В 1939 году на каком-то литературном совещании меня вдруг вспомнил Сталин: «Где Ахматова?» Ему сказали – в Ленинграде. «Почему ничего не пишет?» Ему объяснили. Рассказали о 1924 году. «Разрешить ей печататься». Вот, в 1939 году мне и разрешили снова печататься. Я напечатала ряд стихотворений в 1939 году в журнале. По-том еще. Подготовила и выпустила сборник «Из шести книг». Но после этого сборника опять было запрещено печататься. Сборник вышел в 1940 году, опять попал к Сталину. Ему не понравилось одно из стихотворений. Он не обратил внимания даже на дату. Стихотворение было старое, 1922 года. И опять – теперь уже Сталин наложил запрет. Снова печататься я стала уже во время войны. А после войны, в 1946 году, – выступление Жданова. Я – Да. Трудно Вам было. Анна Андреевна, я хотел Вам показать ряд заметок в «Литературной газете», «Известиях», вот Ваша фотография в первом номере «Огонька».

А. – Я видела это. Кое-что из этого у меня есть.

Я. – Теперь стало много появляться заметок о Вас.

А. – Мне брат предлагал пересылать вырезки из американских газет и журналов. Там много пишут.

Я. – Это было бы интересно.

А. – К чему это? Да, скажите, как называется улица, параллельная Большому проспекту или Карла Либкнехта? Никак не могу вспомнить. Спрашивала у всех своих – никто не знает. Я на этой улице жила.

Я. – Это Большая Пушкарская.

А. – Конечно, Большая Пушкарская. Во время войны Николай Степанович заболел и был направлен в Петроград лечиться. Его положили в больницу на Петроградской стороне (Петропавловскую), и я, чтобы быть поближе – мы жили в Царском Селе тогда, сняла комнату на Большой Пушкарской. Вот только в каком доме? Этот дом стоял прямо против улицы, идущей с Большого проспекта (рисует план), третьей улицы от Каменно-островского.

Я. – Это, наверное, дом около Матвеевской церкви. Кажется, это был приходской дом.

А. – Это я не помню. По-моему, это не был церковный дом. Но это был большой дом, своеобразной архитектуры, и в него прямо упиралась улица.

Я. – Надо будет посмотреть, что это за дом.

А. – Это вот почему я вспомнила. Меня просили составить список всех мест, где я жила. Очень просили. Я попыталась, и, вот смотрите, получилось много. Все вспомнила, а вот эту улицу не могла вспомнить. Спасибо Вам. (Показывает список, напечатанный на 3 страницах.)

Я. – Анна Андреевна, это так интересно. Здесь все: от Большого фонтана под Одессой до этого дома. Я Вас очень прошу разрешить мне это переписать. Это важно для меня.

А. – У меня останется список, я Вам потом дам.

Я. – Вы устали наверное, Анна Андреевна. Пожа-лаю Вам всего хорошего.

А. – Да. До свидания. Спасибо за Большую Пушкарскую.

Пройдя на Большую Пушкарскую осмотрел дом. Этот дом оказался № 57-а напротив Подковыровой улицы, которая упиралась в него.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 21 ФЕВРАЛЯ 1965 ГОДА

20 февраля позвонила А.А.

А. – Здравствуйте. Я приехала. Скоро уезжаю в Москву.

Я. – Здравствуйте, Анна Андреевна. Как Вы отдохнули?

А. – Я хорошо отдохнула. Была в Доме творчества в Комарово. Очень хорошо. Спокойно. Немного скучно. Такая благородная скука. Но, в общем, хорошо. Что нового?

Я. – Опубликован результат выборов в ЛО Союза писателей. Очень хотелось бы Вас видеть, Анна Андреевна. Можно надеяться, что у Вас найдется время?

А. – Вы завтра свободны? Можете придти?

Я. – Конечно. В любое время...

«ТАЙНЫ ремесла»

Беседа с А.А. Ахматовой критика Д. Хренкова

– Сегодня получила два подарка.

Анна Ахматова положила на стол изящный том с рисунком Модильяни на суперобложке. Это экземпляр ее книги «Бег времени», только что вышедшей.

– Удивительное совпадение, – продолжает хозяйка дома. – Ровно сорок восемь лет назад, именно в эти дни, я получила сигнал книги своих стихов «Белая стая»...

Книг тогда издавалось мало: не хватало бумаги. «Белая стая» была напечатана на отходах тиражом в две тысячи экземпляров. Молодой поэтессе такой тираж казался

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова космическим.

«Бег времени» издан тиражом в 50 тысяч. В этой книге – стихи, давно ставшие хрестоматийными, известные всем любителям поэзии, и стихи новые, которые читатель прочтет впервые.

– Анна Андреевна, а второй подарок?

На столе появляется газета башкирских комсомольцев «Ле-нинец». 14 августа этого года на ее литературной странице напечатана удивительная фотография: на бересте нацарапаны знаковые стихи Ахматовой. Под снимком подпись: «Тираж этой книги – один экземпляр. И "отпечатана" она не на бумаге, а на березовой коре».

...Анна Андреевна не слишком охотно говорит о том, что ею сделано. Может быть, потому, что она полна новых замыслов, что работа над новыми произведениями идет по-молодому горячо.

Поэтесса берет в руки тетрадь в твердом переплете. Все страницы ее густо испещрены записями. Часто попадают стихи. Нет, не те, что вошли в «Бег времени». Конечно, есть среди них и написанные давно, лет двадцать, пожалуй, назад. К ним поэтесса возвращается снова и снова, что-то дописывает, переделывает. А рядом – совсем новые. О них не знают, наверное, даже самые близкие люди. Иные из этих стихов уже объединены в циклы «Сожженная тетрадь», «Тайны ремесла». Впрочем, названия циклов могут измениться...

Я спрашиваю у Анны Андреевны, можно ли сообщить читателям об этих стихах. Она соглашается.

– Уже ведутся переговоры об издании их отдельной книгой. В эту книгу, по всей вероятности, кроме стихов, войдет проза. Наверное, у каждого поэта приходит пора, когда ему хочется взяться за «презренную прозу». Но то, что я пишу, вовсе не будет «прозой поэта». Меня издавна увлекает исследовательская работа в бесценных и необозримых владениях Пушкина. С частью ее почи-татели Александра Сергеевича уже имели возможность познакомиться. Едва закончив работу о «Каменном госте», я захотела написать о Пушкине и Невском взморье. Почти одновременно легли на бумагу воспоминания о художнике А. Модильяни. Недавно читала и перечитывала записные книжки Блока. Они как бы возвратили мне многие дни и события. Чувствую: об этом нужно написать! Это будут автобиографические заметки...

– В «Беге времени» напечатаны отрывки из трагедии «Пролог». Скоро ли читатели познакомятся с этой вашей работой?

– Над трагедией «Пролог, или Сон во сне» работаю все время. У меня в «заделе» всегда несколько вещей.

– Не труден ли вам переход от одного жанра к другому?

– Трудности вовсе не в «переключении» с одного жанра на другой. Писать всегда трудно. Бояться надо «простоев», хотя это, конечно, вовсе не значит, что все написанное нужно сразу же выносить на суд читателя. В «Беге времени» есть стихи, которые, как мне кажется, точно определяют условия работы поэта и в какой-то мере технологию ее. Эти стихи были написаны недавно на побережье финского залива.

Земля хотя и не родная, но памятная навсегда, и в море нежно-ледяная и несоленая вода.

На дне песок белее мела, А воздух пьяный, как вино, И сосен розовое тело В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира Такой, что мне не разобрать, Конец ли дня, конец ли мира, Иль тайна тайн во мне опять.

Анна Андреевна рассказывает о том, что «Поэму без героя» писала совсем не так, как лирику. Трудно ей точно сказать, что послужило тому причиной. Может быть, то, что, оказавшись во время эвакуации в Ташкенте, она ближе познакомилась с читателем.

– Читатель стал тогда для меня чем-то вроде соавтора. Его волнение помогало мне, было очень дорого.

Я не писала, как обычно, записывая и перечеркивая строки, а словно бы под диктовку – так ложилась на бумагу строфа за строфой. И почти каждая строфа приходила уже с запевом, кульминацией, концовкой...

– Не потому ли «Поэму без героя» трудно втиснуть в жанровые рамки?

– Может быть. Находились люди, которые уверяли меня, что это вовсе не поэма. Я в какой-то мере понемалу их заблуждение: в представлении многих поэма как жанр очень канонизирована. А с поэмой происходят вещи поразительные.

Вспомним первую русскую поэму «Евгений Онегин». Пусть нас не смущает, что автор назвал ее романом. Пушкин нашел для нее особую 14-строчную строфу, особую интонацию. Казалось бы, и строфа, и интонация, так счастливо найденные, должны были укорениться в русской поэзии. А вышел «Евгений Онегин» и вслед за собой опустил слагбаум. Кто ни пытался воспользоваться пушкинской «разработкой», терпел неудачу. Даже Лермонтов, не говоря уже о Баратынском. Даже позднее Блок

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова – в «Возмездии». И только Некрасов по-нял, что нужно искать новые пути. Тогда появился «Мо-роз, Красный Нос». Понял это и Блок, услыхав на ули-цах революционного Петрограда новые ритмы, новые слова. Мы сразу увидели это в его поэме «Двенадцать». Это же следует сказать о поэмах Маяковского... Я убеж-дена, что хорошую поэму нельзя написать, следуя зако-ну жанра. Скорее вопреки ему... Я возвращаюсь к разговору о стихах Анны Андреевны и замечаю, что последние лирические стихи, в частности, вошед-шие в цикл «Полночные стихи» (1963), существенно отличаю-ся от ранней лирики. Анна Андреевна не возражает, хотя и не говорит об этом подробно.

– Кто внимательно прочтет эти стихи, тот поймет сам. Другому поможет критика. Кстати, о критике. Я не обижена ее вниманием. Тем не менее у меня есть свой счет к критике. Всем известны успехи нашей советской поэзии. А критика уж очень часто ограничивает свою роль посредничеством или популяризаторством. Между тем сама критика должна быть, как стихи, увлекатель-ной, неожиданной, острой не только в выводах, но и в мысли, способной помочь и автору, и читателю...

Ленинград, ноябрь 1965
КОЛЛЕКТИВНОЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.С. СРЕЗНЕВСКОЙ

Уже близко то время, когда я не смогу ни сказать, 1 ни записать ничего. Мои записи без плана и системы, я никогда не думала и не хотела сделать их достоянием ис-тории.

Я много видела, много испытала, много знаменитых современников прошло – одни ближе к моей жизни, дру-гие дальше – наконец, третьи просто в беглых встречах оставили чисто зрительное и слуховое впечатление. Но ведь истина выявляется даже из перекрестных взглядов и мнений, а значит, каждый свидетель ценен по-своему – только бы он не лгал и не выдумывал фактов.

Постараюсь следовать этому правилу и как можно точнее восстановить в моей еще не совсем угасающей памяти образы далеких, милых, а иногда и вовсе дале-ких, запомнившихся мне людей.

С А. мы познакомились в Гунгербурге – довольно модном тогда курорте близ Нарвы – где семьи наши жили на даче. Обе мы имели гувернанток – обе болтали бегло по-французски и по-немецки – и обе ходили с на-шими «мадамами» – на площадку около курзала, где дети играли в разные игры, а мадамы сплетничали, сидя на скамьях. А. была худенькой стриженной девочкой, – ничем не примечательной, довольно тихонькой и замкну-той. Я была очень подвижной, веселой, шаловливой и об-щительной – особенной дружбы у нас не возникло – но встречи были частые, болтовня непринужденная и основа для дальнейших отношений возникла прочно. Настоящая большая, на всю жизнь, тесно связавшая нас дружба, воз-никла позже, – когда мы жили в одном и том же доме – в Царском Селе близ вокзала на ул. Широкой и Безымян-ного переулка в доме Шухардиной, – где у нас была квартира внизу, – а у Горенко наверху.

В этот дом мы переехали после пожара, когда поте-ряли всю обстановку и все имущество – были очень рады найти квартиру, где можно было разместиться уютно, близ вокзала (наши отцы были связаны с поездками в ПТб. на службу – а старшие дети с уже недалекой меч-той продолжения образования).

При доме был большой хороший сад, куда обе се-мьи могли на целый день выпускать своих детей – и не затруднять себя и своих гувернанток прогулками, кото-рые не всегда были желанными.

Вот когда мы по-настоящему «подружились» с Нюточкой Г-вой.

Нюта писала стихи – очень много читала до-зволенных и недозволенных книг, – и очень изменилась внутренне и внешне.

Она очень выросла, стала очень стройной, с преле-стной хрупкой фигуркой чуть развившейся девушки, с очень черными, очень длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с очень белыми точеными кра-сивыми руками и ногами – с несколько безжизненной бледностью очень определенно вычерченного лица, с глу-бокими большими светлыми глазами, странно выделяю-щимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц.

Она была неутомимой наядой в воде, неутомимой скиталицей – пешеходом, – лазала как кошка и плавала как рыба. Почему-то считалась лунатичкой – и не очень импонировала «добродетельным» обывательницам зат-хлого и очень дурно и глупо воспитанного Царского Села – имевшего все недостатки близкой столицы, без ее достоинств. Так и полагается пригородам. Наши се-мьи жили замкнуто, – отцы всеми интересами связан-ные с ПТб., мамы многодетные и обремененные хлопот-тами о детях и хозяйстве – уже дворянского приволья не было нигде и в помине – прислуга была вольнодумная и небрежная, жизнь дорогая, гувернантки большею частью швейцарки и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова немки, претенциозные и не ахти как образованные, и растить многочисленную семью было довольно сложно. Отсюда не всегда ровная атмосфера в доме, не всегда и ровные отношения к многочисленной и разнохарактерной обстановке семьи. Не мудрено, что мы отдыхали, удаляясь от бдительных глаз – в садах и гуцах прекрасного заброшенного в своих бывших затеях, и меланхолического Царского Села.

Нюта свои ранние стихи, к сожалению, не сохранила – и потому для исследования ее творчества на-век утеряны истоки ее прекрасного таланта.

Могу сообщить одну, – и довольно существенную черту в ее творчестве: предчувствие своей судьбы. Еще совсем девочкой, она писала о таинственном кольце (позже черном «бабушкином кольце», который она получила в дар от месяца): Мне сковал его месяца луч голубой, и во сне надевая, шепнул мне с мольбой: «Береги этот дар! будь мечтою горда!» Я кольца не отдам – никому никогда! Правда, много позже, живя у меня в 15–16 г., она его отдала – и при каких обстоятельствах! Память! Па-мять! Сколько черных глубин ты таишь в себе! Много судеб сплетались с судьбой А. Но надо быть исторически последовательной. С Колей Гумилевым, тогда еще гимназистом VII класса, она познако-милась в 1903 г. под Рождество. Мы вышли из дому – А. и я с моим братом Сережей прикупить какие-то ми-лые украшения для елки – которая у нас всегда бывала на 1-ый день Рождества.

Был чудный солнечный день, около Гостиного дво-ра мы встретились с мальчиками – Митей (старшим, тогда морским кадетиком, и Колей – гимназистом). Я с ними была раньше знакома через общую учительницу музыки – Елизавету Мих. Баженову, которая учила музыке и меня и – Гумилевых, – ввела в наш дом своего почему-то очень ей понравившегося старшего Митю – и уже много позже познакомила меня с Колей. Встретив их на улице, мы уже дальше пошли, – я с Митей, Нюта с Колей за покупками, и они проводи-ли нас до дому. Нюта ничуть не была заинтересована этой встречей, – я тем менее, потому что с Митей мне всегда было скучно, – он не имел никаких достоинств в моих глазах.

Но, очевидно, не так отнесся Николай Степа-нович к этой встрече. Я, часто возвращаясь из гимназии, видела, как он маячил вдаль в ожидании появления Нюты.

Он постарался познакомиться с Нютиным старшим братом Андреем, постарался проникнуть в их довольно замкнутый дом.

Нюте он не нравился – вероятно, в этом возра-сте девочки мечтают о разочарованных молодых людях старше 25 лет, познавших уже много запретных плодов и пресытившихся их пярным вкусом. Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами. Он не был кра-сив, – в этот ранний период он был несколько деревян-ным, очень высокомерным с виду – и очень неуверен-ным в себе внутри. Он много читал, любил француз-ских символистов, хотя не очень свободно владел фран-цузским языком. Однако вполне достаточно, чтобы читать, не нуждаясь в переводе. Он был высок ростом, худощав, с очень красивыми руками, несколько длинным бледным лицом, без особых примет, – я бы сказала, не очень заметной, но не лишенной элегантности наружнос-ти. Блондин, каких у нас на севере можно часто встретить.

Позже, возмужав и пройдя суровую кавалерийскую военную школу, он сделался лихим наездником, обучав-шим молодых солдат, – храбрым офицером (он имел 2 Георгия за храбрость), подтянулся – и благодаря своей очень хорошей длинноногой фигуре и широким плечам – был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире. А улыбка и несколько насмешливый, но милый взгляд больших, несколько пристальных, чуть косящих глаз – просто мог понравиться и нравился многим и мно-гим.

Говорил он чуть нараспев, нетвердо выговаривал «р» и «л», что придавало его говору совсем не безобразное своеобразие, – отнюдь не похожее на косноязычие. Мне нравилось, как он читал стихи, – а часто бы-вая у нас, когда я уже была замужем, и он очень дружил с моим мужем, и по старой памяти и со мною, – мы мно-го и часто просили его читать его стихи.

Но вернемся к первой юности. В 905 году Горенко уехали из Царского Села, – по семейным обсто-ятельствам, и этот очень короткий промежуток наших жизней держался только на переписке, к сожалению, за-терянной нами в течение потрясений наших нелегких су-деб. А. никогда не писала о любви к Гумилеву – но часто упоминала о его настойчивой привязанности – о неодно-кратных предложениях брака и своих легкомысленных отказах и равнодушии к этим проектам.

В Киеве у нее были родственные связи, кузина, вышедшая позже замуж за Аниного старшего брата Ан-дрея, – она, кажется, не скучала.

Николай Степанович приезжал в Киев, – и вдруг в одно прекрасное утро я получила извещение об их свадьбе: – меня это удивило.

Вскоре приехала Аня. Она сразу пришла ко мне. Как-то мельком сказала о своем

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова в браке, – и мне показало-сь, что ничего в ней не изменилось, и даже нет какого-то часто встречающегося у новобрачных желания пого-ворить о своей судьбе... как будто это незначительное событие не может иметь ни для нее – ни для меня – ка-кое-то бы ни было значение.

Мы много и долго говорили на разные темы – она читала стихи, – гораздо более женские и глубокие, чем раньше... в которых я не нашла образа Коли – как вообще в последующей ее лирике, где скупое и мимолетно мож-но найти намеки на ее мужа, – в отличие от лирики Гу-милева, где властно и неотступно – до самых последних дней его жизни – маячит образ его жены, сквозь все его увлечения и разнообразные темы. То русалка, – то кол-дунья, то просто женщина, «таящая злое торжество». «И тая в глазах злое торжество, Женщина в углу слушала его».

Это стихотворение стоит того, чтобы его полностью процитировать в подтверждение моих, – всегда основан-ных не только на впечатлении – но и на признаниях и фактах, – моих высказываниях.

Конечно, они оба были слишком свободными и боль-шими людьми для пары воркующих сизых голубков... их отношения были скорее тайным единоборством: – с ее стороны для самоутверждения как свободной женщи-ны, – с его стороны – с желанием не поддаться ника-ким колдовским чарам и остаться самим собой, незави-симым и властным... увя, без власти над этой вечно ус-кользающей от него многообразной и не подчиняющейся никому женщиной. Если говорить о любви (я не совсем понимаю, что многие люди подразумевают под этим сло-вом), то, если любовь это навязчивый, иногда любимый, иногда ненавидимый образ – и всегда один и тот же, – но смею определенно сказать, что если была любовь у Николая Степановича (а что она, с моей точки зрения, прошла сквозь всю его жизнь), – то это была А. – Оговорюсь: я думаю, что в Париже, может быть, была еще так называемая «Синяя звезда» – во всяком случае – нежность ведь тоже любовь? Та «Синяя звез-да» тоже была им любима – и очень нежно. Остальное, как бы это ни называлось, вызывало у него улыбку, не без иронии и шутливый тон.

Но разве существует на свете моногамия для муж-чины? Я помню, раз (мы шли по набережной Невы с Колей – и мирно беседовали о чувствах женщин – и мужчин), и он сказал: «Я знаю только одно, что настоя-щий мужчина полигамист, – а настоящая женщина мо-ногамична». «А вы такую женщину знаете?» – спроси-ла я. «Пожалуй, нет, – но думаю, что она есть», – сме-ясь, ответил он. Я вспомнила А. – но зная, что ему бу-дет больно, – промолчала.

У А. большая и сложная жизнь сердца – я-то это знаю, как, вероятно, никто. Но Николай Степанович отец ее единствен-ного ребенка! – занимает в жизни ее сердца скромное место. – Странно, непонятно, может быть и необычно, но это так. Великий сердцевед Л.Н. Толстой отметил эту черту в Анне Карениной... Но не надо аналогий... они ни к чему. Люди очень различны, в этом повинны и жизнь, и время.

И несмотря на то, что часто в больших и сложных биографиях всегда звучит тема «роковой любви» и Пушкина, и Байрона, Тютчева, Блока и даже Лермонтова, – не будем до поры до времени трогать ее! А пожалуй, у меня есть что сказать о ней... так уж мне довелось вчи-таться в чужие жизни.

Могу сказать еще то, что я знаю очень хорошо: Гу-милев был нежным и любящим сыном, любимцем своей умной и властной матери. Он, несомненно, радовался, что сын растет под крылом, где ему са?юму было так хо-рошо и тепло, – не берусь оспаривать, где он был в мо-мент рождения сына, – отцы обычно не присутствуют при этом, и благочестивые отцы должны лучше меня знать, что если им и удалось соблазнить своего приятеля сопровождать их в место своих обычных увеселений, – то их приятель решился скоротать это тревожное время, выживая и заглушая внутреннюю тревогу (пусть не со-всем понятным способом!..) Мне думается, что если бы

Г-у подвернулся другой приятель, менее подверженный таким «весельям», – Коля мог бы поехать в монастырь – мужской или женский и отстоять монастырскую вечер-ню с переполненным умилением сердца.

Знаю, как он звонил в клинику, где лежала Аня (са-мую лучшую тогда клинику проф. Отта – очень доро-гую и очень хорошо обставленную на Васильевском Острове). – Затем, по окончании всей этой эпопеи, за-ехал за матерью своего сына, и привез их обоих в Цар-ское Село к счастливой бабушке, где мы в те же дни обедали с мужем и пили шампанское за счастливое событие... Все как полагается. Видели, что все, кроме злой, завистливой и чрезвычайно неумной Шуры Свер-чковой, – искренне радовались и были, по-видимому, в полном согласии.

А что большой поэт – А. и Г. были или имеют мно-го граней и внутренне и внешне – много оттенков света и даже тьмы внутри. – Какой же думающий и понимаю-щий человек может оспаривать всю сложность всякого настоящего интеллекта.

Смею высказать еще одну продуманную до конца мною мысль. – Не признак ли это мужского характе-ра – совмещение в себе крайностей, иногда совершенно полярных,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова – и все же над этими крайностями иметь какое-то свое глубокое чувство единого самого заветного, самого нужного – одного. А голые факты – это только внешние свидетели, отданные во власть толкования, ха-рактеризующие только самого толкователя.

Они должны быть точны – все, что от них можно требовать.

Рождение сына очень связало А.А. – Она первое время сама кормила сына, – и прочно обосновалась в Царском Селе.

Не думаю, что тогда водились чудаки-отцы, катаю-щие колясочки с сыном, – для этого были опытные няни. Коля был как все отцы, навещал своего сына всякий раз, когда это было возможно, – и конечно, был не хуже, если не лучше многих образцовых отцов. Но едва ли дети свя-зывают тысячами нитей своих родителей. Все эти нити могут называться любовью?! Так различны роли отцов и матерей... особенно в первые годы жизни ребенка.

Понемногу и А. освобождалась от роли матери в том понятии, которое сопряжено с уходом и заботами о ре-бенке: там была бабушка и няня – и вошла в свою обыч-ную жизнь литературной богемы.

Ни у одного, ни у другого не было каких-либо пово-дов к разлуке или разрыву отношений, – а очень тесного общения вне поэзии (различно понимаемой) – тоже не было.

У А. под строками всегда вполне конкретный об-раз – вполне конкретный факт, – хоть и не названный по имени, – у Г-ва всегда мечта и фантазия, за которой только близкий, знающий человек может видеть причи-ну чувств, родивших эту мечту и фантазию. И, как все-гда, реальность принимает причудливые формы, ощущение разрастаются до пределов галлюцинаций и ведут к бесконечному... к ощущению смерти – так часто присут-ствующей в поэзии Г-ва, и рождают тоску по неизве-данному, куда-то влекут – и поэт уходит за ними в меч-ты о неизвестных ему краях и встречах, и вот тревожные строки полновзвучных стихов завораживают слушателя или читателя. –

«Я тело в кресло уроню –

Я свет руками заслону

И буду думать долго, долго...»

Г-в поэт раздумий и предчувствий. Может, в этом жутком мире он, если и не знал, то провидел свою траги-ческую судьбу?

2

АНЯ

Совсем маленькой девочкой она писала стихи. И отец Нюты в шутку называл ее поэтом. Непокор-ная и чересчур свободолюбивая, она в семье была очень любима, но не пользовалась очень большим доверием. Все считали, что она может доставить много хлопот: уй-дет на долгое время из дома, не сказав никому ни сло-ва, – уплывет слишком далеко в море, где уже и татар-чата не догонят ее. Вскарабкается на крышу поговорить с луной, – словом, огорчить прелестную синеглазую маму и добродушную и веселую фрейлейн Мону. Вот мое пер-вое впечатление от высокой, слишком тоненькой стри-женной девочки.

Когда в 14-летнем подростковке я снова узнала Аню Горенко – она была совсем другая – она как-то рано сформировалась – высокая девичья грудь, тонкая талия, длинные черные волосы, прозрачные большие глаза на бледном личике... Все в моей семье сказали, что она кра-сива, но опять не совсем одобрительно отнеслись к на-шей возродившейся, – гораздо более глубокой – дружбе.

Со мной и так было довольно хлопотно в семье. Я была упряма и замкнута. Но в конце концов нас было очень трудно контролировать: Царское было почти «дачей», семья была большая, и свобода как-то рожда-лась сама собой.

В своей семье А. больше других дружила с братом Андреем – года на два старше ее, – очень бледным, не по летам развитым и одаренным мальчиком. Привык-нув говорить в семье по-французски (мать Ани иначе не говорила с детьми), они, т.е. Аня и Андрей, были на «вы», что меня удивило сначала. У нас в семье не о каких «вы» не могло быть и речи, несмотря на иностранных гувер-нанток. До англичанки, приходившей к старшей сестре – гулявшей и читающей ей, которую мы все видели за зав-траком, – моя любимая м-м Регор почему-то мне всегда говорила «туа», вероятно, оттого, что я была очень мала – старшим она говорила – «ву».

В доме Горенко не было большого чинопочитания – у нас оно было очень развито, – и мне доставляло много удовольствия бывать у них.

Правда, красавец-черноморец папа Горенко любил пошуметь, но был так остроумен, так неожиданно весело шутлив (а это ведь был период, который мы охарактери-зовали периодом – «шлехтер-фатер» – все папы были грозами семьи, все орали на весь дом и были деспотами, таков был быт).

Мне кажется, что Аня в семье пользовалась боль-шей свободой, она не признавала никакого насилия над собой – ни в физическом, ни тем более психологическом плане.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Наши отношения были необыкновенно далекими от какого-либо институтского «Обожания», ничего физического, как часто встречается в литературе – особенно во французской – они в себе не имели, и это преобладание интеллекта над физиологией осталось на всю жизнь на всех отношениях. Без всякой натяжки могу сказать, что в наших отношениях была та чистейшая бескорыстная дружба, которую так неохотно приписывают поэты и прозаики женщинам. И все же она, как видите, бывает, и даже сквозь всю жизнь.

Мы много гуляли, и в этих прогулках иногда (особенно когда мы не торопясь шли из гимназии домой) – нас часто «ловил» поджидавший где-то «за углом» Ни-колай Степанович.

Сознаюсь... мы обе не радовались этому – и (злые, гадкие девочки) – мы его часто принимались изводить. Зная, что Коля терпеть не может немецкого языка, мы начинали вслух вдвоем читать длиннейшие немецкие стихи, вроде – зеигер флук «Уланда» или Ландау, – уже не помню... и этого ритмически цветистого стихотворения, которое мы запомнили на всю жизнь, – нам хватало на всю дорогу. А бедный Коля терпеливо стоически слушал его всю дорогу – и все-таки доходил с нами до самого дома! Ну, не гадкие ли это злые маленькие женщины! Мне и сейчас смешно и грустно вспоминать это!

И как надо стремиться к кому-нибудь, чтобы вынести такую издевку. Настойчивость Коли в отношении «завоевания близости Ани» была, по-моему, одной из «мужских черт» Гумилева. Она как-то во всем: в стремлении к «Леванту», к войне, к солдатской карьере – эта черта его отчасти воображаемого – отчасти врожденно-го «я».

В нем много было честолюбия.

«Древний я открыл храм из-под песка, Именем моим названа река, И в чужой стране пять больших племен Слушали меня, чтили мой закон!»

И конец честолюбию и власти!

«Но теперь я слаб, я во власти сна – и больна душа – тягостно больна».

Единоборство? С чьей победой?

И тая в глазах злое торжество, Женщина в углу слушала его.

А есть ли что-либо похожее в лирике А.? Нет, и быть не могло. Во всяком случае, только раз в жизни я подумала, что Аня побеждена и сломлена... но ненадолго... «руками я замкнула слух, чтоб этой речью недостойной не омрачался скорбный дух!»

Женщина – слабый пол... чушь какая!

Женщина почти всегда сильнее мужчины!

Мы с Аней обе любили Россию. Я через няню и отчасти через Пушкина и Блока – Аня, конечно, через Пушкина и через «Слепнево» и «те неясные просторы, где даже голос ветра – слаб, и осуждающие взоры споконных загорелых баб».

О моей необычной великолепной няне – «подвижнице в миру» – монолитной как драгоценная глыба, как чисто русская порфира – я когда-нибудь отдельно расскажу. И это стоит сделать сейчас, когда все сдвинулось, сломилось, когда нет ни одного четкого очертания... когда все «im werden» (в будущем). Память... память... ты мучаешь меня своими награждениями!

Но вернемся к Коле: – «Ты, для кого собирал я на Леванте – нетленный жемчуг королевских мантий – я проиграл тебя, как Дамайнти, когда-то проиграл безумный Наль!»

Но ведь у Жуковского Наль все же получил Дамайнти...

Сидя у меня в небольшой темно-красной комнате на большом диване, Аня сказала, что она навеки хочет расстаться с ним. Коля страшно побледнел... помолчал и сказал: «Я всегда говорил, что ты совершенно свободна делать все, что ты хочешь!» Встал и ушел.

Многого ему стоило сказать это... ему, властно же-лающему распорядиться женщиной по своему желанию и даже по прихоти. Но все же он это сказал.

Ведь во втором браке меньше чем через год он от-правил свою юную жену к «маме» в Бежецк, в глушь, в зиму, в одинокую и уж совсем безрадостную жизнь! Она ему была – «не нужна»! Вот это тот Гумилев, который только раз (но смертельно) был сражен в поединке с женщиной! И это-то и есть настоящий Гумилев!

Не знаю, как называют поэты или писатели такое единоборство между женщиной и мужчиной... Мне кажется, что это секс, только в каком-то очень широком плане. Если это «любовь», то как она не похожа на то, что обычно описывают так тщательно большие сердцеведы, как Толстой и Тургенев, Флобер и Шекспир, и поэты, как Пушкин и Блок! И даже Тютчев, который не так описывал женские чувства, как свои собственные настроения и эмоции. У него была холодная душа и горячее воображение. И у Гумилева, пожалуй, во многом было тоже что-то от очень развитого воображения. Ему не хотелось иметь в своей жизни просто спокойную, милую, скромную жену, мать нескольких детей, хозяйку дома... И он, пожалуй, только там и нашел бы другую судьбу.

Но у человека ведь всегда одна судьба – его судьба, и праздные догадки ни к

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
чему.

Во всяком случае, брак Николая Степановича Г. был браком по своей воле и по своей любви... а что его нельзя назвать счастливым браком... то, кто скажет, в чем заключается счастье каждого индивидуально-го человека?

Пушкин ведь не без горечи сказал: «Я знаю, счастья нет, но есть покой и воля». (Правда, покоя у Коли было мало... а воли много). А у Ахматовой?

Женщины с таким свободолобием и с таким громадным внутренним содержанием, мне думается, счастливы только когда ни от чего и, тем более, ни от кого не зависят. До некоторой степени и Аня смогла себе это создать. Она не зависела от своей свекрови... не зависела от мужа... (она уже рано стала печататься, имела свои деньги...) Но счастья в ней я никогда не наблюдала. Почему? Да, внутренний покой в ней чувствовался, гораздо больше, чем в ее муже. Временами, пожалуй, я назвала бы его «светлым» покоем. Откуда шел он? Отчасти извне, но больше всего изнутри. «И слаще всех песен пропетых, мне этот исполненный сон, – качание веток за-детых и шпор твоих легонький звон!»

Гумилев? ... О, нет, совсем нет, – и Гумилев здесь ни при чем.

Но как мало надо для поэта, да и для женщины, чтобы это сказать! А она это сказала (и я тому свидетель), сказала от всей души.

«Много тому простится, кто много любил», – сказал Христос... а отказать образу Христа в великом учении о любви – это быть не только болваном, но и гадким болваном.

Есть еще одна черта у Ахматовой, ставящая ее далеко от многих современных поэтов, – и ближе всего подводящая ее к Пушкину: любовь и верность сердца к людям... за редким исключением всегда обоснованного презрительного равнодушия к некоторым...

Осуждения и ненависти я в ней не видела ни к кому из окружавших ее... Кроме «врагов человечества», вообще жестоких к человеку как таковому и считавших себя «сверхчеловеком». А насмешлива она была очень... иногда и не совсем безобидно. Но это как-то шло от внутренне-го веселья. И мне казалось, насмешка даже не мешала ей любить тех, над кем она подсмеивалась... за редким исключением... Таких на моей памяти были единицы. Стоит ли называть их? Среди них глупая, злая и очень завистливая Шура Сверчкова. Но эту домашнюю ведь-му не любил никто... и все тяготились ею, даже ее несчастные дети.

Эта злая ведьма, к сожалению, всегда была рядом с Левушкой – Акиным сыном, и во многом виновата в замкнутом недовольстве его характера.

Вообще мне кажется, что уживчивости в характере Ани было достаточно, чтобы жизнь с ней рядом не была несносной. У меня она жила в небольшой (остальные комнаты были очень большие), но теплой и приятной комнате с окном в наш тенистый и тихий сад при клинике – дверь в мою комнату почти всегда была открыта – так что мы разговаривали, не выходя из своих комнат. У меня был очень хороший слух, и иногда я окликала Аню: «Отчего ты не спишь?» – «А почему ты это знаешь?» – «По ритму дыхания».

И тогда она часто входила ко мне и, сидя у меня на кровати, рассказывала мне причину своей бессонницы. Она часто бормотала стихи по ночам, – прислушиваясь, как они звучат.

Милое время! А кругом грохотали выстрелы, тарахтели пулеметы. Ведь мы жили на первой из восставших окраин Петрограда – Выборгской стороне! Но в нашей клинике, лежащей в глубине большого сада, было очень тихо и спокойно.

Жизнь с ее жестокостями и бурями была от нас отдалена высоким каменным забором. Это, конечно, не значит, что мы ничего не переживали.

12 СоСлнкp сочшишш. т 5

Наоборот, сквозь все запоры жизнь иногда врыва-лась и сюда. Помню такой эпизод: мы с Аней мирно пили чай у меня в столовой, вдруг шум, звонок и мужские голоса. Наш военный писарь Семенов и отряд красноар-мейцев и матросов требуют моего мужа, исполнявшего тогда обязанности директора душевно-нервной клиники при Военно-морской академии.

Я вышла к ним (я никогда трусихой не была), они мне ткнули какую-то бумагу, где, по их слезам, есть при-говор на смертную казнь пяти людей из клиники, в том числе и моего мужа и почему-то и меня (верно, для сче-та). Я послала Семенова за своим мужем с просьбой объяснить ему, зачем его ищут, а сама по внутреннему ходу из нашей квартиры прошла в квартиру профессора Осипова, где я часто вечером бывала, дружив с его же-ной – Верой Николаевной и четырьмя ее девочками, которые все меня любили: придя к ним, я вкратце сообщила о цели моего визита, и Виктор Петрович стал звонить в Губчека, вызывая кого-нибудь из тогдаш-них властей.

Вскоре нам обещали прислать отряд для проверки этого дела к нам в клинику. Я осталась ждать в квартире Осиповых дальнейших событий, сказав швейцару, чтобы он немедленно сообщил нам о прибы-тии каких-либо «властей» из Губчека. Профессор Осипов поддержал мои слова своим авторитетом заведу-ющего клиникой. Но, к

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
сожалению, за дежурным вра-чом послали уже, а это не очень удачно оказался доктор Добротворский – довольно бойкий и мало уравновешен-ный молодой врач, любивший пошуметь. Он и вышел первый к прибывшему отряду и завязал с ними пререка-ния, быстро перешедшие в рукопашную схватку (и мы оказались в гуще дерущихся людей). Но спокойствие водворил очень выдержанный и властный тон Осипова, положивший конец взаимным крикам и объяснениям. Бумаги были проверены представителем горздрава Се-машкой, и смерть наша была отсрочена на неопределен-ное время.

Вот что иногда приходилось переживать нам. По-том все это распутал мой муж, выяснив инициатора всей этой истории, – оказалось, душевнобольной комиссар, прибывший в нашу клинику в качестве буйно больного и водворенного в беспокойное отделение рядом с на-шей квартирой и выдавшего меня через окно. Уж не знаю, чем я ему так не угодила, что он захотел моей смерти. Остальное было понятнее – мой муж отдал распоряже-ние о его водворении в буйный отдел, профессор Осипов был главой клиники. А я, вероятно, просто для ком-пании была пристегнута к этой почетной компании. В те времена и не такие события имели место, но остались целы и невредимы. Аня одна в моей квартире с моей чудной собакой переживала страх за конец этой нелепой исто-рии. Но все же одним пострадавшим оказался очень ти-хий и невинный помощник швейцара Лаченков – роман-тический герой нашей клиники, ему подбили глаз и раз-резали ухо. Но это только прибавило ему интереса в гла-зах женского населения нашей клиники. Женщины вез-де одинаковы.

Но мое геройство прошло незамеченным никем, кро-ме писаря Семенова, – который признал меня «храброй дамой», и это было единственной наградой за мое выс-тупление спасительницы! Но я не честолюбива. И я вер-нула-сь успокоить Аню и Руслана к себе и лечь спать – хотя уже под утро.

Отошли в область прошлого Версальские и английс-2 кие кущи Царского Села и Павловска, лунные ночи с тоненькой девочкой в белом платье на крыше зеленого углового дома («Какой ужас! Она лунатик!») и все причуды этого вольнолюбивого ребенка, купанье в ручейке у Тярлева беленьких (негде было загореть!) стройных ножек, – и ласковый голос Вел. кн. Владими-ра Александровича, совершавшего пешком с адъютан-том утреннюю прогулку: «А если вы простудитесь, ба-рышня?» – и ужас узнавшей о наших проказах все той же т-ме Винтер, обещавшей рассказать «все» нашим родителям, и наше смущение перед красивым стариком, так мило сделавшим нам замечание.

Мы нарочно долго искали эту Расе (богиню мира) з с Аней – и нашли в заглохшей части парка на маленькой поляне и долго смотрели на ее израненное дождями бе-лое в темных пятнах лицо и «тяжелый узел кос». И так странно жутко повторяю (в каком-то проникновении в будущее, что ли?) последнее восклицание этого удиви-тельного стихотворения: «О, дайте вечность мне, – и вечность я отдам за равнодушие к обидам и годам». И странно: почти дети, подростки, девочки, как любили мы издали наблюдать за высокой худощавой фигурой поэта, за которой неизменно старый лакей нес неболь-шое складное кресло – Иннокентий Федорович страдал тогда болезнью сердца.

Конечно, никто, вероятно, и не ждет, что у нас был 4 тогда «абсолютный вкус». До Надсона и Вербицкой мы,

правда, не докатились, но весьма модного среди молоде-жи Апухтина почитывали и проглатывали без особого отвращения тогдашние французские романы вроде Бур-же, Прево, Жип. (Я имею в виду 900-е годы, в 10-х все уже было иначе.)

Когда Инн окентий Федоров ичу Аннен-5 скому сказали, что брат его belle-fille Наташи (Штейн) женится на старшей Горенко, он ответил: «Я бы женился на младшей». Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани.

Кстати сказать, отъезд Аниной семьи из царского (1905) спас ее от более или менее явной травли со сторо-ны озверелых царскоселов, которую пришлось пере-жить Гумилеву. В этом страшном месте все, что было выше какого-то уровня – подлежало уничтожению. Об этом прекрасно пишет в своих неизданных мемуарах Н.Н. Пунин, почти не говорит ныне разоблаченный Все-волод Рождественский, и об этом, по-видимому, не по-дозревали ни Голлербах, ни Оцуп.

О таком огромном, сложном и важном явлении кон-ца 19 и начала 20 века, как символизм, царскоселы знали только: «О закрой свои бледные ноги» и «Будем как солнце»+.

Поэтому Оцуп (предисловие к избранному Гу-милева), повторяя одну из бесчисленных басен о Гумиле-

+ При мне почтенные царскоселы издевались над стихами Блока:

Твое лицо в его простой оправе Своей рукой убрал я со стола. Их рупором был нововременный Буренин.

ве, сообщает, что Николай Степанович сказал какой-то барышне, когда он ехал с ней на извозчике: «Будем как солнце». Всякому, кто тогда жил в Царском, ясно,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова что это ложь, а написать это – то же, что написать, что Гумилев сказал это барышне, сидя с ней в ванне. Но Оцуп уехал из Царского Села почти ре-бенком, да и к тогдашнему обществу не принадлежал. Долгие годы парижской жизни стерли отдаленные полу-детские воспоминания, но злобная сплетня и желание сделать поэта смешным уцелели. Так-то!
ПРОЗА АННЫ АХМАТОВОЙ (ФРАГМЕНТЫ ЦЕЛОЕ)

О своей прозе Ахматова говорила: «Книга, которую я никогда не напишу, но которая все равно уже существует, и люди заслужили ее»*. О том, какой она хотела видеть свою до конца не осуществленную книгу прозы, можно судить, обратившись к планам-проспектам и даже оглавлениям книги, сохранившимся в рукописях Ахматовой, ее рабочих тетрадях. Из них видно, что и в какой мере было завершено, что утрачено в результате нескольких сожжений, последний раз, по-видимому, по-здней осенью 1949 г., после очередного ареста сына – Л.Н. Гумилева и последовавшего обыска.

Можно согласиться с автором, что эта ненаписанная книга действительно существовала и существует, вопреки канону и жанровым определениям. Свое грандиозное биографическое повествование Ахматова одно время хотела назвать «Мои полвека». Судя по развернутому плану-проспекту, это было бы эпохальное произведение, рассказ «о времени и о себе», о себе во времени, о современниках и их трагических судьбах.

Ахматова, как можно судить по запискам Л.К. Чу-ковской, «не любила Герцена» и не предполагала писать

* Мандрыкина Л. Ненаписанная книга. «Листки из Дневника А. Ахматовой». Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 62.

свое «Былое и думы», она оставила людям свое «Мимо-летное», свои «Опавшие листья», приближающиеся к «коробам» В.В. Розанова, открывшего в литературе Серебряного века свой жанр – вроде бы случайных записей, фрагментов, однако запоминающихся и вызывающих эмоциональный отклик читателя. Свое повествование Ахматова определила как «вспышки памяти», «беглые заметки», «пестрые заметки». Просматривается три захода к написанию автобиографической прозы. В Ташкенте в 1942–1943 гг. приходят первые воспоминания, воспоминания детства, пишется «Дом Шухардиной», где в Царском Селе жила семья Горенко, третьим ребенком в которой и была Ахматова.

Вернувшись в Ленинград 1 июня 1944 г., Ахматова продолжает работать над прозой, пишет две большие работы «Трагедия Анненского», «Пушкин и Достоевский». Обе были сожжены и не были восстановлены, заново был написан фрагмент о И.Ф. Аннеиском.

В 1960-е годы Ахматова снова возвращается к автобиографической прозе, восстанавливает утраченное, пишет новые фрагменты. Фрагментарность автобиографической прозы Ахматовой определяет ее жанровое своеобразие, а незавершенность позволяет снова и снова возвращаться к тому или иному эпизоду, высвечивая в нем новую фактологию, новые мысли и чувства. Своеобразную роль в поэтике автобиографической прозы Ахматовой играют письма, вернее ее ответы на вопросы зарубежных исследовательниц. В них содержится немало удивительных автобиографических миниатюр.

Судя по записям в рабочих тетрадях, Ахматова намеревается ввести в повествование «другой голос», пре-

* Берберова Н, Курсив мой. Мюнхен. 1972. С. 547.

доставив слово подруге детства и юности В.С. Срезневской, или включить в описание Царского Села «голос» Пунина, или «диктует» портрет Ахматовой молодому исследователю.

Ахматова много размышляла о природе мемуаров, главным образом в связи с выходом за рубежом воспоминаний русских эмигрантов, как она говорила, увезших с собой «свой последний день в России». Ее глубоко возмущала интерпретация ее отношений с Гумилевым в воспоминаниях автора «На Парнасе Серебряного века» С.К. Маковского, в мемуарах Н. Оцупа, В. Неведомской (соседки по родовому поместью матери Н.С. Гумилева). С убийственным презрением характеризуются ею беллетризированные мемуары Г. Иванова «Петербургские зимы» и И. Одоевцевой «На берегах Невы».

Г. Иванов и сам не раз говорил, что в его «Зимах» не более двадцати пяти процентов правды*.

Одной из первых работ с историко-культурным подходом к «Петербургским зимам» Г. Иванова стала статья Н. Богомолова «Двойное зрение». Рассматривая «Петербургские зимы» и как определенный плацдарм для нового взлета поэтического творчества Иванова-поэта, Богомолов приводит цитату из труда Ю. Лотмана «К

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова о проблеме работы с недостоверными источниками» («Временник Пушкинской комиссии», 1975. л., 1979. С. 94): «При наличии методов дешифровки заведомая фальшивка может быть источником ценных сведений, при отсутствии их самый достоверный документ может сделаться источником заблуждений» – и продолжает: «Подвергнутые тщательной проверке, многие детали: "Петербургских зим" подтверждаются, да немаловажно и то, что сами попытки разобраться, что здесь ложь, а что истина, стимулируют многие дальнейшие разыскания, приводящие к немаловажным выводам»*. Тем более ценны критические замечания Ахматовой, при всей резкости, продиктованные ее удивительной памятью и открытой полемичностью. И тем не менее «Петербургские зимы» вызывают законный интерес как читателей, так и исследователей.

В одном из предполагаемых «введений» к книге прозы Ахматова пишет: «Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием, уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серьезные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать».

Здесь не только предупреждение, но и сознательная эстетическая установка на фрагментарность – «прожектор освещает отдельные моменты». И тем не менее до конца жизни Ахматова мечтала сделать книгу как большое и целостное повествование о событиях и людях. В конце 1950-х–начале 1960-х она принимается за автобиографию, начинающуюся традиционно: «Я родилась

* Богомолов Н. Талант двойного зрения//Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 132.

** Записные книжки Ан.ч. Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Einaudi. 1966. С. 555.

в Иванову ночь (европейскую) 1889 г., т.е. в один год с Чарли Чаплиной, Эйфелевой башней, Крейцеровой сонатой, чилийкой Мистраль и т.п. (под «т.п.», по-видимому, имеется в виду Гитлер, названный в вариантах начала автобиографии, хранящихся в РНБ. – С.К.). Слушалось это на берегу моря под Одессой. (11 станция парового трамвая, Большой фонтан). Когда я родилась, мой отец был отставным капитаном второго ранга (инженером-механиком) флота. Вскоре после рождения была перевезена на север. Сначала в Павловск, а затем в Царское Село, где с недолгими перерывами прожила до 16 лет»*. Текст этот многовариантен, однако везде повествование доведено до 1917 г. Далее автор как бы не выдерживает традиционной «плавности» речи. «Вспышки памяти» воскрешают эпизоды и факты, теснящие, а порой и вытесняющие ту или иную «картинку», с тем, чтобы возникнуть снова через некоторое время в ином виде и в ином контексте. Автобиографическая проза, запечатлевшая события, увиденные глазом художника, уступает место литературоведу, переходит в научные изыскания, жесткий анализ литературно-критической ситуации.

Закончено повествование не было, хотя задумывалось как широкое историческое полотно. В начале марта 1965 г. появляется запись в одной из рабочих тетрадей: «Суббота: Сделать шесть вставок в автобиографию (Шухардинский дом, Херсонес, Царь-Гриб, Мишка-будка, морда-окошко, первое стихотворение, "четки", война (1914), "вечер" – Италия – левушка (1912), Белая стая" ... Первый день войны 1941. Моя Италия 1964 г.)»**.

* Там же. С. 79. ** Там же. С. 596.

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 701. "Там же. С. 619.

Композиция книги была для Ахматовой главной проблемой, а проза – главной заботой. За полтора месяца до смерти, 24 января 1966 г., в Москве, в Боткинской больнице, где Ахматова лежала с последним инфарктом, сделана запись, приоткрывающая трагизм сироты и бездомности поэта: «Сегодня Т. уехал в Ленинград. Представляю себе оледенелый, суровый, все забывший город – и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского. Хочу увидеть его уже предвесенним, когда он оживает и начинает вспоминать ... Но домой хочу – было бы сил по-больше. Хочу простой домашней жизни. А прозу почти слышу...»* (выделено мной. – С.К.). Обратим внимание: «Прозу почти слышу». Менее года назад, в Вербное воскресенье 1965 г., Ахматова записывает: «Много думаю о прозе. Досадно, что я так поздно схватилась, но одну книгу прозы я еще успею сделать»**.

30 января 1966 г., за месяц и четыре дня до кончины, Ахматова вносит в рабочую тетрадь фрагмент текста литературного портрета Лозинского с указанием: «Начало».

И еще одна из последних записей: «8 февраля 1966 Вторник. Луна продолжается. После рентгена я заболела. Ночь без сна. Вечером Ира будет звонить. Здоровье несколько не возвращается. Так ли было в том январе в Гавани. 1961 (?). С ужасом думаю о санатории (любой). В Гавани я написала «Родная земля» и еще

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова что-то, а здесь удушье и безмолвие. Десятого день Пушкина (смерть) и Пастернака (рождение).

Я знаю, что после Лозинского должна писать о Борисе. C'est compliqué*, как сказал злодей Толстой о выманивании царевича Алексея из Италии**.

Почти завершённый литературный портрет Михаила Лозинского и ненаписанный портрет Пастернака предназначались для книги «Листки из дневника»: «Первое и самое желанное, так называемые "Листки из дневника", то есть мои расширенные воспоминания о Мандельштаме. (Можно прибавить Блока, Клюева, Го-род, взять у Иры "Царское Село" Н.Н. Пу-нина, оттуда о Комаровском и Анненском)»***.

Как видим, «Листки из дневника» – книга разнома-стная: литературные портреты соседствуют с очерком «Го-род» и воспоминаниями Н.Н. Пунина о Царском Селе. В бесцензурном миланском издании Ахматова хотела на-помнить об О. Мандельштаме и Пунине, в те времена не имевших права на «голос» у себя на родине.

В 1957 г. был написан первый вариант очерка об О. Мандельштаме, получивший название «Листки из дневника». Теперь книга мыслилась как серия портре-тов. Одновременно создается удивительное эссе «Аме-део Модильяни», задуманное в 1951 году. С художни-ком Ахматова встречалась в Париже в 1910 и 1911 годах.

Безвестный и нищий, снискавший славу через многие годы после ранней смерти, Модильяни становится зна-ковой фигурой в мире творчества Ахматовой как образ художника, поэта, человека, не похожего на других, «над-мирного», у которого «ничего нельзя отнять и которому

* Это сложно (фр.).

** Записные книжки Анны Ахматовой . С. 709. *** Там ж е. С. 554.

ничего нельзя дать». Очерк был передан через итальян-ского литературоведа Витторио Страду и напечатан в Италии, на родине Модильяни, затем, как и «Мандель-штам», опубликован в «Воздушных путях» (Нью-Йорк) – альманахе, в котором впервые увидела свет «Поэма без героя».

Это был «прорыв» в мир свободной литературы, возвестивший о том, что Анна Ахматова, крупнейший поэт XX века, полна зрелой творческой воли. Это была новая Ахматова, писатель масштабного исторического мышления и видения, обратившаяся к болевым точкам бытия. Модильяни к этому времени был знаменит, о нем уже писали книги и снимали фильмы. Неожиданно по-явившееся эссе Ахматовой, лирическое и изысканное, насыщенное глубоким гуманистическим содержанием, стало событием. Равно как через три десятилетия после смерти Ахматовой стало событием открытие в одной из коллекций двадцати трех рисунков, сделанных Модиль-яни в пору их встреч и в которых некоторые исследова-тели склонны видеть Ахматову как натуру*.

Ахматова гордилась тем, что знала Модильяни до того, как он стал знаменитым и привлек к себе внимание

* Однако, как всегда в оценках фактов жизни Ахматовой, голо-са разделились. Так, И. Берлин писал: «Вы спрашиваете о Модилья-ни. Я пошел и посмотрел эти рисунки. Боюсь, они не представляют значительного интереса. Я большой поклонник этого художника, по эти рисунки множатся на бесконечные копии и вариации классического искусства – греческого и египетского; затем ряд обнаженных в раз-личных позах; наконец, портрет французской дамы (живопись). По-верьте, я обошел всю выставку в Королевской академии, помня Ваши слова, – искал хоть малейшего сходства с А.А., но не нашел никакого. Уверяю Вас . . . Я pošлю Вам каталог, и Вы сами убедитесь (12 декабря 1994 г. Архив С.А. Коваленко. Пер. с англ.).

* РНБ.ф.1073.

мемуаристов. То, что она увидела в 1910-е годы и описа-ла уже на рубеже 1960-х, не было известно другим и от-крывало новую страницу в жизни художника.

По-види-мому, в пору раздумий и воспоминаний о Модильяни Ах-матова написала две строфы о себе и о нем для «Поэмы без героя». Обычно их публикуют в разделе «Строфы, не вошедшие в "Поэму без героя"». Однако в фонде Отдела рукописей Российской национальной библиоте-ки имеется список поэмы, где они занимают свое место в «Решке» (второй части триптиха):

В черноватом Париж тумане,

И наверно, опять Модильяни

Незаметно бродил за мной.

У него печальное свойство

Даже в сон мой вносить беспокойство

И быть многих бедствий виной.

Но он мне – своей Египтянке. . . Что играет старик на шарманке, А под ней весь парижский гул, Словно гул подземного моря – Этот тоже довольно горя И стыда и лиха – хлебнул.

Эти строфы в сопоставлении с прозой о Модильяни позволяют понять и «технология» творческого процес-са, и его тайну. В одной из заметок о Пушкине Ахматова писала: «. . . из стихов может возникнуть нужная нам про-за, которая вернет нам стихи обновленными и как бы уви-денными в ряде волшебных зеркал»*.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Обратившись к тогда еще не опубликованным прозаическим заметкам Ахматовой, Р. Тименчик отмечал:

«Ахматова чувствовала эстетическую остроту самой ситуации "прозы и поэзии". Сталкивая два ряда, два типа мироотображения, она извлекала из стиха, из отдельно-го "блуждающего стиха", дополнительные смыслы»*.

Опубликовав фрагмент о психологии творчества, как бы примыкающий к прозе о «Поэме без героя», автор статьи еще раз доказывает взаимодействие поэзии и прозы как побудительного импульса нового художественно-го целого: «У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель. Мне, например, из моей первой книги «Вечер» (1912) сейчас по-настоящему нравятся только строки:

Пьянея звуком голоса, Похожего на твой.

Мне даже кажется, что из этих строчек выросло очень многое в моих стихах.

С другой стороны, мне очень нравится оставшееся без всякого продолжения несколько темное и для меня вовсе не характерное стихотворение «Я пришла тебя сме-нить, сестра»...» – там я люблю строки:

И давно удары бубна не слышны, А я знаю, ты боишься тишины.

То же, о чем до сих пор так часто упоминают крити-ки, оставляет меня совершенно равнодушной.

Стихи еще делятся (для автора) на такие, о которых поэт может вспомнить, как он писал их, и на такие, кото-

* Тименчик Р. Неопубликованные прозаические замет-ки Анны Ахматовой//Известия Академии наук СССР. Серия лите-ратуры и языка. Т. 43.1984. № 1. С. 67.

* Та м же.

рые как бы самозагорались. В одних автор обречен слы-шать голос скрипки, некогда помогавший ему их сочи-нять, в других – стук вагона, мешавшего ему их напи-сать. Стихи могут быть связаны с запахами духов и цве-тов. Шиповник в цикле «Шиповник цветет» действи-тельно одуряюще благоухал в какой-то момент, связан-ный с эти циклом.

Это, однако, относится не только к собственным стихам. У Пушкина я слышу царскосельские водопады ("сии живые воды"), конец которых еще застала я»*.

Авторские размышления об отношениях поэта с чи-тателем выводят, однако, к мысли о прозе, о книге, кото-рая так и не написана, но которую – «читатель заслу-жил».

Интересно, что Борис Пастернак, которого Ахмато-ва напрасно упрекала в невнимании к ее поэзии, провид-чески относил начало ахматовской прозы к первым ее кни-гам, где находил «событие», т.е. первооснову эпоса:

...Бывает глаз по-разному остер, По-разному бывает образ точен. Но самой страшной крепости раствор – Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд. Он мае внушен не тем столбом из соли, Которым вы пять лет тому назад Испуг оглядки к рифме прикололи.

Но, исходив от ваших первых книг,

Где крепи прозы пристальной крупицы.

Он и во всех, как искры проводник. Событья былью заставляя биться.*

(Курсив мой. – С.К.)

Пастернак писал Ахматовой, размышляя о сополо-жении поэзии и прозы в мире творческой личности: «Я третий месяц очень усидчиво работаю над большой повестью, которую пишу с верой в удачу ... далекий от мысли, что я это осуществляю, я вновь, как бывало, умилен до крайности всем тем, что человеку дано почув-ствовать и продумать. Мне некуда девать это умиление. Повесть потеряла бы в плотности, если бы я все это излил на нее одну. Мне приходится исподволь писать стихи. Их теперь в моем возрасте я понимаю как долговую расплату с несколькими людьми наиболее мне дорогими, потому что, конечно, именно они – истинные адресаты, к которым должно быть обращено это умиление...» (цит. по: П а с -т е р н а к Б. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 682).

Пастернак имеет в виду стихи, обращенные к Ах-матовой, Б. Пильняку, М. Цветаевой, Мейерхольдам и другим близким ему людям.

«Таинство прозы» раскрывалось для Ахматовой «в соположении с великими образцами стихотворной речи»**.

Очерк «Амедео Модильяни» сыграл особую роль в формировании «ненаписанной» автобиографической кни-ги, раскрыв специфику ахматовского письма и выводя к феномену ахматовского текста как индивидуальной ху-дожественной системе, не имеющей аналогов.

* Пастернак Б. Анне Адматовой//Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1989. С. 227.

** Тименчик Р. Неопубликованные прозаические замет-ки Анны Ахматовой, С. 66.

10 марта 1964 г. – этот день Ахматова считала чер-ным и роковым – она сделала запись: «Сегодня день смерти Замятина (1937), Булгакова (1940), ареста Левы

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (1938) и приговор Данте ( ). В прошлом году в этот день я написала "Предвесеннюю элегию" (в Комарове – при кедре)*. Появление «Кедра» всегда связано у Ахматовой с горестной тайной. В недописанном ею киносценарии «0 летчиках» преступно убитый герой воровски зарыт на краю болота под Кедром, а подменивший убитого двойник занимает в мире его «законнейшее место». Одновременно появляется запись к автобиографической прозе: «Вторник: Письмо от Вигорелли. Благодарит за Модильяни. Упорно зовет в Италию к 30 мая. Montale. Премия... Дописала Модильяни. Несколько слов о России. Смерть Толстого. Пророчества Блока.

Статья как бы пустила ростки (как клубника) и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию. Пришлось отрезать в самом интересном месте, так что итальянские читатели не узнают, как 1 сентября 11 г. я в Киеве в извозчицкой пролетке пропускала царский поезд и киевское дворянство, направляющееся в театр, где через час будет убит Столыпин**. В этой записи присутствует чрезвычайно важное для понимания поэтики автобиографической прозы Ахматовой авторское признание: «Статья... пустила ростки... и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию». Ахматова отвечает на вопрос, мучивший ее самое и занимающий исследователей и читателей, – почему не была написана книга в традиционном восприятии этого понятия. «Клуб-

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 445. I а м же.

ничные усы» шли во все стороны, укреплялись корешками в почву, образуя новые кусты, «вспышки памяти» – множество «силовых полей», требуя самостоятельности. На традиционную последовательность изложения исторических событий уже не хватало жизненных сил. Но были и иные причины.

По-видимому, существовала некоторая внутренняя сопротивляемость, убежденность в невозможности поставить точку и навсегда отойти от уже сделанного.

«До-полнения» или, как Ахматова говорила, «осколки» сопровождали и собственно уже завершённые произведения. Так было с «Поэмой без героя», так было и с портретами Манделштама и Модильяни. Дополнения к ним, новые фрагменты прозы возникали в рабочих тетрадях до последних месяцев ее жизни.

Созданные ею литературные портреты Ахматова, очень внимательная к развитию жанровых структур, называла «новеллами», а свою ненаписанную книгу – «автобиографической прозой» – не романом, не повестью, но книгой, главы – новеллами. Ее привлекал жанр новеллы, литературной формы, трудно поддающейся определению и тем не менее развивающейся по своим законам, то отождествляясь с рассказом, то обособляясь как особый художественный мир сюжетостроения.

Ахматова «не любила» своих современников, крупнейших русских новеллистов – Чехова и Бунина. А «не любила», как нередко у нее бывало, значит и ревновала, желая создать свою, ахматовскую, форму новеллы.

Ее художественным открытием стала новелла, построенная на материале биографии, «портрета», включенного в поток истории, с обязательным присутствием повествователя, равного по своей значимости герою произведения. Создавая свою новеллу, Ахматова, конечно же, помнила слова Гёте, что «новелла и есть совершившееся неслыханное событие». Соответствовали ее новеллы и требованиям Г. Форстера, разделявшего взгляд Гёте на утвердившуюся изысканную повествовательную форму: «...Новелла в каждый момент своего существования и своего становления, должна быть новой и поражающей...»

Судьбы О. Манделштама, А. Модильяни, Н. Гумилева, как и самой Ахматовой, были тем самым «совершившимся и неслыханным», «новым и поражающим», что произошло с ними в XX веке.

Осталась ненаписанной новелла о романе Маяковского с Вероникой Витольдовной Полонской, которую Ахматова хорошо знала и хотела назвать повествование о ней «Невинная жертва». В «Беглых заметках» Ахматова, со слов Е. Замятина, развертывает почти детективный сюжет, по которому художница Муся Малаховская предстает как бы двойником Полонской в последний, трагический период жизни поэта, в самый канун его смерти.

Еще об одной утраченной ахматовской новелле или о нескольких новеллах свидетельствуют фрагменты главы из задуманной книги с ироническим названием «Как у меня не было романа с Блоком». Автобиографические заметки о Блоке, пространные планы дают интереснейший материал для сравнения образа поэта, созданного в «Поэме без героя», с Блоком-человеком, представленным в многообразии его повседневной жизни. Сохранил* Эккерман И.П. Разговоры с Гете. М., 1981. С. 215. ** Форстер Г. Из «Атенийских фрагментов»/ Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 59.

шиеся фрагменты с их тайнописью позволяют увидеть Блока возможным адресатом еще ряда ахматовских стихотворений, и среди них одного из наиболее значительных (1914):

И в Киевском храме Премудрости Бога, Припав к солее, я тебе поклялась, что будет

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

моею твоя дорога, Где бы она ни вилась.
То слышали ангелы золотые И в белом гробу Ярослав. Как голуби, вьются слова
простые И ныне у солнечных глав.
И если слабею, мне спится икона И девять ступенек на ней. И в голосе грозном
софийского звона Мне слышится голос тревога твоей.
Сравнивая, в частности, последнюю строку «Мне слышится голос тревоги твоей» с
надписью на книге «Чет-ки», подаренной Блоку: «От тебя приходила ко мне тре-вога
и уменье писать стихи», Алла Марченко в своей полемической, но достаточно
аргументированной статье, доказывает адресованность этого стихотворения Блоку,
отводя Н.В. Недоброво, считавшегося его адресатом*.
Рабочие тетради Ахматовой полны записей, позво-ляющих судить о психологии
творчества, о динамике ав-торской мысли, ведущей к рождению будущей книги.
Приведем пример. В канун 1962 г., когда завершалась
* Марченко А. «С ней уходил я в море...». Анна Ахма-това и Александр Блок: Опыт
расследования. //Новый мир. 1988. № 9. С. 192.
работа над «Поэмой без героя» и велась работа над теат-ральным либретто и прозой
о поэме, появляется запись под заголовком «Рождение стиха. Искра паровоза».
Далее следует известный рассказ Ахматовой, раскрыва-ющий реалии возникновения
стихотворения «Не бывать тебе в живых...» – гибель Н.С. Гумилева. Здесь же
маленькая помета к автобиографии: «Какие-то получае-мые мной гроши я отдавала
Луниным за обед (свой и Левин) и жила на несколько рублей в месяц.
Круглый год в одном и том же замызганном платье, в кое-как заштопанных чулках и
в чем-то таком на ногах, о чем лучше не думать (но в основном прюнелевом), очень
худая, очень бледная – вот какой я была в то время. И это продолжалось годами»*.
После этих записей следует новый отрывок, озаг-лавленный: «А вот другое»: «Мой
первый портрет – в "Пути конквистадоров" – "и властно требует меч-та, чтоб этой
не было улыбки". Кроме того, что уже очень рано ("Путь конквистадоров") в
Царском Селе я стала для Гумилева (в стихах) почти Лилит, т.е. злое начало в
женщине. Затем (например, см. "Сон Адама" – Ева).
Он говорил мне, что не может слушать музыку, по-тому что она ему напоминает
меня»**.
Движение мысли ведет от стихотворения 1921 г. «Не бывать тебе в живых...» в
последующую жизнь, в се-мью Пунина, и снова вспять, к стихам Гумилева начала
1910-х годов, лирической героиней которых была Ахма-това. Между «Искрой
паровоза» и обращением к сти-
Записные книжки Анны Ахматовой. С. 207. Там же.
хам «Пути конквистадоров» вписан отрывок о жалком существовании и «кое-как
заштопанных чулках», кото-рый у внимательного читателя (а ахматовский читатель
всегда внимателен и, по возможности, все знает или пы-тается узнать) может
вызвать воспоминание, записан-ное И. Одоевцевой со слов Гумилева о его
рождествен-ском подарке юной жене: «Я купил у Александра на Нев-ском большую
коробку, обтянутую материей в цветы, и наполнил ее доверху, положил в нее шесть
пар шелковых чулок, флакон духов «Коти», два фунта шоколада Краф-та, черепаховый
гребень с шишками – я знал, что она о нем давно мечтает – и томик «Les amours
jaunes» Трис-тана Корбьера. Как она обрадовалась! Она прыгала по комнате от
радости»*.
Когда прошли долгие годы в эмиграции и престаре-лые воспоминатели взялись за
мемуары, судьба Ахмато-вой и Гумилева оказалась в центре их внимания.
Есте-ственно, что многое было забыто, что-то восстановлено, что-то домыслено.
Именно сюжетная линия, связанная с судьбой Гумилева, интерпретация его личности
и твор-чества, взаимоотношений с Ахматовой и другими близ-кими ему в тот или
иной период жизни женщинами, при-чины и обстоятельства ареста и трагической
гибели от-крывают новую тему в автобиографической прозе Ахма-товой, определенную
ею как «антимемуарии».
Детальный разбор «псевдомемуариев» явился отве-том Ахматовой главным образом
мемуаристам русской эмиграции. Читая или перечитывая сегодня «Петербург-ские
зимы» Г. Иванова, «На Парнасе Серебряного века» ОК. Маковского, «На берегах
Невы» И. Одоевцевой, «Курсив мой» Н. Берберовой и др., современный чита-
* О д о е в ц е в а И. На берегах Невы. М., 1988. С. 295.
Из письма к Н.В. Королевой от 22 мая 2000 г.
тель с благодарностью воспринимает беллетризован-ную и нередко
мифологизированную прозу. Другой нет и не было. Теперь Ахматова в подробнейшем
анализе всех доходивших до нее публикаций – а материалом она вла-дела в
совершенстве (можно только гадать, по каким ка-налам она его получала), –
пытается противопоставить мифу свою правду, в той или иной мере сама вовлекаясь
в процесс мифотворчества. Особенно огорчил Ахматову выход в 1962 г. в США
первого тома Собрания сочине-ний Гумилева под редакцией Г.П. Струве и Б.А.
фи-липпова. Случилось то, чего она больше всего боялась: импровизации

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова мемуаристов во вступительной статье Г.П. Струве препятствовали, как она считала, изданию Гумилева в Советском Союзе.

И она яростно защищает себя, свою биографию, биографию Гумилева от вольных толкований мемуаристов и исследователей. Книгу прозы о «Поэме без героя» (см. Т. 3. С. 652–653) и фрагменты из книги, представленные в данном томе, она назвала pro domo mea и pro domo sua (о себе, в защиту себя и своего дома), отсылая к знаменитой лекции Цицерона, обличающего Клодия. М.Л. Гаспаров замечает по этому поводу: «...Клодий тем и был скандально известен, что перешел из патрициев в плебеи и во время изгнания Цицерона сжег его дом в Риме – без этого слова pro domo mea и pro domo sua не понятны»*.

Известно, что даже в самых достоверных и честных мемуарах при сопоставлении двух и более воспоминаний различных лиц об одних и тех же событиях неизменно очевиден любимый Уильямом Фолкнером образ «Тринадцать способов увидеть черного дрозда», заимствованный им у американского же поэта Уоллеса Стивенса. В одной из бесед в Виргинском университете Фолкнер говорил, как в мире творчества в освещении событий одна версия вытесняет другую. Каждый видит и осмысляет событие по-своему: «Мне кажется невозможно смотреть на правду: она ослепляет. Смотрит один и видит одну ее фазу. Смотрит другой – и видит другую... Так что действительно получилось «тринадцать способов взглянуть на черного дрозда», а у читателя, после того как он узнал все эти тринадцать точек зрения, пусть будет четырнадцатый, и как мне хотелось бы думать, верный взгляд»*.

Критика Ахматовой «псевдомемуариев», ее много-численные письма зарубежным исследователям, представляют собой бесценный источник информации, а страницы, посвященные Н.С. Гумилеву, дают не просто выстроенную, но выстраданную концепцию творчества, как она говорила «самого непрочитанного поэта XX века». Мемуары в большинстве своем не фотокопия действительности, особенно писательские мемуары, в которых запечатлен целостный мир творческой индивидуальности автора. Причем ахматовские штудии мемуарной литературы показывают всю сложность положения мемуариста, особенно если живы современники, не только помнящие, но и воспринимающие события и факты по-своему, имеющие свою нередко непоколебимую точку зрения на то, что было и чего не было**. Еще более катастрофично, если мемуаристу уже некому ответить.

* Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М., 1985. С. 354–355.

** См.: О д о е в ц е в а И. Ожившие голоса//Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 111–117. См. также: Одоевцева И. Открытое письмо Н.Я. Мандельштам//С а а к я н ц А. Спасибо Вам! М: Элнс Лак, 1998. С. 388–402.

Не так давно в издательстве «ИНАПРЕСС» вышел объемистый том мемуаров Эммы Григорьевны Герштейн. В течение десятилетий она была близким другом сына Ахматовой и Гумилева – Льва Николаевича, писала ему письма, отправляла посылки, когда он был в ГУЛАГе, принимала участие в его судьбе, была доверенным лицом Ахматовой в хлопотах о его реабилитации.

29 октября 1928 г. Эмма Герштейн познакомилась в подмосковном санатории «Узкое» с Осипом Эмилевичем и Надеждой Яковлевной Мандельштам. Всю последующую жизнь она была связана с семьей опального поэта, что не преминуло отразиться на ее жизни и «послужном списке». Являясь талантливым исследователем, она не имела постоянной работы и жила в ожидании худшего.

Эмма Григорьевна Герштейн остается свидетелем и участницей наиболее трагического десятилетия в жизни Мандельштамов, вовлекших в водоворот событий близких им людей, что, в свою очередь, отразилось на их судьбах. В мемуарах она подвергла аналитическому разбору «Листки из дневника» Ахматовой, пытаясь «разъять гармонию алгеброй». Герштейн пишет: «...в 1957 году Ахматова, с ее точной ассоциативной памятью, была совершенно сбита с толку постоянным взятым на себя обязательством идеализировать образ Мандельштама, вопреки ее же сентенции "...поэтам вообще не пристали гре-" it

хи, он ни в чем не повинен, ни в этом, ни в другом и ни в третьем...". Тут, то есть в "Поэме без героя", речь идет об амнистии грешнику, а в "Листках" отрицается самый факт греха. Безусловно, Анна Андреевна была не свободна в своих "Листках", находясь под сильным воздействием направляющей руки Надежды Яковлевны»*.

Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 418,

* Герштейн Э. Мемуары. С. 416.

Многие страницы книги посвящены истории арестов О.Э. Мандельштама и причинам того, почему при жизни Сталина и позже, до оглашения письма о культе личности, никто из высоких чиновников и членов правительства, к которым обращалась Ахматова, не мог и не хотел взять на себя ответственность за пересмотр дела Льва Гумилева. Как пишет Э.Г. Герштейн, в деле «Левы» лежал список стихотворения-эпиграммы Мандельштама на Сталина «Мы живем, под собою не чуя страны...».

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

8 опубликованных материалах следствия по делу О.Э. Мандельштама перечислены лица, которым он читал эпиграмму, и их отношение к этому. Среди указанных значатся и А.А. Ахматова, и Л.Н. Гумилев, и Э.Г. Герштейн. Герштейн приводит фразу Ахматовой из «Листков из дневника»: «Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания Осипа Эмильевича о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники могут сказать это о себе?»* Далее следует ее комментарий: «Ничего кроме недоумения эти слова Анны Андреевны вызвать не могут. Разве она забыла, как Надя вернулась со свиданья на Лубянке с Осипом и объявила в отчаянии, обращаясь ко мне: "Эмма, Ося вас назвал. Тут же выяснилось, что Мандельштам назвал остальных 9 или 11 человек, которым он читал свою сатиру на Сталина, за которую и был арестован. Среди них он назвал и саму Ахматову и ее сына Льва Гумилева. Теперь (девятые годы) мы уже располагаем документальным подтверждением этого события. Имею в виду публикации судебного дела Мандельштама в № 1 "Огонька" за 1991 год и в "Известиях" за 1992 год, № 121-125. Правда, напечатаны только выдержки из следственного дела, но чем бы они ни были дополнены при исчерпывающей публикации, никто, – как полагает Э.Г. Герштейн, – не сможет назвать безупречными показания Мандельштама об Ахматовой и Льве Гумилеве: "... одобрил вещь неопределенно-эмоциональным восклицанием, вроде "здорово", но его оценка сливалась с оценкой его матери Анны Ахматовой, в присутствии которой эта вещь была ему зачитана". Как же отнеслась Анна Андреевна к этой сатире? По словам протокола, она указала "на монументально-лубочный и вырубленный характер этой вещи". Какие благородные показания Мандельштама могли предъявить Леве на следствии в 1949-1950 годах – непонятно. Во всяком случае Особым Совещанием и генеральным прокурором СССР они были поняты однозначно: "факты антисоветской деятельности Гумилева, изложенные в его показаниях, подтверждаются показаниями Пунина, Борина, Махаева, Мандельштама и Шумовского"»*.

Э.Г. Герштейн, исследуя психологию поведения Мандельштама на Лубянке и свои дальнейшие разговоры с ним, говорит об избранной им защите «искренности перед ЧК», всем ходом размышлений утверждая, что поэта должно судить «по законам им самим над собою поставленным»**.

Вызывают интерес и ее комментарии к отношениям и разговорам Пастернака со Сталиным, после ареста Мандельштама: «Мы с Надей решили, что он вел себя

* Там же. С. 416-417.

** См. Письмо Пушкина А.А. Бестужеву. январь 1825 г. // Пушкин АС. Т. 10. С. 121.

* Герштейн Э. Мемуары. С. 38-39.

на полную четверку. По-новому рассказана Э.Г. Герштейн история о пощечине А.Н. Толстому, после того как он председательствовал на товарищеском суде по случаю ссоры с поэтом Амиром Саргиджаиом*. На основании изучения архива СБ. Рудакова, петербуржца, отбывавшего ссылку в Воронеже одновременно с Мандельштамом и обвиненного в невозвращении доверенных ему рукописей Гумилева и Мандельштама, Герштейн в поисках истины, пытается снять обвинения с погибшего в 1943 г. на фронте талантливого филолога.

Мемуары Герштейн в большинстве случаев документированы: вызывает уважение сочетание документа с филологическим и интуитивным прозрением. И тем не менее... Ни Анна Андреевна Ахматова, ни Лев Николаевич Гумилев, ни Мандельштамы ответить или возразить ей уже не могут. Почему Ахматова именно так изложила события в «Листках из дневника», хотя еще был жив Лев Николаевич, который мог бы их опровергнуть, однако не сделал этого. «Листки из дневника» не просто мемуары, их жанр определен самой Ахматовой – новеллы. Она так видела, знала и понимала Мандельштама, таким мы воспринимаем замечательного русского поэта, заложника и пленника эпохи. Над феноменом его личности еще долго будут размышлять, изучая эпоху и ее по-этов.

Книга Э.Г. Герштейн, как и откомментированное ныне издание воспоминаний Н.Я. Мандельштам, с которыми жестко и, пожалуй, жестоко полемизирует Герштейн, представляет собой серьезный вклад в восприятие и познание большого пласта историко-культурной биографии века.

Столь же интересны, важны и еще более полемичны мемуары, или антимемуарии, самой Ахматовой в ее борьбе с воспоминаниями давних друзей и «врагов», как она многих из них воспринимала в поздние годы жизни, внимательно читая все доходившее до нее о себе и Гумилеве.

Противостояние Ахматовой тем, кого она считала своими оппонентами, было яростным, бескомпромиссным и не всегда справедливым. В «воспоминателях» она заранее видела противников. Этим объясняются столь резкие суждения в адрес Глеба Струве и Бориса Филиппова, издавших за рубежом первые собрания сочинений Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Николая Клюева и ее самой. Несмотря на ошибки и искажения, имевшие место в этих изданиях, они были актом доброй воли и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова самоотверженного труда издателей. Ахматова не могла этого не понимать и тем не менее отмечала каждую ошибку, каждую неточность с отнюдь не христианским смирением. И для этого у нее были свои основания.

В последние годы жизни Ахматова очень заботилась о своей «Биографии» и не раз говорила: «Я не хочу, чтобы мне подменили мою биографию». Книгу под по-лемическим названием «Как у меня не было романа с Блоком...» она решилась написать, когда поняла, что слухи о романе, «которого всем хотелось», способны «перекосить ее биографию». Уважение к биографии как до-стоверному жизнеописанию проявилось еще в одном из ее ранних стихотворений, вопрос об адресате которого так и не решен: «В биографии славной твоей разве мож-но оставить пробелы?». Теперь этот вопрос или утверждение были обращены к Н.С. Гумилеву и к ней самой. Намерение подготовить жизнеописание Н.С. Гумилева возникло еще до массового выхода воспоминаний,

13 Собрание сочнкешт, т 5

или «мемуариев». Работу по составлению «Трудов и дней Гумилева» Ахматова вела с 1924 г., с того момента, как, по ее словам, Гумилев трижды в течение одной недели являлся ей во сне и просил об этом. Несколько лет под диктовку Ахматовой и по записям бесед с нею трудился над книгой молодой поэт и литератор Павел Николаевич Лукницкий. Были опрошены многие из знавших Гумилева, охотно откликнувшиеся, приносившие автографы, письма, воспоминания. Сбор материалов по воссозданию облика казненного поэта, осмысление его жизненного и творческого пути были восприняты Ахматовой как за-вет, о котором она всегда помнила.

В 1960-е годы, в разгар полемики с «псевдомемуаристами», Ахматова обращалась к Лукницкому за справ-ками и материалами по «Трудам и дням» Н.С. Гумилева, предполагая ввести главу о нем в книгу «Листки из днев-ника».

Сама склонная к прозрениям и пророчествам, она не раз говорила о Гумилеве как о «поэте-визионере», предсказавшем свою смерть. Напоминала при этом, что не следует иметь в виду стихотворение «Рабочий», на-писанное Гумилевым в годы войны и по другому поводу. Из его визионерских стихотворений она выделяла:

«Пра-память» («Только змеи сбрасывают кожу...»), «Дева-птица» (в упоминании Ахматовой «Мальчик-птица» по строке «Хоть мальчик-птица, //Исполненный давних желаний...»), «Родос» (в ее упоминании «На тяжелых и гулких машинах...»), «Заблудившийся трамвай».

Или:

... Когда-нибудь при лунном свете, Раб истомленный, я исчезну.

Я побегу в пустынном поле через канавы и заборы, Забыв себя и ужас боли, И вес условия, договоры.

И не узнаешь никогда ты, чтоб в сердце не вошла тревога, В какой болотине проклятой Моя окончилась дорога.

(«Ты пожалела, ты простила...»)

Ко всему написанному о Гумилеве Ахматова отно-силась не только ревностно, но и ревниво, с «бегом вре-мени» в ней проснулось чувство неизбывной вины перед поэтом-царскоселом, полюбившим ее гимназисткой 4-го класса, много раз отвергнутым, не раз оскорбленным в своей мальчишеской гордости, и теперь, как ей представ-лялось, унижаемом мемуаристами, неверно трактующи-ми их отношения. А отношения эти, как пишет Ахмато-ва, были «особенными, исключительными», являясь «не-понятной связью, ничего общего не имеющей ни с влюб-ленностью, ни с брачными отношениями» – и добавля-ла, что «для обсуждения этого рода отношений действи-тельно еще не настало время».

Здесь мы подошли к ахматовской тайне. Слово тайна много раз встречается в ее записных книжках, перетекая в маргиналии к автобиографической прозе.

По-видимому, в слове «тайна» содержится «ключ» к тайнописи записных книжек Анны Ахматовой. См. ее запись для интервью с «Литературной газетой: «Белая стая» вышла 21 [ноября] сентября 1917 (т.е. 48 лет тому назад). Лучше не надо: Тайна тайн...»*.

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 672.

И если не наше дело ее разгадывать: «Пусть читатель потрудится», – говорил Достоевский, о котором Ахма-това много думала, то наше дело обратить внимание чи-тателя на то, что остается неразгаданным. Приведем два фрагмента: «В течение своей жизни любила только один раз. Только один раз. "Но как это было!" В Херсонесе три года ждала от него письма. Три года каждый день, по жаре, за несколько верст ходила на почту, и письма так и не получила»*.

«Когда в 1910 г. люди встречали двадцатилетнюю жену Н. Гумилева, бледную, темноволосую, очень стройную, с красивыми руками и бурбонским профилем, то едва ли приходило в голову, что у этого существа за плечами уже очень большая и страшная жизнь, что сти-хи 10–11 г. не начало, а продолжение»**.

После окончания киевской фундуклеевской гимна-зии Ахматова в июне 1907 г. живет под Севастополем на даче доктора Шмидта, там ее навещает Гумилев, уезжав-ший в

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова. Париж. «На даче Шмидта были разговоры, из которых Николай Степанович узнал, что АА не невинна. Боль от этого довела Николая Степановича до по-пытки самоубийства в Париже»***.

В своих записках о Гумилеве, прямо не касаясь фак-та этого разговора, Ахматова прослеживает сюжет обо-жествления девушки в поэзии Гумилева, который «при-знавал только девушек». Отсюда Ахматова в его стихах, как она не раз напоминает – «женщина-вамп», «Лилит»,

* Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-25 гг. Paris: YMCA-Press. 1991. С. 44.

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 220. *** Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 143.

«отравительница», «киевская колдунья с Лысой Горы» и т.д.

В первой половине марта 1964 г. запись о разговоре с Вадимом Андреевым (сыном Леонида Андреева) по поводу «Поэмы без героя», явно понравившемся Ахма-товой: «Вадим Леонидович Андреев сказал мне: "Я думал, что здесь есть тайна и я ее разгадаю, если при-еду. Нет, здесь нет тайны. Тайна – это вы". На его дру-гое высказывание я ответила: "Я не стажирую сь на Елену Троянскую" (О холодной войне)*». По-видимо-му, под «холодной войной» подразумеваются строки из Третьего посвящения к «Поэме без героя» – «Но мы с ним такое заслужим, // что смутится двадцатый век». Как известно, Ахматова видела в своей встрече с Исаей Берлином причину не только восстановления 1946 г., пре-давшего ее анафеме, но и похолодание в отношениях меж-ду Советским Союзом и Западом.

Благодаря полемике Ахматовой с «псевдомемуари-ями» мы имеем строго продуманную летопись акмеизма, его историю, записанную участницей литературного дви-жения, прекрасно знающей и помнящей причины многих неприязней к Гумилеву как главе нового направления, утверждавшего себя в спорах с символизмом.

Отсюда некоторые характеристики Вячеслава Ива-нова, обидевшегося на Гумилева не только за отказ от символизма, но и за рецензию в «Аполлоне» на его по-этические сборники «Cor ardens»**, стихами которых мэтр символизма очень дорожил. Ахматова не простила

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 152. "Иванов В. Cor ardens. Ч. 1. М.: «Скорпион». 1911; Ч- 2. См. рецензию Н. Гумилева: Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 124-126, 147-148.

Вяч. Иванову и резкий отзыв о поэме Гумилева «Блуд-ный сын», подвергнутой на «башне», как она писала, уни-чижительной критике.

Открытая Ахматовой полемика доходила до ее за-рубежных адресатов, вынуждая их к защите. Уже пос-ле смерти Ахматовой, близкий друг Вяч. Иванова О. Дешарт пытается «защитить» мэтра от язвительных суждений Ахматовой, пишет об отношении Иванова к молодым, о его завете – «нежными и вещими должны быть творческие прикосновения» – возвращается к пер-вой встрече хозяина «башни» с Ахматовой: «Как-то в 1911 году поэт Гумилев на башню привел свою молодую жену, писавшую стихи. Ей, как всем поэтам, В.И. пред-ложил "прочесть", она "решилась", прочла .... Все ждали, что скажет В.И., какой даст "разбор". Он мол-ча подошел к молодой женщине, поцеловал ей руку: "Приветствую Вас и поздравляю. Ваши стихи – собы-тие в русской словесности. Вы будете знаменитой по-этессой» .

Дешарт напоминает, что Вяч. Иванов отрицательно относился к «Петербургским зимам», к описанию того вечера, на котором Ахматова впервые читала стихи, и приводит цитату: «Георгий Иванов сообщал, что Гуми-лев смотрел на ее стихи как на причуду "жены поэта". Когда их хвалят, он насмешливо улыбается – "Вам нра-вится? Очень рад. Моя жена и по канве прелестно вы-шивает"» (И в а н о в Г. «Петербургские зимы. Па-риж, 1928. С. 66, 67). «Вопрос, здесь возникающий, – продолжает Дешарт, – вопрос об отношении В.И. к ак-

* Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1971-1979. Т. 1. С. 125.

меистам .... К сожалению, по сей день еще раздают-ся «голоса», утверждающие его вражду к представите-лям акмеизма .... Выяснить взаимоотношения сим-волистов и акмеистов здесь, конечно, не место. Но, од-нако, не следует забывать: как бы ни отзывался В.И. на акмеизм в период его возникновения, он всю жизнь свою, непосредственно, неизменно любил трех главных пред-ставителей этого литературного направления. Угадав сра-зу Ахматову, он впоследствии радовался ее духовному росту и поэтическому усовершенению. Мандельштам он не только признавал поэтом подлинным, но питал к нему, хрупкому, горящему, большую, почти отеческую не-жность. А Гумилева, не говоря уже о высокой оценке его творчества, В.И. горячо любил, порою бывал в него вос-торженно влюблен, в его безумную дерзость, в его ры-царское бесстрашие. Когда Гумилев рассказывал ему о своих абиссинских походах на львов и леопардов, В.И. слушал его, замирая от волнения, – как дети слушают сказ-ки. А военные доблести Гумилева, его два Георгиевских креста вызывали в душе В.И. восторг и умиление .... Возможно, что в будущем

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова какие-нибудь воспоминания или, по открытии архивов, какие-нибудь письма и обнаружат (восходящие к десяткам годам) отрицательное отношение суждения В.И. о направленных или об отдельных акмеистах...»*

Записки Ахматовой раскрывают подоплеку многих конфликтов в литературной среде, вспоминая которые она неизменно отстаивала правоту Гумилева. Так, ссора Кузмина с Гумилевым, после того как последний назвал кни-

* Там же. С. 848-849

* В печатном тексте – «салонной».

гу его стихов «будуарной»**, была усугублена отношениями Михаила Александровича с поэтессой и переводчицей Анной Радловой. Ахматова была убеждена, что Кузмин плел против нее интриги и хотел отдать ее «престольное место» в поэзии другой поэтессе. И самоубийство Всеволода Князева, одного из прототипов поэта-самоубийцы в первой части «Поэмы без героя» (Петербургской повести), – лишь повод изображения Кузмина в поэме как воплощения зла. Ахматова до конца дней своих не простила Кузмину ни Гумилева, ни Анны Радловой, ни Всеволода Князева. Хотя другой виновнице трагедии – «Коломбине», в которой нельзя было не узнать Ольгу Афанасьевну Глебову-Судейкину, все простила, обозначила ее во

втором вступлении к «Поэме без героя» и даже назвала своим двойником, согласившись разделить с ней вину за разыгравшуюся в 1913 году трагедию. В пристальном анализе поэзии Гумилева, расшифровке «адресаток» его любовной лирики и восстановлении своего, главного, сюжета в ней Ахматова преподала урок глубокого проникновения в психологию личности и творчества. Критика «псевдомемуариев» стала поводом прочтения Гумилева на новом уровне, в контексте биографии эпохи, т.е. их общей биографии. Не написав целостной работы о Гумилеве, Ахматова выстроила как бы жесткий каркас, по которому будущие

исследователи смогут возвести свои новые здания. Обратившись к воспоминаниям «родных и близких» – родственников, соседей по Слепневу (куда она приезжала вместе с Гумилевым и где бывала после развода с ним), к воспоминаниям царскоселов Н. Оцуца и Вс. Рождественского, аполлоновца С. Маковского, младших современников, входивших в поздние «Цехи поэтов», она отмечает все ошибки – в датах, в оценках, в системе родственных и дружеских отношений, ничего не пропуская. Редко ошибаясь в фактах, Ахматова тем не менее далеко не всегда справедлива в оценках. В значительной части мемуаров (исключение составляют воспоминания золовки Н.С. Гумилева, жены брата Дмитрия, тоже Анны Андреевны, и Веры Неведомской, не всегда корректных в описании молодой жены Н.С. Гумилева и их отношений), к Ахматовой отношение почтительное, если не сказать подобострастное. Во всяком случае, заведомого стремления исказить ситуацию и унижить Ахматову в них трудно найти. Однако в разгар работы над «антимемуариями», после прочтения только что вышедшей книжки воспоминаний С.К. Маковского «На Парнасе Серебряного века», где Гумилеву и ей отведена глава, Ахматова в ярости обращается ко всем грядущим исследователям (запись от 29 апреля 1963 г.): «Предупредить против:

1) Маковского (85 лет, дурное окружение).

2) В. Неведомской – случайная слепневская соседка (дурища).

3) Ал. Гумилева (Вдова брата, с которой всю жизнь был в никаких отношениях. Ничего не знала. Все путает. Я – с ней 10-ти слов не сказала.

4) Страховский – просто самозванец.

5) Г. Иванов должен быть дезавуирован как обоглавивший всю эпоху, весь «серебряный век», неграмотный и бездельный хулиган.

... Легенда о ревности просто смехотворна». С зарубежными же корреспондентами Ахматова была исключительно корректна, отвечала всем, надеясь

T4*_1,1,,

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 318.

спасти ситуацию, оградив «биографии» от неожиданностей. Своему постоянному корреспонденту Алексису Ранниту в письме от 15 февраля 1962 г. она писала: «Трудно понять, зачем кому-то понадобилось тревожить мой прах и сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 г. На Западе [я] после 1912 г. я не была, а в 1938 г. дальше Москвы не ездила.

Я совершенно уверена, что Ваша работа будет интересной и нужной, но меня несколько беспокоит ее биографическая часть. Во всяком случае я предупреждаю Вас, что писаниями Георгия Иванова и Л. Страховского пользоваться нельзя. В них нет ни одного слова правды»*.

Много времени Ахматова уделяла молодой английской исследовательнице Аманде Хейт, приехавшей в Москву собирать материалы к биографии Н. Гумилева. Ахматова со всей серьезностью отнеслась к работе Хейт, увидев в ней человека, через которого можно донести до читателей правду о Гумилеве и себе, передать ее, как говорится, из рук в руки. Она специально готовилась к работе с Амандой, перечитывала статьи и книги десятых годов, делала многостраничные записи в своих

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова в рабочих тетрадях с пометами: «Аманда», «Для Аманды». Аман-да Хейт практически под руководством Ахматовой на-писала и защитила в Лондоне диссертацию, создав пер-вую ее литературную биографию. Книга Аманды Хейт об Ахматовой издана на русском языке, в Москве, уже после ее безвременной смерти**.

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 151. ** Х е й т А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие*. Днев-ники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М.: Радуга, 1991.

А. Хейт приезжала в Москву на международную конференцию, посвященную столетию Ахматовой, в июне 1989 г., за два месяца до своей кончины. Выступая на конференции в Институте мировой литературы, она, в частности, сказала: «Ее тяжким огорчением в... первый раз, когда я ее увидела, была статья Сергея Маковского, только что полученная из-за границы. Я не стану вхо-дить здесь в подробности этого дела, упомяну только, что по ходу разговора я поняла, что ее жизнь, так же как жизнь Гумилева, была описана неверно и дурно, и она чувствовала, что это делает бессмыслицей их творче-ство»* .

С 1963 г. происходит возвращение к автобиографи-ческой прозе на новом витке. Огорченная «псевдомему-ариями», искажавшими не только творческие связи, но и личные, в которых Ахматова представлена, как ревни-вица, чуть ли не нелюбимая жена, брошенная мужем, она намеревается противопоставить писаниям друзей и род-ственников Гумилева мемуары, как она говорила, «насто-ящие», предлагает подруге детства и юности по Царско-му Селу, Валерии Сергеевне Срезневской, познакомив-шей ее с Гумилевым, написать воспоминания.

Судя по записи от 8 марта 1964 г., к этому времени воспоминания В.С. Срезневской уже были завершены. В вопроснике «Для Аманды», длинном и дотошном, пер-вым пунктом обозначено: «Воспоминания В.С. Срез-невской. (Их преимущество над эмигрантским бре-дом. Точность, ясность, чистота)». Через несколько дней – «Записки Вали»**.

* Там ж е. С. 15.

в Записные книжки Анны Ахматовой. С. 444.

Однако Ахматова, с ее максималистскими требова-ниями, не было удовлетворена написанным, судя по сде-ланному ею списку необходимых уточнений и дополне-ний. По-видимому, ознакомившись с первым их вариан-том, она пишет список дополнений для Срезневской, но более, как можно полагать, уже для себя:

1) Учились не в одном классе.

2) Мы уехали на юг в начале августа 1905 г. (от-ставка отца и разлука родителей).

3) Отец – специалист по торговому мореплаванию (насколько помню).

4) Подчеркнуто простая обстановка дома – след-ствие полного равнодушия отца и народо-вольческих традиций матери, которая всю жизнь одевалась, как старая революционерка.

5) Во время нашей разлуки мы вели оживленную переписку. (В 11 г. для Валерии кончилось Царс-кое Село).

6) ...вышла замуж и переехала в Петербург.

7) Эпизод с Верой Викторовной Азбелевой (Ю.Е. Нольде).

8) Характеристики женской гимназии. Учителя. Классные дамы. (Бурса.)

9) Одной из... Шура – ее роль.

10) М.б., св. Штейн и Ек. Колесова.

Каток. Мариинский театр – Уг ложи. Кнут Гамсун. Пан. Виктория. Ибсен. Выставки. Музеи.

Апухтин и рядовые французские романы.

Уроки французского языка у m-me Матье. Не-мецкого – у Frau Шульц.

Критика Голлербаха, Рождественского и т.п.

(Сбор сплетен, вранья).

11) Фотографии и портреты (в частности, портрет Альтмана).

12) Гибкость и физкультура.

13) Анненский об Инне и обо мне. (к «Расе»*)

14) Туберкулез 1913 г. («Как страшно изменилось тело...»)

15) – журавли, сыну.**

Кроме этого списка, свидетельствующего о точнос-ти целого и детали, требования, как бы переходящего из мира ее поэзии в прозу, сохранилось несколько развер-нутых планов-конспектов, предполагающих бытописание Царского Села. Ни один из них не был реализован. Но, вчитываясь в скупые назывные предложения, убежда-ешься, что они обращены к «чреву» города и, быть мо-жет, могли быть развернуты в подобие «физиологичес-кого очерка», что существенно отметить, поскольку Ах-матова предупреждала, что своего «физиологического очерка» создавать не предполагает. Однако, когда Ах-матова делала какие-либо категорические заявления, очень часто за этим скрывалось что-то неосуществлен-ное или неудавшееся.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «физиологического очерка» Ахматова не написала, но она создала свой особый жанр фрагмента в прозе, взаимодействующий с ее же поэзией. «Царскосельская ода», датированная 3 августа 1961 г., в первой публикации имела подзаголовок «Безымянный переулочек. Девяностые годы», возвращая к «Дому Шухардиной» в Бе-

* К «Миру» (ит.).

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 14.

зымянном переулочке, т.е. к одному из первых фрагментов автобиографической прозы. наброски к «Городу» создавались одновременно с картинами Петербурга в «Поэме без героя», где город предстает двойником Достоевского:

И царицей Авдотьей заклятый, Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака Старый питерщик и гуляка!

Как пред казнь бил барабан...

Многовариантность строфы, не вошедшей в окончательный текст поэмы, также, по-видимому объясняется стремлением заглянуть в «чрево города». Приведем одну из них, датированную 1961 г. Ахматова определила ее место в поэме в одном из неопубликованных списков. Этот фрагмент как отдельное стихотворение был включен Ахматовой в книгу «Бег времени» под названием «Петербург в 1913 году»:

За заставой воет шарманка, Водят мишку, пляшет цыганка
На заплыванной мостовой. Паровик идет до Скорбящей, И гудочек его щемящий
Откликается над Невой. В черном ветре злора и воля, Тут уже до Горячего Поля, Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает вещей, Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем – мне некогда ждать. В незавершенном либретто по «Поэме без героя» Ахматова настойчиво ведет будущего зрителя на улицы ночного «зверского» Петербурга, словно забыв, что только что призвала уйти от этого мира – «но уйдем, мне некогда ждать».

«Мейерхольдовы арапчата» раздвигают второй, легкий занавес. ... показывают город Питер, [Петрушку], трактор, тройку, [тюрьму], [Вяземскую Лавру] – все, что придется» (Т. 3. С. 284). А героиню поэмы – Колумбину, – Ахматова видит пляшущей, вместе с другими пятью Колумбинами в Вяземской Лавре, страшных петербургских трущобах, скрывающихся за фасадом пустующего дворца князей Вяземских, между фонтанкой и Сенной площадью.

В последний год жизни Ахматова предпринимает попытки собрать фрагменты автобиографической прозы в целое, «под одну крышу». В ее рабочих тетрадях появляются термины строителя – «мостик», «перемычка», обозначающие переходы тем, одна в другую, в поисках целостности. Однако задача эта была обречена на неудачу, воссоединения не произошло.

Свою последнюю книгу Ахматова назвала «Бег времени». В 1961 г. в одном из четверостиший написанной ею «вереницы» она создала как бы толкующую ее название строфу-сопровождение:

Что войны, что чума! – конец, их виден скорый,

Им приговор почти произнесен...

Но кто нас защитит от ужаса, который

Был бегом времени когда-то наречен?

Но поздняя Ахматова все явственнее тяготела к философской лирике, к осмыслению вопросов мироздания, времени и пространства. Среди ее друзей были физики, с которыми она любила обсуждать космические темы, не поддающиеся одномерному толкованию. «Куда уходит время» – одна из ахматовских мадригалей, встречающаяся в ее записных книжках.

Событием в ее жизни стало письмо астрофизика Б. Шкловского, упомянувшего в своей статье, в «неупоминаемое время», стихотворение Н. Гумилева «На Велере».

По-видимому, Ахматова не могла полностью соотносить развитие своей прозы с «бегом времени», отсюда «вспышки памяти» как маленькие метеориты в черном хаосе современной ей действительности. Она не раз говорила, что в своей прозе ориентируется на «Шум времени» О. Мандельштама и «Охранную грамоту» Б. Пастернака, называя их «двоюродными сестрами» своей будущей книги, уверяя, что та останется при них «Золушкой».

Об этих ее сомнениях вспомнил в своих «Диалогах» И. Бродский, с которым Ахматова была особенно дружна в последние годы и даже предполагала взять эпиграф к «Листкам из дневника» из письма И. Бродского: «Из чего же он (Человек) состоит: из Времени, Пространства, Духа? Писатель, надо думать, и должен, стремясь воссоздать Человека, писать Время, Пространство, Дух...»*. Бродский, хорошо улавливавший ход мысли Ахматовой, отнюдь не однозначной, замечал: «Обе эти книжки – и Пастернака, и Мандельштама – совершенно замечательные. Просто мне «Шум времени» дороже,

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 724.

да? Но если взглянуть на них издали – а издали мы и смотрим – то между этими двумя книгами есть нечто общее в фактуре, в том, как используются детали, как строится фраза. И я думаю, что если Ахматова называла свою планируемую книгу «двоюродной сестрой» этих двух, то она на самом деле указывала на истинное

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

поло-жение вещей. На то, что происходило в ее авторском со-знании. Потому что я думаю, что таким образом она пи-сать прозу была не в состоянии. Ее проза ни в коей мере не могла быть подобной ни мандельштамовской, ни пас-тернаковской. И она осознала это. Она осознала преимущество их прозы, и, видимо до известной степени ее гипнотизировала эта перспектива – что так она не на-пишет. . . »*

Если И. Бродский полностью прав, говоря о раз-личных жанровых построениях «Шума времени», «Ох-ранной грамоты» и ахматовской прозы, то и сама Ахма-това тоже ощущала эти жанровые несовпадения, тща-тельно отработывая фрагменты, прекрасно понимала, что движется к познанию времени и себя в его потоке другим путем. Бродский также не мог не понимать этой специ-фики, когда сказал в той же беседе: «Прозу Ахматовой я обожаю! Ей я это сказал первой, но потом продолжал утверждать всю жизнь: лучшая русская проза в XX веке написана поэтами. Ну, за исключением, быть может, Платонова. Но это другие дела. И при том, что прозы у Ахматовой написано мало, то, что существует, – это со-вершенно замечательно: пушкинские штудии, воспо-минания о Модильяни и Мандельштаме, мемуарные за-писи. И помимо содержания, их интерес – в совершенно

* Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С 270.

замечательной стилистике. По ясности – это образцо-вая русская проза, настоящий кларизм. У нее просто нет лишних слов. . . . Фрагментарность – это совершенно естественный принцип, присутствующий в сознании любого поэта. Это принцип коллажа или монтажа, если угодно. Протяженная форма – это то, чего поэт просто по своему темпераменту не выносит. Поэту с протяжен-ной формой совладать труднее всего. И это не потому, что мы люди короткого дыхания, а потому, что в поэти-ческом бизнесе принцип конденсации – чрезвычайно важный. И если ты начинаешь писать подобной конден-сированной фразой, то все равно, как ни крути, получа-ется коротко»*.

фрагментарность ахматовского письма, отмеченная Бродским, и, как он замечает, «присутствующая в со-знании любого поэта», в художественном мышлении Ахматовой имеет свои глубокие культурно-литературные истоки. Нами и ранее отмечалась связь ахматовской по-эзии с поэзией европейского романтизма. Идея фрагмен-та, как художественной единицы, связана с именем Ст. Колриджа, Новалнса, Ф. Шлегеля и отвечала, как тогда, так и ныне, потребностям новых свободных форм лирической выразительности.

Немецкий писатель и мыслитель Г. Форстер, один из последних представителей Просвещения, в известной мере предвосхитивший теории романтизма и почитаемый романтиками, обосновал свое понятие литературного фрагмента. Он писал: «Многие сочинения древних ныне стали фрагментами. Многие сочинения новых писателей были фрагментами уже при своем возникновении. . . . Диалог есть цепь или венок фрагментов. Переписка есть

Диалоги с Иосифом Бродским. С. 268.

диалог большого масштаба, мемуары же – целая систе-ма фрагментов...» (Из «Атенийских фрагментов». 1798)*.

Современный исследователь видит в системе фраг-ментов «переходную стадию на пути к некой универсаль-ной книге, которая так и не была написана ни Новали-сом, ни Ф. Шлегелем» (Махов А. Фрагмент. Из неопубликованной работы).

В литературе XX века принцип фрагментарности обретает новое дыхание: маргинальные жанры – пись-ма, дневники, обрывки сновидений – вводятся в высо-кую литературу. Как прием он широко используется ли-тературой постмодернизма в виде «иерархически неупо-рядоченных фрагментов»**.

С осознанной или подсознательной установкой на фрагмент связан в художественном мире Ахматовой и принцип эстетической незавершенности: фрагментарны «Северные элегии», последняя из которых – «Седь-мая» – имеет несколько редакций, но остается незавер-шенной. За пределами последней редакции «Поэмы без героя» осталось несколько великолепных строф, каждая из которых содержит в себе целый мир новеллы или даже трагедии. Не была завершена трагедия «Энума элиш. Пролог, или Сон во сне», вобравшая в себя опыт миро-вой поэзии от древнеавилонского эпоса до абсурдист-ской литературы нашего века .

* Цит. по кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 55-56.

** Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. По-стмодернизм. М, 1996. С. 205.

*** Коваленко С. Свершившееся и недовозмещенное. Поэмы и театр Анны Ахматовой//Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. С. 452-459.

Эстетический прием незавершенности, как один из принципов поэтики ахматовской прозы, связан с творче-ством западноевропейских романтиков, с их осознанием ценности фрагмента в искусстве и архитектуре, с внима-нием к древним руинам, осколкам ушедших миров. К по-эзии 1910-х годов не без оснований так часто применяли частицу нео: неоклассицизм, неоромантизм. Называя Ахматову «русской

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова Сафо», эстетическая критика имела в виду не только прелесть, но и фрагментарность формы ее лирических миниатюр.

Создавая, или восстанавливая, свою биографию, Ахматова при верности детали и целого, как и в поэзии, творила свой «ахматовский миф», в котором немалую роль занимает детство, проведенное на берегу древнего «античного» Херсонеса. В литературную родословную ее лирической героини включены и Дидона, и Кассандра, и Антигона. Художественное сознание Ахматовой плотно насыщено аллюзиями, ассоциациями, совпадениями, пророчествами, как историко-культурными, так и реально-событийными. В одной из биографических записок она пишет, что нашла в парке брошку в виде лиры и бонна предсказала ей судьбу поэта. По ряду воспоминаний Ахматова рассказывала, что ребенком принесла с морского берега обломок мрамора с греческими письмами. Этот фрагмент утраченного текста был передан в городской музей Херсонеса.

Думается, что ближе других к истине в определении прозы Ахматовой подошел В.Б. Шкловский, когда писал предисловие к незавершенной книге автобиографической прозы Юрия Олеши «Ни дня без строчки», собранной и изданной после смерти автора*.

* О л е ш а Ю. Ни дня без строчки. М., 1965. С. 5.

Шкловский увидел в ней прозу, «соединяющую в одно целое новеллу, статью, философское исследование»*. В одном из писем Олеши матери в 1954 г. читаем: «Я пишу между прочим сейчас книгу воспоминаний, глубже чем воспоминания, но форма этой книги ближе всего именно к воспоминаниям. Там фигурирует Одесса с детскими и гимназическими ее годами. Так что я сейчас нахожусь в сфере детства, в близости с тобой»**.

Очевидно сходство недоволопощенных замыслов Анны Ахматовой и Юрия Олеши, обусловленное не только близостью судеб писателей современников – Олеша бедствовал: после знаменитых произведений «Три толстяка» (1924 г.) и «Зависть» (1927 г.) его перестают печатать. Перебиваясь случайными заработками, писатель живет в нищете.

Юрий Олеша умер от инфаркта 10 мая 1960 г. В годы вынужденного молчания и забвения в отечестве был весьма популярен и широко издавался за рубежом, а почитатели его таланта и те, кому довелось оставаться с ним в годы гонений, столь же пристрастны в оценке его значения в литературе XX века, как и близкие Ахматовой.

Сама Ахматова скорее всего читала книгу Олеши, о чем свидетельствует ее запись, видимо, сделанная после 18 сентября 1965 г.: «Ю. Олеша. Ни дня без строчки»***. И, как можно полагать, не могла не заметить некой общности в подходе к осмыслению жизненного материала.

В бумагах Юрия Карловича Олеши остались неоконченные пьесы и груды папок, полные вариантов. Осталось несколько планов книги, письма о ней. Его постам же с. 5. ** Там же с. 7.

*** Записные книжки Анны Ахматовой С. 743.

ледняя книга собиралась уже после смерти «по строкам, строки переписывались, досоздавались, но рукопись не была разобрана, на многих кусках ее нет даты, а книга писалась семь лет. Рукописи пришлось долго разбирать...» – писал В.Б. Шкловский*.

Как видим, ситуация, судьба публикации биографической прозы двух современников, каждый из которых писал и не дописал свою книгу, – семь лет трагического времени подведения итогов. В это время поколение Ахматовой, как бы готовясь уйти из жизни, осмысляло прошлое и будущее. В. Луговской уже завершил книгу поэм «Середина века», назвав ее «исповедью сына века». Классик американской литературы Роберт Пени Уоррен написал трагическую поэму раздумий о судьбах человека в XX веке.

Ахматова была величайшим поэтом, и ее проза прежде всего – проза поэта, при этом существенно, что не в смысле лиризации (те, кому Ахматова читала или давала читать фрагменты написанного, называли ее прозу «су-ровой»), но в смысле неизбывной связи ее с ахматовской поэзией. На эту особенность в свое время обратил внимание Р.Д. Тименчик, исследователь творчества поэта, уловивший эту взаимосвязанность как отличительную черту художественного мышления Ахматовой. В частности, он писал, что проза Ахматовой была опытом формулирования проблем, вставших перед ней самой. Прежде всего проблем – как писать прозу. «"Таинство прозы" раскрывалось для нее в соположении с великими образцами стихотворной речи».

* О л е ш а Ю. Ни дня без строчки. С. 8. ** Тименчик Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 66.

Для понимания этой важнейшей проблемы, как импульса в возникновении поэтических строк, строф, глав поэм Ахматовой, неоценимым источником являются рабочие тетради, при «медленном чтении» раскрывающие перед читателем или исследователем

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова процесс взаимодействия поэзии и прозы в сознании писателя, возникновение поэтической строфы как итога размышления, слитого с переживанием во всем многообразии чувства, единения памяти с сиюминутным состоянием души. «Улисс» Джойса был одним из читаемых и перечитываемых Ахматовой романов. Ее рабочие тетради, собранные в огромный том и изданные как «Записные книжки», с их сложнейшим лабиринтом авторской мысли, «сердца горестными заметами», где за каждым словом, поэтической строкой или строфой, ответом на письмо, адресами и указаниями мест, где когда-то жил поэт, скрывается до конца не разгаданная тайна, это своего рода «Улисс» Ахматовой. Большая часть ахматовской прозы вкраплена в текст ее рабочих тетрадей, а сами они пока ждут своего вдумчивого и внимательного комментатора, поскольку в них представлен тот «мировой текст», к постижению которого стремились акмеисты. Пушкин, Лермонтов, Блок, Врубель, Гумилев, Мандельштам, Мейерхольд, Данте, Гёте, Джойс – вечные спутники Ахматовой в ее поисках высшей и, как она говорила «горьчайшей», художественной и бытийной истины.

Светлана Коваленко

Автограф АА. Ахматовой (РГАЛИ. РТ109, л. 12)
КОММЕНТАРИИ

Работа над биографической прозой, «Pro domo sua», как назвала ее Ахматова, занимала значительное место в последние годы жизни поэта. В ее рабочих тетрадях, или «Записных книжках», многие страницы отведены воспоминаниям и размышлениям о природе мемуарного жанра. Задумав книгу «Мои полвека», которая не была завершена, Ахматова ставила перед собой определенную творческую и нравственную задачу – восстановить истину в изложении фактов историко-литературной жизни и репутации, как своей, так и близких ей людей, вычеркнутых из литературы того времени или представленных в заведомо искаженном виде. Отлученные от читателя в своем отечестве, крупнейшие русские поэты XX века – Н. Гумилев, О. Мандельштам, сама Ахматова (которую долгие годы замалчивала и порочила официальная критика) мифологизировались, образы их искажались, с ее точки зрения, в мемуарах русского зарубежья и некоторых работах зарубежных исследователей.

Новеллы Ахматовой, как она называла главы из неосуществленной книги «Листки из дневника» о современниках – Амедео Модильяни, Осипе Мандельштаме, Ми-хаиле Лозинском, – раскрывают возможности лаконичного и глубокого письма Ахматовой-прозаика. Ее литературно-критические очерки о Николае Гумилеве, которого она называла «самым непрочитанным поэтом XX века», выявляют дарование Ахматовой как исследователя-полемиста.

Среди бумаг Ахматовой сохранилось множество планов ее неосуществленных книг. Однако, судя по развернутому и детально разработанному плану-проспекту, предпочтению отдавалось его грандиозному замыслу – «Мои полвека», вобравшему в себя другие замыслы.

Готовя материалы к публикации, мы следовали, по возможности, жанрово-хронологическому принципу в расположении материала. Наиболее же значимые планы книг помещены в разделе «Из планов неосуществленных книг прозы Анны Ахматовой», за исключением ее «Пушкинских штудий».

В приложении к тому воспроизводятся мемуары В.С. Срезневской, любезно предоставленные Д.Л. Файн-бергом из семейного архива Л.Д. Большинцовой-Стенич, а также отделом рукописей Фонтанного Дома.

В настоящем томе печатается значительная часть из выявленных на сегодняшний день фрагментов биографической прозы Ахматовой. При составлении тома учтены публикации и консультации Л. Мандрыкиной, Е. Лямкиной, Р. Тищенко, А. Лаврова, В. Виленкина, Н. Крайневой, М. Кралина, В. Черных, А. Хейт и др., а также рукописи и авторизованные списки из государственных архивов и частных коллекций: отделов рукописей РГАЛИ (Москва), ГЛМ (Москва), РНБ (Петербург). Выражаем глубокую благодарность А. Богдановскому (собрание В.Я. Виленкина) и Д.Л. Файнбергу (собрание Л.Д. Большинцовой-Стенич), безвозмездно предоставивших в пользование хранящиеся у них материалы.

К сожалению, не все источники текста сверены по автографам, поскольку материалы фонда Ахматовой в Российской национальной библиотеке (Петербург) частично находятся на реставрации.

Примечания к тексту, принадлежащие Ахматовой, сохраняются внизу страницы и обозначаются применяемой ею пометой «+».

Сокращения и условные обозначения, принятые в «Комментариях»
КНИГИ АННЫ АХМАТОВОЙ

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Б01.Б0 2
БП
РТ (ед хр)
(РГАЛИ, РНБ)
Соч (с указанием тома)
Сочинения в 2 т /Сост и подгот текста М М Кралина М Правда, 1990 (Б-ка
«Огонек»)
Стихотворения и поэмы/Сост , подгот текста и примеч В М. Жирмунского 2-е изд л
• Сов писатель, 1976 (Б-ка поэта. Большая сер)
Рабочие тетради А Ахматовой.
Рукопись
Сочинения в 3 т Т. 1/Общая ред , вступ ст , примеч и библи Г П Струве и Б А
Филиппова, 2-е изд Мюнхен. Международное литературное содружество, 1967, Т.
2/Общая ред , вступ ст , примеч и библи Г П Струве и Б А. Филиппова, Мюнхен-
Международное литературное содружество, 1968, Т. 3/Общая ред. Г.П. Струве, НА
Струве, Б А.Филиппова. Париж YMCA-Press, 1983.
Соч., 1986
Соч., 1990
«Стихотворения», 1958 «Стихотворения», 1961
Сочинения: в 2 т./Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Черных. 1-е изд. М.:
Худож. литература, 1986. Т. 2.
Сочинения: в 2 т./Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Черных. 2-е изд. М.:
Худож. литература, 1990. Т. 2.
Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958.
Стихотворения. 1909–1960. М.: Гослитиздат, 1961.
КНИГИ ДРУГИХ АВТОРОВ И СБОРНИКИ, СОСТАВЛЕННЫЕ ДРУГИМИ АВТОРАМИ
ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
НАЗВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
Блок
(с указанием тома) « Воспоминания»
ВЛ
«Встречи с прошлым» (с указанием выпуска)
«Десятые годы»
– Б л о к А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960–1963.
– Воспоминания об Анне Ахматовой/ Сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных. Коммент.
А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991.
– Вопросы литературы.
– Встречи с прошлым. Сборник материалов РГАЛИ. Москва.
– Анна Ахматова. Собр. соч.: [в 5 т.] Десятые годы/Сост. и примеч. Р.Д.
Тименчика и К.М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989.
Герштейн ГЛМ
Гумилев
«Записные книжки»
ИМЛИ ИРЛИ
лн ло
Лукницкий (с указанием тома)
Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
Государственный литературный музей. Москва.
Гумилев Н. Собр. соч.: в 4 т. М.: Terra-Terra, 1991. Воспроизведено Собр. соч.: в 4
т./Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Изд-во кн. магазина Victor Kamkin Inc.
Вашингтон. 1962–1966.
Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)/Сост. и подгот. текста К.Н.
Суворовой. Вступ. статья Э.Г. Герштейн, указ. В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi.
1996 (РГАЛИ).
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург.
Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92.
Кн. 2–5. М.: Наука, 1981–1993.
Литературное обозрение. М., 1989. №5.
Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925 гг. Paris:
YMCA-Press, 1991; Т. II. 1926–1927. Париж; Москва: YMCA-Press, 1997
Л я м к и н а
Мандельштам Н. (с указанием тома)
М
андельштам
Мандрыкина
Николай Гумилев в воспоминаниях
«Поэма без героя»

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
РГАЛИ

• Вдохновение, мастерство, труд. (Записные книжки Анны Ахматовой). Публ. Е.И. Лямкиной//Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1987. С. 363-392.

Мандельштам Н.Я. Воспоминания. 4-е изд. Paris: YMCA-Press, 1982-1987. Т. 1-3.

Мандельштам О.Э. Собр. соч.: в 4 т./Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991. Перепечатка собр. соч.: в 3 т. 2-е изд. Международное литературное содружество. 1967-1971.

Ненаписанная книга: «Листки из дневника» А.А. Ахматовой/Публ. Л.А. Мандрыкиной. Книги. Архивы. Автографы. Обзоры, сообщения, публикации. М.: книга, 1973. С. 57-76.

Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва. (Репринтное издание. 1990. – Ред.-сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. Третья волна. Париж; Нью-Йорк; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1989).

Ахматова А.А. Поэма без героя / Вступ. ст. Р.Д. Тименчика; Сост. и примеч. Р.Д. Тименчика при участ. В.Я. Мордерера. М.: Изд-во МПИ, 1989.

Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

14 Собрание сочинений, т 5

РГБ

РНБ

Фонтанный Дом Хейт

Черных

(с указанием части)

Чуковская (с указанием тома)

«Requiem»

Российская государственная библиотечка (бывш. ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина). Москва.

Российская национальная библиотека (бывш. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). Санкт-Петербург.

Музей Айны Ахматовой в Фонтанном доме. Санкт-Петербург.

Хейт А. Анна Ахматова: Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма/Предисл. А. Наймана. Коммент. В. Черных. М.: Ра-дуга, 1991.

Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. 1889-1917. М., 1996; ч. 2. 1918-1934. М., 1998.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согла-сие, 1997.

Ахматова А.А. Requiem./ Предисл. Р.Д. Тименчика; Сост. и примеч. Р.Д. Тименчика при участ. К.М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989.

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ

Впервые – журн. «Eigora Letteraria». Roma. 1964. № 3, marzo. На русском языке – альм. «Воздушные пути». Вып. IV. Нью-Йорк. 1965. С. 15-22; Соч., 2. С. 157-165.

В России – в первой публикации в альм. «День поэзии 1967» новелла Ахматовой сопровождается этюдом Н.И. Харджиева «О рисунке А. Модильяни».

Печ. по авторизованному машинописному тексту с по-правками и дополнениями Ахматовой; воспроизводится впервые. Представляет собой «книгу» в формате машино-писного листа, в обложке из толстой бумаги желтоватого цвета, с цветной орнаментальной графикой, абстрактные орнаментальные знаки не повторяют друг друга. Автор-ский титульный лист синими чернилами: Анна Ахматова. «Амедео Модильяни. 1964» (РГАЛИ).

Известны и другие авторизованные списки с разно-чтениями, зафиксированными в рабочих тетрадях Ахматовой (см. «Записные книжки»). И хотя все известные спис-ки датированы 1964 г., Ахматова в течение последующего времени не раз обращалась к этой своей работе. После-дняя запись сделана по впечатлениям от Парижа, где она провела три дня, проездом из Лондона в Москву, в июне 1965 г. Новеллу о Модильяни Ахматова называла началом и средоточием работы над автобиографической книгой.

В рубрике «фрагменты» представлены отрывки из других опубликованных текстов новеллы, по тем или иным причинам не введенных Ахматовой в публикуемый нами текст. По-видимому, это те «пограничные» куски, кото-рые она предполагала включить в книгу автобиографичес-кой прозы, оставшейся незавершенной. В этот раздел так-же вошли маргиналии, сопутствующие работе над текстом, ответы кому-то, иногда вопросы к себе самой и т.п. Первая попытка систематизировать такого рода «осколки», как их называла Ахматова, была предпринята искусствоведом и литератором, другом Ахматовой В.Я. Виленкиным в его книге «Амедео Модильяни» (М., 1996. С. 90-95).

7 Модильяни Амедео (1884-1920) – итальянский художник, скульптор, представитель парижской школы. Учился в Академии художеств во Флоренции. С 1906 г. жил в Париже. Творческая манера определилась к 1910 г. В созданных им портретах и однофигурных картинах, час-то ню, мир образов исполнен тонкого психологизма, про-светленной поэтичности в сочетании с трагическим ощу-щением незащищенности

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова человека. Писал стихи. В Париже жил в глубокой бедности, умер в больнице для бездомных и бедных «Шарите», на ул. Жакоб. Похоронен в той части старого кладбища Пер-Лашез, где в прежние годы хоронили бедноту Парижа. Всемирное признание и слава пришли посмертно. На надгробии надпись по-итальянски: «Смерть настигла на пороге славы».

М.М. Кралин в комментарии к тексту «Амедео Модильяни» приводит свидетельство З.Б. Томашевской, полагавшей, что одним из «толчков» к созданию этого автобиографического произведения стала присылка в 1956 г. известным итальянским славистом, профессором Этторе Ло Гатто Б.В. Томашевскому «Словаря искусств» в четырёх томах. Его дочь, «Зоя Борисовна, перелистывая это издание, обнаружила в нём вкладыш (картина "Жанна в желтой кофточке") и статью, посвященную великому итальянскому художнику и скульптору Амедео Модильяни.... Она немедленно отправилась, захватив с собой книгу, к Анне Андреевне, которая жила тогда на ул. Красной Конницы. Ахматова очень внимательно прочитала итальянский текст... и на следующий день забрала у З.Б. Томашевской рисунок работы Модильяни, который хранился в семье Томашевских (Зоя Борисовна взяла его с собой при эвакуации семьи из блокадного Ленинграда) и который впоследствии висел у нее в комнате в течение 15 лет. Взамен подлинника Ахматова подарила Зое Борисовне контактную фотографию с рисунка с дарственной надписью на обороте: "Зое, которая спасла этот единственный рисунок во время войны"» (БО 2. С. 353). 7 ...не очень приятная двадцатилетняя женщина, иностранка... – Встречавшаяся с Ахматовой в то лето в Париже Н.Г. Чулкова вспоминает: «Ахматова была тогда очень молода, ей было не больше двадцати лет. Она была очень красива, все на улице заглядывались на нее. Мужчины, как это принято в Париже, вслух выражали свое восхищение, женщины с завистью обмеривали ее глазами. Она была высокая, стройная и гибкая. (Она сама мне показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног.) На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером – это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж – поэт Н.С. Гумилев» (Чулкова- Н. Об Анне Ахматовой//«Воспоминания». С. 36).

О ...страшным бодлеровским Парижем... – Бодлер Шарль (1836–1867) – французский поэт-символист, автор книги «Цветы зла», воплотил в творчестве и личности понятие «проклятый поэт», введенное позже другим французским поэтом-символистом Полем Верленом. В поэзии и «Дневниках» передал атмосферу эстетизированного неблаготворения, размышления понятий добра и зла в облике города и мире творческой личности, борьбы между плотью и духом в их слиянности и размыкании в поисках «соответствий» и символов: «...когда "восторг", испытанный в "искусственном раю", оборачивается ужасом, а "ужас" от которого нет спасения нигде, кроме как в пучине "небытия", с неизбежностью начинает эстетизироваться, превращается в "красоту тоски", в "красоту страдания", в "Цветы зла"» (Ко -с и к о в Г. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни»//Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. М., 1993. С. 40). Голова Антония. – См. т. 3. С. 573–577.

... он был совсем не похож ни на кого на свете, кроме А. Тышлера... – Тышлер Александр Григорьевич (1898–1980) – художник, график, театральный оформитель. Знакомство с Ахматовой относится к 1930 г.: «Приблизительно в 1930 году Анна Ахматова посетила мою мастерскую вместе с поэтом Осипом Мандельштамом и его женой Надей. Они смотрели вещи по-разному. Анна Андреевна все видимое как бы вбирала в себя с присущей ей тишиной. Мандельштам, наоборот, бегал, подпрыгивал, накрушал тишину... Я подумал: как это они сумели мирно и благополучно дойти до меня?» (Тышлер А. Я помню Анну Ахматову//Воспоминания. С. 401). Ахматова говорила о Тышлере, что он «так же, как Модильяни, любил и понимал стихи. Это такая редкость среди художников» (Воспоминания. С. 702).

Упоминание о А.Г. Тышлере не раз встречается в записных книжках Ахматовой; в частности: «В Ташкенте после брюшного тифа меня рисовал Ал. Тышлер. Он отдал мне почти все рисунки. Лучше у Гинзбург, у Берггольц, у Рыбаковой и у [него] самого художника» («Записные книжки». С. 666). Рисунки, по-видимому, нравились Ахматовой, она клеивала их на место фронтисписа в экземпляры списков «Поэмы без героя», которые оформляла в виде «книги», отдавая их в дар ближайшим из друзей. В настоящее время такие списки находятся в коллекциях В.Я. Виленкина, Н.И. Харджиева, Д.Л. Файнберга (архив Л.Д. Большинцовой-Стенич) и др. 8 Жил он тогда (в 1911 году) в Париже в Impasse Falguiere. – О жизни Модильяни на Ситэ Фальгьер – в общении художников и скульпторов на Монпарнасе – пишет В. Виленкин со слов друга художника Ортиса де Сарате: «Однажды, придя к нему в Ситэ Фальгьер, верный Ортис нашел его на полу в "голодном обмороке"» (Виленкин В. Амедео Модильяни. С. 120).

Люксембургский сад – парк при Люксембургском дворце, построенном (1615–1621) с. Дебросом по велению Марии Медичи, вдовы короля Генриха IV.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова. Латинский квартал в описываемое Ахматовой время – один из беднейших в Париже, как и Монпарнас, прибежище художников, артистов и литераторов, тогда еще не был блистательным и приспособленным к успешному привлечению туристов. Однако центром притяжения литературной и художественной богемы уже стали маленькие кафе, расположенные в районе бульваров Монпарнас и Распай – «Кафе дю Дом», «Куполь», «Ротонда», «Клозери де Лиля».

9 Скульптуру свою он называл *la chose* – она была выставлена, кажется, у «Independants» в 1911 году. –

По поводу этих строк В. Виленкин замечает: «В 1911 году Модильяни выставляет свои "головы" и гуаши в ателье своего друга, художника Амадео де Суза Кардосо, на улице Полковника Комба (вероятно, там, а не в "Салоне независимых") была выставлена и скульптура, упоминаемая А.А. Ахматовой, та, которую Модильяни называл "*la chose*"» (Виленкин В. С. 119).

Во время моих больших пропав и исчезла и пода" репная им мне фотография с этой вещи. – Возможно, речь идет о «головке» работы Модильяни, ныне хранящейся в филладельфийском музее «Barnes Foundation». См. сб.: Филладельфийская находка. Амедео Модильяни, Жак Лип-шиц, Анна Ахматова. Филладельфия, 1996 (подготовлено Наталией Гельфанд).

Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц... – В балетном либретто «1913» по первой части «Поэмы без героя» Ахматова записывает в картине «Маскарад. Новогодняя чертовня»: «... Ужас в том, что на этом маскараде были "все". Отказа никто не прислал. ... Себя я не вижу, но я, наверно, где-то спряталась, если я не эта Нефертити работы Модильяни. Вот такой он множество раз изображал меня в египетском головном уборе в 1911 г. Листы пожрало пламя, а сон вернул мне сей-час один из них» (т. 3. С. 266–267).

«Драгоценности должны быть дикарскими» (по поводу моих африканских бус), и рисовал меня в них. –

Ахматова носила украшения, которые привозил из Африки Н.С. Гумилев.

Первое-знакомство Ахматовой с Модильяни произошло, по-видимому, в мае 1910 г. Гумилев вернулся из Абиссинии 2–3 февраля 1910 г., 25 апреля состоялось их венчание с Ахматовой; 2 мая они уехали в свадебное путешествие в Париж и вернулись в начале июня. В начале мая 1911 г. Ахматова уезжает в Париж одна, возвращается в начале июля. В этот ее приезд встречи с Модильяни были частыми. 10 Верлен Поль (1844–1896) – французский поэт, один из основателей символизма. Беатриса Х., та самая, которая называет его... – В.Я. Виленкин в монографии о Модильяни, которую по праву считают одной из наиболее объективных в изложении и освещении фактов, возражает Ахматовой по поводу ее суждений о друге и возлюбленной Модильяни. Им отмечена «несправедливость и рискованная неполнота в ахматовской характеристике многие годы близкой художнику женщины и дает ее развернутый портрет: «в 1915–1916 годах на улице Монпарнаса можно было часто видеть довольно странную пару. Она – высокая, стройная рыже-ватая блондинка в стиле портретов Гейнсборо, элегантно одетая, но всегда с причудой: то в какой-нибудь «немой-лимой» вызывающей шляпе, то вдруг почему-то с живой уткой в корзинке, преспокойно болтающейся на руке вместе сумки; он – помоложе и пониже ростом, смуглый брюнет в живописных отрепьях, в которых некоторые знакомые с трудом узнавали "роскошный" серебристый бархатный костюм. Спутницей Амедео была недавно переехавшая в Париж английская поэтесса и журналистка Беатриса Хестингс. ... Беатриса жила неподалеку от новой мастерской Модильяни, в маленьком домике на улице Нор-вен, который она превратила в уютно обставленную студию, где Амедео мог заниматься живописью и скульптурой. Однако жизнь их в этом домике меньше всего походила на идиллию. Обоим природа наградила для этого слишком яркой самобытностью, слишком буйным темпераментом, при всем их несходстве, одинаково неистовой нетерпимостью» (Виленкин В. Амедео Модильяни. С. 148–151).

Настоящее имя Беатрисы Хестингс (р. в 1879 г. в Лондоне) – Эмили-Элис Хей. Семья ее эмигрировала в начале 1890-х гг. в Южную Африку, и она действительно какое-то время была в Трансваале цирковой наездницей, затем начала писать стихи, обнаружила талант певицы, владеющей всеми регистрами – от высокого сопрано до баса, выучилась игре на фортепиано, и о ней говорили как о талантливой пианистке. Вернувшись в Лондон, посвятила себя литературной деятельности: была ведущей сотрудницей известного журнала «Нью эйдж», сотрудничала с Шоу, Честертоном, Уэллсом.

И. Эренбург, встречавшийся с Беатрисой Хестингс и Модильяни в Париже, вспоминал, как не раз в дешевой столовой, которую устроила в Париже художница Мария Васильева для своих товарищей, Беатриса увещевала разбушевавшегося друга: «...Модильяни, ведь Вы аристократ, Ваша мать – светская женщина...» (Виленкин В. С. 154).

10 Первый иностранец... – Имеется в виду И. Берлин, посетивший Ахматову в конце

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
ноября 1945 г.

И ...«ни вспомнить, ни забыть», как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом. – Строка из стихотворения Наталии Васильевны Крандиевской (1888– 1963):
Не могу я вспомнить, что мне снилось, Не могу ни вспомнить, ни забыть.
(Стихотворения. М., 1913. С. 18).

11 Ренье Анри франсуа Жозеф (1864–1936) – французский писатель, как поэт сложился под влиянием символизма. С 1911 г. – член Французской академии. Франс Анатоль (наст, имя Анатоль франсуа Тибо; 1844–1924) – французский писатель, член Французской академии (с 1896 г.).

А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника... – Верлен скончался 8 января 1896 г. В том же году утвержден комитет по сооружению памятника, который был открыт 28 мая 1911 г. (скульптор Родо де Нидерхаузен). Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский писатель, поэт, романист, драматург. Ахматова перевела несколько стихотворений и драму Пого «Марион Делорм» после 1946 г., когда ее вновь перестали печатать и она занялась переводами.

...погибшие на Марне и под Верденом. – Имеются в виду кровопролитные сражения Первой мировой войны на реке Марна (5–8 сентября 1911 г.) и под Верденом (февраль 1916 г.), где объединенными силами Англии, Франции и России были разбиты немецкие войска.

«Пикассо и Брак» – Пикассо Пабло (наст, имя Руис Пикассо, 1881–1973), Брак Жорж (1882–1963) – художники, основатели кубизма во французской живописи.

Рубинштейн Ида Львовна (1885–1960) – танцовщица и актриса, из любительниц. Брала уроки у знаменитого танцовщика М. Фокина, обладала удивительной пластичностью. В 1909–1910 гг. выступала с большим успехом в Парижских сезонах – 4 июня 1910, Grand-Opera, Париж – «Клеопатра» (по «Египетским ночам» А.

Арен-ского), 21 июня 1910, Grand-Opera, Париж, театр Шат-ле – «Шахерезада». 12 ...дягилевские Ballets Russes... – Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – русский импресарио, издатель, театральный деятель, организатор «Русских сезонов» в Париже.

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) – композитор и дирижер. После 1914 г. жил за рубежом.

Нижинский Вацлав Фомич (1889/90–1950) – артист балета, балетмейстер. С 1911 г. жил за границей. Участник «Русских сезонов», в 1916–1917 гг. – в труппе СП. Дягилева.

Павлова Анна Павловна (Матвеевна; 1881–1931) – артистка балета. Участница «Русских сезонов». С 1910 г. гастролировала с собственной труппой во многих странах мира.

Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) – артистка балета Мариинского театра. Участница «Русских сезонов», работала в труппе СП. Дягилева. См. о ней так-же т. 1. С. 779.

Бакстаев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866– 1924) – живописец, график, театральный художник. С 1909 г. жил в Париже. Декоратор «Русских сезонов». Фокин Михаил Михайлович (1880–1942) – танцовщик, балетмейстер, педагог, хореограф «Русских сезонов».

Огромный интерес вызвала его постановка «Жар-птица» (музыка И. Стравинского, оформление А. Головина). Премьера состоялась в Grand-Opera. Вершиной творчества Фокина в «Русских сезонах» стал балет И. Стравинского «Петрушка» (премьера – 13 июня 1911 г. в Париже, в театре Шатле).

12 Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа, которую описал Золя... – Эмиль Золя – французский писатель, романист (1840–1902). Выступил бы-тописателем Парижа, запечатлев перемены в облике города за многие десятилетия.

13 Рене Гиль проповедовал научную поэзию... – Гиль Рене (наст. фам. Гильбер; 1862–1925) – французский поэт, выступил с манифестом так называемой научной поэзии в предисловии к своей книге «Легенда души и крови» (1885). Критические статьи Рене Гиля печатались в русских журналах «Весы» (1904–1909) и «Русская мысль» (1910–1913). Его стихи переводили В. Брюсов, Ф. Сологуб.

Уцелел один, в нем, к сожалению, меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»... – Однако в 1993 г. в Венеции в Палаццо Грасси было выставлено 23 ранее неизвестных рисунка «ню» – с изображением прекрасной юной женщины, напоминающей лицом и пластикой форм Ахматову (коллекция врача Поля Алек-сандра, близкого к Модильяни в пору его безвестности и ставшего владельцем значительной части живописи и графики художника).

...Лафорг, Малларме... – Лафорг Жюль (1860– 1887), Малларме Стефан (1842–1898) – французские поэты-символисты. Эклога Малларме «Послеполуденный отдых фавна», послужившая темой симфонической прелюдии Клода Дебюсси (1892), была интерпретирована в одноименном балете, демонстрировавшемся в «Русских сезонах» Дягилева.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

13 «Язабыл Вам сказать, что я еврей». Что мать его из рода Спинозы, я не знала, но о брате социалисте почему-то помню. – Мать художника Евгения Гарсен-Модильяни происходила из старинного испано-еврейско-го рода, ее прабабка, по преданию, носила фамилию Спиноза и, возможно, состояла в родстве с нидерландским философом (Спиноза Бенедикт (Борух); 1632–1677). О брате И. Эренбург пишет: «В конце 1914 года из Италии приезжал в Париж брат Модильяни – социалист, депутат парламента. Джузеппе Модильяни был против вступления Италии в войну; в "Ротонде" он назначил свидание Ю.О. Мартову и П.Л. Лапинскому. Говорили, что он очень огорчился, увидав своего брата в безумном состоянии, и приписал это дурным знакомствам "Ротонды"» (Эренбург Э. Люди, годы, жизнь. Кн. 1. Собр. соч.: В 8 т. М., 1996. Т. 6. С. 484).

14 ...аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современницей – Эйфелевой башней (1889). – В автобиографических заметках Ахматовой не-сколько раз упоминается, что открытие Эйфелевой башни, выстроенной по проекту французского инженера А.Г. Эйфеля для Всемирной выставки в Париже, приходится на год ее рождения.

Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск... – Шагал Марк (1887–1985) – художник, учился у М. Добужинского и Л. Бакста. Для продолжения образования в августе 1910 г. уехал в Париж. «Волшебный Витебск» – родина М. Шагала становится поэтической идеей его творчества позже. Первая персональная выставка состоялась в берлинской галерее «Der Sturm» в июне 1914 г.

14 Чаплин Чарлз Спенсер (1889–1977) – американский актер, кинорежиссер, сценарист, композитор.

«А далеко на севере»... – строка, произнесенная Лаурой за ужином (А.С. Пушкин. Каменный гость. Сц. 2).

Александр Блок пророчествовал... – Ниже приведена кантоминация строк из двух стихотворений: «О, если б знали, дети, вы//Холод и мрак грядущих дней («Голос из хора»; 1910, 1914) и «Авиатор» (1912):

Иль отразил твой мозг несчастный Грядущих войн ужасный вид: Ночной летун, во мгле ненастной Земле несущий динамит?

И в прозе «Когда великий Китай двинется на нас (1911г.). – Запись Блока в дневнике от 10 ноября 1911 г. Ахматова цитирует по памяти. У Блока: «... когда на нас пойдет великий Китай» (Блок, 7. С. 85). Имеются в виду размышления Блока о судьбах России и цивилизации.

См. у Гумилева; На тяжелых и гулких машинах... – Ахматова цитирует строки стихотворения Н.Гумилева «Родос» из книги «Чужое небо».

15 Пруст Марсель (1871–1922) – французский писатель. Опыт изображения им внутренней жизни чело-века как «потока сознания» имел большое значение для мировой литературы.

15 Джойс Д.; Джеймс (1882–1941) – ирландский писатель, представитель модернистской и постмодернистской прозы.

Кафка Франц (1883–1924) – австрийский писатель, в гротескной форме показал трагическое бессилие человека в его столкновении с абсурдностью современного мира.

Н.С. Гумилев... назвал его «пьяным чудовищем»... – В записках П.Н. Лукницкого сохранились обрывки рассказа Ахматовой о причинах заведомой неприязни Гумилева к Модильяни. См. в записи от 4 марта 1925 г.: «По возвращении из Парижа АА подарила Н.С. книжку Готье. Входит в комнату – он белый сидит, склонив голову. Дает ей письмо... Письмо это прислал АА один итальянский художник, с которым у АА ничего решительно не было. Но письмо было сплошным символом... Последняя фраза была такая... обрыв. АА, получив это письмо, положила его в... обрыв ...ссора между ними – по какому-то пустяшному поводу – ссора, вызванная этим художником. (Это – о Модильяни!) Повод был такой: Николай Степа-нович заговорил с кем-то по-русски. Художник сказал ему, что нельзя говорить по-русским там, где русского языка не понимают» (Лукницкий, 1. С. 75–76).

...тогда эта книга была библиографической редкостью. – «Песни Мальдорора» графа Лотреамона (наст. имя Изидор Дюкас; 1846–1870) – мистифицированный сборник стихов, песен, ритмической прозы с ориентацией на «чужой текст», на что не могла не обратить внимание Ахматова. Граф Лотреамон (Дюкас) явился предвестником сюрреализма и постмодернизма. Изданный Дюкасом сборник не имел успеха, тираж не был распродан, и книжку можно было купить на развале или в букинистическом магазине еще в 1910-е гг. (см.: Косиков Г. Адская машина Лотреамона//Лотреамон. Песни Мальдорора. М., 1998). По-видимому, Модильяни ощущал свою близость к отвергнутому обществом Дюкасу, разрушавшему в своих «песнях» границы между реальным миром и вымысленным, уходящим в область «ужасного» и иррационального. Изидор Дюкас умер двадцати четырех лет. Возможно, имея в виду эту роковую цифру смерти, Модильяни сказал Ахматовой, что ему двадцать четыре

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова года, хотя на самом деле было 26 (см. с. 14).

Экстер Александра Александровна – См. о ней т. 1. 708–710, 823, 827, 828, 843 и др.

Анреп Борис Васильевич. – См. о нем т. 1. С. 802–804.

Альтман Натан Исаевич (1889–1970) – художник.

16 Тихонов Александр Николаевич (псевд. А. Се-ребров; 1880–1956) – писатель, литературный деятель, автор мемуаров; в те годы заведовал издательством «Все-мирная литература».

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – поэт, романист, публицист. В 1910-х гг., несколько лет до событий октября 1917 г. и после установления Советской власти, жил в Париже, где вращался в литературно-художественной среде. Дружил с А. Модильяни, П. Пикассо, Д. Риверой, М. Шагалом и др. В 1960-х гг. началась публикация его мемуаров «Люди, годы, жизнь», страницы которой были посвящены и встречам с Модильяни. Во все еще закрытом архиве Эренбурга (РГАЛИ) имеется список новеллы Ахматовой «Амедео Модильяни». Пользовался расположением властей и пытался содействовать реабилитации ряда писательских имен, «неупоминаемых» в России. Поддерживал отношения с Ахматовой, имя его часто встречается в ее записных книжках.

16 «Стихи о канунах», адресованные Модильяни, написаны Эренбургом в апреле 1915 г.:

Ты сидел на низенькой лестнице, Модильяни.
Крики твои – буревестника, улыбки обезьяны.

А масляный свет приспущенной лампы,
А жарких волос синева!..

И вдруг я услышал страшного Данта –
Загудели, расплескались темные слова.

Ты бросил книгу,
Ты падал и прыгал,
Ты прыгал по зале,
И летящие свечи тебя пеленали.

О, безумец без имени!
Ты кричал: «Я могу! Я могу!»

И четкие черные пинии
Вырастали в горящем мозгу.

Великая тварь –

Ты вышел, заплакал и лег под фонарь.

(Из цикла «Ручные тени» в кн.: Стихи о канунах (1914–1915). Цит. по: Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 41).

...иуКарко, в книге «От Монмартра до Латинско-го квартала»... – Карко Франсис (псевд. Франсуа Карко Пино-Тюзоли; 1886–1956) – французский писатель, автор романов, стихотворений, мемуаров о писателях и художниках, чья жизнь была связана с Парижем, – «Морис Ут-рилло» (1921), «Легенда и жизнь Утрилло» (1927), многие страницы его произведений посвящены Модильяни.

16 Утрилло Морис (1883–1955) – французский живописец, в 1910-х гг. был близок к Модильяни.

Модильяни стал героем достаточно пошлого фран-цузского фильма «Монпарнас, 19». – фильм вышел на экраны в 1958 г. (режиссер Жан Беккер). В роли Модильяни снимался знаменитый французский киноактер Жерар Филип. Илья Эренбург, как и Ахматова, увидел в фильме погоню за сенсацией и «мелкое» прочтение трагической жизни великого художника. Эренбург пишет: «Из него сделали героя ходкого фильма, написали о нем несколько пошлых романов... Так создалась легенда о голодном, беспутном, вечно пьяном художнике, о последнем представителе боге-мы, который в редкие часы между двумя попойками писал своеобразные портреты, умер в нищете, а после смерти стал знаменитым. Все здесь правда и все ложь. Правда, что Модильяни голодал, пил, глотал зернышки гашиша; но объяс-нялось это не любовью к распутству или к «искусственному раю». Ему вовсе не хотелось голодать, он ел всегда с аппе-титом, он не искал мученичества. Может быть, больше дру-гих он был создан для счастья. Он был привязан к сладкой итальянской речи, к мягкому пейзажу Тосканы, к искусству ее старых мастеров. Он не начал с гашиша...» Герой фильма и романов – это Модильяни в минуты отчаяния, безумия. Но ведь Модильяни не только пил в "Ротонде", не только рисовал на бумаге, залитой кофе, он проводил дни, месяцы, годы перед мольбертом, писал маслом ню и портреты» (Эренбург И. Т. 6. С. 490, 492).

Как в опубликованных текстах новеллы о Модильяни, так и в рабочих тетрадях Ахматовой содержатся от-рывки, авторские пометы, размышления «по поводу», не вошедшие в текст настоящего тома, но раскрывающие ис-торию создания произведения как главы из незавершенной автобиографической книги.

1

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Впервые – «Записные книжки». С. 19. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97).
Екатерининский парк – один из парков в Царском Селе.

2

Впервые – «Записные книжки». С. 33. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98).

3

Отрывки вошли в публикацию: «День поэзии 1967». М., 1967, после строки «Рене Гиль». Печ. по указанному изданию.

17 я вспомнила эти строки бессмертной баллады... – Имеется в виду «Баллада о дамах минувших дней» Франсуа Вийона (р. не позже апреля 1431, след затерян после января 1463); переводили В. Брюсов, Н. Гумилев, В. Жаботинский и др.

18 итальянский рабочий украл Джоконду... –

Картина Леонардо да Винчи была украдена из Лувра в 1913 г. и в том же году возвращена в музей.

. 4

Отрывок вошел в публикацию: «День поэзии 1967». М., 1967. С. 248–252. Печ. по указанному изданию.

5

Впервые – «Записные книжки». С. 436, 446. Печ. по автографам РГАЛИ (РТ 10).

6

Впервые – «Записные книжки». С. 439. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

7

Впервые – «Записные книжки». С. 479. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

19 «Мемуары повара», – сказал Миша Ардов. – По-видимому, имеется в виду мемуарная проза Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой. Страницы автобиографии», беллетризованные воспоминания о Париже 20-х гг. Были опубликованы в 1964 г. и тогда же переведены на русский язык (Иностранная литература. 1964. № 7). Ардов Михаил Викторович (р. 1935) – сын ближайшей подруги Ахматовой Н.А. Ольшевской и писателя-сатирика В.Е. Ардова.

8

Впервые – «Записные книжки». С. 487. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

9

Впервые – «Записные книжки» С. 445. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).
Письмо от Вигорелли... – Вигорелли Джанкарло (р. 1913) – итальянский литературовед, критик и публицист, генеральный секретарь Европейского сообщества писателей. Был представлен Ахматовой А.А. Сурковым, который привез Вигорелли в Комарово после международного симпозиума, проходившего в Ленинграде летом 1963 г. От 22 до 27 февраля 1964 г. запись Ахматовой: «Статья о Модильяни. Сегодня посылаю Вигорелли» («Записные книжки». С. 438). Имя Вигорелли упомянуто в списках «Кому дать книгу», т.е. «Бег времени». На с. 591 две надписи, по-видимому, сделанные в феврале 1965 г., после поездки в Таормино. Варианты дарственной надписи: «А. Giancarlo Vigorelli на память о нашем путешествии и о наших собраниях зимой 1964. Анна Ахматова»; «А. Giancarlo Vigorelli. С лучшими чувствами. Анна Ахматова».

10

Впервые – «Записные книжки». С. 546–547. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

Ахматова помечает, что часть французских фраз Модильяни, к ней обращенных, запомнилась ей из его писем («Записные книжки». С. 127). Письма, по-видимому утеряны.

11

«Записные книжки». С. 724. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

ZU ...а когда через 54 года в ослепительный июньский день... – Возвращаясь из Оксфорда после присуждения ей почетного звания доктора, Ахматова провела три дня в Париже.

Н. Харджнев о рисунке А. Модильяни. Впервые – в альб. «День поэзии 1967». Очерк об единственном из сохранившихся шестнадцати рисунков, подаренных Модильяни Ахматовой во время их встреч в Париже летом 1911 г., сопровождал публикацию ее новеллы о Модильяни. В тексте после слов «будущие ню» Ахматова сделала подстрочное примечание: «Известный искусствовед, мой друг Н.И. Харджиев, посвятил этому рисунку очень интересный очерк, который приложен к этой статье» («День поэзии 1967». С. 253–254).

Н. ХАРДЖИЕВ О РИСУНКЕ А. МОДИЛЬЯНИ В длинном ряду изображений Анны Ахматовой, живописных, графических и скульптурных, рисунку Модильяни, несомненно, принадлежит первое место. По силе выразительности с ним может быть сопоставлен только «скульптурный» стиховой образ Ахматовой, созданный Мандельштамом (1914): Вполоборота, о печаль, на равнодушных поглядела. Спадая с плеч, окаменела Ложноклассическая шаль...

Небезынтересно отметить, что «Ахматова» Модильяни имеет случайное, но почти

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова портретное сходство с его пер-вым рисунком, находившимся в собрании д-ра Поля Алек-сандра – «Maic! Abrantes escrivan ai lit»*. В стилистическом

* «Мод Абрантес, пишущая в кровати» (фр.).

отношении эти произведения чужды друг другу и характери-зуют различные этапы эволюции художника. Беглый набро-сок с натуры, заставляющий вспомнить гениальные кроки Тулуз-Лотрека, портрет Мод Абрантес (1908) нарисован за год до встречи Модильяни со скульптором Константенем Бранкюзи. Как известно, под воздействием Бранкюзи Мо-дильяни увлекся негритянским искусством и в течение не-скольких лет занимался скульптурой. Портрет Ахматовой, относящийся к этому периоду, трактован художником как фигурная композиция и чрезвычайно похож на подготовитель-ный рисунок для скульптуры. Здесь Модильяни достигает необычайной выразительности линейного ритма, медлитель-ного и уравновешенного. Наличие художественной формы монументального стиля позволяет этому небольшому рисун-ку выдержать любые масштабные вариации.

Дружба с Бранкюзи, одним из основоположников абст-рактного искусства, не увела Модильяни в область отвлечен-ного формального экспериментаторства. В эпоху гегемонии кубизма Модильяни, не боясь упреков в традиционализме, остался верен образу человека и создал замечательную порт-ретную галерею современников. На всем протяжении своего пути он не утратил живой связи с художественной культурой итальянского Ренессанса. Об этом можно прочесть и в вос-поминаниях друзей художника, и в работах исследователей его творчества.

Поэтому нет ничего неожиданного в том, что образ Ах-матовой перекликается с фигурой одного из известнейших ар-хитектурно-скульптурных сооружений XVI столетия. Я имею в виду аллегорическую фигуру «Ночи» на крышке саркофага Джулиано Медичи, этот едва ли не самый значительный и таинственный из женских образов Микеланджело*. К «Ночи» восходит и композиционное построение рисунка Модильяни.

* Микеланджело посвятил своей «Ночи» четверостишие, пере-веденное на русский язык Тютчевым.

Подобно «Ночи», фигура Ахматовой покоится наклонно. По-стамент, с которым она составляет единое конструктивное целое, повторяет дугообразную (расчлененную надвое) ли-нию крышки двухфигурного саркофага Медичи. Но в отли-чие от напряженной позы «Ночи», как бы соскальзывающей со своего наклонного ложа, фигура на рисунке Модильяни статична и устойчива, как египетский сфинкс*.

По свидетельству Ахматовой, у Модильяни было весь-ма смутное представление о ней как о поэте, тем более что тогда она только начинала свою литературную деятельность. И все-таки художнику, с присущей ему визионерской про-зорливостью, удалось запечатлеть внутренний облик творчес-кой личности.

Перед нами не изображение Анны Андреевны Гумиле-вой 1911 года, но «ахроничный» образ поэта, прислушиваю-щегося к своему внутреннему голосу.

Так дремлет мраморная «Ночь» на флорентийском сар-кофаге. Она дремлет, но это полусон ясновидящей.

4 мая 1964

МАНДЕЛЬШТАМ

Впервые – альм. «Воздушные пути». Вып. IV. 1965. Нью-Йорк. С. 23–43. Печ. по более позднему и значи-тельно доработанному автором тексту, имеющему две даты – 1963 и 1964, отражающие разновременное обра-щение Ахматовой к авторизованной ею машинописи, с по-правками и дополнениями ее рукой и рукой, печатавшей текст под ее диктовку Л.Д. Большинцовой-Стениной.

* По прочтении этих строк А.А. Ахматова вспомнила, что в одной из бесед с ней Модильяни упомянул Микеланджело. «Великие люди не должны иметь детей, – сказал Модильяни. – C'est ridicule d'etre le fils de Michel-Ange» «Смешно быть сыном Микеланджело» (ФР-)–

Существует ряд авторизованных текстов, отличаю-щихся один от другого. Текста, который Ахматова считала бы окончательным, не существует. До последнего года жизни Ахматова дополняла и редактировала имевшиеся у нее списки. В ее черновых рукописях (РНБ) и в рабочих тетрадях (РГАЛИ) сохранились фрагменты и маргиналии, которые она называла «осколками», возникавшими в ходе работы над автобиографической прозой.

Одним из наиболее авторитетных является текст, под-готовленный к публикации Л.А. Мандрыкиной, хранитель-ницей фонда Анны Ахматовой в РНБ, многие годы по-святившей изучению прозы Ахматовой (Звезда. 1989. № 6. С. 20–39. Комментар. Л.А. Ильюниной и Т.Ц. Сне-говской). Всего в РНБ зафиксировано шесть авторизован-ных списков и ряд рукописных фрагментов.

Значительная текстологическая работа по сличению черновых рукописей и авторизованных машинописных списков проведена В.Я. Виленкиным. Изучив все доступ-ные ему источники текстов в государственных и частных хранилищах, В.Я. Вилснкин выбрал в качестве основного текст из коллекции Л.Д.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматовой-Большинцовой-Стенич, в который внес дополнения из других источников (эти дополнения заключены им в угловые скобки, каждый факт кантоминации специально оговорен в комментариях). (Вл. 1989. № 2. С. 178-217.) По пути кантоминации пошел и М.М. Кралин (БО 1).

Наиболее корректной представляется публикация Р.Д. Тименчика, однако подготовленный им текст, по-видимому, представляет собой один из ранних вариантов и не отличается полнотой («Requiem». С. 121-148).

В.Я. Виленкин в беседах не раз отстаивал право опубликованного им текста, как наиболее приближенного к авторской воле, и выражал желание, чтобы будущие издания «новеллы» о Мандельштаме, так по его словам Ахматова определяла жанр этой «главы» из несостоявшейся книги, публиковали подготовленный им текст и обращались к его комментариям.

Текст публикации В.Я. Виленкина сверен при подготовке настоящего издания со списком из семейного архива Л.Д. Большинцовой-Стенич (любезно предоставленный нынешним владельцем коллекции Д.Л. Файнбергом). Добавленные Виленкиным из других списков фрагменты перенесены в комментарии. Фрагменты, взятые из рабочих тетрадей Ахматовой (РГАЛИ) и из других автографов (РНБ), даются после текста новеллы с соответствующими комментариями.

21 Мандельштам Осип Эмильевич (1891-1938) – поэт, прозаик, эссеист, окончил Тенишевское коммерческое училище, 1907-1910 гг. провел в Европе – слушал лекции в Сорбонне, два семестра учился в Гейдельбергском университете, жил в Швейцарии. Некоторое время учился на отделении романских языков историко-филологического отделения Петербургского университета. В Петербурге посещал «башню» Вяч. Иванова, где 14 марта 1911 г. познакомился с Ахматовой. Первая книга «Камень» (1913) вышла под маркой издательства «Акмэ». Близкий друг Гумилева и Ахматовой, автор статьи-манифеста «Утро акмеизма». Вторая книга стихов «Tristia» (Пг.; Берлин, 1922); последний сборник поэта «Стихотворения» (1928), книга «О поэзии» (М.; Л.: Academia, 1928). В 1920-е гг. пишет мемуарно-автобиографическую прозу, которую высоко ценила Ахматова, – «Шум времени», «Египетская марка» (1925 и 1928), путевые очерки и литературные эссе.

* Стихотворение на случай (нем.).

В мае 1934 г. арестован и выслан – сначала в Чердынь-на-Каме, за эпиграмму на Сталина «Мы живем, под собою не чуя страны...», а затем в Воронеж. По возвращении из ссылки был вновь арестован (1938), отправлен на Дальний Восток, где погиб в пересыльном лагере «Вторая речка», под Владивостоком.

21 Лозинский Михаил Леонидович (1886-1955) – поэт, переводчик, теоретик перевода, друг Гумилева и Ахматовой, входил в «Цех поэтов». В 1912-1913 гг. – редактор-издатель акмеистического журнала «Гиперборей» (ежемесячник стихов и критики). С 1913 по 1917 г. – секретарь журнала «Аполлон». Автор сборника стихов «Горный ключ» (М.; Пг., 1916). В его квартире на Васильевском острове в 1910-1912 гг. проходили заседания «Цеха поэтов», собрания редакции «Гиперборей», а также собрания так называемого «Трансгопса», в частности посвященные писаниям «благотупостей».

Вспоминая вечера у Лозинского, В. Пяст писал: «Что касается Лозинского, он и в ту пору был и оставался впоследствии все-таки непревзойденным мастером всех родов Gelegenheits Gedichte*. Его сонетам-акростихам, сонетам-рондо на невероятные рифмы неизменно присуждались первые призы. Кто мог бы так очаровательно описать, ... заседания "Трансгопса" – посвященные благотупостям в стиле дружининского "Чернокнижия", то есть главным образом писанию шуточных стихов да зачитыванию некоторых рефератов на театральные темы» (Пяст В. Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997. С. 302). Под «дружининским "Чернокнижием"» имеется в виду праздничное времяпрепровождение с обильной дозой фривольности; происходит от юмористических фельетонов Александра Васильевича Дружинина (1824-1964) о похождениях Чернокнижника. См. «Сентиментальное путешествие Ивана Говорилы: «Друзьям своим Михаил Леонидович был всю жизнь бесконечно предан. Он всегда и во всем был готов помогать людям, верность была

В августе 1965 г. Ахматова записывает: «Был Жирмунский. ... Виктор Максимович вспоминал, что Лозинский и Мочульский при участии Мандельштама переводили: «Что ты спишь, мужичок?..» – «Quid vernis zepheris dormis rustice vir?» и обратно: «При зефирах весны, что ты спишь, сельский муж?» («Записные книжки». С. 655).

И. Платонова-Лозинская вспоминает о дружбе Ахматовой с М. Лозинским не только как феномене личной приязни, но как о явлении культурологическом: «В бесценном архиве Лозинского сохранились сбереженные им в самые трудные годы некоторые материалы по истории русской культуры XX века. Руководимый велением долга и требованиями совести, Лозинский в наших глазах и в глазах благодарных потомков останется еще и хранителем Памяти. И эту грань его жизни, вероятно, имела в виду Ахматова, когда говорила: «Друзьям своим Михаил Леонидович был всю жизнь бесконечно предан. Он всегда и во всем был готов помогать людям, верность была

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
самой характерной для Лозинского чертой».

1940 год. В издательстве «Советский писатель» выходит сборник Ахматовой «Из шести книг». Корректуру его Ахматова держала вместе с Лозинским. На экземпляре книги, подаренной ею Лозинскому, Ахматова написала стихи:

МЛ. Лозинскому

Почти от залетейской тени в тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний в ответ на лучшие дары, – чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна, Души высокая свобода, что дружбою наречена, мне улыбнулась
также кротко, как тридцать лет тому назад... И Сады Летнего Решетка, и
оснеженный Петроград возникли, словно в книге этой из мглы магических зеркал, и
над задумчивою Летою Тростник оживший зазвучал.

Анна Ахматова 28–29 мая 1940

(П л а т о н о в а – Л о з и н с к а я И. Летом семнадцатого года... //ЛО. 1989. № 5. С. 64).

«Цех поэтов» – творческая группа, объединившая молодых литераторов. Ахматова имеет в виду первый «Цех поэтов», созданный Н.С. Гумилевым и СМ. Городецким осенью 1911 г. Заседания Цеха проводились на квартире у Гумилева, членов группы, в редакции журнала «Аполлон», Академии художеств у Н. Бруни. После вступления Гумилева в действующую армию (1914) Цех распался. Второй «Цех поэтов» существовал в 1916–1917 гг., третий был основан в конце 1920 г. в Петрограде и распался во второй половине 1922 г., после отъезда его основных участников в эмиграцию; в 1922–1923 гг. «Цех поэтов» пытался возобновить свою деятельность в Берлине и Париже.

21 Гиперборей – журнал «Цеха поэтов», малоформатный «ежемесячник стихов и критики», редактируемый М.А. Лозинским (всего десять номеров). В журнале печатались Блок, Клюев, Эренбург и др. Позже под маркой «Гиперборей» выходили изящно изданные книги. В 1921 г. в Петрограде увидел свет гектографированный номер журнала «Новый Гиперборей», изданный обновленной группой акмеистов (Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам, В.А. Рождественский, И.В. Одоевцева, Н.А. Оцуп и др.). Эта группа издавала альманах «Дракон» и «Цех поэтов», куда, как говорила Ахматова, ее «не приглашали».

Петербург в «Шуме Времени» – книга историко-биографической прозы Мандельштама (Л., Время, 1925). Ахматова высоко ценила прозу Мандельштама, особо выделяла его «Четвертую прозу», а «Шум времени» называла «двоюродной сестрой» своей ненаписанной прозы.

Надя – Надежда Яковлевна Мандельштам (урожд. Хазица; 1899–1980). С Мандельштамом познакомилась 1 мая 1919 г. В юности училась живописи в студии Александры Экстер, позже преподавала английский язык, автор воспоминаний о Мандельштаме (в трех книгах), изданных за рубежом в 1960–1980-е гг.

...иногда бывал чудовищно несправедлив, например к Блоку. – В.Я. Виленкин приводит пояснение Ахматовой из черновой записи (РНБ): «К Блоку О.Э. Был несправедлив. Он всегда попрекал его красотой» (Вл. С.183).

О Пастернаке говорил... «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки». – фраза снабжена подстрочным примечанием Ахматовой: «Будущее показало, что он был прав. (Смотри "Автобиографию")» – имеется в виду автобиографический очерк «Три тени», где сказано: «Я долго недооценивал Цветаеву, как по-разному недооценивал многих – Багрицкого, Хлебникова, Мандельштама, Гумилева» (Пастернак Б. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. литература, 1989–1992. Т. 4. С. 339). Опубликованная позже переписка Б. Пастернака с О.Э. и Н.Я. Мандельштамами позволяет пересмотреть это полемическое положение, учитывая, что биографический очерк датирован 1923 г. Как свидетельствуют письма, Пастернак с интересом и уважением относился к творчеству Мандельштама, особо выделяя его прозу (см.: Пастернак Е.В., Пастернак Е.Б. Координаты лирического пространства//ЛО. 1990. № 3. С. 91–100).

«О Марине: я – антицветаевец». – Эти строки, странные в контексте отношений Цветаевой и Мандельштама, Ахматова поясняет следующим образом: «Я – антицветаевец», – может быть, оттого, что зарубежная Цветаева осталась ему неизвестной» (Виленкин В. А, Ахматова. Листки из дневника [О. Мандельштам]// Вл. С. 183).

...боялся собственной немоты. Называл ее удушьем. – Ср. в последней строфе «Стансов» (1935):

Как Слово о полку, струна моя туга, и в голосе моем – после удушья Звучит земля – последнее оружие – Сухая влажность черноземных га!

И молодая мать, кормящая со сна... – По поводу казуса с переводом строки из стихотворения Малларме. В.Я. Виленкин приводит дополнение Ахматовой из рукописи, хранящейся в РНБ: «"Мандельштам рассказал мне, что был у Анненского и тот (как ни странно) дал ему совет переводить. И тут же О. не удержался и рассказал, что перевел стих..." – после чего приведен тот же стих Малларме и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова перевод» (ВА. С. 184).

22 На грязь горячую от топота коней/'/ложится белая одежда брата-снега... – Неточная цитата из стихо-творения Тихона Чурилина «Ноябрь», входившего в цикл «Месяцеслов»:

На грязь, горячую от топота коней, Упала легкая одежда брата-снега. И лепет горестный изябших голубей Ласкает сладостно, и тень все голубей.

«Тучка» – комната, которую Гумилев снимал в Тучковом переулке (дом 17, квартира 29) в студенческие годы. После женитьбы (1910) Гумилев и Ахматова жили в Царском Селе (в доме А.И. Гумилевой. Малая улица, дом 63), иногда оставаясь на «Тучке». Это был мой первый «Мандельштам», автор зе-леного «Камня»... – Имеется в виду первое издание книги О. Мандельштама (март, 1913 г.).

Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) – поэт, критик, беллетрист, автор мемуаров «Петербургские зимы», мифологизировавших события и факты. Сам автор не воспринимал, однако, книгу как документальное пове-ствование. Н. Берберова, свидетель многих из описанных событий, сообщает: «...он объявил мне, что в его "Петер-бургских зимах" семьдесят пять процентов выдумки и двад-цать пять – правды» (Берберова Н. Курсив мой. Мюнхен, 1972. С. 547).

15 Собрание смч(И1гш«1. ч 5

23 НВН – нспереступал порога «Тучки». – Име-ется ввиду Н.В. Недоброво. В очерке «Поэты» Г. Иванов, мемуары и критические статьи которого неизменно вызыва-ли возмущение Ахматовой, писал: «Редкий гость на "Туч-ке" Н.В.Н., барин-дилетант, высоким голосом с английс-ким акцентом просит извинения, что стихи, которые он сей-час прочтет, не отделаны, так как недавно написаны – всего лет пять назад. Отделанные или нет, его сонеты несколько тяжелы» (Возрождение. Париж. 1950. № 10).

24 Антология Античной Глупости, как и Антоло-гия житейской глупости – шуточные литературные произ-ведения, в значительной мере культивировались в «Цехе поэтов» Мандельштамом. При этом им пародировались не отдельные произведения, а целые литературные направле-ния. Например, эллинский цикл:

АНТОЛОГИЯ АНТИЧНОЙ ГЛУПОСТИ

1

Ветер с высоких дерев срывает желтые листья. Лесбия, посмотри: фиговых сколько листов!

Катится по небу феб в своей золотой колеснице – Завтра тем же путем он возвратится назад.

– Лесбия, где ты была? – я лежала в объятых Морфея.

– Женщина, ты солгала: я в них покоился сам...

П

М. Лозинскому

Сын Леонида был скуп, и кратеры берег он ревниво. Редко он долу струил пенное в чаши вино.

Так он любил говорить, возлежа за трапезой с пришельцем:

– Скифам любезно вино, -- мне же любезны друзья.

М. Лозинскому

Сын Леонида был скуп, и когда он с гостем прощался, Редко он гостю совал в руку полтинник иль рубль; Если же скромн был гость и просил лишь тридцать копеек, Сын Леонида ему тотчас, ликуя, вручал.

К. Шилейко

– Смертный, откуда идешь! – Я был в гостях у Шилея, Дивно живет человек, смотришь – не веришь очам:

В креслах глубоких сидит, за обедом кушает гуся. Кнопки коснется рукой – сам зажигается свет.

– Если такие живут на Четвертой Рождественской люди, Боги, скажите, молю, – кто же жниет на Восьмой?

Сама идея «Антологии античной глупости», зародив-шаяся в начале 1910-х гг., восходит к контрасту двух пуш-кинских элегических стихов, обращенных к Н. Гнедичу. В середине 20-х гг. создавалась уже «Антология житейской глупости», где пародировался на этот раз не «высокий штиль», а, наоборот, подчеркнуто сниженная русская калька немецкой фразы. Мандельштам особенно любил куплеты, начинающиеся (или заканчивающиеся) всякий раз одной и той же строкой или фразой: «Старик Моргулис...», «Слу-жил Гаврила...», «Однако» и др.» (цит. по: Мандель-штам О. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990. коммент. А.Д. Михайлова и П.Н. Лернера. С. 592).

24 Пепел на левом плече и молчи -//ужас дру-зей – Златозуб. – Парафраза из стихотворения Ф. Шил-лера «Кубок» в переводе В.А. Жуковского:

Я видел, как в черной пучине кипят, В громадный свиваясь клуб, И млат водяной, и уродливый скат, И ужас морей – однозуб.

В. Пяст во «Встречах» приписывает эту эпиграмму М. Лозинскому и приводит ее полный текст, опустив, од-нако, собственную фамилию:

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
 За жизнь свою медной полушки не даст, кто зрел, как собираются в клуб И Блок
 ледяной, и уродливый Пяст, и ужас друзей – Златозуб...
 Имеется в виду клуб поэтов, открывшийся в 1921 г. в «Доме Мурузи» на Литейном.
 24 «Златозуб». – Вставленный Мандельштамом золотой зуб служил поводом для
 дружеских шуток.
 Это, может быть, даже Гумилев сочинил... –
 В. Пяст склонен видеть автора в М.Л. Лозинском (П я с т В. Стихотворения.
 Воспоминания. С. 304).
 ...обрывки сочиненной Цехом пародии на знаменитый сонет Пушкина «Суровый Дант
 не презирал со-нета...» – Имеется в виду сонет Пушкина (1830).
 Волошин Максимилиан Александрович (наст. фам. Кириенко-Волошин; 1877–1932).
 По-видимому, имеется в виду цикл шуточных сонетов, написанных Волошиным в
 Коктебеле ко дню своего рождения, 16 мая: «К этому дню Макс собственноручно
 сколотил фанерный ящик – вроде почтового – и прибил его к стене на террасе. Было
 предложено всем желающим опустить в гостеприимную щель любые шуточные (а также
 серьезные) стихи и рисунки, карикатуры, смешные пожелания – любые творческие
 по-дарки. И вот – сам Макс* без подписи, опустил в ящик рукопись «коктебельских
 сонетов»: подарок самому себе и всем другим» (цит. по кн.: Волошин М.
 Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. С. 660). С этого лета в Кок-тебеле
 стихотворения так называемые «обормоты», своего рода аналог петербургского
 «Трансгопса». Первыми членами «Ордена обормотов» стали члены семьи Эфрон и
 Марина Цветаева.
 Владимир Нарбут – этот волн заправский. – Нарбут Владимир Иванович (1888–1938) –
 поэт, про-заик, критик, был репрессирован и погиб, по слухам, на затопленной
 барже. См. мифологизированный рассказ о Нарбуте в беллетризованных мемуарах
 Валентина Катае-ва «Алмазный мой венец». Входил в «Цех поэтов» со вре-мени его
 создания и в число «шести акмеистов». Автор сти-хотворения «Волк», из второй
 книги Нарбута «Алли-луйя», издания «Цеха поэтов» (СПб., 1912).
 .. алмазнымиросниками Моравской. – Моравская Мария-Магдалина-Франческа
 Людвиговна (1889– 1947) – поэтесса, прозаик, критик. До 1914 г. входила в «Цех
 поэтов», объявивший в 1911 г. выход ее книги сти-хотворений «Голубые лютики»
 (издание не состоялось). В эмиграции издала беллетризованные мемуары, роман
 «Жар-птица» на английском языке (Нью-Йорк, 1927).
 Пяст Владимир (наст. Владимир Алексеевич Пястов-ский; 1886–1940) – поэт, критик,
 мемуарист, близкий друг Блока. Как мемуарист весьма точен. Был заметной фигурой
 в литературно-критической жизни Серебряного века.
 25 Вот стихи (Триолеты) об этих пятницах (ка-жется В.В. Гиппиуса). – См. запись
 Ахматовой («За-писные книжки». С. 277): «...Мандельштам Иосиф// В акмеистическое
 ландо сев... – шутил "испытанный ост-ряк" В.В. Гиппиус в своих триолетах "По
 пятницам в Ги-перборее". (Его же пародия на Мандельштама:
 Неуверенная рука
 В небе вывела облака...»)
 В записных книжках Ахматова подтверждает, что ав-тор этих шуточных стихов,
 введенных ею в новеллу о Ман-дельштаме, В.В. Гиппиус (см. «Записные книжки». С.
 286–287).
 Гиппиус Василий Васильевич (псевд. Василий Галахов, Росмер, 1890–1942) – поэт,
 переводчик, критик, литера-туровед. В журнале «Новая жизнь» выступил с рецензией
 на первую книгу стихотворений Ахматовой «Вечер». В журн. «Куранты» (1918. № 2)
 рецензировал «Жемчуга» Н. Гу-милева, первый том сочинений Ф. Сологуба, «Ночные
 часы» А. Блока. С 1910 г. принимал деятельное участие в работе «Общества
 ревнителей художественного слова», куда был рекомендован Блоком. В 1911 г.
 вступил в «Цех поэтов», печатался в акмеистическом журнале «Гиперборей». В1918
 г. опубликовал воспоминания о «Цехе поэтов» (Жизнь. Од. 198, № 5), в которых
 высоко ценил атмосферу цехового содружества, но несколько скептически
 рассматривал акме-изм как литературную школу. Стихи Гиппиуса печатались в
 «Русской мысли», «Северных записках», «Сатириконе» и др. К памяти Гиппиуса
 Ахматова относилась с неизменным теплом и доброжелательностью, назвав его
 «нежным по-этом» (в инскрипте на книге «Вечер»).
 В своих рабочих тетрадях Ахматова несколько раз отсылает к В.В. Гиппиусу,
 неутомимому сочинителю «бла-гоглупостей» и участнику собраний «Трансгопса». В ее
 за-писи сохранились отрывки утраченных произведений из шуточных стихов «Цеха».
 Для романтического сева//Разбрасывая жем-чуга. – Каламбур, соединяющий название
 двух сборни-ков Н. Гумилева: «Романтические цветы» (1908) и «Жем-чуга» (1910).
 Пусть в Царском громко плачет Лева – сын Ахма-товой и Гумилева Лев Николаевич
 Гумилев (1912–1992).
 Недавно найдены письма Осипа Мандельшта-ма к Вячеславу Иванову (1909). – В
 примечаниях к пуб-ликации текста «Листков из дневника», подготовленного Л.А.
 Мандрыкиной, отмечено, что в «Воспоминаниях о Мандельштаме» в машинописи,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова датированной 1963 г., приложено девять писем Мандельштама к Вячеславу Иванову – 20/VI, 1909–21/ш, 1911 г. (Ф. 1073, № 80). Эти письма опубликованы А. Морозовым в кн.: «Записки отдела рукописей РГБ им. В.И. Ленина». Вып. 34. М., 1973.

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – поэт, мыслитель, переводчик, мэтр символизма. Квартира Ивановых, расположенная в верхнем этаже дома по Таврической, 25, именовалась «башней», где собирались представители литературно-художественной публики, писатели, философы, ученые, артисты, художники. На «башне» вела работу «Поэтическая академия», слушателями которой были Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Кузьмина-Караваева и др. После исхода из символизма Н. Гумилева, С. Городецкого, О. Мандельштама и др., будущие акмеисты создали при журнале «Аполлон» свою «Академию стиха», после чего ивановская именовалась ими «Проакадемией». Отказ от символизма осложнил отношения между старшим и новым поколением поэтов. В дневниковых записях Ахматовой отражена ее неприязнь к фигуре Вяч. Иванова и собраниям на «башне».

Воспоминания сестры Аделаиды Герцык. –

Сестры Герцык – Аделаида Казимировна Лубны-Герцык (1874–1925) – поэтесса, прозаик, переводчица, автор мемуаров «Подвальные очерки» (журн. «Перезвоны». Рига. 1926. № 25–27); Герцык Евгения Казимировна (Лубны-Герцык; 1878–1944) – переводчица, критик. Обе сестры были близки к салону Вяч. Иванова, а Аделаида Казимировна долгие годы была его ближайшим другом.

В главе «Вячеслав Иванов» Евгения Казимировна писала: «... Ученики приходили к мэтру, подобие литературных семинаров произвольно возникало из просмотра нового стихотворного сборника, из обсуждения новой театральной постановки. Каждый вечер студенты Модест Гофман, Ивойлов, изредка Гумилев, Ахматова, совсем юные, ставшие впоследствии поэтами или так и не ставшие, а также уже и несомненные, как Верховский и другие. Однажды бабушка привела внука на суд к Вячеславу Иванову, и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчишку Мандельштама, читавшего четкие фарфоровые стихи. Щедрость Вячеслава Ивановича в выслушивании и углублении чужого творчества была изумительна. Детальнейший технический разбор непременно переходил в грозное испытание совести молодого автора, в смысле философском, общественном. Мастер слова, влюбленный в тончайшие оттенки его, внезапно оборачивался моралистом. Это не всем было по нутру. Помню, как я единственный раз видела Анненского у В.И. – два мэтра, два поздних александрийца вели изысканнейший диалог, мы кругом молчали: в кружево такой беседы не вставишь простого слова. Но Анненский за александризм расслышал другое; высокий, застегнутый на все пуговицы, внешне чиновный, он с раздражением, подергиваясь одной стороной лица, сказал: "Но с Вами же нельзя говорить, Вячеслав Иванович, Вы со всех сторон обставлены святынями, к которым не подступись!" У обоих были свои потаенные святыни, но ими они не соприкоснулись. Вскоре Вяч. Ив. писал Анненскому – Зачем у кельи ты подслушал, Как сырый молится поэт, И святотатственный запрет Стыдливой пустыни нарушил

В тот год зародилась литературная группа "Аполлон". В отдельности ценя некоторых из молодых поэтов, будущих акмеистов, Вяч. Иванов яростно нападал на эстетствующий дух кружка» (Герцык Е. Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1996. С. 128–129).

Сологубы – Сологуб Федор Кузьмич (наст. фам. Тетерников; 1863–1927) – писатель, поэт; Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876–1921) – писательница, жена Ф.К. Сологуба.

...стихотворение про «Черного ангела на снегу» – написано О. Мандельштамом в 1910 г., впервые было опубликовано в альм. «Воздушные пути» (Нью-Йорк. 1963. № 3) с посвящением «Анне Ахматовой»:

Как черный ангел на снегу Ты показалась мне сегодня,

И утаить я не могу –

Что на тебе печать Господня

Такая странная печать – Как бы дарованная свыше, что, кажется, в церковной нише Тебе назначено стоять.

Пускай нездешняя любовь

С любовью здешней будут слиты,

Пускай бушующая кровь

Не перейдет в твои ланиты

И пышный мрамор оттенит всю призрачность твоих лохмотий, всю наготу нежнейшей плоти, Но не краснеющих ланит

27 Шилейко Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891–1930) – второй муж Ахматовой (с 1918 г.). Официальный развод состоялся в 1926 г. Крупнейший исследователь культуры древнего Вавилона, поэт, переводчик. Адресат ряда стихотворений Ахматовой. Посвятил ей несколько стихотворений. Ахматова обязана ему

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова знакомством с шумерско-вавилонским эпосом, что нашло отражение в ее незавершенной трагедии «Энума Элиш. Пролог, или Сон во сне».

Черных ангелов крылья остры... – Цитата из книги «Белая стая» с изменениями в последней строке: «Словно розы в снегу цветут».

Харджиев Николай Иванович (1903–1996) – искусствовед, историк литературы, знаток поэзии, близкий друг Мандельштамов и Ахматовой. Подготовил первое в СССР посмертное собрание стихотворений О. Мандельштама, в большой серии «Библиотеки поэта» (1973). В 1994 г. эмигрировал в Амстердам вместе с женой Л. Чагой, забрав с собой бесценную коллекцию картин русских модернистов и рукописей. И он, и жена погибли при трагических невыясненных обстоятельствах. Часть архива возвращена в Россию.

27 Вячеслав Чеслав Иванович... – По свидетельству В. Пяста, эта эпиграмма

(приведенная Ахматовой по памяти) была написана В. Нарбутом:

«Не расцвел и не увянув, С телом, крепким как орех, Вячеслав, Чеслав Иванович На посмеище для всех Акадзмию диванов Колесом пустил на Цех...»

Как хохол, Нарбут произносил очень явственно э оборотное после д. Комизм от этого усугублялся...» (П я с т в. Стихотворения. Воспоминания. С. 301–302).

Академия диванов. – По-видимому, имеется в виду так называемое Общество друзей Гафиза, которое собиралось на свои «диваны» у Вячеслава Иванова.

«Египтянин» – под этим названием Мандельштамом написано два стихотворения: «Надпись на камне 18–19 династии» (1913) и «Я выстроил себе благополучья дом...» (1914).

Я избежал суровой лени И почестей достиг; От радости мои колени Дрожали, как тростник...

(1913)

Я выстроил себе благополучья дом Он весь из дерева, и ни куска гранита* и царская его осматривала свита, Там виноградники, цветник и водоем...

(1914)

28 Но в Петербурге акмеист мне ближе, // Чем ро-мантический Пьеро в Париже. – Из незавершенного или утраченного (М андельштам, 3. С 347).

Зельманова Анна Михайловна (в замуж. Чудовская; ум. в 1948 г.) – художница, член «Союза молодежи», приятельница Ахматовой и Гумилева, жена критика В.А.

Чудовского, сотрудница «Аполлона». Портреты Ахматовой и Мандельштама ее работы выставлялись в 1914 г. (см.: Молок Ю. Ахматова и Мандельштам (к биографии ранних портретов)//Творчество. 1988. № 7. С. 3). По воспоминаниям современников, была

«прирожденной хозяйкой салона». Бенедикт Лившиц вспоминает: «...В тот вечер, когда меня впервые привел к Чудовским Мандельштам, у них были Сологуб с Чеботаревской, Гумилев, Георгий Иванов, Константин Миклашевский, Люсциус, певец Можухин и еще несколько из музыкального и актерского мира. ... автор тоненького зеленого "Камня" вскидывал кверху зародыши бакенбардов, дань свирепство-вавшему тогда увлечению 1830 годом, который обернулся к нему Чаадаевым, предлагал "поговорить о Риме" и по-слушать апостольское credo...» (Лившиц Б. Полу-тораглазыи стрелец. Л., 1933. С. 269–270).

...Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи... – В письме

от 25 июля 1923 г. М. Цветаева писала А. Бахраку: «Может быть, Вам будет любопытно узнать (как одно из моих отражений), что стихи "В

разноголосице девического хора", "На розвальнях, уложенных соломой", "Но в этой странной, де-ревянной – и юродивой слободе" – и еще несколько – на-писаны мне.

Это было в Москве, весной 1916 г., и я взамен себя дарила ему Москву. Стихов он из-за жены (недавней и ревнивой) открыто посвятить не решился. У меня много стихов к нему...» (Ц в е т а е в а М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1974–1975. Т. 6. С. 579).

Андроникова Саломея Николаевна (в замуж. Гальперн; 1888–1982) – одна из красавиц «Тринадцатого года», подруга Ахматовой и адресат стихотворения «Тень»,

первоначальное название «Современница» (1940). Парафраза строки из известного стихотворения «Соломинка» введена Ахматовой в одну из сцен либретто к «Поэме

без героя»: «И в круглом зеркале кровать отражена». См. у Мандельштама в диптихе «Соломинка» (1916):

В часы бессонницы предметы тяжелее, как будто меньше их – такая тишина! Мерцают в зеркале подушка, чуть белея, И в круглом омуте кровать отражена.

В Варшаву Осип Эмильевич действительно ездил... – См. «Избранные даты жизни О.Э. Мандельштама»/ /Камень. АН СССР. Литературные памятники. Л., 1990. С. 367:

«1914. ... 22 декабря уезжает в Варшаву. 1915. Возвращается в Петроград (ок. 6 января)».

...о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слышала, как и о дочке Липочке... – Возможно, речь идет о предполагаемой мистификации Мандельштама, о которой он мог рассказывать всерьез. Таким образом предполагалось воздействовать на Н.Я. Мандельштам в пору его романа с Ольгой

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Ваксель, в разгар которого Надежда Яковлевна собиралась порвать с ним: «...он мне признался, что у него с самого начала сложился совершенно мальчишеский план, как меня вернуть, если я обижусь и не захочу с ним жить. Он решил достать пистолет, впрочем, тогда были револьверы, и стрелнуть в себя, но не всерьез, а только оттянув кожу на боку. Рана бы выглядела страшно – сколько крови! – опасности же никакой – просто порванная кожа...» (Мандельштам Н., 2. С. 240). В статье «Осип Мандельштам» (Новый журнал. 1955. № 43), написанной Г. Ивановым в виде рецензии на собрание сочинений О.Э. Мандельштама, вышедшее в 1955 г. в нью-йоркском издательстве им. Чехова (под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова), рецензент, в частности, сетовал, что во вступительной статье, названной «Опыт биографии и критического комментария» «...мы не находим... вообще нигде, даже упоминания ни о трагической женитьбе Мандельштама, ни об обожаемой им дочке "Ли-почке"!». На рецензию последовало письмо в редакцию «Нового журнала» Г. Струве и Б. Филиппова, опровергающее большинство фактов, приведенных в рецензии Иванова, в частности и по поводу «дочери Липочки» (Новый журнал. 1956. № 45). В этом же номере помещен ответ Г. Иванова, назвавшего в доказательство существования «обожаемой дочки Липочки» стихотворение, напечатанное под фамилией О. Мандельштама в 1923 г.:

Пылает за окном звезда, мигает огоньком лампада.

Так значит суждено и надо, чтоб стала горечью отрада, невеста ушедшая куда. Над колыбелью тихий свет и как не твой напев баюнный, и снег и звезды, лисий след, и месяц золотой и юный, ни дней не знающий, ни лет.

И жаль и больно мне спугнуть с бровей знакомую излучку, и взять, как прежде, в руки руку. Прости ты мне земную муку, земную ж радость не забудь. В окне звезда, в углу лампада и колыбели тихий след. Поутру стол и табурет. Так значит суждено, и нет иного счастья и не надо.

Стихотворение было опубликовано в «Красной ниве» (1923. № 4, 28 января) за подписью Мандельштама и перепечатано в собрании его сочинений, подготовленном Г.П. Струве и Б.А. Филипповым, однако с комментарием: «По полученным нами из очень хорошего источника сведениям, стихотворение это ошибочно приписывается Мандельштаму. Оно было написано "в шутку" Сергеем Клычковым» (Мандельштам, 1. С. 482). Авторство С. Клычкова подтверждено (см.: Клычков С. Собр. соч.: в 2 т. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1. С. 130).

Заклячая свой «ответ», Г. Иванов все же признается во вторичности изложенных им фактов: «Мало ли что я еще знаю и о чем "умолчал" в моих полубеллетристических фельетонах, из которых составились "Петербургские зимы"? Известие о женитьбе Мандельштама, удивившее весь тогдашний литературный Петербург, привез из Москвы весной 1922 года Корней Чуковский. Вскоре, осенью того же года, перед своим отъездом за границу, я в Москве прощался с Мандельштамом и познакомился с его женой. Позднее, уже в Париже, от наезжавших сюда из России общих знакомых – Альтмана, Мейерхольда, Миклашевского, я слышал разные грустные и даже трагические подробности о судьбе этого брака» (Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 633).

28 Там был стих: «Что знает женщина одна о смертном часе...» – Неточное цитирование. В стихотворении «Соломинка» (1):

...Нет, не соломинка в торжественном атласе, в огромной комнате над черною Невой, двенадцать месяцев поет о смертном часе, струится в воздухе лед бледно-голубой.

Арбенина Ольга Николаевна (наст. фам. Гильдебрандт; 1897–1979) – дочь артиста Императорских театров Николая Федоровича Арбенина (наст. фам. Гильдебрандт), окончила в Петербурге одну из лучших гимназий – Лохвицкой-Скалон, училась на Женских педагогических курсах новых языков. В 1919 г. окончила курсы «Акдрамы» при Александринском театре и была зачислена в его труппу. Как художник-акварелист, входила в группу «13». Писала стихи, была близка к среде литературно-художественной молодежи последних предреволюционных лет – В. Чернявским, В. Курдюмовым, К. Ляндау, Л. Каннегисером, М. Струве. Подруга второй жены Н. Гумилева – А.Н. Энгельгардт, жена Ю.И. Юркуна. Оставила мемуары, отличающиеся непосредственностью, искренностью и правдивостью. По словам М.В. Толмачева (их публикатора), «мемуары очень красивой женщины» (см. в кн.: Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 427–470). С Мандельштамом познакомилась на излете своего бурного романа с Гумилевым: «Когда появился в городе Мандельштам, точно не помню. Внешне он был неприметен. Стихи (неожиданно) меня ошеломили. Может быть, мой восторг перед этими стихами был ударом в сердце Гумилеву? Тут была и Греция, и море!.. Не помню, как мы с Мандельштамом разболтались (в Доме литераторов, конечно!), я у него была впервые в день вечера Маяковского. ... У меня не было ссор с Гумилевым; не было как будто ревности ни с его, ни с моей стороны. Мой "беготня" с Мандельштамом и редкие свидания с Мандельштамом в его комнате не

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова вызывали сомнений у Гумилева. Или он ревновал к моему восхищению стихами Мандельштама с "греческими" именами?» (Там же. С. 455–456).

29 Юркун Юрий Иванович (наст. фам. Юркунас; 1895–1938) – прозаик, художник-график, близкий друг и, по словам А.С. Лурье, миньон «милейшего Кузмина». Был осужден на «десять лет без права переписки», что означало расстрел.

...писал ей стихи... – Среди стихов, посвященных О.Н. Арбениной: «За то, что я руки твои не сумел удержать...», «Когда ты уходишь, и тело лишится души...», «Мне жалко, что теперь зима...».

«...нежные европейки». – См. стихотворение «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (ян-варь 1931). Ахматова цитирует строки из третьей строфы: Чужая грядущие казни, от рева событий мятежных

Я убежал к nereидам на Черное море,
И от красавиц тогдашних, – от тех европейок нежных –
Сколько я принял смущенья, насады и горя!

29 Ваксель Ольга Александровна (1903–1932). – Училась в Институте св. Екатерины, после закрытия – в советской восьмилетней школе. Учебу совмещала с работой на книжном складе. Автор стихотворений и мемуарных записок (в большинстве неопубликованных, оригиналы в От-деле рукописей Пушкинского Дома). Ряд страниц посвящен поэтам – М. Волошину, Н. Гумилеву, О. Мандельштаму. Посещала

руководимый Н. Гумилевым «Кружок по-этов» при Институте живого слова. По некоторым сведениям, находилась в дальнем родстве с Гумилевыми, по линии Львовых. Адресат стихотворений Мандельштама: «...Я буду метаться по табору улицы темной...», «Жизнь упала, как зарница...», «На мертвых ресницах Исаакий замерз...», «Возможна ли женщине мертвой хвала...».

По свидетельству Н.Я. Мандельштам, О. Мандельштам знала Ольгу Ваксель девочкой, еще по Коктебелю. В его жизнь она вошла в середине 1925 г., осложнив на время его отношения с Н.Я. Мандельштам. «...Все началось почти сразу, Мандельштам был по-настоящему увлечен и ничего вокруг себя не видел. Это было его единственное увлечение за

всю нашу совместную жизнь, но я тогда узнала, что такое разрыв, – вспоминает Н.Я. Мандельштам. – Ольга добивалась разрыва, и жизнь повисла на волоске. В Ольге было много прелести, которую даже я, обиженная, не могла не замечать, – девочка, заблудившаяся в страшном одичалом городе, кра-сивая, беспомощная, беззащитная... Ее бросил муж, и она с сыном целиком зависела от матери и отчима, который, видимо, тяготился создавшейся ситуацией. ...История с Ольгой подарила

меня новым знанием: страшной и слепой власти над человеком любви, потому что с Ольгой было нечто большее, чем страсть. Через много лет он мне сказал, что в жизни он только дважды знал настоящую любовь-страсть – со мной и с Ольгой...» (Мандельштам Н., 2. С. 235, 236, 239, 240). Как пишет Н.Я. Мандельштам, этот бурный роман длился около двух месяцев. После решения Осипа Эмилевича остаться с женой и наступившего разрыва с Ольгой, она через несколько лет вышла замуж, уехала в Норвегию и 26 октября 1932 г. покончила жизнь самоубийством в Осло.

29 в 1933–34 гг. Осип Эмилевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых. – История отношений Мандельштама с Марией Сергеевной Петровых (1908–1979) рассказана Э.Г. Герштейн по-другому. Ахматова называет посвященное М.С. Петровых стихотворение «Мастерица виноватых взоров»

«Турчанкой», по-видимому, устанавливая связь между ним и одним из стихотворений Гумилева – отсюда и название: согласно обычаю, неверную жену зашивали в один мешок с любовником и бросали на дно Босфора. См. у Н. Гумилева стихотворение «Константинополь» (1914):

Отец печален, но понимает И шепчет мужу: «Что ж, пора?» Но глаз упрямых не поднимает, Мечтает младшая сестра:
Так много, много в глухих заливах Лежит любовников других, Сплетенных, томных и молчаливых... Какое счастье быть среди них!

Однако Э.Г. Герштейн, исследуя ситуацию, видит в М.С. Петровых и адресата стихотворения «Черная свечка»: «Трудно понять, кому посвящены эти стихи. Об этом говорила и писала Надежда Яковлевна. Она приводила разумные доводы в пользу своей кандидатуры, но не могла отмахнуться и от не менее убедительных признаков какой-то другой женщины, за чью участь поэт боялся. И не только боялся, но чувствовал себя виновным в ее возможной гибели. Об этом недвусмысленно говорят

заключительные строки этого загадочного стихотворения: Ну а мне за тебя черной свечкой гореть, Черной свечкой гореть и молиться не сметь*.

Надежда Яковлевна заканчивает свой этюд словами: "Я не знаю, что о них думать, и это меня огорчает". Но после ее смерти, а также уже после смерти Марии Петровых в печати впервые появились документы, проливающие свет на происхождение этих стихов. ... Это протоколы 1934 года» (Герштейн Е. С. 432).

* Приводим полный текст стихотворения (февраль 1934):

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Твоим узким плечам под бичами краснеть, Под бичами краснеть, на морозе гореть.
Твоим детским рукам утюги поднимать, Утюги поднимать да веревки вязать.
Твоим нежным ногам по стеклу босиком, По стеклу босиком, да кровавым песком.
Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть, Черной свечкой гореть да молиться не
сметь.
Впервые опубликовано в журнале «Подъем» (1966. № 1, январь–февраль. С. 94).
Дама, которая через «плечо поглядела»,. – Вера Артуровна Шиллинг (1892–?;
урожд. дс Боссе, впоследствии жена Стравинского) – актриса Камерного театра,
уехала за границу вместе с СЮ. Судейкиным. Мандельштам посвятил ей стихотворение
(1917):
Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.
30 Штемпель Наталья Евгеньевна (1908–1989) – преподавала литературу в Воронеже,
близкий друг О.Э. Мандельштама и его жены Надежды Яковлевны, автор воспоминаний
о Мандельштаме (Новый мир. 1987. № И). Ей посвящена воронежская любовная лирика:
«Клейкой клятвой липнут почки...», «На меня нацелилась груша да черемуха...»,
«Як губам подношу эту зелень...» и др., а также ряд шуточных стихотворений.
Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дарматолова; 1891–1949) – поэт, переводчик,
печаталась в «Аполлоне», автор стихотворных сборников «Соты» (1918), «Корабли»
(1920), «Крылатый гость» (1922), умерла в ссылке. Не пользовалась расположением
Аматовой, относившей ее к враждебному себе, как считала, «салону Кузмина».
«Архистратиг вошел в иконостас...» – Пародируются строки из стихотворения А.Д.
Радловой, посвященного Го В.А. Чудовскому: «Ты будешь мне архистратигом
сниться...» (отмечено Р.Д. Тименчиком. «Requiem». С. 149).
Виллой – в 1910 г. Мандельштам написал статью «Франсуа Вийон». Впервые – Аполлон.
1913. кн. 4. С. 30–35.
30 Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – мыслитель, публицист, принял
католичество. Очерк «Петр Чаадаев» был написан Мандельштамом в 1915 г. под
заглавием «Чаадаев» (опубликован в журнале «Аполлон». 1915. кн. 6–7. С. 57–62).
С религиозно-философскими воззрениями того времени связано также стихотворение
Мандельштама «Посох» (1914).
«Гилея» – одна из ранних футуристических группировок (позже кубофутуристы),
издавшая первые альманахи футуристов – «Пощечина общественному вкусу», «Са-док
судей 2», «Требник троих», «Трое», «Дохлая луна». С «Гилеей» были связаны братья
Д. и Н. Бурлюки, В. Каменский, А. Крученых, Б. Лившиц, В. Маяковский, В.
Хлебников.
...смотреть воспоминания Зенкевича. – Зенкевич Михаил Александрович (1891–1973)
– поэт, переводчик, входил в группу акмеистов, о которой Ахматова не раз
говорила («Нас было шестеро. Седьмого – никогда не было»). Автор книги «Эльга.
Беллетристические мемуары», посвященной акмеистической молодости, событиям
1910-х–начала 1920-х гг. В.Я. Виленкин приводит строку из черновой рукописи
(РНБ): «Спросить у Зенкевича, как они с Осипом выступали с кубофутуристами».
...взиму 1913–14 (послеразгрома акмеизма)... –
Имеется в виду оскорбительное выступление Вяч. Иванова на заседании «Общества
ревнителей художественного слова», при обсуждении первого программного
акмеистического произведения – поэмы «Блудный сын» Н. Гумилева. Заседание
состоялось 13 апреля 1911 г., Н.С. Гумилев прочел циклическое произведение
«Блудный сын», вызвавшее споры и требования о пределах той свободы, с которой
поэт может обрабатывать традиционные сюжеты (см.: Известия АН СССР. Серия
литературы и языка. Т. 46. 1987. № 1. С. 66).
Городецкий Сергей Митрофанович (1884– 1967) – акмеист, один из организаторов,
или «синдиков», «Цеха поэтов».
...кроме изумительных стихов О. Арбениной. –
См. запись Ахматовой: «В 20 г. он был один в Петербурге (и влюблен в Арбенину.
См. "Стихи")» («Записные книжки». С. 246). Ахматова имеет в виду стихи из
«Tristia». В июне 1965 г. она вновь вспоминает: «Маленькая актриса и художница
Ольга Николаевна Арбенина была необычайно хороша собой. Жива и находится в
Ленинграде. – Вдова Юрия Юркуна и следователью хозяйка са-лона Кузмина. У нее
был очень бурный роман с Гумилевым, ей же посвящено все театральное
Мандельштама (1920). С Гумилевым была оживленная переписка, она давала читать
письма Гумилева П.Н. Лукницкому (20-ые годы). Дружила с А.Н. Гумилевой» (там же.
С. 731).
Чудовский Валериан Адольфович (1891–1937) – критик, поэт, член «Цеха поэтов»,
приятель Н. Гумилева, автор рецензии на первую книгу стихотворений Ахматовой
«Вечер». О поэзии Анны Радловой писал: «Для Анны Радловой смысл и освящение и
последняя мера величайших событий в том, что возвращается словам их

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматовая бессмертная и потому так легко в сердцах людских умирающая правда... В этом маленьком сборнике (корабли) открывается разительное явление: для этого поэта слова стали опять совсем простыми и сильными простотой своей. Хлеб, лю-бовь, кровь. И еще смерть – "добрая смерть"... И очень часто – Бог. Я хочу в этом видеть признак возрождения в русской поэзии словесного примитивизма» (Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. Пб. 1921. № 1. С. 209).
31 Догнали знаменитые петербургские торцы. – Описывая Петербург начала 1920-х гг., один из его быто-писателей замечает: «Невский вплоть до Аничкова моста вымощен булыжником. Мы встретим торцовую мостовую, лишь перейдя последний» (Кони А.Ф. Петербург. Воспоминания старожила. Пб.: АТЕНЕЙ, 1922. С. 21).
Крафт. – Возможно, Крафт Николай Юльевич (1849–?) – купец 1-й гильдии, совладелец торгового дома «Братья Крафт», либо один из его сыновей Александр Николаевич или Константин Николаевич (1882–1918).
В Царском, тогда «Детское имени товарища Урицкого», почти у всех были козы... – В первые годы советской власти Царское Село было переименовано в Детское село (с 1937 г. – г. Пушкин), а бывшие железнодорожные вагонные мастерские Царской ветки в Царское Село иронически называли дачей Урицкого. Во времена, описанные Ахматовой, на этом месте стояли вагоны, елок-руг которых росла трава и паслись козы.

Пронин Борис Константинович. – См. т. 3. С. 598.

...и еще что-то про шаль. – Имеется в виду стихотворение Мандельштама «Ахматова» (1914):

Вполборота, о печаль, На равнодушных поглядела.

Спадая с плеч, окаменела Ложноклассическая шаль.

Зловещий голос – горький хмель – Души расковыряет недра: Так – негодующая Федра – Стояла некогда Рашель.

31 См. Осип Мандельштам и воспоминания В.С. Срезневской. – Частично опубликованные воспоминания ближайшего друга Ахматовой еще по царскосельской гимназии В.С. Срезневской, текстуально близки рассказу Ахматовой об этом эпизоде (существуют в нескольких вариантах: Отдел рукописей РНБ. Фонтанный Дом. Собрание Д.Л. Файнберга, Москва).

Таким же наброском с натуры было стихотворение «Черты лица искажены». – Первая строка стихотворения, написанного в 1913 г. (впервые опубликовано в альм. «Воздушные пути». Нью-Йорк. 1963. № 3).

Черты лица искажены какой-то старческой улыбкой. Кто скажет, что Гитане гибкой Все муки Данта суждены...

Вариант строки 3: «Ужели и Гитане гибкой».

...наш отъезд в Италию... – 3 апреля 1912 г. супруги Гумилевы уехали в Италию.

«Труды и дни» – так Ахматова предполагала назвать летопись жизни и творчества Н.С. Гумилева, работа над которой велась ею с середины 1920-х гг., с помощью П.Н. Лукницкого. Название восходит к поэме Гесиода

(8–7 вв. до н.э.). Вошло в литературную традицию, как повествование о жизни и трудах (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910; Лернер Н. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910). В 1912–1914 и 1916 гг. под таким же названием выходил двухмесячник в издательстве «Мусaget».

32 Этот списан* давала... Наруми. – Кандзо На-руми (1899–1974) – японский филолог-славист.

«Вечер», «Дикая порфира», «Скифские черепки» – первые стихотворные сборники акмеистов.

Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (урожд. Пиленко, во втором браке Скобцова, в монашестве мать Мария; 1891–1945) – поэтесса, прозаик, публицист. С 1919 г. в эмиграции. Участница французского Сопротивления. Погибла в лагере Равенсбрук.

Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович (1886–1959) – двоюродный брат и приятель Н. Гумилева, стряпчий «Цеха поэтов». Юрист по образованию, первый муж Е.Ю.

Кузьминой-Караваевой. Перешел в католичество и принял духовный сан.

Бруни Николай Александрович (1891–1938) – поэт. В записных книжках Ахматовой имеется помета о словах Мандельштама: «По поводу стихов Н. Бруни (в 1-ом Цехе) пришел в ярость и прорывал: [есть] бывают стихи, которые воспринимаешь как личное оскорбление» («Записные книжки». С. 556).

Адамович Георгий Викторович (1892–1972) – поэт и литературный критик, принадлежал к младшим акмеистам, член «Цеха поэтов». В эмиграции с 1923 г. Брат Татьяна Викторовны Адамович. В 1965 г. в Париже у Ахматовой состоялся диалог с Г. Адамовичем о судьбах русской интеллигенции, оказавшейся в результате октябрьских событий и прихода большевиков к власти по разные стороны границы. Темой острой и бескомпромиссной дискуссии послужил эпиграф к «Реквиему»:

Нет, и не под чуждым небосводом, И не под защитой чуждых крыл, – Я была тогда с моим народом, Там, где мой народ, к несчастью, был.

32 Чернявский Владимир Степанович (1889–1948) – поэт, артист-декламатор.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Радимов Павел Александрович (1887–1967) – поэт, художник. Первые сборники стихотворений «Поле-вые псалмы» (1912), «Земная отрада» (1914) были отмечены Н. Гумилевым в «Письмах о русской поэзии».

Юнгер Владимир (Вольдемар) Александрович (1883–1918) – поэт, друг рано умершего художника – Александра Митрофановича Городецкого, брата СМ. Городецкого. Автор книги терцин «Песни полей и комнат», вышедшей в годы войны. В книге воспоминаний В. Пяст приводит стихи из этой книги, посвященные СМ. Городецкому:

Тебе, я знаю, любо все земное:

На скромно убранном столе

Ты встретишь острый сыр с душистою слезою,

И фрукты крымские в старинном хрустале;

И золотой налив, и виноград жемчужный Обступят вин любимых ярлыки... И мирно полетят слова беседы дружной, как журавлиной стаи вожаки...

(П я с т Вл. Встречи. М.: Новое литературное обозрение. 1997. С. 64).

32 Бурлюк Николай Давидович (1890–1920) – брат Д.Д. Бурлюка, поэт, прозаик, теоретик искусства, принимал участие в основных изданиях «Гилей» и выступлениях футуристов.

Хлебников Велимир (наст, имя Виктор Владимирович; 1885–1922) – поэт, мыслитель. ...французы – ученые-слависты Луи Рео и Поль Буайе.

Акмеизм был решен у нас в Царском Селе (Ма-лая 63). – Ахматова сообщает об этом факте в одной из записных книжек 1964 г. Об этом собрании см. также в дневнике А. Блока от 20 октября 1911 г. В записных книжках Ахматовой есть и другой расширенный список принимавших участие в работе «Цеха» («Записные книжки». С. 447)

ЦЕХ ПОЭТОВ С 1911–1914

Гумилев]

I синдики

Городецкий J

Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев – стряпчий.

О. Мандельштам \

Нарбут V с самого начала

Зенкевич

Ахматова – секретарь + Макридин

+ Василий Васильевич Гиппиус Василий Алексеевич Комаровский Верхоустинский М.

Моравская

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева – с начала до весны 12 г.

М. Лозинский (с 2-ого собрания)

Г. Иванов (не с начала)

Г. Адамович (с 1914)

Клюев Н.

Клычков

Бруни НА.

Грааль-Арельский

Чернявский

В. Гейдронц (Сергей) Царское Село аллоним, взято имя умершего брата. Наст, имя

Вера Игнатьевна Владимир Юнгер

Как можно полагать, уточнения были сделаны Ахматовой для молодой английской исследовательницы Аман-ды Хейт.

Срезневский Вячеслав Вячеславович (1880– 1942) – врач-психиатр, профессор Военно-медицинской академии, муж подруги Ахматовой.

Срезневская Валерия Сергеевна (урожд. Тюльпано-ва; 1888–1964) – друг детства и юности Ахматовой по Царскому Селу. Отношения сохранялись всю жизнь, адресат стихотворений «Жрицами божественной бессмысли-цы» (1910-е годы), «Памяти В.С. Срезневской» (1964).

В конце жизни Ахматова уговорила В.С. Срезневскую на-писать воспоминания, которые сама тщательно редактировала и стремилась противопоставить лжеменуарам современников, которые, как полагала Ахматова, умышленно искажали факты ее отношений с Гумилевым. Мемуары Срезневской завершены не были, однако частично опубликованы в ряде изданий (Гумилев Н. Неизданное и несобранное. Paris: YMCA-Press, 1986. С. 157–168.

33. ...на концерте Бутомо-названовой в Консерватории, где она пела Шуберта (см.

«Нам пели Шу-берта»...) – Имеется в виду строчка из стихотворения Мандельштама

«В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918). Бутомо-Названова Ольга

Никола-евна (1888–1960) – камерная певица (меццо-сопрано), педагог. Ахматова

встречалась с ней в салоне Ф. Сологуба и А. Чеботаревской. Речь идет о концерте (30 декабря 1917 г.), на котором исполнялись песни Н. Метнера и Ф. Шуберта (К а ц Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. М., 1989. С. 27).

...все обращенные ко мне стихи... – Речь идет о стихотворении «Я не искал в цветущие мгновенья» (1917), получившем позднее название «Кассандре», и «Твое

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматовичу-десное произношение...» (начало 1918):
Я не искал в цветущие мгновенья твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре торжественные бденья – Воспоминанья мучат нас.
И в декабре семнадцатого года всего лишились мы, любя, Один ограблен волею
парода, другой – ограбил сам себя.
Когда-нибудь в столице шалой На скифском празднике, на берегу Невы, Под звуки
омерзительного бала Сорвут платок с прекрасной головы.
Но если эта жизнь – необходимость бреда И корабельный лес – высокие дома, –
Лети, безрукая победа – Гиперборейская чума.
На площади с броневиками
Я вижу человека – он
Волкоз горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон!
Касатка, милая, Кассандра! Ты стонешь, ты горишь – зачем Сияло солнце Александра
Сто лет тому назад сияло всем?
(1917)
Твое чудесное произношение – Горячий посвист хищных птиц; Скажу ль: живое
впечатленье каких-то шелковых зарниц.
«Что» – голова отяжелела. «Цо» – это я тебя зову! И далеко прошелестело: – я
тоже на земле живу.
Пусть говорят: любовь крылата, – Смерть окрыленнее стократ. Еще душа борьбой
объята, А наши губы к ней летят.
И сколько воздуха и шелка И ветра в шепоте твоём, И как слепые ночью долгой Мь!
смесь бессолнечную пьем,
(Начало 1918)
Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия. – Написаны в
1911, 1913, 1933– 1934 гг. Приводим их тексты:
1. Вы хотите быть игрушечной, Но испорчен Ваш завод:
К вам никто на выстрел пушечный Без стихов не подойдет.
2. Черты лица искажены какой-то старческой улыбкой. Ужели и Гитане гибкой
Все муки Данта суждены...
3. Привыкают к пчеловоду пчелы, Такова пчелиная порода... Только я Ахматовой
уколы Двадцать три уже считаю года.
4. Знакомства нашего на склоне Шервинский нас к себе зазвал Послушать, как Эдип
в Колоне С Нилендером маршировал.
М.М. Кралин обратил внимание, что к последнему четверостишью относятся строки из
черновой рукописи Ахматовой: «Мы (Мандельштам и я) у Шервинского слушали
перевод Шервинского и Нилендера "Эдип в Колоне" (когда?) Эпиграмма» (РНБ. Ф.
1073, ед. хр. 76).
34 Что поют часы-кузнечники. – Н. Харджиев пишет в комментарии к этому
стихотворению: «По сообщению А.А. Ахматовой, Мандельштам, беседа с нею у
горящей печки, сказал, что огонь очень похож на красный шелк» (Мандельштам О.
Стихотворения. Л., 1973. Б-ка поэта. Большая сер. С. 275).
...мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться... –
См. запись П.Н. Лукницкого со слов Ахматовой 27 февраля 1925 г.: «Было время,
когда О. Мандельштам сильно ухаживал за нею. "Он был мне физически неприятен. Я
не могла, например, когда он целовал мне руку". Одно время О.М. часто ездил с
ней на извозчиках. АА сказала, что нужно меньше ездить, во избежание сплетен.
"Если бы всякому другому сказать такую фразу, он бы ясно понял, что он не
нравится женщине... Ведь если человек хоть немного нравился, женщина не
посчитается ни с какими разговорами. А Мандельштам поверил мне прямо, что это
так и есть..."» (Лукницкий И., 1. С. 36–37).
Осип Мандельштам в 3-м Зачатьевском. – Запись не получила развития. По-видимому,
связана с периодом жизни Ахматовой с ее вторым мужем В.К. Шилейко в 3-м
Зачатьевском переулке в Москве. См. стихотворение «Переулочек, пер
гул...//Горло петелькой затянуло...» (лето 1940).
...Мандельштам становится постоянным сотрудником «Знамени Труда». Таинственное
стихотворение «Телефон», возможно, относится к этому времени. – «Знамя труда» –
левоэсеровская газета. Мандельштам
16 Собрание сочинений, т 5
сотрудничал в ней в 1918–1919 гг. Стихотворение «Телефон» написано в июне 1918
г.
35 Особняк кн. Волконского. Там у меня была казенная квартира. – Отмечено В.Я.
Вилепкиным (ВЛ. С. 197).
Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, в Тифлисе – меньшевиками.
– В августе 1919 г. Мандельштам был арестован врангелевской контрразведкой по
подозрению в связи с красным подпольем. Освобожден усилиями писавшего стихи и
почитателя поэзии, полковника А.В. Цыгальского, М. Волошина и др., после чего,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова примерно 12 сентября, отправился на барже из Феодосии в Батум. По прибытии немедленно был арестован местными властями. По имеющимся сведениям, освобожден с помощью конвойного, по фамилии Чигуа. По другой версии, благодаря заступничеству грузинских поэтов Т. Табидзе и Н. Мицишвилли.

36 И Надя, и я были тяжело больны... – Имеется в виду обострение туберкулезного процесса.

«Хочешь, валенки сниму» – строка из стихотворения «Жизнь упала, как зарница...» (1925).

Там он диктовал мне свои воспоминания о Гумилеве. – С декабря 1924 по 1929 г. Ахматова с помощью П.Н. Лукницкого собирала материалы к биографии Н.С. Гумилева: «В одни сутки 3 раза снился, я подумала, что я должна что-то сделать, что это какой-то вызов... И тогда я составила канву...» (Л у к и и ц к и й, 1. С. 89). 37 Голлербах Эрик Федорович (1895–1942) – литературовед, искусствовед, историограф Царского Села, работа которого вызвала резкое неудовольствие Ахматовой. В 1925 г. издал антологию «Образ Ахматовой» (1925) со своей вступительной статьей.

37 Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) – поэт, мемуарист, царскосел, автор воспоминаний «Из книги «Повесть моей жизни»» (Звезда. 1945. № 3. С. 107–115) и др., к которым Ахматова относилась резко отрицательно. Запись в августе 1963 г.: «О Голлербахе, Рождественском, Оцупе. (У Царского Села нет историографа)» («Записные книжки». С. 528). Позже Ахматова намеревалась противопоставить воспоминаниям Голлербаха и Рождественского точные, биографически и научно выверенные воспоминания о Царском Селе Н.Н. Лунина (см.: «Царское Село: Большая цитата из Н.Н. Пунина». «Записные книжки». С. 556). О том, что «Вчерашнее солнце иа чер/гых носил-ках несут» – Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали... – Цитата из стихотворения Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920).

...это выяснилось только теперь из черновиков (50-е годы). – Речь идет об обнаруженных в 1950-х гг. рукописных отрывках статьи О. Мандельштама «Пушкин и Скрябин», написанной по поводу смерти композитора: «Пушкин и Скрябин – два превращения одного солнца. Дважды смерть художника собирала русский народ и за-жигала над ним солнце. ...Они явили пример соборной, русской кончины, умерли полной смертью, как живут пол-ной жизнью, их личность, умирая, расширилась до симво-ла целого народа, и солнце-сердце умирающего останови-лось навеки в зените страдания и славы.

Я хочу говорить о смерти Скрябина, как о высшем акте его творчества. Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее заключительное звено. С этой вполне христианской точки зрения смерть Скрябина удивительна. Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной. Если со-рвать покров смерти с этой творческой жизни, она будет сво-бодно вытекать из своей причины – смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет.

Пушкина хоронили ночью. Хоронили тайно. Мрамор-ный Исаакий – великолепный саркофаг – так и не дож-дался солнечного тела поэта. Ночью положили солнце в гроб, и в январскую стужу проскрипели полозья саней, уво-зивших для отпевания прах поэта.

Я вспоминаю картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного солнца, образ последней греческой трагедии, созданной Еврипидом – виде-ние несчастной Федры» (М андельштам О. Пуш-кин и Скрябин» (фрагменты). – Цит. по: Мандель-штам, 2. С. 313–314).

По-видимому, умышленная неточность: исаакиевский собор, сооружение которого было завершено лишь в 1858 г., не имеет отношения к отпеванию Пушкина. Отпевание предполагалось в Исаакиевской церкви при Адмиралтей-стве, но по воле Николая I было перенесено в церковь Ко-нюшенного ведомства. Возможно, здесь, как и в строфе: «Поедем в Царское Село!//Свободны, ветрены и пьяны, //Там улыбаются уланы...» та же «умышленная неточ-ность», фиксирующая внимание читателя на определенном образе.

Сияло солнце Александра. – Из стихотворения Мандельштама «Кассандре» (1917).

3 7 Была я у Мандельштамов н летом в Китайской Деревне, где они жили с Лифшицами. – Китайская деревня – часть архитектурного ансамбля Царского Села.

Прав.: Ливший, Бенедикт Константинович (1886/87– 1939) – поэт, мемуарист.

Ливший, Екатерина Константи-новна (1902–1987) – балерина, жена Б.К. Лившица.

...подчеркнутое невнимание к строке – «Тамулы-баются уланы». – Из стихотворения Мандельштама «Царское Село», посвященного Георгию Иванову:

Поедем в Царское Село! Свободны, ветрены и пьяны, Там улыбаются уланы, Вскочив на крепкое седло... Поедем в Царское Село!

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

По поводу этой строфы комментаторы замечают: «Полагаем, что здесь мы имеем дело с тем же сознательным "сгущением пространства и времени", какое заставило его, великолепно знавшего Петербург, переместить фи-ванских сфинксов с набережной перед Академией Художеств на набережную перед университетом» (в "Египетской марке")... Отрыв от реального места делает реальную вещь еще более реальной (ошибка – особенно подчеркнуто – сознательная – заставляет другого не пропустить мимо сознания эту вещь) – и, вместе с тем, в какой-то мере ирреальной» (Мандельштам, 1. С. 413).

В издании «Стихотворений», подготовленном Н.И. Харджиевым (Л., 1973), дана другая редакция строфы, возможно, как отклик на замечание Ахматовой:

Поедем в Царское Село! Там улыбаются мещанки,

Когда гусары после пьянки садятся в крепкое седло... Поедем в Царское Село!

37 Лукницкий Павел Николаевич (1902–1973) – писатель, путешественник, альпинист, друг Ахматовой. С декабря 1924 по 1929 г. Ахматова с помощью Лукницкого восстанавливала «Дни и труды» Н.С. Гумилева.

На вершок бы мне синего моря, // На игольное только ушко... – строки из стихотворения «День стоял о пяти головах...» (июнь 1935, Воронеж), один из образцов стихов, которые Ахматова называла «гражданскими стихами Мандельштама»: День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток Я, смываясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах. Сон был старше, чем слух, слух был старше, чем сон, – слитен, чуток, А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах...

День стоял о пяти головах, и, чумая от пляса,

Ехала конная, пешая шла черноверхая масса:

Расширением аорты могущества в белых ночах, – нет, в ножах –

Глаз превращался в хвойное мясо.

На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко, чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо. Сухомятная русская сказка, деревянная ложка – ах! Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?

Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов, Грамотеев в шинелях с наганами племя пушкинovedов – Молодые любители белозубых стишков, На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!

Поезд шел на Урал. В открытые рты нам Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой... За бревенчатым тыном, на ленте простынной Утонуть и вскочить на коня своего!

По поводу этого стихотворения критик русского зарубежья Ю. Терапиано писал: «Страшные стихи... "День стоял о пяти головах...", изображающие в сложных, криптиграмматических строках шествие арестантов по этапу: "Ехала конная, пешая шла черноверхая масса...". Что это – поэтическая символика или реальность?» (Грани. Франк-фурт н/М., 1951. кн. 50. С. 121).

По свидетельству Э.Г. Герштейн, Мандельштам несколько раз смотрел фильм Васильевых «Чапаев» (1934). Стихотворение как бы накладывалось на фильм, где впервые белая армия была представлена не бандой трусов и негодяев, но достойных и уверенных в себе противников. Особое впечатление производила атака белых офицеров, идущих строевым шагом на отряды чапаевцев. Россия в его восприятии была безмерным историческим пространством, общей родиной. «Я русский поэт – Мандельштам», – повторял он.

Из записей 31 мая 1935 г. ОБ. Рудакова (Ночь): «Основное – вещь о Пушкине и Чапаеве. Она говорит о русском фольклоре, о сказке, о стране и впервые о новом "племени", о ГПУ, о молодежи, у которой будущее, о пленном времени, вечности, и материально, на основе реально-го бреда при поездке на Урал, образы безумного пространства, расширяющегося, углубленного и понятного через "синее море пушкинских сказок..."» (цит. по: Герштейн. С. 118-119).

38 Хазин Евгений Яковлевич (1893–1974) – брат Н.Я. Мандельштам, литератор. Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) – литературовед, прозаик, переводчик, один из теоретиков формальной школы (ОПОЯЗ), автор беллетризованных исторических романов «Кюхля», «Смерть вазир-Мухтара», популярного и экранизированного рассказа «Подпоручик Кижэ». Работал над романом о Пушкине, оставшимся незавершенным.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) – историк русской литературы, текстолог, входил в ОПОЯЗ. Разрабатывал проблемы поэтики. В своих исследованиях обращался к центральным фигурам литературного процесса – Пушкину, Лермонтову, Толстому. Автор книги «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923) и ряда статей, посвященных ее творчеству.

Гуковский Григорий Александрович (1902–1950) – исследователь русской литературы XIX–XX вв., профессор. В 1949 г. репрессирован.

Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990) – исследовательница русской поэзии, автор воспоминаний об Ахматовой.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Бух штаб Борис Яковлевич (1904–1985) – литера-туровед, исследователь русской литературы. Автор работ о Н.А. Некрасове, Н.А. Добролюбова, А.А. Фете, Ф.И. Тютчеве, публикации и комментарии к изданиям русских классиков.

39 Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпс... – Цезарь Самойлович Вольпе (1904–1941) – критик, редактор, литературовед, редактор журнала «Звезда». «Он напечатал запрещенный цензурой конец "Путе-шествия в Армению". Это – так называемое "По древнеармянским мотивам" – про царя Шапуха, которого держит в крепости Аньош победивший его ассириец» («Записные книжки». С. 593).

Н.Я. Мандельштам вспоминает: «...Вольпе сняли с работы, но его не посадили – ему повезло. Погиб он во время войны – никто не знает как – пробираясь из осажденного Ленинграда через Ладогу» (Мандельштам Н., 2. С. 460-461).

39 Бабель Исаак Эммануилович (1894–1941).

Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958).

Леонов Леонид Максимович (1899–1994). – См. запись Ахматовой: «Признавал Зощенку и Бабеля. Больше всех ненавидел – Леонова» («Записные книжки». С. 286).

Кто-то сказал, что Н. 4-?i.. – возможно, Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965), детский писатель, сын К.И. Чуковского. Однако суждение Мандельштама имеет более широкий историко-литературный контекст. Статья «Конец романа» (1922) и беседы с Пастернаком, обратившимся к большой прозе и мечтавшим о произведении в форме романа, объясняют резко негативное отношение Мандельштама к современным писателям-романистам: «...его раздражало необоснованное употребление самого слова "роман" как обозначения жанра... по отношению к своей собственной работе он признавал только два понятия – проза и стихи...» (Пастернак Е.В., Пастернак Е.Б. Координаты лирического пространства. С. 50).

39 Знакомство с Белым было коктейбельского происхождения. – В апреле 1933 г. Мандельштамы уехали в Старый Крым, где жили у вдовы писателя Грина – Нины Николаевны Грин. Из Старого Крыма они направились в Коктебельский Дом творчества писателей, там общались с Андреем Белым. Причину смерти Белого Мандельштамы видели в предисловии Л.Б. Каменева к мемуарной книге «Между двух революций», где литературная деятельность Белого была названа «трагифарсом», разгравшимся на задворках истории». «Андрей Белый скупал свою книгу и вырывал из нее предисловие. Он ходил по книжным магази-нам до тех пор, пока его не настиг инсульт, отчего он и умер. Мандельштамы были на похоронах. Надя отметила, что только одна учительница отважно привела туда своих учеников проститься с гениальным писателем» (Герштейн С. 50). См. стихотворение Мандельштама на смерть Андрея Белого: «Голубые глаза и горячая лобная кость...» Ахматова вспоминает, что о смерти Белого Мандельштам сообщил ей в Ленинград: «Сейчас я стоял в почетном карауле у гроба Андрея Белого» (цит. по Вл. 1989. № 2. С. 201).

Пастернак... любил только грузин и их «красавиц жен». – К этому времени относятся частые поездки Б.Л. Пастернака с женой Зинаидой Николаевной Пастернак (Нейгауз) в Грузию и приемы грузинских друзей в Москве с богатыми застольями. Пастернак в эти годы увлекается грузинской поэзией, переводит Н. Бараташвили, А. Церетели, Г. Леонидзе, Т. Табидзе, С. Чиковани, П. Яшвили. Пастернак писал, что грузинские поэты стали частью его личного, духовного мира: «Годы моего первого знакомства с грузинской лирикой составляют особую, свет-лую и незабываемую страницу в моей жизни. Воспоминания о толках п побуждениях, вызвавших эти переводы, а также подробности обстановки, в которой они производи-лись, слились с целый мир, далекий и драгоценный...» (1 декабря 1946. Т. 4. С. 412).

39 Осенью 1933 года Мандельштам наконец по-лучил (воспетую им) квартиру... – Нащокинский пере-улок, дом 5, квартира 26. В этой квартире в ночь на 14 мая 1935 г. Мандельштам был арестован. Ходили слухи, что среди стихов, свидетельствующих о неблагонадежности поэта, фигурировали и написанные на получение квартиры (ноябрь 1933):

Квартира тиха, как бумага – пустая без всяких затей, и слышно, как булькает влага По трубам внутри батарей.
Имущество в полном порядке, Лягушкой застыл телефон, Видавшие виды манатки На улицу просятя вон.
А стены проклятые тонки, и некуда больше бежать – А я как дурак – на гребенке Обязан кому-то играть...
Наглей комсомольской ячейки и вузовской песни наглей, Присевших на школьной скамейке Учить щебетать палачей.
Пайковые книги читаю, Пеньковые речи ловлю И грозное баюшки-баю Кулацкому паю пою.
Какой-нибудь изобразитель, Чесатель колхозного льна, Чернила и крови смеситель, Достоин такого рожна

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматович
Какой-нибудь честный предатель, Проверенный в чистках, как соль, Жены и детей
содержатель – Такую ухлопает моль...

И столько мучительной злости таит в себе каждый намек, как будто вколачивал
гвозди Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе, За семьдесят лет начинать, – Тебе, старику и
неряхе, Пора сапогами стучать

И вместо ключа Ипокрены Давнишнего страха струя Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилища.

Печ. по автографу В.Я. Виленкина, переданному ему Н.Я. Мандельштам (см. Вл. С. 202). Одним из поводов к созданию стихотворения явились слова Б. Пастернака, пришедшего посмотреть новое жилище Мандельштамов: «Ну вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи». Однако «Мандельштам почувствовал себя пойманным в клетку, за которую еще потребуют с него страшной платы. Этот страх и ужас прорвались стихотворением, написанным как бы в ответ на веселые и лепкие слова Пастернака, пришедшего поздравить его с новосельем» (ЛО. 1990. № 3. С. 94).

40 «Я к смерти готов» – фраза, сказанная О. Мандельштамом Ахматовой в феврале 1934 г., вошла в текст «Поэмы без героя»:

Это все наплывает не сразу. Как одну музыкальную фразу, слышу шепот: «Прощай! пора! Я оставляю тебя живою, Но ты будешь моей вдовой, Ты – Голубка, солнце, сестра!» На площадке две слитые тени... После – лестницы плоской ступени, Вопль: «Не надо!» – и в отдаленья Чистый голос: «Я к смерти готов».

Эта фраза, а также дата первого посвящения к «Поэме без героя» позволяет считать, что в мифологеме поэта в «Поэме без героя» присутствуют и черты О.Э. Мандельштама.

41 «Хулители Искусства» – не совсем точное свидетельство Ахматовой: «Осип читал мне на память отрывки стихотворения Н. Клюева "Хулители искусства" – причину гибели несчастного Николая Алексеевича. Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Клюева (из лагеря о помиловании): «Я осужденный за мое стихотворение "Хулители искусства" и за безумные строки моих черновиков». В действительности: «Из заявления во Все-российский Центральный Исполнительный Комитет административно-ссыльного в Нарымский край, в поселок Кол-пашево поэта Клюева Николая Алексеевича: "После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные непродуманные строки из моих черновиков, за прочтение моей поэмы под названием «Погорельщина», основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, сослан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет"» (Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы. По материалам семейного архива//Новый мир. 1988. № 8. С. 171. Публ. СИ. Субботина).

41 Клычкова Варвара Николаевна – жена писателя Сергея Антоновича Клычкова (наст. фам. Лешенков; 1889–1940). Клычковы были соседями Мандельштамов по писательскому «Дому Герцена», поддерживали дружеские отношения и опекали приезжавшего из Ленинграда Л.Н. Гумилева.

Не расстреливал несчастных по темницам. – Строка из стихотворения С.А. Есенина: «Я обманывать тебя не стану...» (1922). См. в «Четвертой прозе» Мандельштама: «Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиние ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих – он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы» (Мандельштам, 2. С. 184).

Эта проза такая неслышанная, забытая, только сейчас начинает доходить до читателя... – Борис Филиппов в предисловии издания нью-йоркского собрания сочинений писал в августе 1965 г.: «Проза Мандельштама – огромный шаг вперед... Впрочем, в культуре нет ни "вперед" ни "назад": проза Мандельштама отходит от психологического повествования А. Белого, от фольклорного реализма Замятина, от старого фабульного повествования. Иногда она обыгрывает остроту сюжетного или словесного анекдота, иногда – сюжетное построение целой свиты афоризмов. Она ведет повествование всегда не по линии стержня прежней фабулы: поступки героя и их психологическая мотивация. Она рисует героя при посредстве окружающих его вещей, истерического фона его жизни. Этот фон так приближается к герою, что иногда буквально пригнетает его к земле, иногда заслоняет его лицо. Но, как это ни парадоксально, мы видим персонажи Мандельштама много лучше, чем если бы они были нарисованы по старинке – прямой наводкой фотообъектива.

Проза Мандельштама – одновременно летопись и оратория эпохи» (Мандельштам, 2. С. XVIII).

Осип Эмильевич... сказал мне: «Стихи сейчас должны быть гражданскими») и прочел 'Под собой мы не чуем'». – Имеется в виду стихотворение, написанное

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов

Мандельштам в ноябре 1933 г.:

Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны, А где хватит на полразговорца, – Там припомнят кремлевского горца. Его толстые пальцы, как черви, жирны, А слова, как пудовые гири, верны, Тараканьи смеются усища, И сияют его голенища

А вокруг его сброд тонкошеих вождей, Он играет услугами полулюдей. Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет, Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы, кует за указом указ –

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него – то малина.

И широкая грудь осетина.

Э. Герштейн рассказывает об истории создания и бытования этого стихотворения, ставшего, по ее убеждению, причиной ряда трагедий, и главным образом Льва Нико-лаевича Гумилева, в следственном деле которого содержался текст стихотворения, переписанный его рукой: «Утром не-ожиданно ко мне пришла Надя, можно сказать, влетела. Она заговорила отрывисто. "Ося сочинил очень резкое сти-хотворение. Его нельзя записать. Никто, кроме меня, его не знает. Нужно, чтобы еще кто-нибудь его запомнил. Это будете вы. Мы умрем, а вы передадите его потом людям. Ося прочтет его вам, а потом вы выучите его наизусть со мной. Пока никто не должен об этом знать. Особенно Лева".

Надя была очень взвинчена. Мы тотчас пошли в На-шокинский. Надя оставила меня наедине с Осипом Эми-льевичем в большой комнате. Он прочел: "Мы живем, под собою не чуя страны" и т.д. все до конца – теперь эта эпиг-рамма на Сталина известна. Но прочитав заключительное двустишие – "Что ни казнь у него, то малина. И широкая грудь осетина", он вскричал:

– Нет, нет! Это плохой конец. В нем есть что-то цве-таевское. Я его отменяю.

Будет держаться и без него... – И он снова прочел все стихотворение, закончив с величай-шим воодушевлением:

Как подковы дарит за указом указ – Кому в лоб, кому в пах, кому в бровь, кому в глаз!!

– Это комсомольцы будут петь на улицах! – под-хватил он сам себя ликующе. – В Большом театре... на съездах... со всех ярусов... – И он зашагал по комнате.

Обдав меня своим огненным взглядом, он остановился:

– Смотрите – никому. Если дойдет, меня могут... РАССТРЕЛЯТЬ!» (Ге р ш т е й н. С. 51).

Однако Мандельштам не удержался и читал это сти-хотворение не только людям, которым было можно дове-рять. Вскоре его пригласили на Лубянку, и он, решив быть до конца откровенным с ЧК, полагая таким образом дока-зать искренность и правоту поэта, которого, он был уверен, «следует судить по законам, им самим над собой поставлен-ным», назвал всех, кому читал стихи, как они были воспри-няты, и даже через несколько дней припомнил «забытую» им М.С. Петровых, в результате чего, по мнению Э. Гер-штейн, было написано стихотворение «Черная свечка».

«Мне хочется сказать не Сталин – Джугаш-вили»... – Строка из «Оды»

(январь-февраль 1937). У Мандельштама: «Хочу назвать его – не Сталин, Джу-гашвили». Написано в состоянии отчаяния. Как пишет С. Аверинцев: «Не признавая и все же каждодневно ощу-щая себя "тенью", изверженной из мира людей и только по видимости замешкавшейся в нем, поэт проходит через свое последнее искушение: попросить милостыню у тени, под-даться иллюзорному соблазну, использовать свой дар, что-бы вернуться в жизнь. Так возникает "Ода Сталину". Впол-не очевидно, что Мандельштам – какими бы противоре-чивыми ни были к этому времени его, может быть, уже не всегда вменяемые мысли – должен был причинить себе при работе над "Одой" немалое насилие; внешним его знаком было уже то, что стихи не рождались на ходу, в движении,

"с голоса", как обычно, – нет, поэту пришлось засадить себя за стол. "Каждое утро О.М. садился к столу и брал в руки карандаш: писатель как писатель, – вспоминает Н .Я. Мандельштам. – Просто Федин какой-то..." С дру-гой стороны, столь же очевидно, что в отличие от жутких, откровенно мертворожденных опытов Ахматовой в офи-циозном роде из цикла "Слава миру", это не совсем пустая версификация, а нечто, хотя бы временами, отдельными прорывами и проблесками, причастное мандельштамовс-кому гению» (Аверинцев С. Судьба и весть Осипа Мандельштама//М андельштам О. Соч.: В 2 т. М.,1990.Т.1.С.58).См.такжеАмелин Г., Мор-де р е в. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.; СПб., 2000. Глава «Сталин и Тарас Бульба».

42 Лунин Николай Николаевич (1888–1953) – историк искусства, муж А. Ахматовой. «Немного географии» – стихотворение А. Ахмато-вой (1937) с посвящением О. Мандельштаму.

...воспетый первым поэтом... – А.С. Пушкиным.

13-го мая 1934 года его арестовали. – Имеется в Еиду первый арест О.Э.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Мандельштама.

...столкновение с Толстым. – Ненависть к А.Н. Толстому возникла у Мандельштама, когда тот выступил неправедным председателем товарищеского суда (май 1934 г.), на котором разбирались истории по делу оскорбления Мандельштамов поэтом Амиром Саргиджаном, соседом Мандельштамов по Дому Герцена. Мандельштам грозился дать пощечину Толстому, причем в распрю был вовлечен Лев Гумилев, живший в это время в Москве:

«Лева должен был подстергать его, чтобы вовремя по-дать сигнал Мандельштаму. Тогда Осип Эмильевич должен был возникнуть перед "графом" и дать ему пощечину. В связи с этой затеей, оба друга, старый и юный, просиживали в какой-то столовке или забегаловке у Никитских ворот, недалеко от дома Алексея Толстого. Этот район имел и другую притягательную силу: неподалеку был Гранатный переулок, где жила Петровых. Она не служила, и, несомненно, они забегали к ней в дневные часы.

Ревность и соперничество были священными атрибутами страсти в понимании Мандельштама.

– Как это интересно! У меня было такое же с Колей, – восклицал Осип Эмильевич. У него кружилась голова от разбухенных левой воспоминаний о Николае Степановиче, когда в голодную зиму они оба домогались в Петрограде любви Ольги Николаевны Арбениной...» (Герштейн С. 49-50).

История с пощечиной А. Толстому – одна из мифологизированных историй бытия Мандельштама, равно как и история с вырванными у Блюмкина расстрельными ордерами, которые тот подписывал, сидя в кафе. Свою версию Ахматова рассказала И. Берлину поздней осенью 1945 г.: «... Я спросил про Мандельштама. Она не произнесла ни слова, глаза ее наполнились слезами, и она попросила меня не говорить о нем: "После того как он дал пощечину Алексею Толстому, все было кончено...". Ей нужно было некоторое время, чтобы успокоиться, затем совершенно другим тоном она сказала: "Алексей Толстой меня любил. Когда мы были в Ташкенте, он ходил в лиловых рубашках и любил говорить о том, как нам будет вместе хорошо, когда мы вернемся из эвакуации. Он был удивительно талантливый и интересный писатель, очаровательный негодяй, человек бурного темперамента. Его уже нет. Он был способен на все; он был чудовищным антисемитом; он был отчаянным авантюристом, ненадежным другом. Он любил лишь молодость, власть и жизненную силу. Он не окончил своего "Петра Первого", потому что говорил, что он мог писать только о молодом Петре. "Что мне делать с ними всеми старыми?". Он был похож на Долохова и называл меня Аннушкой, – меня это коробило, – но мне нравился, хотя он и был причиной гибели лучшего поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил меня» (В кн.: «Requiem». С. 207; Берлин И. Из очерка «Встречи с русскими писателями»).

Однако полагаем, что наиболее достоверно изложены события Федором Федоровичем Волькенштейном (1908–1985), сыном поэтессы Н.В. Крандиевской и па-сынком А.Н. Толстого, знавшим о случившемся не с чужих слов (имеются также воспоминания Е. Тагер, Н. Чуковского, С. Липкина и др.). Цитируемые воспоминания Ф.

Волькенштейна были в свое время изъяты из его мемуаров, публиковавшихся под фамилией Крандиевский в журнале «Звезда» (1981. № 1 и 1984. № 4).

«...Заседание товарищеского суда должно было происходить в помещении столовой в Дому Герцена. Это старинный желто-белый особняк со столовой, библиотекой, бильярдной, с разными редакциями и другими писательскими учреждениями, а также с небольшим писательским общежитием, коммунальной кухней, в которой всегда пахло кислыми щами. Одну из комнат в этом общежитии занимал Осип Мандельштам с женой, в другой жил какой-то молодой поэт, не русский. Я не помню сейчас ни его имени, ни национальности. Он вел себя довольно нагло: отказывался вернуть сорок рублей, взятых когда-то у Мандельштама взаймы. Оскорбительно вел себя по отношению к жене Мандельштама. Уже много месяцев среди горячих конфорок и кастрюль с супом шла нескончаемая коммунально-кухонная писательская склока. В конце концов, Мандельштам подал на своего обидчика жалобу в товарищеский суд. Председателем этого суда был почему-то назначен Толстой.

Дом Герцена находился в густом саду, отделявшем его от Тверского бульвара. В летние теплые вечера в саду расставлялись столики, зажигались разноцветные лампочки. Здесь можно было попивать пиво или есть мороженое, рассматривая проходящих по бульвару.

Сейчас здесь было совсем темно. Лишь в первом этаже светились окна столовой. Нам навстречу выбежал молодой человек, поздоровался, помог раздеться, а затем, взяв отчима под локоток, повел его через зал и через сцену в какую-то заднюю комнату. Там в течение десяти-пятнадцати минут Толстого инструктировали, как надо вести процесс: проявить снисхождение к молодому национальному поэту, только начинающему печататься, к тому же члену партии.

Все столы в столовой (небольшой зал со сценой) были сдвинуты в угол, а стулья –

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова расставлены перед сценой, как в театре. Мы с мамой сели в одном из первых рядов. В зале было много народу: вставали, садились, собирались группками и тихо беседовали. На нас с мамой смотрели с опаской. Все устали от полуторачасового ожидания. На-конец, зазвонил колокольчик. Все сели.

– Суд идет!

Все встали. Толстой с папкой под мышкой поднялся на сцену и сел на приготовленное для него место. Воцари-лась тишина. Толстой открыл заседание. Проведя ладонью по лицу, как бы снимая паутину (такой знакомый, его все-гдашний жест!), он сказал:

– Мы будем судить диалектики.

Все переглянулись. Раздался тихий ропот. Никто не понял, и сам председатель не знал, что это значит. Начались

Еопросы, речи, суд протекал, как ему положено. Истец, Мандельштам, нервно ходил по сцене. Обвиняемый, разва-лясь на стуле, молчал и рассматривал публику. На его лице не было ни тени волнения. Казалось, что на сцене протекает никому пе нужная процедура. Мандельштам произнес тем-пераментную речь. Обвиняемый молчал как истукан. Все выглядело так, как будто судили именно Мандельштама, а не молодого начинающего национального поэта.

После выступлений всех, кому это было положено, суд удалился на совещание. Довольно быстро Толстой вернулся и объявил решение суда: суд вменил в обязанность молодому поэту Еернуть Осипу Мандельштаму взятые у него со-рок рублей. Поэт был неудовлетворен таким решением и требовал иной формулировки: вер-гуть сорок рублей, когда это будет возможно. Суд, кажется, принял эту поправку.

Народ в зале не расходился. Все были возмущены. Ожидали, что суд призовет к порядку распоясавшегося молодого поэта. Зал бурлил. Раздавались возгласы: «Бе-зобразие!», «Позор!» Не стоило созывать заседание суда, чтобы вынести постановление, что, мол, надо отдавать взя-тые займы деньги.

Щупленький Мандельштам вскочил на стол и, потря-сая маленьким кулачком, кричал, что это не «товарищес-кий суд», что он этого так не оставит, что Толстой ему за это еще ответит. Это было похоже на выступление Камил-ла Демулена перед Люксембургским Дворцом во время французской революции. Атмосфера накалилась. Отчим, мама и я сочли разумным ретироваться...

На этом рассказанная здесь история не кончается. У нее есть свой эпилог... В Ленинграде на Невском, против Казанского собора, стоит большой дом. Это бывший дом Зингера, немецкой фирмы по продаже швейных машинок. Стена украшена ве-ликорусской красавицей в кокошнике, которая крутит ручку машинки. Теперь это Дом книги. На первом этаже располо-жен громадный книжный магазин. На следующих этажах – различные редакции и издательства. Здесь в коридорах все-гда можно встретить разных писателей. Однажды Толстой столкнулся в дверях лицом к лицу с Осипом Мандельшта-мом. Мандельштам побледнел, а затем, отскочив и развер-нувшись, дал Толстому звонкую пощечину.

– Вот Вам за Ваш «товарищеский суд», – пробормотал он.

Толстой схватил Мандельштама за руку.

– Что Вы делаете?! Разве Вы не понимаете, что я могу Вас у-ни-что-жить! – прошипел Толстой.

И когда спустя некоторое время Мандельштам был арестован, а затем сослан и след его утерялся, возник слух, что это дело рук Толстого. Я знал и заверяю читателя, что ни к аресту Мандельштама, ни к его дальнейшей судьбе Толстой не имел никакого отношения... Да разве мог че-ловек произнести такую угрозу, имея в виду ее осуществ-ление?» (Волькенштейн Ф. Товарищеский суд по иску Осипа Мандельштама. С. 54–57; публикация Л.Н. Радловой; цит. по кн.: «Сохрани мою речь...»).

В этом же издании опубликованы документы, по-влекшие за собой арест О.Э. Мандельштама 2 мая 1938 г. и гибель поэта: письмо секретаря Союза писателей СССР Владимира Петровича Ставского (наст. фам. кирпични-ков; 1900–1943), адресованное наркому внутренних дел Н.И. Ежову, и заключение «О стихах О. Мандельшта-ма» литературного функционера – писателя П.Н. Пав-ленко. Материалы, полученные Комиссией по творчес-кому наследию репрессированных писателей при Союзе писателей СССР из КГБ СССР (публикация В. Шета-линского):

Союз Советских Писателей СССР Наркомвнудел тов. Ежову Н.И.

Сов. Секретно 16 марта 1938 г.

Уважаемый Николай Иванович!

В части писательской среды весьма нервно обсуждается вопрос об Осипе Мандельштаме!

Как известно – за похабные клеветнические стихи и анти-советскую агитацию О. Мандельштам был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
Но на деле – он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом –
литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него
«страдальца» – гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто
выступали Валентин Катаев, И. Прут и другие литераторы, выступали остро.
С целью разрядить обстановку О. Мандельштаму была оказана материальная поддержка
через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме.
Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабных, клеветнических стихов о
руководстве партии и всего советского народа. Вопрос об отношении к
Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к вам, Николай
Иванович, с просьбой помочь.
За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности
они не представляют – по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться
с ними (в частности, тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем).
Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об О. Мандельштаме.
С коммунистическим приветом

В. Ставский

О СТИХАХ МАНДЕЛЬШТАМА

Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а
версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений. От этого
чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в
большинстве своем холодны, мертвы, в них нет даже того самого главного, что, на
мой взгляд, делает поэзию, – нет темперамента, нет веры в свою страну.
Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком. (См, 4-ю строфу «Станс» стр. № 5
и даже 7-ю и 8-ю).

Едва ли можно отнести к образцам ясности и следующие строки:

«Где связанный и пригвожденный стон?

Где Прометей – скалы подспорье и пособие?

А коршун где – и желтоглазый гон

Его когтей, летящих исподлобья?» (стр. № 23).

Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и не понимая их, я не могу
оценить возможную их значительность или пригодность. Система образов, язык,
метафоры, обилие флейт, арий и проч., все это кажется давно где-то прочитанным.
Относительно хороши (и лучше прочих) стихи пейзажные (стр. 21, 25, 15), хороши
стихотворения: 1) «Если б меня наши враги взяли...» (стр. 33), 2) «Не мучнистой
бабочкою белой...» (стр. 7) и 3) «Мир начинается, страшен и велик...» (стр. 4).
Есть хорошие строки в «Стихах о Сталине», стихотворении, проникнутом большим
чувством, что выделяет его из остальных.

В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много
косноязычия, что неуместно в теме о Сталине.

У меня нет под руками прежних стихов Мандельштама, чтобы проверить, как далеко
ушел он теперь от них, но – читая – я на память большой разницы между теми и
этими не чувствую, что, может быть, следует отнести уже ко мне самому, к
нелюбви моей к стихам Мандельштама.

Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в «Стихах о Сталине» это
чувствуется без обиняков, в остальных же стихах – о советском догадываемся. Если
бы передо мною был поставлен вопрос – следует ли печатать эти стихи, – я ответил
бы – нет, не следует.

П. Павленко

(Там же. С. 57-60).

...мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний данный Ремизовым в России...
– Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), писатель, в августе 1921 г.
эмигрировал, умер в Париже. Ремизовская Обезьянья палата – шутовской тайный
«Орден», в который Ремизов посвящал избранных. Возник в 1908 г., в пору
написания трагедии об «Иуде, принце Искаротском», героиней которой обезьяний
царь Асыка награждал обезьяньими знаками. Первыми кавалерами Обезьяньей палаты
Ремизова стали три режиссера – Ф.Ф. Комиссаржевский, А.П. Зонов, В.Г.
Сахновский. Особо почитаемые члены Обезьяньей палаты награждались цветистыми
грамматами, изготовлявшимися индивидуально для каждого автором. Ремизовская
грамматка, сделанная для Ахматовой, явилась последней из изготовленных им в России
и была не только выражением любви к Ахматовой, но и данью памяти в то время уже
содержавшемуся в тюрьме и обреченному Н. Гумилеву. В заключительном фрагменте
главы о Блоке Ахматова писала: «... Мы пошли к Ремизовым, передать рукописные
книжки Скалдина (Ольга и я). Не достались. Через несколько часов там уже была
засада – они накануне бежали за границу» («Записные книжки». С. 683).

Статуэтка (работы Данько)... – Данько Наталия Яковлевна (1892–1942), скульптор,
керамист, художница, автор статуэтки Ахматовой в знаменитой шали. Статуэтка
ограниченным тиражом была выполнена на Ленинградском фарфоровом заводе.

42 Толстая-Есетта Софья Андреевна (1900–1957) – последняя жена С.А. Есенина.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Одно время была директором Музея Союза писателей, а затем музея-заповедника «Ясная Поляна». По другим сведениям, «Обезьянья грамота» была подарена Н.И. Харджиеву с надписью на обороте: «На вечное хранение Н.И. Харджиеву. Ахматова. 8 июня 1932» (Тименчик Р.Д., Лавров А.В. Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. М.: Наука, 1976. С. 62).

Ордер на арест был подписан самим Ягодой. – Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), в те года парком внут-ренних дел. Был близок к литературным кругам, женат на сестре секретаря РАПП Л. Авербаха, по широко бытовав-шим слухам, был влюблен в невестку М. Горького «Тимо-шу» и причастен к смерти сына Горького А. Пешкова.

В первых числах августа 1963 г., когда Ахматова тща-тельно подбирала «осколки» к новелле о Мандельштаме, в записных книжках появляются строки («Из забытого»):

Ах! – где те острова, Где растет трын-трава Густо
Где Ягода-злодей Не гоняет людей
К стенке И Алешка Толстой
Не снимает густой Пенки.
(«Записные книжки». С. 392).

Ахматова подчеркивает здесь связь времен – соеди-няя песни, приписываемые декабристу Кондратию Рылее-ву, с куплетами, долгое время приписываемыми ей. (За-писная книжка подчеркивает ее авторство.)

За стеной, у Кирсанова, играла гавайская ги-тара. – Кирсанов Семен Исаакович (1906–1972) – поэт, входил в литературную группу РЕФ (Революционный фронт искусств). Игра за стеной на гавайской гитаре – живая примета времени, когда дрожавшие от страха сосе-ди пытались не замечать трагических событий за стеной у соседа. Ср. в «Реквиеме»: «Чтоб я увидела верх шапки голубой//И бледного от страха управдома» (Ч. VIII. К Смерти. 19 августа 1939 г.).

Следователь при мне нашел «Волка»... – Име-ется в виду стихотворение Мандельштама «За гремучую доб-лесть грядущих веков...» (1931, 1935).

Чулковы – Чулков Георгий Иванович (1879– 1939) – писатель, Чулкова Надежда Григорьевна (урожд. Петрова, в первом браке Степанова; 1875–1961) – пере-водчица, мемуаристка, жена Г.И. Чулкова.

Пастернак... пошел просить за Мандельштама в «Известия», к Бухарину, я в Кремль к Енукидзе, – Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – в 1934– 1937 гг. редактор «Известий», знал и любил поэзию. На I съезде советских писателей из современных поэ-тов особо выделил Пастернака. Енукидзе Абель Сафро-нович (1877–1937) – с 1934 г. член ЦК ВКП(б), управ-ляющий делами Кремля.

43 Русланов Лев Петрович (1896–1937) – актер театра Е.Б. Вахтангова, знакомый секретаря Енукидзе, ко-торый организовал встречу.

См. Стансы, строфа 4. – Ахматова отсылает к строфе «Стансов» («Я не хочу среди юношей теплич-ных...»):

Подумаешь, как в Ч ер дыни – голубе, Где пахнет Обью и Тобол в раструбе, В семивершковой я метался кутерьме! Клевещущих козлов не досмотрел я драки: Как петушок в прозрачной летней тьме – Харчи да харк, да что-нибудь, да враки, – Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме...

Сталин... звонил Пастернаку. ... Все связанное с этим звонком требует особого рассмотрения. Об этом пишут обе вдовы, и Надя и Зина, и существует беско-нечный фольклор. – Надя и Зина – см.: Мандель-штам Н., 1. Глава «Истоки чуда». С. 152; Борис Пас-тернак. Второе рождение. Письма к З.Н. Пастернак (Па-стернак З. Воспоминания. М., 1993. С. 290–292).

В истории звонка Сталина Пастернаку попыталась ра-зобраться Эмма Герштейн, сопоставив документально зафик-сированные факты с опытом собственного расследования, в значительной мере проливающие свет на эту мифологизиро-ванную историю. Бухарин в конце своего письма Сталину сделал приписку: «И Пастернак тоже волнуется». После этого и последовал известный звонок Сталина Пастернаку. Однако Герштейн пытается объяснить звонок Сталина Па-стернаку и другими причинами, имеющими, на наш взгляд, свой резон: «Вспомним, что его личное общение с Пастер-наком не было первым. Первое произошло в 1932 году в особенной форме. С него начинается история увлечения Пастернака Сталиным, безусловно отразившаяся на поло-жении Ахматовой и ее сына» (Ге р ш т е й н. С. 332).

В откликах на гибель жены Сталина, Надежды Сер-геевны Аллилуевой, среди потока соболезнований в «Ли-тературной газете» (от 17 ноября 1932 г.) видное место за-нимало письмо, подписанное тридцатью тремя писателя-ми. Имени Пастернака среди них не было. Однако там же была напечатана отдельная пастернаковская записка: «При-соединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упор-но думал о Сталине, как художник – впервые. Утром про-чел известье. Потрясен так, точно был рядом, жил и ви-дел». «18 ноября в "Правде" было помещено письмо И.В. Сталина в редакцию – общая благодарность всем, выразившим сочувствие его горю. Реакция

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Сталина на уди-вительные слова Пастернака осталась неизвестной. Но когда через восемнадцать месяцев он позвонил Пастернаку насчет Мандельштама, забыть о той странной и значи-тельной приписке поэта он, конечно, не мог. Не забыл ее и Пастернак, но никогда никому о ней не напоминал, хотя она была напечатана. Надеюсь, не покажется натяжкой мысль, что в телефонном звонке Сталина содержался и его ответ на ту приписку Пастернака» (Герштейн. С. 332).

Герштейн рассматривает в контексте времени и дру-гие письма Пастернака Сталину, и стихи, посвященные вождю, выделяя среди них письмо с просьбой помочь Ах-матовой в постигшей ее беде после ареста в 1935 г. сына и мужа (Пунина) и об их незамедлительном освобождении. Герштейн выражает понятное удивление, что «за осво-вождение Л. Гумилева и Н.Н. Пунина благодарил Сталина Пастернак, а не Ахматова, полагая, что все эти три года меж-ду поэтом и Сталиным шел свой молчаливый диалог» (Герштейн. С. 333). Так говорит и сам автор письма: «Меня мучит, что я не последовал тогда своему первому желанию поблагодарить Вас за чудесное освобождение родных Ах-матовой, я постеснялся побеспокоить Вас вторично и решил затаить про себя чувство горячей признательности Вам, уве-ренный в том, что все равно неведомым образом оно как-нибудь дойдет до Вас» (Пастернак Б. Т. 2. С. 620).

43 Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968) – ли-тературный критик, переводила с польского, чиновник из Союза писателей.

Пильняк Борис Андреевич (наст. фам. Вогау; 1884– 1938) – писатель, близкий друг Ахматовой. В 1929 г. Пильняк издал за границей роман «Красное дерево», за что был исключен из Союза писателей и подвергнут рез-кой критике. Ахматова отказалась принять участие в осуж-дении Пильняка и вышла из Союза, оказавшись за преде-лами писательской организации. Адресат стихотворения «Все это разгадаешь ты один...» (1938, 1940) из цикла «Венок мертвым».

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944) – поэт, переводчик, театральный деятель, дипломат. В 1921– 1939 гг. – полномочный представитель Литвы в РСФСР, а затем в СССР.

Шпст Густав Густавович (1879–1937) – философ, психолог, преподавал в старших классах Фундуклеевской гимназии, которую Ахматова закончила в Киеве. В Моск-ве в 1930-е гг. – вице-президент Государственной акаде-мии художественных наук (ГАХН). После ликвидации ГАХН занимается переводами. В 1935 г. арестован и со-слан. Вторично арестован в 1937 г. Расстрелян.

Прокофьев Сергей Сергеевич (1881–1953) – ком-позитор, один из любимых Ахматовой.

43 Триолешка – Триоле Эльза Юрьевна (урожд. Каган; 1896–1970) – жена Л. Арагона, французская пи-сательница, сестра Л.Ю. Брик. По воспоминаниям Л.К. Чуковской, Ахматова рассказывала (со слов литерато-ра В.Б. Сосинского, вернувшегося из Франции) о ста-тье Триоле в «Les Lettres Francaises», писавшей «будто Мандельштам погубил Пастернак своим знаменитым раз-говором со Сталиным – когда Сталин позвонил Пастернаку по телефону после первого ареста Мандельштама» (Чуковская, 2. С. 421).

44. ..синдик Цеха Поэтов бывший Сергей Горо-децкий... – См. «Литературную газету» с выступлением Городецкого «Против бессодержательной формы и бесфор-менного содержания» – из речи на общемосковском со-брании писателей»//«Литературная газета». 1936, 27 марта. В тексте Ахматовой указана ошибочная дата.

Надя никогда не ходила к Борису Леонидовичу и ни о чет не молила, как пишет Роберт Пени. – Псин Роберт – американский литературовед; по-видимому, име-ется в виду статья: Payne R. Les Trois mondes de Boris Pasternak. Paris, 1963. Ахматову буквально поражали «открытия» критика, как в отношении Мандельштама, так и ее самой (см. «За-писные книжки». С. 423).

17 со? лине сочинении, i

45 Маркиш Перец Давидович (1895–1952) – ев-рейский писатель. Расстрелян по обвинению в связях с за-рубежными сионистскими организациями. Позже Ахма-това переводила Маркиша и дружила с его сыном, пере-водчиком-эллинистом Симоном Перецевичем Маркишем.

Сима – Серафима Густавовна Нарбут, прототип Суок в сказке Юрия Олеши «Три толстяка».

Жена Зенкевича – Александра Зенкевич. В 1978 г. подготовила к печати беллетризованный автобиографичес-кий роман М.А. Зенкевича «Эльга», написанный в 1928 г. и высоко ценимый Ахматовой. См.: Зенкевич М. Эльга. Беллетристические мемуары. М., 1991.

Ольшевская-Ардова Нина Антоновна (1908– 1991) – актриса, близкий друг Ахматовой, соседка Ман-дельштамов по дому в Нащокинском переулке.

Булгакова Елена Сергеевна (урожд. Нюрнберг, в первом браке Неелова, во втором Шилова; 1893– 1970) – третья жена М.А. Булгакова; близкая знакомая Ахматовой.

Мандельштам Александр Эмильевич (1892 – 1942) – брат О.Э. Мандельштама,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова библиограф.

«Славные ребята из железных ворот ГПУ...» – строка из стихотворения «День стоял о пяти головах...» (1935, Воронеж): «Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ».

Демьян Бедный (наст. фам. и имя Придворов Ефим Алексеевич; 1883–1945) – популярный поэт-публицист, до революции печатался в партийной периодике, долгое время в советские годы поддерживался властью.

46 В начале 20-х годов (1923) Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати... –

По воспоминаниям Л.Я. Гинзбург, Ахматова, говоря о Мандельштаме, как-то благосклонно заметила: «В 20-х годах Осип был очень радикально настроен. Он тогда написал про меня: "столпничество на паркете"» (Гинзбург Л. О старом и новом. Л., 1982. С. 306). У Мандельштама: «Воистину русские символисты были столпниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине – это уже паркетное столпничество» (Русское искусство. 1923. кн. 2. С. 68–70).

47 Но и о своем славословии моих стихов он тоже не говорил, и я прочла его только теперь (рецензия на «Альманах Муз» (1916) и «Письмо о Русской Поэзии» (1922, Харьков). – в статье «О современной поэзии» (К выходу «Альманаха муз») Мандельштам писал: «Советание тончайшего психологизма (школа Анненского) с песенным ладом поражает в стихах Ахматовой наш слух, привыкший с понятием песни связывать некоторую душевную элементарность, если не бедность. Психологический узор в ахматовской песне так же естественен, как прожилки кленового листа: А в Библии красный кленовый лист Заложен на Песни Песней...

Однако стихи "Альманаха" мало характерны для новой Ахматовой. В ней еще много острот и эпиграмм, между тем для Ахматовой настала иная пора. В последних стихах Ахматовой произошел перелом к герметической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: "смирная, одетая убого, но видом величавая жена". Голос отсечения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России» (цит. по: Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 253).

В «Письме о русской поэзии» – статья впервые опубликована не в Харькове в 1922, как сообщает Ахматова, а в газете «Советский юг» (Ростов-на-Дону. 1922. 21 января), – размышляя о судьбах современной поэзии, обратившись к именам Бальмонта, Брюсова, Вяч. Иванова, Андрея Белого, пытаюсь осмыслить истоки поэзии Блока, Клюева, Кузмина, Мандельштам определяет «родословную Ахматовой», которая «...принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с "Анной Карениной", Тургенева с "Дворянским гнездом", всего Достоевского и отчасти даже Лескова. Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу. Вся эта форма, вышедшая из асимметричного параллелизма народной песни и высокого лирического прозаизма Анненского, приспособлена для переноса психологической пыльности с одного цветка на другой. Итак, ни одного поэта без рода и племени, все пришли издалека и идут далеко» (цит. по кн.: Слово и культура. М., 1987. С. 175).

47 В Воронеже при Мандельштаме был Сергей Борисович Рудаков, который, к сожалению, оказался совсем не таким хорошим, как мы думали. – Рудаков Сергей Борисович (1909–1943) – литературовед, младший сын генерала царской армии, служившего у Брусилова и, по-видимому, одновременно с Брусиловым перешедшего в Красную Армию (был расстрелян вместе с сыном Игорем в 1921 или 1922 г., по ошибке, какой-то приехавшей на проверку комиссией). Сергей Рудаков был выслан из Ленинграда вместе с другими «дворянами» и одновременно с Мандельштамом оказался в Воронежской ссылке. Всесторонне образованный и амбициозный юноша сблизился с Мандельштамами, редактировал мандельштамовские тексты* собирал материалы для литературной биографии Мандельштама. В 1936 г. навещившая Мандельштама Ахматова познакомилась с Рудаковым, он произвел на нее самое благоприятное впечатление, и Ахматова доверила ему и жившей в Ленинграде его жене Лине Самойловне Финкельштейн значительную часть архива Н.С. Гумилева. Получив на фронте контузию, Рудаков вернулся в Ленинград, работал в военкомате и вскоре был осужден за «должностное преступление» – подписал отсрочку знакомому, который патологически боялся фронта. СБ. Рудаков был осужден на десять лет, по личной просьбе отправлен на фронт в штрафной роте и погиб в первом же бою. Вдова стала распродавать рукописи Гумилева и Мандельштама, что явилось ударом для Ахматовой и Н.Я. Мандельштам и бросило тень на уже к тому времени погибшего Рудакова. В воспоминаниях Н.Я. Мандельштам многие страницы, посвященные Рудакову, рисуют его человеком малопорядочным, едва ли не

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова плагиатором, предполагавшим воспользоваться рукописями О.Э. Мандельштама, выдав их впоследствии за свои (М андельштам Н., 2).

Под воздействием случившегося, воспринятого Ах-матовой со слов Надежды Яковлевны, она написала фрагмент под названием «Рудаков», по-видимому, предполагая включить его в новеллу о Мандельштаме. Впервые текст опубликован М.М. Кралиным: «Перелом руки очень долго давал себя чувствовать: когда я приехала в Воронеж, у Осипа Эмильевича рука была на перевязи, он не мог сам надеть пальто, не мог и писать. Свои стихи он диктовал жене, и поэтому огромное количество его стихов написано не его почерком. Рядом с ним или, вернее, около него появился новый человек – Сергей Борисович Рудаков, молодой ленинградский литературовед и поклонник стихов Мандельштама. Всего один месяц Осип Э. диктовал ему свои стихи (цикл "Чернозем"). Под конец этот юноша начал раздражать Осипа Эмильевича. Получив освобождение в июле 1938 г. (он был выслан в Воронеж), Рудаков вернулся в Ленинград, где продолжал заниматься Пушкиным. Я была в Пушдоме на его докладе о "Медном всаднике". В конце войны он (Рудаков) был убит на фронте.

И вот вчера мне пришлось увидеть письмо СБ. Рудакова воронежского периода к его жене Л.С., в котором он утверждает, что 160 стихов (строк) Мандельштама написаны им, Рудаковым (или, вернее, сотворены из какой-то мертвой массы, что они втроем (он – Рудаков, Вагинов и Мандельштам – составляют всю русскую поэзию) (Па-стернак, Цветаева и Ходасевич не в счет), что (о ужас!) потомки будут восхищаться им, Рудаковым, что он объяснил Мандельштаму, как писать стихи и т.п. Все это, конечно, больше всего похоже на бред мании величия, но, если эти письма попадут в руки недоброжелателей, я могу себе представить, какие узоры будут расшиты на этой канве. Вся "работа" (?!) Рудакова в настоящее время находится неизвестно где. Собственные стихотворные попытки Рудакова манерны, вычурны, действительно похожи на стихи Вагинова и других представителей тогдашней "левой" поэзии, но они ни на что большее претендовать не могут. , Ясно одно: и до, и после Рудакова Мандельштам писал гениальные стихи, так называемый второй период начался с конца 20-х годов (напр. "Армения"...) и претензии Рудакова могут вызвать только усмешку.

В этом страшно одно. Какие бездны у каждого под ногой, какой такой змеиный шелест зависти и злобы неизбежно сопровождает людей, одаренных талантом. Придумать, что у нищего, сосланного, бездомного Мандельштама можно что-то украсть, – какая светлая, благородная мысль, как осторожно и даже грациозно она осуществлена, с какой-то заботой о потомках и о собственной, очевидно, посмертной славе.

Подумать только, что эти письма (к жене) писались рядом с еще живым, полным мыслей и ритмов гениальным поэтом... в то время как Надя делила всю еду на три равные части. Хочется закрыть лицо и бежать, но куда...» (БО 2. С. 362, 363). Впервые приведенный М. Кралиным фрагмент имеет дату, поставленную Ахматовой, – 3 февраля 1960. Красная Конница, т.е. время работы над новеллой. Однако ранее 8 ноября 1945 г. Ахматова написала стихотворение «Памяти друга», посвященное Рудакову:

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

По-видимому, интуиция Ахматовой подсказала ей необходимость публикации стихотворения памяти ОБ. Рудакова. Что же касается фрагмента, полного негодования и укора, он так и остался среди черновых набросков, не войдя ни в один из списков новеллы. Изданные Э.Г. Герштейн дневники и письма СБ. Рудакова раскрывают глубину духовной драмы талантливейшего человека, не допущенного из-за дворянского происхождения в высшее учебное заведение и превратившегося по воле обстоятельств в «маленького Сальери», беззаветно преданного филологии и лишенного возможности ею заниматься. Расшифрованные и опубликованные заметки Рудакова, его по-юношески заносчивые суждения и желание славы, как убедительно доказывает Э.Г. Герштейн, едва ли заслуживают беспощадного суда Н.Я.

Мандельштам, отзвук которого слышится и в гневном укорке ахматовского фрагмента. После выхода фундаментальных мемуаров Э.Г. Герштейн многие факты получили иное освещение, во многом объясняющие, если не оправдывающие мальчишескую заносчивость Рудакова в письмах к обожаемой жене, которая после его гибели распродала часть бесценных автографов в голодном послевоенном Ленинграде. 47 Шацкий (Чацкий) Леонид Иванович (наст. фам. Страховский; 1898–1963) – поэт, литературовед, племянник СИ. Ростовцевой – жены известного историка М.И. Ростовцева.

48 Козмин Борис Павлович (1883–1958) – историк и литературовед. Справочник «Писатели современной эпохи; Биобиблиографический словарь русских писателей XX

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «века» вышел в 1928 г. Большая часть тиража была уничтожена из-за статьи о Троцком.

«Музыка на вокзале» – так называла Ахматова стихотворение Мандельштама «Концерт на вокзале» (1921).

48 Шенье Андре Мари (1762–1794) – французский поэт, публицист, дипломат. Казнен якобинской диктатурой. Наследие было собрано и опубликовано лишь в 1819 г. Сафо (Сапфо) – древнегреческая поэтесса; жила в первой половине VI в. до н.э. на острове Лесбос. Воспева-ла любовь, страсть, нежность, женскую привязанность и дружбу.

Липкий Семен Израилевич (р. 1911) – поэт, переводчик, автор книги «Квадрига» (М.: Аграф, 1997).

Тарковский Арсений Александрович (1907 – 1989) – поэт, переводчик, автор книг «Перед снегом» (1962), и «Земле – земное» (1966).

50 Миндлин Эмилий Львович (1900–1981) – поэт, мемуарист, автор воспоминаний «Необыкновенные себе? седники». Книга вышла в 1968 г., возможно, Ахматовой они были известны в журнальных публикациях.

5 / Еще не умер ты, еще ты не один... – начальная строка стихотворения, написанного в Воронеже; датировано 15–16 января 1937 г. Строкой из этого стихотворения: «Покуда с нищенкой-подругой», обращенной к Н.Я. Мандельштам, Ахматова предполагала назвать но-веллу. Заглавие «Нищенка-подруга» встречается в планах ее неосуществленных замыслов.

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – поэт, входил в группу «Леф», друг В.В. Маяковского.

«Снегурочка» – опера Н.А. Римского-Корсакова (1881).

СеАвинскийМлья (Карл) Львович (1899–1968) – поэт, драматург, прозаик, один из организаторов ЛЦК

(Литературного центра конструктивистов), его лидер и те-оретик.

...у «деда» нет теплой одежды. – Дед – отец О. Мандельштама Мандельштам Эмиль Вениаминович (1856–1938). Юношей обучался в берлинской талмуди-ческой школе. Купцом 1-й гильдии поселился с семьей в Петербурге, одно время семья жила в Павловске, имено-вался «мастером перчатного дела и сортировщиком кож». (См. автобиографическую прозу О. Мандельштама «Шум времени», высоко ценимую Ахматовой.)

Мой сын говорит, что ему во время следствия чи-тали показания Осипа

Мандельштама... – Подробно об этом см. в кн.: Герштейн. С. 416–418.

Лена (Осмеркина) – Гальперина Елена Константи-новна, в те годы жена художника Александра Александр-ровича Осмеркина, близкая подруга Э.Г. Герштейн.

1

Впервые – «Записные книжки». С. 20. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 97).

По-видимому, один из первых набросков для «Листков из дневника».

Деятельность салона Лили Брик. – Ахматова подозревала Лилю Юрьевну и Осипа Максимовича Бри-ков, в салоне которых собирались крупные сотрудники ГПУ, в причастности к своей судьбе и аресту Мандель-штама. Документально эти подозрения не подтверждены.

2

Впервые – «Записные книжки». С. 244. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 106).

Вот он – не хотим никого другого. – Неточная цитата из Евангелия от Матфея: 11,3; от Луки: 7,19–20.

...минуя внуков к правнукам уйдет. – Цитата из стихотворения Мандельштама «Я не слышал рассказов Осанна» (1914):

И не одно сокровище, быть может, минуя внуков, к правнукам уйдет, И снова скальд чуждую песню сложит И как свою ее произнесет.

3

Впервые – «Записные книжки». С. 286. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 107).

54 Федин Константин Александрович (1892– 1977) – прозаик, входил в литературную группу «Сера-пионовы братья». Роман «Похищение Европы» (1933– 1934) написан после поездки на Запад, отличается схема-тизмом в результате воздействия официальной идеологии, о чем писал сам Федин (см. неопубликованные дневники К. федина 20–30-х годов//Русская литература. 1992. №4).

4

Впервые – «Записные книжки». С. 466. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 110).

..последний парад женщин... – С лета 1917 г. началось формирование «Женских батальонов смерти». Среди защитников Зимнего дворца, резиденции Времен-ного правительства, в октябре 1917 г. был и «Первый пет-роградский батальон» М. Бочкаревой. См. у Маяковского ироническое: «Первым, боязнь одолен, снялся бабий ба-тальон» (поэма «Хорошо!», гл. 6, строки 739–742).

5

Впервые – «Записные книжки». С. 523. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 111).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
После 20 февраля 1965 г. Ахматова помечает в записной книжке: «В 1933–34 году
два раза у Мандельштамов в Нащокинском» (С. 586).

54 Что-то в отношении ко мне другого Иосифа... – И.А. Бродского.

6

Впервые – «Записные книжки». С. 554. Печ. по автографу РГАЛИ (С. 112).

54 Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – филолог, литературный критик;
после революции эмигрировал.

Смирнов Александр Александрович (1883–1962) – литератор.

Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) – художник; Радлов Сергей Эрнестович
(1892–1958) – режиссер.

Саломея с Рафаловичем. – Рафалович Сергей Львович (1875–1943), поэт,
литературный критик. В те годы муж Саломеи Николаевны Андрониковой. Из Крыма
переехал в Тифлис, где напечатал статью «Анна Ахматова»//Аге. Тифлис. № 1. С.
1–8.

«Ахматова, Паллада, Саломея». – Отсылка к строкам стихотворения Г. Иванова
«Январский день, на берегу Невы...» – «Где Олечка Судейкина, //увы, Ахматова,
Паллада, Саломея» (Иванов Г. Т. 1. С. 387),

7

Впервые – «Записные книжки». С. 556. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

55 Заезжие иностранцы. – Поль Фор (1872–1960) – французский поэт, в марте 1914
г. его вечера проходили в «Бродячей собаке». Маринетти Филиппо Томмазо
(1876–1944) – итальянский поэт, теоретик футуризма. Выступал с лекциями о
футуризме в странах Европы. «Неделя Маринетти» прошла в «Бродячей собаке» в
феврале 1914 г.

Формалисты. – Ахматова имеет в виду членов ОПОЯза (Общество поэтического
изучения языка):

В. Шкловского, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума.

Миклашевская Ирина Сергеевна (урожд. Михельсон; 1883–1953) – пианистка и
педагог.

8

Впервые – «Записные книжки». С. 636. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

9

Впервые – Тименчик Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны
Ахматовой//Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. № 1. Т.
43. С. 68. В некоторых черновых списках новеллы «Мандельштам» фрагмент входил в
текст (см. Вл. 1989. № 2.

С. 192).

Все камерные циркули и лиры... – Из стихотворения А.С. Пушкина «В начале жизни
школу помню я...» (1830):

Всё – мраморные циркули и лиры, Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры...

В великолепный мрак чужого сада... – Из стихотворения А.С. Пушкина «В начале
жизни школу помню я...» (1830).

И часто я украдкой убегал

В великолепный мрак чужого сада,

Под свод искусственный порфирных скал.

«Священный сумрак». – Из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминания в Царском
Селе» (1829):

Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

10

Впервые – Тименчик Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. С.
66–67.

57 ...о Комиссаржевской... не говорит последнего слова: королева модерна... –
См. главу «Комиссаржевская» («Шум времени»). Королевой русского модерна
назвала В.Ф. Комиссаржевскую Ахматова:

И женщина с зеркальными глазами Подростка-нищенки, –
властительница сцены И королева русского модерна.

Поэма о начале века.

57 Савина Мария Гавриловна (урожд. Подраменцова; 1854–1915) – актриса
Александровского театра, прославленная исполнительница ролей классической
русской драматургии – Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, И.С. Тургенева.

58 ...чувство иудейского хаоса... – Глава «Хаос иудейский» («Шум времени»).

...недоумение перед человеком в шапке (за столом). – В главе «Книжный шкаф»
Мандельштам вспоминает: «В припадке национального раскаяния наняли было ко мне
настоящего еврейского учителя. Он пришел со своей Торговой улицы и учил, не
снимая шапки, отчего мне было неловко... . Нижнюю полку я помню всегда
хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали, как руины: рыжие
пятнадцатилетние с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергну-тый в пыль хаос иудейский» («Шум времени»).

«Писатели современной эпохи». – В указанной книге Б.П. Козмина эта цитата отсутствует. В комментарии Р. Тименчика указано: «Имеется в виду факт, отраженный в биографической справке о Мандельштаме, написанный Д.С. Усовым: "16-ти лет... занимался пропагандой на массовках"» / Тименчик Р. Неопубликованные и прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 75.

11

Впервые – «Записные книжки» С. 18. Печ. по авто-графу РГАЛИ (РТ 97).

ЛОЗИНСКИЙ

Впервые – БО 2. С. 138–150. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115 и ИЗ)

Главу или новеллу о Михаиле Леонидовиче Лозинском (см. о нем коммент. к очерку «Манделштам») Ахматова начала писать в Боткинской больнице 30 января 1966 г., в канун одиннадцатой годовщины его смерти. Началу записи в виде эпитафия предпослана строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Завтра день молитвы и печали» на смерть Е.А. Денисьевой (накануне годовщины. 4 августа 1864 г.). Решение ввести в книгу, одно из условных названий которой «Листки из дневника», главу о М.Л. Лозинском, по-видимому, возникло под впечатлением вечера, посвященного его памяти, подготовленного Ленинградской студией телевидения в мае 1965 г. Для этого вечера Ахматова, по предложению Е. Эткинда, наговорила на магнитофон текст, который назвала «Слово о Лозинском» (опубликован после ее смерти. День поэзии. Л., 1966. С. 51–52). В новелле развиты положения и мысли, выраженные ею в «Слове», прозвучавшем на юбилейном вечере.

Текст новеллы записан в несколько приемов, за неделю. Записанные в рабочих тетрадях отрывки представле-ны согласно ее пометам – (начало), (развить), (вставить цитаты), Finish и т.д.

Текст существует в незавершенной редакции. 31 января 1966 г., лишь приступив к работе, Ахматова пишет своему другу и литературному секретарю А.Г. Найману: «Пишу воспоминания о Лозинском, но выходит вяло и чуть-чуть слезливо» (цит. по: Н а й м а н А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 223). Авторская работа по перебеливанию рукописи проведена не была. Ахматова предполагала провести ее в санатории под Москвой, куда приехала после больницы и недолгого пребывания у Ардо-вых 4 марта 1966 г. Найман появился в санатории на еле-дующий день, но уже не застал Ахматову в живых: «5 марта я с букетиком нарциссов отправился в Домодедово – 3-го, прощаясь, мы условились, что я приеду переписать набело перед сдачей в журнал воспоминания о Лозинском, кото-рые вчерне были уже готовы и требовали лишь незначи-тельных доделок и компоновки» (там же. С. 225–226). Знакомство Ахматовой с Лозинским произошло на третьем заседании «Цеха поэтов» осенью 1911 г. 10 ноября, по записям Лукницкого (см. Л у к н и ц к и й. 1. С. 29).

Лизиней матери... чуть ли не Нарышкиной. – Мать Е.Ю. Кузьминой-Караваевой – Софья Борисовна Делоне. Нарышкины – русский дворянский род, извест-ный с XVI в. Наталия Нарышкина (1651–1694) – мать Петра I. О родственных связях Делоне (Пиленко) с На-рышкиными сведений, по-видимому, не сохранилось.

Я считаю, что лучшее из написанных мне тогда стихов принадлежит ему («Не забывшая»). – Стихо-творение написано Лозинским в 1912 г. и включено в кни-гу «Горный ключ».

Дружба наша началась как-то сразу и продолжа-лась до его смерти. – Об отношениях Ахматовой с Лозинским и их обмене поэтическими посланиями ближайший друг Лозинского Н.С. Гумилев шутливо говорил: «"Двор был уведомлен". Н.С. знал, но не ревновал особенно. Стихи в "Белой стае"» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 82).

На квартире Лозинских в январе 1915 г. состоялось первое чтение поэмы «У самого моря». Лозинский держал корректуры «Четок», «Белой стаи», «Подорожника», «Аппо Domini», «Из шести книг», смотрел переводы пи-сем Рубенса и трагедии В. Гюго «Марион Делорм».

И еще одна запись со слов Ахматовой: «Николай Степанович в последние годы сказал Валерии Сергеевне про Лозинского: "Мы с ним, как два викинга, пьем из од-ного рога, курим из одной трубки. Лозинский это моя душа"» (там ж е. С. 236).

Владелица архива М.Л. Лозинского, в котором со-держится значительное число материалов, связанных с Ахматовой (автографы, письма, корректуры ее первых книг), И. Платонова-Лозинская рассказывает: «Знаком-ство это вскоре переросло в тесную дружбу, рождались посвященные Лозинскому стихи. Это – "Не будем пить из одного стакана..." (1913), "Он длится без конца – ян-тарный, тяжкий день..." (1912), "Они летят, они еще в дороге..." (лето 1916) и, по предположению акад. В.М. Жирмунского, стихотворение "8 ноября 1913" (по старому стилю день именин М. Лозинского – день архан-гела Михаила), а также датированное маем 1913 г. – "Ты пришел меня утешить, милый..."». Стихотворение Лозинского «Не забывшая» Ахматова считала лучшим из мно-гих десятков стихотворений, посвященных ей в ту

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
пору (ЛЮ. 1989. № 5. С. 64):

Еще свою я помню колыбель, И ласково земное новоселье, И тихих песен мимолетный
хмель, И жизни милой беглое веселье.

Я отдаюсь, как кроткому лучу, Неярким дням моей страны родимой. Я знаю – есть
покой, и я хочу Тебя любить и быть тобой любимым.

Но в душном сердце – дивно и темно, И ужас в нем, и скорбь, и песнопенье,
И на губах, как темное пятно, Холодных губ горит напечатленье.

И слух прибором и стенаньем полн, Как будто вновь, еще взглянуть не смея, Я уношу
от безутешных волн Замученную голову Орфея.

60 Тогда же, т.е. в 10-ых годах, составилась некий триумвират: Лозинский,
Гумилев, Шилейко. – Ахматова вспоминала: «... если Лозинскому Николай
Степанович что-нибудь и рассказывал, то это как в могиле... Лозинский никому
ничего не скажет. Был только один слу-чай, когда Лозинский выдал Николая
Степановича (веро-ятно, невольно, не будучи посвящен в обстоятельство дела, – и
тогда это только подтверждает то, как мало Ни-колай Степанович посвящал в свою
личную жизнь даже самых близких друзей)». Далее Лукницкий записывает: «АА пришла
в ("Бродячую собаку"? в "Аполлон"? – ка-жется в "Аполлон"...) и спросила
Лозинского, где Нико-лай Степанович. Лозинский ответил: "Он с Ларисой Рей-снер
уехал". Потом, когда Николай Степанович вернулся домой и стал объяснять, что он
был на заседании, оно за-тянулось, потом еще где-то – по делу. АА сказала ему,
что это не так. "Ты был с Ларисой Рейснер – мне Лозинский сказал!"» Николай
Степанович очень рассердился тогда на Лозинского» (Л у к н и ц к и й, 1. С.
164).

На этот вечер Блок не пошел (см. «Записная книж-ка»), – Ошибка памяти. Запись
Блока не в записных книжках, а в дневниках. См. запись от И ноября 1911 г.:
«Вчера вечером не пошел ни слушать рассказ Ясинского, ни к матери жены
Кузьмина-Караваева, где собралось "Гу-милевско-Городецкое общество"» (Блок, 7.
С. 86).

61 Маковский Сергей Константинович (1877– 1962) – художественный критик, поэт,
организатор и ре-дактор литературно-художественного журнала «Аполлон»
(1909–1917).

Секретарем «Аполлона» М.Л. Лозинский был в 1913–1917 гг.

Лозинская Татьяна Борисовна (урожд. Шапирова; 1885–1955) – историк. Умерла в
один день с мужем. Со-хранилась запись Л.К. Чуковской: «Анна Андреевна
по-трясена смертью Лозинских. Говорит о них с умилением, с гордостью.
– Величественная кончина! Завидная. Он умер, не зная, что она умирает. Что ж.
Дети у них пристроены, толь-ко внуков жаль... Какие люди!» Запись (от 6 февраля
1955 г.) снабжена пояснением Л. Чуковской: «Михаил Ле-онидович Лозинский
скончался 31 января 1955 года.; жена его, Татьяна Борисовна, убедившись, что он
– накануне кончины, приняла яд. Оба они умерли в один и тот же день и в один
день похоронены» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 109).

«Марьон Делорм» – трагедию В. Гюго «Ма-рион Делорм» Ахматова перевела в 1952 г.
«Письма Рубенса» – книга «Петр Павел Рубенс. Письма»/Пер. А.А. Ахматовой. Ред. и
предисл. А.М. Эфроса (М.; А: Academia, 1933).

О шилейкинском чаромутни... – В.К. Шилейко, знаток древнеавилонской культуры,
ее магических аспек-тов. Вокруг его «чаромутни» вилось столько легенд, что одну
из них Г. Иванов то ли пересказал, то ли сочинил в своих ненавидимых Ахматовой
«Петербургских зимах».

Приведем отрывок из новеллы «Магический опыт», по-видимому, сознательно
пародирующей ситуацию, якобы приключившуюся в самом деле: «На Михайловской улице
мы взяли таксомотор. Шилейко молчал. Только когда мы были на Охтинском мосту, он
спросил отрывисто:

– Пушкинское «Заклинанье» помнишь?

– Еще бы.

– Ну-ка, прочти. Я начал:

О, если правда, что в ночи...

– Не так, не так, – перебил он меня. – Не так чита-ешь. Интонация неверная. Это
не обыкновенные стихи, а магические, колдовские. Пушкин сам не знал, что он
на-писал. ... И вот взял вдруг не умом, а силой гения, до-говорился до последних
вещей, до самой глубины глубин. Вот как это надо читать:

О, если правда, что в ночи, Когда покоятся живые И с неба лунные лучи Скользят
на камни гробовые, О, если правда, что тогда Пустуют тихие могилы.

Он читал свистящим металлическим шепотом, полу-закрыв глаза и откинув назад
птичью смуглую голову. Стальные очки его поблескивали. В горле странно
клоко-тали гласные.

Явись, возлюбленная тень... –

просвистел он, как какое-то настойчивое приказание, ко-торому нельзя не
повиноваться. Мне стало не по себе.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

... Дом был одноэтажный, новый. Новенькая вывеска: "Столярная мастерская В.П. Венникова" – весело засияла в свете автомобильных фонарей. Сам хозяин открыл нам дверь. ... Вещичка-то с вами? – обратился он к Шилейке. – Позвольте сюда. Вот так, – положил он не-большой сверток, вынутый Шилейкой из портфеля, под холст, сильно прикрутив лампу, отставил ее в дальний угол.

– Садитесь, господа, прошу покорно. Как креще-ны? – обратился он ко мне. – Как имя то есть? Георгий – значит, Егор. Ну-с, начнем, благословясь.

Мы уселись. Хозяин посередине. Справа – я, слева – Шилейко. Накрытый холстом стол с возвышающимся бу-горком подложенного под холст, неизвестного мне пред-мета смутно белел перед нами. Минуту длилось сосредо-точенное, неприятное молчание. Потом тихим, монотонным голосом, немного нараспев, столяр начал бормотать: Стоит мать сыра земля, Бегут по земле три кобеля, Растут на земле три гриба, Идут по земле три Божьих раба, Владимир, Егор и Василий. У каждого кобеля свои дела. У каждого гриба своя нога. У каждого человека своя судьба. У Владимира, у Егора, у Василия.

... Монотонный распев перешел незаметно в свист, мягкое оканье сменилось каким-то металлическим шелес-том. Совсем как Шилейко читал в автомобиле пушкинс-кое "Заклинанье". "О, если правда, что в ночи..." – вспом-нил я. Если правда, что этот мужик-столяр нашептывает сейчас какую-то таинственную сагу и.что-то непонятное, сверхъестественное сейчас произойдет. ... Свистящая скороговорка помимо моей воли увлекла меня куда-то, и я не имел силы сопротивляться. Что-то мутно-липкое было в этом постепенном опутывании разума набором ритмичес-ких свистящих слов, где, как припев, повторялись наши имена вперемежку с Богородицей, Христом, зелеными лу-гами, морями-океанами и какими-то замысловатыми при-сказками. Несмотря на елейный смысл, неуловимый отте-нок кощунства был во всем этом. Еще все повторялось о руке: "белой руке", "сахарной руке", "царской руке", о ко-торой тоскуют и от которой чего-то ждут Владимир, Егор и Василий.

Явись, рука, из-под бела платка Владимиру, Егору и Василию.

Вдруг совершенно отчетливо я увидел на холсте перед собой женскую руку. Это была прелестная, живая, теплая, смуглая рука. Она шевелилась и точно тянулась к чему-то, она вся просвечивала, точно сквозь нее проникало солнце. ... Шилейко вскрикнул и отшатнулся. Столяр не бормо-тал больше. Вид у него был разбитый, изнеможенный, гла-за мертвые, на углах рта пена.

– Что же было в пакете? – спросил я, наконец, ког-да мы выехали с литейного на ярко освещенный Невский.

– Как что было в пакете? Да, ведь ты не знал. Вот, смотри.

Он достал портфель и развернул газетную бумагу. В бумаге был ящик вроде сигарного со стеклянной крыш-кой. Под стеклом желтела сморщенная, крючковатая лапка, бывшая когда-то женской рукой. Такая-то принцесса, на-звал Шилейко. Такая-то династия. Такой-то век до Рожде-ства Христова. Из музея. Завтра утром положу на место. Никто не узнает» (И в а н о в Г. Т. 3. С. 379–382).

62 «И отравительница Федра»... – Мандельш-там исправил на «негодующая Федра».

Гум (Гумми) – дружеское прозвище Н.С. Гумилева.

Это они (да простит им Господь) внушили мне, что равного ему нет на свете. – Ахматова имеет в виду В.К. Шилейко.

В 20-ых годах – тяжелые осложнения в личной жизни: он полюбил молодую девушку. – Ахматова имеет в виду Оношкович-Яцыну Аду Ивановну (1897–1935), поэтессу, переводчицу. В 1920–1921 гг. занималась в сту-дии перевода при Доме Искусств под руководством Ло-зинского. Наиболее известные ее переводы – из Киплин-га, Байрона, Колриджа, Гейне. Печаталась в альманахах «Новый Гиперборей» (1921), «Дракон» (1922).

М.М. Кралин комментирует строки Ахматовой: «В этом фрагменте Ахматова, вольно или сознательно, до-пускает ряд неточностей, объяснимых, видимо, тем, что она передает историю любви М.Л. Лозинского, не зная подроб-ностей. Молодая девушка, о которой пишет Ахматова, по-этесса и переводчица, ученица Лозинского ... Лозинс-кий полюбил ее не в 30-х годах, а по крайней мере десятиле-тием раньше. Уже в начале 20-х годов Оношкевич-Яцына вышла замуж за офицера флота, впоследствии контр-адми-рала Евгения Евгеньевича Шведе (1890–1977); в 1922 г. у них родился сын Николай» (БО 2. С. 351).

...о методе перевода «Divina Commedia» – главная работа Лозинского – перевод «Божественной ко-медии» Данте, над которым он работал в 1939–1945 гг.

Изданный в 1945 г., этот перевод получил Сталинскую пре-мию 1946 г.

В моей книге прозы должна быть глава о моем дорогом незабвенном друге, образце мужества и благо-родства. – 5 января 1940 г, Ахматову вновь принимали в Союз писателей, из которого она вышла в 1929 г. в знак протеста против исключения из писательской организации Б. Пильняка и Е. Замятина после публикации за рубежом

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов романов «Красное дерево» и «Мы». Л.К. Чуковская вспо-минает рассказ Ахматовой об этом дне, соединяя свои сло-ва с цитатой из самой Анны Андреевны: «...В Союз при-нимали ее очень торжественно. За ней заехали секретарша и член правления Союза – Лозинский. Председательство-вал Слонимский. – Я его по привычке все еще называю Мишей. ... Миша сказал, что я – среди собравшихся, и предложил приветствовать меня. Все захлопали. Я встала и поклони-лась. Потом говорил Михаил Леонидович. Он ужасные вещи говорил. Представьте себе: дружишь с человеком 30 лет – и вдруг он встает и говорит, что мои стихи будут жить, пока существует русский язык, а потом их будут со-бирать по крупичкам, как строки Катулла. Ну что это, прав-да! Ну можно ли так! Народу было много, и все незнако-мые» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 65–66). Он пригласил меня на «Валенспанскую вдову». – Пьеса Лопе де Вега (наст, имя Вега Карпью; 1562–1635). Перевод был завершен М.Л. Лозинским к 1939 г. Пре-мьера спектакля прошла 21 марта того же года в Ленин-градском театре комедии в постановке и художественном оформлении Н.П. Акимова. и4 «Собака на сене» – комедия Лопе де Вега (опубл. 1618). О переводе «Гамлета»... – «Гамлет» переведен Ло-зинским в 1933 г. и вошел в первый том Полного собрания сочинений Шекспира в восьми томах (М.; Л.: Academia, 1936). В 1937 г. вышел отдельным изданием с параллель-ным текстом на русском и английском языках (Academia). К моей Вале... относятся «тысячелетние глаза», «и с цепью маленькие руки...». – Из стихотворения М. Лозинского:
Тебе ль не петь пэан хвалебный,
Мой мудрый рок, мой друг волшебный,
Мне давший сердцем позабыть,
Что время перестало быть?
В Патмосцем сказанные годы,
Когда веков живые воды
Польнью смертной протекли.
Когда из края в край земли
Под черным ветром несвободы
Свинцовой зыбью шли народы,
Ты опоясал Город мой
Войной, и голодом, и чумой.
Ты облачил его каменья,
Порфирой дивной запустенья,
И он, как призрак, засверкал
Во льдах магических зеркал,
И ты меня, с больною кровью
К его сиянью пронизал
Последней, вещью любовью.
И нежный, и безумный яд
Впивал мой обреченный взгляд.
И я бродил по стогнам сонным, как бы в бреду преображенным, Познав впервые
благодать Внимать и видеть, помнить, ждать Тебе ль не петь пэан высокий, Мой
мудрый рок, мой друг жестокий, Мне завещавший каждый день Вступать в
торжественную сень, Где меркнет свет, где молкнут звуки, Чтобы, пlying над
тишиной, Опять прошли передо мной На литургии древней муки. Как нерожденная
гроза Тысячелетние глаза И с цепью маленькие руки, Похожие на крик разлуки.
(Дракон. Альманах стихов. Вып. I. Цех Поэтов. Пб., 1921)
Реминисценция из этого стихотворения содержится в ахматовской надписи на книге
(1940 г.), подаренной Ло-зинскому, – «из мглы магических зеркал» (отмечено Р.Д.
Тименчиком. «Поэма без героя». С. 330–331).
И будет страшное к нетлению готово. – Из сти-хотворения М. Лозинского «Так много
милого, и сердцу не снести...» (Альманах «Цеха поэтов». Кн. 2. Пг., 1921).
«Ах! одна в семье умеет// Грамоте она». – Из сти-хотворения А.Н. Майкова
«Картинка» (28 февраля 1861 г.), написанного в связи с Манифестом 19 февраля
1861 г. об отмене крепостного права в России. Перепеча-тывалось в учебниках и
школьных хрестоматиях:
Что ж так слушают малютку, – Аль уж так умна?.. Нет! Одна в семье умеет Грамоте
она...
«Многомятежноремество твое, о Царица»... –
ремество, т.е. ремесло, искусство, умение, восходит к древ нерусскому языку XII
в.
всю жизнь бесконечно предан. – Л.К. Чуковская так комментирует эти строки,
рассматривая верность, как яв-ление не только интимно-личностное, но и как
проявление философско-общественной нравственности: «Черта эта проявилась с
особенной яркостью в те революционные годы, когда многие друзья Анны Андреевны и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Михаила Леонидовича покинули Россию». Далее она приводит цитату из статьи внука Лозинского Ивана Толстого (То л – с т о й И. Круто к ветру//Ленинградская панорама. Л.: Сов. писатель. 1988. С. 439): «В отдельности влияние каж-дого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приноси-мой им жертвы. Но как только один из таких немногих по-кидает Россию, видишь, какой огромный и невосполнимый он этим наносит ей ущерб: каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры; а ее надо сберечь во что бы то ни стало. Если все разъедутся, в России наступит тьма, и культуру ей вновь придется принимать из рук иноземцев. Нельзя уходить и смотреть через забор, как она дичает и пустеет. Надо оставаться на своем посту. Это наша исто-рическая миссия» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 631).
69 Ивановский Игнатий Михайлович (р. 1932) – переводчик, автор воспоминаний об Ахматовой.

узыям своим Михаил Леонидович был

...я могу быть уверена, что все его письма ко мне существуют... – Оригиналы писем хранятся в архиве И. Платоновой-Лозинской. Часть писем Ахматовой к МЛ. Лозинскому опубликована их владелицей (ЛО. 1989^А с. 65). Письма свидетельствуют о глубоком взаимном до-верии и отклике Лозинского на просьбы Ахматовой. В письме из Слепнева от 8 августа 1913 г., обеспокоенная отсутствием вестей от Гумилева из Африки, где он нахо-дился в экспедиции, Ахматова пишет: «У меня к Вам боль-шая просьба, Михаил Леонидович. ... Так как экспе-диция послана Академией, то самое лучшее, если справ-ляться будут оттуда. Может быть, Вы можете пойти в Академию и узнать, имеют ли там известия о Коле. ... Мне очень стыдно, Михаил Леонидович, затруднять Вас моими делами, но Вы единственный человек, которого я могу просить...» И еще от 16 (ноября) 1916 г. из Севасто-поля: «... Коля писал мне о Вашем согласии заведовать чет-вертьми "четками". Теперь я за них спокойна, но мне очень грустно, что чтение этих скучных корректур будет отни-мать у Вас время. В Петербург я думаю приехать на один-два дня, а оттуда в Слепнево. Надеюсь повидаться с Вами, несмотря на краткость пребывания в городе. Часто я Вас вспоминаю, давний мой друг...» (т а м ж е).

Якобсон Анатолий Александрович (1935–1978) – поэт, переводчик, собеседник Ахматовой.

Глен Ника Николаевна – переводчица, редактор.

...слова Ломоносова о том, что скорее можно от-ставить Академию от него, чем наоборот. – В очерке «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин пишет о споре М.В. Ломоносова с графом Шуваловым, своим пат-роном и меценатом: «...заспоря с тем же вельможею, Ло-моносов так его рассердил, что Шувалов закричал: "Я от-ставляю тебя от Академии!" – "Нет, – возразил гордо Ло-моносов, – разве Академию от меня отставят"» (П у ш-ки н А.С. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 286).

...мимо огромного дома на Кировском проспек-те... – М.Л. Лозинский жил по адресу: Кировский про-спект, д. № 73/75; до переименования улиц в Петрограде и ныне – Каменноостровский проспект.

ИЗ КНИГИ «КАК У МЕНЯ НЕ БЫЛО РОМАНА С БЛОКОМ»

В последние годы жизни, когда уже были написаны первые новеллы для книги «Листки из дневника», Ахма-това работала над главой об Александре Блоке. В рабочих тетрадях сохранились фрагменты из книги, которую она то ли в шутку, то ли всерьез предполагала назвать «Как у меня не было романа с Блоком». И глава «Трагическая осень», и книга, с упомянутым заглавием, завершены не были. Остались фрагменты (РГАЛИ) и (РНБ), а также ряд подготовительных материалов, свидетельствующих о том, что Ахматова собиралась написать не только главу для «Листков из дневника», но и книгу о Блоке, «человеке-эпохе». Составленные ею планы-проспекты позволяют су-дить о грандиозности авторского замысла, о внимании к целому и детали, удивительной памяти и остроте видения. Впервые эти развернутые планы, размеченные по пунктам, представлены читателю в «Записных книжках» Ахмато-вой (но не прокомментированы). Комментарий к этому неосуществленному авторскому замыслу призван ввести читателя в творческую лабораторию Ахматовой, по воз-можности прояснить движение авторской мысли от факта или даты к воспоминанию и художественному их претво-рению – «картине». Нами использованы работы В.М. Жирмунского, В.Н. Орлова, Д.Е. Максимова, комментарии Г.П. Стру-ве и Б.А. Филиппова ко второму тому мюнхенского изда-ния Сочинений Ахматовой (1968), разыскания В.А. Чер-ных, Р.Д. Тименчика, воспоминания А.Г. Наймана, пуб-ликации томов «Литературного наследства» и другие ис-точники.

Текст «Воспоминания о Блоке», подготовленный по просьбе ленинградского телевидения для вечера памяти Блока в связи с 85-летием со дня рождения и опублико-ванный после смерти Ахматовой (Звезда. 1967. № 12), в значительной мере

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова кантоминирован.

1

Впервые – «Записные книжки». С. 621–622. В измененном виде и с сокращениями вошло в текст телевизионной передачи о вечере памяти Александра Блока 12 октября 1965 г. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

Эпиграф – строки из стихотворения, заключающего вторую книгу стихотворений Ахматовой «Четки»:

Простишь ли мне эти ноябрьские дни? В каналах приневских дрожат огни.

Трагической осени скудны убранства.

Ноябрь 1913 Петербург

В «Четках» помещено после стихотворения, посвященного Александру Блоку: «Я пришла к поэту в гости...». По-видимому, два эти стихотворения как-то связаны в ху-дожественном мире поэзии Ахматовой.

...Осенью 1913, в день чествования... Верхарна... – Вечер Верхарна на Бестужевских курсах состоялся 25 ноября 1913 г. Верхарн Эмиль (1855–1916) – бельгийский поэт, драматург, литературный критик, писал на французском языке. Всплеск популярности в России приходится на 1900-е гг. Главный интерес вызывали урбанистические стихи Верхарна. Его переводили В. Брюсов, А. Блок, М. Волошин.

72 Бестужевские курсы учреждены в 1878 г. историком Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым (1829–1897), возглавлявшим это высшее женское учебное заведение по 1882 г.

73 «Анна Андреевна, мы не тенора!..» – Возможно, памятью об этой фразе Блока вызвана строфа стихотворения Ахматовой (9 сентября 1960 г.) с неоднозначной, как считают некоторые исследователи, характеристикой Блока:

И в памяти черной, пошарив, найдешь

До самого локтя перчатки,

И ночь Петербурга. И в сумраке лож

Тот запах и душный и сладкий.

И ветер с залива. А там, между строк,

Минуя и ахи и охи,

Тебе улыбнется презрительно Блок –

Трагический тенор эпохи.

Жили-были двое королевских детей... – Приведенная Ахматовой по памяти стихотворная цитата восходит к стихотворению Верхарна «Les deux enfants de roi...».

74 Тыркова Ариадна Владимировна (Вергежская, по второму мужу Вильяме; 1869–1962) – критик, публицист, автор мемуарной прозы и беллетристики, общественный и политический деятель, член кадетской партии. С 1920 г. – в эмиграции в Англии. Последние одиннадцать лет прожила с семьей сына в США. В эти годы вышли два тома воспоминаний: «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952); «То, чего больше не будет: Из семейной хроники» (Париж, 1954). Третий том «Подъем и крушение. 1914–1918 гг.» печатался в парижском журнале «Возрождение» в 1956–1958 гг.

Воспоминания о Серебряном веке «Тени минувшего» также опубликованы в журнале «Возрождение» (1954–55. № 33, 34, 37, 41, 42). О Блоке и Ахматовой А.В. Тыркова вспоминает: «Из поэтесс, читавших свои стихи в Башне, ярче всего запомнилась Анна Ахматова. Пленительная сила струилась от нее, как и от ее стихов. Тонкая, высокая, стройная, с гордым поворотом головы, закутанная в цветистую шаль, Ахматова походила на гитану. Нос с горбинкой, темные волосы, на лбу подстриженные короткой челкой, на затылке подхвачены высоким испанским гребнем. Небольшой, тонкий, не часто улыбавшийся рот. Темные, суровые глаза. Ее нельзя было не заметить. Мимо нее нельзя было пройти, не залюбовавшись ею. На литературных вечерах молодежь бесновалась, когда Ахматова появлялась на эстраде. Она делала это хорошо, умело, с сознанием своей женской обаятельности, с величавой уверенностью художницы, знающей себе цену. А перед Блоком Анна Ахматова робела. Не как поэт, как женщина. В Башне ее стихами упивались, как крепким вином. Но ее темные глаза искали Блока. А он держался в стороне. Не подходил к ней, не смотрел на нее, вряд ли даже слушал. Сидел в соседней полутемной комнате» (Тыркова – Вильяме А. Тени минувшего//Возрождение. Париж. 1955. № 41. С. 87–88).

Мой отец за глаза называл ее – «Ариадна великолепная»... – Одно время семьи жили в Царском Селе по соседству. А.В. Тыркова-Вильямс вспоминает: «Анна Ахматова изредка ко мне заходила ... у нее сохранились обо мне полудетские царскосельские воспоминания. ...

– Я Вас в Царском и на улице все высматривала, – рассказывала она мне. – Папа Вас называл Ариадна великолепная. Мне это слово ужасно нравилось. Я тогда же решила, что когда-нибудь тоже стану великолепная...

Она имела право сказать:

– Вот так и вышло. Только я Вас перегнала...

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
По благовоспитанности своей она никогда мне этого не сказала» (т а м ж е).
...шлссельбуржец Морозов... – Морозов Николай Александрович (1854–1946) –
общественный деятель, профессиональный революционер, писатель, ученый биофизик.
С 1879 г. член исполнительного комитета «Земли и воли», в январе 1881 г. при
нелегальном возвращении из Европы в Россию был задержан на границе и судим, до
1905 г. отбывал одиночное заключение в Шлссельбургской крепости. В 1911 г. за
сборник стихотворений «Звездные песни» (1910) приговорен к годовичному тюремному
заключению. В Двинской крепости написал книгу мемуаров «Повести моей жизни» (Т.
1–4, изд. 1916–1918).
Тараховская Елизавета Яковлевна (урожд. Парнох; 1895–1968).
Парнок София Яковлевна (наст. фам. Парнох, псевд. Андрей Полянин; 1885–1932) –
поэт, литературный критик, переводчик.
18 Cf»ftpante сочинений, т 5

2

Впервые – «Записные книжки». С. 669. Фрагмент написан между 15 и 19 сентября
1965 г. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

«Подошла я к сосновому лесу» – первая строка стихотворения «Моей сестре» (июль
1914, Дарница).

Беседы с Х. о судьбах России. – Х. – Недоброво Николай Владимирович (1882–1919)
– поэт, литературный критик, теоретик стиха, близкий друг Ахматовой, адресат
ряда ее стихотворений. Великолепно знал русскую историю, верил в мессианскую
роль «венценосной» России, оказал влияние на формирование самосознания
Ахматовой; Ахматова с Недоброво встречалась в Киеве. В записной книжке, после 7
сентября 1965 г., – «Н.В. Недоброво. В Дарнице на даче у мамы летом 1914
(июнь)».

...стена святой Софии и Михайловский монастырь... хромой Ярослав в своем
византийском гробу. – Софийский собор (XII в.) в Киеве. Могила Ярослава
Мудрого, великого князя киевского (ок. 978–1054), выполненная византийскими
мастерами еще до смерти князя, находится в Софийском соборе. Михайловский
Златоверхий монастырь (ок. 1108).

3

Впервые – «Записные книжки». С. 670–671. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).
Вокзал (Николаевский) – в советское время Ленинградский.

75. ...Москва Марины Цветаевой, которую она через два года подарит мне... «И я
дарю тебе мой колокольный град». – Строка из заключительной строфы первого
стихотворения цикла «Ахматовой» (19 июня, 1916). Описание Москвы в публикуемом
отрывке из книги Ахматовой, по-видимому, не только воспоминание об июльской
Москве 1914 г., но и возвращение к стихотворениям Марины Цветаевой:

В певучем граде моем купола горят, И Спаса светлого славит слепец бродячий... И
я дарю тебе свой колокольный град, – Ахматова! – и сердце свое в придачу.

См. также Москву Марины Цветаевой в циклах «Стихи о Москве» (март–июль, 1916) и
«Стихи к Блоку» (апрель–май 1916, август–сентябрь 1921).

...разговор о «великой» Ламановой... – Ламанова Надежда Петровна (1861–1941) –
владелица модного салона дамской одежды в Москве, художник-модельер.

Поддубный Иван Максимович (1871–1949) – легендарный русский борец,
атлет-гиревик, не проигравший ни одной схватки. В 1910-х гг. был победителем
крупнейших чемпионатов мира.

Перед моим изумленным взором вырастает Блок. – О встрече с Блоком на почтовой
станции Подсолнечная Ахматова вспоминала много раз, о чем свидетельствуют
пометы в записных книжках. Подробно о событиях июня–июля 1914 г. рассказала
П.Н. Лукницкому, сделавшему запись с ее слов 2 апреля 1925 г., в Мраморном
дворце. Запись этой беседы является первым изустным вариантом публикуемого в
настоящем томе текста; известно, что в 1960-е гг. Ахматова обращалась к
Лукницкому по поводу этих записей: «...в 1-х числах июня 14 г. переехали в
Слепнево вместе с Н.С. Там недели две я провела (в Слепневе), поехала оттуда в
Петербург (одна, к папе). Н.С. просил "Абиссинские охоты" в "Ниву" продать.
Продала. Пробыла в Петербурге у папы несколько дней, неделю – не больше, и
поехала в Киев. (Не в самый Киев, а в Дарницу (мама жила там) – местечко под
Киевом, станция железной дороги сейчас же за мостом). Это было, по всей
вероятности, начало июля, потому что я успела пробыть там эту неделю, вернуться
через Москву одна... (АА описывала Москву, которая была прекрасна, была "как
пестрая скатерть"...). Потом рассказала, как на станции Подсолнечной случайно на
платформе увидела Ал. Блока, который пришел на станцию узнать, нет ли почты. АА
совсем не ожидала увидеть здесь Блока, т.к. не ассоциировала название
«Подсолнечное» с именем, в котором он жил.

Блок спросил: "Вы одна едете?" (Блок очень удивил этим вопросом АА: "Блок меня
всегда удивлял!")» (Лу к н и ц к и й, 1. С. 100).

76 «Кругом твердят – вы Демон, вы краси-вы...» (СПб., 1913, декабрь)... –

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Ахматова отсылает к 15–16 декабря 1913 г., когда стихотворение писалось Блоком. Черновые строки, которые она цитирует, впервые были напечатаны: Б л о к, 3. С. 550). В этом же году Ахматова вместе с В.Н. Орловым, издателем собрания сочинений А. Блока и известным исследователем его творчества, смотрели текст «Поэмы без героя», в который были внесены серьезные дополнения и изменения. В этом экземпляре была окончательно сформулирована ахматовская концепция Блока как центральной фигуры эпохи Серебряного века (см. третью редакцию «Поэмы без героя»). Одновременно Ахматова ответила Блоку на его давнее обвинение в ее «демонизме» новыми строчками: «Демон сам, с улыбкою Тамары, // Но какие таятся чары // В этом страшном, дымном лице...». Если перевести язык поэтический на разговorno-бытовой, получится прямой ответ: «Сам Демон».

76 «Читала Ахматова. Стихи все лучше. Она уже волнует меня»... – 7 ноября 1911 г. Блок записал в дневнике: «В первом часу мы пришли с Любой к Вячеславу. Там уже – собрание большое. Городецкие (с Вышнеградской), ... Кузмин (читал хорошие стихи, вечером пел из "Хованщины" с Каратыгиным – хороший какой-то стал, прозрачный, кристальный), Кузьмины-Караваевы (Ели-завета Юрьевна читала стихи, черноморское побережье, свой "Понт"), Чапыгин, А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше)...» (Б л о к, 7. С. 83).

Свой роман с Блоком мне подробно рассказывала Валентина Андреевна Щеголева. – Щеголева (урожд. Богуславская; 1878–1931) – актриса, жена П.Е. Щеголева. Он звал ее в Испанию, когда муж сидел в крестах. – Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) – литератор, историк, автор книги «Дуэль и смерть Пушкина» – был привлечен к суду и осенью 1908 г. выслан из Петрограда после закрытия редактировавшегося им журнала «Былое». В начале 1909 г. он находился под следствием, по приговору судебной палаты был заключен в тюрьму «Кресты» сроком на три года. О своих переживаниях, о борьбе между чувством и долгом В.А. Щеголева рассказала в оставленных ею воспоминаниях. Знакомство Блока и Щеголевой относится к осени 1906 г. Блок посвятил ей три стихотворения: «Все помнит о весле вздыхающем...» (1908), «Черный ворон в сумраке снежном...», «Знаю я твоё льстивое имя...» (1910), составивших цикл «Три послания» (см.: Блок и В.А. Щеголева. Публикация Е.Ю. Литвина, С.С. Гречишкина. ЛН. Кн. 3. С. 854–856).

76 Были со мной откровенны еще две дамы: О. Судейкина и нимфа Городецкая. – О. Судейкина (см. т. 3. С. 577–578). Нимфа – Городецкая Анна Алексеевна (урожд. Козельская, 1889–1945), жена поэта С. Городецкого.

77. ..когда я оказалась в московской Боткин'ской больнице... – Ахматова была помещена в Боткинскую больницу 10 октября 1965 г., с четвертым инфарктом.

4

Впервые – «Записные книжки» С. 671–672. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

77 Существует письмо матери Блока... – Кублицкая-Пиоттух Александра Андреевна (урожд. Бекетова, в первом замужестве Блок, 1860–1923) – литератор. В письме М.П. Ивановой от 29 марта 1914 г.: «Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и грубокую, а стало быть, и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он этого не любит. Одно из ее стихотворений я Вам хотела бы написать, да помню только две строки первых:

Слава тебе, безысходная боль. – Умер он – сероглазый король.

Вот можете судить, какой склон души у этой юной и несчастной девушки. У нее уже есть, впрочем, ребенок. А Саша опять полюбил Кармен...» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541. ЛН. Кн. 4. С. 572).

77 Иванов Евгений Павлович (1879–1942) – детский писатель, публицист, автор воспоминаний о Блоке, с которым подружился в 1903 г. Дружба продолжалась до кончины Блока. Блок был шафером на свадьбе Иванова и крестным его дочери. Репрессирован.

Иванова Мария Павловна (1874–1941) – сестра Е.П. Иванова. Ей посвящено стихотворение Блока «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошеном...»; 1910).

5

Впервые – «Записные книжки». С. 672. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

Чтение Ахматовой записных книжек Блока, только что вышедших (книга была подписана в печать 26 февраля 1965), воскрешает разновременные пласты памяти. ... снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы... – Ахматова не раз вспоминала, как вместе с Н.В. Недоброво они смотрели на плывущий против течения горящий мост. Ср. запись Блока от 11 июля 1916 г.: «Ночью догорает на взморье дворцовый мост» (Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 314). Возможно, с этими видениями плывущего моста связаны строки «Поэмы без героя»: «По неведомому назначенью, / По Неве иль против теченья, – // Только прочь от

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «Своих могил» (Т. 3. С. 143).

77 а вот мы втроем (Блок, Гумилев и я) обедаем на Царскосельском вокзале... – См. запись Блока от 5 августа 1914 г.: «Встреча на Царскосельском вокзале» с Женей, Гумилевым и Ахматовой (Б л о к А. Записные книжки. С. 236).

...когда его фотографировал Наппельбаум... – Наппельбаум Моисей Соломонович (1900–1992) – фотограф-художник, автор последних фотографий Блока, сделанных на блоковских вечерах в Москве и Петрограде (1921 г.).

Ше киевское стихотворение датировано 1914. М.б., оно и не 14 г., но относится к этим дням... – Стихотворение датировано 1915 г., обычно его связывают с именем Недоброво, на том основании, что на автографе, подаренном Ахматовой П.Н. Лукницкому, – инициалы «НВН».

Алла Марченко выдвигает другую версию создания стихотворения, видя адресата в Блоке, а повод к написанию – в случайной встрече на станции "Подсолнечная" и связывает надпись Ахматовой на «Четках», подаренных Блоку: «От тебя приходила ко мне тревога и уныние писать стихи», с заключительной строкой третьего киевского стихотворения – «И в голосе грозном софийского звона// Мне слышится голос тревоги твоей». Возможно, близкой точки зрения придерживается М. Мейлах, поместивший стихотворение «И в киевском храме Премудрости Бога...» после стихотворения с посвящением Блоку «Ты первый вставший у источника...» (Стихотворения Анны Ахматовой. Душанбе. 1990. С. 218).

При жизни Ахматовой стихотворение «И в киевском храме Премудрости Бога...» не печаталось. По первоначальному замыслу предполагалось включить его в «Белую стаю», но затем, по-видимому, после обсуждения с Лозинским оно было заменено на другое – «Еще весна таинственная млела...». По поводу замены А. Марченко высказала следующее суждение: «Вероятно, по причине того, что в ближайшем окружении Ахматовой слишком понятно было, к кому обращено стихотворение, Ахматова его при жизни не публиковала. ...к сказанному выше надо добавить, что рассказ о том, как возникло стихотворение "И в киевском храме Премудрости Бога"... находится внутри цельного повествования, герой которого – Блок» (Новый мир. 1989. № 9. С. 192). Однако здесь возможен и «третий слой», связанный с Н.С. Гумилевым, как память о ее согласии выйти за него замуж. Решение было принято в Киеве.

78 ...уже тогда бредил [Кармен (декабрь 1913 г.)]. – Ахматова отсылает к тому единственному дню, когда 15 декабря 1913 г. посетила Блока в доме на Офицерской улице, после чего он прислал ей мадригал в стиле испанского романсеро: «Красота страшна, вам скажут...». Ахматова напоминает о Любви Александровне Дельмас (урожд. Тищинская; 1884–1969), исполнительнице роли «Кармен», которую Блок впервые увидел в октябре 1913 г., в спектакле Петербургского театра музыкальной драмы. Личное знакомство состоялось 28 марта 1914 г. и переросло в глубокое чувство. К ней обращен цикл «Кармен» и ряд других стихов, написанных в 1914–1920 гг.

Подготовительные материалы к неосуществленной книге «Как у меня не было романа с Блоком» показывают, сколь ревностным было отношение Ахматовой к Л.А. Дельмас. В списке дат и событий, установливаемых ею в 1965 г. по записным книжкам Блока, сохранилась помета: «На вечере в Академии художеств (1918?) я видела, как он целовался с Дельмас» («Записные книжки». С. 661).

6
Впервые – «Записные книжки». С. 683. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

... Мы пошли к Ремизовым передать рукописные книги Скалдина... – Ремизовы – А.М. Ремизов и его жена Довгелло Серафима Павловна (1876–1943) выехали из Петербурга в Ревель 7 августа 1921 г., в день смерти Блока. Ремизов изготовлял и коллекционировал рукописные книги. Скалдин Алексей Дмитриевич (1889–1943) – поэт, прозаик, литературный критик, печатался в «Аполлоне», «Сатириконе», эгофутуристских изданиях. Сборник «Стихотворения 1911–1912» отмечен влиянием Вяч. Иванова.

Персис Тамара Михайловна (ум. в 1955), издательница. Эмигрировала в Париж. По свидетельству Ирины Грем, одно время была женой А.С. Лурье (К р а л и н М. Артур и Анна. Л., 1990. С. 74. Из письма И. Грем к М. Кралину от 14 апреля 1973 г.). Ершов Иван Васильевич (1867–1943) – оперный артист и знаменитый исполнитель русских народных песен.

...престольный праздник... – день похорон Блока – 10 августа совпал с престольным праздником Смоленской Божьей Матери. См. стихотворение Ахматовой «А Смоленская нынче именинница...» (Т. 1. С. 363).

7_9

Кроме отрывков «Из главы "Трагическая осень"» с пометами «Начало», «Продолжение», «Finis» в рабочих тетрадях Ахматовой сохранились наброски, которым еще предстояло обрести свое место в тексте или остаться за его пределами. Приводим три ее последние записи 7 – 9, вероятно, относящиеся к февралю 1966 г.: «Записные книжки». С. 744–746. Печ. по автографам РГАЛИ

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (РТ 116).

80 Мария-Монахиня (Лиза Кузьмина-Караваева) пишет в своих парижских мемуарах (193...),... –

Кузьмина-Караваева Е.Ю., адресат стихотворения Блока «Когда вы стоите на моем пути...» (6 февраля 1908 г. Блок, 2. С. 288), пишет в своих мемуарах: «На башне Блок бывал редко. Он там, как и всегда впрочем, много молчал. Помню, как первый раз читала стихи Анна Ахматова. Вячеслав Иванов предложил устроить суд над ее стихами. Он хотел, чтобы Блок был прокурором, а он, Иванов, адвока-том. Блок отказался. Тогда он предложил Блоку защищать ее, он же будет обвинять. Блок опять отказался. Тогда уж об одном, кратко выраженном мнении, стал он просить Блока. Блок покраснел – он удивительно умел краснеть от смущения – серьезно посмотрел вокруг и сказал: "Она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо писать как бы перед Богом"» (Современные записки. Встречи с Блоком. 1936. № 62).

10

Впервые – «Записные книжки». С. 746. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 116).

81 О Л.Д. Менделеевой я не упоминаю вовсе. – Блок Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева, по сцене

Басаргина, 1881–1939); – жена А.А. Блока, актриса, лирическая героиня «Стихов о Прекрасной Даме» и других произведений. О необычности и сложности отношений Блока с женой см.: Дневники и Записные книжки Блока. Открытая неприязнь Ахматовой к Л.Д. Блок объяснялась кроме ряда имевших место причин, усугубивших душевную драму А. Блока, той ревностью, которую Ахматова испытывала к избранным ее душой как современным, так и давно ушедшим поэтам. Известно ее резко негативное, осуждающее отношение к Наталье Николаевне Гончаровой, Зинаиде Николаевне Пастернак, Ольге Всеволодовне Ивинской.

11

Впервые – «Записные книжки». С. 222–223. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

Рогачевское шоссе проходит недалеко от Шах-матова, подмосковного имения семьи Блока, подводя к станции Подсолнечная, где произошла памятная для Ах-матовой встреча с А. Блоком.

Я confidentка Валентины Андреевны Щеголевой («Валентина, звезда, мечтанье»)... – строка из второй части цикла «Три послания», обращенного к Щеголевой:

Снежный ветер, твое дыханье, Опыленные губы мои... Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

«Перед судом» – стихотворение Блока, датированное 1 октября 1911 г. Ахматова называет О.А. Глебову-Судейкину и А.А. Городецкую возможными адресатами стихотворения.

Однако существуют и другие развернуто аргументированные точки зрения на адресата стихотворения, хотя абсолютная идентификация невозможна, поскольку и автопортрет художника не может рассматриваться, как его фотография. Серьезный анализ вопроса об адресате стихотворения «Перед судом» предпринят в статье Н.В. Скворцовой «К творческой истории стихотворения Блока "Перед судом" (Из переписки Р.В. Иванова-Разумника и Е.П. Иванова)». Оба близкие Блоку люди, знающие его жизнь в личном общении, приходят к выводу, что в стихотворении нашли отражение отношения с Л.А. Дельмас и воспоминания о молодой Л.Д. Блок-Менделеевой (до 1907 г.). Известно также, что Блок предполагал завершить этим стихотворением цикл «Кармен».

81 Письма Блока к Коган... – Надежда Александровна Нолле-Коган (1888–1966) – переводчица с немецкого и французского языков, с 1909 г. жена историка литературы Петра Семеновича Когана (1872–1932). Впервые Н.А. Нолле увидела Блока в 1918 г. Весной следующего года обратилась к нему с письмом, в котором призналась в своих чувствах и попросила разрешения послать ему розы, на что получила ответ: «Да, если хотите. Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма». В дневниковой записи Блока от 27 марта 1913 г.: «На столе у меня стоят те красные розы, которые сулила мне неизвестная дама» (Блок, 7, 234). Личное знакомство Нолле-Коган с Блоком произошло 28 ноября 1918 г. В последние годы жизни Нолле-Коган помогала Блоку посылками продуктов из Москвы. П.С. Коган был в это время приближен к власти, в 1921 г., при основании Академии художественных наук, избран ее президентом. Коганы содействовали Блоку в организации его вечеров в Москве, в мае 1921 г., со Станиславским и Немировичем-Данченко велись переговоры о постановке блоковской пьесы «Роза и крест» (см.: Письма Блока к Н.А. Нолле-Коган и воспоминания Н.А. Нолле-Коган о Блоке 1913–1921. Вступ. ст., публ. и коммент. Л.К. Кувановой. АН. Кн. 2. С. 325–365. Письма Блока к Н.А. Нолле-Коган – в Отделе рукописей ИМЛИ).

В дневнике от 11 мая 1921 г. Блок записывает: «1 мая, в первый день Пасхи, мы выехали на извозчике Е.Я. Библицкого, в международном вагоне, с Чуковским и Алянским в Москву. На вокзале меня встретила Н.А. Нолле в царском автомобиле

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

А.Б. Каменева с большим красным флагом. Три вечера в Политехникуме (мои с Чуковским)... проходили с возрастающим успехом, но получил я гроши, кроме цветов, записок и писем» (Блок, 7. С. 418).

81 Кроне Елена (1915–1944) – итальянская писа-тельница, литературовед. Блок о Гумилеве (м.б., свой...). – Из черновика письма Блока к Андрею Белому от 17 апреля 1912 г. в свя-зи с публикацией в редактируемом им журнале «Труды и дни» статьи Вяч. Иванова «Мысли о символизме (1912. № 1. С. 81): «Если мы станем бороться с неопределив-шимся и, может быть, своим (!) Гумилевым, мы попадаем под знак вырождения» (Б л о к, 7. С. 140).

Не верить Всеволоду Рождественскому. – См. о нем коммент. к с. 37. Как уже говорилось, мемуары вызы-вали резкое неприятие Ахматовой, по-видимому, не столько в части воспоминаний о Блоке, сколько в интерпретации мемуаристом отношений Блока с Гумилевым, связанных с переизбранием председателя Петроградского отделения Союза поэтов.

Ю.Б. Зобин следующим образом комментирует эпи-зод, которому окружение Блока придало скандальный ха-рактер: «С июля 1920 г. место председателя Союза поэтов занял Блок, отнесшийся, впрочем, к "новому назначению" достаточно индифферентно и стремившийся не выходить за некие "нейтральные" установки, свойственные председа-лю "профессионального", а не политически тенденциозного союза. Однако дела Союза вскоре пришли в упадок, и 5 ок-тября 1920 г. Блок подал в отставку. 18 октября 1920 г. де-легация Союза поэтов во главе с Гумилевым (!), явившись к Блоку домой с визитом, просила его остаться на посту пред-седателя Союза, на что Блок согласился. Таким образом, утверждение о якобы "конflikте" Блока и Гумилева за пред-седательское место в Союзе поэтов оказывается несколько неточным. Гумилев возглавил Союз только в феврале 1921 г. и, в общем, продолжал блоковскую политику, преследую-щую прежде всего чисто профессиональные цели (хотя и с большим успехом). Однако окружением Блока была инспи-рирована некая "внутрисоюзная" склока, приведшая к рез-кому выпадку Блока против гумилевского "акмеизма" – ста-тья "Без божества, без вдохновенья" (апрель 1921)»//ни-колай Гумилев. Pro et contra. СПб., 1995. С. 642).

81 Портсигар Блока. (Яотдала Н. Павлович). – Ирина Грэм в письме М. Кралину пересказывает воспо-минания А.С. Лурье о судьбе блоковского портсигара: «О кончине Блока А.С. узнал в тот же день. Он отправился на квартиру поэта и увидел его до положения тела в гроб. Некоторое время А.С. был в комнате с Александром Алек-сандровичем; но вот за спиной послышались чьи-то глухие рыдания: это был Андрей Белый, рыдавший навзрыд, ко-лотившийся лбом об пол. Когда Блока хоронили, то А.С. нес на голове крышку от его гроба, – нес всю дорогу до Смоленского кладбища. Через неделю после кончины по-эта к А.С. пришла Любовь Дмитриевна, знавшая о его любви к Блоку. Она подарила ему на память портсигар Александра Александровича» (К р а л и н М. Артур и Анна. С. 144-145).

По-видимому, Лурье, уезжая в зарубежную коман-дировку, откуда он не вернулся, оставил портсигар в доме, где жили Ахматова с Судейкиной. Что же касается даль-нейшего утверждения И.А. Грэм, что она держала в руках «эту реликвию» (там ж е. С. 145), здесь ошибка памя-ти биографа Артура Лурье.

81 Павлович Надежда Александровна (1895– 1980) – поэтесса, автор воспоминаний об Александре Блоке.

Ей Блок сказал что-то... – далее следует вариант фрагмента 7 со слов «Вы, наверное, звоните...» до «...что о них сказали другие».

12

Впервые – «Записные книжки». С. 566. П еч. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 112).

82 Б л о к – знакомств о. – Знакомство Ах-матовой с Блоком произошло на одном из первых заседа-ний «Цеха поэтов» в октябре 1911 г. См.: Л у к н и ц -к и й, 1. С. 59: «...подошел к Н.С. и просил представить его АА».

Блоки Толстой. – 15 декабря 1913 г., когда Ахмато • ва была у Блока (см. стихотворение «Я пришла к поэту в гости//Ровно в полдень, в воскресенье...»), рассказывая об этом визите, в поздние годы вспоминала о самой важ-ной и единственной, как она говорила, запомнившейся ей фразе: «Я между прочим упомянула, что. поэт- Бе*гейикт Лившиц жалуется на то, что он, Блок, самнм-фактом свое-го существования мешает ему писать стихи. Блок не зас-меялся, а ответил вполне серьезно: "Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой"». Клюев – ловец человеков. – Ловец человеков восходит к Евангелию: «Идите за Мною и Я- сделаю вас ловцами человеков» (От Матфея. 4,19); «И сказал Симо-ну Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков» (От Луки. 5,10). Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – поэт. Клюева с Блоком и Гумилевым связывали-длитель-ные и сложные отношения (см.: Письма Н.А.– Клюева к Блоку. Вступ. ст., публ. и коммент. К.М. Азадовского// ЛН. Кн. 4. С. 427-523).

«Правит гортт невидамь;м градом», – У Клю-ева: «Правишь горним неведомым

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «градом». Строка из стихотворения, как говорил Клюев Ахматовой, посвященного ей. По поводу этого стихотворения-сохранилась-запись Ахматовой, датированная 26 марта 1964 г.: «Вероятно, в 1912 г. Н. Клюев появился на нашем горизонте. Уехав, он прислал мне четыре стихотворения. Три из них я забыла совершенно, четвертое помню наизусть:

ГУМИЛЕВОЙ

Мне сказали, что ты умерла Заодно с золотым листопадом И теперь,
лучезарно-светла, Правишь горним неведомым градом.
Я легендой забыться готов, Ты всегда лучезарной казалась И красюю осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя, Но любви ль иссякаемы ль струи, Разве ветер не песня
твоя И лучи не твои поцелуи.

Это, конечно, не мне и не тогда написано. Но я уверена, что у него была мысль
сделать из меня небесную гра-доправительницу, как он сделал Блока нареченным
Руси («Записные книжки». С. 429).

Знакомство Блока с Ключевым произошло около 26 сентября 1911 г. через
Городецкого, а уже в конце ноября Клюев писал Блоку из Вытегры: «В настоящий
вечерний час я тихо молюсь, да не коснется Смерть Вас, и да откроется Вам тайна
поклонения не одной Красоте, кото-рая с сердцем изо льда, но и Страданию. Его
храм, осно-ванный две тысячи лет тому назад, забыт и презрен, доро-га к нему
заросла лозняком и чертополохом; тем не менее, отважьтесь идти вперед! – На
лесной прогалине, в зеле-ных сумерках дикого бора приютился он. Под низким
об-ветшалым потолком Вы найдете алтарь еще на месте и Его тысячелетнюю лампаду
неугасимо горящей. Падите ниц перед нею, и как только первая слеза скатится с
глаз Ва-ших, красный звон сосен возвестит Миру – народу о но-вом, так мучительно
жданном брате, об обручении раба Божия Александра, – рабе Божией России» (курсив
мой – С.К.) (ЛН. С. 510).

13

Впервые – «Записные книжки». С. 660–661. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

Пожар моста – см. коммент. к фрагменту 5.

Вечер в нынешнем доме офицеров бывшем Армии и флота. – Запись А. Блока от 28
мар-та 1915: «Мы с ней Дельмас участвуем на вечере, устраиваемом Ан.

Чеботаревской (Зал Армии и флота)» (Блок А. Записные книжки. С. 259).

Сохранились до-вольно точные воспоминания об этом вечере Н.Н. Берберо-вой:
«Ранней весной 1915 года в Зале Армии и флота на Литейном состоялся вечер "Поэты
– воинам". Это был ве-чер благотворительный... на которые интеллигенция ходила с
увлечением. ... После перерыва на эстраду вышел Со-логуб, за ним Блок,
Ахматова, Кузмин, Городецкий. ... Блок вышел на сцену прямой и серьезный. Лицо
его было несколько красно, светлые глаза, густые волосы, тогда еще ореолом
стоявшие вокруг лица (и светлее лица в свете элек-тричества), были те же, что и
на фотографиях. И все-таки он был другой, чем на фотографиях. Какая-то печаль,
кото-рую я увидела тогда в его облике, никогда больше не была мной увидена и
никогда не была забыта. Фотографии не пе-редали ее, не удержали ее. Что-то
траурное было в его лице в тот вечер, и, может быть, теперь, после чтения его
дневни-ков, и записных книжек, и писем, можно сказать, что оно, в те годы
появившись, уже не ушло никогда из его черт. ... Ахматова была в белом платье
со "стюартовским" воротни-ком (каше тогда носили), стройная, красивая,
черноволо-сая, изящная. Ей было тогда под тридцать, это был расцвет ее славы,
славы ее паузника, ее челки, ее профиля, ее обя-ния. "Вестей от него не
получишь больше", – читала она, сложив руки у груди, медленно и нежно, с той
музыкальной серьезностью, которая была в ней так пленительна» (Бер-берова Н.
Курсив мой. М.: Согласие. С. 98–101).

83 Обед у Недоброво с Вяч. Ивановым. – «25 января 1914. Недоброво зовет нас к
себе на Вя-чеслава и других друзей. Я опять не пойду» (Блок А. Записные книжки.
С. 203).

83 «Четки» у Блока – 25 марта 1914. – В журн. «Книжная летопись» № 12 среди
книг, поступивших с 13 по 20 марта, было помещено сообщение о выходе кни-ги:
«Ахматова Анна. Четки. Стихи». СПб., 1914. Изда-тельство «Гиперборей» (Черных,
1. С. 70). 24 или 25 марта «А.А. послала А.А. Блоку экземпляр "Четок" с
дарственной надписью:

"Александрю Блоку Анна Ахматова. "От тебя приходила ко мне тревога И умение
писать стихи".

Весна 1914 г. Петербург» (там же).

Знакомство с Лурье. – См. Т. 1. С. 744, 867–868.

На премьере марионеток. – Возможно, спектакль играли в помещении «Привала
комедиантов». См.: «Ни-когда не бывала в «Привале комедиантов» (кроме спек-такля
марионеток Слонимской)» («Записные книжки». С. 666). Театр Марионеток,
основанный в Петербурге Юлией Леонидовной Сазоновой-Слонимской (1883– 1960), не

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
имел своего помещения и снимал сцену.

Дом Браза. – Браз Осип Эммануилович (1872– 1936) – художник, член Императорской Академии художеств.

Н.С. ГУМИЛЕВ –САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА

В настоящем разделе представлена полемика Ахматовой с мемуарами, главным образом эмигрантскими, по-священными Н.С. Гумилеву и истории ее с ним отношений. Ахматова жестко полемизирует с Г. Ивановым, Н. Оцупом, С. Маковским, И. Одоевцевой, Г. Струве,

Б. Филипповым, а также с другими мемуаристами, вольно или невольно неверно трактуемыми и порой, как ей представляется, сознательно искажающими биографические и литературно-исторические факты. Все эти писания Ахматова пренебрежительно именовала «псевдомемуариями», противопоставляя им строго выверенные факты биографии, и назвала свою работу «антимемуариями».

Ахматова была уверена, что мифологизация факта участия Н.С. Гумилева в контрреволюционном заговоре, присутствующая во всех мемуарах, мешает возвращению его поэзии на родину, где само имя поэта было почти не упоминаемо. Этим в первую очередь объясняется негативность ее оценок первых собраний сочинений О.

Мандельштама, Н. Гумилева, предпринятых Г. Струве и Б. Филипповым.

Стремлением защитить биографии от фальсификаций продиктован дотошный анализ всех доходивших до нее материалов, а надо сказать, что даже в самые мрачные времена истории нашей страны Ахматова располагала достаточной информацией, какими-то путями получая статьи и книги из-за рубежа.

Не предполагая в обозримом будущем увидеть в своем отечестве издания Гумилева, Мандельштама, свои произведения – «Реквием» и «Поэму без героя» – в полном, неискаженном виде, Ахматова щедро делилась достоверной, биографической и научной информацией с иностранными корреспондентами, подвергая строгому анализу выходящие за рубежом исследования, предостерегая от заведомых ошибок и фальсификаций, которые неизбежно переходили в них из эмигрантских работ.

Отметим, однако, что Ахматова была излишне строга в своем неприятии воспоминаний людей, отнюдь не ставивших целью опорочить или исказить факты ее биографии и отношений с Гумилевым. Что же касается фактологий, Ахматова безукоризненна в изложении событий. С возрастом память ее не притупилась, приобрела остроту. Немногие из замеченных нами ошибок каждый раз оговариваются в комментариях.

Ахматова провела работу по установлению адресатов любовной лирики Гумилева, точно указав, как и при каких обстоятельствах было написано то или иное стихотворение, каким складывался ее лирический образ в трагической поэзии Гумилева. Стихотворения Н. Гумилева, к которым Ахматова обращается не раз, в различных контекстах своих записей, приведены в комментариях. При первом или наиболее значимом упоминании – с необходимой полнотой, далее с отсылками к приведенному тексту. В комментариях даются также фрагменты воспоминаний современников, вызвавшие понятную, но не всегда справедливую ярость Ахматовой в адрес исследователей и мемуаристов.

«Псевдомемуариям» Ахматова одно время хотела противопоставить мемуары своей близкой подруги В.С. Срезневской, которая знала ее с детства и присутствовала при ее знакомстве с Гумилевым. Ахматова диктовала ей, помогала писать, делала целые вставки. Воспоминания Срезневской она считала правдивыми, отвечающими истине. Но как можно предположить, и они ее полностью не удовлетворили. Заметки Ахматовой представлены в хронологии их написания на основании изучения разновременных текстов, хранящихся в государственных коллекциях. Некоторые из публикуемых фрагментов в известной мере повторяют друг друга, однако несут в себе дополнительную информацию, помогающую лучше понять движение и логику авторской мысли как своего рода контрапункты, выделяющие моменты, наиболее существенные с точки зрения автора.

1

Впервые – ЛО. 1989. № 5. С. 14. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

85 Чувство, с которым я прочитала цитату из «Петербургских зим», относящуюся к моим выступлениям («Домлитсраторов») 1921г. – «Петербургские зимы» – беллетризованная мемуарная проза Г. Иванова. Впервые вышла отдельным изданием в 1928 г. в Париже, в издательстве «Родник». Переиздана в 1952 г. в Нью-Йорке издательством им. Чехова. Ахматова знала текст в его первой публикации. При переиздании «мемуаров» Иванов изъел отрывок, вызвавший возмущение Ахматовой. Возможно, до него дошли настроения Ахматовой, ее неудовольствие, и он купировал главу VII, описывающую пушкинский вечер в Доме искусств. Приводим «цитату» из первого издания «Петербургских зим», столь возмущившую Ахматову:

«В маленький зал Дома литераторов не попало и десятой части желавших услышать Ахматову. Потом вечер был повторен в университете. Но и огромное университетское помещение оказалось недостаточным. Триумф, казалось бы? Нет. Большинство слушателей было разочаровано.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова – Ахматова исписалась.

Ну, конечно.

Пять лет ее не слышали и не читали. Ждали того, за что Ахматову любили – новых перчаток с левой руки па правую. А услышали другое:

Все потеряно, предано, продано. Отчего же нам стало светло?

И так близко подходит чудесное К развалившимся грязным домам, Никому, никому неизвестное, Но от века желанное нам.

Слушатели недоумевали – "большевизм какой-то". По старой памяти хлопали, но про себя решили: кончено – исписа-лась.

Критика с удовольствием подхватила этот "глас народа". Теперь каждый следящий за литературой гимназист знает – от Ахматовой ждать нечего.

Верно – нечего – нечего. Широкая публика, делавшая когда-то славу Ахматовой, славу в необычном для настоящего поэта порядке, шумную, молниеносную, – Ахматова обманута. Все курсистки России, выдавшие ей "мандат" быть властитель-ницей их душ – обмануты» (И в а н о в Г. Т. 3. С. 647–648).

85 «Процесс» Кафки... – Ахматова много раз сравнивала абсурдность и ужас происшедшего с ней и с ее близкими с романом Ф. Кафки, который тогда еще не был переведен на русский язык. Она его не раз читала и пересказывала знакомым. См. запись Л.К. Чуковской от 31 октября 1959: «...Пересказала нам весь роман Кафки "Процесс" от начала до конца. Отозвалась о романе так:

– Когда читаешь, кажется, словно вас кто-то берет за руку и ведет обратно в ваши дурные сны.

Рассказала тут же и биографию Кафки. На Западе он гремит, а у нас не издается» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 363).

См. также в стихотворении «Другие уводят любви-мых...», относящемся к 1964 г.:

...Одна на скамье подсудимых Я скоро полвека сижу.

Вокруг пререканье и давка И приторный запах чернил. Такое придумывал Кафка И Чарли изобразил.

86 ...об этих делах «давно минувших дней»... – Из первого двустихья поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», Песнь первая: «дела давно минувших дней//Пре-данья старины глубокой».

Ее перевел и напечатал в своей книге («Гумилев, Ахматова, Мандельштам») Страховский (1949)... – Имеется в виду книга: Strakhovsky L. Craftsmen of the Word. Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam. Cambridge, Mass., 1949. (Страховский Л. «Мастера слова. Три поэта со-временной России: Гумилев, Ахматова, Мандельштам». Кембридж, Массачузетс, 1949).

Харкинс Уильям – английский литературовед.

Di Sana, RipeJJino Анджело Мария – итальянские исследователи. Di Sana написал предисловие к итальян-скому изданию стихотворений Ахматовой (1951).

Оцуп Николай Авдеевич (1894–1977) – поэт, про-заик, литературный критик, литературовед, автор воспо-минаний, статей и книги о Гумилеве. В Париже написал о Гумилеве докторскую диссертацию.

Адамович в одной из первых эмигрантских статей писал: «В Петербурге сейчас живет три прославленных поэта: Сологуб, Ахматова и Кузмин. Все трое пишут и пе-чатаются сравнительно много. ... С Ахматовой проис-ходит "обыкновенная история". Она с каждым днем теря-ет свою популярность, – вернее, она делается все извест-нее, но в ее слове нет былого очарования и былой остроты. Это тоже удел поэта, – и пушкинский удел. В Ахматовой любви не ее голос, – напряженный, трудный, сухой, – а ее манеру. Теперь нет больше "перчаток с левой руки", и поклонники разочарованы. Есть, впрочем, для их утеше-ния несметное количество девиц, подобравших эти ахма-товские обноски» (Звено. 1923, 10 сентября. № 32. С. 2). Там же Адамович отмечает с удовлетворением отъезд из Петербурга в Париж «веселой Одоевцевой».

87 Алянский Самуил Миронович (1891–1974) – создатель и глава частного издательства «Алконост» (1918–1923), в котором вышли книги Ахматовой «Аппо Доміні» (1923), «Белая стая» (1923).

Виноградов Виктор Владимирович (1895–1961) – филолог, академик, близкий знакомый Ахматовой, автор работ о поэтике ее творчества: «О символике Ахматовой» («Литературная мысль». Альманах. Пг., 1922); «О по-эзии Анны Ахматовой.

Стилистические наброски» (Л., 1925). Имеется в виду статья «Анна Ахматова» в кн. «Наши спутники» (М., 1922. С. 71–79).

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – лите-ратурный критик, имеется в виду статья «Анна Ахматова» в его книге «Поэты и поэтессы» (М., 1922. С. 55–57). В сентябре 1922 г. был выслан на «философском» корабле вместе с другими деятелями культуры. Погиб в Берлине в результате несчастного случая (попал под трамвай).

Чуковский читал доклад – «Две России». – Лек-ция К.И. Чуковского «Две России. Ахматова и Маяков-ский» читалась в Петрограде и Москве и вызвала интерес

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова и литературной общественности. Текст лекции послужил основой статьи «Ахматова и Маяковский» («Дом искусств».

1921. № 1–2). Отзывы современников о лекции Чуковского см.: Вл. 1988. № 1.

Пастернак еле уговорил редакцию «Нового мира»... – Речь идет о стихотворении Б. Пастернака «Анне Ахматовой» («Мне кажется, я подберу слова...»), отосланном Ахматовой Пастернаком в письме от 6 марта 1929 г. (См.: Пастернак Б. Т. 1. С. 552–553). Было опубликовано в журнале «Красная Новь». 1929. № 5 од-новременно со стихотворениями, посвященными Марине Цветаевой и Мейерхольдам. Перцов Виктор Осипович (1898–1980) – литературный критик, член литературной группы «ЛЕФ» (Левый фронт искусств), автор статьи «По литературным во-доразделам» (Жизнь искусства. 1925. № 43. С. 4–6).

Малахов Сергей Арсеньевич (1902–1973) – поэт, журналист.

Лелевич Г. (псевд. Лабора Гилевич Кальмансон; 1901–1945) – поэт, критик, один из создателей журнала «На посту», занимал ответственные посты в Союзах про-летарской литературы – ВАПП и МАПП. Автор статей «Анна Ахматова. Беглые заметки» (журн. «На посту». 1923. № 2–3. Сентябрь–октябрь. С. 177–202 и «Не-своевременный современник» (журн. «Большевик». 1924. № 5/6. 20 июня. С. 146–150).

Петр отрекается и предает Иуда. – Цитата из стихотворения Н. Гумилева «Молитва мастеров» (1921) из книги «Огненный столп».

88 л о Гатто Этторе (1890–1982) – итальянский литературовед, славист, переводчик Пушкина, автор истории русской литературы, возглавлявший кафедру русского языка и литературы в Падуанском университете и, Институте Восточной Европы, выпустил в Милане в 1960 г. книгу на итальянском языке «Миф о Петербурге», в которой освещена тема Петербурга в русской общественной мысли и в художественной литературе.

88 Штаммлер – немецкий литературовед. S t a m -m l e g H. Gorenko, A.A. (Achmatova). Lexikon der Welt-literatur im 20. Jahrhundert, 1. Band. Freiburg. 1960. S. 785–786 (Горенко, А.А. (Ахматова). Словарь мировой литературы 20 века. Т. 1. Фрейбург, 1960. С. 785–786).

...если бы меня не так приняла Москва в апреле 1946 г. – В апреле 1946 г. с ошеломляющим успехом прошло несколько вечеров Ахматовой в Москве: 2 апреля вме-сте с Пастернаком – в клубе московского Дома писателей; 3 апреля вместе с московскими и ленинградскими поэтами – в Колонном зале Дома союзов, где публика стоя приветство-вала Ахматову. По поводу этого выступления якобы Стали-ным было сказано: «Кто организовал вставание?». 4 апреля этот же поэтический вечер был повторен в Коммунистичес-кой (бывшей Богословской) аудитории Московского уни-верситета. В один из этих дней состоялась встреча Ахматовой со студентами и актерами школы-студии МХАТ.

2

Впервые – «Записные книжки». С. 152–153. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103). Фрагмент открывает ряд записей Ахматовой к биогра-фии Н.С. Гумилева. Работа велась с середины 1920-х гг. совместно с П.Н. Лукницким, Ахматова устанавливает адресатов гумилевской лирики, поскольку считала суще-ственным отделить письменное посвящение от реального, т.е. кому написано стихотворение, а не кому оно посвяще-но. В своих заметках о Гумилеве она часто называет одни и те же стихотворения, цитирует начальные или иные строки и строфы по памяти. Для уяснения некоторых ахматовских ассоциаций приводим тексты обозначенных ею стихотво-рений Гумилева. В дальнейшем, при повторном упомина-нии их Ахматовой, делается соответствующая отсылка.

«Ия отдал кольцо этой деве Луны...» – строка из «Баллады», вошедшей в книгу Гумилева «Романтичес-кие цветы» (Париж, 1908), посвященную Анне Андреевне Горенко. Первый вариант, без посвящения, в первой книге Н. Гумилева «Путь конквистадоров», изданной автором на собственные средства, еще в гимназические годы (1906):

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер И одно золотое с рубином кольцо, чтобы мог я спускаться в глубины пещер И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня Пронестись на широком пространстве земном, И я верил, что солнце зажглось для меня, Просияв, как рубин, на кольце золотом. Много звездных ночей, много огненных дней Я скитался, не зная скитанью конца, Я смеялся прорыву могучих коней И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознанья – безумье и снег, Но коней я ударил свистящим бичом, я на выси сознанья направил их бег И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны, В странном взоре сливался с ответом вопрос,

И я отдал кольцо этой деве луны За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня, Люцифер распахнул мне ворота во тьму, Люцифер подарил мне шестого коня – И Отчаянье было названье ему.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Все пошло с «Русалки». – «Русалка» Гумиле-ва датировалась Ахматовой 1904 г.
Автограф с посвящением «Анне Андреевне Горенко» – в коллекции Ю.Г. Ок-смана
(РГАЛИ). Вошло в книгу «Путь конквистадоров», без посвящения.
На русалке горит ожерелье, И рубины греховно-красны, Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья. На русалке горит ожерелье, И рубины
греховно-красны.
У русалки мерцающий взгляд, Умирающий взгляд полуночи, Он блестит, то длинней,
то короче, Когда ветры морские кричат. У русалки чарующий взгляд, У русалки
печальные очи.
Я люблю ее, деву-ундину, Озаренную тайной ночной, Я люблю ее взгляд зоревой И
горящие негой рубины... Потому что я сам из пучины, Из бездонной пучины морской.
«Из города...» – Имеется в виду стихотворение «Из логова змиева...», вошло в
книгу Н. Гумилева «Чужое небо» (впервые – Русская мысль. 1911. № 7):
Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.
Покликаешь – морщится, Обнимешь – топорщится, А выйдет луна – затомится, И
смотрит, и стонет, как будто хоронит кого-то, – и хочет топиться.
Твержу ей: крещеному, С тобой по-мудреному Возиться теперь мне не в пору;
Снеси-ка истому ты В Днепровские омуты, На грешную Лысую гору.
Молчит – только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрытую
Над пропастью, Богом заклятую.
«Нет тебя...» (1910). – Стихотворение «Нет тебя тревожней и капризней...» было
опубликовано в «Ежемесячном литературном приложении к "Ниве"». 1913. Т. 2.
С. 309. В экземпляре коллекционера и библиофила М.С. Лесмана дата и помета –
1910. Париж.
Нет тебя тревожней и капризней, Но тебе предался я давно Оттого, что много,
много жизней Ты умеешь волей слить в одно.
И сегодня... Небо было серо, День прошел в томительном бреду. За окном, на
мокром дерне сквера Дети не играли в чехарду.
Ты смотрела старые гравюры, Подпирая голову рукой, И смешно-нелепые фигуры
Проходили скучной чередой.
«Посмотри, мой милый, видишь – птица. Вот и всадник, конь его так быстр, Но как
странно хмурится и злится Этот сановитый бургомистр!»
А потом читала мне про принца, Был он нежен, набожен и чист, И рукав мой
кончиком мизинца Трогала, повертывая лист.
Но когда дневные смолкли звуки И взошла над городом луна, Ты внезапно заломила
руки, Стала так мучительно бледна.
Пред тобой смущенно и несмело Я молчал, мечтая об одном: Чтобы скрипка ласковая
спела И тебе о рае золотом.
«Семирамида». Жемчуга – тоже мой атрибут. – В «Аполлоне» (1909, № 3) под
заглавием «Сады Семирамиды» еще без посвящения И.Ф. Анненскому: Для первых
властителей завиден мой жребий, И боги не так горды. Столпами из мрамора в
пылающем небе Укрепились мой сады.
Там роши с цистернами для розовой влаги, Голубые, нежные мхи, Рабы и танцовщицы,
и мудрые маги, Короли четырех стихий.
Все манит и радует, все ясно и близко, Все таит восторг тишины, Но каждую
полночью так страшно и низко Наклоняется лик луны.
И в сумрачном ужасе от лунного взгляда, От цепких лунных сетей Мне хочется
бросится из этого сада С высоты семисот локтей.
Затем – Анна Комнена. (Темаревности). – Стихотворение написано в 1908 г.
Автограф Гумилев от-правил В.Я. Брюсову из Парижа (штемпель на парижском
конверте – 6 апреля 1908 г.). В Париже весной этого года Гумилев пытался
покончить жизнь самоубийством из-за безответной любви к гимназистке Анне
Горенко:
Тревожный обломок старинных потемок, Дитя позабытых народом царей, С мерцанием
взора на зыби Босфора Следит ускользящий бег кораблей.
Собришс сочинении, т 7
Прекрасны и грубы влекущие губы И странно красивый изогнутый нос, Но взоры
унылы, как холод могилы, И страшен разбросанный сумрак волос.
У ног ее рыцарь, надменный, как птица, Как серый орел пиренейских снегов. Он

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова отдал сраженья за крик наслажденья, За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
Его отличали в боях короли –
Он смотрит, безмолвный, как знойные волны,
Дрожа, рассекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди И взором ловить ускользящий взор, А утром,
спокойный, красивый и стройный, Он голову склонит под меткий топор.

И снова в апреле заплачут свирели, Среди облаков закричат журавли, И в сад
кипарисов от западных мысов За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница, Дразнящее тело свое обнажив, Лишь будет
печальней, дрожа в своей спальне: В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены, Но знает безумную жажду игры И темные муки
терзающей скуки, Сковавшей забытые смертью миры.

89 «Рощи пальм» (08) и через 10 лет «Эзбекие». – «Рощи пальм» – стихотворение
из сборника «жемчуга», написано по впечатлениям путеше-ствия в Египет (1907):
Рощи пальм и заросли алоэ, Серебристо-матовый ручей, Небо, бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце? Разве счастье – сказка или ложь? Для чего ж
соблазнам иноверца Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы, Хочешь биться в огненном бреду, Разве ты не
властна жить как травы В этом упоительном саду?

«Эзбекие» – стихотворение вошло в сборник «Кос-тер» (июль 1918). Ахматова видит
в «Эзбекие» воспомина-ния о поре юношеской любви Гумилева к ней:

ЭЗБЕКИЕ

Как странно – ровно десять лет прошло С тех пор, как я увидел Эзбекие, Большой
каирский сад, луною полной Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен, И ни соленый, свежий ветер моря, Ни грохот
экзотических базаров, Ничто меня утешить не могло. О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен Священным рощам молодого мира:

Там пальмы тонкие вносили ветви, Как девушки, к которым Бог нисходит; На
холмах, словно вещи друиды, Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно

Встающий на дыбы единорог;

Ночные бабочки перелетали

Среди цветов, поднявшихся высоко,

Иль между звезд, – так низко были звезды,

Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя

И глубже смерти – жизнь! Прими, Господь,

Обет мой вольный: что бы ни случилось,

Какие бы печали, униженья

Ни выпали на долю мне, не раньше

Задумаюсь о легкой смерти я,

Чем вновь войду такой же лунной ночью

Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно – ровно десять лет прошло, И не могу не думать я о пальмах, И о
платанах, и о водопаде, Во мгле белевшем, как единорог. И вдруг оглядываюсь я,
заслыша В гуденьи ветра, в шуме дальней речи И в ужасающем молчаньи ночи
Таинственное слово – Эзбекие.

Да, только десять лет, но хмурый странник,

Я снова должен ехать, должен видеть

Моря, и тучи, и чужие лица,

Все, что меня уже не обольщает,

Войти в тот сад и повторить обет

Или сказать, что я его исполнил

И что теперь свободен...

89 Последнее воспоминание (в «Памяти»): «Был влюблен, жег руки...» – «Память» –
стихотворение, открывающее последний сборник стихов Н. Гумилева «Ог-ненный
столп» (вышел в августе 1921 г.). Книга посвяще-на второй жене Гумилева – А.Н.
Гумилевой, однако Ах-матова видела в стихотворении воспоминание об их любви с
Гумилевым и завершение памяти о ней.

Был влюблен – жег руки... – несколько раз цитиру-емые Ахматовой строки из
допечатной редакции стихот-ворения «Память». Одна из философских идей Гумилева о
перевоплощении душ в бесконечности бытия, получившая развитие в «Памяти»,
использована Ахматовой в незавер-шенной трагедии «Энума элиш. Пролог, или Сон во
сне», в диалогах «Она и Голос» (см. т. 3).

ПАМЯТЬ Только змеи сбрасывают кожи, Чтоб душа старела и росла. Мы, увы, со

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

змеями не схожи, Мы меняем души, не тела.
Память, ты рукою великанши Жизнь ведешь, как под уздцы коня, Ты расскажешь мне о тех, что раньше в этом теле жили до меня.
Самый первый: некрасив и тонок, Полюбивший только сумрак рощ, Лист опавший, колдовской ребенок, Словом останавливавший дождь.
Дерево да рыжая собака, Вот кого он взял себе в друзья, Память, Память, ты не сыщешь знака, Не уверишь мир, что то был я.
И второй... любил он ветер с юга, В каждом шуме слышал звоны лир, Говорил, что жизнь – его подруга, Коврик под его ногами – мир.
Он совсем не нравится мне, это Он хотел стать богом и царем, Он повесил вывеску поэта Над дверьми в мой молчаливый дом.
Я люблю избранника свободы, Мореплавателя и стрелка, Ах, ему так звонко пели воды И завидовали облака.
Высока была его палатка, Мулы были резвы и сильны, Как вино, впивал он воздух сладкий Белому неведомой страны.
Память, ты слабее год от году, Тот ли это или кто другой Променял веселую свободу На священный долгожданный бой.
Знал он муки голода и жажды, Сон тревожный, бесконечный путь, Но святой Георгий тронул дважды Пулею не тронутую грудь.
Я – угрюмый и упрямый зодчий Храма, восстающего во мгле, Я возревновал о славе Отчей, Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо Вплоть до дня, когда взойдут, ясны, Стены Нового Иерусалима На полях моей родной страны.
И тогда повеет ветер странный – И прольется с неба страшный свет: Это Млечный Путь расцвел нежданно Садом ослепительных планет.
Предо мной предстанет, мне неведом, Путник, скрыв лицо; но все пойму, Видя льва, стремящегося следом, И орла, летящего к нему.
Крикну я... но разве кто поможет, Чтоб моя душа не умерла? Только змеи сбрасывают кожи, Мы меняем души, не тела.
8 9 Машукузьмину-Караваеву, которая его не любила... благословляет и живую и мертвую. До самого конца. – Кузьмина-Караеаса Мария Александровна (1888–1911), с которой Гумилев встретился в Слеп-неве – имении своей матери летом 1911 г., когда Ахматова была в Париже.
Тезка Ахматовой, Анна Андреевна Гумилева, жена брата Николая Степановича – Дмитрия, писала: «В жизни Коли было много увлечений. Но самой возвышенной и глубокой его любовью была любовь к Маше. Под влиянием рассказов Анны Ивановны о родовом имении Слеп-неве и о той большой старинной библиотеке, которая в целом-сти там сохранилась, Коля захотел поехать туда, чтобы ознакомишься с книгами. В то время в Слепневе жила тетушка Варя – Варвара Ивановна Львова, по мужу Лампе, стар-шая сестра Анны Ивановны. К ней зимой время от времени приезжала ее дочь Констанция Фридольфовна Кузьмина-Караваева со своими двумя дочерьми. Приехав в имение Слепнево, поэт был приятно поражен, когда, кроме старень-кой тетушки Вари, навстречу ему вышли две очарователь-ные молоденькие барышни – Маша и Оля. Маша с первого взгляда произвела на поэта неизгладимое впечатление. Это была высокая тоненькая блондинка с большими грустными голубыми глазами, очень женственная. Коля должен был остаться несколько дней в Слепневе, но оттягивал свой отъезд под всякими предложениями. Нянечка Кузьминых-Караваевых говорила: "Машенька совсем ослепила Николая Степано-вича". Увлеченный Машей, Коля умышленно дольше, чем надо, рылся в библиотеке и в назначенный день отъезда го-ворил, что библиотечная "... пыль пьянее, чем наркотик", что у него сильно разболелась голова, театрально хватался при тетушке Варе за голову, и лошадей откладывали. Барышни были очень довольны: им было веселее с молодым дядей. С Машей и Олей поэт долго засиживался по вечерам в биб-лиотеке, что сильно возмущало нянечку Караваевых, и она часто бурно налетала на своих питомиц, но поэт нежно об-нимал и унимал старушку, которая после говорила, что "долго сердиться на Николая Степановича нельзя, он своей нежно-стью всех обезоруживает".
Летом вся семья Кузьминых-Караваевых и наша про-водили время в Слепневе. Помню, Маша всегда была оде-та с большим вкусом в нежно-лиловые платья. Она люби-ла этот цвет, который был ей к лицу. Меня всегда умиляло, как трогательно Коля оберегал Машу. Она была слаба лег-кими, и, когда мы ехали к соседям или кататься, поэт все-гда просил, чтобы их коляска шла впереди, "чтобы Ма-шенька не дышала пылью". Не раз я видел Колю сидящим у спальни Маши, когда она днем отдыхала. Он ждал ее выхода, с книгой в руках все на той же странице, и взгляд его был устремлен на дверь. Как-то раз Маша ему откро-венно сказала, что не в праве кого-либо полюбить и свя-зать, так как она давно больна и чувствует, что ей недолго осталось жить. Это тяжело подействовало на поэта.
...Когда она родилась, сердце в железо заковали ей и та, которую любил я, не

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова будет никогда моей.

Осеню, прощаясь с Машей, он ей прошептал: "Ма-шенька, я никогда не думал, что можно так любить и груст-тить". Они расстались, и судьба их навсегда разлучила» (Гумилев А. Николай Степанович Гумилев//Но-вый журнал. № 46.1956. С. 107-126).

Ахматову особо возмутили слова, вложенные мемуа-ристой в уста Гумилева, из появившихся только через де-сять лет в «Заблудившемся трамвае».

Публикатор книги «Николай Гумилев в воспоминани-ях современников» В. Крейд назвал воспоминания А. Гумилевой «одним из фундаментальных вкладов в мему-арную литературу о Гумилеве». Однако Ирина Одоевцева, близко знавшая Гумилева в последний год его жизни, пи-шет: «Г. Струве справедливо "без особого доверия" отнесся к домыслам и заключениям невестки Гумилева о любви Гу-милева, якобы единственной настоящей его любви, к его рано умершей кузине Маше Кузьминой-Караваевой и к тому, что написанный в 20 году "Заблудившийся трамвай" относится именно к ней». «Я не знаю, – продолжает Одоевцева, – был ли влюблен Гумилев в свою кузину, он при мне вообще никогда не вспоминал о ней. Но я охотно допускаю это. Ведь Гумилев был влюблен несчетное число раз... Но рассказ о том, что "Заблудившийся трамвай" (кстати, написанный не в 20-м, а весной 21 года) относится к Маше Кузьминой-Караваевой, вполне фантастичен. Небезынтересно упомя-нуть, что в первом варианте "Машенька" называлась "Ка-те нькой" – и только впоследствии, в честь "Капитанской дочери", превратилась в Машеньку... Та Гуми-лева перепутала даты второй женитьбы Гумилева и рожде-ние его дочери Елены. Гумилев действительно вернулся в Петербург в мае и вскоре же, – по желанию Ахматовой, – произошел развод с ней. Но женился он на Анне Николаев-не Энгельгардт не "в следующем году", а, по словам самого Гумилева, "тут же", т.е. через неделю после развода» (Ни-колай Гумилев в воспоминаниях. С. 265).

Назвав Ахматову «чуждым элементом», вторгшимся в семью, А.А. Гумилева-Фрейганг писала: «В семье Гуми-левых очутилось две Анны Андреевны. Я – блондинка, Анна Андреевна Ахматова – брюнетка. А.А. Ахматова была высокая, стройная, тоненькая и очень гибкая, с боль-шими синими, грустными глазами, со смуглым цветом лица. Она держалась в стороне от семьи. Поздно вставала, яв-лялась к завтраку около часа, последняя, и, войдя в столо-вую, говорила: "Здравствуйте все!" За столом большою частью была отсутствующей, потом исчезала в свою ком-нату, вечерами либо писала у себя, либо уезжала в Петер-бург» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 128).

В том же роде делилась воспоминаниями соседка ближнего к Слепневу имения Подобино Вера Неведомская: «Я как сейчас помню мое первое впечатление от встречи с Гумилевым и Ахматовой в их Слепневе. На веранду, где мы пили чай, Гумилев вошел из сада; на голове – феска лимонного цвета, на ногах – лиловые носки и сандали и к этому русская рубашка. Впоследствии я поняла, что Гуми-лев вообще любил гротеск и в жизни, и в костюме. У него было очень необычное лицо: не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, присталь-ные глаза слегка косят. При этом подчеркнута-церемон-ные манеры. А глаза и рот слегка усмеваются; чувствуется, что ему хочется созорничать и подшутить над его добрыми тетушками, над этим чаепитием с вареньем, с разговорами о погоде, об уборке хлебов и т.п.

У Ахматовой строгое лицо послушницы из старове-рческого скита. Все черты слишком острые, чтобы назвать лицо красивым. Серые глаза без улыбки. Ей могло быть тогда 21-22 года. За столом она молчала, и сразу почув-ствовалось, что в семье мужа она чужая. В этой патриар-хальной семье и сам Николай Степанович, и его жена были, как белые вороны. Мать огорчилась тем, что сын не хотел служить ни в гвардии, ни по дипломатической части, а стал поэтом, пропадает в Африке и жену привел какую-то чуд-ную: тоже пишет стихи, все молчит, ходит то в темном сит-цевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных париж-ских туалетах (тогда носили узкие юбки с разрезом).

.. Ахматова – в противоположность Гумилеву – все-гда была замкнутой и всюду чужой. В Слепневе, в семье мужа, ей было душно, скучно и неприветливо. Но и в По-добине, среди нас, она присутствовала только внешне. Оживлялась она только тогда, когда речь заходила о сти-хах. Гумилев, который вообще был неспособен к зависти, ставил стихи Ахматовой в музыкальном отношении выше своих» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 157).

Самой страшной я становлюсь в « Чужом небе» (1912), когда я в сущности рядом... – Речь идет о сти-хотворениях Гумилева, написанных в период совместной семейной жизни – с весны 1910 г. до разрыва, когда они, по словам Ахматовой, «дали друг другу свободу» (1913 г.), но продолжали считаться супружеской парой. Развод был оформлен летом 1918 г.

89. ..влюбленная в Мефистофеля Маргарита... –

См. стихотворение Н. Гумилева «Влюбленная в дьявола» (1908).

...женщина вамп в углу. – См. стихотворение «У камина», впервые – «Северные стихи. Альманах». М., 1911. Вошло в книгу «Чужое небо». Приводится в

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова в воспоминаниях В.С. Срезневской как автобиографическое:
Наплывала тень... Догорал камин, Руки на груди, он стоял один,
Неподвижный взор устремляя вдаль, Горько говоря про свою печаль:
«Я пробрался в глубь неизвестных стран, Восемьдесят дней шел мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда Станные вдали чьи-то города.
И не раз из них в тишине ночной В лагерь долетал непонятный вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы, Вечерами к нам подходили львы.
Но трусливых душ не было меж нас, Мы стреляли в них, целясь между глаз.
Древний я отрыл храм из-под песка, Именем моим названа река,
И в стране озер пять больших племен Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна, И больна душа, , тягостно больна;
Я узнал, узнал, что такое страх, Погребенный здесь в четырех стенах;
Даже блеск ружья, даже плеск волны Эту цепь порвать ныне не вольны..»
И тая в глазах злое торжество, Женщина в углу слушала его.
89 фанни с адским зверем у ног. – См. стихотворение «Укротитель зверей». Впервые – «Черное и белое». 1912. № 2, март. Вошло в книгу «Чужое небо».

УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

...как мой китайский зонтик красен, Натерты мелом башмачки.

Анна Ахматова

Снова заучено-смелой походкой Я приближаюсь к заветным дверям, Звери меня дожидаются там, Пестрые звери за крепкой решеткой.
Будут рычать и пугаться бича, Будут сегодня еще вероломней Или покорней... не все ли равно мне, Если я молод и кровь горяча?
Только... я вижу все чаще и чаще (Вижу и знаю, что это лишь бред) Странного зверя, которого нет, Он – золотой, шестикрылый, молчащий.
Долго и зорко следит он за мной И за движениями всеми моими. Он никогда не играет с другими И никогда не придет за едой.
Если мне смерть суждена на арене, Смерть укротителя, знаю теперь, Этот, незримый для публики, зверь Первым мой перекусит колени.
Фанни, завял вами данный цветок, Вы ж, как всегда, веселы на канате, Зверь мой, он дремлет у вашей кровати, Смотрит в глаза вам, как преданный дог.
89 ...просто отравительница,.. – Отсылка к сти-хотворению Гумилева «Отравленный» (впервые – «Новая жизнь». 1912. I, без заглавия. Вошло в книгу «Чужое небо»). Обратившийся к рассмотрению этого ряда стихотворений, Р. Тименчик отмечает в них «два сквозных мотива... существо, несущее смерть герою – «Отравленный», «Укротитель зверей»... – и «лунная дева» (Тименчик Р. К вопросу об источниках для жизнеописаний Гумилева и Ахматовой//Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 253–254). Комментаторы стихотворения десяти-тотомного собрания сочинений Гумилева возводят образ лирической героини к одному из злых духов «в низшей мифологии народов Европы, который, по легенде, садился ночью на грудь спящего и вызывал удушье (отсюда фр. cauche mar, англ. nightmare)» (Гумилев Н. Поли, собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М, 1988. С. 268).

Приводим текст стихотворения как одного из ключевых для понимания двух ипостасей облика лирической героини-отравительницы и «лунной девы», сливающихся в один символ космического ужаса:

«Ты совсем, ты совсем снеговая, Как ты странно и страшно бледна!

Почему ты дрожишь, подавая Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой... Что я знаю, то знаю давно, Но я выпью, и выпью с улыбкой, Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат И кошмары придут на постель, Те кошмары, что медленно душат, Я смертельно почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «Дорогая, Видел я удивительный сон, Ах, мне снилась равнина без края И совсем золотой небосклон.

Знай, я больше не буду жестоким, Будь счастливой с кем хочешь, хоть с ним, Я уеду, далеким, далеким, Я не буду печальным и злым.

Мне из рая, прохладного рая, Видны белые отсветы дня... И мне сладко – не плачь, дорогая, – Знать, что ты отравила меня».

89. ...киевская колдунья с Лысой горы (а выйдет луна – затомится). – См. стихотворение «Из логова зми» ева...»

Ты победительница жизни//И я товарищ вольный твой. – Эти гумилевские строки Ахматова называла бро-дьячими, относя их к 1910-м гг.

Буя ведаю, что обо мне, далеко, //Звенит Ах-матовой сиренный стих. – Из стихотворения Гумилева «Священные плывут и тают ночи...», много раз упоминаемое Ахматовой в ее записях. По ее же свидетельству, было написано на фронте, в конце 1914 г., читалось им в «Бро-дьячей собаке» 27 января 1915 г.:

...Когда промчится вихрь, заплещут воды, Зальются птицы в чайны зари, То слышится в гармонии природы Мне музыка Ирины Энери.

Весь день томясь от непонятной жажды И облаков следя крылатый рой, Я думаю:

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «Карсавина однажды, как облако, плясала предо мной».

А ночью в небе древнем и высоком Я вижу записи судеб моих И ведаю, что обо мне, далеко, Звучит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти, И все мне грезятся, как бы во сне, Те женщины, которые бессмертье Моей души доказывают мне.

В примечании, сопроводившем образ «сиренный стих», Ахматова отсылает к Вийону, «Балладе о дамах былых времен», которого Гумилев перевел в 1913 г. В его переводе: «О женщинах былых времен».

...никто так глубоко не понял и так тонко и верно не изобразил Вяч. Иванова, как Бердяев... – философ русского религиозного возрождения Н.А. Бердяев в течение трех лет бесценно председательствовал на «средах» Вяч. Иванова. В своем «Опыте философской автобиографии» назвал Вячеслава Иванова одним из самых замечательных людей той, богатой талантами, эпохи. Одновременно им высказаны суждения, близкие Ахматовой: «В. Иванов был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. Но в конце концов люди от него уходили. Его отношение к людям было деспотичное, иногда даже вампирическое, но внимательное, широкое, благожелательное» (Бердяев Н. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 165).

89 Вообще удивительно, как поэзия чужда этому необыкновенному человеку. – Ахматова имеет в виду признание Бердяева о времени своих председательств на «башне»: «Иногда поэты читали свои стихи. Тогда моя роль была пассивной. Я не любил чтения стихов поэтами» (там же. С. 167).

Мистический анархизм – теория, провозглашенная Г.И. Чулковым вместе с Вяч. Ивановым в 1906 г. Книжке Чулкова «О мистическом анархизме» была предпослана вступительная статья Вяч. Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Главный постулат этой теории – «последовательное и углубленное утверждение индивидуализма, который должен привести нас к истинной общественности, освобожденной от власти» (цит. по: Чулков Г.И. Годы странствий. М.: Эллис Лак. С. 22, 688).

90 Зиновьева Лидия Дмитриевна (1866–1907) – прозаик, драматург, критик, жена Вяч. Иванова.

Вера – В.И. Шварсалон (см. о ней т. 1. С. 720).

90 Верховский Юрий Никандрович (1878– 1956) – поэт, переводчик, историк литературы. В 1908 г. издал сборник «Разные стихотворения», был связан многолетними отношениями с Вяч. Ивановым, бывал на «башне». В пору кризиса символизма увлекся сформировавшимся в недрах этого течения «неоклассицизмом». Бородаевский Валериан Валерианович (1874– 1923) – поэт. Его книга «Стихотворения, элегии, оды, идиллии» вышла в 1909 г. в издательстве Вяч. Иванова «Оры», с предисловием издателя. После распада символизма примкнул к неоклассическому течению.

Княжнин Владимир Николаевич (наст. фам. Ивойлов; 1883–1942) – поэт.

3

Впервые – «Записные книжки». С. 207. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 105).

90 И властно требует мечта, чтоб этой не было улыбки. – Ахматова цитирует неточно. У Гумилева: «И страстно требует мечта, //чтоб этой не было улыбки?». Из цикла «Осенняя песня», 3 (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 1. Вашингтон. 1962. С. 21). «Сон Адама». – Впервые – Аполлон. 1910. № 5. Позже – в «Чужом небе».

4

Впервые, без указания адресата – журн. «Новый мир». 1990. С. 219–220, публикация К.Н. Суворовой и В. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

91 Малия Мартин (наст. имя Мартын Мартынович; р. 1924) – американский литературовед, занимался поэзией Серебряного века, один из адресатов Ахматовой. Летом 1962 г. посетил ее в Комарове. Для него написано несколько «памяток» с резко полемическими оценками появившихся в русской эмиграции мемуаров (ныне часть из них собрана в кн.: Николай Гумилев в воспоминаниях).

91 Она – двоится. Но всегда чужая. – См. стихотворение Гумилева «Сон Адама» (из книги «Жемчуга»):

... И кроткая Ева, игрушка богов, когда-то ребенок, когда-то зарница, Теперь для него молодая тигрица, В зловещем мерцании ее жемчугов, Предвестница бури, и крови, и страсти, И радостей злых, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радуется взгляд, Но в золоте темные силы таятся, Они управляют рукой святотатца И в братские кубки вливают свой яд. Не в силах насытить, смеются и мучат И стоном и криком неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей, Ее он опутал сетям соблазна.

Вот Ева – блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева – святая, с печалью очей.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он наконец беспредельно устал, Устал и смеяться и плакать без цели; Как лебеди, стаи веков пролетели, Играли и пели, он их не слышал; Спокойный и строгий, на мраморных скалах, Он молится Смерти, богине усталых ...

91 Посвящение «Русалки». Автограф. – См.

коммент. к фрагменту 2.

На даче Шмидта сжег рукопись пьесы «Шут ко-роля Батинволя»... – Под Севастополем А. Горенко жила с матерью на даче при водолечебнице Шмидта. В июне приехавший из Парижа Гумилев навестил ее. Тогда же сжег рукопись своей пьесы «Шут короля Батинволя». Там же им было написано стихотворение «Отказ». «Он звал ее с собой (в Париж. – С.К.), но ее, только что за-кончившую гимназию, мысль о замужестве не привлека-ла» (Х е й т. С. 30). Об этих днях есть запись П. Лук-ницкого (от 17 апреля 1925 г.): «На даче Шмидта были разговоры, из которых Николай Степанович узнал, что АА не невинна. Боль от этого довела Николая Степановича до попытки самоубийства в Париже...» (Л укницкий, 1. С. 143).

Всеволод Рождественский окончил ту же гимназию в Царском Селе, что и Гумилев.

...и т.д. – По-видимому, таким небрежением Ахма-това выражает отношение к воспоминаниям царскоселов – Эриха Голлербаха и Дмитрия Кленовского (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях).

Поздние воспоминания «Эзбекие» и «Память» – См. коммент. к фрагменту 2.

Мое первое письмо в Париж... – Осенью 1906 г. Ахматова, еще ученица восьмого класса киевской фундук-леевской гимназии, написала Гумилеву; письмо, после чего возобновилась их прервавшаяся на полтора года переписка.

Запись Лукницкого 19 апреля 1925 г.: «Осенью 1906 года АА почему-то решила написать письмо Николаю Степа-новичу. Написала и отправила. Это письмо не заключало в себе решительно ничего особенного, а Николай Степано-вич (так, значит, помнил о ней все время) ответил на это письмо предложением» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 142).

91 «Что это снова угроза//или мольба о поща-де?» – Строки из цикла «Беатриче» (Жемчуга. М., 1910). Написано до 30 октября 1906 г. Возможно, Ахматова ука-зывает на связь стихотворения с приездом Гумилева на дачу Шмидта и их разговорами:

...Дальше, докучные фавны, Музыки нет в вашем кличе! Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,
Странная белая роза В тихой вечерней прохладе... Что это? Снова угроза Или мольба о пощаде?

...Музы, в сонете-брильянте Странную тайну отмерьте, Спойте мне песню о Данте и Габриеле Россетти.

Глухонемые не демоны, а литературоведы... –

Иронически обыгрывается название сборника М.А. Во-лошина «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919; 2-е изд. Берлин, 1923).

Леконтде Лиль Шарль (1818–1894) – французс-кий поэт. |

у! Вяч. Иванов я Брюсов. – Вяч. Иванов написал рецензию на книгу Н. Гумилева «Жемчуга» («Аполлон». 1910. №7), где после серьезного и сочувственного разбора творчества Гумилева говорится об ученичестве у Брюсова и поэт на-зван «юным оруженосцем рыцаря», а его поэзия экзотичес-кой и оторванной от реального мира. «Романтически-мечта-тельный период ученичества Н. Гумилева характеризуется решительным преобладанием в его поэзии эпического элемента над лирическим. Это естественно: где ему и найти собственно переживание, если оно растворяется в сновидении, если фея вновь начинает прясть из кудели душевного опыта лунные нити, а другая фея – фея-Сказка – ткать из нитей узорную ткань вымысла? Отсюда – естественность поэтического ди-апазона и граничащая подчас с наивным непониманием неот-зывчивость нашего автора на все, что лежит вне предела его грезы, – его несходства с поэтом – эхо, нормой поэта по пра-вому идеалу Пушкина. Неотзывчивость – и ошарашиваю-щаяся, необдуманно – позирующая торжественно-замедлен-ная, напыщенно-ватная однозвучность, отсутствие быстроты, непосредственности, живой подвижности, живой реакции на многообразие живой жизни... Прогноз вытекает из выше-сказанного: когда действительный, страдающем и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем "суша и вода", тогда его лирический эпос станет объек-тивным эпосом, и чистою лирикой – его скрытый лиризм, – тогда впервые он будет принадлежать жизни... (Николай Гу-милев. Pro et contra. С. 365–366). См. рецензию В.Я. Брю-сова «Н. Гумилев. Путь конквистадоров» (Русская мысль. 1910. № 7). В статье «Дебютанты» (Весы. 1908. № 3) Брю-сов писал: «Лучше удаётся Н. Гумилеву лирика "объектив-ная", где сам поэт исчезает за нарисованными им образами, где больше дано глазу, чем слуху. В

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

стихах же, где надо пере-дать внутренние переживания музыкой стиха и очарованием слов, Н. Гумилеву часто недостает силы непосредственного внушения. Он немного парнасец в своей поэзии, поэт типа Леконта де Лиля» (Весы. 1908. № 3. С. 77-78).

91 «Дворец Великанов» – стихотворение «Ты по-мнишь дворец великанов...», вошло в книгу «Жемчуга» (1910):

Ты помнишь дворец великанов, В бассейне серебряных рыб, Аллеи высоких платанов И башни из каменных глыб?
 Как конь золотистый у башен, Играя, вставал на дыбы И белый чепрак был украшен Узорами тонкой резьбы?
 ...И мы до сих пор не забыли, Хоть нам и дано забывать, То время, когда мы любили, Когда мы умели летать.

В своих воспоминаниях Ахматова не раз возвращается к этому эпизоду в их жизни, когда она и Гумилев с карниза царскосельской башни смотрели на «рыжего трианонского коня» и смирявшего его офицера. См. также в поэме «Рус-ский Трианон»: «Как конь, вставал дредноут на дыбы...».

Ненюфары – от фр. nenufar – водяная лилия юж-ных стран.

«Озера» – стихотворение Гумилева. Впервые – Рус-ская мысль. 1908, ноябрь. Вошло в книгу «Жемчуга».

Полемизируя с Вяч. Ивановым, писавшим об оторваннос-ти поэзии Гумилева от каких бы то ни было реалий его жиз-ненных переживаний, Ахматова отмечает связь «Дворца великанов» и «Озер» с реалиями пейзажа царского Села и их жизни там.

91 ...только говоря об Анненском, Гумилев, уже поэт-акмеист, осмелился произнести имя своего го-рода, который казался ему слишком прозаичным и будничным для стихов... – В рецензии на книгу стихотво-рений поэта-царскосела гр. В. А. Комаровского «Первая при-стань» Гумилев писал: «Под многими стихотворениями сто-ит подпись «Царское Село», под другими она угадывается. И этим разгадывается многое. Маленький городок, затерян-ный среди огромных парков с колоннами, арками, дворца-ми, павильонами и лебедями на светлых озерах, городок, ос-вященный памятью Пушкина, Жуковского и за последнее время Иннокентия Анненского, захватил поэта, и он нам дал не только специально царскосельский пейзаж, но и царско-сельский круг идей» (Аполлон. 1914. № 5).

92 У той жены, всегда печальной... – строфы из последней части «Осенней песни».

Указанная Ахматовой стр. 21 подтверждает, что она пользовалась при работе пер-вым томом собрания сочинений Николая Гумилева, подготов-ленного Г.П. Струве и Б.А. Филипповым (Вашингтон, 1962).

И, в солнца ткаиь облечена, // Она великая святы-ня... – Из «Песни Дриады» («Осенняя песнь»):

И, в солнца ткань облечена, Она великая святыня, Она не бледная жена, Но венценосная богиня.

92 Она же девичий труп в песне певца... – Име-ется в виду стихотворение «Песня о певце и короле» («Путь конквистадоров»):

. • .Однажды сидел я в порфире златой, Горел мой алмазный венец – И в дверь постучался певец молодой, Бездомной, бродячий певец.
 Для всех, кто отвагой и силой богат, Отворены двери дворца; В пурпуровой зале я слушать был рад Безумные речи певца.
 С красивою арфой он стал недвижим, Он звякнул дрожащей струной, И дико промчалась по залам моим Гармония песни больной.
 «Я шел один в ночи беззвездной
 В горах с уступа на уступ
 И увидел над мрачной бездной
 Как мрамор белый, женский труп» ...

...она же та, кто отказывалась идти за чароде-ем, .. – Из стихотворения Гумилева «Рассказ девушки» («Путь конквистадоров»):

...И в этот миг с далеких гор ко мне спустился странник дивный, В меня вперил он взор призывный, Могучей негой полный взор.
 И пел красивый чародей: «Пойдем со мною на высоты, Где кроют мраморные гроты
 Огнем увенчанных людей.
 ...Но тих был взгляд моих очей, И сердце, ждущее спокойно, Могло ль прельститься цепью стройной Светло чарующих речей.
 И дивный странник отошел, Померкнул в солнечном сиянье, Но внятно – тяжело рыданье Мне повторял смущенный дол...
 «Невеста дьявола». – У Гумилева: «Влюблен-ная в Дьявола» (из книги «Романтические цветы»).

...и та, кому отдан волшебный перстень с руби-ном – «за неверный оттенок разбро-санных ко с». – См. «Пять могучих коней мне да-рил Люцифер...»
 «Царица – иль, может быть, только печальный ребенок... – См. стихотворение «Отказ». Об обстоятель-ствах его написания Ахматова вспоминает: «Мы сидели у моря, дача Шмидта, летом 1907 г., и волны выбросили на берег дельфина. Н.С.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова уговаривала меня ехать в Париж – я не захотела. От этого возникло это стихотворение и еще один портрет в ряду других» («Записные книжки». С. 359). Ты, для кого собирал я на Леванте... – строка из стихотворения Гумилева «Пятистопные ямбы» (в книге «Колчан». Впервые – Аполлон. 1912. № 9). 93 Тебе, подруга, эту песнь отдам... – Из стихотворения «Баллада» («Влюбленные, чья грусть как облака...»; «Чужое небо»), подаренного Ахматовой Гумилевым в Киеве 10 апреля 1910 г., в дни, предшествовавшие венчанию. Приведенная Ахматовой часть строфы-«посылки», завершающей «Балладу», является заключительной частью канонической формы жанра в позднем Средневековье. «Посылка» несколько раз приводится Ахматовой в ее рабочих тетрадях с пометами о Гумилеве. Полный текст «посылки»:

Тебе, подруга, эту песнь отдам, Я веровал всегда твоим стопам, Когда вела ты, нежа и карая, Ты знала все, ты знала, что и нам Блеснет сиянье розового рая!

93 Ср. со стихотворением «Она» – учиться светлой боли. – Из книги «Чужое небо».

ОНА

Я знаю женщину: молчанье, Усталость горькая от слов Живет в таинственном мерцанье Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно Лишь медной музыке стиха, Пред жизнью дольней и отрадней Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый, Так странно плавлен шаг ее, Назвать нельзя ее красивой, Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий И смел и горд – я к ней иду Учиться мудрой сладкой боли В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений И держит молнии в руке, И четки сны ее, как тени На райском огненном песке.

5

Впервые – Тименчик Р.Д., Черных В.А. АО. 1989. № 5. С. 7-9, по автографу РНБ. Имеется и другая машинописная копия, рукой Л.Д. Большинцовой (ныне собрание Д.Л. Файнберга), по автографам РНБ. Отрывки, вошедшие в «Записные книжки». С. 302.

Печ. по первой публикации.

93 Волков Анатолий Андреевич (1909–после 1962) – автор работ по литературе начала XX в., отличавшихся вульгарно-социологическим подходом. Ахматова имеет в виду составленную им антологию «Поэзия русского империализма».

94 ...как делает Глеб Струве... – Струве Глеб Петрович (1898–1985) – историк литературы, литературный критик, поэт, переводчик. В эмиграции с 1918 г. С 1962 г. начинает выходить подготовленное им и Б.А. Филипповым Собрание сочинений Н. Гумилева в четырех томах. Критика Ахматовой относится к изложению и интерпретации фактов во вступительной статье к первому тому этого издания., .

94 Брюсов («Русская мысль»). – Имеется в виду статья «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (Русская мысль. 1913. № 4).

Андрей Белый где-то сообщает, что дал Гумилеву программу акмеизма... – Ахматова резко критически относилась к мемуарам Андрея Белого «Начало века» (М.; Л., 1933).

95 Городецкий поносит последними словами стихи Блока «Свирель запела...». – См. «Неизвестные письма Н.С. Гумилева» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 413-414).

96 Радецкий Иван Маркович – журналист.

97 «Стилистика Ахматовой» – В.В. Виноградовым написаны работы: «О символике Анны Ахматовой» (Литературная мысль. Пг., 1922), «О поэзии Анны Ахматовой. Стилистические наброски» (Л., 1925).

Б.М. Эйхенбаум – целую книгу (1922). – Речь идет о книге «Анна Ахматова. Опыт анализа» (Пг., 1923).

6

Впервые – «Записные книжки». С. 245. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 106).

98. ...вкусив мистического анархизма и соборности... – Идеи «хорового начала» в культуре, исповедуемые Вяч. Ивановым, имели задачу преодоления индивидуализма и выхода к «соборности» через мифотворческое искусство; получили огрубленное истолкование в теории «мистического анархизма» Г. Чулкова (см. программные материалы в альманахе «Факелы». СПб., 1907).

98 Антология 1914. – По-видимому, имеется в виду сборник «Избранные стихи русских поэтов» (вып. 2. СПб., 1914).

«Что думает державный Он...» – Из стихотворения Городецкого, вошедшего в сборник стихов «Четырнадцатый год» (Пг., 1915):

...Из церкви доносилось пенье... Перед началом битв, как встарь, Свершив великое моление, К народу тихо вышел Царь.

Что думал Он в тот миг великий, Что чувствовал, Державный Он, Когда восторженные клики Неслись к нему со всех сторон?

Какая сказочная сила Была в благих Его речах, которым меч судьба вручила На

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
славу нам, врагам на страх!

7

Впервые – первая часть Хейт. С. 311–312, с сокращениями и изменениями до фразы «Конечно, очень мило, что семейная легенда...». Полный текст – «Записные книжки». С. 250–252. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

99 Гумилева Анна Андреевна (урожд. Фрейганг; 1887–1956) – жена Д.С. Гумилева. Гумилева Анна Ивановна (урожд. Львова; 1854–1942) – мать Н.С. Гумилева. Отец – Гумилев Степан Яковлевич (1836–1910), врач.

99 Митя – Гумилев Дмитрий Степанович (1934–1922) – брат Н.С. Гумилева. О радостях земной любви... – Впервые журн. «Весы». 1908. № 4. С. 31–34. Посвятил новеллы Анне Андреевне Горенко, Гумилев, обратившись к редактору «Весов» В.Я. Брюсову с просьбой о публикации, признавался: «...по романтическим причинам мне хочется видеть их напечатанными возможно скорее» (Гумилев Н. Неизданное и несобранное. Paris: YMCA-Press. С. 107).

...Приезды Николая Степановича ко мне... – См.: Черных, 1. С. 27, 29, 30, 32.

Адамович Татьяна Викторовна (в замуж. Высоцкая; 1892–1970) – хореограф, педагог, сестра Г.В. Адамовича. По свидетельству Ахматовой, Т. Адамович и Н. Гумилев познакомились на вечере в «Бродячей собаке» 6 января 1914 г. Гумилев посвятил ей сборник стихотворений «Колчан». По записи другой возлюбленной Гумилева (на отсутствие которой в мемуарах указывает Ахматова), О.Н. Арбениной, со слов Гумилева: «Она его насильно посадила и свезла в редакцию, чтобы он (хотя нехотя) написал посвящение ей в «Колчан» (Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 30). Поэтический отклик Ахматовой на роман Гумилева с Т. Адамович – стихотворение 1914 г. (май):

Мне не надо счастья малого, Мужа к милой провожу И довольного, усталого, Спать ребенка уложу. ...

99 Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926), в 1916–1917 гг. – возлюбленная Гумилева. Вошла в литературную жизнь как молодой талантливый критик, писала очерки, стихи. В 1916 г. издавала вместе с отцом журнал «Рудин». После 1917 г. связала свою судьбу с революцией, работала с революционными матросами. Вышла замуж за комиссара Ф. Раскольникова, в 1920 г. уехала с ним в Афганистан, с первой посольской миссией. Прототип женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. Отношения Рейснер с Гумилевым глубоко драматичны, о чем она рассказывала Ахматовой и считала, что могла бы предотвратить его казнь, если бы оставалась в Петрограде. Из сохранившихся писем Гумилева к Ларисе Рейснер первое помечено 23 сентября 1916 г., последнее – 5 июня 1917 г. (см.: Богомолов Н. «Лишь для тебя я на земле живу... Из переписки Н. Гумилева и Л. Рейснер» // В мире книг. 1987. № 4). Кризис их отношений в значительной мере связан с восприятием революции. См. в последнем письме Гумилева:

«Развлекайтесь, но не занимайтесь политикой». Как бы подводя итог их отношениям, Рейснер писала в своем последнем письме: «В случае моей смерти все письма вернутся к Вам. И с ними – то странное, которое нас связывало, и такое похожее на любовь. И моя нежность – к людям, уму, поэзии и некоторым вещам, которая благодаря Вам окрепла, отбросила свою собственную тень среди других людей – стала творчеством... Будьте благословенны Вы, Ваши стихи и поступки. Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный. И будьте чище и лучше, чем прежде, потому что действительно есть Бог». Письмо подписано: «Лери» – именем героини трагедии Н. Гумилева «Гондла» (цит. по: Богомолов Н. «Судьбы связующая нить (Л. Рейснер и Николай Гумилев)» в кн.: Николай Гумилев. Исследования и материалы. С. 484).

Биографически с Л. Рейснер связаны главным образом «эпические» произведения Гумилева: «Гондла», «Черный Дик», «Отравленная туника», «Принцесса Зара», «Дитя Аллаха». О.Н. Гильденбрандт-Арбенина вспоминает: «Как-то мы с Мандельштамом были в Мариинском театре. Сидели в ложе, а вблизи, тоже в ложе, была Лариса Рейснер. Она мне послала конфет, и я издала с ней раскланялась (Осип бегал с ней здороваться). Потом он был у нее в гостях и рассказал мне, что она плакала, что Гумилев с ней не кланяется. ...я стала брать Гумилева... Он ответил, что... не кланяется с ней потому, что она была виновата в убийстве Шингарева и Кокошкина» (Гильденбрандт-Арбенина О.Н. Гумилев / Николай Гумилев. Исследования и материалы. Публикация М.В. Толмачева. С. 457–458). До конца жизни Л. Рейснер поддерживала отношения с Ахматовой, узнав в Кабуле о казни Гумилева, она, как свидетельствует П.Н. Лукницкий в письме к Ахматовой о смерти Блока, переданном ей в январе 1922 г., писала о «колонне, упавшей около другой колонны», имея в виду Гумилева, не называя его имени (Лукницкий, 2. С. 64).

99 Арбенина – О.Н. Гильденбрандт-Арбенина оставила воспоминания о Гумилеве с поры их знакомства – 1916 г. до бурного романа в 1920 г. Ее воспоминания избалованной красавицы, адресата ряда стихов Мандельштама и других поэтов

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова искренни, непосредственны, полны деталей ушедшего времени, воссоздают психологический «кли-мат» отношений с Н.С. Гумилевым. Школьная подруга второй жены Гумилева, Анны Николаевны Знгельгардт, Арбенина рассказывает об их ревностной борьбе за Гумилева и обстоятельствах жизни супругов.

20 Собрание сочинений, т. 4

100 Настоящий биограф... – Имеется в виду Н.А. Оцуп. В 1920 г. с Гумилевым, Г. Ивановым и Г. Адамовичем участвовал в создании нового «Цеха поэтов», работал с Гумилевым во «Всемирной литературе». С 1920 г. в эмиграции. Автор ряда работ о Гумилеве. Вскоре после гибели Гумилева опубликовал в третьем сборнике «Цех поэтов» статью «О Гумилеве и классической поэзии»; в журн. «Опыты» (Нью-Йорк. 1953. № 1) – очерк «Николай Степанович Гумилев». С некоторыми изменениями очерк был напечатан как предисловие к книге: Гумилев Н. Избранное, 1915, а также вошел в посмертно изданную книгу Оцупа «Литературные очерки», 1961. Оцуп защитил докторскую диссертацию о Гумилеве.

См. отзывы о Гумилеве Брюсова и Иванова. –

См. коммент. к фрагменту 4.

В никаких цирковых программах я не участвовала... – См.: Неведомская В. О Гумилеве и Ахматовой/ /Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 153: «В цирковую программу входили также танцы на канате, хождение колесом и т.д. Ахматова выступала как "женщина-змея", гибкость у нее была удивительная – она легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при всем этом строгое лицо послушницы. Сам Гумилев, как директор цирка, выступал в прадедушкином фраке и цилиндре, извлеченных из сундука на чердаке. Помню, раз мы заехали кавалькадой человек в десять в соседний уезд, где нас не знали. Дело было в Петровки, в сенокос. Крестьяне обступили нас и стали расспрашивать – кто мы такие? Гумилев не задумываясь ответил, что мы бродячий цирк и едем на ярмарку в соседний уездный город давать представление. Крестьяне попросили нас показать наше искусство, и мы проделали перед ними всю нашу "программу". Публика пришла в восторг, и кто-то начал собирать медяки в нашу пользу. Тут мы смутились и поспешно исчезли».

100 ...раза два и демонстрировала свою гибкость... – См. в воспоминаниях Л.

Ивановой: «Один раз на ковре посреди собравшихся в кружок приглашенных Анна Ахматова показывала свою гибкость: перегнувшись назад, она, стоя, зубами должна была схватить спичку, которую воткнули вертикально в коробку, лежащую на полу. Ахматова была узкая, высокая и одетая во что-то длинное, темное, облегающее, так что походила на невероятно красивое змеевидное чешуйчатое существо (И в а н о в а Л. Воспоминания. Книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. С. 33).

Ездить верхом не умел. – «Николай Степанович ездить верхом, собственно говоря, не умел, но у него было полное отсутствие страха» (Неведомская В. Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой/ /Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 153).

Почему нигде и никогда не прочла, что развод попросила я... (Обэтом я рассказывала М.А. Зенкевичу на Сергиевской ул., 7. См. в его романе 1921 г.). – Над романом «Эльга» М. Зенкевич работал 1921 по 1927 г. В заметке «Вместо предисловия» Зенкевич писал: «Когда-то автор познакомил с этой книгой А. Ахматову, Анна Андреевна сказала: "Какая это неправдоподобная правда!" Автор и героиня романа хорошо поняли друг друга. Через весь фантастический лабиринт лирического повествования, через размагниченное, интеллигентское "я" автор протягивает лишь один нерв – правда названье ему. Больше того – правда автобиографическая. Если автор в чем ошибся, то это не вина его, а беда. О себе всегда трудно говорить объективно» (Зенкевич М.

Эльга. Беллетристический мемуары. М., 1991). Рассказ Ахматовой о разводе с Н. Гумилевым – в гл. III. У камина с Анной Ахматовой:

« – Простите, Анна Андреевна, нескромный вопрос. Но я уже слышал о начале Вашего романа с Николаем Степановичем и даже то, как он раз, будучи студентом Сорбонны, пытался отравиться из любви к Вам, значит, мне можно знать и конец. Кто первый из вас решил разойтись – Вы или Николай?»

– Нет, – это сделала я. Когда он вернулся из Парижа во время войны, я почувствовала, что мы чужие, и объявила ему, что нам надо разойтись. Он сказал только – ты свободна, делай, что хочешь, – но при этом страшно побледнел, так, что даже побелели губы. И мы разошлись...» (Эльга. С. 20).

О том, что развод попросила Ахматова, см. в замечании И. Одоевцевой по поводу воспоминаний А.А. Гумилевой-Фрайганг («На берегах Невы»), В своих антимемуариях Ахматова резко полемизирует с С.К. Маковским, известным и авторитетным в эмигрантских кругах литературно-художественным критиком, допустившим в своих мемуарах ряд неточностей и, как была убеждена Ахматова, некорректностей. Особенно ее раздражали суждения о себе, как о «покинутой» жене, а о Гумилеве, как об инициаторе развода: «... Ахматова в своих стихах называла себя "дурной матерью", но всею своею последующей жизнью она показала, что это

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова неправда. Она любила сына самоотверженно; скорее Гумилев мог считать себя "дурным отцом", хотя еще в 1918 году, в Лондоне, покупал Левушке игрушки, – ведь это ему не помешало сейчас же по возвращении в Россию развестись с Анной Андреевной и жениться на Анне Николаевне Энгельгардт, молодой, хо-рошенькой, но умственно незначительной девушке, у ко-торой вскоре родилась дочь» (Маковский С. Николай Гумилев (1886–1921)//Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 64–65). Однако Ахматова не просто резка в своей полемике с Маковским, написавшим интересные, благожелательные мемуары, но и не всегда справедлива. Приводим несколько страниц из его воспоминаний. Сопоставление рассказов Маковского с маргиналиями Ахматовой позволяют понять меру ее неудовольствия, вызванного свободным и доста-точно безответственным изложением фактов биографии и прочтением ряда стихотворений Гумилева. Ахматова все-рвез опасалась, и не без оснований, что суждения Маков-ского будут восприняты не только читающей публикой, но и зарубежными исследователями как достоверность, перей-дут из мемуаров в литературоведческие исследования, ис-казив не только историю отношения ее с Гумилевым, но и приведут к неверной трактовке их творческих биографий. Кроме глав в книге «На Парнасе Серебряного века», вы-шедшей на русском языке в Мюнхене в 1962 г., незадолго до смерти автора, Ахматова читала последние воспомина-ния Маковского на французском языке – «Николай Гу-милев по личным воспоминаниям». На русском языке опубликованы в «Новом журнале». 1964. № 77. Вошли в кни-гу: «Николай Гумилев в воспоминаниях». С. 73–103.

... Во время своей первой поездки в Париж Гумилев на-чал было выпускать русский журнальчик «Сириус», где напеча-тал несколько своих стихотворений (под псевдонимом), затем он ненадолго съездил в Африку, о которой с детства грезил, в Египет и Судан и, возвратясь в Париж, издал вторую книжку стихов «Ро-мантические цветы» (1907 г.). Лишь два-три стихотворения за-служивают внимания в этой пейзажной по преимуществу лирике, хотя в ней и живет уже будущий поэт «дальних странствий» и любовных приключений – задор его парадоксальных метафор и звон романтических перебоев, влюбленность в парнасскую сло-весную живопись и зачарованность Левантом... Иностранных языков Гумилев не знал, но вслед за Валерием Брюсовым, Ан-ненским, Коневским, гр. Василием Комаровским с помощью сло-варя и подстрочников приобщился к красочной пышности Лекон-та де Лиля, Эредиа, Бодлера, Теофиля Готье, прославлял их, пе-реводил ревностно, особенно – последнего (позже выпустил от-дельной книжкой «Эмали и камеи», – 1914 г.). Тогда же сочинил он первые рассказы прозой – «Тень от пальмы»; написаны они в 1907 году, первые три – посвящены Анне Андреевне Горенко, его будущей жене (Ахматовой). Ею он увлекался давно, еще гимназистом. Была она тремя годами моложе, родилась на Большом фонтане, под Одессой. Отец ее был инженер-механик. Ребенком ее отвезли родители в Царс-кое Село (1903 г.) и определили в женскую гимназию, где она и училась до шестнадцати лет, но окончила среднее образование в Фундуклеевской гимназии в Киеве (1907 г.), куда перебралась семья Горенко. В Киеве же поступила Анна Андреевна нена-долго на Высшие Женские курсы; наконец, в 1907 году пере-ехала она с семьей опять на север и поступила на петербургские литературные курсы Раева.

Так коротко говорит о своей юности Ахматова в предисло-вии к избранным своим стихам, вышедшим в 1961 году. Следо-вательно, в Царском Селе, девочкой, она могла встречать Гуми-лева, после приезда его из тифлисской гимназии, с 1903 до 1906 г. Вероятно, в 1907 году летом Гумилев съездил к Горенко на берег Черного моря, под Севастополем. Там, близ древнего Херсонеса, обычно проводили Горенко летние месяцы. Тогда-то, вероят-но, и стал Николай Степанович подумывать о женитьбе на Анне Андреевне... Однако долго не решался.

Ахматова с молодых лет писала стихи, но из скромности редко кому их показывала. К тому же Гумилев, которого она сразу полюбила («как сорок тысяч сестер», – из ее стихотворения «Гамлет»), не сочувствовал ее писательству, «не женское это дело», – заявлял он (не дело для его жены, во всяком случае: в любви он был эгоистом безусловным). Вероятно, между ними уже тогда началась глухая борьба. Вспоминая одно из еще доб-рых свиданий с Гумилевым, Ахматова не удержалась от при-знания:

Как забуду? Он вышел, шатаясь, Искривился мучительно рот. Я сбежала, перил не касаясь, И бежала за ним до ворот. Задыхаясь, я крикнула: «Шутка Все что было. Уйдешь, я умру». Улыбнулся спокойно и жутко, и сказал мне: «Не стой на ветру». А вот, после их последней встречи пятью годами позже, ставшая знаменитая ахматовская строфа:

Так беспомощно грудь холодела, Но шаги мои были легки. Я на правую руку надела Перчатку с левой руки...

Печататься в серьезных журналах Гумилев жене «не по-зволял»; после их брака мне стоило много усилий уговорить Анну Ахматову поместить несколько стихотворений в «Аполлоне» (1910).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

В 1907 году Николай Степанович уже провозглашал себя, хоть и без особого права, «мэтром», выпустил две книжки стихов и готовил третью и четвертую: «Жемчуга» и «Чужое небо». Многие из более зрелых произведений в этих книгах были хорошо известны «царскосельскому Малларме» Анненскому.

Первое чтение Гумилевым своих «Капитанов», поэмы, навеянной Бодлером и Анри де Ренье, состоялось при мне. Анненскому понравился буквенный звон этих стихов: звуки разлетающиеся, как брызги морских волн, гремящая инструментальная насыщенность рифмованных строк:

И, взойдя на трепещущий мостик, Вспоминает покинутый порт, • Отряхая ударами трости Ключья пены с высоких ботфорт, Или, бунт на борту обнаружив, Из-за пояса рвет пистолет, Так, что сыпется золото с кружев, С розоватых брабантских манжет.

Гумилев был тогда «своим человеком» у Анненских и запросто приводил к ним своих друзей и знакомых.

... С отрочества, видимо, развил он свою волю к самоутверждению, к игре в поэта властного, все по-своему познающего, в повелительного почти-чародея. У поэта-чародея не должно было быть ни оседлости, ни удовлетворенной самоограниченности супружеской любви, он «пленяет и покоряет», на все смеет дерзнуть, уходит от жалкой действительности и скитается в странах неведомых, в неоткрытых «Америках», по землям и морям, еще не загрязненным цивилизацией, в мирах первородного Адама, что сродни «нездешней отчизне»; в своем одиноком к ней восхождении он преображает явь чудом своего творчества, покоряя красивых девушек в предчувствии небесных гурей...

Этого Гумилева я почти не знал, когда мы приступили к общей редакционной работе. Лишь после нашумевшей в Петербурге дуэли его с Волошиным, с которым он дружил вначале, открылся мне этот второй его лик. Он еще не был тогда женат на А.А. Горенко; в «Романтических цветах» только намечался его зазорно-фантастический эротизм.

... Трещина в их любви обозначилась с первого года брака. Они были слишком «разные». В плане поэтическом, может быть, только дополняли друг друга, но в жизни... С отрочества Гумилев мнил себя «конквистадором». После поездки в Африку пыльным цветом расцвели его экзотические восторги, и так хотелось ему увлечь жену мечтой о далеком волшебстве мира, о красоте пустынь под небом южного полушария с созвездием «Креста», и о первобытном человеке, божественно-сильном, неистертом так называемой цивилизацией, живущем в согласии с природой и ее тайнами. От Анны Андреевны он требовал поклонения себе и покорности, не допускал мысли, что она существо самостоятельное и равноправное. Любил ее, но не сумел понять. Она была мнительно-горда и умна, умнее его; не смешивала личной жизни с поэтическим бредом. При внешней хрупкости была сильна волей, здравым смыслом и трудолюбием. Коса нашла на камень. Возвратясь из Слепнева в Царское, он только и мечтал умчаться поскорее в новое «странствие» и, недолго думая, исчез опять на несколько месяцев в Абиссинию. Вернулся с почти готовым к печати сборником «Чужое небо».

Тогда, после этого второго путешествия, впервые попал я к нему в царскосельский дом, где жили его мать, Анна Ивановна, и другие Гумилевы, в верхнем этаже. Молодые занимали четыре комнаты – в нижнем. Чтобы попасть на их половину, надо было пройти довольно большую пустынную гостиную (с окнами на улицу и на двор), где никто не засиживался. Первая комната, библиотека Гумилева, была полна книг, стоящих на полках и повсюду набросанных. Тут же – широкий диван, на котором он спал. Рядом в темно-синей комнате стояла кушетка Ахматовой. В третьей, выходившей окнами во двор, висели полотна Александры Экстер, подарки ее Гумилеву. В этой комнате стояла мебель стиль-модерн, в остальных – старосветская мебель красного дерева, а вовсе не карельской березы, как вспоминает Г. Месняев в «Возрождении» № 119. Четвертая комната, окнами тоже во двор, служила Гумилеву рабочим кабинетом: мне запомнился поместительный письменный стол и стены, сплошь покрытые «абиссинскими картинами», среди которых были навешаны широкие браслеты слоновой кости.

Гумилев был еще «одержим» впечатлениями от Сахары и подтропического лрса; с ребяческой гордостью показывал он свои «трофеи», вывезенные из «колдовской» страны: слоновые клыки, пятнистые шкуры гепардов и картины-иконы на кустарных тканях, некое подобие большеголовых романских примитивов. Только и говорил он об опасных охотах, о темнокожих колдунах, о крокодилах и бегемотах – там, в Африке, доисторической родине человечества, что висит «исполинской грушей» на дереве древней Евразии.

Анну Андреевну не очень увлекала эта экзотическая бутафория. На жизнь она смотрела проще и глубже. К тому же во время отсутствия мужа она сама выработалась в поэта вдохновенно-законченного, хоть и по-женски ограниченного собой, своей болью. Гумилев должен был признать право ее на звание поэта, но

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов продолжал раздражаться все больше ее равнодушием к его кон-квистадорству. Никакой блеск собственных его рифм и метафор не помог убедить ее, что нельзя вить семейное гнездо, когда на очереди высокие поэтические задачи. Помощница нужна ему, ну-жен оруженосец, спутник верный, любовь самоотреченная нуж-на, а не женская, ревнивая, к себе самой обращенная воля. Что делать? Он даже готов покаяться, обуздать свой нрав, только бы чувствовать ее частью самого себя, воплощенной грезой своей. Но она безучастна, хотя еще любит его, – чужда ему и завоеван-ной им славе. Стоя у догорающего камина и рассказывая о своих африканских приключениях, он горько осознает это:

.. Древний я открыл храм из-под песка, Именем моим названа река. И в стране озер семь больших племен Слушались меня, чтили мой закон. Но теперь я слаб, как во власти сна, И больна душа, тягостно больна. Я узнал, узнал, что такое страх, Заключенный здесь, в четырех стенах, Даже блеск ружья, даже плеск волны Эту цепь порвать ныне не вольны. И тая в глазах злое торжество, Женщина в углу слушала его.

Не помню, чтобы в это время он кем-нибудь сильно увле-кался. Это были годы неистовой богемы в Петербурге, литера-турной кружковщины, борьбы поэтических направлений, воз-никновения всяких крайностей и пряностей и в живописи, и в театре, и в поэзии. Оглушительно трубили в свои рекламные тру-бы футуристы и кубофутуристы, «бубновые валеты» и «осли-ные хвосты» и пр. Всюду можно было встретить Гумилевых, вместе и в одиночку, на маскарадных вечерах и в кабачках, осо-бенно – в «Бродячей собаке» Пронина. В эту пору многие из бывавших в «Аполлоне» увлекались Ахматовой, уже знамени-тостью, но не заметил я, чтобы она серьезно кем-нибудь увлека-лась, как случилось позже... Анна Андреевна признавалась, что в угаре кабачка «Бродячей собаки» ей бывало приятно, с жало-стью о нем вспоминает и в своей недавно опубликованной «По-эме без героя». Однако это ночное «веселье» не упрочило ее близости с мужем, связь могла разорваться от первого «случая».

...После родов Анна Андреевна стала готовить к печати «Белую стаю» и вновь уединилась, а он выхлопотал себе коман-дировку от Академии Наук – возглавляющим этнографическую экспедицию на Сомали. Но оставаться долго без влюбленности Гумилев не мог, и «случай» послал ему опять несчастливую лю-бовь, девушку не менее красивую и умственно-яркую, чем пре-жние любви, – Татьяну Александровну А. Не берусь утверж-дать, что увлечение было взаимно... Во всяком случае, опять, в третий раз, через Париж и Марсель, Гумилев отправился в аф-риканское странствие. «1913 год был решающим в судьбе Гумилева и Ахмато-вой, – говорил Н. Оцуп в своей книге «Литературные очер-ки», – она пережила сильное чувство к знаменитому современ-нику с «коротким звонким именем». Это тоже вымысел. «Апол-лон» не мог бы не знать, если бы что-нибудь подобное было. Ахматова только один раз зашла к Блоку по делу и об этом сви-дании написала стихи. Если в этот «решающий год» увлеклась кем-нибудь, то не «современником с коротким звонким именем». Она расставалась с мужем покорно и скорбно.

Вдали от жены и сына, в это путешествие, окончившееся для него неблагоприятно, малярией, Гумилев как будто стосковал-ся по жизни «дома», и не без волнения поспешил в Слепнево. Но тут определенно выяснилось, что разрыв наступил. В одном из наиболее ярких своих стихотворений – «Пятистопные ямбы» («Колчан») он так признается в своей печали от разрыва с женой:

Ты, для кого искал я на Леванте Нетленный пурпур королевских мантий, Я проиграл тебя, как Дамаанти, Когда-то проиграл безумный Наль, Взлетели кости, звонкие, как сталь, Упали кости – и была печаль.

Сказала ты, задумчиво и строго: «Я верила, любила слишком много, А ухожу, не веря, не любя, И пред лицом Всевидающего Бога, Быть может, самое себя губя, Навек я отрекаюсь от тебя».

Твоих волос не смел поцеловать я, Ни даже сжать холодных, тонких рук, И сам себе был гадок, как паук, Меня пугал и мучил каждый звук, И ты ушла, в простом и темном платье Похожая на древнее распятие.

101 Вера Неведомская (урожд. Королькова) – со-седка Гумилевых по Слепневу, владелица имения Подобино.

Ярость Одоевцевой уже совсем непонятна. – При жизни Ахматовой в нью-йоркском «Новом журнале» (1962. № 68; 1963. № 71, 72, 74) были опубликованы отрывки из книги Одоевцевой «На берегах Невы».

101 Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы. – См. стихотворение «Рабо-чий» (впервые – «Одесский листок». 1916, 10 апреля; вош-ло в книгу «Костер»):

Упаду, смертельно затоскую, Прошлое увижу наяву, Кровь ключом захлещет на сухую, Пыльную и мятую траву.

«На тяжелых и гулких машинах». – Из стихотво-рения «Родос» (книга «Чужое небо»), посвященного «Па-мяти М.А. Караваевой»:

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

...Наше бремя – тяжелое бремя: Труд зловещий дала нам судьба, Чтоб прославить на краткое время, Нет, не нас, только наши гроба.
Нам брести в смертоносных равнинах, Чтоб узнать, где родилась река, На тяжелых и гулких машинах Грозовые пронзять облака...

«Орел». – Впервые – «Весы». 1909 (книга «Жемчуга»):

...Он умер, да! Но он не мог упасть, Войдя в круги планетного движенья.

Бездонная внизу зияла пасть, Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод, Божественно холодными лучами, Не зная тленья, он летел вперед, Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры, Не раз труба архангела трубила, Но не была добычей для игры Его великолепная могила.

101 «Для старцев все запретные труды»... –

Из стихотворения «Потомки Каина» (книга «Жемчуга»):

ПОТОМКИ КАИНА

Он не солгал нам, дух печально-строгий, Принявший имя утренней звезды, Когда сказал: «Не бойтесь Вышней мзды, Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги, Для старцев – все запретные труды, Для девушек – янтарные плоды и белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил, Нам кажется, что Кто-то нас забыл, Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука Две жердочки, две травки, два древка Соединит на миг крестообразно?

102 ...и, наконец, главное: «Земля, к чему шу-тить со мною...» – Из

стихотворения «Природа» (книга «Костер»):

.. .Земля, к чему шутить со мною: Одежды нищенские сбрось И стань, как ты и есть, звездой, Огнем пронизанной насквозь!

8

Впервые – «Записные книжки». С. 254–255. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

103 Дементные – от Dementia (лат., мед.) – без-зумие, помешательство, зд.: старческое слабоумие.

104 Вяч. Иванов якобы был в Цехе. – Присут-ствовал, как и Блок, на первом заседании «Цеха поэтов».

9

Впервые – журн. «Новый мир». 1990. № 5. С. 222, публикация К.Н. Суворовой, В.А. Черных. Печ. по авто-графу РГАЛИ (РТ 110).

Запись Ахматовой является комментарием к стихот-ворению Н. Гумилева «Маргарита» (впервые опубли. в журн. «Сатирикон». № 31, без заглавия. С заглавием – Семейная легенда. – Имеются в виду воспо-минания слепневских родственников и соседей – А.А. Гу-милевой, В.А. Неведомской, свидетельства Д.В.

Кузьми-на-Караваева, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, перекочевав-шие затем в другие мемуары и исследования.

Тайное и самое значительное – «Товарищ от Бога...» – См. стихотворение «Тот другой» (альб. «Апол-лон». СПб. 1912). Вошло в книгу «Чужое небо»:

.. .Я жду товарища, от Бога В веках дарованного мне, За то, что я томился много По вышине и тишине...

«Чужое небо»). Раскрывает историю создания стихотво-рения, написанного вскоре после заключения брака Н. Гу-милева с А. Ахматовой.

МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке, Выхваляет ее ум и лицо, А у Маргариты на левой руке Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец Под окном в зеленом плюще, Ей приносит так много серег и колец Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют, У насмешника лестница есть; Пусть так звонко на улицах студенты поют, Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель, Чтоб забыть обо всем, не зная ничего...

Марта гладит любовно полный кошель, Только... серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабудь свой позор, Ах, чего не бывает в летнюю ночь! Уж на что Риголетто был горбат и хитер, И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно фауста в бой ты зовешь, но вотще! Его нет... Его выдумал девичий стыд;

Лишь насмешника в красном и дырявом плаще Ты найдешь... и ты будешь убит.

ю

Впервые – «Записные книжки». С. 392. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ ПО).

104 Канатная плясунья. – Из стихотворения Ах-матовой (ноябрь 1911. Царское Село), вошедшего в книгу «Вечер»:

Меня покинул в новолунье Мой друг любимый. Ну так что ж! Шутил: «Канатная плясунья! Как ты до мая доживешь?»

11

Впервые – «Записные книжки». С. 393. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 110).

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

105 «Семирамида», «А выйдет л у н а, затоми т-ся». – См. стихотворение «Семирамида» и строки из сти-хотворения «Иа логова змиева...».

«Жену, что слишком была красива//И походила на луну»... – Строки из стихотворения «Константино-поль» (впервые – альм. «Аполлон». 1911. № 6, без загла-вия. Вошло в книгу «Чужое небо»):

Сегодня ночью на дно залива Швырнут неверную жену, Жену, что слишком была красива И походила на луну.

«Нет тебя тревожней и капризней...» – См. сти-хотворение в коммент. к фрагменту 2.

«Яотдал кольцоэтой деве Луны»... – См.

«Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...».

«То Лунная д е в а, то дева земная...» – Из стихотворения «Сон Адама».

Я только голосом лебединым//Говорю с н е п р а -в е д п о ю луной... – Из стихотворения Ахматовой «Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» (1915).

Все свершилось, о чем я мечтал... – Четвертое сти-хотворение из цикла «Беатриче»:

я не буду тебя проклинать, я печален печалью разлуки, Но хочу и теперь целовать твои уводящие руки.

Все свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным.

12

Впервые – журн. «Новый мир». 1990. № 5. С. 446, публикация К.Н. Суворовой, В.А. Черных. Печ. по авто-графу РГАЛИ (РТ 110).

106 «Озеро Чад», «Жираф» – вошли в книгу «Романтические цветы», «Капитаны» – в книгу «Жем-чуга». По свидетельству Е.И. Дмитриевой-Васильевой (Черубины де Габриак), написаны ей в Коктебеле в июне 1909 г. (см.: Николай Гумилев. Неизданное и несобран-ное. С. 171).

106 «Память», «Шестое чувство», «Заблудив-шийся трамвай» – стихотворения из последней книги Гу-милева «Огненный столп».

...отнесение стихотворения «Рабочий» к годам Революции... – Стихотворение «Рабочий» написано в 1916 г. Комментируя строку «Пуля, им отлитая, просви-щет/ /Над седою, вспененной Двиной...», М.Д. Эльзон напоминает: «Полк, в котором служил Гумилев, дислоци-ровался на берегу Двины» (подробнее об этом см.: Ти-менчик Р.Д. «Над седою вспененной Двиной»//Да-угава. 1986. № 8); БП. С. 579.

13

Впервые – «Записные книжки». С. 263–264. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

106 ...узнав поэму через Гуля... – Гуль Роман Бо-рисович (1896–1986) – прозаик, мемуарист, сценарист, издатель. С 1919 г. – в Германии. После прихода к власти фашистов эмигрировал в Париж, затем – в Лондон. «По-эма без героя», изданная в Нью-Йорке в 1956 г., не могла не быть известна Гулю до ее публикации в «Воздушных путях».

107 ...мертвая девочка оказывается в «Разложе-нии атома», очевидно его собственная жертва. – Ро-ман Г. Иванова «Распад атома» был опубликован отдель-ной книгой в Париже в 1938 г. и имел скандальный успех. Р. Гуль в письме от 14 мая 1955 г., обсуждая с Ивановым свою будущую статью, пишет: «...беда в том, что у меня нет материалов. Есть только "Распад атома". Причем вы не правы, сейчас меня не стошнило, меня стошнило гораз-до раньше, когда "Распад" только вышел. Ты опоздал на двадцать лет... и все-таки тебе я рада. Нет, без шуток, хоть и тошнит, но "Распад" – очень ценю» (цит. по кн.: Ива-нов Г. Т. 2. С. 443).

В эмиграции Г. Иванов слыл человеком безнрав-ственным. В частности, М. Цветаева писала: «Если хо-чешь писать быть – знай ее, если хочешь писать паск-виль – меняй имена или жди сто лет. Не померли же мы все на самом деле» (Ц в е т а е в а М. Т. 4. С. 168).

Неоднозначно отзывался о нем и В. Яновский: «Ге-оргий Иванов, человек интимно связанный со всякого рода бытовой мерзостью, но по-своему умница... Георгия Ива-нова, несмотря на его нравственное уродство, я считал самым умным человеком на Монпарнасе... человеком беспринципным, лишенным основных органов, которыми дурное и хорошее распознается» (Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 197–199).

107 Познер Владимир Соломонович (1905 – 1992) – поэт, беллетрист, киносценарист, переводчик. В 1919 г. занимался в семинаре Н. Гумилева. В мае 1926 г. эмигрировал во францию, в 1932 г. выпустил книгу очер-ков об СССР.

Лишневская Вера Александровна (урожд. Кашниц-кая; 1894–1924?) – жена Б.К. Пронина, одного из со-здателей и администратора артистических кабаре «Бродя-чая собака» и «Привал комедиантов». См. «Петербургс-кие зимы» Г. Иванова (И в а н о

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова в Г. Т. 3. С. 47–57).

14

Впервые – «Записные книжки». С. 267. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

1 I/O Волошин и Кузмин – враги. – В ноябре 1909 г. на Черной речке состоялась дуэль Н. Гумилева с М. Волошиным, посчитавшим, что была оскорблена Е. Дмитриева (Черубина де Габриак). Волошин вспоминает: «Мы встретились с ним в мастерской Головина. ... Все были уже в сборе. Гумилев стоял с Блоком на другом конце залы. Шаляпин внизу запел "Заклинание цветов". Я решил дать ему кончить. Когда он кончил, я подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И.Ф. Анненского, который говорил: "Достоевский прав. Звук пощечины – действительно мокрый". Гумилев отшатнулся от меня и сказал: "Ты мне за это ответишь" (мы с ним были на "ты"). Мне хотелось сказать: "Николай Степанович, это не брудершафт". Но я тут же сообразил, что это не вязалось с правилами дуэльного искусства, и у меня внезапно вырвался вопрос: "Вы поняли?" (то есть: поняли, за что?) Он ответил: "Понял"» (Волошин М. Воспоминания о Черубине де Габриак // Публикация А.Н. Тюрина. Новый журнал. 1983. № 151. С. 188–208. Цит. по: Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 146).

Отношения Гумилева с М. Кузминым испортились после того, как Гумилев в рецензии на вторую книгу стихов Кузмина «Осенние озера» назвал его поэзию «салонной по преимуществу» (Аполлон. 1912. № 8).

Надо было дать В.М. Жирмунскому. – Ахматова высоко ценила статью Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916) и видела в нем наиболее авторитетного из возможных авторов статей о Н. Гумилеве.

Бредовые сказки о конце препятствуют выходу Гумилева на Родине. – Ахматова имеет в виду домыслы о причинах ареста Гумилева и об его участии в контрреволюционном заговоре: см. воспоминания Г. Струве, Оцу-па, Маковского, Одоевцевой и др. Тогда еще не было официальных сведений о сфабрикованном деле так называемого заговора Таганцева (см.: Лукницкая В., Лукницкий С. Следственное дело Н.С. Гумилева // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М.: «Наследие», 1992. С. 233–259). Ахматова не без оснований считала слухи и домыслы препятствием на пути возвращения Гумилева к читателю на родине.

15

Впервые – «Записные книжки». С. 267–268. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

109 Черубина де Габриак – под этим именем печаталась Елизавета Ивановна Васильева (урожд. Дмитриева; 1887–1928). Неприязнь Ахматовой к Дмитриевой, виновнице оскорбления, нанесенного Волошиным Гумилеву, и их дуэли усиливалась тем, что редактор «Аполлона», ОК. Маковский, предпочел стихи «таинственной инозем-ки» Черубины де Габриак стихам И.Ф. Анненского, уже подготовленным к публикации в очередном номере журнала. По убеждению Ахматовой, это и явилось причиной скоропостижной смерти Анненского на пороге Павловского вокзала. Она написала мне надрывное письмо и пламенные стихи Николаю Степановичу. – По-видимому, настроения и чувства утраченного, «надрывного письма», которое Е.И. Дмитриева-Васильева послала Ахматовой, как и ее «пламенные стихи Николаю Степановичу», близки ее «Исповеди», опубликованной в книге – Г у м и л е в Н. Неизданное и несобранное. С. 169–177. Приводим текст «Исповеди» Черубины де Габриак:

... В первый раз я увидела Н.С. в июле 1907 г. в Париже в мастерской художника Себастьяна Гуревича, который писал мой портрет. Он был еще совсем мальчик, бледное, мрачное лицо, шепелявый говор, в руках он держал небольшую змейку из голу-бого бисера. Она меня больше всего поразила. Мы говорили о Царском Селе, Н.С. читал стихи (из «Романтических Цветов»). Стихи мне очень понравились. Через несколько дней мы опять втроем были в ночном кафе, я первый раз в моей жизни. Маленькая цветочница продавала большие букеты пушистых гвоздик, Н.С. купил для меня такой букет, а уже поздно ночью мы все втроем ходили вокруг Люксембургского сада и Н.С. говорил о Пресвятой Деве. Вот и все. Больше я его не видела. Но запомнила, запомнил и он.

Весной уже 1909 г. в Петербурге я была в большой компании на какой-то художественной лекции в Академии Художеств; был Максимилиан Александрович Волошин, который казался тогда для меня недостижимым идеалом во всем. Ко мне он был очень мил. На этой лекции меня познакомили с Н.С., но мы вспомнили друг друга. Это был значительный вечер «моей жизни». Мы все поехали ужинать в «Вену», мы много говорили с Н.С. – об Африке, почти в полусловах понимая друг друга, обо львах и крокодилах. Я помню, я тогда сказала очень серьезно, потому что я ведь никогда не улыбалась: «Не надо убивать крокодилов». Николай Степанович отвел в сторону М.А. и спросил: «Она всегда так говорит?» «Да, всегда», – ответил М.А.

Я пишу об этом подробно, потому что эта маленькая глупая фраза повернула ко мне

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова целиком Н.С. Он поехал меня про-вожать, и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это «встреча», и не нам ей противиться. Это была молодая, звонкая страсть. «Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей», – писал Н.С.; на альбоме, подаренном мне. Мы стали часто встречаться, все дни мы были вместе и друг для друга. Писали стихи, ездили на «Башню» и возвращались на рассвете по просыпающемуся серо-розовому городу. Много раз просил меня Н.С. выйти за него замуж, никогда не соглашалась я на это; в это время я была невестой другого, была связана жалостью к большой, непонятной мне любви. В «будни своей жизни» не хотела я вводить Н.С. Те минуты, которые я была с ним, я ни о чем не помнила, а потом плакала у себя дома, металась, не знала. Всей моей жизни не покрывал Н.С., и еще: в нем была железная воля, желание даже в ласке подчинить, а во мне было упрямство – желание мучить. Воистину он больше любил меня, чем я его. Он знал, что я не его – невеста, видел даже моего жениха. Ревновал. Ломал мне пальцы; а потом плакал и целовал край платья. В мае мы вместе поехали в Коктебель. Все путешествие туда я помню, как дымно-розовый закат, и мы вместе у окна вагона. Я звала его «Гумми», не любила имени «Николай», а он меня, как зовут дома, «Лиля» – «имя похоже на серебристый колокольчик», – как говорил он. В Коктебеле все изменилось. Здесь началось то, в чем больше всего виновата я перед Н.С.

Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе, его, меня и М.А. – потому что самая большая моя в жизни любовь, самая недосыгаемая – это был М.А. Если Н.С. был для меня цветение весны, «мальчик» (мы были ровесники, но он всегда казался мне младше), то М.А. для меня был где-то вдаль, кто-то никак не могущий обратить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую.

Была одна черта, которую я очень не любила в Н.С., – его неблагоприятное отношение к чужому творчеству; он всегда бранил, над всем смеялся, – мне хотелось, чтобы он тогда уже был «отважным корсаром», но тогда он еще не был таким.

Он писал тогда «Капитанов» – они посвящались мне. Вместе каждую строчку обдумывали мы. Но он ненавидел М.А., мне это было больно, очень здесь уже неотвратимостью рока встал в самом сердце образ М.А.

То, что девочке казалось чудом, совершилось. Я узнала, что М.А. любит меня, любит уже давно; к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: «Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву, я буду тебя презирать». Выбор был уже сделан, Н.С. все оставался для меня какой-то благоухающей алой гвоздикой. Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н.С. уехать, не сказав ему ничего. Он счел это за каприз, но уехал, а я до осени (сент.) жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина. Я вернулась совсем закрытая для Н.С., мучила его, смеялась над ним, а он терпел и все просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за М.А. Почему я так мучила Н.С.? Почему не отпускала его от себя? Это не жадность была, это была тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, другая другого.

О, зачем они пришли и ушли в одно время! Наконец, Н.С. не выдержал, любовь ко мне уже стала переходить в ненависть. В «Аполлоне» он остановил меня и сказал: «Я прошу Вас последний раз – выходите за меня замуж». Я сказала: «Нет!» Он побледнел: «Ну, тогда вы узнаете меня». Это была суббота. В понедельник ко мне пришел Понтер и сказал, что Н.С. на «Башне» говорил Бог знает что обо мне. Я позвала Н.С. к Ли-дии Павловне Брюловой, там же был и Понтер. Я спросила Н.С., говорил ли он это. Он повторил мне в лицо. Я вышла из комнаты. Он уже ненавидел меня. Через два дня М.А. ударил его, была дуэль. Через три дня я встретила его на Морской. Мы оба отвернулись друг от друга. Он ненавидел меня всю свою жизнь и бледнел при одном моем имени.

Больше я его никогда не видела.

Я не могла оставаться с М.А. В начале 1910 г. мы расстались, и я не видела его до 1917 г. (или до 1916-го?).

Я не могла остаться с ним, и моя любовь и ему принесла муку.

А мне?! До самой смерти Н.С. я не могла читать его стихов, а если брала книгу – плакала весь день. После смерти стала читать, но до сих пор больно.

Я была виновата перед ним, но он забыл, отбросил и стал поэтом. Он не был виноват передо мною, очень даже оскорбив меня, он еще любил, но моя жизнь была смята им, – он увел от меня и стихи, и любовь...

И вот с тех пор я жила неживой; – шла дальше, падала, причиняла боль, и каждое мое прикосновение было ядом.

Эти две встречи всегда стояли передо мной и заслоняли все: и я не смогла оставаться ни с кем.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми:

СТИХИ И

ЛЮБОВЬ.

И это была плата за боль, причиненную Н.С.: у меня на-всегда были отняты

и любовь и

стихи.

Остались лишь призраки их...

Ч.

СПб. 1926. Осень

Два стихотворения Е.И. Дмитриевой [Васильевой], посвященные Гумилеву

1

Да, целовала и знала губ твоих сладкий след, Губы губам отдавала, Греха тут нет.

От поцелуев губы Только алей и нежней. Зачем же были так грубы Слова обо мне?

Погас уж четыре года Огонь твоих серых глаз, Слаще вина и меда

Был нашей встречи час.

Помнишь, сквозь снег над порталом Готической розы цветков? Как я тебя обижала,

Как ты поверить мог!

5 дек. 1925 г.

2

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ГРАНТА *

Памяти 25 августа 1921 **

Как-то странно во мне преломилась пустота неоплаканых дней. Пусть Господня
последняя милость Над могилой пребудет твоей.

Все, что было холодного, злого, это не было ликом твоим. Я держу тебе данное
слово и тебя вспоминаю иным.

Помню вечер в холодном Париже, Новый мост, утонувший во мгле... Двое русских, мы
сделались ближе, вспоминая о Царском Селе.

В Петербург мы вернулись – на север. Снова встреча. Торжественный зал.

* Анатолий Грант – один из псевдонимов молодого Гумилева. ** 25 августа 1921 г.

– предполагаемый день казни Н.С. Гумилева.

Черепеховый бабушкин веер ты, читая стихи мне, сломал.

После в «Башне» привычные встречи, разговоры всегда о стихах, неуступчивость
вкрадчивой речи и змеиная цепкость в словах.

Строгих метров мы чтили законы и смеялись над вольным стихом, мы прилежно писали
канцоны и сонеты писали вдвоем.

Я ведь помню, как в первом сонете ты нашел разрешающий ключ... Расходились мы
лишь на рассвете, солнце вяло вставало меж туч.

Как любили мы город наш серый, как гордились мы русским стихом... Так не будем
обычную мерой измерять необычный излом.

Мне пустынная помнится дамба, сколько раз, проезжая по ней, восхищались мы
гибкостью ямба или тем, как напевен хорей.

Накануне мучительной драмы...

Трудно вспомнить... Был вечер... И вскачь

над канавкой из Пиковой Дамы

полетел петербургский лихач.

Было сказано слово неверно... Помню ясно сияние звезд... Под копытами гулко и
мерно простучал Николаевский мост.

Разошлись... Не пришлось мне у гроба помолиться о верном пути, но я верю – ни
гордость, ни злоба не мешали тебе отойти.

В землю темную брошены зерна, в белых розах они расцветут... Наклонившись над
пропастью черной, ты отвел человеческий суд.

И откроются очи для света. В небесах он совсем голубой. И звезда твоя – имя
поэта неотступно и верно с тобой.

16.IX. 1921

Какой, между прочим, вздор, что весь «Аполлон» был влюблен в Черубину... –

Однако по сви-детельству ряда современников, сила воздействия приду-манной
красоты неведомой и никем невиданной Черуби-ны, магия ее образа были

безграничны: «Где-то в Петер-бурге, через ров рода, богатства, католичества,

девичества, гения, в неприступном, как крепость, но достоверном – стоит же

где-то! – особняке живет девушка. Эта девушка присылает стихи, ей отвечают

цветами, эта девушка по вос-кресеньям поет в костеле – ее слушают. Увидеть ее
нельзя, но не увидеть ее – умереть.

И вот началась эпоха Черубины де Габриак. Влюбился весь "Аполлон" – имен не

надо, ибо носи-тели иных уже под землей – будем брать "Аполлон" как единство,

каковым он и был – перестал спать весь "Апол-лон", стал жить от письма к письму

весь "Аполлон", захо-тел увидеть весь "Аполлон". Их было много, она – одна.

Они хотели видеть, она – скрыться. И вот – увидели, то есть выследили, то есть

изобличили. Как лунатика – ок-ликнули и окликом сбросили с башни ее собственного

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «Черубинного замка – на мостовую прежнего быта, о которую разбились вдребезги» (Цветаева М. Живое о живом. Впервые – журн. «Современные записки». Париж. 1933, № 52,53. Печ. по: Собр. соч. Т. 4. С. 172).

Еще одно свидетельство гостившего в России, близкого к «Аполлону» немецкого поэта Иоганнеса фон Гюнтера, которому Е.И. Дмитриева призналась в мистификации: «Однажды Маковский получил письмо на элегантной бумаге с траурной каймой, посланное неизвестной дамой, подписавшейся "Черубина де Габриак"; к письму были приложены стихи, которые были найдены хорошими. Адрес указан не был. Через некоторое время пришло еще письмо, с еще лучшими стихами, и опять без адреса. Третье письмо. Потом – звонок по телефону: низкий, влекущий женский голос, иногда слегка шепелявящий. И еще письма, телефонные звонки, разговоры – по телефону – по полчаса. Она – испанская аристократка, одинокая, чувствительная, жаждущая жизни, ее духовник – строгий иезуит; мать умерла давно... Маковский влюбился в нее по уши; барон Врангель, Зноско, Ауслендер тоже. Гумилев вздыхал по экзотической красавице и клялся, что покорит ее. Вся редакция горела желанием увидеть это сказочное существо. . . . Были, впрочем, и противники, которые издевались над влюбленной редакцией. Коллективная страсть заразительна: скоро и я вошел в число рыцарей обожаемой Черубины» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 136).

109 Зноско'Боровский Евгений Александрович (1884–1954) – литературный критик, одно время был секретарем журнала «Аполлон».

109 и откуда этот образ скромной учительницы. – Е.И. Дмитриева закончила Петербургский женский педагогический институт по специальности средняя история и французская средневековая литература.

...дружила с Марго... – Маргарита Васильевна Са-башникова (1882–1973) – художница, поэтесса, первая жена М.А. Волошина.

А вот стихи Анненского... – В рабочих тетрадях Ахматовой, в планах ее неосуществленных книг не раз встречается тема «Последняя трагедия Анненского», посвященная смерти поэта, причины которой она непосредственно связывала с заменой его стихов в «Аполлоне» стихами Черубины де Габриак.

110 ...разводит вокруг Волошина... невообразимый очень стыдный сюжет. – Имеется в виду очерк М. Цветаевой о М. Волошине «Живое о живом».

16

Впервые «Записные книжки». С. 279. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

110 Был влюблен, жег руки, чтоб волненье... – Ахматова цитирует один из ранних вариантов текста стихотворения «Память» (ныне известен по автографу из собрания Вс. Родественского). См.: Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. СПб., 1988. Б-ка поэта. Большая сер. С. 512.

Это последние слова Гумилева о его царскосельско-парижской трагедии... – Ахматова имеет в виду свои отказы на предложения Гумилева и попытки его уйти из жизни.

17

Впервые «Записные книжки». С. 279–280. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

111 «Шатер» – последняя книга Гумилева, увиденная автором. Имела подзаголовок «Стихи 1918 г.» и посвящение: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова». Была издана в Севастополе, куда Гумилев ездил в 1921 г., по приглашению флаг-секретаря наркома морских сил контр-адмирала А.В. Немитца (подробности издания книги см.: Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. С. 583–584).

...заказная книга географии в стихах и никакого отношения к его путешествиям не имеет. – В данном случае мнение Ахматовой совпадает с точкой зрения о севастопольском издании Э.Ф. Голлербаха (см.: Путеводитель по Африке//Жизнь искусства. 1921. 30 августа). Другая оценка принадлежит Иннокентию Оксену: «Уже один перечень стихов – «Сомали», «Дагомея», «Либерия», «Экваториальный лес» – пестрый каталог географических имен, облекающихся живой плотью и кровью в почти безупречных пьесах» (см.: Письма о современной поэзии// Книга и революция. 1921,1). По-видимому, оценка Ахматовой связана с отсутствием в книге интересовавшего ее лирико-биографического сюжета.

Сверчков Николай Леонидович (1895–1919) – племянник Н.С. Гумилева, путешествовал с ним по Эфиопии, участник войны 1914–1918 гг. Умер от воспаления легких в Екатеринодаре.

Африканский дневник, Африканские охоты. – В письме от 25 апреля 1913 г. Ахматовой Гумилев писал: «Мой дневник идет успешно, и я пишу его так, чтобы прямо можно было печатать...» В середине июня Ахматова по просьбе мужа продала очерк в журнал «Нива», но накануне вскоре война задержала публикацию. «Африканская охота» была напечатана только в 1916 г. в приложениях к журн. «Нива».

111 Тураев Борис Александрович (1868–1920) – востоковед.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
18

Впервые «Записные книжки». С. 272–273. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 107).

112 Сохранились письма Ларисы Рейснер... – См. публикацию Н.А. Богомолова «Из переписки Ларисы Рейснер с Гумилевым»//В мире книг. 1987. №4.

«К сожалению, я ничем не могу огорчить мою жену»... – В беседах с П.Н. Лукницким Ахматова рассказывала об этом разговоре с Л. Рейснер в августе 1920 г. в Фонтанном Доме: «... потом он предлагал Л.Р. жениться на ней, и Лар. Рейснер передает АА последовавший за этим предложением разговор так: она стала говорить, что очень любит АА и очень не хочет сделать ей неприятное. И будто бы Н.С. на это ответил ей такой фразой: "К сожалению, я уже ничем не могу причинить АА неприятность". АА говорит, что Л.Р., это рассказывая, помнила очень всю обиду на Н.С, и чувство горечи и любви в ней еще было...» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 178).

19

Впервые – «Записные книжки». С. 287–289, печ. по автографу РГАЛИ (РГ 107).

из Поэма – волшебное зеркало... – См. коммент. к «Поэме без героя» – т. 3. С. 246.

Михайлов Михаил Семенович – лингвист, тюрколог.

Blot – Бло Надин – французская переводчица.

Про Гарвард. – Ахматова полемизировала со сла-вистами Гарвардского университета. Сестры Гёрцык. – См. о них коммент. к с. 26.

115 Орвиц-Занетти де – баронесса, парижская зна-комая Н. Гумилева. Ей посвящено стихотворение «Царица Содом», опубликованное под заглавием «Маскарад»: «... И я танцевал с куртизанкой Содомы, / /О чем-то грустил я, чему-то смеялся...» (В «Вессах» – 1907, № 7 – с посвящением баронессе де Орвиц-Занетти. Вошло в книгу «Романтические цветы»). В письме к Брюсову от 7 февраля 1908 г. Гумилев объяснял, почему он не включил стихотворение в сборник «Романтические цветы»: «Неоромантическая сказка» осталась за флагом потому, что я издал книгу на свой счет и сэкономил место, а "Маскарад" из-за своего посвящения, которое несогласно с общим» (Гумилев Н. Неизданные стихи и письма. С. 37).

«Падал» – стихотворение Л.И. Бодлера (1843) из книги «Цветы зла».

Но вспомните: и вы, сразу источая,

Вы трупом ляжете гнилым, Вы, Солнце глаз моих, звезда живая,

Вы, лучезарный серафим.

И вас, красавица, и вас коснется тленье, И вы сгниете до костей,

Одетая в цветы под скорбные моления, Добыча гробовых червей.

Скажите же червям, когда начнут, целуя,

Вас пожирать во тьме сырой, Что тленной красоты – навеки сберегу я и форму, и бессмертный строй.

(Пер. В. Левика)

...эти гиены, блудницы и т.д. – повторяющиеся в лирике Гумилева образы, олицетворяющие женское зло и коварство. «Гиена» («Над тростником медлительного Нила», 1906), блудницы – см. стихотворение «За гробом» (1908): «Ты увидишь пред собой блудницу//С острыми жемчужными зубами...», «Ужас» (1907): Я подошел, и вот мгновенный, Как зверь, в меня вцепился страх: Я встретил голову гиены На стройных девичьих ногах.

Лиру положили в лучшей зале, //А поэту выкололи очи. – Из стихотворения «Под рукой уверенной поэта...», написанного до 23 февраля 1908 г. (автограф при письме В.Я. Брюсову; Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. С. 593). Ахматова считала, что повторяющийся у Гумилева образ «царицы беззаконий» связан с ней: Под рукой уверенной поэта Струны трепетали в легком звоне, Струны золотые, как браслеты Сумрачной царицы беззаконий.

Опьянили зовы сладострастья, И спешили поздние зарницы,

Но недаром звякнули запястья На руках бледнеющей царицы.

И недаром взоры заблестали: Раб делил с ней счастье этой ночи, Лиру положили в лучшей зале, А поэту выкололи очи.

См. также стихотворение «Заклинание» (1907, вошло в книгу стихов «Жемчуга»): Юный раб в пурпуровом хитоне Говорил нездешние слова, Перед ней, царицей беззаконий, Расточал рубины волшебства...

115 «Она Мэзи, ей все можно»... – Мэзи, героиня романа Р. Киплинга «The light that failed», в русском переводе – «Свет погас» (1937) – о судьбе художника, пережившего трагическую любовь и погибшего в колониальных войнах Британии. Герой произносит фразу: «Королева не может ошибаться».

Левберг Мария Евгеньевна (урожд. Купфер; 1894–1934) – поэтесса.

Энгельгардт Анна Николаевна (1895–1942) – дочь Николая Александровича

Энгельгардта, известного литератора, историка литературы, и Ларисы Михайловны Гарелиной, первой жены К. Бальмонта. Гумилев женился на А.Н. Энгельгардт в том же августе 1918 г., когда произошел развод с Ахматовой. Ей посвящен сборник

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова стихов «Огненный столп» (1921). В апреле 1919 г. родилась Елена Николаевна Гумилева. Обе умерли в блокадном Ленинграде.

«К синей звезде» –

стихи, посвященные Дю-

буше Елене Карловне, в которую Гумилев был влюблен в свой последний приезд в Париж.

«Каталог побед» – ариозо Лепорелло из оперы «Дон Жуан» (1787, либретто Ла Понте).

20

Впервые – «Записные книжки». С. 313. Печ. по ав-

С.К. Маковский, автор книги «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962), включающей в себя раздел о Николае Гумилеве. Ахматова обвиняет автора в забвении или незнании фактов, изложенных в мемуарах и записанных с чужого голоса людей, как она считала, враждебных и ей, и Гумилеву, – А.А. Гумилевой, В.А. Неведомской, Л. Страховского и др.

...и вместо того, чтобы писать об участии Гумилева в «Аполлоне», о зарождении акмеизма, о поэзии «Башни»... – Ахматовой, видимо, были известны не все главы из книги С.К. Маковского «На Парнасе Серебряного века». Приводим воспоминания С.К. Маковского о создании журнала и ведущей роли Гумилева в редактировании его литературного отдела:

...Я познакомился с Гумилевым 1-го января 1909 года, на вернисаже петербургской выставки – «Салон 1909 года», устроенный мной в помещении музея Первого кадетского корпуса (бывшего Меншиковского дворца). Гумилев вернулся перед тем из Парижа; проживая вместе с матерью и младшим братом Дмит-

тографу РГАЛИ (РГ 109). 117 Сергей констан-

тантинович. – Имеется в виду

прием в Царском, он поступил в Петербургский университет (на романо-германское

отделение филологического факультета).

Он был в форме: в длинном студенческом сюртуке «в талию», с высоким темно-синим воротником (по моде того времени). Подтянутый, тщательно причесанный (с пробором), совсем не отвечал он обычному еще тогда типу длинноволосого «студии-озуса», но не проявлял и пошловатости «белоподкладочника». Он был нарядно независим в движениях, в манере подавать руку.

С Гумилевым сразу разговорились мы о поэзии и о проекте нового литературного журнала; от многих писателей уже слышал он о моем намерении «продолжить» дягилевский «Мир Искусства». Тут же поднес он мне свои «Романтические цветы» и предложил повести к Иннокентию Анненскому. Возлагая большие надежды на помощь Анненского писательской молодежи, Гумилев отзывался восторженно об авторе «Тихих песен» (о котором, каюсь, я почти еще ничего не знал).

Гумилев стал ежедневно заходить и нравился мне все больше. Нравилась мне его спокойная горделивость, нежелание откровенничать с первым встречным, чувство достоинства, которого, надо сказать, часто недостает русским. Нас сближало, несмотря на разницу лет, общее увлечение французскими новаторами и вера в русских модернистов. Постепенно Гумилев перезнакомил меня со своими приятелями – Алексеем Толстым (в то время он писал только стихи), с Ауслендером, Городецким... Михаила Кузмина я встречал и раньше.

Спустя немного времени, когда улеглась первая выставочная суетня, я приехал, помнится, – с целой компанией молодых людей – к тому, которого впоследствии, в «Колчане», Гумилев называл «последним из царскосельских лебедей», – к Анненскому.

Со времени отставки от директорства Иннокентий Анненский продолжал жить в Царском с семьей в им нанятом двухэтажном, выкрашенном в фиштактовый цвет доме с небольшим садом. Первая комната прямо из сеней, просторная проходная гостиная (невысокий потолок, книжные этажерки, угловой диван, высоченные стенные часы с маятником и сипло гремящим каждые пятнадцать минут боем) выдавала свое «казенное» происхождение. В ней посетители задерживались редко, разве какое-нибудь литературное собрание. Направо была узкая темно-натая столовая и очень светлый рабочий кабинет Анненского: полка во всю длину комнаты для томиков изблюбленных авторов, фотографические учебные группы около бюста Эврипида. Напротив, перед письменным столом, в широкие окна глядели из палисадника тощие березки, кусты сирени и черемухи. Выше, по винтовой лесенке, обширная библиотека Анненского продолжалась в шкафовых комнатах, среди которого была одна, «заветная», куда поэт мог уйти от гомона молодых гостей. По крайней мере, так я думал, замечая иногда «исчезновение» Иннокентия Федоровича и его возвращение, такое же внезапное, с лицом задумчиво-отсутствующим.

Анненский стоял в стороне от соревнования литературных школ. Не был ни с Бальмонтом, ни с Валерием Брюсовым в поисках сверхчеловеческого дерзания. Он был символистом в духе французских эстетов, но не поэтом-мистиком, заразившимся

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов от Владимира Соловьева софийной мудростью. В известной мере был он и русским парнасцем, и декадентом, и лириком, близким к Фету, Тютчеву, Константину Случевскому и автору «Кому на Руси жить хорошо». Ему пришлось многое поднять на плечи, чтобы уравнивать русскую поэзию с «последними словами» Запада. Анненский оказал мне решающую моральную поддержку в эти первые полгода создания «Аполлона». Я не хочу преуменьшать роли Гумилева в этот начальный период журнала. Он не только свел меня с Анненским, но радостно согласился во всем содействовать моей журнальной затее. Если и возникали между нами несогласия, например, о привлечении Блока в число «ближайших» сотрудников (по предложению Вячеслава Иванова), то Гумилев соглашался и с этим по-товарищески простоудушно... Мы стали встречаться почти ежедневно. Завязалась моя дружба и с приятелями Николая Степановича – Алешей Толстым, Ауслендером, Городецким и остальной «молодежью», которой я раньше не встречал. Уже тогда Гумилев над ними главенствовал, держал себя авторитетом в области стихотворного умения, критиком непогрешимым. Мне нравилась его независимость и самоуверенное мужество. Чувствовалась сквозь гумилевскую гордыню необыкновенная его интуиция, быстрота, с какой он схватывал чужую мысль, новое для него понимание, все равно – будь то стилистическая тонкость или научное открытие, о каком прежде он ничего не знал, – тотчас усвоит и обратит в видение упрощенно-яркое и подыщет к нему слова, бьющие в цель, без обиняков.

Я прощал ему его наивную прямолинейность, так же, как и позу, потому что за мальчишеской его «простотой» проступало что-то совсем иного порядка – мука непонятности, одиночества, самоуязвленного сознания своих несовершенств физических и духовных: он был и некрасив, и неспособен к наукам, не обладал памятью, не мог научиться, как следует, ни одному языку (даже по-русски был малограмотен). И в то же время – как страстно хотел он – в жизни, в глазах почитателей, последователей и особенно женщин, быть большим, непобедимым, противоборствующим житейской пошлости, жалким будням «жизни сей», чуть ли не волшебником, чудотворцем. Чувствовалось в нем и сознание долга по отношению к своей стране.

Из всех моих спутников, в эти первые годы «Аполлона», Гумилев был наиболее энергичным и организующим помощником, ничуть не завистливым, благодушно-доброжелательным к «малым сим», хоть и неукоснительно строгим, когда от поблажек автору мог произойти ущерб поэзии. Он был принципиален, настойчиво негибок в восприятии чужого творчества и в воспитании собственной воли, в «победах» над встречавшимися на его пути женщинами и в любви к чему-то несказанному, что для него воплощалось в образе недосыгаемо-прекрасной девушки, благословенной молодой колдуньи... И тут, в страстях Гумилева, и в его женолюбивом романтизме, начинался другой Гумилев, тот, который оставил глубокий след в своей лирике, и лирических драмах, и в насыщенной волшебством Востока прозе» (Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям//Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 77–80).

21

Впервые – «Записные книжки». С. 342. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 110).

117 Рыбакова Ольга Иосифовна (р. 1915) – инженер, дочь И.И. и Л.Я. Рыбаковых, друзей Ахматовой.

Ш. – Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) или Шток Исидор Владимирович (1908–1980).

118 Бушен Дмитрий Дмитриевич (1893–1992) – живописец, театральные художник, график, член «Мира искусства». В 1925 г. выехал во Францию.

Своими письмами я прекратила Г. Иванова и Страховского... – По-видимому, письма Ахматовой против мемуаров Иванова, отрывки из которых стали появляться на Западе с середины 1920-х гг.; книги Л. Страховского нам неизвестны. Однако, возможно, под их воздействием Г. Иванов во втором издании «Петербургских зим» купировал места, вызвавшие резкую критику Ахматовой.

Хорош и отец Дмитрий... – Ок. Маковский пишет со слов Д. Кузьмина-Караваева: «Зимой того же (1912) года родился у них сын, крещен Львом. Тяжелые роды прошли ночью в одной из петербургских клиник. Был ли доволен Гумилев этим "прибавлением семейства"? От его троюродного брата Кузьмина-Караваева (в священстве отца Дмитрия) я слышал довольно жуткий рассказ об этой ночи. Будто бы Гумилев, настаивая на своем презрении к "брачным узам", кутил до утра с троюродным братом, шатаясь по разным веселым учреждениям, ни разу не справился о жене по телефону, пил в обществе каких-то девиц. По словам отца Дмитрия, все это имело вид неумно-самолюбивой позы, было желанием не быть "как все"» (Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям// Новый журнал. 1964. № 77. С. 157–158. Печ. по: Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 92). По-видимому, эти возмущившие Ахматову строки стали одним из поводов обращения В.С. Срезневской к этой теме в своих мемуарах: «...Не берусь оспаривать, где он был в момент

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова рождения сына; отцы обычно не присутствуют при этом, и святые отцы должны лучше меня знать, что если им удалось соблазнить своих приятелей со-проводить их в место своих обычных увеселений, то это нисколько не мешает тому, что эти приятели коротают это тревожное время выпивая и заглушают внутреннюю тревогу не совсем понятным способом...

Мне думается, что Гумилев – подвернись другой при-ятель, менее подверженный таким "весельям", – мог по-ехать в монастырь, мужской или женский, и отстоять мо-настырскую вечерню с переполненным умилением сердцем. Знаю, что он звонил в клинику, где лежала Аня (самую лучшую тогда клинику проф. Отта – очень дорогую и очень хорошо обставленную, на Васильевском острове) и затем, по окончании всей этой эпопеи, заехал за матерью своего сына и привез их обоих в Царское Село, к счастливой ба-бушке, где мы в те дни обедали с мужем и пили шампанс-кое за счастливое событие... и все как полагается, и по-здравили и видели, что все, кроме злой, завистливой и чрезвычайно неумной Шуры Сверчковой, искренне радо-вались и были, по-видимому, в полном согласии» (Из вое-поминаний В.С. Срезневской//Николай Гумилев. Неиз-данное и несобранное. С. 183).

22

Впервые – «Записные книжки». С. 359–360. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ НО). 120 Арене Вера Евгеньевна (в замуж. Гаккель; 1883–1962) – поэтесса, адресат стихов Гумилева.

Обри Бердслей (Бёрдсли; 1872–1898) – англий-ский художник-модернист. «Царица иль, может быть, просто капризный ре-бенок...» – Из стихотворения Гумилева «Отказ».

Голенищева-Кутузова Ольга Викторовна. – По не-которым свидетельствам, опровергаемым Ахматовой, ад-ресат стихотворения Гумилева «Отказ» («Записные книж-ки». С. 359).

Девушка, игравшая судьбой... – Из поэмы Гуми-лева «Открытие Америки» (вариант). («Царица иль, мо-жет быть, просто капризный ребенок...»).

121 1910 – летом, из IV главы «Открытия Америки». – В журнальном варианте (Аполлон. 1910. № 12) поэма состояла из четырех глав, или песен. При подготовке сборника «Чужое небо» четвертая глава была изъята автором из текста.

Знаю, сердце девушек бесстрастно... – Из четвер-той главы поэмы «Открытие Америки»: «Знаю! сердце девушек бесстрастно, // Как они, не мучить никому...»

121 и голодные тигры лизали... – Строфы сти-хотворения «Игры» («Чужое небо»).

Ахматова цитирует неточно. Прав.: «Ведь голодные тигры лизали».

Я боролся с ней, как Иаков с ангелом и все-гда оставался хром.– По свидетельству Ахматовой, одна из повторяемых Н.Н. Луниным фраз. Восходит к Вет-хому Завету: Бытие 32,25; Осия 12,4.

23

Впервые – «Записные книжки». С. 360–361. Печ. по автографу РГАИИ (РТ 110). «Чужое небо» – четвертая книга стихов Гуми-лева. Вышла в 1912 г. в издательстве журн. «Аполлон».

...лесбийская дама (не то В. Яровая, не то Палла-да)... – Яровая Вера – писательница. Паллада – Бог-данова-Вельская Паллада Олимповна (в замуж. Гросс, Старынкевич, графиня Берг, Доможенская, Педди; 1885– 1968) – представительница элитарной петербургской бо-гемы 1910-х гг., поэтесса, актриса, прославилась, как гово-рила Ахматова, «гомерическим блудом». Ахматова отсы-лает к стихотворению Гумилева «Жестокой» (1911):

Орел Сафо у белого утеса Торжественно парил, и красота Бестенных виноградников Лесбоса замкнула богохульные уста.

Тумповская Маргарита Марьяновна (1891–1942) – поэтесса, переводчица.

123 Высотская Ольга Николаевна (1885–1966) – актриса. Ей посвящено стихотворение «Ислам» – автограф на открытке с почтовым штемпелем – 18.4.13. Фотоко-пию см. в журн. «Огонек» (1987. № 14. С. 21) из коллек-ции Ореста Николаевича Высотского (1913–1992), сына Н.С. Гумилева и О.Н. Высотской.

123... что они были как минимум... – Далее пере-числены женщины, прославившие свои имена талантом и поклонением, знаменитых современников.

Виже-Лебрен Мария-Луиза-Елизавета (1755 – 1842) – французская художница, портретистка. В начале революции покинула Францию. С 1795 по 1801 г. училась в Петербурге. Написала много портретов императорской семьи и придворных аристократов. В 1835 г. вышли ее ме-муары «Souvenirs de ma vie». Ее автопортреты хранятся в Лувре и Уффици, портрет императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны – в Зимнем дворце.

Патти Аделина (1843–1919) – итальянская певица.

Кавальери Лина (1874–1944) – итальянская пе-вица.

Стал Анна Луиза Жермена де (1766–1817) –

французская писательница.

Рекамье Жюли (1777–1849) – хозяйка парижско-го салона.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

Не надо пускаться на такие мелкие хитрости, как Мако... – Отсылая к стихотворению «Муж хлестал меня узорчатим...», Ахматова указывает на искажение смысла стихотворения. Опустив первую строфу, мемуарист тем самым, вольно или невольно, подменяет персонаж, к которому обращено лирическое чувство: Анна Андреевна неизменно любила мужа, а он? Любил и он... насколько мог. Но занятый собою, своими стихами и успехами, заперев в клетку ее, пленную птицу, он свысока утверждал свое мужское превосходство, следуя Ницше, сказавшему (в «Заратустре», кажется) «Мужчина – воин, а женщина для отдохновения воина»... Подчас муж-воин проявлял и жестокость, в которой потом каялся. А она жаловалась: ...Рассветает. И над кузницей Подымается дымок. А со мной, печальной узницей, Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую, Долю-муку приняла. Или любишь белокурую, Или рыжая мила? Как мне скрыть вас, стоны звонкие! В сердце темный, душный хмель. А лучи ложатся тонкие На не смятую постель.

Повторяю, она все простила. Ее любовь побеждала страдание – разве муж не друг навеки, посланный Богом? И в не-скольких словах, с такой характеризующей ее простотой, она рассказывает и о неверности мужа, и о своей всепрощающей не-жности:

У меня есть улыбка одна. Так. Движенье, чуть видное губ. Для тебя я ее берегу – Ведь она мне любовью дана.

Все равно, что наглый и злой, Все равно, что ты любишь других, Перед мной золотой аналой И со мной сероглазый жених.

Но всему приходит конец, даже любовному долготерпению. Случилось то, что должно было случиться. После одного из своих «возвращений» убедился ли он в том, что она встретила

«того, другого», которого он называет преступным за то, что он вечность променял на час –

Принявши дерзко за оковы, Мечты, связующие нас...

или это одна «литература», а все кокетства Ахматовой и даже умственные увлечения ничем серьезным не кончились, и не было вовсе «того другого»?

Как бы то ни было, но уже задолго до войны Гумилев по-чувствовал, что теряет жену, почуствовал с раскаянной тоской и пил «с улыбкой» отравленную чашу, приняв ее из рук любимицы, как заслуженную кару, ощущая ее «смертельный хмель», обещал покорность и соглашался на счастье жены с другим:

Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним.

Я уеду далеким, далеким

И не буду печальным и злым.

Теперь, стоя у догорающего камина и говоря ей о своих подвигах, он отдается одной печали:

Древний я открыл храм из-под песка, Именем моим названа река,
И в стране озер, семь больших племен Слушались меня, чтити мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна, И больна душа, тягостна больна.

Я узнал, узнал, что такое страх, Заключенный здесь в четырех стенах;

даже блеск ружья, даже плеск волны Эту цепь порвать ныне не вольны.

(Маковский С. Николай Гумилев (1886–1921)// Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 62–63).

іZtt ...как из моей брошки... он сделал одно из своих самых значительных стихотворений... – стихотворение «Орел».

Как он рассказывал Ал. Толстому... – В очерке «Н. Гумилев» А.Н. Толстой приводит по памяти этот рассказ Гумилева о попытке самоубийства в Париже, в 1908 г.:

«...Они шли мимо меня, все в белом, с покрытыми головами. Они медленно двигались по лазоревому полю. Я глядел на них – мне было покойно, я думал: "Так вот она, смерть?" Потом я стал думать: "А может быть, это лишь последняя секунда моей жизни? Белые пройдут, лазоревое поле померкнет?"... Я стал ждать этого угасания, но оно не наступило, – белые все так же плыли мимо глаз. Мне стало тревожно. Я сделал усилие, чтобы пошевелиться, и услышал стон. Белые поднимались и плыли теперь страшно высоко. Я начал понимать, что лежу навзничь и гляжу на облака. Сознание медленно возвращалось ко мне, была слабость и тошнота. С трудом наконец я приподнялся и оглянулся. Я увидел, что сижу на траве наверху крепостного рва в Булонском лесу. Рядом валялся воротник и галстук. Все вокруг – деревья, мансардные крыши, асфальтовые дороги, небо, облака – казались мне жесткими, пыльными, тошнотворными. Опираясь о землю, чтобы подняться совсем, я ощупал маленький, с широким горлышком пузырек, – он был раскрыт и пуст. В нем, вот уже год, я носил большой кусок цианистого калия, величиной с половину сахарного куска. Я начал вспоминать, как пришел сюда, как снял воротник и высыпал из пузырька на ладонь яд. Я знал, что, как только брошу его с ладони в рот, – мгновенно настанет неизвестное. Я бросил его в рот и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова прижал ладонь изо всей силы ко рту. Я помню шершавый вкус яда» (Толстой А.//Последние но-вosti. Париж. 1912. 23 и 25 октября. Печ. по: Николай Гу-милев в воспоминаниях. С. 38),
24

Впервые – «Записные книжки». С. 529–530. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111). Написано от имени Срезневской. Указанием на дату знакомства Гумилева с Т.В. Адамович – 6 января 1914 г. – Ахматова напоминает, что ее разрыв с Гумилевым произо-шел раньше, т.е. в 1913 г.

...подложный дневник Вырубовой. – Так на-зываемый «Дневник» Анны Александровны Вырубовой (1884 – после 1964) – фрейлины последней императри-цы Александры Федоровны, написанный и изданный в эмиграции.

25

Впервые – журн. «Новый мир». 1990. № 5. С. 222, с сокращениями. Полный текст – «Записные книжки». С. 363–366. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ НО).

...Струве отдал его на растерзание двум лю-дям... – Ахматова имеет в виду статью Г.П. Струве «Н.С. Гумилев. Жизнь и творчество», предпосланную пер-вому тому Собрания сочинений Н. Гумилева, вышедшего в Вашингтоне под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (1962). С. XIV, XVI.

Жена Анненского – Анненская Наталия Владими-ровна (урожд. фон Штейн; 1885–1975) – в 1905–1907 гг. жена В.И. Анненского (Кривича), сестра поэта, перевод-чика, критика Св. фон Штейна.

Кривич–Анненский Валентин Иннокентьевич (псевд. Кривич, 1880–1936) – поэт, сын И.Ф. Анненского.

126 Немитц Александр Васильевич (1879 – 1967) – выпускник морского корпуса (1900), на флоте с 1896 г. Выступал защитником па суде над участниками Се-вастопольского восстания 1905 г. С августа 1917 г. – ко-мандующий Черноморским флотом, произведен в контр-адмиралы. С 1919 г. – на Красном флоте, с февраля 1920-го по декабрь 1921 г. – командующий морскими силами, далее – на других руководящих постах и преподавательс-кой работе. С 1947 г. – в отставке. В июне 1921 г. Гумилев отправился в Севастополь в салон-вагоне Немитца.

...впечатления 8-летнего Оцупа о внешности Гумилева. – См. воспоминания Н.И. Оцупа: «Он так важно и медлительно, как теперь, говорит что-то моему старшему брату Михаилу. Брат и Гумилев были не то в од-ном классе, не то Гумилев был классом младше. Я моложе брата на десять лет, значит, мне было тогда лет шесть, а Гумилеву лет пятнадцать. И все же я Гумилева отлично за-помнил, потому что более своеобразного лица не видел в Царском Селе ни тогда, ни после. Сильно удлиненная, как будто вытянута вверх голова, косые глаза, тяжелые движе-ния и ко всему очень трудный выговор, – как не запо-нить!» (Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 174).

128 Оболенская Ольга Александровна (урожд. Кузьмина-Караваева; 1890–1986) – сестра Маши Кузь-миной-Караваевой. Ахматова предполагала в полемике с мемуарами Маковского опереться на свидетельства В. Срезневской.

Ермолаевы – соседи Гумилевых по Слепневу.

(«И как преступен он, суровый»), который «по-ложит посох, улыбнется и просто скажет: "Мы при-шли"» – неточная цитата из стихотворения «Вечное» (альм.

«Аполлон». СПб. 1912; вошло в «Чужое небо»):

...И тот, кто шел со мною рядом В громах и кроткой тишине, кто был жесток к моим усладам И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться, всей древней мудрости земли, – Положит посох, обернется И скажет просто: «Мы пришли».

Он один раз дает его как фон к стихотворе-нию «Анненский». – Имеется в виду стихотворение «Па-мяти Анненского» (1912), вошло в книгу «Колчан».

«Последний из царскосельских лебедей»... – Из первой строфы стихотворения «Памяти Анненского»:

К таким нежданным и певучим бредням

Зовя с собой умы людей, Был Иннокентий Анненский последним

Из царскосельских лебедей...

Стихотворение через много лет стало как бы «источ-ником» для многих мемуаристов – Г. Иванова, Г. Адамо-вича, рассказывавших о «высоком кабинете» и «скамейке Анненского» в Царскосельском парке.

Был вечер тих. Земля молчала... – строфа из сти-хотворения «Царица» (Из книги стихов Н. Гумилева «Жемчуга», 1910).

130 Арене Лидия Аполлоновна (1889–1976) – дво-юродная сестра А.Е. Арене, первой жены Н.Н. Лунина.

130 Арене Зоя Евгеньевна (1886–1969) – род-ная сестра А.Е. Арене, жена брата Н.Н. Лунина – Алек-сандра Николаевича.

«Андрогни» – стихотворение (1909). Опубликовано под общим заголовком для нескольких стихов из цикла «Жизнь веков». По утверждению АА. Арене, посвящено ей

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (см. АО. 1989. № 6. С. 89). Андронн (греч. миф.) – двуполое существо

26

Впервые – «Записные книжки». С. 611–612. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

«Оры» – собственное издательство, созданное Вяч. Ивановым в 1907 г., вскоре распавшееся из-за финансовых трудностей. Было издано несколько книг: сборник «По звездам» (1904–1909) самого Иванова, а также произведения Л.

Зиновьевой-Аннибал, А. Блока, А. Ремизова, Г. Чулкова, С. Городецкого, М. Кузмина, А. Скалдина, В. Бородаевского, т.е. ближайших друзей. Неудовольствие Брюсова было вызвано тем, что «Оры» создавались как петербургский «противовес» возглавленному им московскому издательству «Скорпион».

Манифест Гумилева – статья «Наследие символизма и акмеизм» (Аполлон. 1913. Январь), провозгласившая акмеизм наследником закончившего свой «путь развития» символизма. Гумилев рассчитывал на поддержку Брюсова, но тот выступил с резкой статьей, в которой подверг критике новое течение (Русская мысль. 1913. № 4). С этих пор отношения ученика и учителя резко охладились, хотя Гумилев до конца жизни относился к Брюсову с пиететом.

132 Стихи Нелли – мистификация Брюсова, стилизованные стихи, написанные от лица вымышленной поэтессы. В подтексте книги – роман В.Я. Брюсова с молодой поэтессой Надеждой Григорьевной Львовой (1891–1913). Видя в любви единственно подлинное содержание жизни и не встретив той же полноты чувств, Львова в один из кризисных моментов этих переживаний покончила с собой выстрелом из револьвера. Автор книги «Старая сказка. Стихи 1911–1912 гг.», вышедшей с предисловием Брюсова (М., изд-во «Альциона»).

На вечере женской поэзии Брюсов выступил против меня, – очевидно, в честь Адалис (см. воспоминания Цветаевой). – В прозе Цветаевой («Герой труда»), о которой упоминает Ахматова, дано подробное описание вечера девяти поэтесс, состоявшегося в Москве, в феврале 1921 г. Адалис (наст. имя Аделина Ефимовна Ефрон; 1900–1969) – поэтесса. Ее «...лицо было светлое, рассмотрела белым днем в ее светлейшей светелке во Дворце Искусств (угол Поварской и Кудринской, дом гр. Сологуба). Чудесный лоб, чудесные глаза, весь верх из света. И стихи хорошие, совсем не брюсовские, скорее мандельштамовские, явно-петербургские. ... "Все говорят, что Брюсов мне их выправляет, – жаловалась она, – но, уверяю вас..." – "Вам нечего уверять. Брюсову на поэтесс везет, и если выправлять, то, во всяком случае, не ему в данный час, ваши..."» (Цветаева М. Т. 4. С. 37).

Цветаева воспроизводит обстановку вечера в промерзшем Политехническом, и, как она пишет, почти дословно, воспроизводит выступление В.Я. Брюсова: «Товарищи, я начинаю. ... Женщина... Любовь... Страсть... Эти три слова, все в той же последовательности, возвращались через каждые иные три, возвращались жданно и неожиданно, как цифры выскакивают на таксометре мотора, с той разницей, что цифры новые, слова ж все те же. Уши мои, уже уставшие от механики, под волосами навострились. Что до зала, он был безобразен, непрерывностью гула вынуждая лектора к все большей и большей смысловой и звуковой отрывистости. Казалось – зал читает лекцию, которую Брюсов прерывает отдельными выкриками: Итак: женщина: любовь: страсть. Были, конечно, и иные попытки, – поэтесса Ада Негри с ее гуманитарными запросами. Но это исключение и не в счет. (Даю почти дословно.) Лучший пример такой односторонности женского творчества являет собой... являет собой... – Пауза – ...Являет собой... товарищи, вы все знаете... Являет собой известная поэтесса (с раздраженной мольбой): – Товарищи, самая известная поэтесса наших дней... Является собой известная поэтесса... Я, за его спиной, вполголоса, явственно:

– Львова?

Передерг плечей и – почти что выкриком:

– Ахматова! Являет собой поэтесса – Анна – Ахматова...

... Будем надеяться, что совершившийся по всему миру и уже совершившийся в России социальный переворот отразится и на женском творчестве. Но пока, утверждаю, он еще не отразился, и женщины все еще пишут о любви и о страсти. О любви и о страсти...» (там же. С. 42).

27

Впервые – Хейт. С. 224–225. Другой вариант текста – «Записные книжки». С. 616–617. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

133 Чеботаревская... сказала «Не ходите к ней. Она злая и вас очень обидит». – По-видимому, о недоброжелательности З.Н. Гиппиус Ахматова знала и от Гумилева, нанесшего визит Мережковским в самом начале своего литературного пути (Белый А. На экране Гумилев / Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 33–38).

Вячеслав был не великолепный и не таврический... – Однако см.: Шестов Л. Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадничества / Русская мысль. 1916. № 10. Отд. II. С. 80–110.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
...антология Эйнауди. – «Антология», изданная Джулио Эйнауди в Турине в 1948 г.
134 Замятина Мария Михайловна (1865 – 1919) – домоправительница и секретарь
Вяч. Иванова.
Вера – В.К. Иванова-Шварсалон.
«Покойница в доме» Кузмина. – Впервые в журн. «Русская мысль». 1913. № 7 и № 8.
Повесть получила скандальную известность. В ней увидели сходство с событиями,
развернувшимися на «башне» Вяч. Иванова после смерти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал
(см.: Богомолова. Дневник В.К. Шварсалон лета 1909 года. В кн.: Русская
литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 319-334).
28
Впервые – «Записные книжки». С. 617–618. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).
134 Драйвер Самуэль Норман – американский литературовед, автор диссертации о
творчестве Ахматовой, защищенной в Колумбийском университете (США) в
1972 г.; опубликовал в Нью-Йорке книгу «Анна Ахматова» на английском языке.
135 «Ангел лег у края небосклона...» – Первая строка стихотворения «Акростих»
(1911).
«Аддис-Абеба город роз...» – Первая строка Акростиха (1911).
136 Арагон всех растлил... – Арагон Луи (1897– 1982) – французский писатель.
Видимо, имеется в виду книга его стихов «Глаза Эльзы», которую он посвятил
своей жене Э. Триоле.
29
Впервые – «Записные книжки» С. 624–627. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).
136 Каневальеручо – итальянский литературовед и переводчик.
Дончин Жоржетта (в замуж. Левенсон) – английский литературовед, автор работ о
символизме.
140 ...Шагинян – только дневник (1923), а что она написала раньше! – в 1916 г. в
газете «Кавказское слово» (1916. 2 февраля) была опубликована восторженная
статья М. Шагинян о поэзии Анны Ахматовой.
30
Впервые – Отрывок в кн.: Хейт. С. 316. Полный текст – «Записные книжки». С.
639–641. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).
142. ...цитата из письма Гумилева к Сол огу-бу (с фронта)... – Письмо написано 6
июля 1915 г. На: конверте: «Из действующей Армии. Песочное, Ярославской губ.,
село Красное, усадьба Тихмеевых. Е.В. Федору Кузьмичу Сологубу ... от Н.
Гумилева, лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, эскадрона Ее
Величества»:
Многоуважаемый Федор Кузьмич,
горячо благодарю Вас за Ваше мнение о моих стихах и за то, что Вы пожелали мне
его высказать. Это мне тем более дорого, что я всегда Вас считал и считаю одним
из лучших вождей того направления, в котором протекает мое творчество.
До сих пор ни критики, ни публика не баловали меня выражением своей симпатии. И
мне всегда было легче думать о себе как о путешественнике или воине, чем как о
поэте, хотя, конечно, искусство для меня дороже и войны, и Африки. Ваши слова
очень помогут мне в трудные минуты сомнения, которые, вопреки Вашему
предположению, бывают у меня слишком часто. ... Искренне преданный Вам
Н. Гумилев.
(Гумилев Н.С. Незданное – на обл., на титуле – Незданные стихи и письма.
Paris: YMCA-Press, 1980. С. 127).
...его парижский портрет-триптих. – Портрет работы Н. Гончаровой (1916).
Местонахождение не установлено. Однако, возможно, фрагменты к нему хранятся в
собрании Третьяковской галереи (см. кн.: М. Ларионов, Н. Гончарова. Парижское
наследие в Третьяковской галерее. М., 1999). См. также: Портрет Н.С. Гумилева
Н.С. Гончаровой (1881–1962) в собрании Дж. Стюарта. Воспроизведен в кн.: Марков
В.Ф. История русского футуризма. СПб., 2000.
31
Впервые – «Записные книжки» С. 727. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115).
32
Впервые – «Записные книжки» С. 727–728. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115).
...Руссо говорил: «Я лгу только там, где не помню». – Ж.Ж. Руссо. Эмиль, или О
воспитании (1762). Кн. 3.
33
Впервые – «Записные книжки» С. 667. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).
ИЗ «БЕГЛЫХ ЗАМЕТОК» ТРАГЕДИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО
Впервые – Лямкина С. 389. Более полный текст – «Записные книжки». С. 282–283.
Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).
Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909) – поэт, критик, переводчик, педагог.
В 1879 г. окончил Петербургский университет по словесному разряду
историко-филологического факультета с правом преподавать древние языки. Вся

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
жизнь служил по ведомству народного про-свещения. Читал лекции по исторической
грамматике на Высших женских Бестужевских курсах. В1896–1905 гг. – директор
Николаевской гимназии в Царском Селе. Среди его учеников – Н.С. Гумилев, Н.Н.
Пунин, С. Горный и др. Всесторонняя образованность, восприятие искусства
по-эзии, живописи, скульптуры, музыки в их синтетичности отразилось на
восприятии мира его учениками. Автор кни-ги «Тихие песни» (1904). В 1906 г.
вышел том Еврипида в переводе Анненского с его глубоким толкованием пьес. Из
пьес самого Анненского, модернизовавшего античные сюжеты, особое внимание
привлекла «Фамира-Кифаред» (написана в 1906 г., издана в 1913 г.),
предполагалась к постановке театром А.Я. Таирова одновременно с «Крес-том и
розой» Блока. В 1906 г. вышел сборник литератур-но-критических статей «Книги
отражений».

В Царском Селе Анненский был окружен обожани-ем старших гимназистов. Несмотря на
разницу лет и поло-жения, был связан с Гумилевым отношениями, полными взаимного
понимания и уважения. Написанный Г.В. Ада-мовичем рассказ «Вечер у Анненского»,
несмотря на воль-ную беллетризацию событий мемуаристом, передает атмос-феру
отношений Учителя с учениками: «Кабинет Анненс-кого находился рядом с передней.
Ни один голос не доле-тал до нас, пока мы снимали пальто, приглаживали воло-сы,
медлили войти. Казалось, Анненский у себя один. Гос-ти, которых он ждал в этот
вечер, и Гумилев, который дол-жен был поэту нас представить, по-видимому, еще не
при-шли. Дверь открылась. Все уже были в сборе. Но молча-ние продолжалось.
Гумилев оглянулся и встал нам навстре-чу. Анненский с какой-то привычной и
опустошенной лю-безностью, приветливо и небрежно, явно отсутствуя и вы-сокомерно
позволяя себе роскошь не считаться с появле-нием новых людей, – или не понимая,
что именно этим он сразу выдаст им "диплом равенства", – Анненский про-тянул нам
руку. ... Гости считали, что надо что-то ска-зать, и не находили нужных слов.
Кроме того, что каждый сознавал, что лучше хотя бы для виду задуматься на
не-сколько минут и замечания свои сделать не сразу – им бу-дет больше весу, уже
повис в воздухе какой-то витиеватый комплимент, уже благосклонно щурился поэт,
давая понять, что ценит, и удивлен и обезоружен глубиной анализа, – как вдруг
Гумилев нетерпеливо перебил:

– Иннокентий Федорович, к кому обращены Ваши стихи?

Анненский все еще отсутственно улыбнулся.

– Вы задаете вопрос, на который сами же хотите от-ветить...

Гумилев сказал:

– Вы правы. У меня есть своя теория на этот счет. Я спросил Вас, кому Вы пишете
стихи, не зная, думали ли Вы об этом... Но мне кажется, что Вы их пишете самому
себе. А еще можно писать стихи другим людям или Богу. Как письма.

Анненский внимательно смотрел на него. Он уже был с нами.

– Я никогда об этом не думал.

– Это очень важное различие... Начинается со сти-ля, а дальше уходит в какие
угодно глубины и высоты. Если себе, то, в сущности, ставишь только условные
знаки, иерог-лифы: сам все разберу и пойму, знаете, будто в записной книжке.
Пожалуй, и к Богу то же самое. Не совсем, впро-чем. Но если Вы обращаетесь к
людям, Вам хочется, что-бы Вас поняли, и тогда многим приходится жертвовать,
многим из того, что лично дорого.

– А Вы, Николай Степанович, к кому обращаетесь Вы в своих стихах?

– К людям, конечно, – быстро ответил Гумилев. Анненский помолчал.

– Но можно писать стихи и к Богу... по Вашей тер-минологии... с почтительной
просьбой вернуть их обрат-но, они всегда возвращаются, и они волшебнее тогда,
чем другие... Как полагаете Вы, Анна Андреевна? – вдруг с живостью обернулся он
к женщине, сидевшей вдалеке в глубоком кресле и медленно перелистывавшей
какой-то старинный альбом.

Та вздрогнула, будто испугавшись чего-то. Насмеш-ливая и грустная улыбка была на
лице ее. Женщина стала еще бледней, чем прежде, беспомощно подняла брови,
по-правила широкий шелковый платок, упавший с плеч.

– Не знаю.

Анненский покачал головой.

– Да, да... "есть мудрость в молчании", как говорят. Но лучше ей быть в слове. И
она будет...» (А д а м о – в и ч Г. Вечер у Анненского//Николай Гумилев в
вос-поминаниях. С. 142–144).

Возможно, с этим некогда состоявшимся разговором в старой директорской квартире
Анненского связан воз-мущавший позже Ахматову миф, переадресованный Бло-ку,
будто бы сказавшему об Ахматовой на «башне» Вяч. Иванова: «Надо писать стихи,
словно ты стоишь перед Богом, а она их пишет, словно стоит перед мужчиной».
Ахматова считала И.Ф. Анненского «Учителем» (см. стихотворение «А тот, кого
Учителем считаю...»), не раз подчеркивая, «что-то стала понимать в поэзии»,
когда про-чла в Брюлловском зале Русского музея переданную ей Н.С. Гумилевым

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
корректуру «Кипарисового ларца», по-смертно изданной книги Анненского (М., 1910).

В.С. Срезневская вспоминает: «Когда Иннокентию Федоровичу Анненскому сказали, что брат его женится на старшей Горенко, он ответил: «Я бы женился на младшей». Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани» («Десятые годы». С. 34).

Можно сказать, что Ахматову в ее долгой и трагической жизни сопровождали три великие тени: Гумилев, Анненский, Пушкин, с ними, с их творчеством связана пока еще до конца не прочитанная многослойность ахматовской тайнописи. Среди утраченных работ, восстановить которые стремилась, но не смогла Ахматова, одно из главных мест занимает «Трагедия Анненского».

В записях П. Лукницкого от 17 января 1926 г.: «АА показывала мне сегодня свою работу о взаимоотношениях Анненского и Гумилева и о влиянии Анненского на Гумилева. Работа – в виде подробнейшего плана – сделана превосходно: ни одна мелочь, ни одна деталь не ушла из внимания АА» (Л у к н и ц к и й, 2. С. 10). Под «трагедией» Анненского Ахматова имела в виду целый комплекс событий, случайных и закономерных, сопутствовавших крупным художникам. Она много раз вспоминала слова Вяч. Иванова о том, что именно ей суждено досказать «недосказанное» Анненским. Однако, не доверяя Иванову, никогда не говорила об этом серьезно. Внезапная смерть на пороге Павловского вокзала от сердечного приступа, как считала Ахматова, вызванная поступком редактора журнала «Аполлон» О.К. Маковского, вынудившего стихи Анненского из подготовленного к печати номера и заменившего их мистификаторством М. Волошиной и Е.И. Дмитриевой (Черубины де Габриак), – тоже лишь часть трагедии. Истинный ее масштаб Ахматова видела в непризнании при жизни поэта, который определил, по ее убеждению, звучание всей русской поэзии XX в. Собирая материалы о Гумилеве, она одновременно пыталась найти все, что касается творчества Анненского, чтобы увековечить его память. См. запись Лукницкого от 10 декабря 1925: «Я говорил о том, как хорошо бы, если бы биографию Николая Степановича писал не я, а АА. На это она мне ответила, что она даст себе другое задание – написать две-три статьи (об Анненском одну, другую о Бодлере, третью – о всех остальных поэтах, влиявших на Гумилева), и что если бы ей это удалось, она была бы вполне удовлетворена. "А писать о том, какие у него были романы, – пошутила АА, – подумайте, как это мне по меньшей мере неудобно..."»

Опять говорили об Анненском, о том, какой он "высокий", хороший, большой поэт. Он очень поздно начал, Анненский, и АА не жалеет, что неизвестны его ранние стихи, – есть данные предполагать, что они были очень плохими. Об отношении АА к Анненскому, о том, как она его любит, чтит, ценит – говорить не приходится. И однако, АА его не переоценивает. Она знает, что у него часто бывали провалы – рядом с прекрасными вещами. АА привела в пример два-три слова. И между прочим, АА считает, что его трилистники (система расположения) – очень неудачный, очень декадентский прием, и АА огорчена, что В. Кривичу даже мысль в голову не пришла о том, что следует эти трилистники разбить и расположить стихотворения в хронологическом порядке, и только из уважения к памяти Анненского в примечаниях указать, что такое-то стихотворение было включено в такой-то трилистник. А оставив такое расположение и не сумев установить даты стихов, В. Кривич совершенно лишил исследователей возможности изучать творчество Анненского (и АА привела фразу о том, что часто бывает у поэтов: чем зреее стихи творческой жизни, тем больше увеличивается количество эонов, и как их изучать у Анненского, когда не знаешь дат стихов?).

АА говорила о том, что в 9 году взаимоотношения Гумилева и Анненского, несомненно, вызвали влияние как одного на другого, так и другого на первого. Так, теперь уже установлено, что в литературные круги, в "Аполлон", вообще в литературную деятельность втянул Анненского Гумилев, что знакомству Анненского с новой поэзией сильно способствовал Гумилев...» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 303–304).

С Осипом я говорила об Анненском не-сколько раз. – Мандельштам рассказывал Ахматовой, «что был у Анненского, и тот, как ни странно, дал ему совет переводить. 3 декабря 1911 г. на заседании «Общества ревнителей художественного слова», посвященном памяти Анненского (под председательством Вяч. Иванова), Мандельштам говорил об Анненском как о «поэте отливов дионисийского чувства» (Русская художественная летопись. 1911. № 20. С. 321). На по-смертно напечатанную в 1913 г. пьесу Анненского «Фамира-Кифаред. Вакхическая драма» Мандельштам откликнулся рецензией (День. СПб., 1913. 8 октября), где отметил «чудесные ремарки, в выразительности не уступающие тексту», как бы предвидя искусство ремарок Ахматовой в «Поэме без героя».

Знала ли Анненского М. Цветаева, не знаю. – М.И. Цветаева знала и часто цитировала И. Анненского. Одним из ее любимых было стихотворение «Невозможно».

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова. См., например: «Знал еще, что если бы мог, он, Пугачев, его, Гринева, так бы не любил. Что именно за эту невозможность его так и любит. Здесь во всей полноте звучит бес-смертное анненское слово: "Но люблю я одно – невозмож-но"» (т. 5. С. 502). См. также суждение Цветаевой об Ан-ненском в одном из писем Пастернаку (от 14 (19?) июля 1925 г.). В ответ на его реплику: «Первым был Брюсов, Анненский не был первым», – Цветаева утверждает право поэта быть не «первым» и не «вторым», но единственным, меняя, однако, местоположение, предложенное Пастернаком: «У первого есть второй. Единственный не бывает пер-вым (Анненский, Брюсов)» (Ц в е т а е в а М.Т. 6. С. 248).

...преклонение перед Учителем в стихах и прозе Гумилева. – Первые из посвященных Анненскому стихотворений Гумилева «Семирамида – светлой памяти И.Ф. Анненского», опубликовано в журнале «Аполлон» с редакционным некрологом поэта (Аполлон. 1909. № 3). Гумилев об Анненском – см.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. .. Бальмонт и Брюсов сами завершили ими же на -чатое... – Ахматова размышляет о судьбах русского сим-волизма, представителями двух поколений которого были Бальмонт и Брюсов.

...ливни, хлещущие на страницах книг Б. Пастернака... – См. книги Пастернака «Поверх барьеров» (М., 1917), «Сестра моя, жизнь, «лето 1917 года» (М., 1922) и др.

«Деду Лиду ладили...» – Неточная цитата из сти-хотворения «Колокольчики» (третья часть «Песни с деко-рациями»: «Глухая дорога. Колокольчик в зимнюю ночь рассказывает путнику свадебную историю):

Динь-динь-динь,
Дини-динн...
Дидо Ладо, Дидо Ладо,
Лиду диду ладили,
Дида Лиле ладили,
Ладили, не сладили,
Диду надосадили...»

...своегораешника («шарики»)...) – Имеется в виду стихотворение «Шарики детские» из цикла «Трилистник балаганный»:

Шарики, шарики!
Шарики детские!
Деньги отецкие!

Покупайте, сударики, шарики!..

150 См. мою работу об «Евгении Онегине» и русской поэме. – По-видимому, работа не была написана. Однако к вопросу о новаторстве строфы «Евгения Онеги-на» и ее значении в развитии жанра поэмы в русской лите-ратуре Ахматова возвращалась не раз, с лаконичной точно-стью сформулировав мысль в беседе с известным литерату-роведом Д. Максимовым (Звезда. 1967. № 12. С. 189).

В начале 1965 г., уже после возвращения из Сици-лии, Ахматова дала интервью литературному критику, зна-току поэзии, Е. Осетрову, в те годы заместителю главного редактора журнала «Вопросы литературы», выразив свое отношение к Анненскому, как поэту, во многом определив-шему пути развития поэзии XX века. Известно, как не любила Ахматова прямой речи в вос-поминаниях или интервью. В публикации Е.И. Осетрова представлен, по сути, полуторастраничный монолог Ахма-товой об Анненском. Свою публикацию Осетров заклю-чил репликой: «Здесь я, по просьбе поэтессы, считаю нуж-ным отметить, что беседа воспроизводится по живой запи-си, кроме слов об Анненском и его воздействии на русскую поэзию, в интервью нет прямой речи Ахматовой» (ВА. 1965. № 4. С. 189).

Часть этой реплики, в несколько перефразированной форме, Ахматова привела в записной книжке под датой – январь 1965, фиксируя точку зрения, как можно полагать, высказанную бравшему у нее интервью Осетрову: «Здесь я еще раз считаю нужным напомнить читателю, что кроме слов об Анненском и его воздействии на русскую поэзию, – в моей статье нет прямой речи Ахматовой. Делаю это по ее требованию» («Записные книжки». С. 507). См. текст ин-тервью:

Как и у каждого поэта, у Ахматовой есть свои пристра-тия. – В последнее время, – говорит Анна Андреевна, – как-то особенно сильно зазвучала поэзия Иннокентия Анненского. Я нахожу это вполне естественным. Вспомним, что Александр Блок писал автору «Кипарисового ладца», цитируя строки из «Тихих песен»: «Это навсегда в памяти. Часть души осталась в этом». Убеждена, что Анненский должен занять в нашей поэзии такое же почетное место, как Баратынский, Тютчев, Фет.

– Вы считаете Анненского своим учителем?

– И не только я. Иннокентий Анненский не потому учи-тель Пастернака, Мандельштама и Гумилева, что они ему под-ражали, – нет. О подражании не может идти речи. Но назван-ные поэты уже «содержались» в Анненском. Вспомним, напри-мер, стихи Анненского из «Трилистника балаганного»:

Покупайте, сударики, шарики! Эй, лисья шуба, коли есть лишни. Не пожалей

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова пятишши: Запущу под самое небо – Два часа потом глазей, да в оба!
Сопоставьте «Шарики детские» со стихами молодого Ма-яковского, с его выступлениями в «Сатириконе», насыщенные подчеркнута простонародной лексикой... Если неискушенному читателю прочесть:
Колоколы-балаббы. Колоколы-балаболы. Накололи, намололи, Дале боле, дале боле... Накололи, намололи, Колоколы-балоболы.
Лопотуньи налетели, Болмоталы навязали. Лопотали – хлопотали, Лопотали, болмотали, Лопотали поломали, –
то он подумает, что это стихи Велимира Хлебникова. Между тем, я прочитала «Колокольчики» Анненского. Мы не ошибем-ся, если скажем, что в «Колокольчиках» брошено зерно, из которого затем выросла звучная хлебниковская поэзия.
Щедрые пастернаковские ливни уже хлещут на страницах «Кипарисового ларца». Истоки поэзии Николая Гумилева не в стихах французских парнасцев, как этот принято считать, а в Ан-ненском. Я веду свое «начало» от стихов Анненского. Его твор-чество, на мой взгляд, отмечено трагизмом, искренностью и ху-дожественной цельностью... (Вл. 1965. № 4. С. 186).

ПАСТЕРНАК

С Борисом Леонидовичем Пастернаком (1890– 1960) Ахматова познакомилась в январе 1922 г. Предпо-лагала написать о нем новеллу для книги «Листки из днев-ника». «Я должна написать о Борисе», – замечает она уже после того, как закончила главу о Лозинском, совсем неза-долго до смерти. В ее рабочих тетрадях имеются отрывки и маргиналии к этой ненаписанной главе, а также посвящен-ные Пастернаку стихи. Ахматова включила в цикл «Венок мертвым» рядом со стихами, обращенными к писателям «страшного пути», триптих «Борису Пастернаку»: «1. И снова осень валит Тамерланом» (1947. Фонтанный Дом); 2. «Умолк вчера неповторимый голос»; 3. «Словно дочка слепого Эдипа» (И июня 1960. Москва. Боткин-ская больница).
В 1928 г. Пастернак написал стихотворение «Анне Ахматовой»: «Мне кажется, я подберу слова, // Похожие на вашу первозданность...». Он подготовил две рецензии на сборник стихотворений Ахматовой, вышедший в Таш-кенте в 1940 г. (рецензии не были приняты в печать и ос-тались в архиве поэта – см.: Пастернак Б. Т. 4. С. 289, 388), а также развернутую рецензию на книгу Ах-матовой «Из шести книг», появившуюся после семнадца-тилетнего перерыва (там ж е. Т. 5. С. 387). Письма Па-стернака к Ахматовой свидетельствуют о его внимании и заботе. Известна роль Пастернака в освобождении Л.Н. Гумилева после первого ареста и тогда же арестован-ного Н.Н. Пунина. Сохранились заметки Пастернака на од-ном из экземпляров списка «Поэмы без героя» (РГАЛИ), в «Прозе о поэме» Ахматовой много раз приводит опреде-ления Пастернаком танцевальной сущности Поэмы, что для нее, необыкновенно важно. И наконец, чисто личные за-метки о «безалаберной» и пылкой влюбленности в нее Па-стернака, к чему она всерьез не относилась.
Ахматова называла стихи Пастернака «вершиной классики XX века» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 323). К ро-ману «Доктор Живаго» отнеслась скептически, сказала: «Борис провалился в самого себя. Оттого и роман плох, кроме пейзажей», однако включенные в роман стихи нахо-дила великолепными. Отрицательное отношение к роману отчасти объяснялось и предчувствием роковых последствий, связанных с развернувшейся вокруг писателя травлей.

1

Впервые – «Записные книжки». С. 83. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 99).

152 ...боюсь, что меня готовят к его концу. –

Б.Л. Пастернак умер 30 мая 1960 г. на своей даче в Пере-делкине.

...он плакал, когда ему сказали, что я приез-жала узнать о его здоровий. – Л.К. Чуковская вспоми-нает: «И вот я опять веду Анну Андреевну по тому же дво-ру. Пусто. Мрачно. Анна Андреевна ступает с трудом, за-дыхаясь. Взошли на крыльцо – правое, кухонное. ... Нина Александровна (Табидзе), рассказывая, пошла нас проводить до ворот. Говорит, что сегодня Борису Леони-довичу лучше. Анна Андреевна с измученными глазами еле сделала шаг вверх: в машину, внутрь. Все труднее и труд-нее с каждым месяцем дается ей этот единственный шаг. В машине она сказала:

– Я так рада, что побывала здесь. Надеюсь, ему пе-редадут. (В последнее время она была недовольна Бори-сом Леонидовичем, и, я думаю, сейчас ее это точит)» (Ч у -к о в с к а я, 2. С. 386).

Маруся – возможно, М.С. Петровых. 2

Впервые – Лямкина. С. 388, с сокращениями. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

Я сказала Пастернаку: «Вы должны напи-сать Фауста». – Над переводом «Фауста» Пастернак работал в 1940-е гг., эта работа была отложена из-за того, что Пастернак начал писать роман «Доктор Живаго».

Не оттуда ли слово доктор при Живаго? – Пред-положение Ахматовой подтверждается и биографом Пас-тернака, его сыном Е.Б. Пастернаком: «Среди смысловых обертонов названия "Доктор Живаго" отчетливо различим и "Доктор Фауст", который должен

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова "все обнять, все испытать, все выразить"» (П а с т е р н а к Б. Т. 3. С. 664). «Второе рождение» заканчивает первый период лирики. – Имеется в виду книга стихов «Второе рождение» (1930–1931). Ктому же «грудная клетка», дамская доля и т.д. – Реминисценции из стихов Б. Пастернака (1931):

...«Грудная клетка» – Из стихотворения «Борису Пильняку» (первая публикация – Новый мир. 1931. № 4, с названием «Другу»):
Иль я не знаю, что, в потемки тычась, Вовек не вышла б к свету темнота, И я – урод, и счастье сотен тысяч Не ближе мне пустого счастья ста?
И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не подымаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?
Напрасно в дни великого совета, Где высшей страсти отданы места, Оставлена вакансия поэта: Она опасна, если не пуста.
...дамская доля – из стихотворения «Весеннею по-рою льда...» (Второе рождение. Первая публикация – Новый мир. 1932. № 3):
...И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей,
И след поэта – только след
Ее путей, не боле,
И так как я лишь ей задет
И ей у нас раздолье,
То весь я рад сойти на нет В революционной воле...
Оба стихотворения написаны в пору, когда Пастернак, приступая к большой прозе, мучительно искал соот-ветствий между отношениями поэта к власти, революци-онных норм и индивидуальных судеб.
«Я написал 9 стихотворений...» – какие сти-хи Пастернак читал Ахматовой в дни ее приезда в Москву в начале июня 1941 г., не установлено.

3
Впервые – «Записные книжки». С. 188, 180. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104).
153 «Когда разгуляется» – последняя книга сти-хов Пастернака (1956–1959), стихи были напечатаны в журналах «Знамя» (1956. № 9) и «Новый мир» (1956. № 10).
Стихи Сталину... – См.: Пастернак Б. Т. 2. С. 619. Первая публикация – Известия. 1936. 1 января (см. также т. 2(1). С. 529–530).

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ
1
Впервые – «Записные книжки». С. 266–267. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).
В сохранившемся плане-оглавлении есть глава «Не-винная жертва» о Веронике Витольдовне Полонской (1908–1994), актрисе Художественного театра, возлюб-ленной Маяковского, упомянутой им в предсмертном пись-ме: «...Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская» (М аяковский В. Поли. собр. соч.: в 13 т. Т. 13. М., 1961. С. 138). Это упоминание внесло трагическую ноту в жизнь Полонской, в те годы состоявшей в браке с актером МХАТ Михаилом Михайловичем Яншиным (1902–1976). Из-за интриг она вынуждена была отказаться от права наследства, оставить работу в Художествен-ном театре и долгие годы провести в провинции.
Ахматова хорошо знала В.В. Полонскую через акт-рису и режиссера Н.А. Ольшевскую. Разговоры с Полонской и знакомство с ее мемуарами, опубликованными лишь в 80-х гг. (см. Вл. 1985. № 5), определили интерес Ахма-товой к теме и понимание сложности задачи. Известно, что Ахматова резко отрицательно относилась к так называе-мому «бриковскому салону», сыгравшему, как она счита-ла, роковую роль в жизни Маяковского.
154 Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – фи-лолог, лингвист, взгляды которого на природу стиха и по-этического слова разделял Маяковский. Автор статей и книг о Маяковском, одна из которых называется: «Поко-ление, растерявшее своих поэтов» (Прага, 1931).
Замятин Евгений Иванович (1884–1937) – писа-тель. В июне 1931 г. обратился к И.В. Сталину с просьбой о разрешении на выезд из Советской России. В 1932 г. приехал в Париж. Ахматова была дружна с Замятым и его женой.
Нина – Н.А. Ольшевская.
...мемуары Вероники. – Полный текст мемуаров В.В. Полонской находится в Отделе рукописей Государ-ственного Музея В.В. Маяковского.
...«дружил» с МусейМалаховской (ей было поручено за ним следить). – Ахматова подозревала зав-сегдатаев «Бриковского салона» в прямой связи с ЧК.Муся Малаховская – Мария Валентиновна (урожд. Тернавце-ва), художница, была репрессирована в 1930-е гг.
Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) – историк, литературовед.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
155 Яковлева Татьяна Алексеевна (1906–1991) – художник-дизайнер. Адресат стихотворений «Письмо то-варищу Кострову из Парижа о сущности любви» и «Пись-мо Татьяне Яковлевой» (осень 1928, Париж). Маяковского с Т. Яковлевой познакомила в Париже Э. Триоле. Увлече-ние оказалось серьезным для поэта. История их отноше-ний до конца не прояснена. После смерти первого мужа виконта дю Плесси Яковлева вышла замуж за А. Либер-мана и в 40-х гг. переехала из Франции в США.

2

Впервые – «Записные книжки». С. 151. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 103)

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

В 1961–1962 гг., в пору работы над «Листками из днев-ника», Ахматова обращается к судьбе и образу Марины Цветаевой, своей «младшей» современницы, «взрыв» ин-тереса к которой проявился в обществе в годы «оттепели», после многолетнего забвения. В 1961 г. Ахматова заново переписывает стихотворение, адресованное Цветаевой, судя по датам (1940–1961) написанное после возвращения М.И. Цветаевой из эмиграции, но не врученное ей при встре-че. Можно полагать, что заглавие «Поздний ответ» появи-лось уже в 1961 г., при подготовке стихотворения к публи-кации. С этого времени и до последних страниц рабочих тет-радей в разных контекстах упоминается имя Цветаевой – и в художественных текстах (проза о «Поэме без героя», либ-ретто к балету по ее Первой части «Тысяча девятьсот три-надцатый год»), и в литературно-критических материалах, и в набросках к автобиографической прозе.

О поздней двухдневной (в начале июня 1941 г.) встре-че двух знаменитых поэтесс (обе называли себя не «по-этессами», но поэтами), в те годы уже «соперниц», сохра-нились воспоминания свидетелей.

Первая встреча (7 июня) состоялась у Ардовых на Ордынке, где останавливалась приехавшая из Ленинграда Анна Ахматова, вторая – в Марьиной Роще, у Н.И. Хар-джиева.

Э.Г. Герштейн записала со слов Н.А. Ольшевской: «– Нина, а как было с Цветаевой? Вы были дома, когда она пришла к Анне Андреевне?

– Ардов был знаком с Цветаевой по Дому творче-ства в Голицыне. Он сказал Анне Андреевне, что Марина Ивановна хочет с ней познакомиться лично. Анна Андре-евна после большой паузы ответила "белым голосом", без интонаций: "Пусть придет". Цветаева пришла днем. Я ус-троила чай...

Марина Ивановна вошла в столовую робко, и все вре-мя за чаем вид у нее оставался очень напряженным. Вско-ре Анна Андреевна увела ее в свою комнату. Они сидели вдвоем долго, часа два-три. Когда вышли, не смотрели друг на друга. Но я, глядя на Анну Андреевну, почувствовала, что она взволнована, растрогана и сочувствует Цветаевой в ее горе. Ардов пошел провожать Цветаеву, а Анна Анд-реевна ни слова мне не сказала о ней. И после никогда не рассказывала, о чем они говорили» (Герштейн. С. 480–481).

О второй встрече рассказал Н.И. Харджиев (при-сутствовали Т.С. Гриц, А.Е. Крученых, Э.Г. Герштейн): «...Мы беседовали главным образом о Хлебникове, кото-рого Цветаева высоко ценила. Ей был подарен том "Неиз-данных произведений Хлебникова", вышедший под нашей редакцией в 1940 году. ...

Марина Ивановна говорила почти непрерывно. Она часто вставала со стула и умудрялась легко и свободно хо-дить по моей восьмиметровой комнатенке.

Меня удивлял ее голос: смесь гордости и горести, сво-еволия и нетерпимости. Слова "падали" стремительно и беспощадно, как нож гильотины.

Она говорила о Пастернаке, с которым не встреча-лась полтора года ("он не хочет меня видеть"), снова о Хлебникове ("продолжайте свою работу"), о западное-ропейских фильмах и о своем любимом киноактере Петере Лорре, который исполнял роли ласково улыбающихся му-чителей и убийц. Говорила и о живописи, восхищалась за-мечательной "книгой о художниках" Кареля ван Мандера (1604), изданной в русском переводе в 1940 году.

– Эту книгу совету ю прочесть всем, – почти строго сказала Марина Ивановна. Анна Андреевна была молчалива.

Я подумал: до чего чужды они друг другу, чужды и несовместимы.

Когда Цветаева, сопровождаемая Т. Грицем, ушла, Ахматова сказала:

– В сравнении с ней я телка. Я рассмеялся:

– Но у Вас есть одно важное преимущество, кото-рого нет у Цветаевой. Ваши стихи совсем не виртуозны.

На этом – "без легенды" – можно закончить исто-рию последней встречи двух поэтов» (Х арджиев Н. Печ. по тексту ВЛ. 1989. № 6).

1

Впервые – Виленкин В. Воспоминания с ком-ментариями. М., 1982. С. 436. Печ. по указанному изда-нию. В.Я. Виленкину Ахматова так же говорила об этих двух, или одной «двухдневной», встрече.

156 См. «Поэму воздуха». – В январе 1963 г. по просьбе литератора Н.И. Ильиной

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова вновь расска-зала об обстоятельствах встречи, назвав подаренную ей М.И. Цветаевой «Поэму Воздуха» «вещью сложной, кри-зисной» (И л ь в н а И. Дороги и судьбы. М., 1988. С. 355). Ахматова настойчиво связывает мотивы любви и ги-бели в поэмах Цветаевой с шекспировскими образами и кол-лизиями. Готовясь уйти из жизни, Клеопатра произносит:
Я – воздух и огонь; освобождаюсь От власти прочих, низменных стихий...
(В. Шекспир. Антоний и Клеопатра. Акт V, сц. 2).
...как говорит у Шекспира Клеопатра об Антонии:
В голосе его Гармония небесных сфер звучала,
...В своих забавах Не опускался никогда на дно, Но, как дельфин, резвясь, всплывал наверх...

(Т а м ж е)

2

Впервые – «Записные книжки». С. 278. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 107).
Здесьшний вечер – полемическая отсылка к эссе М. Цветаевой «Нездешний вечер» (опубл. в журн. «Со-временные записки». Париж. 1936. № 61). Заглавие, в свою очередь, заимствовано Цветаевой из книги стихов М.А. Кузмина «Нездешние вечера» (Пг., 1921). Ахмато-ва хорошо знала, по-видимому, этот очерк Цветаевой, по-священный с любовью и восторгом Кузмину, что не могло не вызвать ее негативного отношения. К этому времени уже полностью определилась концепция «Поэмы без героя», где Кузмин представлен в самой зловещей «маске» ново-годнего маскарада; в прозе к «Поэме без героя», написан-ной в виде театральных картин, в одной из них с названием «Маскарад. Новогодняя чертовня», среди гостей – «и при-ехавшая из Москвы на свой "Нездешний вечер" и все на свете перепутавшая Марина Цветаева» (Т. 3. С. 266).

...«лохмотья сиротства»... – из стихотворения Ахматовой «Сослужу тебе верную службу...» (1921).

Московский Кремль... – Очевидно, имеются в виду строки из цикла цветаевских стихов, обращенных к Ахма-товой: «...И я дарю тебе свой колокольный град» («О Муза плача, прекраснейшая из муз!..»).

Переписала своей рукой «П о э м у воздуха» (в 1941г.)– «Поэма Воздуха» была опубликована в журн. «Воля России». Прага. 1930. № 1.

...щедро посвящала стихи. – Цикл стихотворений «Ахматовой» был написан в июне 1916 г. См. также сти-хотворение, датированное 11 февраля 1915 г. – «Анне Ах-матовой» (Ц в е т а е в а М. Т. 1. С. 235).

Прочитанный Ахматовой в одну их этих встреч ран-ний вариант «Поэмы без героя» не понравился Цветаевой, о чем она и сообщила Ахматовой (см.: Соч., 3. С. 240–241), увидев в поэме, как поняла Ахматова, «мирикусни-ческую стилизацию в духе Бенуа и Сомова...».

157 Эмма – Э.Г. Герштейн.

ГрицТеодор Соломонович (1905–1959) – писатель, литературовед. Вместе с Н.И. Харджиевым подготовил издание «Новое о Хлебникове» (М., 1935).

...как Пастернак искал шубу для Зины... – Зина – Зинаида Николаевна Пастернак (1894–1966), жена Б.Л. Пастернака (в первом браке Нейгауз). Встреча Пас-тернака с М. Цветаевой относится к 1935 г., когда в Пари-же проходил Международный конгресс писателей в защи-ту культуры.

Э.Г. Герштейн вспоминает: «На табуретках сидели друг против друга: у стола – Анна Андреевна, такая до-машняя и такая подтянутая со своей петербургской осан-кой, а на некотором расстоянии от нее – нервная, хмурая, стриженная, как курсистка, Марина Цветаева. Закинув ногу на ногу, опустил голову и смотря в пол, она, что-то постоянно монотонно говорила, и чувствовалась в этой ма-нере постоянно действующая сила, ничем не прерываемое упорство. Вскоре все поднялись, и невысокая Цветаева показалась мне совсем другой. Надевая кожаное пальто, она очень зло изобразила Пастернака в Париже, как бес-помощно он искал платье "для Зины". Он попросил Ма-рину Ивановну мерить на себя, но спохватился: не подой-дет, "у Зины такой бюст!..". И она изобразила комическое выражение лица "Бориса" при этом, и осанку Зинаиды Николаевны ("красавица моя, вся статья")» (Ге р ш т е й н. С. 499).

158 Про Бальмонта... – Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1941) – поэт-символист, переводчик, эссеист. Жена Бальмонта – Цветковская Елена Констан-тиновна (1880–1943; третья жена поэта). Э.Г. Герштейн вспоминает: «Не знаю, как перешел разговор на Бальмонта, и Цветаева описала горестную сцену в Париже. Состарив-шийся поэт, видимо, случайно получил много денег. Марина Ивановна видела в ресторане или в каком-то кафе, как он выбирал по карте дорогие вина, а жена судорожно прижи-мала к груди потрепанный портфельчик, набитый деньгами. Эта жалкая сцена была разыграна Цветаевой с мгновенной острой выразительностью...» (Герштейн. С. 500).

Цветаеву с Бальмонтом еще с московских времен и до ее отъезда в Россию (март

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (1940) связывали сердечные дру-жеские отношения. 24 апреля 1936 г. на благотворительном вечере, приуроченном к пятидесятилетию творчества Баль-монта, Цветаева произнесла свое «Слово о Бальмонте».

PRO DOMO SUA

1

Впервые – Мандрыкина. С. 60, по автогра-фу – РНБ. Печ. по указанному изданию.

2

Впервые – Мандрыкина. С. 60–61, по авто-графу РНБ. Другой вариант – журн. «Нева». 1979. № 6. С. 197. Печ. по кн.: Хейт. С. 250.

161 «Царь-Гриб» (Гунгербург, 1895), «Мишка – будка, морда – окошко» (Киев, 1893). – Ахматова поз-же (1964?), продолжая работу над книгой автобиографи-ческой прозы, внесла эти обозначенные в наброске эпизо-ды в биографический фрагмент, вписанный в РТ 112.

3

Впервые – Мандрыкина. С. 61, по автогра-фу РНБ. Печ. по указанному изданию. В марте 1964 г. Ахматова включила .этот отрывок в свои размышления о природе автобиографической прозы.

162. ..убрать грибоедовскую цитату... – «Рассуд-ку вопреки, наперекор стихиям» (Грибоедов А.С. Горе от ума).

4

Впервые – Мандрыкина. С. 75–76, по ав-тографу РНБ. Печ. по кн.: Хейт. С. 253. ...написала в «Эпilogue»: «Живу как в чужом мне приснившемся доме, // где, может быть, я умер-ла...» – Начало второй строфы стихотворения «Пусть кто-то еще отдыхает на юге» (1956, Комарове). По-видимо-му, эта 10-я часть цикла «Шиповник цветет» мыслилась в то время как его заключительная часть, т.е. «Эпilogue».

5

Впервые – Мандрыкина. С. 62, 74, по авто-графу РНБ. Печ. по указанному изданию.

6

Впервые – Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С. 137.

В одном из вариантов автобиографии (25 мая 1960 г.) Ахматова записала: «Я вспоминала, как дрожали руки у студента-репетитора, когда он приехал зимой в Царское

Село и рассказывал о 9 января». Р.Д. Тименчик дал ком-ментарий к воспоминанию Ахматовой: «Репетитор брата – Иван Васильевич Селивестров (1882–1942). Был близок к революционному движению. Сидел в «Крестах». В 1920-х годах – один из основателей Нижегородской радиотех-нической лаборатории. Умер в блокаду, похоронен в общей могиле» («Десятые годы». С пропуском «после 9 янва-ря». Помета Ахматовой. С. 33).

7

Впервые – Мандрыкина. С. 73, по автогра-фу – РНБ. Печ. по указанному изданию. Начало фрагмента в несколько измененном виде по-вторено в других

автобиографических отрывках. В черно-вых набросках – пометы: «Вступление», «Начало биогра-фии».

164 Дудкой Ахматова называла дачу Саракени, под Одессой, место, где родилась. Дачу в Комарове, предос-тавленную ей в 1955 г. Литературным фондом, она тоже называла Будкой.

«Крейцера соната». – Крейцер (Крейцер) Ру-дольф (1766–1831) – музыкант, дирижер, композитор, один из основателей французского скрипичного искусства. Как скрипач пользовался всемирной известностью. Бет-ховен посвятил ему сонату для скрипки и фортепьяно, ко-торая получила название «Крейцеровой». В 1889–1890 гг. Л.Н. Толстой написал повесть «Крейцера соната», рас-пространявшуюся в рукописи и вызвавшую острую поле-мику еще до появления в печати.

Иванова ночь – ночь под Ивана Купалу, один из главных праздников календаря (день летнего солнцестоя-ния – 24 июня по ст.ст.). В эту ночь у славян проходили языческие игрища, сопровождаемые магическими ритуа-лами, связанные с изгнанием ведьм и нечистой силы.

Мотовилова Анна Егоровна (в замуж. Стого-ва; 1817–1863) – бабушка Ахматовой по материнской линии, мать которой Прасковья Федосеевна происходила из семьи симбирских дворян Ахматовых. По семейному преданию, не подтвержденному историческими сведения-ми, Ахматовы вели свой род от татарского хана Ахмата, убитого в 1482 г. Княжеского титула Ахматовы не носили.

Лустдорф – дачная местность под Одессой, ныне поселок «Черноморка» в черте города.

8

Впервые – Мандрыкина. С. 71, в усеченном виде; полностью – «Нева». С. 199, по автографам РНБ. Печ. по кн.: Хейт. С. 219.

165 Когда (в прошлом году) ставили в кино горь -ковскую «Мать»... – В 1956 г. на экраны вышел фильм по роману М. Горького «Мать» (режиссер М.С. Донской) с А.В.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова Баталовым в главной роли.

9

Впервые – Мандрыкина. С. 59–60, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию. «Дочь Фауста»... – Ахматова отсылает к роману Альфонса Доде (1840–1897) «Жак» (1876) – первому большому французскому роману о детях, их восприятии действительности. См. также упоминание о другом его романе «Малыш» (см. с. 708 настоящего издания).

10

Впервые – Мандрыкина. С. 63, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию. 166 ...замоскворецкое житие... – в квартире Ардовых, где Ахматова подолгу жила: Большая Ордынка, дом 17, квартира 13.

Здесь северно очень, и осень в подруги// Я выбрала в этом году... – Из цикла «Шиповник цветет» («Пусть кто-то еще отдыхает на юге...», 1956).

и

Впервые – Тименчик Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. С. 67–68. Печ. по указанному изданию.

166 Пьянея звуком голоса, // Похожего на твой. –

Их стихотворения «Белой ночью» (6 февраля, 1911).

Шиповник в цикле «Шиповник цветет» действительно одуряющее благоухал... – Из стихотворения «По той дороге, где донской...» (18 августа 1956, Стар-ки, цикл «Шиповник цветет»): «Шиповник так благоухал, / Что даже превратился в слово».

12

Впервые – «Ленинградская панорама». 1984. С. 477–478, публикация Л.А.

Мандрыкиной, по автографу РНБ. В автографе помета: «Написано в коричневой тетради зимой 1942–45 гг. в Ташкенте – восстановлено в 1957 г. в Комарове летом». Печ. по кн.: Хейт. С. 217–218.

Сохранились черновые записи, с отрывками, не вошедшими в первую публикацию. Например, отрывок, датированный 1957 г.:

Говорили, что когда-то, до железной дороги, в этом доме было нечто вроде трактира или заезжего двора при въезде в город. Я обрывала в моей желтой комнате обои (слой за слоем), и самый последний был диковинный – ярко-красный. Вот эти обои были в том трактире сто лет назад, – думала я. В подвале жил сапожник Б. Неволин – теперь бы это был кадр исторического фильма.

Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нем прошло мое детство (нижний этаж) и ранняя юность (верхний). Примерно половина моих снов происходит там. Мы уехали из него весной 1905 года. Тогда же он был перестроен и потерял свой старинный вид. Теперь его уже давно нет и на этом месте разведен привокзальный парк или что-то в этом роде. (Я последний раз была в Царском Селе в июне 1944 года.) Нет и дачи Тура («Отрада» или «Новый Херсонес») – три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки», нет и Слепнева 1911–1917 годов, от которого осталось только это слово под моими стихами в «Белой стае» и «Подорожнике», но, вероятно, это в порядке вещей...

Иногда Ахматова называла этот очерк по-другому: «Дому было сто лет».

В.Я. Виленкин, развернувший свое сопоставление очерка с «Царскосельской одой» (1961), видел в «Доме Шухардиной» начало автобиографической прозы Анны Ахматовой. Сохранилось и ее свидетельство (РНБ, РГАЛИ), записанное в одну из поздних тетрадей с пометой: «8 марта 1964 Москва. Легендарная Ордынка»:

...В Ташкенте от эвакуационной тоски написала «Дому было сто лет», там же в тифозном бреду все время слушала, как стучат мои каблучки по царскосельскому Гостиному двору – это я иду в гимназию. Снег вокруг собора потемнел, кричат вороны, звонят колокола, кого-то хоронят. Он будет в своем гробу ждать погребения под собором (там склеп) – мне страшно, у меня тиф, я в Ташкенте. 168 «Я лопухи любила и крапиву...» – Из стихотворения «Ива» (18 января 1940). 169 «Заблудившийся трамвай» – одно из последних стихотворений Н.С. Гумилева (1920).

Отец не сошелся характером с великим князем Александром Михайловичем... – Романов Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь, внук Николая I, адмирал и генерал-адъютант. В 1901–1905 гг. – главноуправляющий торговым мореплаванием и портами.

Клевер Юлий Юльевич (1850–1924) – живописец; его сын Клевер Оскар Юльевич (1887–1975) – график, театральный художник.

/ 70 ...на Малой улице в доме Иванова умер великий русский поэт Тютчев. – 19 мая 1873 г. больного Тютчева перевезли на лето из Петербурга в его любимое Царское Село. Ранним воскресным утром 15 июля поэт скончался. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге.

...нате места, где тень безутешная ищет меня... – относится к Н.С. Гумилеву. См. в «Реквиеме»: «Ни в царском саду у заветного пня, // Где тень безутешная ищет

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «меня».

13

Впервые – БП. С. 505–506, по автографу РНБ, публикация В.М. Жирмунского. Печ. по автографу РНБ. Фрагмент примыкает к очерку «Дом Шухардиной».

170 ...гвардейские офицеры... напоминая брата Вронского, то есть «с пьяными открытыми лицами»... – см.: Л. Толстой. Анна Каренина. Ч. 2, гл. XXIV.

14

Впервые – Мандрыкина. С. 63, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

15

Впервые – Мандрыкина. С. 63, по автографу РНБ. В другой редакции – «Записные книжки». С. 555. Печ. по указанным изданиям.

«Охранная грамота» – биографическая проза Б. Пастернака (1931).

«Шум времени» – биографическая книга О. Ман-дельштама (1925).

16

Впервые – Соч., 1986. С. 248, публикация Л.А. Ман-дрыкиной – по автографу РНБ. Печ. по кн.: Хейт. С.245.

172 ...художники-мирискусники... – Имеются в виду художники, объединившиеся в союз «Мир искусства» (конец 1890–1900 гг.): АН. Бенуа, К.А. Сомов, СП. Дягилев, Е.Е. Лансере, М.В. Нестеров, А.П. Остроумова-Лебедева и др. На выставках и в журнале «Мир искусства» значительное место занимали пейзажи Петербурга.

«Плохая им досталась доля...». – Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино».

17

Впервые – Мандрыкина. С. 71, по автографу РНБ. Печ. по кн.: Хейт. С. 246–247.

173 Статья Льва Успенского. – См. журн. «Звезда». 1957. № 6, под названием «Из записок старого петербуржца». Успенский Лев Васильевич (1900–1978) – писатель, автор книги «Слово о словах» и других научно-популярных изданий о русском языке, повестей, рассказов.

Мария Федоровна – супруга императора Александра III, мать Николая II. С 1894 г. – вдовствующая императрица.

18

Впервые – Мандрыкина. С. 74, по автографу РНБ. Печ. по кн.: Хейт. С. 246–247.

19

Впервые – Мандрыкина. С. 61, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.

175 О незабываемом 19 г. – «Незабываемый 1919» – пьеса Вс. Вишневского (1949), была экранизирована. В начале 1950-х гг. на экраны вышел одноименный фильм М.И. Чиатурели, романтизовавший события гражданской войны и роль Сталина в ее победном завершении. Ахматова обыгрывает название фильма, напоминая о жизни Петрограда первых революционных лет. См.: Гиппиус З. «Черная книжка» (1919): «Деревянные дома приказано снести на дрова. О, разрушать живо, разрушать мастера. Разломают и растаскают. Таскают и торцы. Сегодня сама видела, как мальчишка с невинным видом разбирает мостовую. Под торцами доски. Их еще не трогают. Впрочем, нет, выворачивают и доски, ибо кроме «плешин» – вынутых торцов, – кое-где на улицах есть и бездонные ямы. ... Косит дизентерия. Направо и на-лево. Нет дома, где нет больных. В нашем доме уже двое умерло. Холера только в развитии. ... Арестованная (по доносу домового комитета, из-за созвучий фамилий) и через 3 недели выпущенная, Ел. (близкий нам человек) рассказывает, между прочим:

Расстреливают офицеров, сидящих с женами вместе, человек 10–11 в день. Выводят на двор, комендант, с папиросой в зубах считает, – уводят. ... Проходя мимо тут же стоявших, помертвевших жен, шутил: "Вот вы теперь молодая вдовушка! Да не жалеете, ваш муж мерзавец был! В красной армии служить не хотел".

Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во «Всеобщее военное обучение». Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил (шутники эти комиссары!): "А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили!" ... Объявление так подействовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду. (Имя комиссара я знаю). ... Электричество – 4 часа в сутки, от 8–12 (т.е. 5–9 час. вечера)... большею частью сидим при крошечных ночниках, ибо керосин последний» (Гиппиус З. Дневники. М., 1999. Кн. 2. С. 209–210, 220–221, 233).

Не мудрено, что погребальным звоном... –

вариант первой строфы стихотворения, белой текст которого датирован 3 марта 1958 г.:

Не мудрено, что похоронным звоном Звучит порой непокоренный стих. Пустынно здесь! Уже за Ахероном Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас не много, Последние, вы мне еще милей... Какой короткой сделалась дорога, Которая казалась всех длинней.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Лнахерон – Ахеронт (в некоторых редакциях Флегетон) – в греческой мифологии одна
из рек в Аиде, через которую Харон перевозит души умерших.

20

Впервые – Мандрыкина. С. 62, по автографу РНБ. Печ. по указанному изданию.
Физиологический очерк. – Возник в русской литературе 40-х годов XIX в. как
программный жанр «натуральной школы». Строился на точном, «дагеротип-ном»
воспроизведении картин и событий из жизни города.

21

Впервые – Соч., 1986. С. 245, публикация АА. Мандрыкиной. Печ. по указанному
изданию. Частично вошло в текст фрагмента 28.

«Песня последней встречи». – Из книги «Ве-чер», дата и место написания – 29
сентября 1911, Царское Село.

22

Впервые – Соч., 1986. С. 245, по автографу РНБ; с дополнением последней фразы –
«Десятые годы». С. 44–45, публикация Р.Д. Тименчика. Печ. по тексту кн. «Десятые
годы».

23

Впервые – Мандрыкина. С. 74, с дополнениями В.М. Жирмунского. БП. С. 451, по
автографу РНБ. Печ. по БП.

I/O ... если я видела все контрафакционные изда-пил... – т.е. издания,
выпущенные без согласия автора.

24

Впервые – Мандрыкина. С. 70, по черновому автографу РНБ. Печ. по указанному
изданию

176 Венский конгресс – международный конгресс 1814–1815 гг., завершивший войну
коалиций европейских держав с наполеоновской Францией провозглашением
Священного союза, закрепившего новое соотношение сил, при ведущей роли России и
Великобритании. Переговоры проходили в обстановке непрерывных балов, карнавалов
и театраль-ных представлений при выявившихся расхождениях между со-юзниками по
многим вопросам переустройства Европы.

Календарные даты значения не имеют. – Ср. «Поэма без героя», ч. I, гл. III:

А по набережной легендарной

Приближался не календарный – Настоящий Двадцатый Век.

25

Впервые – журн. «Нева». 1979. № 6. С. 199, по автографу РНБ, публикация Л.А.
Мандрыкиной. Печ. по указанному изданию.

...год Китайской революции... – Имеются в виду широкие народные волнения в
китайских провинци-ях, приведших к началу Синхайской революции и провозг-лашению
1 января 1912 г. Китайской республики.

...год блоковских записных книжек... – По-види-мому, Ахматова имеет в виду
первые записи о ней в «За-писных книжках» Блока.

177 Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности, академик.

...было много безвкусных людей (например, Се-верянин)... – Игорь Северянин
(наст, имя и фам. Лота-рев Игорь Васильевич; 1887–1941). Его стилизованные
стихи, или «Поэзы», отличались нарочитой претенциоз-ностью, однако пользовались
ошеломляющим успехом, который достигался во многом исполнительской манерой.

26

Впервые – журн. «Нева». 1979. С. 199–200, по автографу РНБ, публикация Л.А.

Мандрыкиной, с купю-рами. Печ. по автографу РНБ с восстановлением строки во
втором абзаце: после «на север»: висела большая ико-на – Христос в темнице.

177 Слепнево – родовое поместье матери Н. Гуми-лева – Анны Ивановны Гумилевой
(1854–1942), урожд-ной Львовой, расположенное в Тверской губернии.

«Царей портреты на стене» – неточная цитата из «Евгения Онегина», гл. II. У
Пушкина: «Царей портреты на стенах».

«Северные цветы» – альманах пушкинской поры, издавался в 1825–1831 гг. Антоном
Антоновичем Дель-вигом (1798–1831).

...барон Брамбеус – псевд. писателя Осипа Ивано-вича Сенковского (1800–1858). В
журнале «Сын отече-ства» в 1856–1858 гг. вел отдел «Листок барона Брамбе-уса».

Руссо Жан Жак (1712–1778) – французский фило-соф, писатель, композитор.

178 ...«такая скучная не золотая старина...» – Из

стихотворения Н. Гумилева «Старина» (1910).

...альбом Кузьминых-Караваевых... – Мария Александровна и Ольга Александровна.
Кузьмины-Кара-ваевы были внучками старшей сестры матери Н.С. Гуми-лева, Варвары
Ивановны Львовой (в замужестве Лампе; 1839–1921): «Обе сестры – прелестные,
светловолосые – как бы дополняли друг друга. Маша, спокойная, тихая, цветущей
внешности русская красавица, с чудесным цве-том лица, и только выступавший по
вечерам лихорадочный румянец говорил о ее больших легких. Ольга (ныне княги-ня
Оболенская) более оживленная, более блестящая, оча-ровала всех своим большим и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «очень красивым голосом» (М аковский С. Николай Гумилев (1886–1921)/ /Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 84). Список сти-хотворений Гумилева, вписанных в альбом сестер Кузьми-ных-Караваевых, приведен в Поли. собр. соч. Н.С. Гуми-лева (т. 2. С. 205–206).

Тетя Пофн. – Вера Неведомская вспоминает: «Меж-ду многочисленными тетушками, приезжавшими на лето в нашу усадьбу, была очаровательная тетя Пофинька. Ей было тогда 86 лет. В молодости у нее был какой-то бурный роман, в результате которого она не вышла замуж и законсервиро-валась, как маленькая, сухонькая мумия. На плечах всегда кружевная мантилька, на руках митенки, на голове кружев-ная косынка и поверх ее – даже в комнате – шляпа, чтобы свет не слепил глаза. Нам было известно, что тетя Пофинь-ка в течение 50 лет вела дневник на французском языке. Мы все – члены семьи и наши гости – фигурировали в этом дневнике, и Гумилеву страшно хотелось узнать, как мы все отражаемся в мозгу тети Пофиньки. Он повел регулярную осаду на старушку, гулял с нею по аллеям, держал шерсть, которую она сматывала в клубок, наводил ее на воспомина-ния молодости. Не прошло и недели, как он стал ее фавори-том и приглашался в комнату тети Пофиньки слушать вы-держки из заветного дневника. Кончился этот флирт весьма забавно: в одной из бесед тетя Пофинька ополчилась на ги-гантские шаги, которыми мы тогда увлекались, но которые, по ее мнению, были "неприличными". Для убедительности она рассказала ряд случаев – поломанные ноги, расшиблен-ные головы – все якобы на гигантских шагах. Николай Сте-панович слушал очень внимательно и наконец серьезно и за-думчиво произнес: "Теперь я понимаю, почему в Тверской губернии так мало помещиков: оказывается 50% их погибло на гигантских шагах!" Этой иронии тетя Пофинька никогда не простила Н.С. и дневник ее закрылся для него навсегда» (Н еведе мекая В. Воспоминания о Гумилеве и Ах-матовой/ /Николай Гумилев в воспоминаниях. С. 156–157).

Неведомские. – Неведомский Владимир Кон-стантинович, владелец Подобино; Неведомская В.А. (см. о ней коммент. к с. 101).

27

Впервые – Мандрыкина. С. 62, по автогра-фу РНБ. Печ. по указанному изданию.

28

Впервые – Х е й т. С. 221. В архивах и в частных коллекциях сохранилось несколько незавершенных наброс-ков, варьирующих публикуемый фрагмент начала автобиог-рафии. Наиболее полный текст см.: «Записные книжки». С. 79–83. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99). Представ-ляет собой один из набросков первой главы «Ненаписанной книги». В ходе работ, отказавшись от замысла свободного повествования, Ахматова избрала путь создания маленьких новелл, очерков, портретов, на что указывается в этой конс-пектной записи. Заканчивается строфой, обозначившей пе-реход к отрывку – «Запахи Павловского Вокзала».

179 Чилийка Мистраль. – Мистраль Габриела (наст, имя Лусила Годой Алькаята; 1889–1957) – чилий-ская поэтесса. Личная драма – самоубийство жениха – стало поводом для создания венка сонетов «Сонеты смер-ти» (1914). Второй сборник – «Тала» (1938). В 1945 г. Мистраль стала первым лауреатом Нобелевской премии в странах Латинской Америки. 23 марта 1964 г., вернувшись к работе над первой частью автобиографической прозы, Ах-матова делает помету: «Читаю Габриэлу Мистраль – это чудо, даже в посредственном переводе...» («Записные книжки». С. 449).

180 Г.Г. Шпет до 1907 г. занимался педагогичес-кой деятельностью в Киеве, с 1907 г. преподавал на Выс-ших женских курсах в Москве. Сохранились воспомина-ния соученицы Ахматовой по фундуклеевской гимназии Веры Адольфовны Беер (1889–1976): «Урок психологии в выпускном (седьмом) классе Киево-фундуклеевской женской гимназии. Предмет трудный, но преподается он интересно – учитель Шпет, Густав Густавович, заставляет задумываться над рядом вопросов, сложных для нас, юных девушек, и на многое, бывшее прежде не ясным, туман-ным, проливается яркий свет. Сегодня урок посвящен ас-социативным представлениям. Густав Густавович предла-гает нам самостоятельно привести ряд примеров из жизни или литературы, когда одно представление вызывает в па-мяти другое. Дружным смехом сопровождается напоми-нание, как у мистрис Никльби из романа Диккенса «Ни-колас Никльби», пользовавшегося у нас тогда большим успехом, погожее майское утро связывается с поросенком, жаренным с луком. И вдруг раздается спокойный, не то ленивый, не то монотонный голос:

"Столетние фонарики! О, сколько вас во тьме, На прочной нити времени протянутой в уме!"

Торжественный размер, своеобразная манера чтения, необычные для нас образы заставляют насторожиться. Мы все смотрим на Аню Горенко, которая даже не встала, а говорит как во сне. Легкая улыбка, игравшая на лице Гус-тава Густавовича, исчезла. "Чи это стихи?" – уверяет он ее. Раздается слегка презрительный ответ: "Валерия Брюсова". О Брюсове слышали тогда очень немногие из нас, а знать

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова его стихи так, как Аня Горенко, никто, конечно не мог. "Пример г-жи Горенко очень интересен", – говорит Густав Густавович. И он продолжает чтение и комментирование стихотворения, начатого Горенко («Воспоминания». С. 20–30). И.Ф. Анненский был директором Николаевской гимназии, которую в 1906 г. закончил Гумилев.

...из шести поэтов-акмеистов... – имеются в виду Гумилев, Городецкий, Мандельштам, Ахматова, Зенкевич, Нарбут.

Читать научилась... по азбуке Льва Толстого... – «Азбука Л.Н. Толстого» (кн. 1–4, 1872) и «Новая азбука» (1875), а также четыре «Русские книги для чтения» (1875) Л.Н. Толстого.

181 Сведения Di Sana и Laffitte имеются в виду предисловия к итальянскому (1951) и французскому (1959) изданиям стихотворений Ахматовой.

182 Гиппиус Зинаида Николаевна (в замуж. Ме-режковская; 1869–1945) – поэт, литературный критик, прозаик, хозяйка одного из наиболее известных литературных салонов Петербурга. Для молодых поэтов знакомство с язвительной и ироничной Зинаидой Николаевной в ее салоне являлось едва ли не обязательным ритуалом вступления в литературную жизнь.

Лансировать (устар.) – пускать в оборот, распространять в печати.

Все, что пишет... Мария-Монахиня – Е.Ю. Кузьмина-Караваева.

Г-жа Ляффит Софи – французская переводчица и литературовед. Сохранилась запись Ахматовой от 9 декабря 1961 г. («Записные книжки». С. 190): «Вчера узнала, что состоялась 1-ая лекция спецкурса в Сорбонне – читает S. Laffitte» (имеется в виду лекция по творчеству Ахматовой). В 1959 г. издала книгу стихотворений Ахматовой в Париже. Позже перевела на французский «Реквием».

183 ...фраза о Льве Толстом... – По-видимому, «Толстой мне мешает писать...».

184 Акмеизм возник в конце 1911 г. – Первое заседание «Цеха поэтов», созданного Гумилевым и СМ. Городецким, состоялось 20 октября 1911 г. Ранее, в апрельском номере журнала «Аполлон», была напечатана статья Гумилева «Жизнь стиха», положения которой уже превосходили будущие акмеистические установки.

184 «Судьба акмеизма». – По-видимому, имеются в виду заметки Ахматовой об акмеизме в ее рабочих тетрадях.

«Блудный сын» – четырехчастная поэма Гумилева, прочитанная им на заседании «Общества ревнителей художественного слова» на «башне» Вяч. Иванова 13 апреля 1911 г. В состоявшемся обсуждении поэмы Иванов подверг ее уничижительной критике, за чем стояло недовольство мэтра символизма эстетическими установками нового нарождающегося художественного течения – акмеизма, эстетические принципы которого проявились в этом произведении Гумилева.

Последовал брюсовский разгром акмеизма в «Русской мысли», где Гумилев и Городецкий даже названы господами, т.е. людьми, не имеющими никакого отношения к литературе. – См. статью В.Я. Брюсова «Новые течения в русской поэзии.

Акмеизм», где, в частности, говорится: «Развивая мысль г. Гумилева, г. Городецкий пишет, что "борьба между акмеизмом и символизмом" есть "борьба за землю". Симвоизм "заполнил мир соответствиями, обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самооценку. У акмеистов опять роза стала хороша сама по себе" и т.д. На привычном языке такое отношение художника к миру называется не "акмеизмом", а "наивным реализмом" и г. Городецкий, видимо, желает нас вернуть к теориям искусства, имевшим свой успех 50 тому назад. ... Если г. Нарбут решается на смелое сравнение: "Луна, как голова, с которой кровавый скальп содрал закат", если г. Зенкевич описывает: "Средь нечистот голодная грызня собак паршивых" (стихотворение "Посаженный на кол"); если г-жа Ахматова рассказывает, как ее "то-мила ночь угарная", или уверяет: "Знаю, брата я не ненавижу и сестру не предала", – то можно ли в этом видеть попытку новых Адамов "опять назвать имена мира"» (Русская мысль. 1913. № 4. Печ. по кн.: Николай Гумилев. Pro et contra. 1995. С. 393–394, 396).

29

Впервые – Лямкина. С. 391, с сокращениями; полностью Хейт. С. 220. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99).

...как слепоглухонемая. – в автографе РТ 99 пометы: «(Последняя херсонидка и последняя царс-коселка)». Перед фрагментом – строфа, не раз возникающая в ахматовских записях:

•Как слепоглухонемая, которой остались на свете
Лишь запахи, я вдыхаю сырость,
Прелость, ненастье и мимолетный дымок.

Позже, в 1963 г., Ахматова вернулась к мыслям, заключающим фрагмент: «Все места, где я росла и жила в юности, больше не существуют: Царское Село, Севастополь, Киев, Слепнево, Гунгербург (Усть-Нарва).

Уцелели: Херсонес (потому что он вечный), Париж – по чьему-то недосмотру и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Петербург – Ленинград, чтобы было, где преклонить голову. Приютившая то, что
оста-лось от меня в 1950 году, Москва была доброй обителью для моего почти
посмертного существования» («Записные книжки». 297).

Я как Птишоз... – Птишоз – персонаж ро-мана Альфонса Додэ (1840–1897) «Малыш.
История ре-бенка» («Le Petit chose. Histoire d'un enfant», 1868). Пер-вая часть
носит автобиографический характер, обращена к детству и юности. Далее
повествуется об утрате надежд и иллюзий, веры в искусство.

30

Впервые – Соч., 1986. С. 257, по автографу РНБ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97).

31

Впервые – Х е й т. С. 247–248. Отдельные фраг-менты и фразы не раз возникают в
рабочих тетрадях Ах-матовой, в ее заметках о городе. Публикуемый текст явля-ется
наиболее полным и художественно завершенным. Ад-ресат наброска не установлен.
Печ. по автографу РНБ.

186 ... чудовищной могилы царевича Алексея под лестницей в Петропавловском
соборе... – Петропав-ловский собор, усыпальница членов русской императорс-кой
фамилии.

И пустые окна Мраморного дворца («... Там пью я с тобой золотое вино...») –
строки из стихотворения «А в Мраморном пусто второе окно...», обращенного к В.К.
Шилейко, у которого была служебная квартира во флиге-ле Мраморного дворца,
принадлежавшая Академии мате-риальной культуры. Одно окно выходило на площадь
Су-ворова, другое – на Марсово поле («Записные книжки». С. 577).

«...и на Жуковской «вылеп головы кобыль-ей...» – Из поэмы В.В. Маяковского
«Человек» (1918):

фонари вот так же врезаны были
в середину улицы.

Дома похожи.

Вот так же,

из ниши,

голова кобылей

вылеп

– Прохожий'

Это улица Жуковского?

Смотрит,

как смотрит дитя на скелет, глаза вот такие, старается мимо.

«Она – Маяковского тысячи лет

он здесь застрелился у двери любимой».

(М а я к о в с к и й В. Т. 1. С. 269).

187 ...описанных Мандельштамом высочайших проездах. – См. автобиографическую
прозу О. Мандель-штама «Шум времени»: «"Проездами" тогда назывались уличные
путешествия царя и его семьи».

Канон Андрея Критского – Великий покаянный ка-нон читается в храмах в первые
четыре дня Великого поста.

«Где сокровище ваше, там и сердце ваше»... – Евангелие от Матфея, 6,21;

Евангелие от Луки, 12,34.

188 ...и Семеновский плац, где ждал смерти До-стоевский... – Ф.М. Достоевский
был арестован по делу петрашевцев 23 апреля 1849 г. и заключен в Алексеевский
равелин Петропавловской крепости. 28 декабря 1849 г.

пережил обряд приготовления к смертной казни на Семе-новском плацу вместе с
другими осужденными. Указание Николая I об отмене приговора было зачитано за
минуту до его исполнения.

188 Шереметевские липы, переключка домо-вых... – Из стихотворения Ахматовой «От
тебя я сердце скрыла...» (1936).

14 августа 1946 г. – В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. об
Ахматовой было написа-но: «Журнал "Звезда" всячески популяризирует также
произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая
физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова
яв-ляется типичной представительницей чуждой нашему на-роду пустой безыдейной
поэзии. Ее стихотворения, про-питанные духом пессимизма и упадничества,
выражающие вкусы старой салонной поэзии, заставшей на позициях "искусства для
искусства", не желающей идти в ногу со всем народом, наносят вред делу
воспитания нашей моло-дежи и не могут быть терпимы в советской литературе».
Я была со всеми... – Из стихотворения Ахматовой «Со шпаной в канавке...» (1946).
Лавка «Смерть мужьям» – шуточное название фешенебельного магазина дорогой
женской одежды на Невском проспекте.

«...и трехсотая с передачею...» – «Как трехсотая с передачею...» (Реквием. Ч.
4).

...под водой в 1924 г. – Имеется в виду наводнение в Ленинграде 1924 г.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
188 «Под тучей вороньих крыл» – Поэма без героя. Ч. I. Гл. 2.
Дом Мурузи – дом 24 по Литейному проспекту.
«Как щелочка чернеет переулок...» – Из сти-хотворения «Ленинград в марте 1941» (1941).

Веня и Вера Белкины. – Белкин Вениамин Павло-вич (1884–1951), художник. В 1941 г. нарисовал портрет Ахматовой маслом (см.: «Записные книжки». С. 603), сти-лизовав ее изображение при оформлении книги Г. Чулко-ва «Мария Гамилътон» и первой части романа А.Н. Тол-стого «Сестры» («Хождение по мукам») – на обложке в «медальонах» Кати и Даши угадываются О.А. Глебова-Судейкина и А. Ахматова.
Белкина (урожд. Попова) Вера Александровна, пианистка, жена В.П. Белкина.

32

Впервые – Ахматова А. «Я – голос ваш...». М.: Книжная палата, 1989. С. 341, 342, публикация В.А.Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 105).
Стихотворение было «Не бывать тебе в жи-вых...» – написано после расстрела Н.С. Гумилева (1921).

См. дату в рукописи –16 августа 1921 (может быть, старого стиля). – Отсылает к дате казни Н.С. Гумилева.

33

Впервые – ЛО. 1989. С. 5–6, в другой редакции по автографу РНБ, публикация и коммент. Р.Д. Тименчика. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 105).

В качестве заглавия – помета: «Для Эренбурга». В ра-бочих тетрадях имеется еще несколько материалов с такой же пометой. По-видимому, эти материалы были переданы (или их предполагалось передать) И.Г. Эренбургу – писа-телю и общественному деятелю, с которым Ахматова встре-чалась в последние годы жизни. Близкий к официальным кругам, Эренбург пытался оказать помощь Ахматовой в ос-вобождении из заключения Л.Н. Гумилева. Работал над ме-муарами «Люди, годы, жизнь», куда и предполагалось вклю-чить ахматовские свидетельства. В первое издание (1963 г.) они не вошли по цензурным соображениям.

...сравнение с Черчиллем. – Ахматова была убеждена, что постановление 1946 г. и речь премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, произне-сенная в Фултоне в том же году и положившая начало «хо-лодной войне», связаны между собой. См. также коммент. к «Поэме без героя» (т. 3. С. 603–604).

Озеров Лев Адольфович (1914–1995) – поэт, ли-тературный критик, автор статей об Ахматовой. Входил в круг ее знакомых.

«Молодежь узнала слово блуд из доклада Ждано-ва»... – Среди прочего в докладе говорилось: «Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии, – поэзии взбесившейся ба-рыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее – это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, – чувство, понятное для обществен-ного сознания вымирающей группы, – мрачные тона пред-смертной безнадежности, мистические переживания попо-лам с эротикой – таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, «добрых старых екатерининских вре-мен». Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой.

"Но клянусь тебе ангельским садом,

Чудотворной иконой клянусь

И ночей наших пламенным чадом..."

(Ахматова. Anno Domini)

Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жиз-нью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистичес-кой эротикой».

34

Впервые – «Записные книжки». С. 253–254. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).
По-видимому, продолжение заметок для И. Эренбур-га. Повествование ведется от третьего лица.

35

Впервые – «Записные книжки». С. 230–232. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

192 Селивановский Алексей Павлович (1900– 1938) – литературный критик, один из руководителей РАПП. В частности, писал в 1934 г.: «Анна Ахматова перестала быть поэтом, перестала печататься, перестала писать. Причина этого не в том, что, вообще говоря, она оказалась в непримиримой оппозиции к новому порядку вещей, а в том, что ее класс сошел с социально историчес-кой сцены навсегда, что жизнь ее класса стала жизнью "без завтрашнего дня..."» (Литературная учеба. 1934. № 8).

193 Хулимые, хвалимые... – первые строки сти-хотворения (1960).

«Последний дар моей Изоры». – Из заключитель-ного монолога Сальери: «Вот яд, последний дар моей Изо-ры». (А.С. Пушкин. Моцарт и Сальери. Сц. 1).

Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) –

поэт, в те годы руководитель Ленинградской писательской организации.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «Астория» – гостиница в Ленинграде.

194 Уильяме Аллан – американский литературный критик. Ниже приведены фамилии критиков русской эмиграции, с которыми Ахматова вела длительную полемику, она иронически называет Уильямса своей Викторией Ре-гией, т.е. венчающим, или победным, обвинением, доказа-тельством, отсылая к статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк Трибюн Ревью, 1961, 24 ноября» (см. «За-писные книжки». С. 215).

Рипеллино – Анджело Мария – итальянский лите-ратуровед и переводчик.

...в виде «Послесловия» А.А. Суркова. – Книга Ахматовой «Стихотворения» (1961) вышла с послеслови-ем А.А. Суркова, поэта и секретаря СП СССР, любив-шего поэзию Ахматовой и содействовавшего изданию как этого сборника, так и предшествовавшего. М., 1958 (вышел под его редакцией).

36

Впервые – ЛО. 1989. № 5. С. 6, публикация Р.Д. Тименчика, по автографу РНБ; одновременно в журн. «Русская литература». 1989. №3. С. 95–96, публикация А.Г. Терехова. Печ. по журн. «Русская литература». Нача-ло работы над текстом относится к 1959 г.

К пятидесятилетию литературной деятель ~ ности. Лекции «Ахматова и борьба с ней». – Так Ах-матова озаглавила полемические заметки, написанные в по-лувековой юбилей своего творчества, год выхода первой книги стихотворений «Вечер» (1912). Буренин Виктор Петрович (1841–1926) – литера-турный и театральный критик, поэт, автор нескольких книг литературных пародий, с 1876 г. – неперенный сотру-дник суворинского «Нового времени». Не принимал новую поэзию, особенно зло высмеивал декадентов и символис-тов, в частности Блока, который знал наизусть эти пародии на свои стихи, отнюдь не возмущался и даже охотно их читал (Блок в воспоминаниях. I. С. 381; II. С. 51; см. так-же воспоминания К.И. Чуковского – «Записки мечтате-лей». 1922. № 6. С. 173). В цикле «Поэтическая атлети-ка», подписанном одним из псевдонимов Буренина – граф Алексис Жасминов, – зло высмеивались стихотворения Ахматовой, якобы написанные от имени Евдокии Обмок-ни, Лилии Ах и Зинаиды Солитер (Новое время. 1911. 29 апреля). Там же пародии на Валерия Брюсова: 1,11.

III. В лесу.

(«Аполлон», № 4)

Четыре алмаза – четыре глаза, Два совиных и два моих. О страшен, страшен конец рассказа О том, как умер мой жених.

Лежу в траве, густой и влажной, Бессвязно звонки мои слова, А сверху смотрит такую важной, Их чутко слушает сова.

Нас ели тесно обступили, Над нами небо, черный квадрат, Ты знаешь, знаешь его убили. Его убил мой старший брат –

Не на кровавом поединке И не в сраженьи, не на войне, А на пустынной лесной тропинке, Когда влюбленный шел ко мне.

IV. В луже.

Имею я четыре носа – Четыре «пяточка» свиных, Тремя глазами смотрю я косо – Один совиный и два своих.

Лежу я в луже зловонно-липкой, Носами чую в квадрате смрад, А на меня с немой улыбкой Четыре борова глядят.

Сова дивится, что глаз совиный В затылке у меня блестит, И смотрит сверху с важной миной, А мой жених убит, убит.

Соплю я четырьмя носами, Тарашу я совиный глаз. Но что мне делать – судите сами – Когда я в луже улеглась.

Евдокия Обмокни

V.

Над водой.

(«Аполлон», № 4)

Стройный мальчик-пастушок, Видишь, я в бреду. Помню плащ и посошок На свою беду. Если встану – упаду. Слышу тихое ду-ду.

Мы прощались, как во сне. Я сказала: «Жду!» Он, смеясь, ответил мне: «Встретимся в аду!..»

Если встану упаду, Дудочка поет ду-ду.

О, глубокая вода в мельничном пруду, Не от горя, от стыда я к тебе приду.

И без крика упаду, А вдали звучит ду-ду.

VI. Дуда.

Ах Маковский-пастушок*, Я пишу, пишу в бреду: В «Аполлоне» мой стишок Поместишь ты на виду?

VII.

Мне больше ног моих не надо.

(«Аполлон», № 4)

Мне больше ног моих не надо – Пусть превратятся в рыбий хвост – Плыву, и

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
радостна прохлада, Белеет тускло дальний мост...
Не надо мне души покорной Пусть станет дымом. Легок дым. Взлетев над набережной
черной, Он будет нежно-голубым.
Смотри, как глубоко ныряю, Держусь за водоросль рукой.
От восторга заведу На дуде мотив: ду-ду.
Мне Маковский – милый он – Молвит: «Пусть сгорю в аду, Но тебя я в «Аполлон»
Рядом с Брюсовым введу,
Заиграй скорей – я жду – Заиграй в дуду ду-ду».
И Маковский-пастушок И себе и мне к стыду В «Аполлоне» мой стишок Напечатал на
виду.
От восторга я пойду – Утоплюсь с дудой в пруду.

Лилия Ах

7"о,ч 5. Комментарии I 719

Ничьих я слов не повторяю И не пленюсь ничьей тоской.

А ты, игрушечный, ужели Стал бледен и печально-нем, Что слышу? – целых три
недели Все шепчешь: «Бедная, зачем?»..

VII.

Та же глубоко-поэтическая тема.

Мне ног не надо – ноги к черту! Пусть превратятся в рачий хвост: Предавшись
раковому спорту, Нырну под Полицейский мост,
Коль в голове все мысли пусты – На что она, скажите? Ах, Пусть вырастет кочан
капусты На беломраморных плечах.

А ты, игрушечный, что станешь Тогда со мною делать – ну? За рачий хвост меня
потянешь, Как в волны Мойки я нырну?

Сняв с плеч моих кочан, разрубишь Его, чтоб борщ сварить аль щи? Ты побледнела.
Не так любишь? Другую для себя ищи!

Зинаида Солитер

19 Э в 1919 меня уничтожили Бунин в Одессе (эпиграмма «Поэтесса»)...

Опубликована в одесском журнале «Жизнь» (1918, № 7, июль):

Большая муфта, бледная щека, Прижатая к ней томно и любовно, Углом колени, узкая
рука... Нервна, притворна и бескровна.

Все принца ждет, которого все нет, Глядит с мольбою, горестно и смутно: «Пучков,
прочтите новый триолет...» Скучна, беспола и распутна.

Эпиграмму Бунина Ахматова восприняла как направ-ленную против себя, равно как
позже пародии в романе В. Набокова «Пнин» (1957). Г. Адамович рассмотрел
эпиг-рамму Бунина в более широком контексте: «Но ведь этой "смутной и горестной"
поэтессой могла быть и Анна Ахма-това. Бунин, конечно, понимает это. Но ему нет
дела до эс-тетика, он осуждает мир, которым живет "Поэтесса": ее печаль, ее
предчувствия, неисцелимую скуку, ее "выверт", как бы не видя всего того, что за
этим вывертом стоит – в плане историческом или общекультурном» (Бунин И.А. Собр.
соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1993. С. 346). Это суждение Адамовича еще в большей мере
может быть отнесено к сти-хам одной из героинь Набокова – Лизе Богомоловой:
Я надела темное платье И монашенки я скромней; Из слоновой кости распяты Над
холодной постелью моей.

Но огни небывалых оргий Прожигают мое забытье, И шепчу я имя Георгий – Золотое
имя твое!

(Набоков В. Собр. соч.: в 5 т. СПб., 1997. Т. 3. С. 54).

И ниже:

«...замечательно красивая девушка в черном шелко-вом свитере и с золотой лентой
в каштановых волосах .... Через несколько дней она прислала стихи; вот достойный
образчик ее творений, подобное ему сочинялись «под Ахма-тову» и иными
эмигрантскими рифмессами ...:

Самоцветов, кроме очей, Нет у меня никаких, Но есть роза еще нежней Розовых губ
моих. И юноша тихий сказал: «Ваше сердце всего нежней...» И я опустила глаза...»
(Та м ж е. С. 162).

... Брюсов в Москве (в честь Аделины Ада-лис)... – См. коммент. к с. 132.

Если в выступлении В. Брюсова на вечере поэтесс еще не содержится прямых
унижений, то они очевидны в неупомянутой Ахматовой рецензии на книгу «Аппо
Domini» МСМХХI. (Пб.: Петрополис). В ряду второ-степенных поэтических сборников
(что само уже было ос-корблением для Ахматовой) Брюсов в заметке «Среди сти-хов»
писал и о ее стихах: «Пожалуй, еще печальнее, когда поэт повторяет самого себя,
и повторение это – безмерно бледнее. Таковы стихи Анны Ахматовой. Местами они
кажутся пародией на Ахматову, с постоянными срывами в такие прозаизмы –
От меня ты не хочешь детей И не любишь моих стихов.

Тебе я милой не была, Ты мне постыл.

Или в такие песенные склады –

А в пещере у дракона Нет пощады, нет закона.

Причем дальше сообщается, что у этого "дракона" – "висит на стенке плеть"

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова (Странный дракон!). Весьма жаль, что близкие друзья не отговорили А. Ахматову от печатания (и – увы – перепечатания!) многих ее последних стихов» (Брюсов В. Среди стихов//Печать и революция. 1922. № 2. С. 144,145).

...Перцов «Жизни искусства»... – В.О. Перцов заявлял о чуждости поэзии Ахматовой советской действительности. Его статья «По литературным водоразделам» вспоминалась Ахматовой как пример жестокой травли: «Еще в 1923 году Ахматова собрала на свой вечер в Москве полную аудиторию "советских барышень" (вечер состоялся в 1924 г. – С.К.). Можем ли мы винить ее за это, что с ходом революции этот социальный тип намечен был к сокращению, и об Ахматовой, не испросив от нее полномочия, вспоминал с революционным сочувствием только Осинский в одном из своих сентиментальных фельетонов. ... Все изощренное качество ахматовской лирики явилось как результат долговременного, тщательного, кропотливого приспособления любовно-романтической темы к привередливому спросу социально-обесплощенной части дореволюционной интеллигенции. Такие социальные кастраты с неразвившимся или выхолощенным чувством современности населяют еще и наши дни, и они упоенно перебирают ахматовские "четки", окружая писательницу сектантским поклонением. Но у языка современности нет общих корней и тем, на котором говорит Ахматова. Новые живые люди остаются и останутся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, заждавшейся родиться или не сумевшей вовремя умереть, да и самое горькое ее страдание сочтут непонятной прихотью. Таков закон живой истории» (Жизнь искусств. 1925. № 43. 27 октября. С. 5).

195 Степанов Николай Леонидович (1902– 1972) – советский литературовед, автор статьи «Поэтическое наследие акмеизма» (Литературный Ленинград. 1934. № 48. 20 сентября).

«Две России» – имеется в виду статья К.И. Чуковского «Ахматова и Маяковский» в альманахе «Дом искусств» (Пб., 1921. № 1. С. 23–43). Чуковский противопоставил Россию уходящей дворянской культуры и ее поэта – Ахматову новой революционной России, певцом которой назвал Маяковского. Автор статьи, высоко оценив этих поэтов, выразил надежду, что когда-нибудь их голоса сольются в поэзии новой России. Из статьи Чуковского хулиатели Ахматовой выхватили идею противопоставления двух России, объявив ее поэтессой, чуждой современности.

«Проза» Цветаевой – издание 1953 г., Нью-Йорк.

Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991) – мастер художественного слова, режиссер, педагог. Входил в круг знакомых Ахматовой.

«Письма Рубенса» – книга переводов А. Ахматовой под редакцией и с предисловием А. Эфроса и вступительной статьей В. Лазарева вышла в 1933 г.

...Сталин спросил обо мне на приеме по поводу награждения орденами писателей. – 31 января 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 172 писателя были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак почета» – «за выдающиеся успехи в достижении и развитии советской художественной литературы».

196 «Ива». – Имеется в виду неосуществленная книга «Тростник», вошедшая несколькими стихотворениями в сборник «Из шести книг», который открывался стихотворением «Ива» (18 января, 1940).

Сергиевский Иван Васильевич (1905–1954) – советский литературовед, ученый секретарь отделения литературы и языка АН СССР, член редколлегии «Библиотека поэта», автор статей «Об антинародной поэзии А. Ахматовой» (Звезда. 1946. № 9) и «Безыдейная поэзия А. Ахматовой» (Культура и жизнь. 1946. 30 августа).

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – писатель, профессиональный революционер, один из руководителей Союза писателей СССР. Выступал с критикой Ахматовой главным образом по долгу службы. См.: О литературной критике//Большевик. 1947. № 13. С. 261–264. После разоблачения культа личности Сталина и глубокого разочарования в утверждаемых идеалах покончил жизнь самоубийством. Принимал участие в хлопотах по освобождению Л.Н. Гумилева (см.: Фадеев А. В главную прокуратуру. Письмо от 2 марта 1956 г.).

Ахматова писала ему 10 марта 1956 г.: «Вы были так добры, так, как никто за ... эти годы» (Огонек. 1971. № 51. С. 27). Текст письма А.А. Фадеева опубликован в журн. «Новый мир» (1961. № 12).

Еголин Александр Михайлович (1896–1959) – советский литературовед, в 1940–1948 гг. работал в ЦК КПСС, в 1948–1952 гг. – директор Института мировой литературы АН СССР. Об Ахматовой писал в своей книге «Против безыдейности в литературе» (Л., 1947. С. 16–17,27).

...не было ни одного упоминания. – На сборник А. Ахматовой «Стихотворения» (М., 1958) была рецензия: О з е р о в Л. Стихотворения Анны Ахматовой// Литературная газета. 1959. 23 июня.

«Так было над Невою льдистой». – Евгений Онегин. Из незавершенной X главы. Строфа XVI.

На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство. – Ахматова несколько

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова раз вспоминала историю выдвижения ее на Сталинскую премию, высшую премию страны, утвержденную в 1941 г.

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858– 1943) – режиссер, театральный деятель, писатель, драма-тург.

«Маяковский начинается» – поэма Н.Н. Асеева (1939), автор ее вошел в число первых лауреатов Сталин-ской премии.

«Алфавитрусской литературы» – справочник У. Харкинса «Словарь русской литературы» (H a g -kins W. Dictionary of Russian Literature. New York, 1956. P. 146).

Р. Тименчик в комментарии к публикации настоящего текста приводит цитату: «В 1910 году она вышла замуж за поэта Гумилева и присоединилась к новому движению акмеизма, основанному им в 1912 году. Она развелась с ним в 1918 и вышла замуж за Владимира Шилейко, асси-ролога и второстепенного поэта. ... В 1940 году, воспользовавшись большой официальной снисходительностью, которая продлилась и на годы войны, она издала сборник "из шести книг", который включал ее раннюю поэзию и несколько новых стихотворений. Хотя ее поэзия меланхо-лична и в большей степени затрагивает личную любовную скорбь, тему «буржуазную» в глазах советских критиков, она, кажется, приобрела большую популярность среди мо-лодой коммунистической интеллигенции. Чтобы прекратить это отступничество среди молодежи, Партия нашла необ-ходимым провести чистку, и атака А.А. Жданова на нее в 1946 году привела к ее немедленному исключению из Со-юза писателей, что означало потерю права на публикацию. Но в 1950 году она опубликовала некоторое число офици-альных патриотических стихотворений как извлечение из цикла «Слава миру». Качество этих стихотворений мучи-тельно низкое; подвергшись официальному давлению, она очевидным образом в конце концов сдалась» (цит. по: АО. 1989. № 5. С. 9).

197 Пьер Сегер – издатель, глава парижского из-дательства «Seghers».

198 Рожанские – Рожанская Наталья Владими-ровна (урожд. Кинд); Рожанский Иван Дмитриевич (р. 1913) – физик, историк философии.

...открытие Payne... – Сведения, о которых пишет Ахматова, содержатся в книге: Payne R. Les trois mondes de Boris Pasternak. Paris. 1963. P. 91.

37

Впервые – АО. 1989. № 5. С. 14, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

198 ...попытки Осинского и Коллонтай... – Ста-тья Н. Осинского (наст. фам. и имя Оболенский Валериан

Валерианович; 1887–1938, расстрелян), известного совет-ского партийного и государственного деятеля, высоко оце-нившего творчество Ахматовой, появилась в «Правде» 4 июля 1922 г. под названием «Побеги травы (Заметки чи-тателя). 3.

Новая литература» и вызвала полемику: Р о -д о в С. Литературное сегодня//Молодая гвардия. 1922. № 6/7; Ч ужак Н. Через головы критиков//Нашпуть.

Чита. 1922. № 2; Р о д о в С. Организационные вопро-сы литературы//На литературном посту. 1925. № 1. Ста-тья видной деятельницы партии, публицистки

Александры Михайловны Коллонтай (урожд. Домонтович; 1872– 1952) , также высоко оценившей стихи Ахматовой, опубли-кована в журнале «Молодая гвардия» (1923, № 2)

под на-званием «Письма к трудящейся молодежи. Письмо 3-е. О "Драконе" и "Белой птице"». Статья также вызвала по-лемику: Арватов Б. Гражд. Ахматова и тов.

Коллон-тай/ Молодая гвардия. 1923. № 4/5; Выгод-ская П. Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай// Красная новь. 1923. № 6.

38

Впервые – ЛО. 1989. № 5. С. 14, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

199 Тихонов Николай Семенович (1896–1977) – поэт, прозаик. Ушел добровольцем на первую мировую вой-ну, сражался в гусарском полку. Первые книги стихов «Орда» и

«Брага» отмечены влиянием поэзии Н. Гумиле-ва. Воспевал подвиг и долг, славил романтику «боев и по-ходов». Девизом его романтических баллад: «Перекоп»,

«Баллада о гвоздях», «Баллада о синем пакете» – стали известные строки: «Гвозди бы делать из этих людей// В мире бы не было крепче гвоздей».

199 Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт.

Багрицкий Эдуард Георгиевич (наст. фам. Дзюбин; 1895–1934) – знаток поэзии, печатался в роскошных одесских литературных альманахах, издаваемых на сред-ства меценатов, – «Серебряные трубы», «Седьмое покры-вало», «Авто в облаках». Раннее

творчество формирова-лось под влиянием Гумилева.

В «Стихах о поэте и романтике» (Бизнес. Сборник литературного центра конструктивистов. М., 1929. С. 103), написанном в 1925 г., Багрицкий, мучимый

сомнениями, обращается к трагичному образу Гумилева:

.. .Поземка играет по конским ногам, Знамена полнеба полотнами кроют. Романтика

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова в партии! Сбоку наган, Каракуль на шапке зернистой икрой... Фронты за фронтами, Ни лечь, ни присесть! Жестокая каша да сытник суровый; Деша из Питера: страшная весть о черном предательстве Гумилева... Я мчалась в телеге, проселками шла; И хоть преступленья его не простила, К последней стене я певца подвела, Последним крестом его перекрестила... Скорее назад! И товарный вагон Шатает меня по России убогой... Тут новое дело – из партии вон: Интеллигентка и верует в бога...

(Цит. по Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. Сост текста и примеч. С.А. Коваленко. М.; Л., 1964. С. 348–Л 349).

39

Впервые – «Записные книжки». С.265. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 107).

199 ...умирает Жданов. – А.А. Жданов умер 30 августа 1948 г.

200 Боровков А.К. – лингвист* тюрколог. Козий С.А. – литературовед, тюрколог.

Я в ту зиму писала работу о «Каменном госте». –

Статья Ахматовой «"Каменный гость" Пушкина» была опубликована в кн.: «Пушкин. Исследования и материальны». Т. 11. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 171–186.

Осмеркни Александр Александрович (1892– 1953) – художник; в 1938–1939 гг.

рисовал Ахматову («Белая ночь», фонтанный дом. Масло).

Павленко, Шагинян, Тихонов, Вишневский, Фа-деев – входили в круг советской писательской номенклатуры. В те годы каждая официальная поездка включала в обязательную программу разъяснение положений доклада Жданова и Постановления ЦК ВКП(б), с оценкой творчества Ахматовой и Зощенко.

40

Впервые – «Записные книжки». С. 310–311. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108).

201 «Под крылом у гибели» – автоцитата из стихотворения Ахматовой «Не лирою влюбленного...» (18 июля 1956).

202 ...две гостьи: Саломея («Тень») и моя бед-ная Ольга («Ты в Россию пришла ниоткуда»). – Ах-матова обращается к истокам создания «Поэмы без героя» (см. Т. 3).

41

Впервые – Хейт. С. 233–235. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

203. И потом еще много раз она выплывала... –

Книга стихов «Четки» выходила вторым изданием в Пет-рограде в 1915 г., третьим и четвертым изданием – там же в 1916 г., пятым – в 1918 г.; в 1914 и 1920 г. – в берлинс-ком книгоиздательстве С. Ефрон, переиздавшем книгу; восьмое и девятое (дополненное) издания вышли в Пет-рограде в 1922 и 1923 гг.

Одесская контрафакция. – Тираж книги Ахматовой остался в Одессе.

Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987) – со-ветский литературовед, автор книг о Лермонтове, Брюсо-ве, Блоке, а также статьи «Ахматова о Блоке» (Звезда. 1967. № 12).

Матезиус Богумил (1888–1952) – чешский пере-водчик и литературовед, автор предисловия к чешскому из-данию стихов Ахматовой (1947).

От суворинского «Нового времени»... – В газете «Новое время» Н. Вентцель опубликовал рецензию на «Четки» под названием «Муза с "лица необщим выраже-ньем"» (1914. 19 июля. Иллюстрированное приложение).

Так называемая Физа. – Общество поэтов, в которое входил Б.В. Анреп, автор поэмы «Физа».

203 Аполлоновские манифесты – статьи Н.С. Гу-милева «Наследие символизма и акмеизм», появившиеся в журнале «Аполлон» (1913. № 1).

Книги имеют свою судьбу. – Выражение римского грамматика Теренциана Мавра (конец III в. н.э.) из его сочинения «О буквах, слогах и размерах»: «Смотря по тому, как их принимает читатель, имеют свою судьбу книги».

204 «Замерзающий Парнас» – название статьи Б. Лавренева в журнале «Жатва». 1913. № 4 (то же в его Собр. соч. М., 1965. Т. 6).

«У ног африканского идола». – «У подножия аф-риканского идола. Символизм.

Акмеизм. Эго-футуризм» (Русское богатство. 1913. № 6–7).

«Без божества, без вдохновенья». – Написанная в апреле 1921 г. (с подзаголовком «Цех акмеистов») статья А. Блока была впервые опубликована в сб.: Современная литература. Л., 1925. Отрицательное отношение Блока к акмеизму определилось в 1912–1913 гг. Особенное раз-дражение вызывали у Блока стихи Гумилева.

«Преодолевшие символизм» – статья В.М. Жир-мунского (Русская мысль. 1916. № 12). .. .сбывшиеся предсказания... – Речь идет о предис-ловии М.А. Кузмина к сборнику стихов Ахматовой «Ве-чер» (СПб., 1912) и рецензиях В.Ф. Ходасевича на сбор-ники «Четки» (Новь. 1914. № 69) и «Белая стая» (Власть народа. 1918. 25 марта).

Чацкина Софья Исааковна (1878–1931) – издатель-ница журнала «Северные записки».

205 Каннегисер Леонид Иоахимович (1898– 1918) – поэт. Написал рецензию на «Четки» (Северные записки. 1914. Май). В августе 1918 г. застрелил председа-теля петроградского ЧК М.С. Урицкого (Радомысльского), после чего был объявлен

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова «красный террор». Казнен в августе 1918 г. См. очерк М. Цветаевой «Нездешний вечер», события которого происходили в квартире Каннегисеров. Лопатин Герман Александрович (1884–1965) – на-родоволец, автор мемуаров и революционных стихов. На-ходился в заключении в Шлиссельбургской крепости с 1884 по 1905 г.

Степун Федор Августович (1894–1965) – философ, социолог, историк культуры, писатель, литературный кри-тик. В 1910 г. стал одним из основателей международного журнала «Логос», участвовал в заседаниях Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева и в теоретиче-ском семинаре по эстетике при издательстве «Мусaget». В 1922 г. выслан в Германию.

42

Впервые – Х е й т. С. 236. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110). Второе издание «Белой стаи» вышло в Петербурге в издательстве «Прометей». Контрафакционное издание вы-пущено в Тифлисе в издательстве «Кавказский посредник» (1919 г.). Третье издание увидело свет в Петербурге в изда-тельстве «Алконост» (1922 г.), четвертое – в Берлине в из-дательствах «Петрополис»–«Алконост» (1923 г.).

205 ...у «Белой стаи» не было шумной прессы. –

См. рецензии: Слонимский А. А. Ахматова. Бе-лая стая//Вестник Европы. 1917. № 9–12. С. 403–407; Жирмунский В. Белая стая//Наш век. 1918. № 21. 28 января. С 14. С. 166.

206 Михайлов Николай Николаевич (1884– 1940) – создатель и глава издательства «Прометей».

/мох Яков Ноевич (1892–1968) – глава издатель-ства «Петрополис».

Марчанова Мария – чешская переводчица, адресат Ахматовой (см. «Записные книжки». С. ИЗ). В ее пере-воде был переиздан сборник стихотворений в 1962 г. Ах-матовой (там же. С. 256). Однотомник стихотворений Ахматовой в переводе Марчановой с послесловием Мате-зеуса вышел под названием «Белая стая» (1965; там же. С. 609, 641).

207 ...легкое изумление по поводу того, что Ах-м атова еще в прошлом году наполнила какими-то де-вушками московскую залу Консерватории. – См.

П е р ц о в В. По литературным водоразделам. I. Зати-шье/ /Жизнь искусства. 1925. № 43. С. 4–6.

43

Впервые – «Записные книжки». С. 28–29. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98).

207 В1929 г. после «Мы» и «Красного дере-ва» и я вышла из союза. – После того как Е. Замятин – автор романа «Мы», и Б. Пильняк – автор романа «Крас-ное дерево», изданных за границей, были подвержены рез-кой критике и исключены из писательских организаций, заявление о выходе подала А. Ахматова.

208 Новый союз... – Союз писателей СССР, со-зданный в 1934 г., после проведения в августе того же года Первого всесоюзного съезда советских писателей.

Чагин Петр Иванович (наст. фам. Болдовкин; 1898– 1967) – политический деятель, издательский работник.

Рыбасов А. П. – редактор, критик.

Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) – лите-ратуровед, издатель, знаток поэзии.

Саянов Виссарион Михайлович (1903–1959) – поэт.

Дымшиц Александр Львович (1910–1975) – лите-ратуровед, критик.

209 Левин Федор Маркович (1901–1972) – кри-тик, литературовед.

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1976) – литературовед, критик.

Корниловы – Корнилов Владимир Николаевич (р. 1928) – поэт; Корнилова Галина

Петровна (р. 1928) – писательница, журналистка.

210 В 1963 мне вернули... «Бег времени» с ру-гательной статьей Книпович. – О сложностях про-хождения через издательскую цензуру книги см. Т. 2(2). С.

290–295. Книпович Евгения Федоровна (1898– 1988) – критик.

44

Впервые – «Записные книжки». С. 283. Печ. по ав-тографу РГАЛИ (РТ 107).

210 Раннит Алексис (наст. фам. и имя Долгушев Алексей; 1914–1985) – уроженец Эстонии. Учился в Тар-туском университете. В Колумбийском университете по-лучил степень магистра литературы и искусства. С1961 г. – в Уэльском университете; поэт, переводчик, литературный и художественный критик, автор статей об Вяч. Иванове, Ю. Анненкове, Чурленисе и др. Его предисловием «Аппа Akhmatova. Considered in a context of art nouveau» открыв-вается второй том сочинений Ахматовой (Мюнхен, 1968. С. 5–37).

В записных книжках Ахматовой сохранились копии ее писем к Ранниту, переписка с которым велась в 1960–е гг. 15 февраля 1962 г. Ахматова писала Ранниту, обеспокоен-ная источниками, которые он использовал, готовясь к ра-боте над ее биографией: «... Трудно понять, зачем кому-то понадобилось тревожить мой прах и сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 г. На Запа-де [я]

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова после 1912 г. я не была, а в 1938 г. дальше Москвы не ездила. Я совершенно уверена, что ваша работа будет интересной и нужной, но меня несколько беспокоит ее био-графическая часть. Во всяком случае я предупреждаю Вас, что писаниями Георгия Иванова и Л. Страховского пользоваться нельзя. В них нет ни одного слова правды» («Записные книжки». С. 151).

211 Талли (орденская готика)... – Имеются в виду надгробия Домского собора, украшенные геральдикой древнейших родов. Ахматова ездила на встречу Ново-го, 1954 года в Таллин с внучкой Н.Н. Пупина Анной Каминской. Сохранилась запись: «Ездила в Таллин смотреть готику на Новый год 1954. Со мной Аня Каминская. Жила у Тани Пумпянской (Юноны). ...Мужа Тани за то, что он провожал меня, – вызывали, куда следует» («Записные книжки». С. 665).

211 Иванов Александр Андреевич (1806–1858) – живописец, в своих произведениях достигает глубины философского обобщения о духовном возрождении человека. Федотов Павел Андреевич (1815–1852) – живописец. В реалистически выписанных полотнах нередко выражены мотивы обреченности и одиночества человека (см. картину «Анкор, еще анкор»).

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) – живописец, автор знаменитых картин «Демон» (1890), «Сирень» (1900), иллюстрировал поэму М.Ю. Лермонтова «Демон» (1890). Его росписи Кирилловской церкви в Киеве (1884–1889) глубоко впечатлили юную Ахматову. В своих записях она несколько раз вспоминает врубелевскую Богородицу в Кирилловской церкви.

Эль Греко Доменико (наст. имя Теотокопули; 1541–1614) – испанский живописец (грек по происхождению). Глубокая одухотворенность и мистическая экзальтация позволяли усматривать в его полотнах близость к маньеризму и некоторым тенденциям модернистского искусства.

Статуи и храмы дружбы – входили в архитектурный ансамбль Царского Села. ...об иной гиперборейской античности... – Имеется в виду Царское Село как некий аналог блаженной северной страны, согласно античной мифологии, находящейся под покровительством Аполлона, обители искусств и науки.

45

Впервые – «Записные книжки». С. 518. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

Кросс Антони – английский литературовед, состоял в переписке с Ахматовой.

212 Дать рецензию Ходасевича на «Четки». – Имеется в виду рецензия В.Ф. Ходасевича на книгу Ахматовой «Четки»//нов. 1914. № 69. 5 апреля.

Мандельштам 1926 и 1922. – Письмо о русской поэзии//Советский Юг. 1922. 21 января.

«Письма о русской поэзии» – Рецензия Н. Гумилева: Четки//Аполлон. 1914. № 5. С. 36–38. Вошла в кн.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 188–192. «Четки» – 15 марта 1914. – первое издание.

Главная статья – Н.В. Недоброво – напечатана в журнале «Русская мысль». 1915. № 6. С. 50–68.

Бобров Сергей Павлович (1889–1971) – поэт, прозаик, критик.

Тальников (наст. фам. Шпитальников Давид Лазаревич; 1882–1961) – критик, известен своими скандальными выступлениями в печати. Имеется в виду его развернутая рецензия, написанная в развязном тоне: А. Ахматова.

Четки//Современный мир. 1914. № 10. Отд. II.

С. 208–211.

О «Собаке» – театральное кабаре «Бродячая собака».

Образ Ахматовой – книга «Образ Ахматовой» – антология, изданная Э. Голлербахом (Л., 1925). Во вступительной статье рассматривается образ Ахматовой в поэзии и живописи, а также приведены посвященные ей стихи: Н. Гумилева, А. Блока, О. Мандельштама, М. Цветаевой, М. Кузмина, Ф. Сологуба, В. Садовского, А. Тинякова и др.

Эшлиман Франсуаза – французский литературовед. Сохранилась запись Ахматовой: «Франсуаза защищает диссертацию о Серапионовых братьях...» («Записные книжки». С. 281). Состояла в переписке с Ахматовой, занималась ее творчеством (там же. С. 285).

212 Отношение к моим стихам будущих формалистов. – См.: Эйхенбаум В. Опыт анализа. Пг., 1923.

Полное уничтожение меня... (...Брюсов...) – См. статью В.Я. Брюсова. Среди стихов (Anno Domini)// Печать и революция. 1922. № 2. С. 144–145.

Opus Маковского. – Ахматова читала французский текст воспорлиний С. Маковского «Николай Гумилев по личным воспоминаниям», позже опубликованный на русском языке в «Новом журнале» (1964. № 11. С. 157–189).

«Обижал меня сегодня запад...» – вариант строк стихотворения Ахматовой «Запад клеветал и сам же верил...» (см. Т. 2(2). С. 161).

46

Впервые – журн. «Нева». 1979. № 6. С. 200, по черновому автографу РНБ,

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова публикация Л.А. Мандрыкиной. Печ. по указанному изданию. Записано на листах с вари-антами «Дома Шухардиной».

Этот фрагмент и следующие относятся к концу 1963– 1964 гг., когда Ахматова вернулась к работе над автобио-графическими заметками о поре детства и юности, прерван-ными ее полемикой с потоком мемуарной литературы, и написанию фактологически выверенных заметок (см. «К пятидесятилетию литературной деятельности. Лекции. Ахматова и борьба с ней: "Годовщины", "Четки", "Белая стая"»). Эти ее работы могут быть отнесены к ахматовс-кому литературоведению, ее «сердца горестным заметам».

214 ...змеиное шипение Полетики о Пушки-не!!! – Из предисловия Ахматовой к работе «Гибель Пуш-кина» (26 августа, 1958).

47

Впервые – 1-й абзац – Мандрыкина. С. 198; 2-й абзац – журн. «Нева». 1978. С. 198. Печ. по указан-ным изданиям.

Среди разрозненных отрывков о детстве Л. Манд-рыкина приводит один из многих, остающихся в фонде Ахматовой (Отдел рукописей РНБ), поясняя: «И вот в 1956–1957 годах она снова начинает вести записи о про-шлом. По всей вероятности, Ахматова начинает их с рас-сказов, последовательно излагающих факты ее детства и юности. "Мое детство также уникально и великолепно, как детство всех детей в мире" – записывает она и продолжает: "Мои первые воспоминания – царскосельские: зеле-ное, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал". Следующая запись почти повторяет эту:

"Биография

І. Павловск – 1-ая фотография.

В 5 лет французский язык. Два лета в Гунгербурге. Сев. природа – Царское Село. Царскоселы... Ц.С. – не город Муз (даже не было библиотеки) и они не знали, что там умер Тютчев"» (Нева. 1979. С. 197).

Разрозненность ахматовских записей, их повторяе-мость, неизученность черновых текстов в полной мере, не-редко приводили к их кантоминации в существующих из-даниях.

214 «Ива», «Пятнадцатилетние руки...» – сти-хотворения Ахматовой, которые, по ее словам, вызвали неудовольствие Сталина – в доступных нам официальных источниках указание или мнение Сталина не зафиксирова-но. Однако был наложен очередной запрет на публикацию Ахматовой, и уже отпечатанный сборник стихов 1940 г. уничтожен. Другой сборник «Из шести книг» вышел в том же 1940 г. и, как теперь известно по публикациям доку-ментов цензуры, был предметом разбирательства в ЦК ВКП(б) с указанием «изъять» книгу, что оказалось не-возможным, она уже поступила в продажу и мгновенно разошлась (см.: Ч у к о в с к а я, 1. С. 219–220).

48

Впервые – журн. «Нева» С. 198.; публикация Л.А. Мандрыкиной. Печ. по указанному изданию.

фрагмент, как можно полагать, написан в связи с ме-муарами В.С. Срезневской, которые также не удовлетво-рили Ахматову, и она сама написала несколько фрагмен-тов, имитируя их.

В.Я. Виленкин записал свою беседу с Ахматовой: «Не-задолго до смерти В.С. Срезневская написала свои воспо-минания. ... Анна Андреевна, помню, сказала с нежным упреком (в нем даже раздражения не слышалось): "Ну что мне с ней делать, если она все перепутала или неверно за-помнила, и про меня, и про Гумилева, и про жизнь в Царс-ком...". Она потом начала редактировать текст В.С. Срез-невской, вернее даже переписывать по-своему, вставляя в него большие куски собственных воспоминаний, но в тре-тьем лице: "Ока", "А", "Аня"» (Виленкин В.Я. Вос-поминания с комментариями. С. 484). Ахматова вводит образ рассказчика, повествующего о «Дикой девочке», гим-назистке Ане Горенко: «... в Царском Селе она делала все, что полагалось...», «Изредка отец брал ее с собой в опе-ру... и т.д.». «Большое влияние на нее оказал...».

215 ГамсунКнут (наст. фам. Педерсен Кнут; 1859– 1952) – норвежский писатель; в 1909–1910 гг. в Петер-бурге вышло его собрание сочинений в 12 томах.

Пан, Виктория – романы К. Гамсуна. «Пан» вышел в русском переводе в 1901 г.

«Виктория» – в 1904 г.

Ибсен Генрик (1828–1906) – норвежский драма-тург. В 1904 г. вышло его собрание в четырех томах (при-ложение к «Ниве», СПб.).

49

Впервые – Виленкин В.Я. Воспоминания с комментариями. С. 485. Этот фрагмент, по свидетельству публикатора, представляет собой одну из «вставок» Ах-матовой к воспоминаниям В.С. Срезневской (см. раздел «Коллективное»). Печ. по указанному изданию.

50

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Впервые – «Записные книжки». С. 564. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112). Текст
ахматовского примечания воспроизводился ранее (см.: ЛО. 1989. № 5. С. 11),
публикация В.А. Черных.

Крестили в соборе на Большом Фонтане. –

Имеется в виду Преображенский собор в Одессе.

Крестный отец – народоволец Романенко... Крестная мать – Мария Федоровна
Вальцер. – В.А. Черных приводит из текста Свидетельства о рождении Ахматовой:
«Восприемниками были: кандидат естественных наук Стефан Григорьев Романенко и
дочь дворянина Мария Федоровна Вальцер» (Черных, 1. С. 12). См. одну из записей
Ахматовой к автобиографии: «Мой крестный отец – Романенко – народоволец, сын
богатого бессарабского помещика. Революционер-подпольщик, о нем упоминает Вера
Фигнер» («Записные книжки». С. 400).

216 Вальцер (Вельцер) Мария Федоровна (1879– 1941) – педагог.

...ее визит к Достоевскому. – Воспоминания М.Ф. Вельцер не известны. См. запись
Ахматовой от декабря 1961 г. «К "Пестрым заметкам": Решила начать не с "М.В.
Вельцер у Достоевского", а с двух пушкинских заметок "Баннй Пушкин" и
"Пушкин-скобарь"» («Записные книжки». С. 186). По-видимому, замыслы
осуществлены не были.

Гунгербург – дачная местность (Усть-Нарва) близ моря (Меркульская ул., д. Шкотта
– «Записные книжки». С. 661). Ахматова вспоминала: «Когда мне было 5 и 6 лет,
семья проводила лето в Гунгербурге, где я впервые увидела море и великолепные
парусные суда в устье Наровы» (Соч., 1990. С. 462).

51

Впервые – «Записные книжки». С. 674–675. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114). (РТ –
тетрадь в переплете от книги М.Ю. Лермонтова).

Эта одна из поздних заметок (1 октября 1964) представляет собой наброски
неосуществленной автобиографической книги. Содержит вариации одновременных
набросков, писавшихся с 1946 г., когда Ахматова впервые задумалась о создании
книги о времени и о себе.

О прозе – крестик обозначает отсылку для памяти. С некоторыми разночтениями
повторен текст фрагмента 3. В одном из автографов (РНБ) так называемый «мостик»
представлен в другом контексте.

217 Ее приходы и уходы. (в 100+2). – Имеется в виду рабочая тетрадь (ед. хр.
110), одна из основных, заполнялась с апреля 1963 по февраль 1965 г. (в
переплете) от книги «Тысяча и одна ночь», свода из памятников арабской
литературы, пересказанных в форме волшебных сказок. Первое полное издание
арабского текста было предпринято в Булаке, пригороде Каира, в 1835 г. В России
первые переводы (с французского) относятся к концу XIX в.

Ахматова как бы шутливо уподобляет свое автобиографическое повествование
нескончаемым рассказам Шах-разады жестокому царю Шахрияру. Шахразада, которую
должны были казнить на исходе первой брачной ночи, пленяет Шахрияра волшебными
сказками, каждая из которых оказывается к утру не закончена. К исходу 1001 ночи
царь дарует супруге жизнь.

+ Мостик – знак обозначения местоположения предполагаемой части прозы, в другом
месте встречается подобная помета: «перемычка».

218 Смерть 1903. – О смерти кого-либо из близких Ахматовой в этом году нет
сведений. Помета, помещенная в разделе «Херсонес», может иметь отношение к
одному из прототипов «Царевича» поэмы «У самого моря». Возможна так же описка в
датировке события. Не исключено, что Ахматова имеет в виду стихотворение Н.
Гумилева «Смерть» (1906):

Нежной, бледной, в пепельной одежде Ты явилась с ласкою очей...

(Раскопки)... – руины античного города Херсонеса, где велись археологические
работы.

52

Впервые – Лямкина. С. 383, с сокращениями. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

219 ...другой голос... – Ахматова предполагала ввести в текст автобиографической
книги голос Н.Н. Лунина, из его воспоминаний о Царском Селе, оставшихся
неизвестными.

Ариша – Головачева Арина Витольдовна, дочь М.С. Петровых.

53

Впервые – «Записные книжки». С. 508–509. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ ПО).
«I» в значительной мере повторяет другие, более ранние фрагменты, однако
содержит и новую информацию.

220 «О, знал ли он, любимец двух столетий, // как страшно третьим будет принят
он»... – Из поэмы «Русский Трианон». Обычно строки «любимец двух столетий»
относят к Пушкину (см. Т. 3. С. 483–484). Ахматова раскрывает «второе дно
шкатулки», не отменяя первого.

Адмирал Чичагов – по-видимому, один из потомков старой морской семьи Чичаговых.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
54

Впервые – «Записные книжки». С. 589. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ ИЗ).

221 Вовка – см. Т. 2(1). С. 422.

Похороны «Петра», Растрелли и статуи в Летнем Саду. – Памятник Петру перед Инженерным замком и статуи Летнего сада маскировали и укрывали от вражеских бомбежек. См. также стихотворение Ахматовой «Ноченька» (NOX. Статуя «Ночь» в Летнем Саду):

...Доченька!

Как мы тебя укрывали Свежей садовой землей...

221 Я – по радио из квартиры М.М. Зощенко. – По-видимому, имеется в виду обращение Ахматовой к жителям блокадного Ленинграда, записанное в сентябре 1941 г., транслировалось по Всесоюзному радио.

Город «зашивают» – страшные звуки. – См. в

Эпilogе «Поэмы без героя»:

И стоит мой Город «зашитый»... Тяжелы надгробные плиты На бессонных очах твоих.

55

Впервые – «Записные книжки» С. 661–666, 668. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

Как можно полагать, этот «малый список» явился последним перечнем важнейших дат и вех в жизни Ахматовой, сделанных ею, по-видимому, уже не для себя, но для будущих биографов. Большинство фактов и дат в тех или иных контекстах присутствуют в подготовительных материалах для книги, которую Ахматова не успела завершить. Большая часть приведенных фактов откомментирована в предшествующих томах.

223 Paris, rue Bonaparte. 10. – Улица и дом, где жили Ахматова и Гумилев в дни их свадебного путешествия.

223 в 1912 в Швейцарии и Италии. Лозанна, Уши, Ospedaletti, Слепнево... – В.А. Черных комментирует эту запись Ахматовой: «Вержболово – Берлин – Лозанна – Уши – Ospedaletti (у родных М.А. Кузьминой-Караваевой жили около недели) – Сан-Ремо – на пароходе в Геную. Генуя – Пиза – Флоренция. Из Флоренции Н. Гумилев один ездил в Рим и Сиену и приблизительно через неделю вернулся обратно во Флоренцию... Из Флоренции вместе поехали в Болонью, Падую, Венецию. В Венеции жили дней девять. Затем Вена – Краков – Киев...» (Черных, 1.С. 53).

224 ...1 сентября ■■- весть о смерти Н.С. Гумилева. – Запись П.Н. Лукницкого: «Рассказывала о том, как она получила известие о смерти Н.С. Она была в Ц.С., в санатории; сидела на балконе с М.В. Рыковой. Перед балконом – изгородь, за ней дорога. Подход'гг... и вызывает за ограду М.В. Рыкову. Та встает, идет. Он ей что-то говорит, и АА видит, как та вдруг всплескивает руками и закрывает ими лицо. АА, почувствовав худое, ждет уже с трепетом, думая, однако, что несчастье случилось в семье Рыковых. Но когда М.В., возвращаясь, направляется к ней, АА уже чувствует, что известие относится именно к ней. М.В. подходит и приносит только "Николай Степанович" – и АА сама уже все поняла» (Лукницкий, 1. С. 52).

Пансионат Зайцева... с Мандельштамами. – Зимой и весной 1925 г. Ахматова и Мандельштамы некоторое время жили в пансионате в Царском Селе.

225 Ташкент... (Начала трагедию). – Имеется в виду трагедия «Энума элиш», начатая в Ташкенте и продолженная в Ленинграде. Была сожжена после ареста Л.Н. Гумилева, в ноябре 1949 г., в 1950-е гг. Ахматова предприняла попытку восстановить пьесу, усилив в ней стихотворный фон. Трагедия получила название «Энума элит. Пролог, или Сон во сне», однако полностью завершена не была.

225 Стратфорд. Несостоявшийся. – Во время своего пребывания в Англии, в июне 1965 г., Ахматова из-за плохого самочувствия не смогла поехать в Стратфорд, на родину Шекспира.

У Любы. – Любовь Давыдовна Большинцова-Стеннич (1908–1983) – близкий друг Ахматовой. В ее квартире Ахматова несколько раз останавливалась, приезжая в Москву.

226 Заповых. – Запов Александр Васильевич (1907–1997) – историк литературы, профессор, друг Ахматовой. Жена Заповых – Заповых-Башинджанян Галина (Гаяна) Христофоровна (1905–1990) – педагог.

Марусь – М.С. Петровых.

Ннка – Н.Н. Глен.

Смерть отца. – О кончине Андрея Антоновича Горенко сообщили газеты «Новое время» (1915, 26 августа); «Речь» (1915, 27 августа). Похороны состоялись на Волковом кладбище 27 августа.

Анреп Юния Павловна (урожд. Хитрово; 1882–1973) – жена Б.В. Анрепа.

Взрыв «Марии». – Гибель линкора «Императрица Мария» в октябре 1916 г., входит в цепь национальных катастроф. Ахматова рассказывала: «В Севастополе. Гибель "Марии". Утро. В окно встревоженная сестра взглянула: "Юродивый что-то странное говорит". Вышли, – боцман идет. Плачет. В автомобиле к Графской пристани

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова приехал Колчак. На рейд – низко-низко над водой – аэропланы» (Л у к н и ц к и й, 1. С. 209).

226 Приезд Колчака (1916). – Колчак Алек-сандр Васильевич (1873–1920) – адмирал, ученый-гид-ролог, участвовал в научных полярных экспедициях, пред-ставлял элиту флотского офицерства. После 28 июня 1916 г. командующий Черноморским флотом. Один из организа-торов Белого движения.

227 Сестры Игнатовы – Игнатова Наталья Иль-инична (1900–1956) – редактор;

Коншина Татьяна Иль-инична (урожд. Игнатова; 1898–1972) – библиотекарь.

Качалов Василий Иванович (наст. фам. Шверубо-вич; 1875–1948) – артист, включал стихи Ахматовой в свои концерты, читал их на дружеских вечерах.

Орбели Рубен Абгарович (1880–1943) – ученый-археолог.

Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) – поэт, переводчик.

Ханна – Горенко Ханна Вульфовна (урожд. Райцен; 1896–1979) – жена В.А. Горенко, брата Ахматовой. В1931 г. вслед за мужем эмигрировала в Шанхай; в 1955 г.

вернулась в СССР, работала в аптеке, затем переехала к сестре в Ригу. В мае 1961 г. жила с Ахматовой в Комаро-ве. В 1965 г. снова встречалась с Ахматовой.

Дружинин Федор Серафимович (р. 1932) – музы-кант, зять С.В. Шервинского.

Портрет Анюты Шервииской. – Шервинская Анна Сергеевна (р. 1931) – художница, дочь поэта и пе-реводчика Св. Шервинского, на даче у которого под Ко-ломной Ахматова гостила.

227 Замятина Людмила Николаевна (1883– 1965) – жена писателя Е.И. Замятина, приятельница Ах-матовой.

Лодий Зоя Петровна (1886–1957) – камерная пе-вица.

228 Пумпянская Татьяна – по-видимому, дочь Л.В. Пу мпянского.

Пумпянский Лев Васильевич (1891–1940) – фило-лог, литературовед, профессор Ленинградского универси-тета (в 30-е годы), автор книг о Достоевском.

56

Впервые – «Записные книжки». С. 697–700. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

229 Для Лиды. – Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996) – литературовед, близкая знакомая Ахма-товой.

Запись представляет собой заметки Ахматовой, или рабочую рецензию на переданную ей книгу: Анна Ахмато-ва. Сочинения. Т. 1/Общ. ред. вступ. статья, свод разно-чтений и примеч. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (USA): Inter-Language Literary Associates. 1965. Том содержал ряд грубых ошибок как в своем составе, так и в комментариях. Ахматова осталась недовольна и вступительной статьей.

Беседу с Ахматовой по поводу издания излагает Л.К. Чу-ковская (Ч у к о в с к а я, 3. С. 312–314, 465–467).

230 «Флейта Марсия» – ошибка памяти. По-ви-димому, имеется в виду «Свирель Пана».

230 Важно с мальчиками... – прав.: «Важно с де-вочками...».

231 Песен Арнольд Ильич (1878–1976) – издатель. Плоткин Лев Абрамович (р. 1905) – критик,

232 Маслин Николай Никифорович – литерату-ровед.

233 Георгиев Борислав – болгарский переводчик. Баблер Отто – чешский переводчик.

234 Гюнтер Иоганнес, фон (1886–1973) – немец-кий поэт, переводчик, прозаик, драматург. В 1910-е годы подолгу жил в России, сотрудничал в журнале «Аполлон».

262 Ландольфи Томмазо (1908–1979) – италь-янский писатель и переводчик.

Бло Жан – французский литературовед.

Скуалек Рудольф – словацкий переводчик.

Цветеремиш (Зветеремиш) Пьетро Антонио (1922– 1992) – итальянский литературовед и переводчик.

57

Впервые – Советские писатели. Автобиография. Т. 3. М., 1966. С. 31–33.

Автобиография была написана для этого издания. Сохранился более ранний ее вариант, датированный 25 марта 1960. Москва. Авторизованный текст (РНБ).

Ниже приведены фрагменты из этого варианта, не вошедшие в публикуемый текст.

«...В десять лет перенесла корь с такими тяжелыми ос-ложнениями, по мнению врача, должна была умереть, и очень долго была в бреду. Когда мне было 5 и 6 лет, семья проводила лето в Гунгербурге, где я впервые увидела море и великолепные парусные суда в устье Наровы».

«... .Когда мне было 16 лет, рас-стались мои родители, и моя мать целый год провела со всеми детьми в Евпатории. Там не было железной дороги, и пароходы не могли подходить к берегу.

О событиях 1905 года мы узнавали только по слухам. Я бродила по пустынному пляжу и в первый раз слушала "взаправдашние", не учебные выстрелы с "Потем-кина". Я вспомнила, как дрожали руки у студента-репетитора, когда он приехал зимой в Царское Село и рассказывал о 9 янва-ря».

«... В 1912 году... во Флоренции видела, как рабочие на-клеивали на стены первомайские прокламации, а полицейские их срывали. Впечатление от итальянской живописи было так огром-но, что помню ее

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова как во сне. Только теперь, когда я увидела Дрезденскую галерею в Москве, на меня нахлынули воспоминания». «... 27 февраля 1917 года я была на генеральной репетиции "Мас-карада" в Александринском театре. Когда мы вышли из театра, по Невскому шли лавой войска, и перейти было нельзя. А 25 октября я жила на Выборгской стороне у своей подруги В.С. Срезневской... Я шла оттуда на Литейный, и в тот момент, когда я очутилась на мосту, случилось нечто беспрецедентное: среди бела дня развели мост. Остановились трамваи, ломовики, извозчики и пешеходы. Все недоумевали...». «...Вскоре после Октябрьской революции очень многие мои современники, как известно, покинули родину. Для меня этот вопрос никогда не вставал. Некоторое время я работала в библиотеке Агрономического института (выдавала книги и писала карточки), ведя тот суровый образ жизни, который пал на долю тогдашних петербуржцев. С конца 1921 года была членом правления Союза писателей. Когда снова стали выходить книги, сотрудничала в целом ряде журналов и альманахов, выступала на вечерах (между прочим, в Москве и Харькове)». «...В послеблокадном Ленинграде меня больше всего поразило спокойствие ко всему привыкших жителей. Несмотря на то, что неприятель был еще очень близко, они были уверены, что все уже в порядке. Одна девушка, увидев меня, заплакала и сказала: "В первый раз вижу чело-века с Большой Земли". Летом я ездила в Териоки (тогда фронт), где провела несколько дней и читала в госпиталях стихи». «... На Новый год в 1954 году ездила в Таллин любоваться его чудесной готикой» (Печ. по публикации Э.Г. Герштейн – из собрания Н.Н. Глен. Соч., 1986. С. 428–429). Автобиографическая заметка «Коротко о себе» – своего рода конспект ненаписанной книги. Сюда вошли некоторые измененные, а то и прямые цитаты из приведенных выше фрагментов, а также абзац из новеллы «Амедео Модильяни» и фрагмент прозы.

Такая «податливость» материала еще раз свидетельствует о целостности текста автобиографической прозы Ахматовой.

236 Мой отец. – Андрей Антонович Горенко (1848–1915), уроженец Севастополя, служил на Черно-морском флоте сначала инженером-механиком, а затем преподавателем морских юнкерских классов в Николаеве, сотрудничал в «Николаевском вестнике», был хорошо известен в либерально-демократических кругах русского юга. Из Николаева был переведен в Петроград преподавателем паровой механики в морской корпус. В Петрограде выступал с докладами в Вольно-экономическом обществе о деятельности Русского общества пароходства и торговли, вызвав интерес к себе и недовольство начальства. По свидетельству Ахматовой, он «не сошелся характером» со своим августейшим начальником великим князем Александром Михайловичем и подал в отставку. На гражданской службе – по ведомству Государственного контроля, в 1905 г. вышел в отставку в чине статского советника.

...я была перевезена... в Царское Село. – В Царское Село семья переехала в 1891 г.

236. ..мама с детьми уехала на юг. – Мама – Инна Эразмовна, урожденная Стогова (1852–1930). Дети: Инна (1885–1905) – старшая сестра Ахматовой, умерла от туберкулеза. Была замужем за Сергеем Владимировичем фон Штейном, адресатом многих писем Ахматовой. Андрей (1887–1920) – старший брат Ахматовой, учился в Сорбонне, был женат на своей двоюродной сестре Марии Александровне Змунчила (ум. 1920). Не в силах перенести смерть ребенка, Андрей и Мария предприняли попытку самоубийства, приняв яд. Андрей умер, а Марию удалось спасти. Ирина (1892–1896) и Ия (1894–1922) – умерли от туберкулеза. Виктор (1896–1976) – младший брат, морской офицер, служил на Черноморском флоте, после революции уехал на Дальний Восток, а затем в США.

238 Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. – Ахматова считала свою жизнь в Слепневе подлинной встречей с Россией.

240 Страшный призрак, притворяющийся моим городом. – См. фрагмент 3 автобиографической прозы. Введен Ахматовой в настоящий текст с небольшими стилистическими изменениями.

...побывала в Риме и на Сицилии – 1 декабря 1964 г. Ахматова выехала поездом в Италию на чествование, в связи с присуждением Международной литературной премии «Этна-Таормина». 4 декабря на вокзале в Риме ее встречала литературная общественность. 7 декабря в городе Таормина, на Сицилии, принимала участие в Руководящем совете Европейского сообщества, в составе советской писательской делегации. 12 декабря в замке Урсино, в городе Катания, Анне Ахматовой была вручена премия – «За 50-летие поэтической деятельности и в связи с недавним изданием в Италии сборника стихов». После официальной церемонии состоялся вечер поэзии, Ахматова читала свои стихи, читались и стихотворные приветствия юбиляру. Вечер и торжества транслировались по Европейскому телевидению в прямом эфире. О торжествах в связи с вручением Ахматовой премии «Этна-Таормина»

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова рассказала немецкий писатель Ганс Вернер Рихтер (1908–1993), участвовавший в церемонии. Его шутивно-ироническое, однако, полное глубокого уважения, блистательное эссе «Эв-тепра с берегов Невы» было передано по радио 30 января 1965 г. В тот же год вышло отдельной брошюрой в издательстве «Friedenauer Press». В переводе Л.З. Копелева опубликовано Л.К. Чуковской (см.: Чуковская, 3. С. 498–504). Экземпляры машинописного текста – в ГЛМ (Москва), Фонтанном доме (СПб.).

По свидетельству Л.К. Чуковской, Ахматова восприняла эссе Рихтера благосклонно (там же. С. 314).

ИЗ ПЛАНОВ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ КНИГ ПРОЗЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

В рабочих тетрадях Анны Ахматовой (РГАЛИ) и автографах (РНБ) сохранилось планы, или оглавления, неосуществленных книг прозы, нередко варьирующих друг друга. Некоторые из них сопровождаются авторскими комментариями и пояснениями. Публикуем некоторые из них, записанные в рабочих тетрадях, хранящихся в РГАЛИ и опубликованных в «Записных книжках». Планы книг о Пушкине будут помещены в томе с «Пушкинскими штудиями», как Ахматова называла свои историко-литературные исследования, обращенные главным образом к психологии творчества поэта. Датируются по рабочим тетрадям, хотя в некоторых случаях в автографах РНБ возможно иная, более ранняя датировка.

Более полный свод оглавлений и планов книг Ахматовой см.: Гончарова Н. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.; СПб., 2000.

1

Впервые – Лямкина. С. 381–382. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

Записаны с небольшим временным интервалом, однако отражают два этапа работы. Вступление отличается большей лаконичностью, состоит из двадцати параграфов, обозначающих главные события будущей автобиографической книги.

Продолжение – представляет собой по сути новый проспект книги, с эпиграфом и тремя частями, каждая из которых включает в себя разделы с конспективным изложением событий. План-проспект концептуален, подводит итоги пятидесятилетней творческой деятельности, отличается целостностью, открывая пути последовательному изложению событий. Однако книга не была написана. И для этого были серьезные причины. С 1962 г. Ахматова участвует по различного рода каналам статьи и книги зарубежных критиков, мемуарную литературу тех, кто некогда входили в окружение Н.С. Гумилева и были в большей или меньшей степени знакомы с ней. Начинают выходить собрания сочинений Н. Гумилева и О. Мандельштама, подготовленные Г.П. Струве и Б.А. Филипповым. Возникает интерес к творчеству Ахматовой за рубежом, тиражируются книги ее стихов и пишется множество статей, искажающих факты. Обеспокоенная Ахматова вступает в полемику, поставив перед собой первостепенную задачу борьбы, как она говорила, с «псевдомемуариями». Она пишет острополемические заметки, подвергнув детальному и пристрастному анализу выходящие работы, стремится восстановить истину. Кроме того, она пишет целый ряд заметок, писем.

24 J Ависага – красавица сунамитянка, избранная для прислуживания престарелому царю Давиду (III Царств. 1,15). По преданиям Ветхого Завета, Давид ее «не познал». Имя Ависаги несколько раз встречается в маргиналиях Ахматовой. В РТ 96 с отсылкой к роману Достоевского «Подросток», где одна из героинь Анна Андреевна, воспитанница престарелого князя Николая Ивановича Сокольского, богача и тайного советника, собирается выйти за него замуж с тем, чтобы служить ему и уберечь от грозящей ему опеки. Князь говорит о своей невесте: «Какая очаровательная особа, а? Песни Соломона... нет, это не Соломон, это Давид, который укладывал на свое ложе юную красавицу, чтобы согреть свою старость. Впрочем, Давид, Соломон... Эта юная красавица старого Давида – это же целая поэма» (Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 255–256). 246 В1918– Третий Зачатьевский. – После развода с Гумилевым Ахматова вместе со своим мужем В.К. Шилейко жила в Москве в 3-м Зачатьевском переулке. См. стихотворение «Третий Зачатьевский» (1940) из цикла «Черный сон».

Фонтанный Дом Шереметевский – Ахматова жила в разных флигелях Шереметевского дворца: с Шилейко – в 1918 г.; с 1926 по 1952 г. – с Н.Н. Луниным, а после его ареста в августе 1949 г. с его семьей – И.Н. Луниной и А.Г. Каминской. Во флигеле Мраморного дворца, она жила в казенной квартире В.К. Шилейко, затем некоторое время на Сергиевской, 7, в квартире, выделенной ей Агрономическим институтом, в библиотеке которого она работала.

2

Впервые «Записные книжки». С. 150. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

Книгу «Пестрые» или «Беглые заметки» Ахматова предполагала составить из новелл – литературных портретов А. Модильяни, О. Мандельштама, А. Блока и др. В автокомментарии к плану книги Ахматова поясняет: «Каждому из них будет посвящена отдельная глава. Первые три готовы или полуготовы (I. Смертный путь. II.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Разгадка тайны. III. Как у меня не было романа с Блоком.) IV. Неуслышанный
голос. V. Невинная жертва (Полонская). VI. И все-таки победительница. VII.
Нищенка-подруга» («Записные книжки». С. 150).
Неуслышанный голос – относится к Г.А. Шенгели, которого Ахматова ценила как
поэта, но при жизни обойденного вниманием критики и читателя.
Нищенка-подруга – строка из стихотворения О. Мандельштама.

3

Впервые – «Записные книжки». С. 230. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).
248 Книга – шутовское от книги, повторяется несколько раз, источник возникновения
не установлен.

Достоевский. – Достоевского, как и Пушкина, Ахматова считала ключевой фигурой
русской литературы. По-видимому, ее утраченная работа «Пушкин и Достоевский»
была лишь частью замысла большого исследования о Достоевском, где были бы и
сопоставления с Шекспиром. Этому наброску плана сопутствовал автокомментарий:
«(Л крестный Романенко был человеком революционного подполья, т.е. "Народной
Воли" – имени его я не знаю. Мама говорила: «Из нашего "кружка" 1881 г.»)

IV. [Дед] Чингиз-хан. Дед Ахмат. Его смерть. Русский убийца. Крестный ход из
Сретенского монастыря в честь этого дня. Конец ига.

Морские предки (Фрося?) Папина двоюродная сестра привела в гавань парусное
судно, потеряв в море мужа – владельца корабля. Он порезал руку канатом и умер
от зараженья крови.

Она была гречанка и водила меня в греческую церковь в Севастополе (на Слободке).
Там пели Кириэлэйсон (Господи, помилуй). В моем детстве и ранней юности было
много моря. Мне казалось – я все про него знаю. Наяву оно никогда не казилось
мне страшным, но во сне участвовало в детских кошмарах про войну» («Записные
книжки». С. 298).

248 Свита фальстафа и «Макбет». – Ахматова предполагала написать работу о некой
«тайне», заключенной в неоднозначном образе фальстафа, повторяющегося в
драматургии Шекспира. Трагедию «Макбет» она выделяла, видя в ней аллюзии с
современностью и частично перевела (см. АО. 1989. № 5. С. 18–21, публикация Р.
Тименчика).

249 Дафнис и Хлоя. – См. стихотворение Н. Гумилева «Современность».

Проза о поэме. – См. Т. 3.

4

Впервые – «Записные книжки». С. 298. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108).

5

Впервые – «Записные книжки». С. 443. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

249 Китаб– книга (араб.).

250 «В гостях у смерти», «Три сирени», «Из блокады» – новеллы, написанные
Ахматовой в 1944 г. и позже утраченные.

(Для Эйнауди). – Эйнауди – итальянское издательство, принадлежащее издателю
Джулио Эйнауди, с которым Ахматова несколько раз встречалась в Москве и
Ленинграде. В названном издательстве было издано несколько книг Ахматовой при
ее жизни.

Четвертый двор вел в квартиру по Фонтанке № 18, где Ахматова поселилась после
разрыва с В.К. Шилейко, у О.А. Судейкиной и А.С. Лурье. См. стихотворение:
А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки
одноногой,

И била жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем,
единственной дорогой.

6

Впервые – «Записные книжки». С. 574. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

Гейдройц Вера Игнатьевна (псевд. Сергей Гейдройц; 1876–1932) – поэтесса,
прозаик, врач. В 1917 г. была хирургом 6-й Сибирской стрелковой дивизии на
русско-немецком фронте. Входила в первый «Цех поэтов».

Могила (от М.И.Б.). – О ком идет речь, не установлено. Ахматова часто знаком
Х обозначала Н.С. Гумилева, чью могилу пыталась разыскать.

251 О Комаровском. – Новелла о поэте-царско-селе, авторе сборника стихотворений
«Первая пристань» и незавершенного романа «До Цусимы» В.А. Комаровском не была
написана. Отдельные записи к теме сохранились в рабочих тетрадях.

«Судьбы русской поэзии в ваших руках». – Слова, сказанные В.А. Комаровским
Ахматовой.

252 «До Цусимы» – недописанный роман В.А. Комаровского, главы из которого им
читались в доме царскоселов Кардовских – художников О.Л. Делла-Вос-Кардовской
О.Л. и ее мужа Д.Н. Кардовского.

Что я помню из романа про сестру героя. – Сохранилась запись Ахматовой (после
15 августа 1964 г.) о посещении ее в Комарове Р. Якобсоном: «Говорили про
роман Комаровского "До Цусимы". Помню только, как сестра героя петербургская

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов светская дама, узнав, что брат умирает, произносит бессмертную фразу: "Мне сегодня надо раньше лечь спать – Je dois être fraîche pour la* пани-хида..." Я слушала, [как] когда роман "До Цусимы" читал Д. Святополк-Мирский (душеприказчик Комаров-ского) у Кардовских в 1915 (в царском). Когда в 1937 г. я спросила Мирского, где рукопись, он уверял меня, что она пропала. Это, кажется, все, что я знаю по этому делу» («Записные книжки». С. 480).

РЕЦЕНЗИИ. ЗАМЕТКИ. ПУБЛИЦИСТИКА
(1914–1965)

В настоящем разделе представлены отзывы Ахматовой о книгах поэтов-современников, заметки в текущей периодике, ее выступление по ленинградскому радио в последних числах сентября 1941 г., когда началась бомбежка города и его блокада.

Материалы подобного рода, в их числе рекомендации Ахматовой молодым поэтам, для их вступления в члены Союза писателей СССР, на сегодняшний день полностью не собраны. Однако публикуемые тексты дают представление о гражданской позиции Ахматовой, ее литературных вкусах и пристрастиях.

«Слово о Пушкине» (1962), «Заметки на полях» (рецензия на книгу Э.Г. Герштейн «Судьба Лермонтова». М., 1964) будут опубликованы в т. 6 вместе с другими материалами, посвященными великим предшественникам Ахматовой – Данте, Пушкину, Лермонтову, Некрасову.

О СТИХАХ Н. ЛЬВОВОЙ

Впервые – Русская мысль. 1914. № 1. С. 27–28. По свидетельству Н.В. Королевой, в собрании М.Л. Лозинского (Санкт-Петербург) хранятся пометы Ахматовой в ответ на его замечания по поводу ее рецензии.

Первый опыт Ахматовой в прозе – отклик на книгу молодой поэтессы Надежды Львовой и ее трагическую судьбу. По-видимому, резко отрицательное отношение Ахматовой к Брюсову связано и с этой историей, в которой он сыграл неприглядную роль. Вл. Ходасевич вспоминает:

«Быть может, все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов...

Это двустишие Брюсов цитировал много раз. Расскажу об одном случае, связанном не прямо с этими строчками, но с мыслью, в них отраженной. В начале 1912 года Брюсов познакомил меня с начинающей поэтессой Надеждой Григорьевной Львовой... Надя Львова была не хороша, но и не вовсе дурна собой. Родители ее жили в Серпухове; она училась в Москве на курсах. Стихи ее были очень зелены, очень под влиянием Брюсова. Вряд ли у нее было большое поэтическое дарование. Но сама она была умница, простая, душевная, довольно застенчивая девушка. ... Мы с нею сдружились. Она всячески старалась сблизить меня с Брюсовым, не раз приводила его ко мне, с ним приезжала ко мне на дачу. Разница в годах между ней и Брюсовым была велика. Он конфузливо молодился, искал общества молодых поэтов. Сам написал книжку стихов почти в духе Игоря Северянина и посвятил ее Наде.

Выпустить эту книгу под своим именем он не решился, и она явилась под двусмысленным титулом: "Стихи Нелли. Со вступительным сонетом Валерия Брюсова". Брюсов рассчитывал, что слова "Стихи Нел-ли" непосвященными будут поняты, как "Стихи, сочиненные Нелли". Так и случилось: и публика, и многие писатели поддались обману. В действительности подразумевалось, что слово "Нелли" стоит не в родительном, а в дательном падеже: стихи к Нелли, посвященные Нелли. Этим именем Брюсов звал Надю без посторонних. С ней отчасти повторилась история Нины Петровской: она никак не могла примириться с раздвоением Брюсова – между ней и домашним очагом. С лета 1913 года она стала очень грустна. Брюсов

систематически приучал ее к мысли о смерти, о самоубийстве. Однажды она показала мне револьвер – подарок Брюсова. ... В конце ноября, кажется – 23 числа, Львова позвонила Брюсову, прося тотчас приехать. Он сказал, что не может, занят. Тогда она позвонила к поэту Вадиму Шершеневичу: "Очень тоскливо, пойдемте в кинематограф". Шершеневич не мог пойти – у него были гости. Часов в 11 она позвонила ко мне – меня не было дома. Поздним вечером она застрелилась. Об этом мне сообщили под утро. Через час ко мне позвонил Шершеневич и сказал, что жена Брюсова просит похлопотать, чтобы в газетах не писали лишнего. Брюсов мало меня заботил, но мне не хотелось, чтобы репортеры копались в истории Нади. Я согласился поехать в "Русские ведомости" и "Русское слово". Надю хоронили на бедном Миусском кладбище, в холодный, метельный день. Народу собралось много. У открытой могилы, рука об руку, стояли родители Нади, приехавшие из Серпухова, старые, маленькие, коренастые, он – в поношенной шинели с зелеными кантами, она – в старенькой шубе и приплюснутой шляпке. Никто с ними не был знаком. Когда могилу засыпали, они, как были, под руку, стали обходить собравшихся. С напускной бодростью, что-то шепча трясущимися губами, пожимали руки, благодарили. За что? Частица соучастия в брюсовском преступлении лежала на многих из нас, все видевших и ничего не сделавших, чтобы спасти Надю. Несчастные старики этого не знали. Когда они приблизились ко мне, я отошел в сторону, не

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова смея взглянуть им в глаза, не имея права утешать их. Сам Брюсов на другой день после Надиной смерти бежал в Петербург, а оттуда в Ригу, в какой-то санаторий. Через несколько времени он вернулся в Москву, уже залечив душевную рану и написав новые стихи, многие из которых посвящались новой, уже санаторной "встрече"... На ближайшей среде "Свободной эстетики", в столовой Литературно-художественного кружка, за ужином, на котором присутствовала "вся Москва" – писатели с женами, молодые поэты, меценаты и меценатки, – он предложил послушать его новые стихи. Все затаили дыхание – и не напрасно: первое же стихотворение оказалось декларацией. Не помню подробностей, помню только, что это была вариация на тему Мертвый в гробе мирно спи, Жизнью пользуйся живущий, – а каждая строфа начиналась словами: "Умершим – мир!" Прослушав строфы две, я встал из-за стола и пошел к двум. Брюсов приостановил чтение. На меня зашикали: все понимали, о чем идет речь, и требовали, чтобы я не мешал удовольствию. За дверь я пожалел о своей поездке в "Русское слово" и "Русские ведомости"» (Х одасевич В. Некрополь. М., 1991. С. 33–35).

НАД ЧЕМ Я РАБОТАЮ

Впервые – Литературный Ленинград. 1936. 29 сентября, в рубрике «Наши интервью». 257 ...я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина... – Академическое собрание сочинений А.С. Пушкина (1934–1949) было издано с кратким комментарием, вопреки первоначальным планам. Подготовленные Ахматовой комментарии к «Сказке о золотом петушке» опубликованы в кн.: «Рукописи А.С. Пушкина. фототипическое издание. Альбом 1833–1835 гг. Комментарий. Тетрадь 2374 публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Под ред. С. Бонди». М.: ГИХЛ, 1939. С. 23–26.

Варужан Даниэль (1884–1915) – армянский поэт. Учился в Венеции и Бельгии, воспевал национальные патриархальные устои. Автор сборника стихов «Языческие песни» (1912); стал жертвой геноцида.

Одновременно с интервью Ахматовой в «Литературном Ленинграде» было опубликовано стихотворение Варужана «Моей матери» в ее переводе и с припиской: «Гонимый за перевод этого стихотворения прошу перевести в фонд помощи женам и детям героического испанского народа, мужественно борющегося против фашистов за свободу и независимость своей страны. А. Ахматова».

257 Чаренц (наст. фам. и имя Согомонян Егеше Абагарович; 1897–1937) – армянский поэт и прозаик, участник Первой мировой и гражданской войны, был репрессирован. Талант формировался под заметным воздействием поэзии Ваана Терьяна и А. Блока. Первый сборник «Три песни печально-бледной девушки» (1914), последний «Книга пути» (1933).

258 Мною подготовлен к печати сборник «Избранное»... – Ахматова имела в виду составлявшуюся ею «шестую книгу стихов»: «Тростник». Однако она не была издана. В 1940 г. вышел сборник «Из шести книг».

Недавно я написала стихотворение, посвященное ему. – Ахматова цитирует стихотворение «Поэт» (Борис Пастернак)//Звезда. 1940. № 3–4.

...буду переводить трагедию Шелли «Ченчи»... –

Издание не было осуществлено. Первый перевод «Ченчи» (1819) в России принадлежит П. Вейнбергу (Русское Слово. 1864. Сентябрь).

ВЫСТУПЛЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ В РАДИОПЕРЕДАЧЕ «ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД»

Впервые – в кн.: Берггольц О.Ф. «Говорит Ленинград». Л., 1964. С 23 июня 1941 г. и до последних дней Отечественной войны Берггольц работала на Ленинградском радио, многие передачи которого транслировались Всесоюзным радиокомитетом. О выступлении Ахматовой она вспоминает: «Мы записывали ее не в студии, а в писательском доме, так называемом "недоскребе", в квартире М.М. Зощенко. Как назло был сильнейший артобстрел, мы нервничали, запись долго не налаживалась. Я записала под диктовку Анны Андреевны ее небольшое выступление, которое потом она сама выправила, и этот – тоже уже пожелтевший листок, я тоже до сих пор храню бережно, как и черновичок Шостаковича. И если до сих пор, через два десятка лет звучит мне глуховатый и мудро-спокойный голос Шостаковича ... то не забыть мне и того, как через несколько часов после записи понесся над вечерним, темно-золотым, на минуту стихшим Ленинградом глубокий, трагический голос "музы плача". Но она писала и выступала в те дни совсем не как муза плача, а как истинная и отважная дочь России и Ленинграда».

В статье «От имени ленинградцев» в праздничном номере «Литературной газеты» (9 мая 1965 г.) Берггольц возвращается к 1941 г. и к Ахматовой: «Как я помню ее около старинных кованых ворот на фоне чугунной ограды фонтанного дома, бывшего Шереметевского дворца. С лицом, замкнутым в суровости и гневности, с противоголозом через плечо, она несла дежурство как рядовой боец противовоздушной обороны. Она шила мешки для песка, которым обкладывали траншеи убежища в саду того же фонтанного дома, под кленом, воспетым ею в "Поэме без героя"» (Берггольц

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
О. Избранные произведения: в 2 т. Л., 1967. Т. 2. Проза. С. 131-132).

О СЕБЕ

Впервые – журн. «Культура и жизнь». 1957. № 1. С. 11–12, в рубрике «Писатели рассказывают», с портретом работы А.Г. Тышлера.

260 «■Неувядаемые слова страны зеленых гор» – раздел стихотворений, переведенных Ахматовой для книги «Корейская классическая поэзия»/Общая ред., предисл. и примеч. А. Холодовича (М., 1956).

260 Я перевела поэму Рабндраната Тагора «Африка». – Поэма вошла с другими переводами Ахматовой («Дыхание песни», «Старшая сестра», «Переправа», «Чаша та полна страданий», «Когда сквозь сумрак предо мной», «У раскрытого окна») в т. 7 Собр. соч. Р. Тагора. (М., 1957).

...драма Виктора Гюго «Марион Делорм»... –

Трагедия «Марион Делорм» вошла в т. 3. Собрания сочинений В. Гюго (М., 1956).

...о «Каменномосте»... – Работа Ахматовой «"Каменный гость" Пушкина» была опубликована в кн.: «Пушкин. Исследования и материалы». Академия наук СССР. Институт Русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 2. М.; А., 1958. С. 185–195.

...о причине гибели поэта... – В последние годы жизни Ахматова работала над книгой «Гибель Пушкина». Незавершенные части книги опубликованы посмертно: «Александринка» (Звезда. 1973. № 2. С. 208–214; Гибель Пушкина//ВА. 1973. № 3. С. 191–236).

Сборник «День Поэзии» – альманах «День поэзии». М., 1956.

Двухтомная антология советской поэзии. – Антология русской советской поэзии: в 2 т. 1917–1957. Т. 1. С. 318–328: («Сказал, что у меня соперниц нет...», «Хорошо здесь: и шелест и хруст...», «Здесь Пушкина изгнание началось...», «Воронеж», «Годовщину веселую праздную...», «Мне ни к чему одические рати...», «Маяковский в 1913 году», «Первый дальнбойный в Ленинграде», «Клятва», «Щели в саду вырыты...», «Мужество»,

«Многое еще, наверно хочет...», отрывки из «Поэмы без героя», «С самолета», «И как всегда бывает в дни разрыва...», «А вы, мои друзья последнего призыва...», «Памяти друга», «В пионерлагере», «Как будто заблудившись в нежном лете...», «Песня мира», «Говорят дети», «Приморский парк Победы»).

261 «Избранное» – стихотворения (М., 1958.131 с).

ИРИНА КНОРРИНГ

Впервые – журн. «Простор». 1962. № 6. С. 43. Вступительное слово Ахматовой к подборке стихов Ирины Кнорринг: «Я верю в Россию...» (1933, Эрувилль), «Мыши» («Мыши съели старые тетрадки...») (1931, Париж), «Однажды, случайно, от скуки...» (1933, Эрувилль), «Россия! Печальное слово...» (1933, Париж), «Окно в столовой» (1938, Париж), «Мне холодно. Мне хочется согреться...» (1939, Париж), «Темнота, но светят фонари...» (3. III. 42, Париж).

261 Кнорринг Ирина Николаевна (1906–1943) –

поэтесса, автор книг «Стихи о себе» (Париж, 1931), «Окна на Север» (Париж, 1939), третья книга «После всего» (1949) издана отцом поэтессы историком и литератором Николаем Николаевичем Кноррингом. Семья Кнорринг покинула Россию на корабле «Генерал Алексеев», направившемся в ноябре 1920 г. из Севастополя в Северную Африку. На борту корабля четырнадцатилетняя Ирина написала стихи, датированные 17 ноября 1920 г.:

Брожу по палубе пустынной, Гляжу в неведомую даль, Где небо серое, как сталь. И вьются чайки цепью длинной Передо мною, сквозь туман, Как серый призрак, как обман, Видны строения Цареграда...

Критикой отмечались гумилевские мотивы в поэзии И. Кнорринг, в части описаний дальних стран и путешествий (Сергей Сучков). В 1955 г. Н.Н. Кнорринг получил разрешение вернуться в Россию и право на жительство в Алма-Ате, где написал своеобразные мемуары «Книга о моей дочери», сочетающие в своей структуре прозу с поэзией (Простор. 1993. № 12).

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. ПЕРЕД СНЕГОМ

Впервые – «День поэзии 1976». М., 1976. с. 188–189. публикация сопровождается комментарием Н.Н. Глен: «Рецензия на книгу Арсения Тарковского "Перед снегом" (М.: Сов. писатель, 1962) А.А. Ахматова писала в январе 1963 г. для журнала "Новые книги". Однако рецензия по каким-то случайным причинам не была опубликована. Текст печатается по хранящемуся у меня машинописному экземпляру рецензии с правкой А.А. Ахматовой».

261 Тарковский Арсений Александрович (1907–1989) – поэт, переводчик, отец кинорежиссера Андрея Тарковского. В Великую Отечественную войну ушел добровольцем на фронт, пережил тяжелое ранение. Набор подготовленной им в 1945 г. книги «Стихотворения разных лет» был уничтожен после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». До выхода первой книги «Перед снегом» был известен главным образом как переводчик, с Ахматовой его связывали дружеские отношения; он

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
2г сивм,
IW СОЧЛИК ![

часто упоминается в ее записных книжках. Запись от 2 фев-раля 1966 г., по-видимому, связана с поэмой А.Г. Найма-на, которую Тарковский прочел по просьбе Ахматовой: «Текст Арсения Тарковского о поэме Анатолия Наймана» («Записные книжки». С. 707). См. также запись от 4 ян-варя 1965 г.: «Письмо от Арсения. Удивительное! С каким сильным и блестящим талантом критика родился этот замечательный поэт» («Записные книжки». С. 692). Тар-ковский – автор предисловия к книге переводов Ахмат-вой. В стихотворении на смерть Ахматовой написал:

Пб льду, по снегу, пб жасмину,
На ладони снега бледней, Унесла в свою домовину
Половину души, половину Лучшей песни, спетой о ней...

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ И ПАОЛО ЯШВИЛИ

Впервые – Соч., 1986. С. 210, публикация Л. Ман-дрыкиной по автографу РНБ. 264 Табидзе Тициан Юстинович (1895–1937) – грузинский поэт, в 1917 г. окончил филологический факуль-тет Московского университета. В Москве сблизился с рус-скими символистами, один из организаторов группы гру-зинских поэтов «Голубые роги». С начала 1930-х гг. был в близких дружеских отношениях с Пастернаком, высоко ценившим дарование и сделавшим ряд переводов из Та-бидзе (см.: Пастернак Б. Т. 2. С. 241–245.). В 1937 – расстрелян, позже реабилитирован.

Яшвили Паоло (1895–1937) – грузинский поэт и общественный деятель, учился в Париже, где сблизился с символистами, изучал живопись. Один из организаторов группы грузинских символистов «Голубые роги», издавал одноименный журнал. Переводил на грузинский Пушки-на, Маяковского, Бодлера и др. Покончил с собой 17 (29) июня, в период разгула репрессий.

265 ...на банкете в 1935 году в Москве... – В фев-рале 1935 г. проводилась декада грузинской литературы. 3 февраля был вечер в Москве, 9 февраля – в Ленинграде.

Табидзе Танил Тициановна (р. 1922).

Гибель его мы... оплакивали очень горько. – З.Н. Пастернак вспоминает: «Из Грузии пришли страш-ные вести: застрелился Паоло Яшвили, которого мы с Бо-рей очень любили, вскоре арестовали Тициана Табидзе. Описать трудно, что творилось в нашем доме. Когда до нас дошли слухи о причинах самоубийства Паоло Яшвили и об аресте Табидзе, Боря возмущенно кричал, что уверен в их чистоте, как в своей собственной, и все это ложь. С этого дня он стал помогать деньгами Нине Александр-овне Табидзе и приглашал ее к нам в гости. Никакого стра-ха у него не было, и в то время, когда другие боялись пода-вать руку жене арестованного, он писал ей сочувственные письма и в них возмущался массовыми арестами» (Пас-тернак Б. Второе рождение. Письма к З.Н. Пастер-нак//З.Н. Пастернак. Воспоминания. ГРИТ. Дом-му-зей Б. Пастернака. М., 1993. С. 293–295).

В декабре 1939 г. Б.Л. Пастернак обратился с пись-мом к Н.А. Табидзе, с которой он и Зинаида Николаевна сохранили дружеские отношения до конца жизни (НА. Табидзе жила у Пастернаков в Переделкине и в год кончины Бориса Леонидовича). Он писал: «Дорогая Нина! Простите, что пишу Вам. Вас, наверное, не надо тревожить. Недавно, совсем недавно до меня дошел слух, будто Тициа-на нет в живых. Можете понять, что со мной сделалось. Но несколько часов тому назад мне сказали, что это предполо-жение ложно и имеются доказательства противоположного. Я вер-нулся домой, шатаюсь от радости, и, пока пишу Вам, эта вера переходит в уверенность. Но удостоверьте ее. Скажите мне, что он живет, протелеграфируйте или напишите. Нина, Нина, вот что мне надо от Вас! Чтобы во всех обстоятельствах, какие бы ни послало нам небо, Вы знали и помнили, что весь я и вся моя жизнь и разуменье принадле-жат Вам и Нине, и ими располагали. В те три несчастных дня, что я старался поверить страшному слуху, я узнал, что это было бы для меня не только беспредельным горем, но и такой переменной во всей моей жизни, после которой ни одна из ее радостей не стала бы мне мила, потому что их не с кем было бы разделить. Я любил мысль, что живу для него, а он для меня, и если бы это случилось, все будущее бы обес-смыслилось. Нина, я не знаю, чээ пишу вам. Но надежда не оставляет меня. Ваш Боря» (Пастернак Б. Т. 5. С. 380).

Грузинский литературный критик В. Балуашвили рас-сказывает о своей беседе с Ахматовой, состоявшейся весной 1965 г.: «...я спрашиваю, известно ли ей стихотворение, опубликованное в 1922 году в одном из грузинских журналов – "Письмо Анне Ахматовой" за подписью Елены Дариани. Я напоминаю ей в подстрочном переводе строки, убеждав-шие ее непременно побывать в Тбилиси:

Приезжай ко мне, я думаю Мы будем сестрами. ...

Об этом стихотворении, оказывается, Анна Андреев-на знала от Паоло Яшвили». ... «Однажды Борис Пас-тернак привел Тициана и Паоло ко мне на фонтанку 34, где я тогда жила. По моей просьбе Тициан прочел много стихотво-рений по-грузински; мне хотелось поглубже вникнуть в му-зыку грузинского стиха, постичь его звучание...»

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова. Встреча и беседа с поэтессой, – подумалось мне тогда, – оставили глубокий след и в душе Тициана. Недаром в письме к Валериану Гаприндашвили из Ленинграда он писал: «Необычайной была встреча с Анной Ахматовой», а по приезде много и восхищенно рассказывал о ней. Вспоминая Тициана, Анна Андреевна говорила: «Мы все, ленинградские поэты, его очень любили. Это был необычайно теплый, искренний человек, всей душой преданный поэзии, живший в искусстве; к тому же он обладал редким умением держать себя в обществе» (Балуашвили В. У Анны Ахматовой. Интервью// Литературная Грузия. 1965.1. С. 95).

Стихотворение за подписью Елены Дариани, о котором вспоминает критик, – литературная мистификация самого Паоло Яшвили, написавшего цикл «Из дневников Елены Дариани» в 1922 году, после смерти Блока и Гумилева. Имя Гумилева в стихотворении не названо, но для Ахматовой было очевидно, что в обращенном к ней послании Яшвили скорбит вместе с ней:

Что делать нам и как нам выстоять со смертью Блока,
Ночами я одна неистово мечусь у окон.

Явись в мое многобалконье

Нам жить, как сестрам.

Ведь Петербург в бреду агонии

Вокруг простерся.

О, благодать и жар Тифлиса

Тебя утешат.

Дадут слезами нам излиться в проулках здешних. Иль ты к туманам, как изваянная, навек прильнула? А родина моя Испанией слывет в июле! Мой жребий жалок, день не ярк, сон – непробуден

Но припасла тебе в подарок я звонкий бубен. Чтоб горевать ты перестала среди наших марев, Прильни холодными устами к перстам Тамары.

(«Письмо Анне Ахматовой» Аляшвили П. Стихи. Тбилиси: «Мерание», 1968. С. 101)

По-видимому, строка «Но припасла тебе в подарок я звонкий бубен» являет реминисценцию из стихотворения Ахматовой «Я пришла тебя сменить, сестра...»

(1912), одну из строф которого она называла лучшей в первом периоде творчества: и давно удары бубна не слышны, А я знаю, ты боишься тишины.

ОТ АВТОРА

Впервые – журн. «Юность». 1965. № 7. С. 57. Для публикации в журнале Ахматова подобрала стихи: «Мужество», «Клятва», «Первый дальноточный в Ленинграде», «А вы, мои друзья последнего призыва!..», «Родная земля», «Когда погребают эпоху...», «Лондонцам», «Сказал, что у меня соперниц нет...», «Пушкин», «Я пришла к поэту в гости...», «Есть в близости людей заветная черта...», «Летний сонет» («Приморский сонет»), «Мне ни к чему одические рати...», «Тот город мной любимый с детства...», «Эпиграмма», «Читатель» (из цикла «Тайны ремесла»).

ДИАЛОГИ С АННОЙ АХМАТОВОЙ МИР ПОЭЗИИ

Впервые – «Вечерняя Москва». 1962. 2 марта. С. 3.

269 Авдеев Александр – журналист, корреспондент АПН.

По-моему, сейчас в нашей поэзии очень большой подъем. – Ахматова внимательно следила за развитием литературы и видела в поэзии середины 1950–60-х гг. как бы возвращение к эпохе Серебряного века. Она писала: «...я уверена, что еще и сейчас мы не до конца знаем, каким волшебным хором поэтов мы обладаем, что русский язык молод и гибок, что мы еще совсем недавно пишем стихи, что мы их любим и верим им» (Анна Ахматова. После всего. С. 275).

270... о сестре жены Пушкина... – Имеется в виду глава из незавершенной книги «Гибель Пушкина» – «Александрита».

Козинцев Григорий Михайлович (1905–1973) – кинорежиссер, создатель трилогии: «Юность Максима» (1935), «Возвращение Максима» (1937), «Выборгская сторона» (1939). Экранизировал трагедию Шекспира «Гамлет» (1964), вел переговоры с Ахматовой о новом переводе, который был бы выполнен специально для кино. Однако Ахматова не дала согласия, главным образом из-за того, что новейший перевод «Гамлета» принадлежал Б. Пастернаку.

271 Баталов Алексей – См. Т. 3. С. 733.

РАЗГОВОРЫ С АННОЙ АХМАТОВОЙ

Впервые – журн. «Русская литература». 1989. № 3. С. 67–95. Предисловие, публикация и комментарии А.Г. Терехова. Перепечатывается с разрешения публикатора, за что выражаем Андрею Германовичу Терехову глубокую благодарность. Сохраняем подготовленные им комментарии в полном объеме. Для настоящего издания текст заново сверен А. Тереховым.

Доцент Политехнического института М.В. Латманов (1905–1980) многие годы занимался изучением творчества А. Ахматовой и Н. Гумилева. Им собрана уникальная коллекция, включающая почти все изданные книги и сборники стихов Ахматовой и Гумилева, многочисленные журналы и газеты с их прижизненными публикациями, антологии, альманахи и пр. Имя М.В. Латманова авторитетно в

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова в кругах библиофилов-коллекционеров. К его собранию обращалась редакция «Библиотеки поэта» при издании Гумилева.

Знакомство Латманизова с АА. Ахматовой состоялось в 1963 г. Их встрече предшествовали несколько писем Латманизова Ахматовой (хранятся в ГПБ. Ф. 1073) и ответное письмо:

Многоуважаемый Михаил Владимирович, конечно, мое согласие на встречу с Вами остается в полной силе. От всего сердца сочувствую Вам, оттого что сама три раза перенесла инфаркт, и еще в прошлом году пролежала в Гаваньской больнице после приступа три месяца. Отвечаю Вам не сразу, потому что Ваше письмо догнало меня в Москве, где я живу уже два месяца. Желаю Вам как можно скорее вернуться домой.

Анна Ахматова
И ноября 1962 Москва

Визит Латманизова к Ахматовой по разным причинам долгое время откладывался, но уже после первой встречи с Михаилом Владимировичем Анна Андреевна стала относиться к нему доверительно и, по словам О.И. Рыбаковой, называла его своим «библиографом». В 1989 г. коллекция М.В. Латманизова передана его дочерью Т.М. Латманизовой отдельным фондом (387 единиц хранения) в музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

Среди книг, переданных в музей, одна – Бальмонт К.Д. Будем как Солнце: Книга Символов (М.: Скорпион, 1903) – с автографом Н.С. Гумилева. На обложке рукой Гумилева написаны посвящение и два «мадригала»:

«Уважаемой Марианне Дмитриевне Поляковой от искренно преданного друга, соперника Бальмонта, Н. Гумилева.

1 Гордый Бальмонт для Солнца пропел свои песни, Гармоничнее шелеста ранней травы, Но безумный не знал, что Вы ярче, прелестней... Дева Солнца, воспетая мной, – это Вы.

2 Гордый Бальмонт сладкозвучный созидал на диво миру Из стихов своих блестящих разноцветные ковры. Он вплетал в них радость солнца, блеск планетного эфира, И любовь, и поцелуй – эти знойные миры, Ранней юности мечтанья, блеск полуночных желаний, Все богатства, все восторги нашей радостной земли. Он их создал и отдал эти пламенные ткани, чтобы Вы ступать могли». «Разговоры с Ахматовой» публикуются по рукописям М.В. Латманизова с незначительными сокращениями.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 23 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

274 Когда вы начали заниматься переводами? – Письма Рубенса см.: Рубенс П.-П. Письма/Пер. А. Ахматовой; ред. и предисл. А. Эфроса. М.; Л.: Academia, 1933. Ранее Ахматовой были переведены: 1910 г. – стихотворение австрийского поэта Р.М. Рильке «Одиночество»; 1920 г. – эпитафия португальского поэта Антеру ди Кента-ла «Заре». Кроме того, весной 1926 г. Ахматова переводила Сезанна и Луи-Давида для Н.Н. Лунина (см.: Луканицкая В. Перед тобой земля. Л., 1988. С. 324).

275. ...пьесу, которую сожгла... – В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) упоминается «Драма Энума элиш», в трех частях: 1) На лестнице, 2) Пролог, 3) Под лестницей. (Сожжена 11 июня 1944 в Фонтанном Доме, написана в Ташкенте 1943–1944). «Энума элиш» (в переводе с аккадского «Когда сверху...») – древневавилонская (ок. XIV века до н.э.) эпическая поэма о сотворении мира, которую в 20-е годы переводил, вероятно, на русский язык второй муж Ахматовой В.К. Шилейко (1891–1930). В 60-е годы Ахматова пыталась по памяти восстановить текст «сожженной драмы». В черновой редакции 60-х годов по материалам ГПБ «Пролог, или Сон во сне» опубликован М.М. Кралиным в журнале «Искусство Ленинграда» (1989. № 1).

«Шиповник в цвету»... – Имеется в виду цикл «Шиповник цветет. Из сожженной тетради».

276 Первые стихотворения были напечатаны в «Аполлоне» за 1911 год и в «Гиперборее». – Аполлон. 1911. № 4. С. 20–22; Гиперборей. 1912. № 1. С. 5–6. Была ли статья «о "Золотом Петушке"» ... первым исследованием Пушкина? – Первая печатная работа Ахматовой о Пушкине – «Последняя сказка Пушкина» (Звезда. 1933. № 1. С. 161–176).

277 Три работы... – «"Адольф" Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина» (в кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. С. 91–114); «"Каменный гость" Пушкина» (в кн.: Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 185–195); «Слово о Пушкине» (Звезда. 1962. № 2. С. 171–172).

277. ...мы увидим... книгу «Дуэль и смерть Пушкина»? – Книгу «Дуэль и смерть Пушкина» Ахматова не завершила. Статьи «Гибель Пушкина» (ВА. 1973. № 3. С. 191–236) и «Александрина» (Звезда. 1973. № 2. С. 207–215) при жизни Ахматовой не публиковались.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова... пишу работу о Пушкине другую... – Статья «Пушкин и Невское взморье» была завершена, но опубликована посмертно (Литературная газета. 1969. 4 июня. С. 7). ...это было «Песня последней встречи». – Ср. в дневниках П.Н. Лукницкого 29.03.1925 г. запись: «...когда АА (Ахматова. – А.Т.) была в первый раз у Вяч. Ива-нова на "башне" и ее попросили прочесть стихи, она обрати-лась с вопросом – какое прочесть – к Николаю Степано-вичу (Гумилеву. – А.Т.)... Николай Степанович указал на это («Пришли и сказали: "Умер твой брат"». – А.Т.) сти-хотворение» (Лукницкая В. С. 333).

279 ...Это все появилось... в четырнадцатом году... – Очевидно, ошибка Латманизова: кабаре «Бродячая собака» (Михайловская пл., 5) было закрыто полицией в марте 1915 г. В марте 1916 г. в подвале дома, построенного братьями Адамини на углу Марсова поля и р. Мойки, при-надлежавшего тогда Д.Л. Рубинштейну, открылось кабаре «Общество интимного театра» (см.: Аполлон. 1916. № 8), которое 25 октября 1916 г. было повторно открыто под на-званием «Привал комедиантов» (см.: Биржевые ведомос-ти. 1916.27 октября (9 ноября), № 15887. С. 6).

280 Нет, эта писательница ко мне не имеет ника-кого отношения. – Писательница Е.Н. Ахматова (1820–1904) – предположительно четвероюродная тетка А.А. Ах-матовой.

280 ...княжна Анна Егоровна Ахматова, вышла замуж за Мотовилова... – Очевидно, ошибка Латмани-зова: замуж за Егора Николаевича Мотовилова (1781–1837; прадед Ахматовой) вышла Парасковья Федосеевна Ахма-това (ее девичью фамилию и взяла А.А. Горенко для своего литературного псевдонима). Бабушка А.А. Ахматовой – Анна Егоровна (1817–ок. 1863), урожденная Мотовилова, в замужестве Стогова (см.: Черных В.А. коммента-рии//Анна Ахматова. Соч.: В 2 т. МЛ, 1987. Т. 1. С. 430).
Который написал статью... – Н.В. Недоброво (1882–1919) – поэт, критик, драматург, друг и вдохнови-тель многих стихов Ахматовой. Здесь имеется в виду его статья «Анна Ахматова» (Русская мысль. 1915. кн. 7. С. 50–68. 2-я пат.).
ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 30 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

282 «Яиграю в них во всех пяти...» – Строка из стихотворения Б.Л. Пастернака «Гамлет».

288 ...сборник 1946 года, который был... унич-тожен. – В 1946 г. было напечатано, а затем уничтожено два сборника Ахматовой: 1) Избранные стихи/Отв. ред. А.А. Сурков. М.: Правда, 100 000 экз. Б-ка «Огонек». (Этот сборник Ахматова подарила Латманизову 21 ноября 1964 г.); 2) Стихотворения/Под ред. В.Н. Орлова. Л.: ОГИЗ, 10 000 экз.

289. . .первым выступлением в печати было в жур -нале «Сириус»... – «Siirius-Сириус» – двухнедельный журнал искусства и литературы. Издавался в январе 1907 г. в Париже на средства Н. Гумилева, М. Фармаковского и А. Божерянова. Всего вышло три номера. Во втором номере опубликовано стихотворение Ахматовой «На руке его мно-го блестящих колец...». Подпись: «Анна Г.».

290 ...меня интересует история сборника «Белая Стая»... – Белая стая: Избранные стихотворения Анны Ахматовой. Тифлис: Кавказский посредник, 1919. 34 с.

291. .. оно было напечатано... под Одессой. – Анна Ахматова. Четки: Стихи. [Одесса] Б. г. 124 с.

293 «Металлургист Новокузнецка». – Прав.: га-зета «Металлургстрой». Новокузнецк. Установлено Н.В. Королевой (Сост.).

294 ...пишет о «Тучке»... – Гумилев и Ахматова снимали комнату по адресу: Тучков пер., 17, кв. 29.

. . .большевики разрешили Ахматовой печатать эро-тические стихи. – Русский перевод статьи А.М. Уильямса «Русские переиздают стихи, запрещенные в 20-е годы как эротические» (Нью-Йорк геральд трибюн. 1961. 24 нояб-ря) Ахматова передала Латманизову. Статья – вырази-тельный документ эпохи – стоит того, чтобы привести некото-рые выдержки из нее как пример возмущавшего Ахматову отношения к ней на Западе: «Москва, 23 ноября. – Госли-тиздат переиздал стихи, которые в течение 40 лет были зап-рещены советскими властями как эротические и декадент-ские. Речь идет о стихах Анны Ахматовой, которая до рево-люции 1917 года была знаменитой поэтессой. Сейчас ей 72 года, она живет в Ленинграде, где в течение долгих лет она добывала средства к существованию переводами и исследо-вательской работой в области литературы. Ее стихи получи-ли известность среди читателей, говорящих по-английски, в переводах Фрэнсис Корнфорд... Ахматова не связала себя открыто с противниками революции и отказалась эмигриоо-вать. Занимаясь скромными историко-литературными изыс-каниями и переводами стихов с сербского, корейского и дру-гих языков, она достигла взаимопонимания с властями. Бу-дучи в Ленинграде, я получил разрешение посетить Ахма-тову. Ее маленькую старомодную квартиру, в которой она живет вместе со своей молодой племянницей и двумя боль-шими котами, я отыскал в грязном переулке. Вместе с одним русским знакомым я зашел в ее

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова

комнату. Очень просто обставленная каморка размером была не больше просторной ванной комнаты. Хозяйка сказала, что почти вся ее мебель пошла на дрова во время блокады Ленинграда в 1941–1943... Поверх черного платья она накинула фиолетовую шаль, что придавало ей сходство с Эдит Ситуэлл. Как мне показалось, Ахматова держалась очень настороженно... У меня сложилось впечатление, что она, быть может, о многом говорила бы более свободно, если бы ее не стесняло присутствие ее соотечественника. "Сейчас у меня нет разногласий с Союзом писателей", – заявила она... Считает ли она, что русские сегодня счастливее, чем до революции? Вот все, что она захотела сказать по этому поводу: "По-моему, люди стали глубже и мудрее и научились больше понимать друг друга".

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 27 ИЮНЯ 1963 ГОДА

295 ...она записывала в эту тетрадь свои воспоминания. – Записная книжка Ахматовой (макет тома «1001 ночи») хранится в ЦГАЛИ (ф. 13. Ед. хр. 110).

297. ...журнал «Гиперборей»; с августа или сентября 1911 года он начал выходить... – Первый номер «Гиперборей» вышел в октябре 1912 г. Всего вышло десять номеров.

297 ...манифест акмеиста... – Гу милев Н.С. Наследие символизма и акмеизм/Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45.

298 Вводную статью писал Македонов, комментарий Хазин. – Мандельштам О.Э. Стихотворения/Вступ. ст. А.Л. Дымшица; коммент. Н.И. Харджиева. Л., 1974. Б-ка поэта. Большая сер. Работа над изданием этой книги началась еще в 1962 г. Возможно, главный редактор «Библиотеки поэта» В.Н. Орлов консультировался у Ахматовой по каким-либо вопросам издания, но в редколлегию «Библиотеки поэта» она никогда не входила. Ахматова была членом комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама (председатель И. Эренбург). А.В. Македоновым действительно была написана вступительная статья, на которую дали положительные отзывы В.М. Жирмунский, А.А. Ахматова и Н.Я. Мандельштам. Македонов отказался от купюр, которых требовала редакция, и его статья была заменена статьей Л.Я. Гинзбург, также отвергнутой цензурой. Издание вышло с комментариями Н.И. Харджиева, но исключено и предполагаемое в 1962–1963 гг. участие Е.Я. Хазиной, брата Н.Я. Мандельштам. Эти сведения любезно предоставили мне Э.Г. Герштейн и А.В. Македонов. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить их.

300 ...корреспонденции Н.С. Гумилева... – «Записки кавалериста» печатались в «Биржевых ведомостях» с февраля 1915 по январь 1916 г. ...пока он был в лейб-гвардии уланском полку. – 28 марта 1916 г. Н.С. Гумилев был произведен в прапорщики с переводом в 5-й гусарский Александрийский полк.

301 Этот сборник был напечатан также в Ревеле. – Стихи об Африке, вошедшие в книгу «Шатер», Гумилев начал писать в конце 1918 г. В ревельском издательстве «Библиофил» «Шатер» печатался по рукописи, переданной Гумилевым издательству в июне 1921 г. В Севастополе (издательство не указано) «Шатер» вышел с большими, по сравнению с ревельским изданием, сокращениями – напечатано 12 (в ревельском издании – 16) стихотворений с несколькими выпущенными строками – и посвящением: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова», отсутствующим в ревельском издании.

ВСТРЕЧА С АХМАТОВОЙ 26 ИЮНЯ 1964 ГОДА

305 Страница из газеты «L'Unita»... – L'Unita. 1964. 24 мая. Толстый журнал... на итальянском языке... – L'Europa letteraria. L'Europa artistica. L'Europa cinematografica. 1964. № 27. P. 5–13.

309 ...склонны отпустить со мной москвичку, Нину. – Однако в поездке в Италию Ахматову сопровождала И.Н. Лунина.

310 ...ко мне пришел один очень высокопоставленный человек. – Дополнительные сведения в воспоминаниях И.Н. Луниной «О Валерии Срезневской»: «В 1962 году Анна Андреевна прочитала книгу О.К. Маковского «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962)... особенно возмутило ее то, что было написано о Н.С. Гумилеве и об их отношениях. В то время, исподволь нащупывая благоприятную почву, она хотела добиться реабилитации Гумилева. Она вызвала к себе П.Н. Лукницкого... По просьбе Анны Андреевны Лукницкий через прокурора Малярова познакомился в архиве с делом Гумилева, и казалось, что можно ходатайствовать о снятии запрета с его имени... В этих хлопотах большую поддержку Анне Андреевне постоянно оказывал Валентин Петрович Гольцев (курсив мой. – А.Т.), – тогда один из редакторов «Известий». Но появившиеся западные публикации снова бросили тень на имя Николая Степановича...» (Звезда. 1989. № 6). ...списки якобы заговорческой группы... – Ср.: Терехов Г.А. Возвращаясь к делу Н.С. Гумилева// Новый мир. 1987. № 12. С. 257–258.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 2 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

315 ...вам двухтомник 22–23 годов. – Речь идет о двухтомнике, издававшемся в кооперативном издательстве А.И. Гессена «Петроград» под ред. П.Н. Лукницкого.

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова. До-говор с Ахматовой на издание этого двухтомника Гессен заключил в июне 1924 г. Первый том должен был появиться в свет в 1925 г., второй – в 1927-м. Предполагаемый тираж каждого тома – 4000 экз. Второй том должен был печататься с обложкой Е. Белухи и медальоном Е. Данько. 18 мая 1927 г. Ахматова сообщала в письме к Н.Н. Пунину в Японию: «Сегодня звонил Арнольд Ильич (Гессен. – А.Т.) о книгах. Там опять что-то налаживается и что-то раз-лаживается. Предпочитаю не вникать» (ЦГАЛИ. Ф. 2633. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 9). Издан двухтомник не был. Гранки 1-й и верстки 2-й корректур этого издания хранились в Мос-кве у П.Н. Лукницкого (подарены ему Ахматовой 2 августа 1927 г.; в 1989-м переданы В.К. Лукницкой в музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме) и у А.И. Гессена. Очевидно, у последнего и просил Ахматову Латманисов выменять для него корректуру двухтомника.

ВСТРЕЧА С А.А. АХМАТОВОЙ 14 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

321 ...редактор «Юности»... предложил мне напечатать... триста строк моих стихотворений. – Юность. 1965. № 7. С. 57–59. (Напечатано 17 стихотворений – 250 строк).

324 Ведь в 1925 году было первое постановление... Такое же, как в 1946 году. – Подробнее об этом Ахматова пишет в черновике (ГПБ), озаглавленном «К пятидесятилетию литературной деятельности. Лекция "Ахматова и борьба с ней"». «ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»

Впервые – «Литературная газета». 23 ноября 1965.

330 Крепков Дмитрий Терентьевич (р. 1919), редактор Лениздата. С 1961 г. несколько раз встречался с Ахматовой по поводу издания сборника ее стихов, подготовка которого так и не была осуществлена самой Ахматовой. После 1 сентября 1965 г., когда уже был отпечатан тираж книги «Бег времени», Ахматова писала: «Тираж "Бега времени" поступает в магазины после двадцатого сентября. Ровно через полвека после "Белой стаи" (сентябрь 1915 г.). Камня на камне не осталось от моей тогдашней жизни, и всего страшнее, что все люди – другие. А те... А стихи снова прочней всего. (Слушаю Шумана – играет до диэз – Шопена.) Хренков просит к 21-му отобрать стихи в сборник, в Лениздате. Как мне не хочется с ними возиться, как хочется от них отдохнуть, даже забыть. Это значит опять думать – "нельзя" – "можно", "лучше это", "или то". Какие это опустошающие мысли, как вредно быть собственным критиком, цензором, палачом...» («Записные книжки». С. 669).

330 Тираж этой книги – один экземпляр. И «отпечатана» она не на бумаге, а на березовой коре. – Книжка из березовой коры, прошитая веревкой, была изготовлена безымянным узником в 1937 г. Л.К. Чуковская пишет: «На коре выцарапаны ее стихи: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник». Светлое это чудо привез ей кто-то из лагеря... Чудо Анна Андреевна положила мне в раскрытые ладони, а я не то что перелистывать, я дохнуть не смела – но она и не дала, вынула мгновенно у меня из рук... – Отдам в Пушкинский Дом, – заявила она» (Чуковская, 3. С. 302). Фотография берестяной книжки была опубликована в Уфе, в газете «Ленинец» 14 августа 1965 г., т.е. в годовщину «постановления 1946 года» о журналах «Звезда» и «Ленинград».

...я захотела написать о Пушкине и Невском взморье. – Глава книги о Пушкине. Завершена Ахматовой в конце 1962–начале 1963 гг., сохранилась в нескольких авторских списках. Впервые напечатана после смерти Ахматовой (альманах «Прометей». М., 1974. № 10. С. 226–234).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

История «Воспоминаний В.С. Срезневской» – чрезвычайно интересная и текстологически не вполне исследованная проблема. Факт их возникновения по инициативе самой Ахматовой известен и описан И.Н. Пуниной, которой В.С. Срезневская подарила рукопись отвергнутых Ахматовой воспоминаний с надписью: «Ире, для ее неподкупного суждения» (Пунина И. Воспоминания. С. 27). С середины 1950-х гг. за рубежом появилось множество мемуаров как профессиональных литераторов (С.К. Маковского, Н. Оцуца, И. Одоевцевой), так и впервые взявших перо в руки: соседей по Слепневу (семейному владению А.И. Гумилевой), жены брата Н.С. Гумилева, Анны Андреевны Гумилевой (урожд. Фрейганг) и многих других. С точки зрения Ахматовой, в них были искажены факты биографии ее и Н.С. Гумилева и связанных с их жизнью обстоятельств литературно-художественного быта. Их опровержению посвящены многие страницы ее рабочих тетрадей. В ответ на «псевдомемуарии», как Ахматова назвала все эти воспоминания в целом (особенно ее раздражали беллетризованная автобиографическая проза Г. Иванова «Петербургские зимы»), она написала свои «антимемуарии». Однако Ахматова хотела, чтобы сохранились достоверные мемуары и «стороннего лица», увидев их возможного автора в ближайшей подруге всей своей жизни, с раннего детства и до конца дней, царскоселкой В.С. Срезневской, свидетельницы ее знакомства с гимназистом Н. Гумилевым, его мучительной влюбленности, их

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова сложных отно-шений, неудачного брака, рождения сына Льва и т.д.

В стихотворении, обращенном к В.С. Срезневской, Ахматова писала:

Почти не может быть, ведь ты была всегда: В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице, в тюремной камере и там, где злые птицы, И травы пышные, и страшная вода. О, как менялось все, но ты была всегда, И мнится, что души отъяли половину. Ту, что была с тобой, – в ней знала я причину Чего-то главного. И все забыла вдруг...

Но звонкий голос твой зовет меня оттуда

И просит не грустить и смерти ждать, как чуда,

Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964 Комарооо

Стихи эти, как и записи в рабочих тетрадях, обращенные к Срезневской и ее предполагаемым мемуарам, а также беззлобная реакция на их неудачность, отражают и степень близости и желание помочь их автору «вспомнить» и запечатлеть ту правду, которая во многом была для них общей. Стихотворению «Памяти В.С. Срезневской» Ахматова предпослала эпиграф из своего же другого стихотворения: «А юность была как молитва воскресная...»

И. Лунина пишет, что Ахматова «убедила написать воспоминания Веру Алексеевну Знаменскую, но, позна-комившись с ними, не нашла в них того, что ожидала. Вера Алексеевна вспоминала больше Н.В. Недоброво и его жену Любовь Александровну. С Анной Андреевной Вера Алек-сеевна познакомилась в 1913–1914 гг. и мало что могла вспомнить о более ранних годах, которые особенно инте-ресовали Анну Андреевну. А.А. сердилась и даже ссори-лась с Верой Алексеевной, но затем мудро вспомнила, что о самом начальном периоде отношений ее с Гумилевым по-мнит Валя. Акума просила меня поехать за Вaley и при-везти ее к нам домой. Встретившись, они стали дружно вспоминать. Акума напоминала отдельные факты, стихи Николая Степановича. Валерия Сергеевна вспоминала по-своему. Разговор был очень интересный, но писать Вале-рии Сергеевне было трудно. Она и раньше не была к этому склонна, а в то время она часто хворала. Акума торопила, объясняла... как это важно для Валерии Сергеевны, гово-рила, что рукопись купит Пушкинский Дом. Наконец,

Валерия Сергеевна написала, но ее записки не понрави-лись Акуме. Она говорила, что все это не то, хотя многое было написано со слов самой Анны Андреевны. Кое-что они вместе поправили, и Валерия Сергеевна еще раз пере-писала все своей рукой, как настаивала на этом Акума» (П у н и н а И. Воспоминания. С. 27). О том, как работала Ахматова с текстом, оставлен-ным Срезневской, писал и рассказывал В.Я. Виленкин, вспоминая, насколько была заботлива к подруге Анна Ан-дреевна, горестно сокрушавшаяся, что та «все путает»: «Дополняя мемуары закадычной подруги, она пишет о сво-ем отрочестве так: "В Царском Селе она делала все, что полагалось в то время благовоспитанной барышне. Умела сложить по форме руки, сделать реверанс, учтиво и корот-ко ответить по-французски на вопрос старой дамы, говела на Страстной в гимназической церкви"». Правда, тут же описывается необычная для барышни обстановка «Аниной комнаты»: «Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. Свеча в медном подсвечнике (электри-чества не было). В углу – икона. Никакой попытки скра-сить суровость обстановки – безделушек, вышивок, открыток...» (Виленкин В. В сто первом зерка-ле. М., 1990. С. 208). Этот приведенный Виленкиным от-рывок «о Анне», «дикой девочке», где повествование ве-дется не от авторского «я», о себе, но о третьем лице, и другие отрывки ... первопубликаторы обычно помеща-ют, и не без оснований, в ряду текстов Ахматовой, без ого-ворок. Однако будет более корректным помещать их в раз-деле «Коллективное», поскольку изначально доля участия Срезневской в их создании бесспорна.

Следует с большим вниманием отнестись и к другим фрагментам, безоговорочно приписываемым Срезневской.

Их стилистический анализ свидетельствует о безусловной причастности к работе над ними Ахматовой.

Еще более интересны с точки зрения очевидности кол-лективного труда – фрагменты 4–5. В этих отрывках повествование «воспоминателя», т.е. третьего лица, плав-но переходит в прямую речь, как бы «уставшей» от совме-стной работы Ахматовой.

О значительном участии в работе над воспоминания-ми В.С. Срезневской самой Ахматовой свидетельствует и характерный ее манере переход от плавного, последователь-ного повествования к форме фрагмента.

Текст целостного повествования В.С. Срезневской, рассказывающей о знакомстве и дружбе двух девочек и их дальнейшей судьбе, о встрече юной Ани Горенко с Ни-колаем Гумилевым («Дафнис и Хлоя») свидетельствует о редактуре, которой текст был подвергнут. О том, как ве-лась работа, рассказывают Л.Д. Большинцова-Стенич, А.Г. Найман и др. Можно полагать, что и само заглавие принадлежит Ахматовой, как память о раннем стихотво-рении Н. Гумилева:

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматова
Я печален от книги, томлюсь от луны, Может быть, мне совсем и не надо героя...
Вот идут по аллее, так странно нежны, Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

(«Современность», 1911)

В копиях текста (собрание Д.Л. Файнберга), перепечатывавшихся А.Д. Большинцовой-Стенич под наблюдением Ахматовой (правка вносилась по ее указаниям), заглавие отсутствует. Появилось оно уже в публикации. Однако все известные нам тексты воспоминаний, опубликованные и неопубликованные, в разной мере инвариантны, что свидетельствует о многослойной редакции и, как всегда у Ахматовой, без обращения к правке, внесенной ранее в другие экземпляры. В настоящем разделе тома «Коллективное» печатаются отрывки из воспоминаний В.С. Срезневской, текст которых отредактирован или переписан Ахматовой, как бы ею авторизован.

1

Впервые – Гумилев Н. Неизданное и несобранное. Paris: YMCA-Press. 1986. С. 157-168. Печ. по тексту из собрания Д.А. Файнберга. Список с правкой А.Д. Большинцовой-Стенич по указаниям А. Ахматовой, правкой и пометами на полях, обозначающими степень ее участия в работе.
А. Найман в книге «Рассказы о Анне Ахматовой» (М., 1989. С. 89) приводит один из конкретных примеров ахматовской, известной ему редакции, или «переписывания»: «...характерный рот с резко вырезанной верхней губой – тонкая и гибкая, как ивовый прутик, – с очень белой кожей – она (особенно в воде Царскосельской купальни) прекрасно плавала и ныряла, выучившись этому на Черном море, где они не раз проводили лето (см. «У [Ахматова вставляет: самого] моря», поэма Ахматовой). Она казалась русалкой, случайно заплывшей в темные неподвижные воды Царскосельских прудов (Ахматова приписывает: и до сих пор называет себя последней херсонидкой). Немудрено, что Ник. Степ. Гумилев сразу и на долгие годы влюбился – в эту, ставшую роковой, женщину своей музыки. Ее образ, то жестокой безучастной и далекой царицы, – перед которой он расточает «рубины божества» [Ахматова исправляет: волшебства]. – то зеленой обольстительной и как будто бы близкой колдуньи и ведьмы, – в «Жемчугах», в «Колчане» [Ахматова зачеркивает «Колчан»] и еще много позже – уже как осознанный и потерянный навсегда призрак влюбленной и ушедшей женщины – довлеет над сердцем поэта. Чтобы показать, что это не мои «домыслы и догадки» (как это нередко бывает в биографиях больших поэтов), а живая и настоящая правда, сошлюсь не только на свою многолетнюю дружбу с обоими, но на более убедительный и несомненный след этой любви в стихах Н.С. Гумилева [Далее Ахматова вписывает названия обращенных к ней его стихов, начиная с «Пути Конквистадоров»]. А. Найман приводит текст, по-видимому, не первый раз редактируемый Ахматовой, подчеркивая при этом ее уважение к мемуаристке:

«Когда Срезневская умерла в 1964 году, А.А. сказала: "Валя была последняя, с кем я была на ты. Теперь никого не осталось". Она оставалась свидетельницей самых ранних лет, когда завязывались главные узлы ахматовской судьбы и под некоторым нажимом Ахматовой и с установкой, совместно с нею определенной, начала писать воспоминания. В приведенном отрывке Ахматова оставляет, как есть, "Довлеет" (вместо "тяготеет" – безграмотность, на которую она в других случаях вскидывалась) и "женщину своей музыки". Вписывая "херсонидку" или названия гумилевских стихов, она не изменяет воспоминаний ни как самовыражения мемуаристки, ни как документа, а только ссужает, даже не из общей для них обеих памяти тем, чего той недостает, – прилагает к справке оборвавшийся уголок» (Найман А. Рассказы о Ахматовой. С. 90).

Заметим, однако, разделяя положение, высказанное Найманом (за исключением приписывания В.С. Срезневской, как ни как закончившей полный курс Царскосельской гимназии и работавшей в Петроградской публичной библиотеке, одновременно с М.Л. Лозинским «неграмотности»), также бесспорность того, что приведенная им правка Ахматовой не являлась ее первым обращением к тексту мемуаров подруги. Смерть Ахматовой оставила эту работу по редактированию, дописыванию и переписыванию так же незавершенной, как и автобиографическую прозу.

2

Впервые – Найман А. Рассказы о Ахматовой. С. 15. Сопровождено комментарием публикатора: «В воспоминаниях другой, еще более давней подруги, В.С. Срезневской, редактированных, если отчасти и не продиктованных ей Ахматовой, описывается такой эпизод».

3

Впервые – «Десятые годы». С. 37.
Отрывок связан с И.Ф. Анненским и его стихотворением «Расе». Статуя мира (Кипарисовый ларец. Трилистник в парке):

в шести томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. Анна Андреевна Ахматов
Меж золоченых бань и обелисков славы Есть дева белая, а вокруг густые травы.
Не тешит тирс ее, она не бьет в тимпан, И беломраморный ее не любит Пан.
Одни туманы к ней холодные ласкались, И раны черные от влажных губ остались.
Но дева красотой по-прежнему горда, И трав вокруг нее не косят никогда.
Не знаю почему – богини изваянье Над сердцем сладкое имеет обаянье...
Люблю обиду в ней, ее ужасный нос, И ноги сжатые, и грубый узел кос.
Особенно когда холодный дождик сеет, И нагота ее беспомощно белеет.
О, дайте вечность мне, – и вечность я отдам За равнодушие к обидам и годам.

4

Впервые – «Десятые годы». С. 34. Написано от имени В.С. Срезневской. Однако здесь больше, чем в других фрагментах, ощущается стиль автобиографических заметок Ахматовой, а также переключки с «Русским Трианомом», на-следницами которого предстают они обе.

5

Впервые – «Десятые годы». С. 34–35.

Отрывки 4 и 5 приводятся как свидетельство перехода от установки на повествователя, как мемуаристки Срезневской, к рассказу о времени и о себе самой Ахматовой. Опубликовав уже упоминавшийся фрагмент «В Царском Селе делала все, что полагается в то время благовоспитанной барышне...», комментатор сообщает: «Одним из стимулов к писанию автобиографических заметок была работа Ахматовой над редактированием воспоминаний ее подруги В.С. Срезневской. Поэтому ряд мемуарных набросков написаны по инерции как бы от лица Срезневской, и Ахматова появляется в них в третьем лице» («Десятые годы». С. 14). Однако заметим, что редактирование и переписывание воспоминаний Срезневской не было стимулом, но продолжением работы над автобиографической прозой, начало которой относится к ташкентско-му периоду жизни Ахматовой (1942–1944), а активное обращение датируется концом 1950-х–началом 1960-х гг. Необходимость в воспоминаниях Срезневской возникла уже в ходе работы над автобиографической прозой и на-чавшейся полемики с эмигрантской мемуаристикой.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!